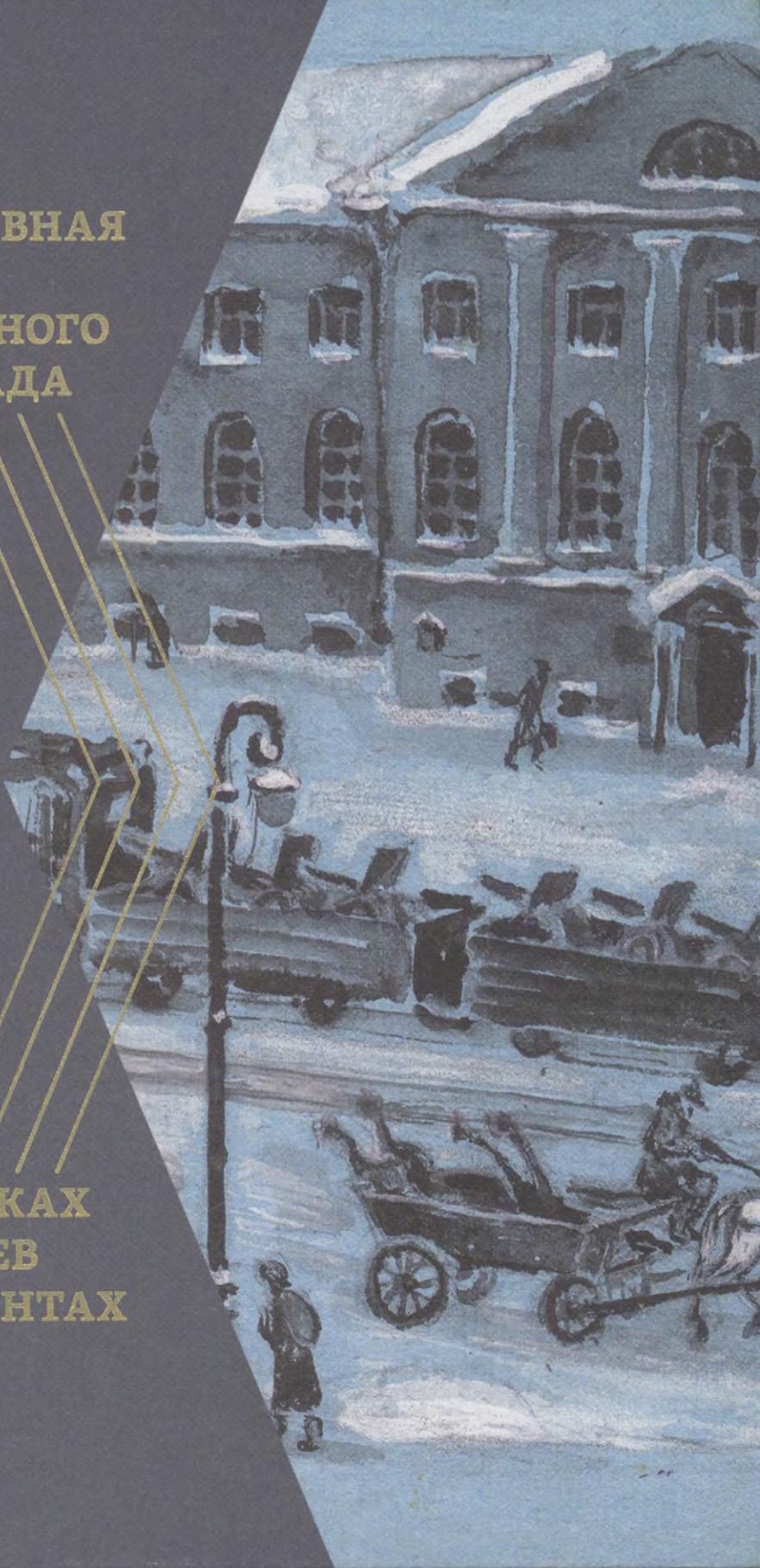

Повседневная
жизнь
осажденного
Ленинграда
в дневниках
очевидцев
и документах

ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ОСАЖДЕННОГО
ЛЕНИНГРАДА

В ДНЕВНИКАХ
ОЧЕВИДЦЕВ
И ДОКУМЕНТАХ

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ ОСАЖДЕННОГО
ЛЕНИНГРАДА
В ДНЕВНИКАХ ОЧЕВИДЦЕВ
И ДОКУМЕНТАХ**

 **КУЧКОВО
ПОЛЕ**

Москва
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
П42

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

**П42 Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев
и документах / вступит. ст., коммент. В. М. Давида. — М.: Издательство «Кучково поле»,
2019. — 672 с.**

ISBN 978-5-907171-12-1

В представленном труде показана повседневная жизнь осажденного Ленинграда, блокада которого продлилась 872 дня. В письмах, дневниках и воспоминаниях ленинградцев воссоздается картина жизни города в условиях блокады: эвакуация, усилия властей и простых ленинградцев в борьбе с голодом и холодом, создание Дороги жизни по льду Ладожского озера зимой 1941–1942 гг., налаживание связи с «большой землей» и героические попытки Красной армии и ополченцев прорыва блокады, завершившиеся мощным наступлением и разгромом немецких войск под Ленинградом в январе 1944 г.

Представленные материалы отражают субъективное мнение их авторов, которые занимали разное социальное положение от рядовых горожан до руководителей заводов и партийных работников. Несмотря на то, что в сознании людей события могут искажаться самым невероятным образом, дневники и письма передают эмоции, чувства, настроения и сам дух эпохи, и только в них можно найти достоверное описание повседневной жизни.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

В оформлении обложки использована работа А. Э. Блэка
«Фронтной трамвай» из серии «Ленинград в дни войны». 1941 г.
(Из собрания ГЦМСИР)

ISBN 978-5-907171-12-1

© Давид В. М. вступит ст., коммент., 2019
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2019

Содержание

«Победоносная ленинградская трагедия»	11
Белов Б. А. Воспоминания и дневник.	
Июнь 1941 — май 1943	20
Бернгардт Н. А. «Хочу и буду членом Ленинградской партийной организации!»	99
Берман А. Г. «На учете каждый грамм хлеба»	108
Буянов А. М. «Все силы отдам борьбе за дело партии...»	118
Владимиров В. С. «Умер еще один брат...»	148
Гришкевич А. П. «Они собирали карточки... и распределяли хлеб среди дистрофиков»	159
Евдокимов А. Ф. «Кто будет жив, тот никогда не забудет эти дни...»	164
Капитонова В. М. «Головой отвечаем за моральное состояние района»	183
Кедров А. Т. «Мы всегда любили свой город»	249
Краков М. М. «Нам придется еще немало перетерпеть»	363
Лившиц З. С. «Никто и не думает сдаваться»	384
Миронова Е. И. Годы тяжелых испытаний	396
Павлушкина А. Г. Записки военного врача	440
Рыбина Н. В. О боевых товарищах. Воспоминания	445
Самарин П. М. Странички блокадного дневника	450
Синицина З. П. «Провели собрание: текущий ремонт и международный обзор». Дневник политорганизатора домохозяйства	477
Соколова Е. А. «Снесем любую голодовку, даже голодную смерть, ради спасения советской власти»	486
Храмов Б. Дневник школьника	513

ДОКУМЕНТЫ	539
Из выступления секретаря горкома партии А. А. Кузнецова на заседании, посвященном награждению работников ленинградской промышленности. 23 февраля 1942 года	539
Из выступления секретаря горкома партии А. А. Кузнецова на заседании, посвященном награждению работников ленинградской промышленности. 25 февраля 1942 года	542
Из протокола заседания Бюро горкома ВКП(б). 16 ноября 1942 года	543
«Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) постановило...»	545
№ 1. О введении в домохозяйствах института политорганизаторов. 22 июля 1941 года	545
№ 2. О запрете вывоза из Ленинграда черных металлов. 22 июля 1941 года	545
№ 3. О завозе дров в августе 1941 года. 6 августа 1941 года	546
№ 4. Об обеспечении эвакуированных детей из Ленинграда бельем, обувью, зимней одеждой, школьными принадлежностями и учебными пособиями. 10 августа 1941 года	546
№ 5. О продаже хлеба из пшеничной муки. 9 сентября 1941 года	547
№ 6. [Об объявлении выговора председателю Кировского райисполкома Исакову С. И.] 9 сентября 1941 года	547
№ 7. Об организации бесперебойной торговли продовольственными товарами во время воздушной тревоги. 9 сентября 1941 года	547
№ 8. О выпуске шоколада и кондитерских изделий ленинградскими предприятиями. 31 октября 1941 года	548
№ 9. О судебно-следственных работах товарищах Максименко, Котельниковой, Комановском, Степановой, Петровой. 17 ноября 1941 года	548
№ 10. О прикреплении населения к магазинам по обслуживанию продовольственными товарами. 27 ноября 1941 года	548
№ 11. О заготовке скота в черте г. Ленинграда. 27 ноября 1941 года	549
№ 12. О введении штатной должности секретаря партбюро в первичных парторганизациях районных трестов общественного питания. 4 декабря 1941 года	549
№ 13. О размещении билетов денежно-вещевой лотереи. 6 декабря 1941 года	550
№ 14. О проведении зимних экзаменов в вузах и втузах. 6 декабря 1941 года	550
№ 15. О мобилизации рабочих на лесозаготовки. 10 декабря 1941 года	550

№ 16. О некоторых недостатках в Кировском райкоме ВКП(б) и Петроградском райсовете депутатов трудящихся. 12 декабря 1941 года	551
№ 17. Об упорядочении работы бань и прачечных в Ленинграде. 27 декабря 1941 года	552
№ 18. О ходе всеобщего обязательного военного обучения в г. Ленинграде. 30 декабря 1941 года	552
№ 19. О наведении элементарного порядка в жилых домах г. Ленинграда. 9 января 1942 года	553
№ 20. О работе почтовой связи. 22 января 1942 года	553
№ 21. О проведении противодифтерийных прививок. 30 января 1942 года	554
№ 22. О санитарно-бытовых комиссиях при домоуправлениях г. Ленинграда. 2 февраля 1942 года	556
№ 23. О работе домов-стационаров и бытовом обслуживании трудящихся. 9 февраля 1942 года	556
№ 24. Об обеспечении электроэнергией бань и прачечных. 10 февраля 1942 года	557
№ 25. О ликвидации аварийности в водопроводной и канализационной сетях города Ленинграда. 15 февраля 1942 года	558
№ 26. О разгрузке продовольствия на складах и хлебозаводах. 15 февраля 1942 года	558
№ 27. О работе хлебозаводов треста хлебопечения. 15 февраля 1942 года	560
№ 28. О невыполнении решения исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города в Октябрьском и Петроградском районах». 16 февраля 1942 года	560
№ 29. Об извращениях в оплате рабочих, инженерно-технических работников и служащих на предприятиях Ленинграда, временно переведенных на консервацию. 16 февраля 1942 года	561
№ 30. О работе Аптекоуправления. 16 февраля 1942 года	563
№ 31. Об организации общественного питания для детей-школьников. 16 февраля 1942 года	563
№ 32. О сохранении ценных научных библиотек, эвакуирующихся из Ленинграда. 18 февраля 1942 года	563
№ 33. О фактах спекуляции и мародерства, проявленных членами ВКП(б). 25 февраля 1942 года	564
№ 34. О работе грузового трамвая. 26 февраля 1942 года	564
№ 35. О профилактических мероприятиях в связи с острыми кишечными заболеваниями в Колпино. 27 февраля 1942 года	565

№ 36. О несвоевременной выплате зарплаты рабочим и служащим на заводе «Северный пресс». 27 февраля 1942 года	566
№ 37. О работе почты и телеграфа Ленинграда. 9 марта 1942 года	566
№ 38. О борьбе с детской безнадзорностью. 9 марта 1942 года	568
№ 39. О мероприятиях по борьбе с эпидемией сыпного тифа. 26 марта 1942 года	569
№ 40. О мобилизации населения в порядке трудовой повинности на работу по очистке дворов, улиц, площадей и набережных г. Ленинграда. 26 марта 1942 года	570
№ 41. О выполнении решений бюро ГК ВКП(б) от 6 января 1942 года и 18 февраля 1942 года. 26 марта 1942 года	570
№ 42. О подготовке кадров квалифицированных рабочих массовых профессий для восстановительных и ремонтных работ. 26 марта 1942 года ...	571
№ 43. Об обеспечении топливом флота СЗУРП в начальный период навигации 1942 года. 3 апреля 1942 года	572
№ 44. О перевозке торфа для электростанций. 3 апреля 1942 года	572
№ 45. Об организации лова рыбы трестом «Главресторан» в Мгинском и Всеволожском районах Ленинградской области. 3 апреля 1942 года	573
№ 46. О мероприятиях по подготовке счетных кадров для предприятий и учреждений г. Ленинграда. 3 апреля 1942 года	573
№ 47. О проведении Всесоюзной переписи социалистической промышленности на 1 января 1942 года по Ленинграду, Колпино и Кронштадту. 3 апреля 1942 года	574
№ 48. Об обеспечении торфом электростанций. 3 апреля 1942 года	575
№ 49. О работе предприятий общественного питания. 3 апреля 1942 года ...	575
№ 50. О расширении выпуска товаров широкого потребления местной промышленностью и улучшении бытового обслуживания населения. 10 апреля 1942 года	579
№ 51. О пуске пассажирского трамвая. 10 апреля 1942 года	582
№ 52. О работе партийных комитетов заводов имени Сталина и имени С. Орджоникидзе. 10 апреля 1942 года	583
№ 53. О ходе подготовки и реализации Государственного военного займа 1942 года в Красногвардейском и Октябрьском районах. 10 апреля 1942 года	586
№ 54. Об итогах работы в I квартале и плане развития городского хозяйства во II квартале 1942 года. 19 апреля 1942 года	587
№ 55. О бюджете Ленинграда на II квартал 1942 года. 19 апреля 1942 года	590
№ 56. О возобновлении работы школ. 19 апреля 1942 года	591

№ 57. Спецсообщение товарища Грушко о случаях хищения продуктов в торговой сети города. 19 апреля 1942 года.	593
№ 58. О проведении регистрации продовольственных карточек в апреле 1942 года. 19 апреля 1942 года.	593
№ 59. Об обеспечении населения города Ленинграда витамином С. 19 апреля 1942 года.	594
№ 60. О работе и подготовке холодильников к эксплуатации в весенне-летний период. 19 апреля 1942 года.	595
№ 61. Об обеспечении трудящихся Ленинграда в весенне-летний период безалкогольными напитками. 19 апреля 1942 года.	596
Докладная записка о состоянии трудовой дисциплины и революционной бдительности на предприятиях Ленинграда. 15 февраля 1942 года	597
Протоколы заседаний Продовольственной комиссии ВС Ленинградского фронта	599
Протокол № 1 заседания продовольственной комиссии 15 января 1942 года	599
Протокол № 2 заседание продовольственной комиссии 27 января 1942 года	602
Протокол № <...> заседания продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта <...> декабря 1942 года	604
О снабжении эвакуированных из Ленинграда. Фрагменты служебной переписки	609
«Прошу разрешить...» Обращения организаций и учреждений о снабжении продовольствием	614
№ 1. О предоставлении дополнительной продуктовой карточки нижеследующим группам медицинских работников. 1 декабря 1941 года	614
№ 2. О получении карточек по норме рабочих медицинскими работниками. 13 декабря 1941 года	615
№ 3. Об организации котлового довольствия для контингентов восстановительных поездов. 18 декабря 1941 года	616
№ 4. О прикреплении к магазину членов Военного трибунала и секретарей судебных заседаний и членов их семей. 20 декабря 1941 года	617
№ 5. Об отнесении филиала завода № 357 к разряду заводов оборонного значения. 22 декабря 1941 года	618

№ 6. Об открытии на территории завода «Русский дизель» магазина 23 декабря 1941 года	618
№ 7. Об открытии на территории фабрики «Красный маяк» магазина 23 декабря 1941 года	619
№ 8. Об открытии на территории фабрики «Октябрьская» магазина 23 декабря 1941 года	620
№ 9. О предоставлении руководству Ленинградской железной дороги права для наиболее больных и слабо чувствующих себя руководящих работников в числе 25–30 человек организовать дополнительные обеды. 24 декабря 1941 года	621
№ 10. О поддержке актива Ленинградского отделения Союза советских писателей. 24 декабря 1941 года	622
№ 11. Об открытии на территории завода имени Карла Маркса магазина. 23 декабря 1941 года	623
№ 12. О предоставлении рабочим, ИТР и служащим Судобетноверфи № 1 льгот по питанию в столовой, предоставляемых предприятиям, выполняющим оборонные работы.	624
№ 13. О резком ухудшении положения с рабочей и технической силой в системе водопроводно-канализационного хозяйства города. 12 января 1942 года	625
№ 14. О просьбе завода Свердлова об оказании содействия в снабжении питанием 100 человек. Январь 1942 года	627
№ 15. О помощи остро нуждающимся работникам судебных органов. 14 января 1942 года	628
№ 16. О ничем не оправданной массовой гибели основных кадров Академии наук. Январь 1942 года	629
№ 17. О принятии срочных мер к спасению ученых, находящихся в плачевном состоянии. 14 января 1942 года	632
№ 18. О выделении дополнительных карточек работникам аппарата отдела торговли. [Без даты]	633
№ 19. О необходимых мерах по поддержанию эксплуатационно- технического персонала Ленинградской радиодирекции. 15 января 1942 года ..	634
№ 20. О выдаче рабочих карточек ведущим работникам районных отделений «Союзпечати». 16 января 1942 года	635
№ 21. О немедленной выдаче рабочих продовольственных карточек I категории инженерам завода № 103. 16 января 1942 года	636
№ 22. О выдаче карточек I категории заместителю директора завода № 103 товарищу Смирнову П. И. 16 января 1942 года	637

№ 23. О приравнивании строителей, находящихся на котловом питании, к нормам питания, установленным для команд МПВО. 18 января 1942 года	638
№ 24. Об оказании помощи Ленинградскому институту инженеров железнодорожного транспорта. 18 января 1942 года.	640
№ 25. О выдаче продовольственных карточек по группе рабочих литературным работникам газеты «Смена». 19 января 1942 года	642
№ 26. Об оказании продовольственной помощи работникам завода «Монетный двор». 23 января 1942 года	643
№ 27. Об отпуске обедов без вырезки талонов работникам Ленинградской кабельной сети. 29 января 1942 года	645
№ 28. О предоставлении работникам охраны свиновхоза № 5 свиностреста продовольственных карточек I категории. 1942 год	645
№ 29. О работе санитарно-эпидемиологического отряда Ленинградской городской организации общества Красного Креста. 1942 год	646
№ 30. Об улучшении питания рабочих совхоза, занятых на заготовке дров и торфа. [Без даты]	648

**По страницам Бюллетеня отдела торговли
исполнительного комитета Ленинградского городского
совета депутатов трудящихся 650**

№ 1. Розничные цены на пресованные «Какао без молока» и «Кофе без молока» в плитках. 8 декабря 1941 года.	650
№ 2. Приказ отдела торговли исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. 2 декабря 1941 года	651

**«Жду помощи! ... Срочно!». Письма ленинградцев
к руководителям города 655**

№ 1. [Письмо Е. Гениной А. А. Жданову от 1 января 1942 года].	655
№ 2. [Письмо бывшего шофера гаража Петрогубисполкома А. А. Жданову 6 января 1942 года]	656
№ 3. [Письмо М. Стельмах А. А. Кузнецову от 10 января 1942 года]	657
№ 4. [Письмо Е. С. Павловой И. А. Андреенку от 14 января 1942 года]	658
№ 5. [Письмо Е. Д. Назаровой А. А. Кузнецову от 7 февраля 1942 года]	659
№ 6. [Письмо Е. Софроницкой И. В. Сталину от 7 февраля 1942 года]	661
№ 7. [Письмо И. А. Алексева И. А. Андреенку от 25 февраля 1942 года]	661
№ 8. [Письмо Е. А. Чаусской И. А. Андреенку от 8 марта 1942 года]	662
№ 9. [Письмо Г. Д. Зимина И. А. Андреенку, февраль 1942 года]	663

№ 10. [Письмо Г. Д. Зимина И. А. Андрееенко от 9 марта 1942 года]	664
№ 11. [Письмо группы инженеров и техников А. А. Жданову от 19 марта 1942 года]	665
№ 12. [Письмо Н. В. Пигулевской И. А. Андрееенко от 3 апреля 1942 года]	666
№ 13. [Письмо Анны Ивановой А. А. Жданову от 5 апреля 1942 года]	667
№ 14. [Письмо А. И. Лебединского в Ленгорсовет от 10 апреля 1942 года]	668
Сокращения	670

«Победоносная ленинградская трагедия»^I

*«Гордость ленинградцев не попрана,
и мы с вами не опозорили земли русской...»^{II}*

Эта книга для тех, кто хочет узнать о блокаде из первых рук. Ее страницу за страницей писали ленинградцы, которым довелось прожить все 872 дня легендарной осады, самой продолжительной в новейшей истории человечества.

Голодная мучительная смерть сотен тысяч человек — чудовищное ничем не заслуженное испытание. Такого не должно быть никогда. Однако сдача города на милость победителя, то есть разграбление и уничтожение, в участи ленинградцев ничего бы не изменила. Путь к победе был один: стоять насмерть у стен города и наладить повседневную работу внутри. Общими усилиями бойцов Ленинградского фронта, краснознаменного Балтийского флота и населения город устоял под ударами врага и научился жить в условиях осады.

И тысячу раз прав второй человек в руководстве Ленинграда, секретарь горкома А. А. Кузнецов: «Наша русская национальная гордость, гордость ленинградцев не попрана, и мы с вами не опозорили земли русской».

Сухопутную блокаду немцы установили 8 сентября 1941 года, после занятия города на берегу Ладожского озера с говорящим названием Шлиссельбург^{III}. В сентябре и октябре Ленинград подвергался интенсивным бомбежкам с воздуха и артиллерийским обстрелам. Старики, женщины и дети погибали под развалинами домов и просто на улицах.

Мысли о возможной сдаче для спасения детей бродили в головах осажденных и даже обсуждались на страницах газеты «Ленинградская правда». Эта тема присутствовала в частных разговорах, о чем свидетельствуют ныне опубликованные сводки управления НКВД. Однако

^I Берггольц О. Ф. Дневные звезды. — Здесь и далее примечания составителя, если не указано иное.

^{II} Секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов.

^{III} Шлиссельбург — в переводе с немецкого «ключ-город».

среди ленинградцев явно преобладали патриотические настроения. Отдельные попытки засланных врагом и самозванных агитаторов с помощью выкриков возбудить уличную толпу успехов не имели.

Первейшей задачей обороняющихся стало восстановление связи со страной. Все четыре железнодорожные линии были заняты неприятелем. Оставался один путь — водный. Чтобы выжить, Ленинграду пришлось срочно налаживать перевозки по Ладожскому озеру. Осенью — по воде, зимой — по льду.

Осенняя навигация 1941 года оказалась недостаточно продуктивной. Не хватало судов для перевозки людей и грузов. Причалы, склады, подъездные пути на восточном и южном берегу еще только возводились. На Ладожском озере часто штормило. В общей сложности 20 дней выход судов в озеро был запрещен из-за ненастной погоды.

Осень оказалась сравнительно короткой, уже в октябре ударили первые морозы. В середине ноября лед в Шлиссельбургской губе достиг минимально необходимой толщины. Открыл движение по ледовой дороге 21 ноября конный обоз. Через несколько дней пошли машины. На берегу озера оборудовали склады и авторемонтные заводы, из ленинградцев набрали водителей и бригады грузчиков. Ослабленные предшествующей голодовкой, не все мобилизованные выдерживали нагрузку, но те, кто выжили, втянулись в работу. Уже в феврале трасса заработала с приемлемой интенсивностью. В город пошли жизненно важные грузы, и в первую очередь продовольствие, топливо, оружие и боеприпасы.

Было принято решение начать массовую эвакуацию населения 6 декабря 1941 года, но затем его отменили. К эвакуации приступили только 27 января.

В тыл по ледовой дороге смогли выехать более полумиллиона ленинградцев. А еще вывозили необходимые на действующих на востоке страны предприятиях станки и промышленное оборудование. Беззаветные труженики ледовой дороги зимой 1941–1942 годов спасли Ленинград от гибели.

Блокадной зимой 1941/1942 года люди умирали в замерзших квартирах и прямо на улицах. Из-за отсутствия электричества остановились предприятия. Жители были целиком поглощены заботами о собственном выживании.

Потом пришла весна. Город отогрелся на солнце, его очистили от снежных завалов и грязи, подлатали кровли, частично восстановили канализацию и водопровод. По дну Ладоги проложили трубу нефтепродуктопровода, электрический кабель и линии связи. Заработала, пусть и в ограниченном объеме, промышленность. Летом 1942 года из города

эвакуировалось еще более 300 тысяч человек. Осенью в Ленинграде проживало чуть более миллиона горожан.

Войска Ленинградского, Волховского фронтов несколько раз пытались освободить город от осады. С сентября 1941 года с небольшими перерывами в верхнем течении Невы, на Волхове и в Южном Приладожье шли тяжелые, кровопролитные бои. В январе — мае 1942 года советские войска провели Любаньскую операцию, завершившуюся трагедией 2-й ударной армии.

Несмотря на неудачи, советское командование не оставляло попыток освобождения Ленинграда. В конце лета — начале осени войска Ленинградского и Волховского фронтов предприняли крупную наступательную операцию, получившую наименование 2-й Синявинской. Одолеть врага на подступах к Ленинграду и на этот раз не удалось.

Летом Гитлер отдал приказ о штурме. Из Крыма противник перебросил часть сил 11-й армии и тяжелую артиллерию. Тяжелые, кровопролитные бои продолжались несколько недель, но попытка штурма была сорвана.

Тем временем город учился жить и работать в условиях осады. Летом, кажется, все население от мала до велика занялось огородничеством — выращиванием овощей. Почти каждый желающий мог получить участок земли в городе для посева (посадки) овощей и картофеля. Под грядки вскопали газоны на улицах, в садах и парках. Посевы приходилось круглосуточно охранять. Голодные горожане готовы были есть рассадку и даже только пошедшую в рост траву. Городские предприятия обязали взять в пригородах землю для развертывания подсобных хозяйств. Специализированные учреждения, занятые изготовлением инвентаря и выращиванием семян, обязали приготовить для начинающих огородников рассадку, инвентарь, удобрения и агитационные материалы с советами о том, как вырастить высокий урожай. По осени устроили нечто вроде сельскохозяйственной выставки и, как принято, отметили отличившихся.

К новой зиме особо позаботились о заготовке дров. Каждое предприятие получило пустующий деревянный дом с непременным условием разобрать на топливо для технических нужд и дрова для жилищ своих работников.

Летом в домах и на предприятиях подлатали стены и кровлю, отремонтировали канализацию. В трети жилых домов восстановили электроснабжение.

Враг был рядом и постоянно напоминал о себе. Воздушные бомбардировки стали относительно редкими, а вот артиллерия врага постоянно обстреливала город.

18 января 1943 года под Ленинградом одержана первая значительная победа. Войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали, наконец, ненавистную блокаду.

Части Красной армии пробили в обороне врага юго-западнее Шлиссельбурга узкий коридор. Это был важный успех. Через месяц в коридоре проложили железную дорогу, а через Неву навели деревянный мост. 7 февраля ленинградцы встретили первый эшелон с Большой земли. Железнодорожный путь Шлиссельбург — Поляны длиной всего 33 км действовал до 10 марта 1944 года. Всего по нему прошло 5440 поездов. Каждый такой эшелон заменял тысячу «полоторок», работавших на ладожской ледовой трассе. Всего по железной дороге в город ввезли более 4,5 млн т груза — продовольствия, топлива и сырья. По ней на Ленинградский фронт поступало пополнение, оружие и боеприпасы.

В сравнении с довоенной численность действующих предприятий существенно сократилась, но заводы продолжали выпускать военную продукцию. После начала войны относительно быстро предприятия мирных отраслей перешли на выполнение оборонных заказов. Заводы оборонного профиля наращивали объемы выпуска продукции. Как известно, Ленинград был одним из крупнейших промышленных центров страны. Однако после начала осады объемы производства стали резко падать. Немалое число заводов было эвакуировано в тыл. В первом квартале 1942 года из-за нехватки электроэнергии подавляющее большинство предприятий остановились. С наступлением весны по мере частичного восстановления энергетической базы производство начало восстанавливаться. Основное внимание уделялось изготовлению боеприпасов и легкого огнестрельного оружия, в которых остро нуждалась действующая армия.

Работая над выполнением заказов фронта, руководители города думали о будущем. В 1943 году им удалось договориться в правительстве о включении ленинградских предприятий в народно-хозяйственные планы министерств и ведомств. На заводах начали размещать заказы на новые машины и оборудование для восстановления народного хозяйства на ранее оккупированных территориях. Город думал о восстановлении памятников. Открылось училище, готовившее мастеров-реставраторов: лепщиков, резчиков, маляров-альфрейщиков и др.

В Ленинграде в 1942 и 1943 годах работали два театральные коллектива — музыкальной комедии и драматический. Спектакли пользовались неизменным успехом. Театры отчитались в перевыполнении плана по доходам. В апреле 1942 года возобновились филармонические концерты классической музыки. На предприятиях и в воинских частях фронта и кораблях Балтфлота с концертами регулярно выступали артисты разных жанров — певцы, танцоры, музыканты, чтецы. В 1943 году

вернулась труппа Большого драматического театра им. А. Горького. Весной 1942 года вновь открылся для посетителей зоопарк. Среди зверей тоже были жертвы. Слониха Бетти погибла от разрыва бомбы 8 сентября 1941 года. В другой раз бомба разрушила обезьянник, и напуганные животные разбежались по всему району. Самка бегемота по прозвищу Красавица болела. Ее нежную кожу лечили камфорным маслом. Она пережила войну и умерла от старости в 1951 году.

После блокадной зимы возобновили работу некоторые дома культуры и клубы. Осенью 1942 года в Выборгском ДК проводили популярные среди молодежи вечера танцев.

Враг был по-прежнему рядом. Его артиллерия регулярно обстреливала город, неся смерть и разрушения. Военного смысла в этих обстрелах не было. К началу 1944 года немцы на всех фронтах полностью утратили стратегическую инициативу. Полное поражение Германии становилось неизбежным.

Решительное наступление под Ленинградом началось 14 января 1944 года. После мощнейшей артподготовки в атаку с Ораниенбаумского плацдарма пошли части 2-й ударной армии. На левом — в направлении Новгорода — действовала 59-я армия Волховского фронта. На следующий день от Пулкова пошли вперед на врага части 42-й армии. Немцы, выполняя приказ своего командования, оборонялись, но на этот раз не смогли удержать свои позиции. Немецкие части, занимавшие позиции в районе Тосно и Мги, не стали дожидаться, пока их атакуют, и предпочли отступить. Делали они это столь поспешно, что противостоящие им части 67-й армии на какое-то время их потеряли.

Через неполные две недели боев под Ленинградом, когда враг на ближних подступах был практически разгромлен, Ставка по инициативе Военного совета Ленинградского фронта приняла решение отметить победу под Ленинградом специальным приказом и впервые произвести в городе 27 января 1944 года артиллерийский салют.

К концу января первый этап операции был завершен. Армии Ленинградского и Волховского фронтов прорвали противостоящие им рубежи обороны противника, перегруппировались и продолжили наступление в западном и юго-западном направлениях. К концу февраля — началу марта враг был отброшен от Ленинграда на 220–280 км и почти полностью освобождена Ленинградская область.

Три четверти века миновало с той славной и героической победы. За это время успело смениться несколько поколений ленинградцев. Город вернул себе гордое историческое имя, данное основателем, — Санкт-Петербург — город святого Петра. Но на страницах истории и в живой памяти горожан сохраняются люди и события легендарной обороны.

Вероятно, мы уже никогда не узнаем точное число погибших в городе в дни осады. Числа приводятся разные: от 632 тысяч (официальная статистика потерь, объявленная на Нюрнбергском процессе) и до более 1 миллиона, по оценке отдельных историков и журналистов, пишущих на тему блокады. Пережить блокадное лихолетье довелось, по некоторым данным, чуть больше полумиллиону ленинградцев. Эти люди своим мужеством, долготерпением, трудолюбием спасли и уберегли наш город от гибели.

* * *

«Красноречивые свидетельства событий» — так назвала Ольга Берггольц блокадные дневники ленинградцев. В них пишут о самом сокровенном и о повседневной жизни. В дневники записывают личное мнение и «оценочные суждения» авторов или услышанное по радио и вычитанное в газете. Люди порой легковерны, доверяют не только официальной пропаганде, но и слухам. В их сознании события могут исказиться самым невероятным образом. Дневники передают эмоции, чувства и настроения людей. И, наконец, только в них можно найти достоверное описание повседневной жизни.

Авторы занимали разное социальное положение — от рядовых горожан до руководителей заводов и партийных работников. Главные темы записей — обстрелы, бомбежки и недоедание, стремительно переходящее в голод.

Люди проявили терпение и надежду на улучшение в ближайшем будущем. Ответственность за происходящее целиком возлагалась на врага. Ленинградцы выражали готовность умереть, но не пустить немцев в город. Глухое недовольство и неприязнь вызывали работники торговли и общественного питания. Однако родные и близкие тех, кто имел непосредственный доступ к продуктам, считали их просто обязанными нести в семью с работы все что возможно. Не считалось зазорным покупать продукты у спекулянтов. Личное потребление управленческой верхушки в текстах известных мне блокадных дневников не обсуждается. Видимо, эта тема авторов не увлекала.

Мы ничего не знаем о прошлом авторов, кроме тех отрывочных сведений, что сообщают они о себе и своих близких. Люди пишут о повседневных заботах, голоде и холоде, пересказывают фронтовые сводки, размышляют на международные темы, вспоминают прошлое. Они верили в общую победу и очень хотели пережить блокадное лихолетье.

Боец-доброволец истребительного батальона Б. А. Белов описывает сбор ополченцев на Марсовом поле и в Летнем саду, первый бой, спустя несколько месяцев ночь в госпитале после тяжелого ранения, по-

иски женской привязанности, возвращение на завод, вечер танца в Выборгском дворце культуры.

Инструктор райкома партии Н. А. Бернгардт среди царской роскоши Петергофского дворца пьет водочку за встречу с другом, но пиршество прерывается вестью о начале войны. И в легком подпитии он спешит на службу в райком партии. Вскоре ему предстоит поездка в эвакуацию в качестве сопровождающего с детьми сотрудников райкома и возвращение в Ленинград.

А. Г. Берман повествует о работе, которую доверяют кристально честным (она контролер в районном учетном бюро по выдаче карточек), проверке всех, кто печатает, выдает и принимает карточки граждан, подавших заявление о выдаче карточек взамен утерянных. Рассказывает о смерти мужа и дистрофии как доказательстве добросовестного отношения к своим обязанностям.

Инструктор Василеостровского райкома ВКП(б) А. М. Буянов сообщает: первичные партийные организации не работают. Студенты университета отказываются идти в госпиталь помогать раненым... Он сам назначен в своем районе чрезвычайным комиссаром по уборке улиц и дворов и на посту помощника военного прокурора «не имеет права жалеть себя в яростной борьбе с внутренним врагом»...

Василий Владимиров — молодой человек, почти мальчик, рабочий одного из заводов, взялся вести дневник умершего младшего брата. Он посещает занятия в военно-учебном пункте, хочет поступить в Военно-морскую школу. Пишет о повседневных заботах: сколько удалось купить мяса, крупы, сухих овощей и т. д. В его семье пятеро: мама, брат отца дядя Федор и два брата — Григорий тринадцати лет и Николай, младший. Федор умер 10 февраля, Николай — 31 марта, Григорий — 27 апреля. Через три дня Василий Владимиров ушел на войну и никогда не вернулся. Эти жертвы приблизили победу?

Как помогают тем, кто погибает от голода у тебя на глазах? Заведующий сектором печати ЛГК ВКП(б) А. П. Гришкевич рассказывает о трупах на улицах и пересказывает диалог между часто прилетавшим в Ленинград А. Косыгиным и директором Ленглавресторана Фельдманом: почему его сотрудники — народ стойкий.

Рабочий завода А. Ф. Евдокимов описывает завод, производящий снаряды для фронта, гибель товарищей, взрыв на железнодорожной станции Ржевка, соцсоревнование со смежниками, обернувшееся обвинениями в приписках...

В. М. Капитонова — заведующая отделом пропаганды и агитации Московского райкома ВКП(б) — рассказывает об ответственности за моральное состояние района, восстановлении районного Дома куль-

туры, организации лекций для работниц и домохозяек и пользе изучения документов 15-го съезда ВКП(б).

Заместитель директора завода № 224 «Метприбор» А. Т. Кедров пишет о «карточных баталиях» блокадной зимой 1941–1942 годов. И без сомнения утверждает: «Для защиты любимого города не пожалею жизни!» В его повествовании о командировках по поручению Военного совета, ловле рыбы сетями, дружбе с командиром прославленной 8-й авиабригады Героем Советского Союза Преображенским и артистами Театра музыкальной комедии. Поездка к семье в эвакуацию.

М. М. Краков отмечает, что оказывается, жизнь зависит от таких мелочей, как ломоть хлеба, тарелка супа, стакан чая. Но в то же время, когда в 1943 году в город вернулся БДТ, билеты на спектакли достать трудно. Автор побывал на концертах известного пианиста Я. Зака в Большом зале филармонии и популярнейшего артиста Леонида Утесова.

Инженер З. С. Лившиц описывает концерты академической музыки в классическом зале бывшей Александринки весной 1942 года, знакомые завсегдатаям исхудавшие лица музыкантов и публику «слишком упитанную, чтобы быть честной». По-довоенному слаженная игра оркестра... Дирижер К. И. Элиасберг в традиционном фраке, несмотря на холод в неотапливаемом зале... Здесь же воспоминание из далекого прошлого — «первый сейдер (торжественный обрядовый вечерний ужин) еврейской пасхи», пришедшийся в 1942 году на 20 марта. Мытарства с огородом в попытке вырастить для себя немного овощей.

Молодая женщина Е. И. Миронова вспоминает холодную больницу — «пустая койка, человека нет, а предметы сохранились», мучительную зиму, полную нечеловеческих страданий... хлебное место... работу писарем в продотделе и ощущение себя в окружении начальников маленьким ничтожным солдатом. Однако на фоне тяжелых бедствий появляются глубоко личные переживания — призрачное счастье в убогой землянке, верность прежней привязанности и рожденным детям. «И не видно конца проклятой войне...»

Во фрагменте воспоминаний военно-морского врача А. Г. Павлушкиной упоминается «странная смерть» бойцов от болезни, лечению которой не учили в медицинской академии — дистрофии, свирепствовавшей в голодном Ленинграде.

Н. В. Рыбина вспоминает о тяжелой работе госпитальной медсестры, заботе о маленьком сыне, которого она вынуждена оставлять одного в пустой квартире, о задержании милицией при попытке обменять мужнины брюки на буханку хлеба. В результате ей удалось устроить сына в детский дом и уйти на фронт.

З. П. Синицина описывает военные будни политорганизатора домохозяйства № 124: «Ищу землю под огороды. Семян нет. Рассады нет. Спихватились слишком поздно. Ф. скандалит и дерется. В милиции сказали, что помочь не могут. У К. болеют дети. Провели собрание. Повестка: текущий ремонт и международный обзор. Проверка выдачи продкарточек, занятие группы МПВО»...

Е. А. Соколова, исполняющая обязанности директора Института истории партии Ленинградского обкома ВКП(б), изо всех сил старалась помогать тем, кто совсем отчаялся: «В райкоме секретарь заявил, что, может быть, придется раздавать охотничьи ружья <...> Уничтожаем архивы института <...> Бомбы падают на родной город <...> Удалось добиться прикрепления сотрудников института к столовой горкома ВЛКСМ <...> 15 ноября обеды резко ухудшились.

В дни и ночи осады рядом со взрослыми жили и умирали дети. Школьник Боря Храмов день за днем вел дневник. Никаких ужасов, только в воздушную тревогу уроки прерываются, учителя пропускают занятия, в класс приходят всего несколько человек. Умирают родные и близкие, и, «наверное, уже пол-Ленинграда умерли».

Главное, что удалось осажденным ленинградцам сохранить человеческое достоинство. Враг, видимо, рассчитывал, что изголодавшиеся люди начнут грабить магазины, склады и станут из-за куска хлеба убивать друг друга. Исторически сложившиеся нормы цивилизованного существования устояли.

Каждый дневник интересен по-своему. Какой из них ярче и самобытнее, пусть читатель разбирается сам. Хотите понять прошлое — читайте дневники. Право, они этого заслуживают.

При подготовке к печати исправлены грамматические ошибки и грубые стилистические погрешности. Пропуски отмечаются отточием, вставленные слова выделены квадратными скобками

В приложении к основной части помещается подборка документов властных органов, письма, просьбы и обращения ленинградцев. Большинство документов публикуется впервые.

Среди них — выписки из рассекреченных протоколов заседаний бюро горкома ВКП(б), протоколы заседаний Продовольственной комиссии ВС Ленинградского фронта, официальная переписка предприятий и учреждений с просьбами об открытии магазинов и о дополнительном питании. Интерес могут вызвать материалы обследования магазинов, столовых и прочих учреждений, занятых распределением продовольствия.

Книга предназначена для массового читателя.

Б. А. Белов¹

Воспоминания и дневник Июнь 1941 — май 1943

«Германия нам объявила войну <...> Подал заявление — иду на фронт добровольцем <...> Со 2-го июля являюсь бойцом истребительного батальона войск НКВД <...> Садилась на машину босые и пьяные. Били себя в грудь и клялись стать героями. <...> Я подполз к нему, взглянул в его потухшие глаза и стало мне невыразимо грустно и пусто <...> Неожиданно прозвучала четкая громкая команда на немецком языке <...> Около двенадцати получили приказ спускаться на лед <...> Впереди шла разведка и саперы, с ними связисты, затем пехотинцы <...>

Я лежу неподвижный, беспомощный <...> Прибыл в эвакуогоспиталь <...> Вероятно, я в строй больше не вернусь. <...> Хлеба получаю 600 г, 30 г мяса и 50 г сахара <...> Сняли с учета на шесть месяцев <...>

В Ленинграде сложилась тяжелая атмосфера. У людей измученный вид. На лицах — печать усталости <...> Надо спасти Ольгу <...> 15-го у меня была Аня С. Война надоела до чертиков. Народ едва стоит на ногах от усталости <...>

Володя Егоров привез мой обед и пол-литра водки <...> Выпили. Хорошенько закусили и поехали в Выборгский дворец культуры, там танцевали. <...> С 9-го работаю на заводе им. Сталина. В цехе холодно <...> Вчера и сегодня веселье сводки из-под Сталинграда <...>

В последние дни ходят упорные слухи, что на днях будут прорывать блокаду, что приехали Ворошилов и Жуков <...> На заводе всеобщее ликование, люди поздравляли друг друга, плакали и целовались. Я сам с трудом сдерживал слезы. <...>

Итак, я комсорг ЦК ВЛКСМ завода им. Сталина <...> Домой прихожу поздно. Устаю, но много делаю полезного. День проходит плодотворно. Ребята меня любят, ликуют, радуются моему возвращению в комсомол...»

¹ Борис Александрович Белов — боец истребительного батальона, комсорг ЦК ВЛКСМ Металлического завода (май 1943 — сентябрь 1944), самодеятельный поэт, печатался в заводской многотиражке. Дневник публикуется в авторской редакции с незначительными сокращениями (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 9).

Фрагмент неотправленного письма от 21 июня 1941 года
Ивану Калашникову:

«...Время сейчас тревожное, ожидательное.

Бикфордов шнур подожежен <...>

То, что я писал в последнее время — все мура амурная на кислой простокваше. Ничего меня не удовлетворяет. Пока пишешь — все кажется шедевром, а остынешь, присмотришься и становишься злым на себя, как человечество в наши дни. <...>

Пока нечем похвастаться. Сейчас суббота, 10 часов вечера. Ходил два часа по парку. Все в цвету. Вдохновлялся природой и тоскливо смотрел на влюбленных, а пришел домой — растерялся, не знаю, что делать, и идти не к кому и ожидать некого, и пустота какая-то в комнате.

Все получается не так как надо, все навыворот. Все наоборот. Но, вероятно, скоро придется забыть о лирике. Не до нее будет. Жаркие дни не за горами. Будь счастлив. Не скучай обо мне, а главное — работай. Работа — забвение и счастье. Привет Фани. Желаю вам обрадовать всех крепким и буйным наследником. <...> Крепко жму руку...»

Воскресенье, 22 июня 1941 года

Солнечное утро. Южный ветер шевелит зеленые ветви. Ленинградцы выезжают в город, на дачи. Я поехал на Пороховые к Виктору Ивановичу. Застал его у мольберта. <...>

Он показал мне последние этюды и новый эскиз к картине «Перед грозой». <...> В его комнате весело, на стенах висят знакомые картины и натюрморты. <...> Пахнет скипидаром и красками. В распахнутые окна врывается аромат цветов. Они растут у него в палисаднике. Мы оба любим цветы. <...>

После обзора работ начинаем толковать об импрессионизме, его вождях и последователях. Переходим на современников. Я говорю об упадке буржуазного искусства и о младенчестве нашего, социалистического. У нас разгорается спор.

И этот момент в мастерскую с шумом вбегает младший брат Виктора и с мальчишеской запальчивостью сообщает потрясающую новость. Германия нам объявила войну. Немецкие самолеты бомбили наши города.

Нам не верится. Быстро накидываем пиджаки и выходим на улицу. У репродукторов толпятся прохожие. Слышим слова диктора, повторяющего речь Молотова. Собственным ушам нельзя не верить!

Итак, война с фашизмом началась.

Не знаю почему, но у обоих вырвался вздох облегчения. Наконец-то! Последние годы каждый из нас знал и говорил в узком кругу,

что война с фашизмом неизбежна. Атмосфера накалялась, и вот наступила развязка.

В последние недели велась лихорадочная подготовка, началась мобилизация. В народе ходили антигитлеровские анекдоты. Каждый, кто слушал радио, следил за печатью, посещал лекции о международном положении, знал, что бикфордов шнур подожжен.

Поездка Гесса в Англию вызвала много толков и опасений. Лекторий был переполнен. Народ ожидал войны и был уверен, что война не будет длительной, так как наша военная мощь значительно выше германской. Я с Виктором пошел в магазин купить вина. По дороге выпили по кружке пива. Надо было обсудить создавшееся положение. Искусство неожиданно само по себе отошло на задний план.

<...> Мы сидим за столом. Чокаемся. Пьем за нашу армию, ее вождей и наш народ. Мы твердо уверены в нашей победе и почему-то думаем, что переживем эту страшную войну¹.

Я недолго пробыл у Виктора. Надо было возвращаться домой, приступить к дневнику, к тому, что, может быть, меня дома ожидает повестка о явке в военкомат.

Прихрамывая, Виктор проводил меня до трамвая. Мы простились надолго.

Народ возвращался из пригородов. Трамвай был переполнен празднично одетой публикой. У всех возбужденные лица. На устах одно слово — «война». Это не война с Финляндией, которую Ленинград, находясь на пороге фронта, чувствовал только по затемнению, госпиталям и движению войск. Это война с Гитлером. Большая война. Война отечественная.

Проезжая по городу, заметил, что у магазинов собрались хвосты. Население начало панически запасаться продуктами.

В Лесном мимо дома проезжают машины, груженные скарбом дачников. Пропали авансы. Не до дач! Ни одного дачного сезона не успели провести ленинградцы в живописной Финляндии. Народ по-разному воспринял весть о начале войны. Одни со вздохом облегчения, другие с замиранием сердца.

* * *

Советские люди привыкли к газете и политике. Они настороженно смотрели на запад и восток. Войну с Германией ожидали. Опасались

¹ Разве могли мы тогда знать, что пьем вместе в последний раз, что года не пройдет, как один из нас будет лежать в безвестной братской могиле, а другой станет инвалидом Отечественной войны — *Примеч. автора.*

применения химии и бактериологии. Ежегодно проводились учения ПВО. Ожидали, что война с Германией станет прелюдией к большой войне с капиталистическим миром. Боялись остаться в этой войне одинокими. И вот схватка началась.

Город быстро принял воинственный вид. Пачками ловили «шпионов», задерживали подозрительных. Некоторым не повезло, и их по два или три раза окружала толпа, иногда избивали и всегда препровождали в милицию. В облавах на шпионов принимали участие все от мала до велика.

На стенах домов и заборах расклеены плакаты «За Родину!», «Родина-мать зовет!», «Смерть фашизму!», «Все как один на защиту Отечества!», «Все для фронта!», «На поддержку Красной армии могучее народное ополчение!».

И ополчение началось после исторической речи Сталина по радио от 3 июля.

В городе с первого дня было объявлено военное положение, полководцы Гражданской войны возглавили командование северо-западным, центральным и южным направлениями.

С 11 часов вечера и до 5 часов утра над городом вывешивают аэростаты. На набережных, мостах и крышах зданий установлены зенитные орудия и пулеметы. Комитет обороны издает указ за указом. Люди уходят на фронт. Цеха промышленных предприятий заметно пустеют. Даже попрощаться бывает некогда, а иным уже не с кем. Началась эвакуация. Мирные предприятия перестраиваются на военный лад: там, где делали игрушки или текстильные машины, стали делать пушки, минометы, бомбы.

Авиационную промышленность в первые дни эвакуировали в тыл. Ленинградцы с тревогой ожидают налетов на город немецкой авиации.

В те дни я записал в дневнике:

«Началась война с фашизмом, тот кто на фронте, быстро забудет, что такое покой и привыкнет к ужасам. Тот, кто останется в тылу, забудет отдых. Сны будут мятежны и непродолжительны. Это последняя война человечества. Социалистическая Россия призвана сыграть решающую роль в уничтожении войн посредством войны, войны необходимой, навязанной, справедливой. Наполеон сломал голову в России. То же самое произойдет и с Гитлером. Вечный мир воцарится на земле. Люди навсегда забудут страдания и несправедливость. Но никогда они не забудут нас, большевиков, людей мужественных, сильных, честных, самоотверженных и дальновзорких. Мы ожидали завязки, а теперь будем благополучно развязывать в свою пользу. Победа будет за нами! Вперед в бой!»

Период мирного строительства закончился. Заводы перешли на круглосуточную работу. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал главным. Плакаты призывают молодежь к оружию и спрашивают: «Комсомолец, ты записался на фронт добровольцем?»

В ночь на 23-е я проснулся от выстрелов зениток. Вероятно, в город пытались прорваться неприятельские самолеты-разведчики. Ленинградцы плохо спали в первые ночи войны. По городу проезжали танки, проходила пехота.

Радио сообщало, что немецкие регулярные войска перешли границу от Балтики до Черного моря. Неприятельские бомбардировщики бомбили наши города. В Англии Черчилль заявил, что в войне произошел новый поворот и его страна поможет России в борьбе против Германии.

Сестра Катя мобилизована в Красную Армию.

Я работаю по 12–15 часов в сутки. Работаю с энтузиазмом. Очень устаю. Немецкие войска наступают. Каждое утро в цехе на политической карте Европы красные флажки отодвигаются к центру России.

У карты толпятся рабочие, недоумевают. Много разных толков. Люди жадно слушают сводки Совинформбюро, газеты расхватывают, у щитов с прессой постоянно толпится народ.

В воскресенье 29 июня приехал Самуил с Аней. Гуляли по парку. Настроение возбужденное, приподнятое. Ездили на Охту. Посетил Мишу Владимирова. Купил детям на прощание подарки. Заснял с крестником, потом с Самуилом. Аня уехала домой. Я с Самуилом поехал к Виктору Ивановичу. Пробыл там недолго. Самуил отправился домой. Я пошел к Седовым. Беседовал с Катюней. Она была рада, что я забронирован за заводом. Предложила нам пойти в загс зарегистрироваться. Оставляли ночевать. Я от всех предложений отказался. Не до этого. На уме — война.

2 июля написал Ивану Калашникову письмо и подал заявление — иду на фронт добровольцем. Работа на ум не идет. Даже стыдно оставаться на заводе. Я молод, силен, одинок, вдобавок считаю себя поэтом. Кому же как не мне с оружием в руках отстаивать независимость Родины. Иного выбора быть не может.

Поэт я довольно сырой, чтобы стихами вдохновлять народ и воинов на подвиги. А штыком владеть дело нехитрое. Пусть в тылу остаются более ценные люди, к тому же там хватает стариков, инвалидов, многосемейных и трусов. Мое место на поле сражения. Вася Епанчин также уходит добровольцем. Мечтаем попасть в одно подразделение артиллеристами. Я каждый день захожу к нему в цех и беседую у станка. Уходит в ополчение Анатолий Муравьев, Борис Гвоздилов и другие.

Производительность низкая, у всех воинственное настроение. Я на днях ухожу на фронт.

Оглядываюсь назад. Жизнь прошла пасмурно. В работе, в изучении всяческих историй, литературных опытах, спорах об искусстве и политике. В любви, личной жизни не везло. Семьи не чувствовал. Друзья попались на редкость хорошие. Редкие друзья. <...>

Иду на фронт с мыслью победить или умереть. Счастье человеческое будем завоевывать. Мы — русские люди. Мы уходим на поля сражений, чтобы в кровавых боях отстоять не только свою свободу и независимость, но и свободу и независимость народов поработанной Европы. Мы живем на ради себя, а во имя грядущего общечеловеческого счастья. Пусть на наших костях и крови будет воздвигнуто коммунистическое общество. Пусть грядущее поколение не знает, что такое война, диктатура, эксплуатация. Мы умертвим ужасы и разрушим трагедии общества.

Конечно, в 26 лет с жизнью расставаться нелегко. Когда у тебя есть светлое будущее. Смертельная схватка началась. Жертв будет много. Я не имею ни искры надежды на возвращение с фронта. Жизнь моя принадлежит не мне, а обществу, которое меня сделало человеком.

Последние четыре года я чувствую себя морально ущемленным. Демобилизация из войск НКВД. Отказ в приеме на родной завод, все это мешало мне вступить в партию. Я чувствовал себя обиженным и опустошенным. Но я остался честным до конца перед Родиной, перед своим народом. В доказательство этому — мой добровольный уход на фронт. В моих жилах течет славянская мужественная кровь. Я не националист. Но я имею право гордиться великими качествами своего народа, ибо я знаю хорошо его историю, как по старым, так и по новым источникам.

Единственное, о чем я сейчас жалею, это о том, что не оставил наследника, свою плоть и кровь. Быть может, это и к лучшему. Во время войны дети теряют своих родителей. Мне будет легче на фронте — меньше забот и дум о доме. К тому же у меня остался брат по крови.

2 июля 1941 года

Лучшие сыны города уходят на фронт. Война явилась хорошей проверкой людей. Теперь нужны не слова, а действия. Валентин Копьев ушел добровольцем. Василий Ивлев взят на второй день мобилизации.

С Васей Епанчиным зашел к Якубовским. Дома их не застал. Они ушли в театр. У людей хватает мужества увлекаться искусством. Мы увидели на стене карту Европейской части СССР. На ней были наколоты флажки, обозначающие линию фронта.

Алексей Мартынов уехал с семьей в командировку.

Со 2 июля являюсь бойцом истребительного батальона войск НКВД. Работаю 9 часов, 4 часа учусь военному делу. Нахожусь на казарменном положении. Отдых пять-шесть часов в сутки.

Дни стоят знойные. По городу непрерывно движутся войска, город грохочет, как исполинская кузница. <...>

Заводы спешно куют оружие для фронта. В обеденный перерыв митингуют. Народы Советского Союза откликнулись на призыв вождя. Все те, кто недооценивал опасность войны или оставался равнодушным к ней, после выступления тов. Сталина ясно осознали смертельную опасность со стороны гитлеровского империализма. Люди стали особенно сплочены.

На полигоне происходят учебные стрельбы. Среди ополченцев встречаю много знакомых.

12 июля 1941 года

Ждем со дня на день выезда на боевую операцию. Наша задача — борьба с парашютными десантами. В последние восемь суток мне дома удалось быть всего один раз. Чувствую усталость, пропах потом и оброс щетиной. Получил письмо от Ивана Калашникова. Работает у себя в мастерской и ждет повестку. Узнал от Александра Иванова, что Виктор собирается эвакуироваться из Ленинграда. Об остальных друзьях пока ничего не знаю.

Скоро лицом к лицу встречусь с врагом! Увижу бой. Быть может, доживу до славных, радостных дней счастливого окончания войны. Буду надеяться.

13 июля 1941 года

Последний раз хожу по Лесному, разношу повестки родным товарищам, отправленных вчера на фронт. <...> С полудня на заводе делаю застёжки к кобурам для комсостава. Вечером грузимся на машину. Едем в филиал музея Ленина. Прощайте, дом, родные, друзья, завод, Ленинград. Я уже воин Красной армии. Вступаю в Отечественную войну.

Первый бой

Ленинград. Середина июля. Солнце эвакуируется на запад. Нас пятнадцать добровольцев, вооруженных винтовками и гранатами. Садимся на грузовик. Бросаем прощальные взгляды на корпуса родного завода. Впервые чувствую щемящую непонятную тоску. Доведется ли

вернуться домой, на завод? Увидеть вновь семью, друзей? Мы уезжаем на фронт... Через 20 минут мы уже в центре города на площади жертв революции (Марсовом поле).

Марсово поле. Как много в этих двух словах животрепещущей истории России царской и России социалистической! Летний сад. Величественное здание казарм одного из гвардейских полков. Центр имперской столицы, сердце Северной Пальмиры. Мраморный дворец, ставший после революции филиалом музея Ленина, ныне место сбора идущих на фронт ленинградских ополченцев. У здания десятки автобусов и грузовиков, они подвозят людей, оружие, продовольствие.

Волнуемся и часто курим. Изнываем от жажды. У крана с сырой водой очередь в десятки человек. Истребители сидят и лежат на газонах. Много пьяных. Поют песни. Люди возбуждены. В полночь наш батальон строится в колонну по четыре. Строем идем в Летний сад. С нами несколько девушек сандружинниц. Ложимся на траву. Сон отступает. Кое-как дремлем. В голове костры мыслей. Впереди черная неизвестность. Росистая вода освежает. Даже холодно становится. Первая ночь на земле, холостяку не так обидно, а каково женатым расставаться с теплом женского тела?!

Мы становимся бойцами. Скоро станем фронтовиками, одни смертниками, другие героями. С непривычки знобит. Приходится вставать с пыльной затхлою травы и ходить взад-вперед, чтобы согреться.

Ленинградская июльская ночь коротка. Рассвело. В небе стали заметны колонны аэростатов. Высокое чистое недосыгаемое небо уже успела осквернить черная тень войны.

Летний сад загудел, словно улей. Люди ходят между мраморных статуй, задрапированных досками. Искусство спрятали от глаз войны.

Тысячи бойцов и командиров лежали и ходили по мятой траве. Командование совещалось, обсуждало, отдавало приказы. Батальоны выстраивались на поверку. Занималось солнечное утро. Аэростаты возвращались на землю после ночевки в настороженном пространстве неба.

Нам привезли обмундирование и продовольствие. Сразу стало шумно и весело. Получили венгерки, пилотки, кирзовые сапоги, белые гимнастерки, брюки, ремни и портянки, вещевые мешки. На наш батальон не хватило рубах. Гимнастерки одели на голое тело. Получили по две банки мясных консервов и одной банке сгущенного молока, сухари, сахар. Другим батальонам выдали жалование и пистолеты. В 8 часов завтракали холодными консервами. Потом опять формировались и переформировывались подразделения.

День выдался знойный. Выходили из сада за папиросами и водкой, а те, кто жил поблизости, успевал сходить проститься с семьей. Купались в грязной, вонючей Фонтанке. Один умудрился утонуть. Глупая преждевременная смерть вызвала не слезы, а смех. Люди становились бесшабашными и спокойными по отношению к чужой жизни.

Во втором часу пополудни стали грузиться на машины. Десятки грузовиков запрудили старинные аллеи Летнего сада. Мы все ходили в военной форме, но кое-кому не хватило сапог. Садились на машину босые и пьяные. Били себя в грудь и клялись стать героями. <...> Ехали через весь город с песнями. Ленинградцы нас тепло провожали взмахами правой руки. Особенно дети. Было трогательно и одновременно радостно за свой народ, за свой тыл. Мы на последней скорости неслись навстречу ужасам фронта. Вскоре Ленинград скрылся в дымной хмари. Все дорогое и близкое осталось далеко позади.

Небо застлало зловещими тучами. Хлынул проливной дождь. Мы быстро промокли.

Постепенно стали знакомиться ближе друг с другом. Нас трое рабочих с одного завода, ехали в одной машине. Мы болтали без умолку о минувшей жизни, стараясь не думать о будущем. Дождь прошел. Солнце вновь засверкало из-за облаков. Мы проезжали мимо незнакомых селений, полей и лесов. Пейзажи казались живописными. Тучи рассеялись, и небо после дождя стало ясным и приветливым. Деревья и травы, омытые дождем, вновь засияли свежей зеленью. На полях поспевал урожай 1941 года. Вновь стало жарко, от нашей сохнувшей одежды столбом валил пар. В небе летали птицы. Не верилось, что совсем рядом идет война.

День начал клониться к вечеру. Мы устали от тряски. Водители остановили машины для маскировки. Мы были уже в прифронтовой зоне. Здесь погуливали фашистские стервятники. У станции Веймарн на наш бронепоезд пикировал немецкий бомбардировщик. Беспорядочно чертыхались зенитки. Появились два неприятельских самолета. Мы соскочили с машин и залегли в придорожной канаве. Зенитчики повели по самолетам беспорядочный огонь. Это были первые вражеские самолеты, встреченные нами. Самолеты удалось отогнать. Мы забрались в автомашины и продолжали путь. По бокам дороги у кромки леса стояли наши артиллерия и кадровые войска. Наконец головная машина остановилась. Прозвучала команда, и бойцы попрыгали в придорожные кусты. Машины повернули назад в Ленинград. Нам приказали не курить, не расходиться и соблюдать полную тишину, так как противник близко. Мы в этом не сомневались, слыша ружейно-пулеметную стрельбу и разрывы мин. Впереди был фронт.

В лесу стало холодно. Одежда наша не успела полностью просохнуть. Комары не давали покоя. Настроение преобладало взвинченное и далеко не бодрое, особенно у тех, кто успел с утра выпить пива и сейчас с похмелья стучал зубами и топал ногами от холода, отмахиваясь от надоедливых комаров. Кто-то ел консервы, кто-то жевал сухари, кто-то шепотом переговаривался с соседом. Очень хотелось курить.

Кругом был лес. В этом лесу расположились тысячи бойцов и командиров. Для большинства из нас настоящая обстановка оказалась неожиданностью. Никто не мог подумать сутки назад, что нас так быстро отправят на фронт. <...> На лицах сосредоточенность и нервозность. С часу на час можно ожидать боевой приказ. Мы ждем его, сжимая в руках винтовки. К вечеру напряжение спадает, дает себя знать усталость.

После дождя к деревьям и кустам нельзя прикоснуться. С ветвей от ветра падают холодные брызги дождевой воды. Наступает ночь. Темное небо разрезают вспышки осветительных ракет противника. Стрельба не прекращалась. Фронт совсем рядом.

Незаметно подкрался дымный рассвет. Люди поднимались с травы и расправляли онемевшее тело, закуривали украдкой, по-мальчишески пряча папироску в кулаке. Начал моросить дождь. Мы закусили холодными консервами. С рассветом нас выстроили повзводно, поротно и побатальонно. Низко над лесом залетели фашистские стервятники. Они фотографировали нашу дислокацию так нагло, что задевали бронированным брюхом своих машин верхушки сосен. Пулеметно-оружейная стрельба усилилась. Нам объяснили боевую задачу — необходимо выбить немцев из Среднего Села, находящегося от нас в двух-трех километрах. Вооружившись винтовками, гранатами и бутылками с горючей смесью, мы двинулись вперед. Я с любопытством следил за выражением лиц бойцов. На большинстве из них заметен страх. Одни отстают, другие забегают вперед. Командиры путают команды, теряются в обстановке. Получилась путаница и неразбериха, а самолеты противника, будто издеваясь, в упор расстреливают нас из пулеметов. <...>

Появились первые раненые и убитые. Приступили к работе санитары и военфельдшеры. наших самолетов не было видно. Мы видели не только фашистскую свастику на крыльях и кресты на фюзеляжах, но и лица летчиков, до того низко летали самолеты. <...> Мы метались из стороны в сторону. Все бросились на землю, пытаюсь укрыться за пни и кочки. <...> По нам вели огонь из минометов, пулеметов и автоматов. Лес наполнился шумом и треском. Мучила жажда. Сердце билось учащенно. От перенапряжения кружилась голова. Мысли путались и сбивались. <...>

Солнце пряталось за тучи. Утро было серым и дымным. В полдень ожидалась жара. Мы вели беспорядочный огонь. Я успел израс-

ходовать около сотни патронов. Над головой свистели пули и жужжали мины.

С большими потерями выбили противника из села. Немцев в селе было немного. С полсотни человек. Раненых они унесли с собой, убитых мы нашли всего три или четыре человека. Нашему капитану оторвало снарядом обе ноги.

Полдень. Изнываем от жары. Пить из колодцев нам запретили во избежание отравления. Нашлись смельчаки, которые попробовали воду и нашли ее пригодной для питья. Тогда сотни уставших, изнывающих от жажды бойцов окружили колодец.

Подходили с флягами, кружками, банками, котелками и даже пилотками. Запомнилась такая картина: на фоне пылающих домов у высоких колодцев стоят, сидят и лежат измученные трехчасовым боем бойцы, жадно пьют воду кто из чего, курят, стоя оправляются. <...> Из сарая тащат связки колбасы, охалки буханок хлеба, консервов, делят, ругаются, прячут по карманам, едят с жадностью, другие остаются голодными.

Настроение от первой встречи с врагом осталось неприятное. Визг мин, свист пуль, стоны раненых, их мольбы дать глоток воды, помочь, пристрелить, чтобы избавить от мук, а в результате пустая деревня с четырьмя трупами немцев. И все же в целом настроение бодрое, боевое.

Начался артобстрел. Снаряды рвутся в десятке метров. Началась паника. При каждом выстреле инстинктивно прижимаясь к земле, выходим из села. И чем чаще и ближе ложились снаряды, тем быстрее двигались бойцы, пока наконец не побежали. Опять жертвы. Многие бежали во весь рост, выдавая себя и других торжествующему врагу, у которого при виде этого поднималось настроение. Я шел рядом с командиром взвода по направлению к опушке леса. По пути подобрали раненого в бедро. Ранение показалось тяжелым. Боец мучился, страдал. Наконец заговорила наша батарея, но быстро смолкла, подавленная немецкими снарядами.

Мы вошли в лес. В глаза бросились в беспорядке оставленные боеприпасы, продовольствие, амуниция и даже оружие. Хозяина не было. Полный хаос и безотчетность, никакой организованности и дисциплины. Санитары носили раненых в наспех раскинутые палатки, где им оказывали первую помощь до отправки в тыл. От холода зуб на зуб не попадал. Пошел проливной дождь. Мы промокли до костей, а главное, оружие стало сырым. Костры разводить было нельзя, чтобы не выдать себя противнику, который великолепно знал наше расположение. Дождь продолжал лить. Одежда стала тяжелой и липкой, промокли остатки табака, спички и бумага.

Смеркалось. Бойцы бродили группами и в одиночку в поисках своих подразделений. Задержали двух шпионов, переодетых в нашу форму. Отвели их в штаб. А сколько их расхаживало среди нас и разговаривало с нами?! Я не боялся так пуль и снарядов, как предательства и шпионажа. Гитлер позаботился наводнить нашу землю слизняками. Изредка над нами пролетали немецкие разведчики и штурмовики. Мы открывали по ним групповой винтовочный огонь. Они отвечали пулеметными очередями, после чего раздавались крики и стоны раненых. Около меня несколько человек остались лежать неподвижно, убитые и раненые.

Когда замолчал дождь и небо прояснилось, мы услышали со стороны Ленинграда шум моторов, а затем увидели на шоссе несколько танков и среди них КВ. За танками двигалась артиллерия и пехота на грузовиках. Мы стали выходить к шоссе. <...>

Около танка КВ шел сам Клим Ворошилов. Вид у него был бравый, воинственный и в то же время простой и притягивающий. Он шел легкой властной походкой. Одет он был в защитный плащ без знаков отличия. Из-под фуражки белели виски. Позади него волочилась легковая машина. В ней сидел военный с четырьмя ромбами.

— С восемью десятками мерзавцев не можете справиться?! Отставить «ура»!

Мы стали выстраиваться в боевые порядки. Всех обуял энтузиазм предстоящей битвы. Забыли усталость и пережитый страх. Первый маршал вдохновлял нас на сражение. Его слова прозвучали как воинственный клич. Мы проверили оружие, пополнили боеприпасы, вышли на дорогу. Но вскоре пришлось отступить в придорожную канаву. Мы шли по воде и грязи, а по дороге помчались вперед танки. Впереди завязался бой. Наша артиллерия была по немецкой. Завязалась дуэль артиллеристов. В звонком прохладном воздухе зарокотали моторы. Появилась наша авиация. Разгорелся воздушный бой. Слышались разрывы бомб. Небо после дождя сделалось удивительно живописным. Умирать стало весело и красиво. Земля, омытая дождем, и нарядное небо загудели, задрожали от разрывов снарядов. Воздух наполнился трескотней автоматов, пулеметов, винтовочными выстрелами, шипением мин, которые хором пели над нами. Пахло порохом и гарью. Мы быстро шли, пригибаясь к земле, иногда падая и плотно к ней прижимаясь. Противник обстреливал дорогу.

Танки проскочили село. Стали попадаться убитые. Особенно запомнились два мертвых немца. Один из них, запрокинув голову и осклиз зубы, лежал с открытыми глазами. Волосы курчавились белыми кольцами. Лицо было черное, как от удара молнии. Растопыренные ноги

были изуродованы и окровавлены. От них шел пар. Второй лежал лицом вниз, раскинув руки и ноги. Одна рука была оголена по плечо. Кисти не было. Из-под живота вытекла струя крови. Она заpekлась и почернела.

Эти трупы лежали на нашем пути. Приходилось переступить через них, обойти их было нельзя, иначе выдашь себя противнику. По селу метался огонь. Горели дома и угодья крестьян. Мычали перепуганные не доенные коровы. Визжали уцелевшие свиньи, кудахтали суматошные куры, и заливисто, злобно где-то лаяла надоедливая дворняга. Жителей видно не было. Только раненые и убитые бойцы обеих армий попадались навстречу. Кстати, ни одного раненого немца я не видел. Встречались только убитые. По-видимому, их успевали забирать. Теряя людей, мы продолжали под обстрелом идти вперед. Кончилось большое село, миновали поле, на опушке леса перед атакой короткий привал. По нам бьют из пулемета. Меня мучило нетерпение встречи с немцами. Я весь горел от волнения. Вошли в сумрак леса. <...> Рассыпались цепью. Повсюду свистели пули. Раненые встречались на каждом шагу. Санитары не успевали управляться. Им охотно помогали бойцы: только бы задержаться, не идти вперед. Я это понял не сразу. Нас поливали пулями, как из гигантской лейки. По нашим спинам били «кукушки». Мы отвечали слабым винтовочным огнем. Брали силой, то есть количеством людей.

Иногда подолгу задерживались на одном месте. Потери с нашей стороны были велики. Я успел расстрелять половину патронов, то есть немного больше сотни, а видел только двух убитых мною немцев — одну «кукушку», за которой минут двадцать охотился, и одного автоматчика. Оба были моложе меня.

От волнения спирало дыхание. В горле все пересохло. Нашла жажда. Чувствовалась нечеловеческая усталость. То и дело приходилось, спасаясь от осколков, мин и пулеметных очередей, зарываться с головой в замшелые кочки. Лес был полон треска и порохового дыма. Начинало темнеть, в лесу это особенно сказывалось. Со мной было человек двенадцать, половина из них из одного со мной батальона. Один был инженер с моего завода. Как сейчас вижу его измученный вид, потное усталое лицо с лохмами волос, торчащими из-под пилотки, и запотевшие очки. С наступлением темноты он почти ничего не видел. Очки то и дело сползали на нос. Его, как и меня, мучала жажда. Он стрелял наугад, и вид у него был растерянного интеллигента.

У меня заедало затвор, приходилось заряжать по одному патрону. Ствол [винтовки] накалился. Патроны подходили к концу, брали у раненых и убитых. Я набил не только подсумок, но и карманы. Противогаз был давно мною брошен по примеру товарищей. Крики «Ура!» и «За Родину! За Сталина!» давно смолкли. В лесу было сумрачно

и страшно. В одном месте мы прорвались вперед и вклинились в немецкую оборону. Нас было всего человек двадцать. С винтовками наперевес мы бросились в атаку, стреляя на ходу и задыхаясь от бега. Но нас скоро отбросили огнем пулеметов. Пули сыпались градом. Почти половину бойцов потеряли. Командир был убит. Стонали раненые. У одного был перебит позвоночник, у другого ранение оказалось еще более мучительным — в живот. Они хватили нас за ноги и умоляли их пристрелить. Никогда не забуду ни их стонов, ни их взглядов. Они ползли по окровавленному мху, в темноте под пулями. Мы двое остались лежать в канаве между своими и противником. Позиция удобная, но головы не поднять, тотчас ляжешь как подкошенный. Мы передохнули, вытерли со лба пот рукавами гимнастерок. Мучительно хотелось пить, жажда томила несколько часов, несмотря на то что в лесу было прохладно. Мы усердно разгребали замшелую землю жадными пальцами, но тщетно. Воды не было. Знойное лето глубоко высушило даже лесную почву, а место было высокое. Дождевая вода ушла в болота и низины.

Остаться на одном месте было рискованно. Патроны были на исходе. Правда, у нас еще были четыре гранаты РДГ, но с ним мы еще ни разу не обращались. Немцы замолчали. Наши прочесывали лес. Надо было на что-то решаться. Я предложил товарищу подползти к немецким пулеметам и подавить их огонь гранатами. Он отказался из трусости. Я один не решился.

Время шло мучительно медленно. Товарищ предложил ползти назад к своим, я — остаться на месте, так как, по моим соображениям, наши должны были опять сделать бросок вперед, так как резервы были большие и позади нас народу хватало.

Он решил ползти назад один. Только назад. Такой парень — и спасовал. Не успел он сделать трех шагов, как упал ничком без единого стога. Так он обрел смерть от шальной пули, возможно, русской.

Мне не верилось, что он мертвый, я подполз к нему, взглянул в его потухшие глаза, и стало мне невыразимо грустно и пусто. Никогда я еще не испытывал такой жалости, как при виде убитого боевого товарища, с которым я был знаком всего несколько часов! Я так и не узнал, где вошла пуля. Крови не было видно, да и некогда было рассматривать, к тому же было темно. И мне впервые в жизни стало страшно. Холод прошел по моему горячему телу. В промежутке между выстрелами я громко крикнул в сторону своих, чтобы прекратили огонь, на мой крик немцы громко откликнулись длинной очередью из немецкого пулемета.

Свои, видимо, забыли о нас либо посчитали убитыми. Осторожно ползком кое-как я все-таки добрался до своих. Они были всего в ста метрах, но из-за гущи леса и темноты видели меня, иначе могли при-

стрелить. Я занял позицию возле убитого товарища, тяжелого и рослого рабочего. Большие черные глаза его сурово глядели в простор неба.

Перестрелка возобновилась, к нам подошло подкрепление человек тридцать кадровых бойцов. Неожиданно появился сухой тонкий капитан с наганом в руке. Он поднимал залегших бойцов в атаку. Немцы яростно обстреливали нас из пулеметов и автоматов. Мы не успели сделать и двух перебежек, как потеряли половину людей. Капитан был убит наповал. Его прошла очередь из автомата. Мы опять залегли, отчаявшись наступать.

Подходили свежие силы. Я узнал, что отдан приказ отвести истребительные батальоны во второй эшелон. Нас трое истребителей повернули оглобли. Я прихватил полуавтомат у убитого товарища, помогал раненым. Нас обстреливали «кукушки». Мы выходили из боя по дороге, спотыкаясь о раненых и убитых. На дороге перед глубокой воронкой стоял подбитый КВ. Башня его была скошена набок. Он молчал, смертельно раненный. Бой продолжался. Грузовики не переставали вывозить раненых. В лесу царил хаос. Били по своим, немцев принимали за своих. Командиров было трудно найти. Мы все шли и шли, с трудом передвигая ноги от смертельной усталости. Жадно всасывали запекшимися губами желтую вонючую болотную тину. На пути валялись котелки, вещмешки, гранаты, куртки, противогазы, даже винтовки, брошенные ранеными или лежащие возле убитых. Я подобрал довольно увесистый вещмешок, или сидр, как его называли старослужащие, и, кряхтя от тяжести, едва успевал идти за товарищами.

Поздно ночью дошли до Среднего Села. Кое-где еще дымились пожарища, вместо домов торчали трубы. У села стояло много танков и артиллерии. У Среднего мы отдышались, напились колодезной воды. У придорожной канавы я случайно увидел Бориса Королева, бойца нашего батальона, служащего одного со мной цеха. Он мирно отсиживался весь бой, не выпустив ни одного патрона, не видя немцев, не слыша воя пуль. Он даже сознался, что скучал без меня и очень проголодался, да и спать хочет! К сожалению, я не мог ему сервировать стол и постелить постель. Я его считал за трусливого парня, но все же за честного комсомольца, а он оказался подлецом, в первые же минуты опасности стал беречь свою шкуру, позабыв о том, что его товарищи отчаянно сражаются за родину, <...> прикрывая грудью Ленинград и ленинградцев. Он мне сказал: «Я все боялся, что ты останешься там среди этого ужаса», и он махнул рукою в сторону фронта, откуда доносились редкие орудийные выстрелы и частая трескотня пулеметов.

Я нашел в рюкзаке две банки мясных и одну рыбных консервов, полкотелка сахара и конфет, сухари и пачку папирос. Сам я до того устал,

что был не в силах банку открыть и отдал ее товарищу, перекурил, и мы пошли разыскивать остатки батальона, нам посчастливилось быстро найти кучку своих, они лежали и сидели на исходных позициях, то есть на опушке того леса, где я впервые увидел первого маршала. Окончательно обессиленный, я рухнул на мокрый мох и тотчас уснул сном усталого солдата.

Проснулся с рассветом. Разбудил холодный туман. Место было болотистое. Лихорадило. Спящие в бреду стонали и ругались. На мое недоумение усатый боец, лет пятидесяти, мрачно куривший трубку, сказал мне, что я тоже отчаянно ругался и кричал.

«Это нервы», — подумал я.

Мало кто проснулся. Спали, не чувствуя холода. А кто проснулся, делали яростные движения, чтобы согреть свое ооченевшее тело. Курили.

На рассвете подняли всех. Выстроили и повели по направлению станции Веймарн. Ноги у всех были натерты. Лица помяты. Хотелось курить, но папиросы у кого и были, то все ломаные и сырые. Курили одну папироску на три-четыре человека. Шли, едва передвигая ноги. Минувшие сутки казались бесконечным кошмарным сном, в то же время светлым праздником. Многие из нас в этот день впервые вступили в бой и остались живы. Я анализировал все виденное, слышанное, пережитое и пережитое. Все мои прежние представления о бое были опрокинуты действительностью.

Поднялось солнце, а мы все шли и шли, часто делая короткие привалы и жадно глотая воду, которая быстро из нас испарялась. Нас было около сотни человек — бойцов и командиров нескольких истребительных батальонов. Не доходя до небольшого села, нас остановил майор войск НКВД. Он задал несколько вопросов и приказал идти к опушке леса и отдыхать в ожидании дальнейших распоряжений.

Мы наполнили фляги водой, перекурили эту новость и пошли к опушке, выставляя на пути маяки. Многие уже стали мечтать о Ленинграде, а тут, видно, опять придется идти на фронт. Придя к опушке, разулись, вычистили оружие и легли на траву, как убитые. Усталость от тревожных за минувшие сутки не проходила. Даже отвечать на вопросы товарищей не хотелось. Хотелось одного — поспать пару-другую часов. Но пришлось полчаса стоять в охранении, а часа через три-четыре о нас вспомнили и подняли на ноги. Мы продолжили путь к Веймарну. Там мы увидели сотни бойцов нашей дивизии. Большинство из них не участвовало в бою и находилось со вчерашнего дня здесь.

Мы были (я-то сыт, конечно) голодные как черти. Нам выдали сахара и сушеной колбасы. Табаку не хватило на нас. Моросил дождь.

Расположившись в молодом ольшанике, мы стали мастерить шалаши. Закусили и легли отдыхать. Начинало смеркаться. Я торопливо написал несколько строк Ивану Калашникову и Самуилу. Письма опустил в ящик при магазине, который был уже переполнен¹.

С наступлением темноты все батальоны, переименованные в отряды, пошли по шоссе в деревню Мануиловка. Расположившись в километре от деревни, мы выставили часовых и пытались уснуть. На нас ополчились тучи комаров. Спасались кто как умел. Одни надевали шлем, другие обвертывали лицо тряпками, третьи прятали голову под шинель. Знобило. Шумели макушки берез. Ночь была темная и холодная. Все небо заволокло тучами. Вдали слышалась канонада. Я не помню, как уснул.

На рассвете несколько отрядов пошло по направлению Среднего Села. Наш отряд вместе с двумя другими расположился в деревне Мануиловка. Заняли бани, дворы, хлева, овины, сараи. Сена еще не было свежего, пришлось довольствоваться старой соломой. Я впервые в жизни соскучился по горячему чаю. С наслаждением выпил кружку кипятка, доставшуюся с великим трудом. Стали варить суп из соленой трески и концентрата. Повара были доморощенные. Обед оказался пересолен, пах дымом, безвкусным, но мы ели его за милую душу, как говорят иные. После еды расположились на гнилой соломе. Кто принялся бриться, кто играл в домино, а кто улегся спать. Ожидали дальнейших событий. Всем казалось, что мы выехали из Ленинграда очень давно, и мало кто знал, какое сегодня число. Несли круглосуточные дежурства. Опасались высадки неприятельского десанта, так как место для этого здесь было весьма удобно.

В Мануиловке мы прожили три дня. Через наши головы летели неприятельские бомбардировщики в сторону Ленинграда, а от Ленинграда летали наши или возвращались в одиночку расстроенные стервятники. По несколько раз в сутки станция Веймарн подвергалась бомбардировкам. После бомбежек небо озарялось зловещим багряным светом. Немецкая авиация господствовала в воздухе. Мимо нашего села шли машины с ранеными. Иные раненым завидовали. Со стороны Ленинграда везли технику, боеприпасы, продовольствие, людские резервы. Впереди нас шли ожесточенные бои. По ночам канонада усиливалась.

Вечером 18 июля в огромном сарае собралось не меньше сотни бойцов и командиров. Пришли командир отряда Татаринев и политрук

¹ Как я потом узнал, письма наши были уничтожены. Я узнал, что наш 60-й батальон накануне бы отправлен на бронепоезде под Лугу. Нас, сталинцев, осталось пять или шесть. Я, Корнилов, Остролинов, Рубин, остальных двух товарищей забыл фамилии. — *Примеч. автора.*

Васильев. Они нам объяснили задачу, стоящую перед нами, которая заключалась в том, чтобы задержать продвижение противника к Ленинграду. Мы должны пойти в глубокий тыл противника подрывать коммуникации и уничтожить живую силу врага. Отряд организовался на добровольческих началах. Предстоит партизанская работа. В заключение выступления Васильев сказал: «Те из вас, кому дороги Родина, Ленинград, независимость и свобода, безусловно, останутся в отряде, те же, у кого кишка тонка, для кого собственная шкура дороже Отечества, может идти домой пить кофе с женой, только пусть скажет об этом прямо и просто, — что он не желает защищать Родину или трусит, ибо в отряде должны остаться люди, до конца преданные партии и правительству, готовые на самоотвержение и величайшие испытания. Трудностей будет много, может быть, придется жизнь отдать за Родину. Малодушных и трусов в отряде не должно быть».

После его слов начался опрос по списку.

— Ващенко, остаешься?

— У меня сердце шалит и ревматизм, — весело отозвался крижистый украинец, командир взвода.

— Сердце у многих из нас шалит, ревматизм пройдет. Ты командир и должен остаться, — ответил ему командир отряда.

— Бывалов?

Молчание.

— Бывалов?

— Товарищ начальник, слышу плохо. Да и живот что-то расстроился.

— Мандраж пробрал! Штаны полные <...> — под общий смех прокомментировал кто-то из присутствующих...

— Семенов?

— Остаюсь, — твердым голосом ответил молодой сильный рабочий.

— Игнатьев?

— Староват я. Да и семья большая. Я отвоевал в свое время. Пусть теперь воюют, кто помоложе.

— А сколько тебе лет?

— 52, — ответил боец с типичным лицом рабочего.

— Генкин?

— У меня желудок больной. К тому же я в армии никогда не служил.

— Обучим. Важно желание. Ну что, писать, что ли?

— Нет, лучше я работать буду.

— Что ж, за уши не потянем. Трусов не надо.

— Карпов?

— Остаюсь. Если все пойдем по домам, кто же за нас воевать будет, — сердито, с сердцем ответил высокий сухощавый парень.

— Хорошо. Правильно. Своих сразу видно.

— Королев?

— Ревматизм у меня, товарищ командир, и справка есть, — отозвался мой сосед, здоровый парень, комсомолец липовый.

— Что ж, Ленинград немцу сдавать будем? Здорово! Ладно, и без вас справимся. Вернемся с фронта — расскажем о вас как трусах. Тоже мне — добровольцы.

— Цыпленков?

— Остаюсь.

— Белов?

— Тоже.

— Степанов?

— Честно скажу — трушу я. <...>

Так проходила запись в партизаны. Отсеялось процентов шестьдесят так называемых больных и трусов. Одни жаловались на нервы, сердце, легкие и просто на нутро, другие на зрение, слух, ревматизм, желудок, находились и такие, которые честно признавались в своей трусости. Иные долго колебались. Эти люди были третьего сорта, хуже трусов и «больных», от них можно ожидать, что они и в плен сдадутся, и товарищей продадут. Я на них смотрел с отвращением.

Смеха было много, когда здоровый детина построил жалкую гримасу, хватаясь за левый бок, он замогильным голосом причитал и жаловался на невыносимые боли во всей «середке». Да и палить из ружья он, по его словам, не умеет, а работать «дюже любит». Этот экземпляр развеселил бойцов и добавил бодрости в приунывших.

Отбор закончился. Вышли во двор. Нас, партизан, построили в две шеренги. Напротив, лицом к лицу — симулянтов и трусов. Мы отобрали у них амуницию, оружие, боеприпасы. Они охотно, даже с радостью расстались с тем, чему несколько дней назад радовались. Мало того, они снимали гимнастерки и услужливо предлагали нам сухие портянки, полотенца, даже кальсоны, которые не успели запачкать. Им трудно было скрыть безумную радость свободы и возвращения домой. Они были похожи на маленьких детей, которые одевают праздничную одежду пред тем, как идти на богатую елку. Были такие ласковые, добрые, словоохотливые. Предлагали свои услуги — передать наши письма лично в руки адресата, рассказать о нас нашим родным и знакомым. Они напоминали нечестного покупателя, которому кассир по ошибке дал сдачи больше, чем полагается, и торопящегося выйти из магазина.

Дома они станут, захлебываясь, рассказывать о том, как чудом уцелели, как много истребили немцев, как воевали за город Ленина. Дорогой они обдумают все. Их фантазия поможет им обрести славу в бесчестии. Они будут в пивных ударять себя в грудь и с пеной у рта рассказывать о своих «подвигах», и своих «ранах», и о «пролитой крови» за Отечество.

Мы их возненавидели. И не завидовали им. Пусть они идут к юбкам, уюту и покою. Надолго ли? Быть может, доведется встретиться. Тогда поговорим по душам. Недаром они боятся смотреть нам в глаза и голоса их такие трепещущие, как их подлые души. Вздыхают, ахают, причитают. Сброд подлецов и дезертиров. Горбятся: боятся, что командование раздумает и оставит с нами.

Вот их строят. Я быстро набрасываю несколько теплых слов невесте и, заклеив конверт с деньгами и коротким письмом, передаю его Борису Королеву с просьбой передать адресату. Звучит команда. И они уходят.

Небо, освещенное багрово-синими отсветами, казалось зловещим. <...> Сколько еще таких малодушных, трусливых людишек встретится на дорогах войны! Что им до Родины, до независимости своего народа, до страданий родных и близких. Быть может, немногим из нас суждено вернуться домой, а кто погибнет — семья того краснеть не будет. И потомки о нем с гордостью скажут:

— Он погиб за счастье нашей Родины. Он остался честным до конца.

Много мыслей породил их уход. Но долго размышлять некогда. Звучит команда «Смирно, правое плечо вперед, шагом марш». Прошли метров двести до продовольственного склада. Получили сухой паек на три дня. Мясные консервы, сгущенное молоко, сухари, табак. Затем нам объявили боевую задачу: уничтожение аэродрома противника и контроль над его коммуникациями в энском районе. Кое-где в небе виднелись отсветы пожаров. Опускалась тихая лунная ночь. С полей пахло росистой травой и конским навозом. Тронулись. Загрохотали котелки и фляги, на ходу устранили шум.

5 сентября 1941 года

Солнечное осеннее утро. Получаю приказание сопровождать командира батальона Обрезкина в г. Шлиссельбург. Со мной Олег Собеиников. Садимся на катер-охотник. Моряки заметно под газом. Идем тихо, как на прогулке. Майор облокотился о решетку борта. Мы, сопровождающие, с канадскими винтовками, стали рядом. Настроение у меня солнечное. Пришвартовались к берегу. Моряки остаются, мы идем в город. Майор впереди, мы в трех шагах от него. Входим в отделение милиции города

Шлиссельбурга. Здесь лет двадцать тому назад бывал мой отец. В милиции душно. Полно народу. Это все эвакуирующиеся, «разбомбленные», оставшиеся беглецы и беженцы. К первым относятся свободные граждане, проявившие трусость, ко вторым заключенные, осмелившиеся бежать под шумок. Среди живописной пестроты лохмотьев и физиономий особенно отличаются две. Это два приятеля по несчастью. Беженцы из лагеря. Один еврей с плутовскими глазами, с движениями заядлого авантюриста. На вид ему за тридцать, но на лице много морщин, голос вкрадчивый, осторожный. Он взирает на окружающую публику, как на стадо своих баранов. Рядом с ним сидит на подоконнике его напарник. Это русский деревенский парень. Не обижен здоровьем. На глуповатом лице читаются страх и озабоченность. Он словно мышь в мышеловке. Он сидит словно на иголках. Наконец, достает из вещмешка сверток и развязывает его. Там оказались толстые ломти шпика и сухари.

Его напарник бесцеремонно берет пару кусков сала и сухари. Их вызывают. Вначале русского. Он растерянно вскакивает и идет за загородку, но тотчас же бежит обратно. Захватывает свой мешок, который предусмотрительный сосед уже успел спрятать под лавку. Мы сидим молча в ожидании комбата. Вокруг женщины с узлами, мужчины с котомками, старики и ребятишки, будто на захолустном вокзале. Появился майор. Мы встаем. Он приказал Олегу оставаться и ждать нашего возвращения, а мне велел его сопровождать. Солнце высоко. Мы идем по пыльным улицам старинного провинциального городка. Два дня назад немецкие бомбардировщики «навестили» его. Под ногами скрежещет битое стекло, мы спотыкаемся о куски кирпича и штукатурки. На мостовой воронки до двух метров глубиной. В городе много моряков и армейцев. Мы идем вдоль канала, сворачиваем на длинный проспект. Одноэтажные домики утопают в зелени садов.

Идем медленно. Комбат часто останавливается, снимает фуражку, вынимает платок и вытирает с лица пот. Встречные военные отдают моему начальнику честь. Я, как телохранитель, иду четким чеканным шагом, оглядывая с ног до головы озабоченных прохожих. Наконец мы у цели. Заходим в магазин с черного хода, комбат получает сверток, и мы возвращаемся обратно. Та же дорога. Зной невероятный, хочется выпить пива, но его нигде нет. Комбат останавливается перед домом в центре города и отпускает меня. Я должен идти в отделение и там дожидаться.

Мне только это и надо, я направляюсь в ближайший магазин и, вывернув все карманы, покупаю полбутылки ликеру и бутылочку яблочного вина. Затем иду в милицию. Олег истомился ожиданием. Я предлагаю ему освежиться яблочным вином, он отказывается: студент-трезвенник. Я один рассчитываюсь с бутылкой. На жаре меня развозит. Скоро,

покачиваясь, является майор. Он тоже заметно навеселе. Втроем возвращаемся на пристань. Там уже лежат два тюка, мы их относим на катер. Охотник отваливает от берега, я оставляю майора под охраной своего друга и спускаюсь в кубрик.

Моряки пьяны как сапожники. Я ставлю на столик свой ликер, они — пол-литра водки и закуску. Катер тоже захмелел, его бросает из стороны в сторону. У майора возникло желание завернуть в крепость. <...> Один из моряков вышел на палубу с гармошкой, и над невской тишиной залиvisto заголосили частушки. Женщины с правого берега махали нам руками и платочками, мол, милости просим, гости. Это ленинградские женщины, занятые на оборонных работах.

Мы причалили к берегу. Там среди груды камней и штабелей досок на солнцепеке работали сотни девушек и женщин. Самые смелые стали карабкаться на нашу посудину. Майор сошел на берег, не помню зачем. Я увлекся какой-то девчонкой и все ее расспрашивал о Ленинграде. Наконец мы тронулись. Гости — случайные пассажиры — не хотели нас покидать. С великим трудом мы с ними расстались. В крепость решили не заходить и с песнями пошли к родному берегу.

* * *

Дочь хозяйки дома, где мы расположились, — веселая девушка с голубыми глазами и каштановыми волосами. Она меня называла «мой кудрявый». Ей 18 или 19 лет, она работает на заводе имени Морозова. Исключительно жизнерадостная солнечная девушка, зовут ее Катей. Брат Роман, крепкий красивый парень лет 17, всем нравился. Он тоже работал на заводе имени Морозова. Это типичная русская семья. Старший сын хозяйки был в армии.

* * *

Вечером ребята надумали пойти в баню. Меня оставили за повара. Я чистил картошку и колол дрова. Ужин был на славу. Картошка тушеная с консервами, картошка, жаренная со шпиком.

Ребята вернулись весьма веселые. За столом они рассказали, что мылись вместе с женщинами. Особенно смеялись над помощником, дядей богатырского сложения и равнодушным к женскому телу, хотя у него дома осталась жена и двое детей. Это не мешало ему до войны иметь одну-двух любовниц.

* * *

7 сентября с утра над нами кружились немецкие самолеты. Их противный вид взвинчивал нервы. Наших самолетов не было.

Под вечер зарокотала канонада. <...> Противник приближался. Мы задерживали бегущих пехотинцев, из которых набрали целую штрафную роту. Среди дезертиров были и командиры. Затем я получил задание занять позицию с немецким пулеметом у школы на берегу Невы. На противоположном берегу появились немцы. Это было неожиданно, и многих охватила паника. Особенно среди нашего командования. Наш берег интенсивно обстреливался из минометов и пулеметов. В сумерках заискрились трассирующие пули. Мы оказались на передовой линии фронта. Наша артиллерия лениво отвечала немецкой. В Марьино загорелось несколько домов. Берег Невы осветился багровым светом. Река казалась зловещей и черной. Небо заволкло тучами. С противоположного берега донесся рокот танков. Мы с командиром Панчулом залегли у пулемета. Патронов было достаточно. Многие ребята перетрусили. Все ожидали, что немцы будут форсировать реку. Панчул — участник Финской войны — был настоящим командиром. При виде немцев его глаза загорелись ненавистью. Он мне сказал:

— Будем держаться до конца. Не спасуем. Я очень рад, что именно с тобой буду рядом.

К полудню мы перебрались в блиндаж. К нам присоединился Ежов, помощник командира взвода, трусливый, эгоистичный интеллигентик. Второй был славный малый, командир отделения Эдуард Сосновский.

Немцы запалили костры. Они разъезжали на мотоциклах и расхаживали по берегу, как у себя дома, будто нас и не существовало. Это нас немало злило, но вынуждены были выполнять приказ, то есть наблюдать и докладывать, но не открывать огня, так как предполагалось, что немцы будут переправляться, мы и сами были уверены в этом.

Не смыкая глаз всю ночь, мы поочередно наблюдали из амбразуры нашего блиндажа. Бинобль Ежова переходил из рук в руки. Панчул нервничал. Ему наша точка казалась мало замаскированной. Я дважды вылезал наверх с саперной лопаткой, подымал бруствер, набрасывал ветки.

Мы насчитали около двухсот танков. Причем танки были всевозможных конструкций. Гитлер раздел всю Европу. Техники у него было достаточно. Здесь были низкие широкие танки и высокие узкие, танкетки и броневики. На рассвете в бинобль стали видны физиономии фрицев от рядовых солдат до обер-офицеров. В центре Марьино, по-видимому, находился штаб. К высокому дому непрерывно подъезжали посыльные, связные и адъютанты пешком, на велосипедах, мотоциклах и легковых автомобилях всех европейских заводов.

Это беспрепятственное движение напоминало парад. По обеим сторонам дома немцы замаскировали группу танков и артиллерийскую батарею.

Танки шли к Шлиссельбургу, за ними двигалась пехота, человек 20–30 за каждым.

Немцы чрезвычайно дерзко вели себя на открытом берегу. Они прекратили стрельбу, наверняка знали, что мы здесь находимся. Они, вероятно, думали, что по крайней мере целая дивизия, но никак не батальон истребителей, плохо обученных добровольцев.

Скоро весь берег покрылся зелеными шинелями и гимнастерками. Им доставили газеты. Они с утра читали новости о победах германского оружия. Некоторые жевали бутерброды. Среди военных были видны мужчины и женщины. Даже с нашего берега были видны эти распутные физиономии грязных проституток, их развязные движения, манеры.

Особенно гадко было, когда фрицы подходили к Неве и, наклонившись, мыли в ней грязные руки. И тут же испражнялись и брали воду для питья.

— Эх, сейчас бы десяток минометов да пару батарей артиллерии! Дали бы жизни, — со вздохом проговорил командир нашего взвода Шарков.

Немцы продолжали мирно расхаживать и раскатывать, а мы — расслаживаться. Вот появилась наша авиация. Немцы открыли яростный огонь из автоматических зенитных орудий и пулеметов. Наши орлы, не дрогнув, низко пролетели над их позициями, и вскоре мы услышали разрывы бомб.

Проснулись наши артиллеристы и начали долбить по немецким позициям. После чего не замедлили явиться немецкие бомбардировщики. Мы ожидали массированную бомбежку, но на этот раз противник сбросил всего около полутора десятков небольших осколочных бомб. Они не нанесли нам серьезного урона. Разрушено несколько домов, погибли или были ранены с десятков бойцов и мирных жителей, случайно оставшихся в деревне.

Нас перевели ближе к штабу. В одну ночь разграбили пекарню и растащили магазин. Мы ловили население и солдат. На третий день нас временно отправили на работу в хозввод. Днем мы оборудовали землянки, склады, по ночам несли охрану штаба и других объектов. Немцы не пытались делать переправу. Они укреплялись, постреливали, отдыхали, попивали наше вино и отсыпались у проституток.

В темные осенние вечера по Неве плыли горящие баржи. Охваченные ярким пламенем, они медленно двигались от Шлиссельбурга вниз по течению, освещая берега реки. <...>

Мы охраняли передний наблюдательный пункт, заходили в пустующие дома, где еще мяукали голодные коты, стояло не скисшее молоко и не успевший зачерстветь хлеб. Жители ушли со своим скарбом в лес, где вырыли землянки, забрав ребятишек и скот. Но каждый день с наступлением темноты они возвращались на свои огороды за картофелем.

Три дня на реке было тихо. Противник уже успел окопаться и укрепиться. На четвертый мы первые открыли огонь по немцам. Они ответили. Начались короткие перестрелки. Началось с того, что наш молодой боец, в недавнем прошлом молодой рабочий, вопреки всем приказам не вытерпел свободного «нахального», как он выразился, хождения немцев и нажал на спусковой курок. Он был превосходным стрелком и на расстоянии 500 метров убил наповал здорового фрица. Это понравилось, и начали наши палить в сторону противника. Начальство поддержало инициативу. Более того, оно издало официальный приказ стрелять по немцам.

Так фрицы перестали на наших глазах среди бела дня разгуливать по берегу, черпать невскую воду. Теперь они воровали ее по ночам.

Мы тоже отказались от невской водички. Наша кухня стояла на видном месте метрах в 100–150 от Невы. Место было открытое. За водой на Черную речку нужно было пройти столько же. Молодые необстрелянные бойцы трусили. <...> На кухне особенно донимала чистка картофеля и заготовка дров.

* * *

Однажды я увидел девочку лет десяти с простреленной головой. Она копала картофель, и немецкий снайпер «снял» ее. Мне стало не по себе. Личико такое печальное, приятное. Я долго мучился, вспоминая убитого ребенка, ярость и бешенство закипали еще сильнее.

* * *

Меня послали в разведку вместе с тремя товарищами. Командир смешил нас своей трусостью и бездарностью. Мы вернулись, не выполнив задание. Он нарушил присягу, когда второй раз стали посылать в разведку, он отказался идти, а рекомендовал меня, как хорошо знающего эти места. Я пошел с великим удовольствием. <...>

До нашего начальства дошли слухи, что недалеко от расположения нашего батальона спущен парашютный десант. Наша задача — найти этот десант и уничтожить. Я взял пятерых отборных молодцов с двумя автоматами. Мы вооружились винтовками, наганами и гранатами. Времени, чтобы выполнить задание, было достаточно. По пути

зашли к леснику в деревню Березовка. От него я узнал, где есть благоприятные места для высадки парашютистов и какое настроение у крестьян, передал записку матери, а уж потом скомандовал ребятам ложиться и отдыхать.

* * *

Однажды получил задание достать для батальона пару коров. Нас было четверо: я, Беляков, Сосновский и Ежов. Наконец мы в Коркине, знакомый дом. Воспоминания. Я в военной форме с карабином. Подходим к дому, матери нет. Чужие люди. Дома — записка от матери, что она уехала в Ленинград.

Нашел бутылку вина, масло, грибы, свежепросольные огурцы, селедку, яйца. Выпили с аппетитом, закусили, отдохнули с полчаса. Не хотелось уходить. Всем понравилась моя гостеприимная дача.

* * *

Утро. Лес. Срубаем тяжелые ветки, делаем шалаши. Роем землянки, маскируя их хвоей. Поочередно несем караульную службу. Варим кофе с молоком на костре со знатоком Терещенко. Беляков тоже любит хорошо покушать. Кучменко — изнеженный и неприспособленный к лесной жизни. Бойтся воровства, у него пропадают вещи. В землянках темно и сыро. Освещаем свечами. Шофер Андрей, участник финской войны. Веселый неприметный мужчина. <...> Простой солдат. Не дурак, себе на уме. В. — представительный, культурный командир, инженер завода имени Сталина. Н. — склочник, кляузник, чопорный мужичонка. Награжден медалью «За трудовое отличие». Этим весьма кичится. Е. — самовлюбленный, трусливый интеллигентик, не пользующийся авторитетом среди бойцов.

* * *

По утрам спускаемся к Черной речке. Здесь так много зелени и солнца. На левом берегу лес. Крутые обрывы. Утренний туалет минометчиков. Вести из Ленинграда. Газеты, почта.

* * *

Моя поездка за вином. Нашли литр водки в пустой посуде, опрокинулась в речку при переправе. Я нырнул за «монахом». Взгляд Андрея из кабины — незавидное критическое положение. Распиваем водку. Согреваемся, я с Романовым иду выполнять задание командира. Стреляю в лесу. Крепко пьян. Арест. Допрос. Сопровождают конвоиры. Сплошная мгла и сплошной лес, меня принимают за шпиона. В землянке ко-

менданта пьянка и свет. Злополучные конвоиры. Ночлег в шалаше. Ли-хорадка, соседи — товарищи по несчастью.

Утро в лесу при штабе дивизии Донского. Докладная записка. Освобождение. Радость, свобода, форсированный марш в родном лагере. Шутки, остроты товарищей. Расспросы. Голод.

* * *

<...> Кокорево. Берег Ладожского озера. <...> Опять роем окопы. остано-вились в школе. Обживаемся, несем караульную службу. Обедаем у ры-баков и на кухне. <...> Осенний холодный, ветреный день. Иду с рыба-ками на озеро на ловлю рыбы. Среди рыбаков тесть брата. Старик — ти-пичный рыбак. Знаю его пятнадцать лет. Не видел семь-восемь. Расспрашиваем друг друга об общих знакомых и говорим о настоящих событиях. Нас четверо: три рыбака и я — их «конвоир». Одних их опа-саются отпускать на озеро. Натягиваем парус и разводим костерок на баркасе. Долго ищем кубас¹. Сильный ветер рябит воду и слезит глаза. Баркас убаюкивает. Тянем сети. Я жадно смотрю на трепещущее сере-бро. В корзину летят сиги и окуни. Попадают щуки, налимы и судаки, но их мало.

Баркас тяжелеет от грузов и рыбы. Около сорока сетей вынули. Три огромные корзины наполнили рыбой. Она медленно умирала на моих глазах, судорожно шевеля жабрами, некоторые долго трепетали, подпрыгивали, сверкая в хрустальном воздухе.

Над нами летали чайки и самолеты, свои и чужие. Мы были в открытом море, верстах в десяти от берега. Видели только береговой маяк и суда. После труда праведного опять развели костер. Варили уху из сигов и натягивали паруса. Опять говорили о текущем моменте. Ста-рики были довольны уловом, я — поездкой с ними. Вернулись засветло, возвращались против ветра на веслах. Сильный ветер на озере. Серые осенние дни. Тоска по родному городу и друзьям.

Дозоры. Неожиданный отъезд среди ночи. Всего четыре дня пробыли в покое. Ночь. Дележка сухого пайка. Озабоченные нервные лица. Смерть связиста. Ночной поход по непролазной грязи в поселок Морозова. Идем всю ночь с короткими привалами. Не знаю, куда и за-чем. Делаем всевозможные предположения.

* * *

Шли до рассвета. На рассвете встретили старика-крестьянина лет семи-десяти, старик бодрый, все зубы целы. Он нам рассказал, что в деревне

¹ Поплавок невода.

Крупы расположились немцы. Они там гуляют всюю. Пьют, заводя патефон, танцуют с нашими девками. Ходят в лес к крестьянам покупать яйца, кур, просят за николаевские деньги. За яйца платят 16 коп. десятка. Командир нашего отряда решил уничтожить их. Мы переправились на рыбацких скорлупках через речонку и сделали большой привал: отдохнули, доели, у кого были сухари, покурили, умылись. С наступлением темноты пошли к селу. Всю ночь мы бродили по болоту вокруг деревни, а когда рассвело, разбились на две группы. Одна должна была остаться в засаде, а другая пойдет на село. План оказался неудачным. Взвод, в котором находился я, должен был первым войти в село. Остальные на дистанции двести-триста метров по сторонам.

Приготовились, зарядили гранаты, пошли. Впереди метров на пятьсот пустое поле. На возвышенности горбилось несколько домов. Вместо того чтобы войти в деревню с фронта, где открытого места всего 100–150 метров, мы пошли с тыла. Шли во весь рост. Шумели, переговаривались.

Два отделения выступили вперед. Неожиданно прозвучала четкая громкая команда на немецком языке. Не успели мы переглянуться, как на нас обрушился ливень трассирующих пуль. Заговорили две пушки, два миномета. Девять человек рухнули как подкошенные, 13 человек ранено, и это из 26 человек. Я упал рядом с командиром взвода, который бросил автомат, куртку, вещевой мешок, командирскую сумку и противогаз, пилотка упала с его головы. На нем не было лица. Я бросил один противогаз и повернулся лицом к деревне. Сейчас это звучит двусмысленно и смешно, но в тот момент, наверное, и на мне лица не было. С сеновалов строчили пулеметы. Пушки вели огонь по опушке, где находилась наша засада. Бойцы отползали вслед за командиром, подбирая раненых, я с двумя товарищами отстреливался, но, так как поднять голову было невозможно, а пули уже пробивали мешок и пилотку, я тоже начал отползать. <...> Я впервые почувствовал смертельную опасность так близко.

От волнения спирало дыхание. Полз, сливаясь с травой, но они, дьяволы, с сеновалов все видели. И как только я приподымал голову, они пускали несколько пулеметных очередей. Им, наверное, было весело, а каково мне, когда пули буквально ложились между пальцами. Как только они открывали огонь, я замирал, пережидая, когда утихнут, вновь полз, пока не заполз в канаву, где лежали два бойца с побелевшими лицами. Затем немцы перенесли огонь на кустарник, откуда заранее выбрались два отделения нашего взвода. Мины рвались в 100–150 метрах. Мы поползли к опушке. Занималась заря. <...> Мы подсчитывали потери и собирались группами, распределив раненых, которых понесли

на самодельных носилках, перевязав рубашками раны. Кого ранило в руку или легко ранило куда-нибудь, кроме ноги, шли сами. Теперь уже все смеялись нервным болезненным смехом.

Отряд собирался долго. Ушли глубоко в лес, усталые от волнения, бессонницы, голодные, повалились на мох и спали. Сильно мучил голод, кто-то нашел телку и подстрелил ее. Ели сырое мясо без хлеба и соли. Я не мог есть, меня тошнило. Болели голова и живот.

К вечеру состоялся совет командиров. Опять вербовали добровольцев из добровольцев. На этот раз осталось человек 50. Мы отказались опять идти на деревню. Это было безумно и бессмысленно. Нас начали раскулачивать, меняли сапоги, забирали куртки, гранаты, пистолеты, котелки, даже ложки.

Настроение было подавленное, ругали командование. Оно само чувствовало свою ошибку и объяснило, что совершать налеты на деревни, занятые противником, не наше дело. Наша задача — караулить у дорог обозы, транспорты и прочее.

Жаль командира отделения эстонца Коллу, красивого честного парня. Он был неплохой командир, пользовался авторитетом среди бойцов и отличался умом от многих командиров. Его убили.

40 километров несли мы раненых по болоту. Голодные, измученные, томимые зноем. Ели траву, прошлогоднюю клюкву и всякую болотную зелень. У всех болели животы от горькой болотной воды. Натирали мозоли, хромали и несли носилки, по колено утопая в вязком мху. Над нами кружили стервятники. Трое суток продолжался наш поход. Спали по два-три часа, бредили. Жадно набрасывались на ручки. <...>

Пройдя километров десять, мы встретили двух старших офицеров. Командир нашего отряда товарищ Татаринов долго с ними говорил, после чего мы изменили свой курс и, отойдя километра на три назад, пошли влево. Шли всю ночь и все утро. Поочередно менялось боевое охранение. Через час-два делали короткий привал. <...> С утра приходилось маскироваться от немецких самолетов. Почти каждые пять-десять минут слышалось «Воздух!». В полдень назначали трехчасовой привал. Устали здорово. Проголодались. Во время привала, быстро перекусив и перекурив, легли спать. Мне не пришлось уснуть, я был назначен в боевое охранение в сотне метров от проселочной дороги. Дремал стоя, опершись на винтовку. Кругом был лес. Мириады комаров жужжали в воздухе. Эта карликовая авиация не давала покоя ни утром, ни вечером. После привала поход продолжился. К вечеру подошли к деревне Большие Кленцы, что стоит на берегу реки Луги. Перешли железнодорожный мост. Мост стройный, высокий, красивый. Расположились на опушке леса на берегу реки. Усталость валила с ног. Аппетита не было.

Хотелось пить и спать. Разулись, осторожно развесили портянки. Закурили. Большинство как ткнулось в траву или мох, тотчас заснуло.

* * *

Кто-то пустил слух, что Турция и Америка объявили войну Германии. А нам объявила Япония. Кто-то сказал, что две тысячи наших и английских самолетов бомбили Берлин, что Финляндия выгнала из своей страны немцев, что Тимошенко отбросил немецкие армии до Варшавы. Кто-то верил, кто-то не верил. Газеты мы около недели не видели, радио тоже не слышали. Писем не писали и не получали. Мы оказались как бы отрезаны от мира. Весь наш горизонт составляли всего несколько километров, пройденных за последние дни. Нам казалось, что мы уже давно покинули Ленинград, не у многих жила надежда увидеть его еще раз когда-нибудь.

* * *

Не успели заполнить фляги речной водой, просушить портянки, как услышали в сотне метров выстрел. Все всполошились. Немцы были от нас в двух с четвертью километрах. Они, как нам сказал один из кадровых командиров, прочесывали лес и расположились на ночлег, иногда вели беспорядочную стрельбу из пулемета. Скоро выяснилось, что один из бойцов по неосторожности или умышленно нажал на спусковой крючок и прострелил себе ногу. Через час нас подняли, и мы пошли вглубь леса, вошли в болото. Немцы остались позади. <...> Впрочем, они были и впереди. Наступила ночь. Мы шли колонной по одному по едва заметной лесной тропе. Неожиданно послышался рокот танковых двигателей. Залегли. Наши разведчики осторожно в ночной темноте пошли на звуки. Изредка в темноте вспыхивали немецкие ракеты. Мы долго лежали, затаив дыхание. Люди начали засыпать. Часто по цепи передавалась краткая команда «Не спать!». Толкали товарищей каждые пять минут. Спать хотелось всем, но спать было нельзя. <...>

Скоро разведка донесла, что путь свободен. Мы поднялись и пошли дальше. Шли всю ночь, делая короткие привалы. Шли до 10 утра. Устали до невозможности. Проголодались. Доели консервы и сухари, с табаком обстояло благополучно. На привалах к нам часто подползали змеи. Но ни одна гадюка не укусила. Змеи благоразумнее фашистов.

* * *

Мы всегда были на воздухе — в лесу или поле, на болоте. Хорошо пахло травами и цветами. Колосилась рожь, синели васильки, краснели огоньки гвоздики, луга пестрели полевыми цветами. Воздух был насыщен

медовым ароматом. Солнце пекло неистово. Пить много остерегались. Тело было мокрым от пота. По ночам тряслись от холода, днем изнывали от жары. Резкая перемена температуры вызывала гриппозное состояние. Правда, болели единицы. От болотной воды у всех болели животы. Я впервые в жизни так мучился животом, у меня крепкий организм. Подводило сердце — работало с перебоями. Одышка, головокружение. На нервы я внимания не обращал. Да и особых причин нервничать не было. Впереди нас ожидало что-то интересное, опасное. Я любопытен по природе. <...> Если бы была возможность вести дневник, я бы писал его, несмотря на нечеловеческую усталость. Но у меня не было ни записной книжки, ни карандаша, да и адресов нельзя было при себе иметь, не только дневник. Все документы были уничтожены. <...>

Падая от усталости, мы продолжали выходить из окружения. Впереди шла разведка из добровольцев, в том числе я.

Натыкались на немцев, вели перестрелку, но в бой не вступали: не хватало сил. На одной из дорог убили офицера и ранили солдата. Труп офицера остался на дороге, солдат убежал в лес, и мы не решились его преследовать.

С величайшей осторожностью выходили мы из окружения. Начальник штаба собрал нас, измученных разведчиков, и сказал:

— Судьба 150 человек в ваших руках, мы окружены, там, где были наши части, уже находятся немцы, на вас вся надежда. Бойцы этого не знают. У них и так упадок и физических, и душевных сил. Выводите нас из окружения, вы сделаете большое дело во имя жизни ваших товарищей, во имя нашей Родины.

* * *

Мы продолжали прошупывать дорогу, заходя в леса и перелески, в болота и на поляны. Подошли к реке Луге. Часть товарищей переправились вплавь, а мы трое пошли сообщить начальнику отряда, что выход найден. <...>

Перед боем

Два берега — два врага. Река — нейтральная зона. К берегам идут хода сообщения, вдоль реки — траншеи. Мороз. Романтичная луна. <...> Мерзлые комья земли на заснеженных брустверах (напоминание о рытье траншей под огнем). Шлиссельбург. Крепость — посреди насыпи на острове. Гарнизон крепости. Исходные позиции, землянки, блиндажи, дзоты, НП и КП. Сухой паек. Курить нечего. Белые халаты,

новые — белее снега. Снег черный от пороха. Воронки. Ракеты. Радисты, связисты и связные. Артподготовка. Командиры, саперы, санитары. Минные поля. Первое ранение.

Огневая позиция: Сторожка у насыпи, котлован, миномет, тропинка. Добыча дров. Мост. Овраг. Злополучный телефон. Времянка. Письма. Война и мир. <...> Дуэль. Авиация, Рабинович, Собеиников, Кошкин. Ночные думы солдата. Вьюга, воспоминания. «Когти», анекдоты... Мечты о будущем.

Наблюдательный пункт: на переднем крае. Обстрелы из орудий, минометов и пулеметов. Охота снайперов. Воронки... Траншея. Бинобль. Амбразуры. Карта. Телефон. Исток Невы. Крепость. Мертвый город. Ракеты. Канонада. Авиация. Разведчики. Ледяная пустота. Сожженная деревушка. Соседи. Товарищи. Голод. Сводки. Позывные по коду. Корректировка стрельбы, засечка огневых точек. Шум моторов.

* * *

Около одиннадцати часов вечера помощник командира батальона Ляликов приказал нам, связным, идти на КП 5-й роты. Три километра шли на лыжах. Я шел легко и быстро. Ребята отставали.

Начальство уже было на местах. Подвезли сухой паек: 80 г сухой колбасы, 70 г масла, 35 г сахара, 360 г сухарей. Табаку и водки не оказалось. Самое главное для солдата, едущего в бой. На КП я получил приказание связаться с командиром пулеметной роты Шарковым и получить от него список действующих лиц. Даже без ракет можно было хорошо видеть на значительное расстояние. Я нашел Шаркова на исходной позиции в низкой землянке, битком набитой бойцами и командирами. На обратном пути увидел над головой зеленые ракеты. Сигнал с нашего берега. Можно было ожидать близкой артподготовки. Затем получил поручение передать приказ всем командирам рот явиться на КП исходной позиции. Это заняло много времени; несмотря на быстрое передвижение по траншеям и ориентировку по землянкам и дотам, упарился крепко.

Немцы периодически выпускали пулеметные очереди по переднему краю. Пули свистели над головой. В 2 часа ночи освободился и на трескучем морозе вместе с другими связными и радистами танцевал от холода у входа в командный пункт батальона. Радисты настроили рацию, связисты-телефонисты стояли с катушками и аппаратами. Все говорили о предстоящей атаке. Время было за полночь. Сигнализация, ракеты перестали вспыхивать, и мы ждали начала артиллерийской подготовки.

— Неужели опять пойдем без поддержки авиации и артогня? — спрашивал сухощавый сапер и крепко ругался.

— Обожди, — отвечал ему связист. — Вот рассветет, и пойдем. Иначе ни мы немцев в темноте не увидим, ни они нас, — едко шутил он. — Помнишь, как в декабре ходили на рассвете.

Настроение портилось. Уже тянуло ко сну. Плясать устали, а перестанешь плясать — мерзнешь. Уже начало светать, а не было похоже, что наше командование готовится к наступлению. На лицах усталых солдат появились улыбки.

— Видимо, сегодня не пойдем, — заметил старик.

Кто-то выразил робкую надежду и подозрение, что вообще больше в бой не пойдем, а здесь нас сменят, отведут на отдых. Эти высказывания заронили в наши головы сомнения в отношении боя.

— Но ведь не за красивые глаза же нам выдали сухой паек, — мрачно пробормотал связной 5-й роты.

Я начал быстро бегать по траншее, согрелся и вскарабкался на бруствер. Немецкий берег был отчетливо виден. Я взял бинокль и стал внимательно прощупывать оборонительную линию врага. Никаких признаков жизни, будто фрицы покинули город, только в глубине виднелись жиденькие клубы дыма.

Город Шлиссельбург казался мертвым. И вдруг у самого уха взвизгнула пуля. Бинокль, видимо, блестел стеклами и выдал меня. Снайпер промазал. Я тотчас же спрыгнул в траншею. Пусть фриц считает, что «снял» еще одного русского. <...> Ребята смеялись. <...> Скоро из КП вышел начальник штаба Селедкин и отдал приказание связным вести наблюдение за противником, а сам пошел в сторону тыла. <...>

Я весело заметил товарищам:

— Моя очередь прошла — извольте наблюдать.

— На кой черт башку под пули подставлять, — вяло промычал связной 4-й роты. — На это есть наблюдатели.

— Боятся, что мы без дела с ума сойдем, — предположил второй, но взял бинокль и влез на бруствер.

Скоро посыпались пули. Он укрылся в траншее.

— Наше с тобой счастье, — обратился он ко мне, — что у снайпера или руки замерзли, или они у него трясутся с похмелья, а не то без боя черту бы душу отдали.

Второй забрался наверх, как он сказал, для видимости и головы не поднимал.

Скоро пулеметные очереди стали бить по брустверу, и пули снайпера свистели над ходами сообщения. Далее ходить стало опасно. Вероятно, на колокольне засели снайпер и наблюдатель.

Скоро начальство покинуло КП, и мы забились туда. Коптилка коптилка, с потолка лилась вода. Вместе с водой на лицо и за шиворот

стекала копоть. Лежать пришлось на сырых, грязных и холодных досках. Знобило. Хотелось спать, но заснуть было трудно. Табаку ни у кого не было. С ума все походили от нервоза, лучше и не спрашивай ни о чем никого — как звери. И все-таки я уснул и часа два проспал тревожным лихорадочным сном, а потом пошел опять наблюдать.

Обед мне принес товарищ. Четверть котелка гороховой холодной воды и полтора фунта хлеба. Я быстро разделался с ними и вновь нырнул в черную пасть входа выпитывать холодные, грязные потоки воды, глядя на гигантские тени голов от глиняного светильника. Шапка и шинель от воды стали свинцовыми. <...>

Из начальства вернулся только начальник штаба. Мы разместились в дзоте, поочередно выполняя его приказания.

С наступлением темноты опять стали ждать наступления. Спать не пришлось. Нам не давали спать, к тому же сон бежал от нас. Мы пребывали в каком-то полусонном, апатическом состоянии.

Саперы спустились на лед Невы. Разминировали наши поля, подготовили для прохода пехоты <...> значит, должно быть наступление. Многие им завидовали:

— Счастливо отделались, — пробурчал старик, скручивая сигарку.

У него табак никогда не переводился, запасливый был фронтовик. Сигналов в эту ночь не было... Тишина и спокойствие не предвещали ничего хорошего. Но все-таки мы так и не пошли в бой.

Мороз не сдавался, луна не пряталась в облака. Предположение, что нас ожидает отдых, усилилось. Фантазия уже побежала вперед. Грезилась сытая, спокойная жизнь на Большой земле, хотя и ненадолго.

Начало светать. Лица солдат сделались пепельными. Глаза — воспаленными.

Утром, это было 5 февраля, я пошел на кухню за завтраком. Расстояние — полтора километра. Дорога — половина идет по траншее, кустарнику, кругом живого места нет от воронок. Немцы, вероятно, уже знали о наших намерениях и беспрестанно обстреливали подходы к позиции из минометов.

Кухня находилась в сосновом лесу у нашей огневой позиции, откуда мы вели стрельбу по фрицам, здесь я хоронил товарищей. <...>

У кухни кишели бойцы. Голодные, усталые от бессонницы, промерзшие, злые без табака, бойцы приплясывали, грохоча котелками, переругивались, перекидывались шутками. Вот и Шостко здесь, и Романов. Стрельнул закурить. Получил новый ослепительный «саван», то бишь маскхалат. Новостей нет. Новости впереди. Мы их сами будем де-

лать. Эти новости немного веселее стали после этой прогулки. К тому же позавтракал горячим супом. Ходьба подбодрила.

Вечером опять бегал с приказами и донесениями, я знал, что в эту ночь мы идем в атаку.

В 11 часов бойцы стали выходить из землянок и скапливаться у берега в траншеях. Их маскхалаты были серые, почти черные от копоти. Голоса хриплые. Лица мрачные. Ни смеха, ни шуток, ни разговоров. Шепотом бросит кто-нибудь пару слов, и все.

Ругали начальство за отсутствие водки и табака.

Немцы притихли. Даже пулеметы перестали плевать. Берегли боеприпасы. Они, по-видимому, ждали. Даже ракеты не кидали, ничем не выдавали себя. Луна играла в прятки. Это нам не нравилось.

Ночь на 6 февраля 1942 года. Эту ночь не забыть: темноликая луна, косматое небо, вспышки ракет, светящиеся пули, солдаты, солдаты, солдаты. Сердце щемило. Днем я как всегда острил, а перед боем почувствовал на душе смертельную тоску. Нехорошее было предчувствие.

Немцы возобновили интенсивный огонь. Ракеты все чаще стали вздыматься над Невой, у противника не хватало терпения. Они устали ждать нас и боялись, как бы мы не передумали, не отказались от намерения идти батальоном, состоявшим из полутора сотен человек, на штурм сильно укрепленного города. Они, вероятно, как и мы, две ночи не спали. Но зато днем могли спать.

Около двенадцати получили приказ спускаться на лед. Двигались с трех исходных позиций. Впереди шла разведка и саперы, с ними связисты, затем пехотинцы.

Командование наблюдало за немецким берегом и Невой, где уже ползли наши бойцы. Заговорили наши пулеметы и минометы. Они били по переднему краю немцев. Но огонька было мало.

Я спускался вместе с начальником штаба. Спуск был глубокий и крутой. Я невольно подумал, а как же в случае наверх? Но, видно, начальство надеялось, что нам обратно вздыматься не придется. Живые поднимутся на тот берег.

Немцы открыли огонь. Нам стало светло как днем от их ракет. Ад разверзся. Началось. Месяц заблудился в дымном небе. <...>

Ночь в полевом госпитале

Тусклый мерцающий свет ночника. В палате восемь пар коек и пара носилок с ранеными бойцами. В узком проходе стоит печка-временка и столик с дремлющей дежурной медсестрой. Заиндевелые окна

зашторены. В палате холодно. Раненые укрыты грубыми одеялами. Воздух тяжелый, спертый. Запах испражнений и гниения. Слышны стоны и вскрики, а потом и болезненный смех. Не могу уснуть, как и добрая половина тяжело раненных товарищей. Раны будто горят в огне. Острые боли в ногах, голова будто свинцовая. Прислушиваюсь к необычным шорохам и звукам. Вот кто-то шепчет что-то похожее на молитву. Шепчет истово, от всей души. Это, вероятно, старик, лежащий в углу. У него на шее я заметил крест. Кто-то отчаянно ругается в бреду, клянет жизнь на чем свет стоит, плачет, умоляет и стонет. Ему аккомпанирует февральская вьюга.

В паузах между завываниями слышны глухие звуки далекой канонады. Фронт всего в 15 км. Не могу уснуть. В памяти мелькают эпизоды последнего боя, трупы товарищей, запеленатых в белые халаты, будто в саваны, стоны раненых, крики командиров, звуки ружейной стрельбы, непонятные слова на немецком языке.

Один из раненых сел на кровати. Зашаркал больничными тапками. Встал, пошел к керосиновой лампе на столе у медсестры, прикурив и возвратился в постель.

Сестра спит. Она не слышит всех этих звуков. За время войны она успела к ним привыкнуть.

Шорох тапок. К курящему подходит другой, прикуривает. На несколько секунд, освещенное огнем папиросы, становится видно его бледное осунувшееся лицо. Завязывается разговор:

— Не спится?

— Не уснуть, которую ночь не сплю.

— А ты постарайся днем не спать.

И вновь стук костылей, шарканье тапок, скрип кроватей.

Я лежу у окна. При каждом порыве ветра от него набегаёт волна холодного воздуха. Слышу голос с пола от обитателя носилок:

— Братишка, принеси прикурить.

Через две минуты другой голос:

— Сколько сейчас времени?

Тут же последовал ответ:

— А бес его знает. Еще до завтрака далеко.

Громкий раздраженный смех нарушает относительную тишину палаты:

— Ишь, как его проняло. Небось, бабу во снах щупает, — съязвил кто-то из лежащих на полу.

Я сворачиваю самокрутку. Прошу перекинуть через койку зажженный окурочок, прикуриваю. Откуда-то долетает участливый вопрос:

— Тоже не спится?

— Вторые сутки не сплю, ни днем, ни ночью.

— Авось завтра уснешь.

— Постараюсь.

Разговор иссяк. Мягкая постель и чистое белье приятно ласкают уставшее тело. За семь с половиной месяцев не было ни одной ночи в нормальной постели!

Ветер выдувает скудные остатки тепла, освежает воздух.

Кто-то громко заплакал. Во сне или наяву? Плачет и ругается. Вероятно, во сне. В эту февральскую ночь миллионы людей по всему миру брошены войной в госпитали. Большинство вылечится и вернется на фронт, чтобы вновь пережить ужас и горячку боя и краткое мгновение победы, испытать муки от ран, а быть может, им уже не понадобится помощь врачей, ласка жены, забота матери, и боевые товарищи опустят под звуки ружейного салюта их останки в могилу. Часть госпитальных страдалцев навсегда останутся калеками, а иные домочаются здесь, на госпитальных койках.

Мой сосед справа — моряк, огромный детина с красивыми чертами лица. К утру его жизнь погаснет. Напрасно врачи торопились отрезать ему ногу, чтобы спасти от газовой гангрены. Работа их пропала даром. Моряк умирает. Так сказал госпитальный главный хирург вчера на утреннем обходе.

Вьюга за окном стихает. Почему-то успокаиваются раны. Сестра все еще спит, но уже скоро утро.

Вот уже кое-кто зашаркал тапками и застучал костылями. Начинается «паломничество» в уборную <...>

Я лежу неподвижный, беспомощный. Нога прикручена к шине Крамера.

Как тяжело все время лежать на спине.

Скорей бы утро. Быть может, я увижу холодное февральское утро, такое же яркое, как ракета, лопнувшая у моих ног перед ранением. Вьюга утихла. Шторы все еще задернуты. Тускло мерцает ночник. Медсестра проснулась. Ее лицо такое же белое, как и халат. Устала за время войны, и мы, солдаты, устали, и народ устал. А вожди продолжают бороться. Война продолжается.

Февраль 1942 года

* * *

15 марта 1942 года

Невский, 17Б. Прибыл в эвакогоспиталь. Три часа длилась утомительная процедура оформления, и вот, наконец, попал в рай, то бишь в ванную. После омовения меня, как святого, облачили во все белое, на руках санитары отнесли на третий этаж и положили на топчан без по-

душки. Санитары четыре раза отдыхали. Сил у них было мало. Я отдал им свою дневную хлебную пайку.

На утро умер один из раненых, и я перебрался на его койку с двумя матрасами. Он был тяжело ранен и не перенес повторной операции. Поговаривали, что в этом виноваты доктора.

Чуть рассвело, я оглядел свои новые хоромы. Три окна выходили на восток, пять — на юг. Значит, в палате целый день будет солнце. Насчитал 36 коек, народ разный и на вид интересный. Утренний обход делала молодая женщина-хирург. Спросила, когда я был ранен, велела медсестре перевязать. Так та неосторожно поступила, меня будто током дернуло — задела какой-то нерв.

16 марта 1942 года

Я заметил, как некоторые раненые при обходе сильнее хромают, жалуются на боли, лица становятся серьезными и сосредоточенными. Каждый опасается, что его скоро вернут на фронт. Среди таких больных немало обмороженных, но лишь немногие действительно ранены в бою. Таких пациентов не любят врачи, а мы тем более. <...>

4 апреля 1942 года

На днях спускался первый раз на костылях смотреть «Разгром немцев под Москвой». С тех пор не хожу: тяжело подниматься. В зале сумасшедший холод, хотя кинофильмы показывают через день. <...>

Мать купила за тысячу рублей пуд картошки. <...> Это надо с ума сойти. Вероятно, я в строй больше не вернусь. <...> Много ребят эвакуируется в тыл. <...> Что-то я залежался. От одного воздуха здесь можно заболеть. Хлеба получаю 600 г, 30 г мяса и 50 г сахара. Меняю сахар на табак или отдаю матери. Пью витамин С.

8 мая 1942 года

Вчера вечером долго беседовал с новым соседом по палате. Легко ранен в левую ногу, он всего неделю пробыл на фронте и попал в госпиталь. Ранило его во время работы. Он и немца не видел. Его рассказы про эшелоны, едущие на восток с эвакуированными ленинградцами, произвели тяжелое впечатление.

Плачущие дети, голодные дети, истощенные женщины, продающие себя за сухарь новобранцу, раненые бойцы Ленинградского и Волховского фронтов.

Он мне долго рассказывал о богатствах Сибири. <...> О своей спокойной сытой жизни в глуши, о первой любви, о последней встрече с женой. <...>

Сосед справа — чуваш. Он полтора месяца пробыл на фронте. <...> Богат <...> Денег при себе много. Покупает у своих раненых товарищей хлеб, масло и сахарный песок за бешеные деньги. <...>

9 мая 1942 года

Вчера вечером слушал лекцию о войне на Тихом океане. Узнал много нового, чего не встретишь в печати. После лекции смотрел фильм «Оборона Царицына». Фильм показался скучным и утомительным.

Пошел четвертый месяц моего ранения. Раны заживают вяло. Скорее бы медкомиссия! Надоело здесь лежать.

10 мая 1942 года

<...> Тоска забубенная. Эх, жизнь наша солдатская. Вечером немного отлегло. К соседу пришли два хлопца и развеселили воспоминаниями о делах разных. Один из них оказался особенно интересен. Он один уцелел от целого полка. Доброволец. Награжден орденом Красной Звезды. Высокий, крепкий юноша лет 22 или моложе. Напомнил мне младшего брата. Его родители жили в Луге, а он — в Ленинграде.

Во время беседы выяснилось, что воевали мы с ним на одних и тех же участках и в одно время. По специальности он сапер. Рассказал, как он минировал поле и сам наскочил на мину, но легко отделался и скоро вернется в строй. Честный мужественный парень, по лицу видно — сметливый и находчивый.

Второй парень родом из Ленинградской области. На передовой пробыл недолго. Лицо его было довольно красивым, глаза карие чистой воды, манеры изящные.

Васильев, бывший тюремщик, долго рассказывал о строительстве санатория на Валдае и о своих авантюрах на железной дороге. Особенно радостной ему казалась жизнь в исправительных лагерях. Много нового мы узнали из его историй о жизни преступного мира.

После ужина ко мне на койку сел пятидесятилетний Уголков — ополченец-артиллерист. Он рассказал о службе в царской армии и своем участии в войнах. По профессии он наборщик, работал в Публичной библиотеке.

14 мая 1942 года

Когда пациенты госпиталя идут в кино, то, наверное, представляют собою для постороннего человека довольно забавное зрелище. В халатах всех цветов радуги, кто с костылями, кто с палкой, на голову иные повязывают полотенце, другие надевают пилотку, шапки и проч.

27 мая 1942 года

Позади комиссия. Кажется, освободили на шесть месяцев. Вероятно, через неделю буду дома. О, эта комиссия! Целая эпопея. Напоминает страшный экзамен при поступлении в университет.

29 мая 1942 года

Получил обмундирование. Примерил. Надел. Сердце защемило от предчувствия воли, все еще не верится. Хожу как дурак. Неужели свобода? Боже мой! Совсем как ребенок. До чего надоели эти стены. Стоят теплые летние деньки. Нас выпускают гулять во двор. С нетерпением жду, когда выдадут документы.

30 мая 1942 года

Три часа пробыл на воздухе. Наблюдал за работой на огороде и движением на улице. На днях предстоит расставание с госпиталем. Раны упорно не хотят закрываться. Товарищи советуют повременить с выпиской. Спасибо, но я не могу дождаться минуты, когда буду свободен и, наконец, смогу пойти на все четыре стороны.

Кроме газет, не могу ничего читать. По вечерам ко мне на койку садится Коля Кириллов — молодой рабочий завода им. Сталина, рассказывает о голоде в Ленинграде и заводах.

1 июня 1942 года

Продумываю план жизни после выхода из госпиталя. Лето думаю провести в Колтушах, а осенью вернуться на завод. Беспокоит мысль о пище. Паек очень маленький, а мне надо окрепнуть.

Много ходить не могу. В Ленинграде друзей и родных почти не осталось. С первого дня начну обходить знакомых, начиная с Охты и Пороховых.

Сегодня у меня будет тысяча рублей — продам хлеб. Нельзя же без копейки выходить из госпиталя. Кроме пищи, нужно еще кое-что купить из платья.

Если будет голодно, снова попрошусь в армию. Лучше смерть от пули, чем от голода. Осталось ночевать в госпитале всего две ночи.

Впереди желанная свобода, длительный отпуск. Как видишь, Борис, опять судьба тебе улыбнулась и солнце вновь повернулось к тебе лицом.

2 июня 1942 года

Только что пришел из госпиталя. 6 февраля был ранен в обе ноги. 27 мая комиссован. Сняли с учета на шесть месяцев.

3 июня 1942 года

За девять месяцев произошло столько событий, что нет возможности даже вкратце перечислить. Погибли голодной смертью Виктор Иванов и его семья, Леонид Смирнов и его семья, Катюша Седова — она за несколько дней до смерти сошла с ума, от Саши Баранова получил единственное письмо в октябре месяце. С тех пор о нем ничего не слышал. От Васи Епанчина 7 ноября единственное и последнее, о Зимбуле и Поле, а также о Володе Мебели узнал у Якубовского, в ноябре были живы. Писем от них за всю войну не получал. О Якубовском слышал от матери, которая их навещала в феврале. Они эвакуировались, но живы или нет, неизвестно.

От Ивана Калашникова получил последнее письмо в январе. Ему написал из госпиталя много писем, но ответа ни одного не получил. Отчаялся писать. Муля прислала письмо осенью, но оно до меня не дошло. Катя утерjala его. От Алексея Мартынова получил единственное краткое письмо в январе. Сам я многое пережил, много потерял сил и крови на фронте.

В квартире Анна Иванова и Володя Галунин умерли, Валерия Васильевна умирает.

4 июня 1942 года

Утром вышел в парк на прогулку. Видел, как женщины собирают траву. Сначала решил, что они ягоды и грибы находят, но сейчас ни ягод, ни грибов еще нету. Оказывается, они собирают коренья и травы для дополнения весьма скромного продуктового пайка.

В городе исчезли запретные зоны, т. к. заборы были разобраны на дрова. Таблички с запрещающими надписями, видимо, пошли на растопку. Деревья в парках уцелели. Возле Лесотехнической академии встретился с девушками в белых халатах, по-видимому, там госпиталь.

5 июня 1942 года

Вечером поехал на Пороховые. В доме Ивановых застал Катю с дочерью Ниной. Из Ивановых уцелел один Александр, который на фронте. Виктор умер 24 января, в мае умерли Борис и тетя Катя.

Виктор питался кошками, собаками и даже просил крыс. Страшней этого кошмара не придумаешь. В морозный январский день по дороге на работу он упал на улице. Его отвезли в амбулаторию, где он умер. Борис погиб последним <...> Он очень хотел жить. У него было будущее. Он уже догонял в живописи старшего брата Виктора и бесспорно стал бы настоящим художником. Его жизнь закончилась слишком рано.

Катя собирает подорожник и варит суп. После смерти Виктора у нее родился ребенок, очень похожий на отца, но быстро умер. Голод

<...> Только и слышны разговоры о пище. Я дал ей карточку, она купила килограмм хлеба. Ела она его с ребенком с такой нескрываемой жадностью, что мне тяжело было смотреть. Я напил ей дров и успокоил, как мог. Вспомнили довоенное время. <...>

В городе царит уныние, заботы и страдания. Отдельные жители собирают не только траву, но и дождевых червей. Меняется внешний вид многих окраинных районов. Население дружно разобрало немало ленинградских деревянных домов на дрова. <...>

Сегодня зашел к Смирновым, пробыл 20 минут. У них почти все вымерли. В живых остались Володя и Нина. Володя учится в школе младших командиров. <...> Зашел к Мише Владимирову. Не застал. Беседовал с полчаса с Валентиной. У всех полная апатия, чувства атрофированы, всеми владеет страх голодной смерти.

6 июня 1942 года

С кем ни беседеешь, от всех слышишь, что последний кусок хлеба, и тот полностью не получить. Воруют у детей, калек, больных, рабочих, служащих, иждивенцев. Тот, кто работает в столовой, магазине или хлебозаводе, тот сегодня является своеобразным буржуа. Какая-нибудь посудомойка живет лучше инженера. Мало того, что она сама сыта, она еще скупает одежду и ценные вещи. Сейчас поварской колпак имеет такое же магическое действие, как корона при царе. Правда, царь скипетр брал в руки в торжественные дни, повар трудится весь день у котла. <...>

9 июня 1942 года

Заехал на Охту. Зашел к Александру Смирнову. Узнал его только по глазам и носу. Живой скелет, обтянутый кожей. Его сейчас мучит понос и нет аппетита. Истощение III степени. Был у Ани Седовой. В то, что я от нее услышал, трудно поверить <...>

Катюня умерла 22 февраля. Ее обирал ее возлюбленный. Последнее время она не работала. Владимир не давал ей денег. <...> Он продавал ее вещи и отказывал жене в куске хлеба. За щепотку табака брал с нее хлеб. Когда Катюня слегла, Владимир, возвращаясь с работы, громко спрашивал, не околела ли она. <...>

Люди на улицах на ходу жуют хлеб, рыбу, конфеты. До войны это было не принято. <...>

Нет спичек, хожу прикуривать на трамвайную остановку. Табак на исходе. Деньги тают, постепенно уравниваюсь. Вид у меня пока еще сносный, но засыпаю полуголодным. <...>

Людей в городе остается все меньше и меньше. Каждый день эвакуируются, смерть по-прежнему остается высокой. Ползут призрач-

ные слухи, что с первого числа прибавят продуктов и хлеба <...> Война скоро кончится <...> О многом говорят в народе <...>

Долго будет не восстановить промышленность и сельское хозяйство. Много людей погибло и еще погибнет. Нормальная жизнь после войны не скоро восстановится.

11 июня 1942 года

Был у Смирнова. Он жаловался на жену, которая крутит роман с каким-то крупным спекулянтom. Выменяли спирту. Выпили. Крепко стукнуло, так как закусил я всего лишь 150 г хлеба. Ходили к Нине Макаровой, там дошло дело до поцелуев и объятий, слава богу, не пошло дальше. Был пьян впервые в 1942 году. Ночевал у Быстрова, утром меня рвало.

Ездил на завод. Из 700 человек, работавших в цехе до войны, двести ушло на фронт, триста умерло с голода, двести живут полуголодной жизнью.

Полным ходом идет эвакуация. У Финляндского вокзала ежедневно пестреют тюки, корзины, узлы, чемоданы с пожитками. В городе много разрушений — местами торчат одни трубы. У всех на уме одно: как бы поесть. <...>

13 июня 1942 года

Умер Александр Смирнов. Накануне смерти мы с ним чокнулись рюмками, а сегодня я два часа бродил по кладбищу и не мог найти место, где его хоронят.

Холод стоит чудовищный. Вчера с 23 до 2 часов дежурил у дома и застудил ноги. <...>

Постепенно вырисовывается вся картина зимней трагедии Ленинграда. Когда по несколько дней в городе не выдавали хлеба, женщины, как голодные волчицы, налетали друг на друга, на возчиков хлеба, хотя последнего сопровождал милиционер, били витрины, вырывали хлеб и прочее.

Сегодня видел у Охтинского кладбища некрашенные гробы и мумии, закутанные в простыни и одеяла. Нет сил смотреть на страдания жителей города. Все, что было пережито за год, не случается и в десять лет. <...> В Ленинграде сложилась тяжелая атмосфера. У людей измученный вид. На лицах — печать усталости. Они апатичны и постоянно собирают и жуют подорожник и другую зелень. <...>

Сегодня получил на заводе три с половиной тысячи рублей. 200 отдал крестнику Вовке, 250 — Ольге в долг, у нее вытащили в кинотеатре карточки. Помогаю чем могу, делюсь куском хлеба. Ей 17 лет, брат на фронте, мать и отец погибли от голода.

14 июня 1942 года

Полдня проходил по центру города. Был в Гостином, на Невском, Литейном в комиссионных. Купил приличное пальто за 800 рублей и на 200 рублей книг. Купил коричневый, под цвет брюк, пиджак за 150 рублей.

17 июня 1942 года

Вечером поехал навестить сестру. Нашел ее на огороде. Придя с огорода, Катя принялась варить крапиву. Я попробовал — понравилось. Не проходило минуты, чтобы сестра не жаловалась на голод, усталость, апатию. Правда, работает она много, и вид у нее вполне здоровый. Я заметил, что она отрывает нормированную пищу у своей дочери. Она питается в столовой и из продуктов, выкупленных по карточке ребенка, половину съедает сама. У нее чертовский аппетит.

Катя собралась эвакуироваться, но не знает куда. Я отказался давать совет. <...>

Ездил на завод. В цех пройти не удалось. Видел у ворот шлифовальщика Михаила Иванова. Он сообщил, что остались в живых немногие. <...>

Навестил Мишу Владимирова, он очень изменился, опух, пожелтел. По-видимому, его скоро возьмут служить. <...>

В комнате у меня царит хаос, вероятно, переберусь в соседнюю. Со второго числа почти двое суток не могу получить карточки.

Вчера вечером впервые переоделся в гражданское. Вновь с утра ходил в парк. Как и во время Финской кампании, по нужде приходится опраляться в кустах. Не работает уборная. <...>

Сегодня только и слышны глаголы: разрушить, сжечь, уничтожить, истребить. В парке занимаются военным делом подростки — девочки и мальчики.

Дело идет к вечеру, а карточки еще не получил. Голова кружится от голода, часа два назад обстреливали наш район. <...>

Плохо без часов. На улице они стоят, а дома их нет вовсе. Дома копался в книгах и рукописях. Нашел много ценного материала. «Лишний» нагрел печку до красна. Жаль, что в дневниках много пробелов. <...>

Ползут слухи, что немцы концентрируют войска вдоль Ленинграда.

20 июня 1942 года

<...> В городе на остановках, перекрестках, уцелевших заборах пестрят объявления. Срочно продается. Ниже следует перечисление, адрес и часы распродажи. Все как по уставу. Всевозможные почерки и на-

печатанные на машинках, принадлежат так называемым эвакуирующимся из Ленинграда. Одни едут к родным или знакомым в глубокий тыл, где спокойнее, надежнее, а главное, сытнее. Другим все равно куда ехать, лишь бы подальше от голода и обстрелов. Они готовы скитаться по чужим углам, только бы выехать из Ленинграда. Эвакуироваться можно только тем, у кого есть дети, и негодным к военной службе. Многие мечтают уехать, но не разрешают. Есть и такие: и не мечтают покинуть город, но их выселяют принудительно, считая неблагонадежными. <...>

Кому война, а кому нажива. Это поговорка нынче в моде. Одни ходят на рынок обменять последнее трико на двести граммов хлеба, чтобы выжить, другие посещают комиссионные магазины, откуда выносят фарфоровые вазы, сервизы, меха, и надеются еще долго прожить.

Одни ходят на работу к семи часам утра и возвращаются к восьми вечера, собирают траву, щепки, а потом варят обед и в полночь ложатся спать с надеждой увидеть во сне перловую кашу, а быть может, сосиски. Другие ловчат, приспособливаются, пытаются, иной раз не без успеха, обобрать ближнего, урвать для себя что-то для собственного пропитания. Одни отдают детей в очаги и ясли, а сами работают, другие обворовывают собственных детей.

Ленинградцы разучились спокойно разговаривать: остроты, желчь, зависть поднялись до сарказма. <...>

Почти половина женщин стали курить. Курят из-за баловства или кокетства, от голода, от злости, а потом уже по привычке. Табак дорогой. Сто грамм стоит фунт хлеба. Одни женщины обтрепались, изнасились, обветшали и платьем, и телом, другие лоснятся от жира и щеголяют шелковыми тряпками.

Покойников продолжают хоронить без гробов. К этому привыкли, к тому же дешево и сердито: и дров будет больше, и лес целее.

Народу в городе становится все меньше. Но трамваев мало. До войны мимо моего дома проходило девять маршрутов. Сейчас — один, трамваи переполнены. Ходят до десяти часов. В городе много разрушений. На днях обстреливался проспект 25 Октября¹, снаряд попал в кинотеатр «Титан». Было много жертв. Попало и по улице 3 Июля¹¹, и вновь по Гостиному двору, который уже горел по всем швам.

Налетов авиации пока нет. Ходят разноречивые слухи. Одни говорят, что с первого хлеба и продуктов прибавят, другие — сбавят. Одни говорят, что будут бои в городе, так как на улицах строят баррикады; город, горожане полны противоречий. О зиме вспоминают с содроганием.

¹ Ныне Невский проспект.

¹¹ Ныне Садовая улица.

Трупы валялись на каждом шагу. Люди умирали на ходу. Воды до сих пор в большинстве домов нет. Дров нет. За пол-литра керосина с меня спросили 50 руб. Прикуривать хожу на остановку. Варим липовый суп. Книжки читать скучно, даже беллетристику. Жизнь города и его людей интереснее.

Каждый день слышны выстрелы артиллерийские, пулеметные и винтовочные. За год выросли преступления: никому доверять нельзя. Люди забыли совесть. Не верят в грядущее. Только одна мечта — набить чем-нибудь обиженный желудок. На какую бы тему ни завел разговор, невольно он сворачивает на тему животного благополучия.

Я еще не потерял интереса к жизни, к природе. По-прежнему восхищаюсь растительностью парка. Его цветами, деревьями, кустами и птицами. С ними я молча беседую, вспоминаю и мечтаю, в нем я отдыхаю от безумия. Жаль, что много ходить не могу. Болит нога.

Надо спасти Ольгу, не умирать же ей от голода. Двадцать дней прожить без единой карточки и без денег. Одна. Никто не помогает. К тому же не работает. Десять дней позади, еще десяток как-нибудь проживем. Не умрем двое-то. Если бы была она двумя-тремя годами старше, я бы женился на ней. Славная девушка, жаль, что не хозяйка. Жила за маминой спиной. Ничего, жизнь научит. Горько хлебнула. Таких жаль. Им надо жить. <...>

Анютка хитра, очень хитра. Но меня не проведешь. Между ее слов я понял многое и стал меньше ее жалеть, тем более, когда вспоминаю прошлое. Она мне напоминает Катюшу. Поэтому, только поэтому я с ней общаюсь, но бог с ней, она не виновата. Стихи не пишутся. Организм размяк, вялость, пессимизм не по мне. А здоровых стихов писать не в силах. Где-то бомбят. Далеко.

Неправда, доживем до лучших дней! Главное, не потерять надежду и желание жить. Впереди еще осталась часть молодости. Сейчас тревога. Бомбят город. Улицы опустели. Разрывы близко. <...>

5 июля 1942 года

Вчера меня навестила сестра. Она сейчас начальник аптеки все там же, то есть у завода «Большевик». Вышла замуж. [Ее муж] кажется, хороший человек. Студент третьего курса киевского института. Был на живописном факультете. В армии с Финской войны. Сейчас работает по технической части. Катя у меня пробыла около двух часов. Много работает. Выглядит сносно.

Сегодня прибыл с матерью в Колтуши. Последний раз меня везли этой дорогой в феврале и марте раненого. В доме был 4 ноября прошлого года и не надеялся еще раз побывать.

Лес не узнать: остались деревья-уроды, как мужчины, оставшиеся в тылу. Где были тропинки, стали дороги. Кругом военные, подсобные хозяйства, финнов не видно. Жизнь за один год изменилась не меньше, чем местность. Лежал в саду более двух часов. Забора нет. Деревья выросли. Кусты заросли травой. Стол сожгли. Вероятно, горел весело: на нем некогда рекой текло вино. <...>

6 июля 1942 года

С утра работал на огороде. Днем лечил рану на солнце. Ходил к Ивану Зарубину за молоком. Он, как и я, инвалид Отечественной войны II группы. У него нет половины ноги. Протез. Жена и трое детей. Чудом сохранилась корова. Этим и дышат. Посажен небольшой огород. Он был на фронте всего один месяц. Наскочил на свою мину. Видел мало. Лежал в госпитале семь месяцев. Два месяца уже дома. Еще будет операция. Снят на шесть месяцев с воинского учета. Его дело теперь правое.

Вчера у себя дома встретил незнакомую девушку. Она пришла навестить мою маму. Познакомились. Имя — Нина. Ленинградка. Родители умерли. Работает в подсобном хозяйстве. Выглядит очень хорошо. Скромна, стройна и красива. Мне она очень понравилась, даже более того. Неглупая девушка и простая. Ей 18 лет. До войны работала на Петрозаводе. Жила на улице Петра Лаврова. <...> Обещала прийти сегодня, что-то долго нет, уже 9 часов вечера, и я скучаю по ней.

В отношении питания — сегодня сыт, впервые в 1942 году. <...> Ем суп и кашу досыта три раза в день.

8 июля 1942 года

Вчера приходила Нина. Ходили собирать полевые цветы. Потом я ей в саду прочел несколько своих стихотворений о природе... Она любит музыку... У нее хороший голос. Перед войной она поступала в Капеллу... Окончила 9 классов. Мать ее и отчим погибли от голода. Отец на фронте. Но с августа известий о нем нет. Он был ранен.

Сама она много работает в поле. <...>

Перешли на «ты». Смеялись, шутили... но... она, оказывается, проводит время с одним из военных, он живет у меня в доме, служит старшиной <...> Вчера поздно вечером он ходил ее провожать. Я скверно себя чувствовал и долго не спал...

Читаю любимого Верхарна и все больше изумляюсь его душе и разуму. Наши дела идут неважно. Немцы подходят к Воронежу!

Наши отступают. Продолжаются кровопролитные бои на курском направлении. В газетах ничего утешительного. Что дальше будет,

неизвестно. По-видимому, хорошего ждать не приходится. Чему быть, того не миновать.

Пройдя сквозь фронт, сквозь ужасы и тьму,
Познав людей, я говорю одно:
Пока идет война и на земле темно —
Не доверяйте сердце никому.

9 июля 1942 года

Вчера вечером она приходила к матери по делу. Попросила, чтобы ее проводил. Дорогой вдруг она сказала:

— Боря, хочешь, я тебя познакомлю с хорошей девушкой?

Я ей ответил:

— Что ж, познакомь, а то действительно скучно одному.

Потом спросил, давно ли она проводит время с В., она ответила, что совсем недавно. <...>

Настроение испортилось. Зашли в дом, где она живет. <...> В доме играл патефон. Я пробыл там полчаса. Затем она меня немного проводила. Было холодно. Я был в пальто, она — в белой кофточке. Хорошая, милая, но, увы, чужая девушка. Была слышна отдаленная канонада, и я пожалел, что не на фронте.

Довольно лирики. Война не кончилась. Когда бы я мог подумать, что моя мать с ее здоровьем будет работать лесником. От нее я узнал, что весь лес Всеволожского района пойдет на порубку. Как жаль, что его не так много осталось. Война калечит не только людей, но и природу.

15 июля 1942 года

Много времени уделяю огороду. Полю, окучиваю, удобряю, поливаю капусту, картошку, огурцы, свеклу, морковь. Эту неделю питаюсь очень хорошо. <...>

Воронеж со дня на день будет в руках у немцев — бои идут в городе. Германские войска прорвались в Центральную Россию. Мы продолжаем отступать. О втором фронте больше не говорят.

19 июля 1942 года

Приехала Нина, привезла патефон и 25 замечательных пластинок. У меня было кислое настроение. Слушал музыку. Спать лег поздно.

Сегодня с утра погода была дождливая. Варил грибы, обедал с Ниной. На огороде цветут огурцы и картошка. Капуста завязывается. Растут морковь и свекла. А где-то продолжается война.

20 июля 1942 года

Вечером все-таки выпил. Водка отвратительная. Не шла в горло. Просидели до часу ночи Нина, ее друг В. и я. Утром болела голова. Несмотря на то, что оставалось с вечера 250 г водки, опохмелиться не смог. Эх, с каким бы наслаждением выпил бы сейчас пивка.

29 июля 1942 года

Сегодня день моего рождения. Час дня. Сажу за столом один. Мать лежит на кровати больная. На столе — котелок вареной картошки, на тарелке веером разложены 200 г килек и 300 г хлеба. В котелке остывают грибы, собранные вчера. Нет ни аппетита, ни настроения. Вина нет, друзей нет, девушки нет, есть только продолжение войны.

Утром 25-го навестил Быстровых. Застал их дома. Угостил привезенными грибами, картошкой, редиской и табаком. Говорил с Владимиром и не верил ушам своим, выслушивая его ругательства и оскорбления по адресу жены.

Легли поздно. Утром следующего дня пошли с Владимиром в Охтинские бани.

После бани поехали на Пороховые к Кате Ивановой. Она собралась в эвакуацию и уже получила на работе расчет. Поспешно распродает этюды покойного мужа. «Перед грозой» цела, вероятно, из-за того, что большая и занимает много места. Когда-то я просил ее не продавать. Взял на память несколько последних рисунков.

Мою Охту теперь не узнать! В домах остались по 3–5 человек. Дома разбирают на дрова. Окна выбиты, черные, как глаза смерти. Дворы заросли бурьяном. Люди встречаются редко. <...>

31 июля 1942 года

Миновал последний день июля. Мне пошел двадцать восьмой год. Вечером долго смотрел в окно. На западе небо пурпурно-золотое, а на юге показалась радуга. <...> Дул сильный ветер. Временами лил дождь. День рождения прошел тихо и скучно.

Нина стала жить со своим В. Она его не любит. Из-за алчности отдала ему девичью честь. И после всего хочет, чтобы я связал с ней свою жизнь. У нас последние дни идут крупные разговоры. Сегодня особенно. Я ей все высказал. Она тяжело переживает...

2 августа 1942 года

Сегодня долго ходил по лесу. Набрал много грибов: белых, красных, прочих. Сушим, солим, варим. Вчера ходил за голубикой. Набрал армейский котелок.

Вчера вечером уснул далеко за полночь, беседовал с Ниной. Мы ласкали друг друга, как влюбленные. Сегодня, вероятно, опять то же самое. Все это напоминает мне благословенные времена встреч с Марией. Чувствую себя великолепно духовно и физически.

На юге дела идут невеселые. События грозные. Стараюсь не думать, все равно от этого легче не будет. Буду жить, как жизнь велит, по обстоятельствам.

5 августа 1942 года

Ежедневно хожу за грибами. Набираю понемногу. Мать их сушит, солит, маринует и жарит. Провожу в лесу по пять-восемь часов. Сильно устаю физически, но хорошо отдыхаю духовно. Только сегодня с полудня распогодилось. Выглянуло солнце, и стало тепло. Все дни шел дождь и дул сильный ветер. Сегодня я должен обстоятельно написать о Нине. <...>

Она красивая, умная женщина. Ей нет еще 18 лет. Много пережила. Я не думал, что она как девушка так низко падет. Как горько я в ней разочаровался и через это переживаю. Она равнодушна к В.

Он ее любит. Помогает продуктами. Ест она как заправский грузчик и на глазах тучнеет, и эта чрезмерная полнота ее портит. Ест она много и жадно, открыто и украдкой. Это становится противно не только мне, но и матери.

К тому же она лжет на каждом шагу. Притворяется, кокетничает. Хитра, очень хитра, но меня перехитрить она не в состоянии. Я вижу ее насквозь, и оттого мне ее очень жаль. Она отдала свою девичью честь из жадности. Она не подумала о последствиях. Жить сегодня: завтра неизвестно, что будет. Она надеялась, что я стану ее любовником, а быть может, женюсь на ней. Она не знала моего эстетического вкуса, духовной чистоты. Меня война еще не изуродовала в этом отношении. Она матери созналась, что отдалась В. в надежде на получение материальной поддержки. Она скрывала от нас свою связь, видимо, надеясь завязать со мной близкие отношения. Однако В., почувствовавший, что его положение шатко, не сообщил нам, что она ему отдалась. Я это ужасно переживал. Она мне сделалась противна. Более того, я ее возненавидел. Она это почувствовала и сказала:

— Ты даже не скрываешь своей ненависти.

— Не умею скрывать ни любви, ни ненависти. И ты постарайся реже попадаться мне на глаза.

Любуясь своим отражением в зеркале, она сказала:

— Я люблю красоту.

— Я тоже люблю красоту, но красоту, сочетающуюся с духовной чистотой.

Мы много наговорили колкостей друг другу, особенно я; стал груб, отвечал односложно, на ее попытки приласкать меня грубо ее отталкивал. Мучаюсь тем, что ею обладал другой. Он приобрел ее за хлеб, украденный у бойцов. Кормит ее из закромов армии. <...>

Одним словом, на Нине я ставлю крест, но на чувства к ней, которое я пытаюсь выжечь из собственного сердца, пока ставлю многоотчие. Что будет дальше, обстоятельства покажут.

Я предвижу такой финал. Военная часть снимается, а вместе с ней и В. Нина останется одна. Будет стараться сблизиться со мной, но это ей не удастся. Она начнет знакомиться с военными и пойдет по рукам. Падет на глазах из-за своей дикой жадности и молодой необузданности. Затем она вернется в Ленинград, на завод, где свяжется с «начальством» и будет вести жизнь, подобную той, что ведут тысячи молодых привлекательных женщин, павших физически и морально.

Как жестоко я в ней ошибся! Думал, она чистый цветок, приносящий драгоценный плод, оказалась она пустоцветом.

Дела наши на фронте плохи. Если так пойдет дальше и союзники не откроют второй фронт в ближайшее время, война будет проиграна. Позор небывалый в истории России.

13 августа 1942 года

Тоскливо, пустынно, безрадостно, тихо, безжизненно стало на родной Охте. На улицах и в садах, на газонах и клумбах вместо зеленой травы и пышных цветов растут капуста, брюква, свекла, турнепс и другие овощи. В городе не видно цветов, не слышно смеха и песен.

Народу в городе осталось немного. Выглядят прохожие и проезжие неплохо. Зелень их поставила на ноги. На лицах нервозность и забота. Кажется, войне не видно конца. И все боятся новой зимы.

Трамваи еле ползут, уцелевшие заводы едва дышат. Город устал, постарел за время войны. Так много ран нанесено ему, но красоты еще не утратил. Стоит, как старый богатырь, весь в шрамах, морщинах, но готовый сразиться с врагом.

У берегов Невы стоят боевые корабли, замаскированные, но настороженные. На базарах вместо цветов продают ботву, прикуривают от солнца с помощью увеличительного стекла, в ходу самодельные зажигалки, женщины на остановках просят оставить покурить. Мертвецов чаще возят в гробах, но и смертность заметно уменьшилась.

Продуктовую норму не увеличивают и качество падает. О Ленинграде, похоже, стали меньше заботиться, не до него. Немцы подошли к Краснодару. <...>

Нина уходит в армию, чтобы быть с В. вместе. Я с ней очень мало говорил, да и, собственно, говорить не о чем. У нас теперь ничего общего нет. К тому же у нее медовый месяц, а у меня траурное полугодие. <...>

23 августа 1942 года

15-го у меня была Аня С. Она пробыла целые сутки. Вспоминали свои лучшие годы. Вечером раздобыли немного водки. Выпили. Не спали до четырех утра. Она сидела на моей кровати. Хочет соединить свою жизнь с моей... Я чуть было не решился... Ходили в лес, целовались, как влюбленные. У обоих клокотала страсть. Договорились встретиться 28-го в городе. Она неосторожна в словах, сказала Нине, что выйдет за меня замуж. Между ними тайная вражда... Вечером посадил ее на машину и отправил в город, а позднее у нас был накрыт стол и много вина и гостей человек пять. У меня было на редкость веселое настроение, я читал стихи (правда, сквозь слезы) и много пил. Но вел себя прилично. Потом ушел в сад и там быстро уснул. Утром болела голова и ничего не делал...

16 сентября 1942 года

14-го перебрался из Коркина¹, где я более двух месяцев прожил почти беззаботной жизнью, в свою комнатку в Лесном. Приехав на место, тотчас же отправился в жакт. Управхоз новый. Молодая деловая женщина. Она меня с места в карьер взяла в оборот. Через пятнадцать минут я уже учился ремеслу стекольщика. Ленинград готовится к зиме. Запасается дровами, остекляет окна.

Мой дом наполовину разобран, сохранившуюся часть пытаются утеплить к зиме. Дело с остеклением не клеилось. <...>

На Литейном меня окликнул знакомый голос. Миша Чистяков, приемщик, с которым проработал три года рядом за одним верстаком. Оба были рады встрече. Он два месяца работает на оборонных работах. Кратко рассказал о своей жизни за последний год. <...>

Я дал ему полфунта хлеба. Он в благодарность поцеловал меня. Взял его адрес и пообещал зайти.

Знакомой, которую я намеревался посетить в этот вечер, дома не оказалось. Стемнело, приближалось время комендантского часа, и я решил зайти к Чистякову. При свете буржуйки мы рассказывали друг другу о себе и общих знакомых. У меня была пачка концентрата. Сварили кашу... Он живет один в квартире площадью 50 кв. метров. Уходит

¹ Деревня Колтушского сельсовета. В 1940 году в ней насчитывалось всего 10 дворов.

в шесть утра, возвращается в восемь вечера. Работа тяжелая, сил нет. Рассказал мне о жизни завода, знакомых погибших рабочих.

Легли спать. Комната огромная, сырая. У меня голова распухла от сырости и затхлости воздуха. Пахнет плесенью... Очень нездоровый воздух. Он предложил перебраться к нему, но я решил от этого воздержаться.

На следующий день рано утром он ушел на работу, а я закрыл за ним дверь и отправился досыпать. Встал около десяти и поехал домой, где целый день добросовестно выковыривал стекла из рам. <...>

В трамваях вечером мало пассажиров. По улицам ходят немногие. Люди боятся зимы и везут с собой овощи и дрова. По вечерам город тонет во мраке.

Сегодня с утра привожу в порядок свою комнату. Надо замаскировать окна. Первый раз ночевал на новой квартире. Комната показала уютной, окна выходят на запад. <...>

3 октября 1942 года

Война надоела до чертиков. Народ едва стоит на ногах от усталости. Возможно, я ошибаюсь. Но мне так кажется. Зима обещает быть суровой. Война затянется до весны. Весной будут решающие бои. Это мое личное мнение. До сорок третьего года мне не дожить. Если не оторвут голову, я сойду с ума. Металл, и тот устает... Я человек... Скорей бы конец. Кажется, насытился жизнью. И жить не для кого. Довольно себя тешить и обманывать, как ребенка. Пора стать взрослым. Вероятно, я болен. Что-то со мной неладное.

30 октября 1942 года

<...> С 9-го работаю на заводе им. Сталина. В цехе холодно.

На днях получил белый билет. Много испортили крови. Заново проходил медкомиссию. <...>

Был на концерте в филармонии и на спектакле в Александринке на «Баядере». В театрах не раздеваются. Публика очень пестрая, какой раньше и в захолустном кино не встретишь. Много военных и ни одного буфета.

В театре дистрофиков нет. Начало очень рано, в 5 часов. Трамваи ходят до 8, а вообще хождение по городу до 10 вечера.

На работу езжу на двух трамваях, часто с Финляндского вокзала иду пешком, трамваи ходят тихо и редко. Всегда переполнены. <...>

Ломал дом — запасаясь дровами. Нигде не бываю. Ложусь ровно в 9–10 часов вечера, встаю около 6 утра.

На заводе утепляю конторку. Сам сделал печку. До декабря буду жить в Ленинграде, а там, если завод не забронировует, пойду опять в армию.

Сегодня в парке сорвал последние цветы осени, и сам не знаю какие. Становится темно и холодно. На горизонте туман. Праздники, вероятно, буду встречать один. На заводе мне дали 8-й разряд и высшую ставку ОТК 700 рублей, работаю старшим контролером. У меня две приемщицы 5-го разряда. <...>

По радио передают классическую музыку. Постараюсь под нее заснуть. Пока бодр и силен, что будет дальше, увидим, а пока тоска от одиночества. К остальному уже привык. <...>

1 ноября 1942 года.

...Сегодня выходной. С утра убирал комнату. После варил обед, затем ходил на почту. Сделал дверь, носил дрова. Незаметно стало темно.

На заводе в цехе работаем в пальто. Я у себя в конторке поставил печь. Сам сделал трубу. Долго возился с коленами. Остеклил, завтра буду наводить чистоту и уют. <...>

Работаю много. Время летит пулей. Незаметно подошла перекомиссия. Мне кажется, что война затянется до весны, а возможно, до лета... Мне придется отправиться в «третий рейс».

Зима будет не менее тяжелая, чем прошлая. Опять будет много жертв. Люди оступели от голода и усталости, от смертельной тоски по близким. Война натворила много бед. Я пока жив и почти здоров. Почти все мои друзья живы, но разбросаны по стране. <...>

Виктор Иванов и Леонид Смирнов уснули вечным сном. Катюня С. тоже. Веня Мебель погиб. От Поля давно нет известий. Епанчин два месяца назад был жив. От Калашникова и Жукова около двух месяцев не получал писем. Алексей Мартынов жив. О Николае Иконникове ничего не знаю. Баранников под Ленинградом на лесозаготовках. Его не видел с июня. Брат Николай недалеко от Саратова. Катя в Ленинграде. Мать в Колтушах. Я пока дома. Черт возьми! Я, кажется, счастливее всех. Пока что мне везет, судьба хранит меня. Что будет дальше?

3 ноября 1942 года

Вечер. Слушаю по радио балетную музыку Глазунова. Скоро праздник. Сегодня на улице встретил друга детства Николая Цыганова. С трудом узнали друг друга. Мы были знакомы восемнадцать лет. Он с малолетства прихрамывает. Мои первые слова были: «Вот видишь, гора с горой не сходятся, а хромые обязательно сойдутся». Спросил его шутя, на какую ногу он прихрамывает, оказалось, на левую, а я — на правую. Забыв неотложные дела, пошел с ним по направлению к его дому. Он сказал, что я здорово похож на отца, а он мне показался крепко

схожим со своим старшим братом. Дорогой торопливо делились пережитым. Он с прошлой осени живет один. Семья в деревне. Рассказал мне, как вырвался от смерти. Незаметно дошли до его дома на Ключевой, хотя это далеко от места нашей встречи. Возле его дома прошлой осенью была сброшена бомба в полтонны весом. Пятиэтажный дом разбилось вдребезги. Остались одни руины.

Зашли к нему: второй этаж, уютная комната, печка, из съестного — два бочонка квашеной капусты. Я просидел у него около часа, он подарил мне на память трубку. Думаем вместе провести праздник.

Только от него вышел, объявили воздушную тревогу, захлопали зенитки. Я не стал прятаться в убежище, а направился пешком в сторону дома. Тревога длилась ровно два часа.

17 ноября 1942 года

Через десять дней медкомиссии. Вечером 6-го шел пешком от дома до Литейного. Небо было темным. На черном фоне вспыхивали яркие зарницы выстрелов. Около 10 часов пришел к Беку.

В 11 часов сели за стол. Выпили. Нас было пятеро: я, Бек, его мать, невестка и товарищ. Комната, вернее квартира, уютная, богато обставленная. Сидели при лампе. Заводили патефон. Я протанцевал два тура. Был немного пьян. Легли спать в 3 часа ночи. Вечер прошел без песен и стихов, что бывало редко.

Утром в 8 часов похмелился и поехал домой. Дома законопачивал окна. В 4 часа по полудню приехал Володя Егоров, привез мой обед и пол-литра водки. У меня тоже была четвертинка. Выпили. Хорошенько закусили и поехали в Выборгский дворец культуры, там танцевали. Через сорок минут все кончилось. Ночевать поехали ко мне. 8 ноября утром вместе поехали на работу.

10-го с обеда взял увольнительную и вместе с Егоровым пилили дрова. Переносил их на четвертый этаж. Устал дьявольски. Особенно нога. 8-го утром у Володи умерла мать.

14-го вечером поехал к Кате. Вечер был холодный, ветреный, снежный. Около часа ждал ее у ворот. <...> За ужином распили четвертинку водки, пили чай. Делились новостями. Ночью выпал снег. Утро было бодрое. Пробыл у сестры до четырех часов дня. <...> Катя подарила мне новые русские сапоги и дала в дорогу полтора кило хлеба и банку баклажанной икры. Это сейчас для меня большое дело.

Морозы сдали. Туманы, дожди. <...> Получил от мамы телеграмму. Она осталась без карточек. Меня это беспокоит.

Скоро выяснится моя дальнейшая судьба. Физически я чувствую себя хорошо, морально тоже.

Наш завод недавно обстреливался, утром пришел на работу — стекла выбиты, от снарядов воронки. С начала и до середины ноября были частые налеты и яростные обстрелы.

С табаком второй месяц плохо. Пока кое-как держусь на старых запасах. На пару недель хватит. Встаю в 6 утра. Прихожу домой около 7 вечера. С Финляндского и до Финляндского почти ежедневно хожу пешком. На заводе дела идут хорошо. Сам утеплил конторку, поставил печку и даже сделал трубы. Питаюсь на рации, этого мало. Читаю Барбюса «Огонь», стихи французских лириков и Багрицкого.

Через несколько дней установится моя дальнейшая судьба. Армия или завод. Пока спокойно живу ожиданием. Все равно, что будет, то будет. От судьбы не уйдешь.

20 ноября 1942 года

С утра — снег, днем и вечером — дождь. В трамвае разговорился с кондуктором. Пожилая женщина. Пять сыновей на фронте, две дочери в эвакуации. Осталась одна в осажденном городе. Хорошая, добрая женщина-мать. Обстрел завода и набережной. Нет тока.

Собрались в конторке. У меня — хряпа¹. Есть дополнительные талоны. Разговоры о минувшей зиме и страх перед наступающей. Мои приемщицы (браковщицы) П-ва и Ш-ва. <...>

24 ноября 1942 года

Вчера была тихая, лунная ночь. Сегодня ветер, снег, тьма. В комнате холодно. Репродуктор заливается чем-то веселым. 8 часов вечера, только что приехал с работы. Ехал на трех трамваях. Вчера и сегодня веселые сводки из-под Сталинграда. Народ повеселел.

21-го ездил к сестре. Ночевал у нее, хорошо покушал, отвел душу. У нее был день рождения.

На заводе много работы, ни минуты отдыха. За эти дни для будущего ничего не сделал. <...> Через два дня все выяснится. В комнате беспорядок. Дрова не пилены, окно законопачено плохо. В бане давно не был.

26 ноября 1942 года

Вчера сходил в баню и парикмахерскую, а сегодня в поликлинику. Последние ночи не спал из-за пальца, распух, как колбаса, и ноет, ноет, проклятый. Резать пока не дал, а будут снимать с ногтем. Грел ногу на соллюксе. Выписали больничный. Наш район обстреливали. Сводки

¹ Внешние зеленые листья капусты.

Информбюро веселые. Народ воспрял духом. Погода стоит смешанная: то снег, то дождь, то метель, то солнце. В комнате холодно и тоскливо, а главное, адская боль в руке, температура и общая слабость.

3 декабря 1942 года

Палец резали, да недорезали. Вероятно, придется лишиться сустава. Гной идет здорово, уже кость видна. Завтра основание ногтя снимать будут.

27-го ездил на ВТЭК, инвалидность продлили на полгода, дали III группу. В военкомате на комиссии еще не был. 28-го вступил в кандидаты ВКП(б). Вечером поехал к сестре и там заночевал. На следующий день до девяти вечера был один и нянчился со своим пальцем. Успехи под Сталинградом окрылили население и армию.

От сестры уехал в понедельник утром. Хожу через день в амбулаторию и каждый день на завод обедать. Зима стоит мягкая. Дрова есть, но непиленые. <...> Беспокоюсь о матери. Просил сестру съездить к ней. <...> В моей квартире появился сосед — следователь, дома бывает редко. Вода не идет, холодно. С питанием сносно. Сестра немного помогает.

12 декабря 1942 года

Оттепель, с крыш капает. Новостей много. 5-го была комиссия, признан годным к нестроевой службе, не связанной с длительной ходьбой и тяжелыми физическими нагрузками. Завод, кажется, меня бронирует. Катя съездила к матери. У нее в доме стоят гвардейцы Краснова. Она живет очень хорошо, прислала мне крупы, консервов, масла, концентратов, зимнюю шапку и белье. Ждет меня. Капуста не тронута. До февраля я обеспечен сытой жизнью, а там что бог пошлет. Кость ногтевой фаланги вынули, вернее, обломали клещами, стало легче. <...>

Вчера был небывалый обстрел. Утром шел по Невскому и видел, как все еще убирали с мостовой битый кирпич и штукатурку. Книжная лавка, где я всегда покупаю книги, разбита, над дверью большая дыра, пробитая снарядом. На тротуарах много следов крови. Было много жертв.

Трамвайное движение прервано, в вагонах вылетели стекла. На Литейном тоже. Хлестал по всему городу от окраин до центра.

14 декабря 1942 года

Сегодня получил кандидатскую карточку. Эти дни я сыт по горло. Выгляжу очень хорошо. Румяный, здоровый и молодцеватый, настроение соответствует здоровью. <...>

Сегодня на заводе им. Фрунзе слушал стихи Александра Прокофьева и Ильи Авраменко и рассказ Кратта. Поэты были в военной форме, оба в звании батальонных комиссаров.

Прокофьев постарел, облысел здорово и совсем стал седым. Читал стихи из книги «Таран» и из не вышедшей в свет «Атаки». <...>

Авраменко читал «Ночь накануне битвы». Прокофьев, показавшийся самодовольным и плутоватым, сидел на кушетке и перелистывал «Таран». Авраменко, худощавый, нервный, с острым носом, выделялся выразительными глазами поэта. Кратт произвел слабое впечатление. <...>

Прочитал Барбюса, читаю «Чингисхана». К врачу — в понедельник. На работе торопят. С табаком плохо.

22 декабря 1942 года

Ездил в Колтуши. С трудом узнал местность. За три месяца все изменилось. Лес вырублен до озер. Вокруг дома все пристройки сожжены. Мать была рада до слез моему приходу. У нее стоят гвардейцы Краснова, усачи, крепкие дядьки со значками на груди. Ныне радостно смотреть на воинов. Здоровые, сытые, бодрые, хорошо обмундированы и вооружены.

Вечером беседовал с матерью о пережитом. Легли спать в 12 часов. Долго не мог уснуть. Вспоминал лето, проведенное в Колтушах, мысли, планы, предположения. Война продолжается. Я, как говорят, пока отвоевал. Так, вспоминая друзей и знакомых, я уснул под мощный храп повара-гвардейца.

Утром встал, как обычно, рано. Погода стояла мягкая, почти плюсовая. Читал стихи Майкова. Мать суетилась по хозяйству. Мыла полы, стирала, готовила, чтобы меня накормить... Я прислушиваюсь к разговорам гвардейцев и матери. Разговор зашел обо мне... Вечер. Опять читаю, беседую с матерью.

В воскресенье 20-го с утра собираюсь в обратный путь. Ведро капусты, сухари, крупа, сало, мясо, макароны, хлеб — все это добыто матерью, ее хлопотами и трудом для меня. Она проводила меня до заставы. На улице тепло. Всю дорогу беседуем о том о сем. Навстречу идет рота бойцов, направляющаяся на передовую. Все смотрят на нас. У меня здоровый, молодой вид, свежее румяное лицо... Знаю, о чем думают бойцы, глядя на меня, и я почему-то стараюсь не глядеть им в глаза... Ведь они не знают, что я уже был на фронте и что я пережил...

На заставе простился с матерью. В город вернулся в четыре часа дня.

27 декабря 1942 года

Почти весь декабрь простоял теплый, мягкий. Сегодня опять идет дождь. <...>

Скоро догорит 1942 год. Много мыслей и воспоминаний. Чувствую себя отлично и дома, и на производстве. Работаю. Надеюсь пережить весь кошмар войны. Скоро, вероятно, получу медаль «За оборону Ленинграда».

31 декабря 1942 года

30 минут осталось жить 1942 году. Один... Догорают дрова в печи. Концерт по радио. Уже выпил две кружки пива и поужинал. Через 30 минут выпью еще кружку и буду раздеваться. Оделся по-праздничному в новую рубаху, сегодня купленную по ордеру. Хорошая русская рубашка кремового цвета, пуговицы с ребристыми звездочками. Надел костюм и ботинки, которые не надевал с 7 ноября.

Сейчас на душе легче. Выплакал тоску, черную душную тоску по друзьям и по любви... Посмотрел на себя в зеркало — сильно изменился. Лицо сурово и жестоко. В глазах стальной отсвет, холод и строгая пытливость. Сегодня видел трех человек, упавших на улице...

1942-й догорает. Где мои друзья? Я один сейчас в Ленинграде... Позади фронт, был госпиталь, тревожная беспокойно-тихая жизнь в Колтушах у матери. Природа, короткое увлечение, военные... разочарование. Затем опять Ленинград, завод, всевозможные хлопоты, работа, труд, борьба и еще раз борьба. Ну, пока, Борис, утри слезы...

Продолжаю. Выпил еще «литру». Осталось пять минут до 1943 года. Закрыл трубу, курю трубку. На столе грибы с луком, хлеб и квас. <...> Пью за здоровье всех друзей и за свое, конечно, тоже.

2 января 1943 года

Вчера утром писал стихи, готовил обед, пек оладьи, ожидал сестру с мужем. Ждал до 2 часов [пополудни], потом пошел в скупочный и купил три картины. На обратном пути встретил Катю и Леонида. У меня затопили печь, закусили, выпили пиво.

В разгар беседы услышали стук в дверь. Открываю — Александр Николаевич. Он принес пол-литра кустарного самогона. Вновь сели за стол. Просидели до семи вечера. Вспоминали прожитое... Проводил их до трамвая.

Сегодня опять было тоскливо на душе. Съездил на перевязку к врачу. В 5 часов вечера поехал в Выборгский дворец культуры, где смотрел, как танцует молодежь. Световые эффекты, пестрота одежды, веселые лица, музыка — все это напомнило благословенные времена моло-

дости. Но я себя почувствовал еще более одиноким. Потом слушал выступление ансамбля Краснознаменного Балтийского флота.

8 января 1943 года

Второй день Рождества. Третий день стоят большие морозы. Сегодня смотрел «Фронт» в ВДК. Пьеса произвела хорошее впечатление... Последние дни сильно устаю. Голова кружится и какой-то кисель в организме...

С утра, начиная с трамвая, приходится нервничать. С Финляндского вокзала хожу пешком. В столовой такой бардак, что с ума можно сойти. Работы пока немного на заводе.

В мою конторку набивается столько народу, как сельдей в бочку. У меня тепло и уютно. Приходят и старики, и ученики, и моряки, и старые знакомые. Меня избрали редактором стенгазеты, теперь работы прибавится. Дни пошли на прибыль. Война на убыль. Стихи в эти дни не пишу. В мозгах вялость. Палец зажил. Последние ночи и вечера тревоги. Налетают на город стервятники. Получил открытку от Василия. Он на сборном пункте. Был ранен. Едет на фронт. 9 часов вечера, ложусь спать, устал до чертиков.

11 января 1943 года

7 часов 5 минут. Дома. Передают последние известия. Пишу при свете свечи. 9-го вечером поехал к сестре, у нее хорошо провел вечер. Долго беседовал с Леонидом об искусстве и литературе, о фронтовой жизни, о Ленинграде. Было уже около полуночи, когда мы уже в постелях продолжали беседу. По радио передали тревогу. Я заявил: раз тревога, значит, будем спать. Леонид выключил свет. Зачертыхались зенитки, затем вздрогнуло и зашаталось наше хрупкое здание. Где-то недалеко одна за другой взорвались фугасные бомбы. Леонид вышел посмотреть. Близко ничего не было. Зенитчики сообщили, что сбит один стервятник. Я быстро уснул.

Утром встали поздно, позавтракали и продолжили беседу до обеда. В 2 часа [пополудни] я уехал от них. Заехал на рынок. Купил эрзац-табаку за 250 рублей. Завернул на Охту к Ивановым, застал всех четырех сестер. Подождал, пока пообедает Катерина, и вместе с ней поехал домой.

Дома заготовили на неделю дров, сварили обед, истопили печи, прибрали комнату и вместе легли спать. Спали плохо, зато хорошо выспались. Утром вместе пошли на работу. Она описала трагедию гибели семьи Ивановых. У Виктора под влиянием отца были пораженческие настроения. <...> Он боялся смерти и просил за несколько дней до смерти: «Катя, я умираю, спаси меня». Как он работал над портретом отца. О том, как умирал Борис. <...>

На заводе появилось много работы. Приходится не только руководить людьми, но прислушиваться к ним, быть острожным и пытаться проникнуть в душу, утешить, упокоить их словом и вселить надежду в этих постоянно голодных, усталых обессиленных людей. Я пользуюсь хорошей репутацией и авторитетом среди рабочих и руководящего состава. В то же время работаю в стенной печати, читаю и придумываю планы работы и просто слушаю рассказы о прошлой зиме в Ленинграде. <...> Все ужасы с их потрясающими деталями постепенно раскрываются предо мною, будто я ее сам пережил. <...>

У Ленинграда большое будущее. Его история богаче истории других российских городов. Я горжусь тем, что я в нем родился, за него сражался и пролил свою кровь, и намерен в нем оставаться до конца. <...>

Девятый час. Только Лемешев начал петь «Меж крутых бережков...», как завывала сирена и из черного рупора на стене прозвучало: «Говорит радиоузел Штаба противовоздушной обороны. Воздушная тревога. Воздушная тревога». И тотчас же включился метроном, отсчитывающий секунды. В печке дотлевают угли, я доделываю старые стихи.

14 января 1943 года

Наш район вновь обстреливают. Сейчас около девяти. <...> Вчера с работы зашел в ВДК, посмотрел «Три мушкетера». Во время сеанса объявили тревогу. Снаряды рвутся очень близко. Стекла дребезжат, здание ходуном ходит.

Из кино шел пешком. Путь длинный, нога сильно натерта, шел едва-едва. Кругом рвались снаряды и огрызались зенитки. Пришел домой поздно. В комнате холодно. Долго не мог уснуть из-за сильных разрывов снарядов. <...> Сегодня утром заводу дали электроэнергию. <...>

Днем был обстрел района. Снаряды ложились близко от завода. Трамваи не ходили на Выборгскую сторону. Я поехал на ул. Мира, на третий раз застал дома сестру Василия Епанчина Марину. С трудом ее узнал, она меня тоже не сразу вспомнила. В ее дом за несколько часов моего прихода попал снаряд, стекла вылетели. Сегодня мороз и колючий ветер. Она окна залатала фанерой. В комнате холодно. Марина в сером платке щепала лучину около временки. Топит мебелью. Лето и осень она работала на оборонных работах. Две недели назад получила письмо от Васи. Я взял его адрес, побеседовал с ней около часа, только вышел — тревога, пришлось идти пешком.

И вновь по радио объявляют: «Внимание! Внимание! Говорит штаб местной ПВХО. Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение на улицах прекратить, населению укрыться».

В комнате два дня не топлено. Снаряды методично каждые пять минут ложатся где-то недалеко, гул сильнейший. В последние дни ходят упорные слухи, что на днях будут прорывать блокаду, что приехали Ворошилов и Жуков, а также прибыл Архангельский военный округ. В последние вечера и ночи начиная с Рождества все время продолжительные тревоги и частые обстрелы. Сегодня нащупал в ящичке два письма. Оба от Самуила. Одно, датированное в ноябре, другое в декабре. Одним словом, вести радостные, с Васей Епанчиным связь установлена. Самуил жив и все такой же. Так встреча будет после войны! Эх и попьем винца с хлебцем!

17 января 1943 года

Весь день дома. Приезжала Катя, привезла хлеба и белье. Пробывала у меня часа полтора. Сегодня у меня настоящий праздник, электрический свет! Слово солнце вошло в мою комнату, и в душе, словно в светлой комнате, стало весело и тепло. <...>

На работе много дел. Готовлюсь к беседе к ленинским дням и выпускаю стенгазету. Работаю и в ОТК, и на станке. Получаю получку 1304 рубля и пенсию 200 рублей. Но пенсию целиком пошлю Самуилу, он бедствует, а я ему должен. Что-то туго идут стихи. Попробую приняться за прозу. Быть может, это от усталости. Но теперь с электросветом я думаю, что будет больше желания работать над собой.

18 января 1943 года

В 10 часов 40 минут вечера Информбюро сообщило о том, что блокада Ленинграда прорвана.

19 января 1943 года

Ночью плохо спал. <...> Много мыслей витало. Утром в трамваях слышал и видел великую радость на лицах русских людей многострадального города, слезы на глазах и слова «Царица Небесная, Божья Матерь». С Финляндского вокзала шел пешком. В предрассветных сумерках увидел первые праздничные флаги на стенах тюрьмы.

На заводе всеобщее ликование, люди поздравляли друг друга, плакали и целовались. Я сам с трудом сдерживал слезы. <...>

В обед собрался общезаводской митинг. Ораторы стояли на танке КВ, только что отремонтированном на заводе. На башне танка развевались два красных флага. Ствол орудия указывал в сторону фронта. Шел мелкий снежок. Вечером часть выступлений передавалась по радио... Необъятная радость переполняла ленинградцев. Не пережившим ее трудно понять эти чувства. Еще труднее все это выразить на бумаге.

22 января

В эти дни много работал на заводе. Провел беседу о Ленинграде, выпустил стенгазету. Вчера после работы заехал к Ивановым. От них домой, с Катериной напилили дров, сварили ужин, легли спать. Сосед угостил водкой. Утром К. уехала, я наводил порядок в комнате. <...>

Получил письмо от Валентины Пирожковой, едет в Самарканд, просит помочь материально.

Послал Самуилу 250 рублей, ведь он бедствует, я ему многим обязан, и он мой лучший друг. <...>

26 января 1943 года

Бесперывные обстрелы. Вылетают стекла. Рушатся стены. Много жертв. Хожу пешком и с работы, и на работу. Вот и сейчас тревога. Слышен шум самолетов, бьют зенитки. На работе дел по горло. Написал стихи о прорыве блокады, отдал печатать в «Сталинец», их читали по радио.

Замерзаю окончательно, дует нещадно. Хорошо, что сегодня всего 14 градусов, вчера было 28–31.

Кончаю [писать], пальцы замерзают, кровать холодная, как сугроб.

27 января 1943 года

Сегодня вновь снаряды падали вблизи завода. Я работаю в первом цехе на сборке. Все бледные, усталые, нервные, голодные. Дома — холод. Пиленых дров нет.

Около 9 [часов]. Недавно кончилась тревога. <...> Устал, очень, очень устал. Бледный, полуголодный.

3 февраля 1943 года

Третий день оттепель. <...> Работаю много. Последние дни в городе стало тише. На улицах срезаем углы. В городе много ран. <...> В воскресенье ездил в сестре.

7 февраля 1943 года

Последние дни вьюжные. Ветер ревет вокруг дома и швыряется снегом. Пишу монтаж для заводской самодеятельности к 25-й годовщине Красной Армии. <...>

На заводе холодно. Провожу измерения при минус 9 градусах. Пальцы стынут.

13 февраля 1943 года

О эта чертова дюжина! Всегда это число меня связывает с военными хлопотами. Вчера на заводе отобрали военный билет и паспорт.

Сегодня явился в военкомат. Оштрафовали на 100 рублей и задерживают паспорт. Оказывается, я должен был встать на воинский учет еще и в милиции, помимо военного стола на заводе. Этот новый порядок до сей поры был мне неведом. В результате столько хлопот.

Сегодня целый день рыскал по городу, и еще на понедельник хватит. Брони у меня нет, и поэтому надо ожидать повестки. Не исключена возможность, что скоро надену погоны и пойду добивать фрицев.

Позавчера приезжала мать. Ей сообщили, что я болен и лежу в больнице. Много пережила старуха. Это был сюрприз со стороны ее родственницы. Мать привезла продуктов, сообщила о гибели Александра при прорыве блокады.

В последнее время задержался с монтажом и на заводе работы много. Военные хлопоты меня удручали, известий нет ни от кого. Больше в жизни писать по заказу не буду! Черт меня дернул связаться с этим литературно-музыкальным монтажом. Срок короткий, а времени нет. Последние дни опять оттепель, как в марте. Трамваи ходят из рук вон плохо. В столовых тоже все по-старому — ералаш. Хочется спать. Время девятый час только, но устал, как солдат после боя, а надо заканчивать халтуру, глаза совсем смыкаются. Город обстреливают почти каждый день, но вести с фронтов радуют, согревают, думаю, что к осени война закончится. Оброс бородой, некогда побриться даже.

14 февраля 1943 года

Поздний вечер. Ветер за окнами. Целый день сидел за столом. По пути в столовую зашел в дом, где жил Анатолий Муравьев, узнал радостные вести — все живы. Мать эвакуировалась в Кировскую область. Анатолий в Москве, и слухи ходят, что скоро приедет. Лев был в госпитале, заходил неделю назад. В квартире живет женщина. Вещи целы. Над дверью надпись мелом: «К Щепкиным». Была тревога, смотрел в окно, как улетал «Юнкерс» от наших ястребков. Зенитки яростно лаяли, устал как черт с этой черной неблагодарной работой. Написал стих о заводе. Передают «В последний час»: взяли Ростов-на-Дону, Ворошиловград, Красный Сулин. Радостное известие.

15 февраля 1943 года

Германские вандалы совсем с ума сошли от черной ярости. Бешено обстреливают город. Дом трясется как лист осиновый. Току нету. Радио молчит: перебиты провода, если не хуже. Трамваи встали. Сегодня солнечный день, похожий на весну, и весь день грохочут разрывы тяжелых снарядов и шрапнели.

Видел во сне Катюню: ласковая, кокетливая, добрая — очень хорошей была она во сне. Красивой и свежей, как в первые дни наших свиданий. Долго утром вспоминал и думал о ней.

Утро было морозное, ясное. <...> Опять не получил военного билета. Два раза была воздушная тревога, ненадолго. Где-то упала, но не разорвалась бомба.

Начальник цеха Бородовский получил посылку и поделился со мной табаком — «сибирской самосейкой».

Настроение бодрое, но в то же время устал. Дел много, и спать хочется, надо отдохнуть. Хоть иногда надо и себя пожалеть. Пока есть возможность, а там, может быть, и отдыхать некогда будет, и спать придется урывками в шинелях, как в первые месяцы войны.

Сейчас люди себя не обманывают. Не тешат радужными надеждами на внезапное окончание войны. Тяжело вздыхают и говорят, хоть бы нынче закончилась эта проклятая война. О втором фронте никто и не заикается. Успех Красной Армии воодушевил народ, люди стали спокойнее, но голодают. Голод действует на души хуже всяких обстрелов и бомбежек. Гнилых разговоров теперь не слышно. Никто не сомневается в нашей победе, хотя многие потеряли веру в себя — доживут ли они до великого праздника. Блокада снята, но ленинградцы этого не чувствуют. Питание то же, обстрелы еще яростнее, бомбежки чаще. Все то же, что и 17 января, а вся страна и весь мир считают, что ленинградцы теперь-то живут. Некоторые идиоты пишут в письмах: «Блокада снята — теперь вы сыты». Они не знают, какой ценой заплачено за прорыв блокады, не знают, сколько тысяч человек ежедневно гибнут в черте Ленинграда.

Из репродуктора полилась музыка, стало быть, починили трансляцию, кажется, и обстрел прекратился, но свет не дали.

Ба, и свет есть. Пора за работу, а то копилка осточертела.

23 февраля 1943 года

День Красной Армии. Новостей много. Двенадцатый час ночи. Только что пришел пешком с завода. С половины 5-го до 8 наш завод яростно обстреливали. Сначала шрапнелью, потом фугасами.

После обстрела обедал и ужинал. Пока шел до Финляндского вокзала — тревога. Пришел домой — отбой. И вот всего пять минут было покоя и вновь — тревога. Дома получил письмо от брата Николая. Был ранен. Сейчас учится в школе лейтенантов. <...> За него теперь я совершенно спокоен. <...>

4 марта 1943 года

Напечатал «Дружиннице», «Стихи о заводе». Отдал в печать «Я буду мстить». Готовлю к печати «Наша весна». Обдумываю стихи «О матери».

На заводе очень много работы, устаю, как грузчик. Выдыхаюсь к вечеру. В феврале был всего один выходной, и всего один раз за месяц я посетил сестру и пробыл у нее три часа.

Мать увижу не скоро. Она живет хорошо. За нее я спокоен, за сестру и брата тоже. От Самуила и Венедикта приходят тяжелые письма. Кроме тоски по родине они переживают полуголодное существование, всевозможные лишения, заботы и хлопоты. Я, кажется, лучше всех живу в данное время.

Посетил Якубовского, но пробыл у него ровно пять минут, и то на кухне и в прихожей. Виктор спешил в кино с командиром. Проводил его до «Спартака»¹. Погода стоит чудесная. Была оттепель, последние три дня морозы до 11 градусов, днем солнце, вечером метель, и вот сейчас десятый час, ветер воет вокруг дома, лезет в трубу и рвется в окна. Ветры сумасшедшие по ночам, даже дом начинает качаться, расшатанный от сотрясений при бомбежках. <...>

Читаю Бальзака «Отец Горио». На очереди «Далекое и близкое» Репина. Смотрел кино во втором «Титане» — «Песнь о любви». Чушь несутетная, присущая американцам. Бессодержательная, бездарная картина, жалкое подражание «Музыкальной истории».

Работа в стенной печати осточертела. Скорей бы тепло!

Союзники сволочи. Конца войны не видно, а с резервами (по моему мнению) не так уж благополучно.

Бродяга-ветер наступает по всем щелям и швам. Приятный звук! Где-то сейчас Алексей Мартынов? От Калашникова давно нет весточки, уж не на фронте ли? <...>

Вчера взяли Ржев и Льгов. Дорого обходится наше наступление. Много кровушки впитает земля русская, много невинной. <...>

Ко дню Красной Армии давали водку. Напился как сапожник среди посредственной среды. Утром башка трещала. Ходят пакостные слухи, что скоро будут продавать водку по коммерческой цене. Хлеба получаю с 22-го 700 г — хватает, сыт. Получаю мало денег — 500 рублей в получку на руки. Доходы стали меньше.

Мнится, что война продлится до 1944 года. Кому только не надоел этот ужас, черт знает что такое! Вот дожили до времечка. Кое-кто вы-

¹ Кинотеатр в бывшем здании лютеранской церкви Св. Анны на ул. Кирочной (в то время Н. Салтыкова-Щедрина).

сказывает мысль, что весной Гитлер опять начнет контрнаступление. Народ стал острожен, скептичен. Дистрофиков меньше встречается, мертвецов давно не видел. Много эрзац-солдат.

Скоро начнется огородничество.

12-го исполнится год, как я в Ленинграде. Какая-то косность, пассивность в душе. Холодно становится. До чего же это все надоело. Всем надоело. Я еще живу довольно прилично, а каково фронтовикам. Я не теряю все же надежды на 1943 год. Венедикт пишет, что в 1943 году война кончится. Он иногда бывает пророком. Просит узнать, как получить пропуск в Ленинград. Чудак, ей-богу! Напрасно торопится. Фрицы в Гатчине сидят и ближе. Хватит на сегодня, пора спать. Глаза смыкаются. К чему это все пишу? Будет ли кто читать эти строки? Надежды мало.

11 марта 1943 года

Весна настоящая. Немцы контратакуют наши войска, заняли опять несколько городов на Украине. Это тяжело отзывается в народе. Опять уныние.

Получил бронь до 1 января 1944 года. Завод разворачивается, расширяется.

В воскресенье приезжала Нина Поль. Подарила мне книгу «Мир искусства», VIII том. Пекли блины. Ходили в парк. <...> Потом обедали у меня и вспоминали прошлое. Она выглядит лучше, чем до войны. Продает вещи. Мне мнится, еще кое-откуда добывает средства. Провожал ее в 8 часов вечера. Шел крупный сырой снег.

Вчера приезжала К. Я спал и не слышал звонка. Она целый час прождала у двери. Была зла до чертиков. Потом обогрелась, наелась и стала солнечной.

От Николая получил два письма. Он в полном неведении о нас и пишет по старому адресу. От Самуила стали приходить печальные письма. Трудно приходится закадычному другу, и больше ему помочь не в силах. Зарабатываю мало, расходов много. Работы много и писать хочется. Вышли новые стихи, опять переписываю военный дневник. <...>

Война осточертела. Конца ей не видно. Опять на завод нужно ходить с противогоазом. В мастерской удушливый воздух от электросварки. Постоянно искусственный свет портит зрение. Устал до невозможности. Хочется творить, но восприятие стихов у людей слабое. Все устали. Только спустя годы уцелевшие будут с волнением читать сегодня написанные строки.

По себе чувствую, что из десятка страниц мозг воспринимает две-три. Остальные забываются. Это даже если читаешь интересную книгу, а я сейчас читаю Бальзака.

Весеннее настроение испортилось после поступления неприятной сводки о падении ряда украинских городов.

Сегодня идет дождь и дует сильный ветер. Заходил к Якубовским, но Виктора не застал.

Народ выглядит сносно. Умирать почти перестали, но все же дьявольски устали. Ожидают еще много неприятностей. <...>

Дров осталось на две топки. Зима осталась позади. Чувствую себя сильным, но и сильно уставшим.

12 марта 1943 года

Пишу при свете коптилки. Только что по радио передали: наши взяли Вязьму. После сообщения продолжился симфонический концерт оркестра под управлением профессора Ойстраха. Пишу стихи о матери. Ленинград живет. Продолжает создавать великое искусство и сражаться. Заходил днем в редакцию «Заводской правды».

14 марта 1943 года

8 часов вечера. Только что проводил на поезд старшего брата Василия. Около двух лет не виделись. Он едет на неделю с фронта отдохнуть. С ним было еще три бойца, которых он до сегодня не знал.

С 2 часов и до половины 8-го они пробыли у меня. Варили обед, делились фронтовыми новостями. Они стоят на финском фронте в 17-м укрепрайоне¹ в Верхних Никулясах¹¹. Василий все тот же шутник и весельчак. Побывал в большом переплете под Лиговом, где его контузило, и за Колпином. Испытал много трудностей и многое повидал за время войны. Но не трус, судя по рассказам, предприимчивый и смелый, олицетворение солдатской сметки и находчивости. Заметно постарел, но вид молодецкий, настроение бодрое, может быть, потому что едет на отдых, а не с отдыха. Поделились новостями.

Один из его спутников — ленинградец, жидковатый и мешковатый солдатик. Другой — тверяк, с 1938 года в армии и не знает, где его семья. Третьего не спрашивал, но он самый молодой и неразвитый из четверых. Вид у них у всех усталый — настоящие фронтовики. Быстро прошли 5 часов. Смеркалось. Дул сильный ветер. Мы стояли на высокой насыпи у станции, когда подходил поезд. Последние секунды, нацеловались и расстались. Увидимся ли? Только защемило грудь.

¹ Входил в состав дислоцированной на Карельском перешейке 23-й армии, командующий — генерал-майор (с 1 сентября 1943 г. генерал-лейтенант) А. И. Черепанов.

¹¹ Верхние Никулясы — упраздненная в 1939 г. деревня во Всеволожском районе Ленинградской области.

Вчера после обеда — звонок. Из редакции сообщили, что меня ждет Баранов. Я пулей — «наверх», взял увольнительную и через две минуты после девятимесячной разлуки мы крепко ждем друг друга руки. Он выглядит лучше, чем до войны, тем более после последней встречи в июне. Одет, как и я, в фуфайку. Настроение неопределенное. Я кратко рассказал о своей жизни. <...>

При проверке у него отобрали военный билет, так как была просрочена бронь. Это его сильно удручало. Я ему дал соответствующий совет, за который он ухватился и сразу же повеселел. Бойтся оказаться на фронте! Поехали ко мне. Я сварил обед. Показал стихи, написанные и напечатанные, он дал соответствующую критику. Пробыл у меня до семи часов, обещал быть сегодня, но не заехал. Оно и кстати. <...> С утра писал стихи и прорабатывал «Маяковский в РОСТА». <...>

24 марта 1943 года

Боже мой! Как летит время! Скоро конец марта. Весна. Настоящая весна. Работы по горло. Чуть не влип в неприятную историю на работе, еле выпутался. Ответственность большая, [работа]сложная, помощников нет, за всем следи сам. На участке тяжелый воздух и ослепительный свет от электросварки, устают глаза, тяжелеет голова. К вечеру задыхаешься.

Черчилль уже заговаривает о [19]44-м годе. Его речь произвела удручающее впечатление. Артисты эти англичане и американцы! Наши люди устали, очень устали, и их подобные выступления англо-американских плутократов приводят в бешенство.

Весна на редкость дружная, ранняя, солнечная. Немцы начали контрнаступление. Идут кровопролитные бои.

В Ленинграде жизнь улучшается. Дистрофиков стало меньше.

В воскресенье утром заезжал Василий. Пробыл у меня с бойцами часа два, вскипятили чай, сварили суп, рассказал о положении на фронте, прелестях жизни в доме отдыха, о змеях, о Гитлере. Всем надоела война. После чая проводил их до Кушелевки.

Вчера звонил Зимбули. Он в субботу приезжал ко мне. Рассказал о жизни на Большой земле, о покое в тылу, о жизни впроголодь, о заставках на Ладого, своих делах и делишках. Я его помучил изрядно своими стихами, кольнул его сердце. Нанес пощечину самолюбию, пытался оторвать его от косности. Началась тревога. Он пошел пешком. В воскресенье поехал в редакцию «Заводской правды», через час вместе с Ниной Левинберг пошли смотреть «Партизаны в степях Украины». В середине фильма объявили тревогу. Зашел к Нине Поль. Она не смогла меня принять. Забежал на Моховую. У ворот дома меня окликнули:

— Куда?

— В квартире 50, там никто не живет, и там временно должен жить Чистяков.

— Чистяков уже на том свете.

Мне подробно рассказали о его трагической смерти. Пошел на улицу Каляева. Виктор был дома. В этот день, 21 марта, у Венедикта день рождения, я днем послал ему телеграмму в Казахстан, а вечером потянуло побывать у него на квартире, где каждый год бывал в этот день, читал стихи и пил вино.

Тревога затянулась надолго. Мы делились пережитым во время войны. Поужинали. Я остался ночевать. Виктор перебрался на кухню. Я вспомнил, как на этой плите Венедикт варил пунш. <...>

В комнатах Венедикта почти все цело. Сегодня ночью была большая бомбежка на окраинах и в городе.

1 апреля 1943 года

Бывало, в этот день люди любезно обманывали друг друга. Ныне только подростки в состоянии шутить.

Погода стоит мозглая, гриппозная, ветер. 30-го шел через Неву, а сегодня уже появились широкие промоины и полыньи в пол-Невы.

Приезжал брат Василий. Ночевал две ночи.

Я крепко замотался на заседании. Много работы, а еще больше неполадок, с одним наладишь, другое вскрываешь. Окунулся с головой в технику, отремонтировал часы. Ремонт обошелся довольно дорого. <...>

Город часто обстреливают. <...> На завод жалко смотреть. Настроение у населения подавленное, наши продолжают наступать под Ленинградом. <...>

В квартире рушится потолок — крыша дырявая. Дров — ни полена. Деньги подходят к концу. Устал, но бодрость духа не теряю.

2 апреля 1943 года

Устал как сукин сын. Даже на письма друзей ответить не в состоянии. Работа высасывает последние силы. Худею. Сохну и чахну. Кажется, начиню вянуть. <...> Голова оловянная, душа деревянная или наоборот.

С питанием на заводе стало хуже. Володя Егоров вернулся из госпиталя. Но это тень, привидение. Живой скелет, обтянутый кожей, со стеклянными глазами, вялыми движениями, слабым голосом. Это нежилец на белом свете. Уф, как тошно, как жутко и муторно. Это можно объяснить чрезмерной усталостью. Нервы — тряпки. Того и гляди протянешь лапки. Все в тумане.

Это пройдет! Скоро Первое мая. Как-нибудь вынесем этот сверхчеловеческий груз. Ведь мы русские люди, не правда ли, мой дорогой неизвестный читатель?

6 апреля 1943 года

3-го в субботу не работал. С утра вымыл пол в комнате, навел порядок. <...> В тот день было семь воздушных тревог. День выдался ясный, солнечный, по-настоящему весенний. <...>

Вечером поехал к Замбули. У него за ужином выпил две стопки водки. Спать легли поздно. <...> Утром пошли на Харьковскую улицу посмотреть его новую комнату. Затем зашли в магазин. Он купил пальто, а я — кепку. <...>

За два дня много ходил по городу. Какая масса разрушений! От окраин до центра. Провалы в крышах, раны в стенах. По городу развешены огромные панно, закрывающие разрушенные здания. У Володарского моста зенитки. Памятник Володарскому стоит на возвышении, посреди орудий, обнесенных колючей проволокой, и блиндажей.

Нева почти вся вскрылась. Магазины закрываются рано. Книг все меньше и меньше. <...>

7 апреля 1943 года

Противное настроение. К усталости прибавилась апатия. Ходят упорные слухи, что немцы собираются штурмовать город, что скоро начнется химическая война, что с Ленинградом произойдет то же, что со Сталинградом, то есть он превратится в груды развалин. Настроение у всех подавленное. <...> Только и слышно: «Скорей бы конец! Любой конец. Впереди самая жуткая фаза войны...»

Сегодня дважды поднимался на крышу цеха, этажей пять высотой. Смотрел на город и Неву. Какие черные пустыри! Редко-редко где дымятся заводские трубы. Большинство их застыло. Как мертвые красные бревна, торчат они безжизненно над Выборгской стороной. Нева очистилась ото льда. Корабли стоят у берегов, замаскированные под зиму. Погода пасмурная, отвратительная. <...> Делать ничего не хочется. <...>

10 апреля 1943 года

Полчаса назад приехал из лектория, где был на вечере, посвященном памяти Маяковского. Выступали В. Вишневский, В. Азаров, Е. Вечтомова и др. Шел в лекторий с завода пешком. С пяти до восьми вечера трамваи не ходили — не было тока. Вечер был солнечный. Давно не видел так много народа на улице. Люди шли по солнечной стороне. <...> У меня кончились продукты. <...>

11 апреля 1943 года

Сегодня воскресенье. 12 часов. За окном льет дождь. С утра убирал комнату, выставил зимние рамы. Вымыл стекла, повесил занавески. В комнате чисто, светло, уютно.

Хочется есть, но не хочется идти в столовую под дождем. Подожду, пойду позднее.

Снег стаял. Все небо заволокло тучами. Дует холодный ветер. За окнами качаются деревья. Их много. Безлистые, грустные, сырые, трепещущие. Где-то цокают копыта. Кое-где курится дымок. <...>

По радио — праздничные концерты. Скоро Первомай! Кончился табак.

14 апреля 1943 года

Сегодня годовщина трагической развязки Маяковского. Только что вернулся домой с сеанса в кинотеатре «Гигант». Смотрел «Маскарад». От картины осталось очень сильное впечатление. Главное то, что сюжет не искажен, что редко бывает. Эпоха, обстановка и люди очень сильно чувствуются. Игра Мордвинова блестяща, так же, как и трудна, но он хорошо справился с своей ролью. <...> Столько в ней содержания, трагизма, ума, а главное, аристократизма.

Днем в воскресенье искал табак на рынке, не нашел. Заходил к К. Она перебралась в свою квартиру. В комнате ералаш необыкновенный, все втиснуто, но не расставлено. Пробыл у нее около двух часов. Квартира понравилась. Взгляды на жизнь К. хотя и реальные, но весьма опасные для чести. В отношении чести, ее трудно сейчас найти у тех, кто живет впроголодь. <...>

Во вторник с работы пошел к Виктору. Он варил ужин и угостил меня супом из ботвы и селедкой. У него ночевал. Виктор — человек практичный и неглупый, поддерживает связи с женщинами при столовых или при магазинах, но ни литературой, ни искусством не интересуется и весьма ограничен. Видно, скуповат был и до войны.

Варил суп из баранины, у меня был рис. Натопили жарко плиту <...> и спалось крепко. <...>

25 апреля 1943 года

...Ходил в тир, стрелял из ТТ по мишени. Результаты средние <...> Смотрел «Сталинград». Сильное впечатление. Немцы готовятся к химической войне. Вероятно, ныне придется понюхать удушающих газов.

Только два последних дня в городе спокойно. <...> У цеха посадили молодые деревья. <...>

Слышал, что Александр Баранов арестован, за что не знаю. Везет же ему, черт возьми. Но что могло стрястись с ним — ума не приложу. Кажется, не глупый человек и вот тебе на! <...> Сегодня Пасха. Вчера приезжала мать, но, так как меня не было, она переночевала у соседей, а утром побывала у сестры и поехала к Александру Николаевичу, где осталась отмечать Пасху.

В последний месяц много хожу по городу. Какую печальную картину он представляет: руины, сгоревшие дома, пробитые стены, рухнувшие балконы, горы штукатурки и битого кирпича, воронки, разбитые мостовые. <...> Измученные люди живут на ощупь. Женщины города: голодные, опустившиеся, нервные, жадные, скарედные и тупые. Мужчины: трусливые, апатичные, грубые, едкие, чванливые и педантичные.

Говорят, театры полны зрителей. Но какие это зрители? Большинство военные, затем кухстолмагресеры и дельцы. Дельцов в городе много. Барахло стало дороже. Денег стало меньше. Овощи на исходе. Все комбинируют, мудрят, маракуют, планируют и приспособливаются. Мертвецов мало. Убитых много. Город наводнен солдатами и моряками. Интересно, но в то же время тошно, муторно и тоскливо. Затишье перед бурей. События не заставят себя ждать. Скоро пора настанет и в Ленинграде.

2 мая 1943 года

В праздничные дни город ожесточенно обстреливался. Накануне 28 апреля я оказался в зоне обстрела на Литейном. <...> Свыше двух часов длилась эта музыка. Я высчитал: через каждые две минуты рвались снаряды. Жертв было много. Особенно на Невском. Был сильно изуродован Дом книги. <...>

К празднику выдали 750 г пшеничной муки, 100 г компота, 10 г дрожжей, 300 г сельди, 50 г сухих помидор[ов], 10 г сушеных моховиков, 500 г водки, 250 г портвейна и 3 кружки пива. <...> Победил потолок. Это стоило мне большого труда. На нем было копоти толщиной с палец. Пришлось сначала все смыть, потом два раза белить. Это заняло много времени. 30-го не работал. С утра убрался в комнате, сходил в баню, побрился. Съездил на завод. Приехал Василий. С ним выпили четвертинку водки. Вечером он уехал, а я лег спать в 7 часов и проснулся в 11 вечера. С полночи до 4 утра сочинял стихи. <...>

1-го, то есть вчера, с утра оделся по-праздничному, выпил две стопки вина и в 11 часов поехал на Поварской к Ливенбергам. Был обстрел их района. Пошли на Кузнечный, из-за обстрела народу не было. Видел горящий азростат. Затем поехал на завод в надежде на праздни-

ный обед, но там, вернее у завода в диетстоловой, творилось что-то несусветное, настоящее столпотворение. Пробыл около двух часов и уехал не солоно хлебавши. По дороге купил две книги по искусству.

В 6 часов вечера пошли втроем в «Титан» смотреть «Леди Гамильтон». Картина очень и очень содержательная и сделана блестяще. Она, пожалуй, стоит повыше «Маскарада». Оставила сильное впечатление.

В кино проверяли документы, как всегда. В половине 10-го сели за стол. Выпили водки, пива, купленного на рынке, закусили, опьянели. Я читал стихи. Рассказывали о прошлом, пережитом. Нина — довольно интересная молодая женщина. Она младше меня на четыре года, весьма культурна, меланхолична, немного красива, немного приветлива, нежна — все в меру, больна легкими. Муж ее Аркадий, рождения 1917 года, живут они скоро четыре года вместе. Он окончил перед войной институт связи. Во время блокады чуть не сыграл в ящик. Вид его очень молодой, немного мелочный, неглубокий и неглупый, у них я хорошо отдохнул душой.

Проснулся сегодня в 8. И опять уснул. Встал в 11 часов и сразу же отправился домой. Нина обещала познакомить с девушкой.

<...> Недавно получил письмо от брата, на треугольнике штамп Орла. Пишет, что едет в Москву на переформирование. Опять едет. Как только стронулся с востока, так и начал [мотаться] по фронтам, поэтому и писем от нас не получает с июля прошлого года. Надеется приехать в отпуск. Хотелось бы увидеть его. Он ближе мне, чем сестра. К тому же она замужем. Последнее время у меня отношения с матерью и сестрой стали холоднее. Это происходит от многих причин. Нервы мои здорово обветшали. Вот сегодня выспался досыта и чувствую себя превосходно. Буду до 12 часов писать и думать, думать и писать.

Приказ [№] 195 т. Сталина меня очень обрадовал. Как он говорит! Гениально просто и убедительно! Какие образы! Какая мудрость! Легче мне стало теперь. Я понял, что готовится что-то внушительное для разгрома врага. К тому же союзники все-таки не спят.

По-видимому, в этом году закруглят войну. Быть может, придется глотнуть отравляющих веществ. Быть может, и не переживу, но победу в этом году наш народ отпразднует.

6 мая 1943 года

<...> Получил открытку от Калашникова и письмо от Якубовского. Калашников пишет:

«...Уже два месяца, как я нахожусь в армии, изучаю специальность Кренкеля. Буду счастлив, если от моего участия прольется кровь десяти фашистских собак.

А я, брат, думал, что писать тебе по старому адресу бесполезно и, конечно, рад, что ошибся. Нервничаю и бесконечно злюсь — вот что я могу сказать о себе. Напиши мне подробно о своей жизни, да не медли, а то мой адрес теперь подвижной. 27 апреля 1943 года».

Быстро дошла открытка. Я рад этому и в то же время встревожен. Неужели такого художника отправят на фронт? Это было бы величайшей ошибкой! <...>

В первомайском номере газеты «Смена» в статье «Братство, скрепленное кровью» много написано обо мне, и статья кончается моими стихами. С душой написано и правдиво. Я вдохновил двух журналистов на тему «За Ленинград, за город русской славы». <...> Приятно, конечно, читать это. Хочется еще больше работать, чтобы отблагодарить и оправдать слова этих людей своим трудом и жизнью. Уже подготовил два сборника стихов. <...> Осталось еще столько подготовить — и можно будет идти за консультацией в Союз писателей.

Сегодня ходил на Богословское кладбище. Около него получил полторы сотки земли под огород. Земля песчаная, тощая. Одну грядку вскопал, осталось еще три. В воскресенье закончу. Сообщение плохое. От завода надо идти километров пять и от дома около этого. И близко трамваев нет. Придя домой, нашел семена, много семян. Привезла их мать. <...> В субботу поеду к сестре. Надо достать литературу по огородничеству. Придется приложить немало трудов, чтобы вырастить овощи. Одного боюсь — за сохранность.

Война принимает ожесточенный характер, начались активные действия на юге. Пока что, судя по печати, инициатива в наших руках. Давай бог! Нынче не видно, чтобы ленинградцы собирали траву или крапиву, стало быть, не очень уж голодны. Выглядят тоже недурно, за исключением тех, кто не сумел за прошлое лето войти в силу.

Погода установилась. Сегодня знойный тихий день. По ночам налеты большие. На днях бросили на моей улице бомбы — удирал от наших ястребков. <...> Устал здорово, но бодр и свеж душой. Сейчас примусь дочитывать «Далекое и близкое» Репина. 11 часов вечера, и спать хочется.

9 мая 1943 года

Вчера радио сообщило, что союзники заняли Бизерту в Тунисе. Эта радостная весть быстро облетела город. Люди повеселели. Наши войска ведут успешное наступление на юге.

Вчера ушел с работы пораньше. В 5 часов был у сестры. Выпил с Леонидом четвертинку водки. Около пяти часов проговорили о текущих событиях, о пережитом и перспективах на будущее. Хорошо провел

время. Комната у них выбелена, печка разобрана, на стенах репродуктор и открытки.

Утром в 10 часов с Леонидом поехал на выставку ленинградских художников, но она еще не открыта. Напрасно потеряли время. На Невском кросс: спортсмены в трусах и майках, велопробег. День солнечный. Приехал домой в 2 часа дня. Взял лопату и отправился на огород, где пробыл до 6 часов. Копал и сеял. Посеял турнепс, редис, капусту, помидоры. <...>

Огород много требует внимания. Люблю землю, вероятно, во мне сказывается крестьянское происхождение.

Сегодня в городе тихо. Вчера тоже. По ночам бешеные тревоги. Скоро начнутся веселые события.

Скоро исполнится год, как я вышел из госпиталя. Пока все хорошо. <...>

От Валентины Пирожковой получил телеграмму: «Приезжай в отпуск в Самарканд, жалеть не будешь». Написал ей соответствующий ответ. <...>

13 мая 1943 года

Проклятое число. С раннего утра началась воздушная тревога и обстрел города. На работу шел пешком, под свист снарядов и разрыва шрапнели. <...> На набережной передо мной в четырехстах метрах разорвался снаряд. Мужчину взрывной волной отбросило к черту на кулички. Он тяжело шлепнулся мертвым у самой воды. Женщине оторвало голову. Мозги и волосы были разбрызганы на заборе, большая лужа крови стекала с тротуара на мостовую. <...>

На заводе до половины 11-го сидел в комнате бюро комитета комсомола, т. к. завод обстреливался и был подан сигнал «укрыть личный состав».

Приступил к работе. Тревога продолжалась до половины 3-го. Многие не явились на работу.

Холодный, ветреный день. После полудня небо заволкло тучами и пошел дождь. Легко одетый в тельняшке, пиджаке, парусиновых туфлях, вместо кальсон трусы, без кепки. Застыл окончательно.

Работников не было. Пришлось одному вертеться как белка в колесе. Работа капризная, новая. Домой пришел в 7 часов. <...> Работал на огороде. <...>

У всех в зубах навязло варварское слово «эрзац». Эрзац-солдат — девушка в форме солдата. Эрзац-моряк — девушка, одетая в моряка. Эрзац-конфеты — конфеты с дурандой¹, эрзац-молоко — соевое молоко

¹ Дуранда — жмыхи, остатки семян масличных растений после отжима масла.

на рации. Эрзац-жена, или жена блокадная, то есть за отсутствием законной временная жена, доходная или такая, под которой подразумевается любовница. Эрзац-хлеб, слава богу, выпал из лексикона ленинградцев больше года назад. Эрзац-токарь — женщина. Эрзац-муж — худой, немолодой, дистрофик. Эти эрзацы не перечислить и не запомнить.

Войну называют бандитизмом Гитлера, когда происходит артиллерийский обстрел.

Сегодня головы ленинградцев забиты думами об огороде. Утром идут на работу с лопатой, с работы на огород и с огорода домой тоже идут с лопатой.

Разговоры от ученика до старого инженера о семенах, почве, навозе, ночном «золоте», моркови, петрушке, поливке — одним словом, колхозные разговоры. Непривычно и поэтому интересно. О медалях «За оборону Ленинграда» забыли. Идут толки, что война скоро кончится, а она кончается уже два года как. Нервы истрепаны у всех. Все поумнели, стали скупыми на комплименты и щедрыми на едкие остроты, осторожны, подозрительны, рассеянны, необщительны, замкнуты и холодно-горды. Весна придала людям оригинальный вид.

17 мая 1943 года

...Надоели тревоги. Ни ночью ни днем нет покоя. Длятся по шесть-семь часов. Сегодня на работу шел пешком. На завод пришли не все.

Весна холодная, зацвела черемуха. Дуют холодные ветры. Кровь плохо согревает душу.

Питание ниже среднего. Засыпаю полуголодным.

Усиленно работаю на огороде. В субботу работал лопатой, в воскресенье сеял. Уже взошли турнепс и редиска. Почва тощая, песчаная. Далеко ходить на огород. Пока идешь, выдыхаешься. Завтра буду сеять свеклу, уже проросла в сырой тряпице. Природа оделась в зеленое платье.

Люди глотают пороховой дым и тысячами гибнут на полях сражений или в проклятой Германии. Великий русский многострадальный народ. Народ трудолюбивый, стихийный, свободный и терпеливый. Ни один народ за всю свою историю не вынес столько, сколько русский человек за последние тридцать лет. Сколько грязных кровавых лап протягивалось к твоему могучему горлу! Но ты дышишь полной грудью, тяжело дышишь, но живешь. И стоять и жить будешь вечно. Тебе суждено решать судьбу многих народов. У тебя мудрые вожди и талантливые руководители. У тебя есть будущее. Кровь, пролитая тобой, не пропадет даром. Трудно писать в эти дни. Грандиозность событий давит на грудь

и сжимает горло. Слишком устают мозг от переживаний и потрясений. Нужен большой талант и сила титана, чтобы описать на бумаге все ужасающие подробности жизни наших людей, сражающихся 23 месяца с бронированными полчищами гитлеровской Германии. <...>

Трудно тем, кто хочет заниматься творчеством в свободное от основной работы время. Это время нужно урывать от сна, который так дорог страшно уставшему, голодному человеку с отравленной нервной системой. <...>

Вот уже не ясно излагаю, а значит, мысли туманные. Воля беспомощна, здесь талант ни при чем, будущее покажет, смогу ли я справиться со своей задачей или нет. Если выживу, то что-нибудь оставлю после себя, а если нет, то простите мне радужные надежды, я не виноват, что они не оправдались. Историческая необходимость тому причина, а мне уже скоро 28 лет.

Кончаю, ибо писать без толку. Эта бесконечная исповедь, наполовину заполненная водой, если сможет принести будущему историку пользу, то слава богу.

19 мая [1943 года]

Вчера меня вызвали в партком. Там были секретарь райкома ВКП(б) Щербаков, парторг ЦК ВКП(б) на заводе Смоловик, Ремезов и еще зав. отделом кадров райкома. Потолковали со мной полчаса по душам и задали вопрос, как я смотрю, если мне поручат ответственную партийную работу в комсомоле, а затем освободят.

Пошел на огород. По пути заглянул к Вале Быкову. Посмотрел его этюды, эскизы, картину, поговорил по душам. Все такой же энтузиаст. Горит человек. Маловата культура, но большой темперамент. Души не чаёт в искусстве. Хорошее произвел на меня впечатление. Жена и дочь его в плену у немцев. Сам он тяжело переживал блокаду. Сейчас работает дворником, а после берет в руки кисть и работает до упаду. Одну его картину приняли на выставку ленинградских художников. У него я пробыл около 2 часов. Беседа получилась оживленной, от него пошел на огород.

Сеял свеклу, домой пришел пешком в 11 часов.

Сегодня ездил в райком. Посетил Щербакова и секретаря райкома Барнаулова. Хороший парень, тоже участник войны. С ним можно сработаться. От него поехал в горком комсомола, где пробыл около часа, оттуда на завод, с завода в горком ВКП(б). Вероятно, на днях буду руководить комсомолом своего завода. Работа очень ответственная и тяжелая, где же время для стихов!!! Что же, увидим, как пойдет дальше. Чем дальше в лес, тем больше дров.

27 мая 1943 года

Итак, я комсорг ЦК ВЛКСМ завода им. Сталина.

21-го должно было быть общезаводское комсомольское собрание. Оно сорвалось. В этот день пришло на завод из райкома назначение меня комсоргом ЦК ВЛКСМ.

В субботу ездил к Леониду. Ночевал у него, в воскресенье на обратном пути заехал на Басков переулок. Вечером поехал в театр. Смотрел «Слугу двух господ».

С понедельника начал глубоко изучать организацию завода, работу актива, беседовал с секретарем райкома, парторгом ЦК ВКП(б) Смоловиком, директором завода, с парторгом и начальниками цехов. Ходил в общежитие, проводил по цехам митинги, брали соцобязательства к 25-летию комсомола.

Вчера на завод приезжал секретарь горкома партии Бадаев. Я был в президиуме на общем собрании. Бадаев выступил с докладом «Обстановка сегодняшнего дня и наши задачи».

Домой прихожу поздно. Устаю, но много делаю полезного. День проходит плодотворно. Ребята меня любят, ликують, радуются моему возвращению в комсомол. Атмосфера создается благоприятная. Сегодня был на совещании райкома о займе.

Снова над городом черные тучи. Предстоит последняя решающая схватка. В Сталинграде она началась, в Ленинграде кончится. Теперь немного осталось, но осталось самое страшное, как мне кажется.

Ничего, борись, крепись, ты же сильный, а выживешь, будешь молодец, тебе дадут отдохнуть и спасибо скажут за работу, за борьбу, за волю твою; суждено погибнуть — значит судьба у тебя такая. Ничего не попишешь. Главное, не терять почву под ногами. Оставаться спокойным до конца, а нервы как у женщины стали. Сердце как у старика. Глаза суровые и ласковые. Вид у меня внушительный, говорят, мол, этот парень кремень, а никто не знает, что на душе порой бывает.

Скоро начнется заключительный акт этой трагической пьесы. Если мое сердце вдруг остановится прежде, чем опустится занавес, — не обессудь, читатель, — стало быть, мой челнок переполнился и опрокинулся.

Интересное времечко впереди. Погорячей Севастополя и Сталинграда будет. Опять зарычали пушки. Белые ночи темнеют от порохового дыма.

Черемуха отцвела. Стало тепло. На улице Комсомола цветет яблоня.

Завтра еду в горком, послезавтра в подсобное хозяйство. <...> На огород ходить некогда.

Бронь под вопросом. Все скоро разрешится. Союзники зашевелились. Пора им. Давно пора. Ленинградцы ждут событий.

Н. А. Бернгардт¹

«Хочу и буду членом Ленинградской партийной организации!»

«Ну еще по одной, уж больно жизнь хороша <...> Задача интересная отправить два вагона “спецназначения” <...> Чуть свет иду в Ярский райком <...> Меня из дому так не провожали <...> Вологда. Поезд стоит 5 часов <...> Путь между Череповцом и Ефимовской изрядно поврежден <...> Волховстрой <...> В Ленинград дорога закрыта. Пелла, Назия и Мга заняты немцами <...> Решил идти пешком <...> Путилово <...> Силы на исходе <...> Вот пристань <...> Поезд мчится в Ленинград...»

22 июня [1941 года]

Любуясь красотой Петергофского парка, роскошных дворцов, причудливых золотых фонтанов, невольно хочется сказать:

— Честь и слава вам, нашим отцам и старшим братьям, кровью и жизнью своей завоевавшим нам счастье и радость жизни.

<...> Мы в ресторане. Огромный выбор всевозможных вин, холодных и горячих закусок. Сегодня воскресенье, можно разрешить себе выпить. Раздается звон хрусталя, в красивых бокалах не буржуазный напиток, а предмет широкого массового потребления — русская московская водочка...

— Ну, еще по одной, уж больно жизнь хороша.

Чокнулись. Наступила тишина, и вдруг отчетливый ясный голос диктора возвестил:

— Слушайте, слушайте, передается важное правительственное сообщение. В 12 часов 15 минут у микрофона выступит глава советского правительства В. М. Молотов.

«Гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз».

¹ Николай Александрович Бернгардт — инструктор райкома партии (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 11–13).

Прощайте, Митя, Ваня, вас ждут в частях. Явка в первый день мобилизации...

Пулей лечу в райком. В кабинете сидит слегка взволнованный Алексей Михайлович. Он один. Я явился первый и первым получил задание обзвонить все организации, дать указание обсудить на массовых митингах речь Молотова.

15 августа [1941 года]

Задача интересная — отправить два вагона «спецназначения» в Удмуртскую АССР с группой семей ответственных работников райкома. Срок выезда — 16 августа. Возвращение?! Ну как отказать. Отказать А. М. Григорьеву — это невозможно, я его безумно уважаю. Но ради чего я поеду, отправлять мне некого, эвакуироваться самому — это преступление. Немцы наступают, обратный путь может быть закрыт. Но я оставляю здесь свою любовь, свою родную Зинульку. Опять разлука, и, может быть, навсегда. Положение отчаянное. Но я дал слово другу, гатчинскому парню, секретарю райкома Григорьеву. Я сам гатчинец. Эти ребята не подводят. Еду.

16 августа [1941 года]

Все поставлены на ноги. Отцы укладывают последние вещи, снаряжают в дорогу своих жен и детей. Заняты по горло, а я ношусь как угорелый. Оборудую вагоны, запасая лимонад — ведь дети захотят пить; бак с водой, топоры, гвозди, молоток, веревки — все надо, но им не до этого.

До отъезда два часа, у меня ничего не готово. Звоню директору, прошу дать увольнительную Зинаиде. Пришла, плачет, разводит сырость, а время идет. Пришла бабка-соседка на помощь и тоже ревет. Вот помощники. Сели, выпили по рюмке портвейна и отправились на вокзал. <...> Все прощаются, и слезы градом льются по лицам. «Ты приедешь?» — спросила Зина. Крепко поцеловав, я ответил «да».

Подожел Алексей Михайлович. Он сильно взволнован.

— Вернешься? — спросил он, крепко пожимая руку.

— Хоть мертвым, но буду здесь. Не снимайте с партучета. Хочу и буду членом Ленинградской партийной организации, — ответил я и вскочил в вагон тронувшегося состава. <...>

Сотни вопросов. Как доедем? Не опасен ли наш путь? И т. д. Часам к 11 угомонились, усталые ребяташки спят. Так как до Тихвина дорога может быть беспокойная, решил: спать не буду. <...>

18 августа [1941 года]

Станция Яр, Удмуртская АССР. Выгружаемся из вагонов. Проливной дождь. Бедные ребята, спрятать их некуда, вокзал переполнен, придется им до утра оставаться под открытым небом.

Находим около вокзала подходящую лужайку, развожу костер. Уставшие и измученные дети и матери усаживаются поближе к огню.

Чуть свет иду в Ярский райком партии. Скоро получив аудиенцию, беседую с секретарем РК. Хороший дядька, сразу оценил мой «груз» и принял меры по размещению семей. Короткий разговор по телефону — и 18 подвод из деревни Нижняя Сада направляются к станции. Ждать их придется долго, до деревни 18 километров.

Крепко поблагодарив и пообещав зайти, я поспешил вернуться на лужайку, где у костра сидели промокшие до костей ребята и родители. Рассказал обо всем: питании, жилище, предоставлении транспорта и т. д. Радостные улыбки засияли на лицах моих подопечных. Теперь и дождь показался совсем другим. <...>

Вернулся в райком. В кабинете секретаря сидел председатель исполкома, зав. отд. пропаганды и агитации. Начались расспросы. Полтора часа длилась беседа о Ленинграде, наступлении врага, угрозе, нависшей над Родиной. Попросили провести беседы с активом и колхозниками. <...>

Проглянуло солнце. Подводы нагружены самими колхозниками с особой любовью, были посажены самые маленькие путешественники.

Весь день прошел в хлопотах по размещению. Председатель Бучуновского сельсовета лично приехал для разрешения всех вопросов эвакуированных.

24 августа [1941 года]

Меня из дому так не провожали, как провожают домой. До отъезда набили мешок. В нем масло, куры, хлеб, огурцы. Вся деревня пожелала доброго пути. <...>

Накануне первый секретарь райкома предложил мне остаться работать в районе. Поблагодарив за доверие, я отказался. Мне нужно вернуться в Ленинград и дать отчет о поездке. <...> Попросил обеспечить питанием, присмотреть за ленинградцами, дать им возможность освоиться, а затем обеспечить работой. <...>

26 августа [1941 года]

Навьючен, как верблюд: чемодан, мешок и битком набитая полевая сумка. Поезд пришел. В накуренном купе — тяжелый воздух, жар-

ко, пять краснофлотцев шумливо беседуют. Раненые возвращаются после госпиталя на любимую Балтику. Говорят, где и какие ранения получили, упоминают Кингисепп. Не удержался, вступил в разговор. <...>

29 августа [1941 года]

Мешок с продуктами худеет день ото дня. Наша команда из шести человек на аппетит не жалуется. <...> На больших станциях краснофлотцы получают по аттестатам паек, а я не имею на это право. Все делим поровну, и все сыты.

Вологда. Поезд стоит 5 часов. Пошли в город. В эвакукомиссии раздобыл пять талонов на обед. Один обед несем дежурному по купе. Вымылись, причесались. Вернувшись к вагону, узнали, что поезд дальше не пойдет и будет переоборудован в санитарный. <...>

Предлагаю выход из положения: познакомиться с санитарками и медсестрами и ехать в их поезде. Идея понравилась и была принята к исполнению. Быстро «накапав» на мозги санитаркам и медсестрам, с их разрешения удачно «приземляемся» в одном из вагонов и вскоре отправляемся в дальнейший путь на Ленинград.

30 августа [1941 года]

Настроение поганое. Поезд движется со скоростью черепахи. Продукты кончились, положение иждивенческое. Хоть попутчики об этом не говорят, чувствую себя неудобно. Прибыли в Череповец. <...> В железнодорожной столовой после разговора с директором получаю шесть талонов на обед. Попутчики говорят:

— Браток, силен, умеет оформлять дела.

Наелись досыта. Комбинируем насчет шнапса. С мира по нитке собрали бедному на крепкие напитки. Музыкальное оформление состоялось.

31 августа [1941 года]

Проезжаем Ефимовскую. Путь между Череповцом и Ефимовской изрядно поврежден. Под откосом валяются паровоз, отдельно тендер и товарные вагоны.

Поезд идет очень тихо. На опушке леса у железнодорожного полотна огромные воронки от взрыва фугасных бомб. Будка путевого обходчика разбита. Поезд остановился, и мы вместе с железнодорожниками пошли осматривать место происшествия. Левая угловая комната, на стене висит гитара, в углу труп мальчика. Череп разбит, виден мозг, похожий на клубок свернувшихся червей. <...>

— Это произошло вчера, — рассказывает местный житель, — дальше по ходу поезда вы увидите сбитый вражеский самолет. Пилот

бомбил проходящий состав, но никак не мог попасть, бомбы взрывались слева и справа от полотна. Тогда он снизился и бросил бомбу на путь перед составом. Взрыв оказался настолько мощный, что самолет подбросило, как щепку, и он рухнул на землю. Заслуженное наказание.

1 сентября [1941 года]

Тихвин. Поезд стоит минуты. С почты звоню в райком, исполком. Подходят незнакомые люди, прошу передать привет. <...>

Голодны как шакалы, кишка кишке фиг кажет. Чтобы не впасть в уныние, запел: «Раскинулось море широко...» Товарищи дружно поддерживали меня, и наша песня прогремела на весь вагон.

У заглянувшей к нам молодой санитарки Шуры стрельнули хлебаца. Принесла 300 г. Что нам 300 г — проглотили и не почувствовали.

Волховстрой. Поезд почему-то пошел к станции Мурманские Ворота. Поблагодарив за все, вышли. На перроне народу тьма-тьмушая. Поезда на Ленинград не ходят, в 1-й Волховстрой не пускают. Свежо, одежда летняя, внизу трусы, сплошной сквозняк. Ночью подходит поезд со стороны Мурманска. Местные жители почему-то назвали его «трамвай». Этот «трамвай» курсирует между Мурманскими Воротами и Волховстроем. Единственное средство сообщения. Зайцами едем до Волховстроя. Вокзал переполнен, правая сторона — штатская, левая — военная. Лежим на полу, хочется спать, но не уснуть, изрядно голодны.

Раздается пронзительный вой сирены, охрана предложила немедленно покинуть здание и скрыться в бомбоубежище.

Это сооружение легкого типа, возведенное в садике возле вокзала, нельзя назвать бомбоубежищем. Решили встать у дерева и наблюдать за происходящим. <...>

2 сентября [1941 года]

Поиск денег и питания начали с раннего утра. Краснофлотцы пошли в военкомат. Я — в горком партии.

На берегу прекрасной многоводной реки Волхов, за электростанцией небольшой деревянном дом, у парадной дежурный. Проверив тщательно документы, дежурный сообщил, что секретарь будет через час. <...>

Секретарь горкома товарищ Никитин сравнительно молод, располагающая улыбка, открытый взгляд, он сразу пленил меня <...>казалось, что мы давно с ним знакомы. Рассказал ему о своих приключениях. Он посмотрел и заключил:

— Видок у тебя бледный.

Позвал секретаршу и велел накормить. Ну, думаю, помолочу. А секретарша принесла 200 г хлеба, стакан молока и на этом ограничилась. Нужно было бы повторить и сделать один-два захода, но, видимо, в гостях не своя воля.

Секретарь райкома велел написать заявление на получении денег. Выдали 150 рублей.

— Ну, а теперь собирайся в обратный путь вглубь страны, в Ленинград дорога закрыта. Пелла, Назия и Мга заняты немцами, — спокойно сообщил он.

— Я ленинградец и должен быть там живым или мертвым.

— В таком случае есть один путь. Садись на пароход, доедешь по Волхову, затем по Неве прямо до пристани у Исаакиевского собора.

— А много проезжают по этому пути?

— Не многие, много гибнет.

— Этот путь не для меня, погибнуть дело невеликое, живым вернуться — это цель.

— Сегодня пробуем пропустить бронепоезд, а следом товарный, вот с ним и поезжай.

Пулей лечу на станцию к военному коменданту. Есть записочка на обед и разрешение на выезд. Пообедал прилично. Паровоз и четыре вагона пойдут вечером.

Встретил моих попутчиков-краснофлотцев. Получили паек и предложение остаться, но они отказались. Поедем в свою часть, заявили они.

Все съели, а есть хочется. Отправились на промысел. Не доходя до военкомата в стороне от набережной — небольшой домик. Вошли. Хозяйка выслушала и говорит:

— Мы эвакуируемся, многие уже давно уехали, идите в огород, накопайте картофеля, свеклы и моркови и варите. Вот вам котел, дрова есть. Не оставлять же немцам, лучше самим съесть.

Поработали на славу. Картошки целое ведро. Хозяйка дала соли, кусочек хлеба. С хлебом тут плохо, муки много, а пекарни нет, печь нигде. Наелись досыта, живот пучит.

Мои попутчики не хотят расставаться со мной, едем вместе. Проезжаем одну станцию, выходит начальник, вручает жезл, едем дальше, порядок. Вдруг — стой! Не доезжая станции Жихарево обстрел, ложимся на пол. Поезд задним ходом возвращается к станции Волховстрой. Военный комендант смеется:

— С приездом, поздравляю.

Тут не до смеха, были близко от родного города, а в город не попасть. Опять отправились спать на вокзал.

Обидно: буквально тысячи военных бродят в Волховстрое вооружены и сыты. Все они из уст в уста передают о том, что во Мге высадился большой десант автоматчиков, что нет силы, способной его уничтожить. Трусы, паникеры, десант человек 400, а тысячи — о нем говорят. Дать бы сюда рабочих Кировского завода, они бы дали жизни гадам, показали, как нужно бить врага.

3 сентября [1941 года]

Снова в кабинете секретаря горкома:

— Товарищ Никитин, решил идти пешком, посоветуйте, как лучше пройти. Обстановка обостряется, и все пути могут быть отрезаны.

— Идите, но путь может быть тяжелым. До Ленинграда 155 км. Идти нужно так. До села Путилова, затем вниз на Канаву, по Канаве до Шлиссельбурга.

Попрощались.

С моим планом краснофлотцы не согласились. Иду один. Вечереет. Предстоит далекий путь.

Ребята не отпускают. Жалко. Нельзя терять время. Пожали руки, и крупная слеза скатилась по моей щеке. Не знаю, то ли от обиды и боли расставания, то ли от неопределенности перспективы возвращения в Ленинград, к дорогим друзьям и товарищам.

Неукротимое желание вернуться, только оно сопровождало мне всю дорогу. <...>

Сколько прошел километров, не знаю, устал чертовски. Уже стемнело. Безлюдно, только изредка проходят патрули.

Ночую под открытым небом, трава влажная, холодно, и ужасно хочется есть.

4 сентября [1941 года]

Прошел деревню. Она совершенно пуста, окна открыты, двери настежь. Где же наша армия, уж не заблудился ли я. На грядке нашел морковку, она не красная, а черная, огурец дряблый. Соли нет, хлеба нет.

5 сентября [1941 года]

Впереди большое село. Путилово. Справа белая церковь. Едва иду. Рассказывали, что до Путилова 67 км. Идти дальше. Не выдержу?!

Спать на земле нельзя: иней, начались легкие заморозки.

Хочу пить. Теперь моя дорога пойдет лесом до Канавы.

— Стой! Куда?

— В Ленинград, — ответил я подошедшему ко мне красноармейцу в летней пилотке. Проверив документы, патрульный, улыбнувшись, заметил:

— В Ленинград едва ли пройдешь, смотри не сбейся с пути, а то попадешь в гости к немцам.

Спасибо дал закурить.

Покурил, напился воды, как будто легче стало. Двинулся в поход.

Иду по краю проселочной дороги. Кто-то шевелится в лесу, впереди какой-то шум. Холодный пот выступил. Что делать? Идти или подождать? Ждать хуже: могут подумать, что испугался.

— Товарищ, нет ли спичек? — спросил чей-то голос.

— Нет. А вы кто такой?

— Колхозники мы, из деревни. Деревню бомбят, вот мы и живем в лесу, вырыли себе землянки, здесь и находимся.

— Нет ли чего-нибудь поесть?

Холодная картошка, печеная, горелая, сплошной уголь, с голодухи показалась вкусной, ем да расспрашиваю. Как пройти? Скоро ли Шлиссельбург? И т. д. Бедные ребята, старики, прогнали их с насиженных мест.

Пользуясь присутствием людей, проспал спокойно три часа.

6 сентября [1941 года]

Весь день и вечер в дороге. Вдали виднелся большой населенный пункт.

Ночь. Вот пристань. Меня ведут мимо нее в милицию. Тут свои порядки, мало иметь документы, надо еще иметь отметку местной милиции. <...>

Силы на исходе. Иду по улице, не пьян, а шатаюсь из стороны в сторону.

Прилег отдохнуть на скамейку у пристани. Резкий свисток. К пристани подошел небольшой пароход, такие, какие ходили по Неве. На берег вышел военврач, в белом халате. За ним вынесли на носилках 12 тяжелораненых молодых. Стоны, крепкая ругань, лужи крови. <...>

7 сентября [1941 года]

Едва прибывший катер пришвартовался к пристани, завыла сирена, предупреждающая об авианалете. <...>

Иду на вокзал станции Шлиссельбург¹. Пикирующие бомбардировщики бомбят Дубровку. Тут войска, мирные жители. <...>

¹ Шлиссельбург — ныне Петрокрепость — железнодорожная станция Ириновского направления Октябрьской железной дороги, находится на правом берегу Невы напротив одноименного города.

7 часов вечера. Стервятники на бреющем полете строчат из пулеметов, лежу в кустах, слышу неприятный свист пуль. Неужели мне суждено здесь погибнуть? Не выполнить слово, данное при прощании. Алексей Михайлович! Зина! Я рядом с вами, горю желанием быть вместе с нашим тесно спаянным коллективом. Я дал вам слово, слово товарища, большевика, и во что бы то ни стало его выполню.

10 часов. Отбой воздушной тревоги. Поезд мчится в Ленинград. Не верю, пока не окажусь на перроне Финляндского вокзала, я же ленинградец. Мельничный ручей, Пискаревка, Ленинград. Любимый, моя гордость, каким ты стал для меня дорогим и близким. Вновь я твой, только уставший и слабый, с непослушными ногами.

Телефонная будка. Автомат. Не могу воспользоваться: нет денег. Звоню из кабинета дежурного:

— Кто у телефона?

— Кириллова.

— Тоня, говорит Бернхардт.

— Кто, Бернхардт? Товарищ, не говорите глупости, Бернхардта нет, он пропал без вести.

— Как пропал, да я у телефона, Тоня?

Но она уже повесила трубку.

Звоню снова:

— Тоня, дайте мне к телефону Алексея Михайловича.

Буркнув в трубку что-то невнятное, она переключила телефон:

— Да, я слушаю.

Он слушает, а у меня спазмы сжимают горло, и чуть слышно я говорю:

— Алексей Михайлович! Бернхардт говорит.

— Орел! Приехал, жив, еду встречать. Где ты?

— Жду Вас у памятника Владимиру Ильичу!

Голубая райкомовская машина ЗИС-101 шла за мной. Я еще не видел машины, но гудок не обманывал...

11 часов 30 минут. Десять венских булок, полватрушки съел сразу, а затем до 3 часов с огромным вниманием все собравшиеся слушали мой рассказ. Шофер принес чемодан, и я погрузился в сладкий крепкий, богатырский сон.

А. Г. Берман¹

«На учете каждый грамм хлеба»

«На вокзалах у вагонов — слезы, вопли, истерики. <...> Работаю контролером по учету и выдаче продовольственных карточек. <...> Умер Михаил. Я тоже была уже в состоянии полнейшей протрации. <...> Никто из контролеров учбюро не потерял членов семьи. <...> Материал о злоупотреблении ею продкарточками полностью подтверждается. <...> Религия занимает еще прочное место в быту у многих. <...> Как омерзительны эти сытые, пышно-белые “талонщицы”».

22 июня 1941 года

Война, война, война! И, должно быть, самая страшная из войн, какие переживал когда-либо наш народ, а может быть, и все человечество. Вчера еще радостно и волнующе лились звуки бальной музыки, люди танцевали, пели, веселились, спокойно отдыхали А сегодня — слезы, страдания, смерть.

С утра была на избирательном участке. Здесь были все наши активистки-домохозяйки. И вдруг это сообщение по радио. Встревоженные лица, ужас в глазах, и среди жуткой тишины неожиданный истошный вопль:

— Ой, сыночки мои дорогие!

Это Белевич, мать четырех взрослых сыновей, заломив руки, выкрикнула навзрыд.

Кое-кто из женщин даже возмутился:

— Как не стыдно впадать в панику! Ведь не только у вас сыновья.

Я позвонила секретарю райсовета Гладилиной. Она сказала, чтобы я закрыла избирательный участок и шла в райсовет.

¹ А. Г. Берман — инспектор районного бюро заборных книжек (имеются в виду именные книжки с талонами для получения нормированных продуктов, то есть карточки). Фрагменты дневника воспроизведены по рукописи, переданной родственниками в архив Пискаревского мемориального кладбища.

Когда я шла в райсовет, уже гремели выстрелы зенитных орудий, летали наши самолеты.

Страшные, тяжелые дни наступили для нашего народа.

Когда я была у Гладилиной, позвонила зав. районо Ильичева. Вызывала в районо на совещание, которое назначено на три часа ночи. Будут представители от райкома партии. Что нам скажут?

20 июля 1941 года

Работаем дни и ночи без сна. Порой кружится голова от усталости. В помещении первой образцовой школы района, где помещался педкабинет, работает районный эвакупункт. Я оформляю документы эвакуируемых и выдаю талоны на хлеб и продукты. Шумно. У моего стола огромная очередь. Матери с детишками все идут и идут. Разорены семейные очаги, весь налаженный, устоявшийся быт!

Эвакуация детей. Ничего более тяжелого и жуткого не видела до сих пор — разве только голодных детишек раскулаченных семей, отправляемых из Башкирии в Сибирь.

По всему Ленинграду мчатся автобусы к вокзалам. Их много, так много, что на улицах задерживается движение остального транспорта и пешеходов. В автобусах матери с детишками. Эвакуируют детей без матерей. На вокзалах у вагонов — слезы, вопли, истерики. Воспитатели бережно берут из рук матерей ревущих детишек. Есть и полуторагодовалые. Из окон вагонов машут ручонками школьники. Мама, мамочка! Этот вопль все время стоит в ушах.

Думаешь, а все ли доедут до места назначения? Ведь железнодорожные узлы бомбят. Все ли матери дождутся своих детей? Ведь в смутные военные годы все может случиться. Многие матери могут потерять следы своих детей — на всю жизнь.

9 декабря 1941 года

С каждым днем ходить становится все труднее и труднее. В Ленинграде установлена норма хлеба 250 г для рабочих и 125 г для служащих, иждивенцев и детей. Мяса — 200 г, крупы столько же. В столовых вырезают талоны на мясо, крупу и масло. По карточке служащего можно питаться в столовой восемь дней — получать по тарелке жиденького, почти пустого супа и кашу. Это мы узнали только 8 декабря, когда мы с Михаилом проели на супы и каши все наши крупяные талоны за декаду. Вот уже два дня, как сидим только на 125 г хлеба. Хлеб запиваем кипятком, пустой водицей.

В городе съедены все кошки. Люди еле-еле ходят. Вчера на моих глазах на улице свалился человек средних лет и тут же умер. Смертность

среди ленинградцев с каждым днем от бомбежек и голода. Голод страшнее налетов с воздуха. Да, многие из нас не доживут до светлого дня победы.

Я работаю контролером по учету и выдаче продовольственных, хлебных и промтоварных карточек. На эту работу райком отбирал самых стойких и проверенных людей.

Приходится ходить по домохозяйствам и учреждениям, проверять, правильно ли выдаются карточки. Ходить с обследованиями по квартирам граждан, потерявшим продкарточки. Сколько горя, сколько тяжелого приходится видеть. Люди лежат вповалку — взрослые и дети. Уже еле живые.

Вдруг сигнал воздушной тревоги. Вместе с другими забрались под арку ворот большого дома. В тот день фашистские самолеты прорвались в город. Стоя под аркой, мы увидели на горизонте яркое пламя и клубы дыма. Кто-то крикнул: «Бадаевские склады горят». «Ну, братцы, — сказал один старик, — теперь наголодаемся. Все запасы сгорят».

Каждый день налеты. Помнится мне день, когда было 24 налета. А теперь еще обстрелы по городу из артиллерийских орудий.

Я не пожелала эвакуироваться, оставлять город в такую тяжкую пору. Решила быть с ленинградцами, бороться на том ответственном участке, куда направила меня партия.

Вот уже два дня, как мы с Михаилом ничего не едим, кроме хлеба. Делим наш суточный паек в 125 г на три части: на завтрак, обед и ужин. Утром и вечером поджариваем его на сковороде без масла — едим гренки. А на обед едим тюрю: крошим хлеб в кипяток и едим как суп.

Завтра Михаил понесет на рынок последнее, что осталось из вещей, — менять на хлеб или крупу.

Голодно нашим девушкам из учетного бюро. Целыми днями они толкуют о еде и об эвакуации.

Мы приставлены к величайшим ценностям — нам доверили беречь каждый грамм хлеба, распределять продкарточки. Я вижу, что кое-кто из наших работников под влиянием трудностей дошел до грани морального падения, таких единицы, но они есть — ловчат с талонами и карточками, присваивая себе.

10 декабря 1941 года

Мне, контролеру, приходится составлять акты о положении граждан, подавших заявления об утере карточек. Без предварительного обследования и акта, подтверждающего утерю, новых не выдают. Иначе нельзя — ведь на учете каждый грамм хлеба. Поэтому я и хожу из дома

в дом. Поднимаясь по лестницам, держусь за перила и останавливаюсь почти на каждой площадке.

Поднялась на седьмой этаж типичного старого петербургского дома. Даже вспомнился Достоевский. Обнаружила, что все восемь человек — члены рабочей семьи — умирают от дистрофии. Карточки потеряны. Я составила акт, потом пошла в столовую и выпросила по своим талонам за вторую декаду три тарелки супа и принесла их в стеклянной банке. Но хлеба у меня не было, потому что вперед не дают, а сегодняшнюю норму я уже съела. Рано утром принесу им свои 125 г. Но что это для семьи в восемь человек?

Некоторые из наших инспекторов-контролеров до того забюрократились — это в голодном-то Ленинграде, — что даже кричат на клиентов, приходящих за хлебными карточками.

Есть в нашем городе и такие, что настроены враждебно, ждуют немцев. Виновницей голода и войны считают советскую власть. Наш сосед Васильев даже изрек: «Ну, теперь вопрос скоро решится. Немцы прут на Москву. Возьмут Москву, и войне конец». Ждет немцев.

Нет света, нет воды. Мы сидим на жестком электролите. Поочередно выключается на неделю то один, то другой район. Уже два месяца, как нет керосина. У нас нет дров. А морозы стоят такие, что трамваи и троллейбусы стоят. Ленинградцы тянутся пешком с Охты и других окраин в центр города. По дорогам, по рельсам, не считаясь с правилами уличного движения, тянется народ пешком, волоча за собой детские саночки с домашним скарбом или с больными, ослабевшими людьми либо с мертвыми, зашитыми в простыни или одеяла. Санки теперь самый распространенный вид транспорта в Ленинграде.

11 декабря 1941 года

С сегодняшнего дня нам, контролерам, установлена 1-я категория: будем получать 250 г хлеба. Значит, нам с Михаилом будет полегче, вместе с его 125 г будем иметь 375 г хлеба в день.

13 января 1942 года

Сегодня Михаил собрал с подоконника оставшиеся с осени промерзшие зерна овса и пшена, которыми он кормил голубей. Маленькая, совсем крохотная горсточка — не более столовой ложки. Они, эти зерна, были вперемешку со снегом и голубиным пометом. Он промыл их и сварил «с крупкой».

Сварил студень из столярного клея, который выменял на рынке на пару своего трикотажного белья. Кроме столярного клея получил

горсточку табаку. Он очень страдает из-за отсутствия курева. Пару раз даже отдал свои ломтики хлеба за табак.

10 апреля 1942 года

22 марта умер Михаил. Я тоже была уже в состоянии полнейшей прострации. Лежала на своей кровати, а Михаил на своей, три дня лежала с покойником. Только 25 марта пришли девушки из МПВО, зашили его в простыню и сохранившуюся зеленую гардину.

В день его смерти, в 8 часов утра, какая-то сила заставила меня встать с постели и почти ползком дотащиться до столовой: хотела получить для Михаила и для себя суп и кашу по нашим карточкам. В столовой была огромная очередь. Только к 12 часам дня получила я наши порции и потащила домой. А когда пришла, Михаил был уже мертв.

25 марта, когда бойцы МПВО положили его останки на большие деревянные сани-розвальни, я пожелала сопровождать его до морга.

Посадили на сани и меня, закутали в шали и множество платков поверх моего ветхого зимнего пальто.

Моргов в Ленинграде было много — тот, куда свезли Михаила, помещался где-то возле завода имени Марти. Помню, что я даже не ужаснулась, когда увидела штабелями, как дрова, сложенные трупы.

17 апреля 1942 года

Михаил похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище — такую справку мне прислали.

Город совсем весенний. Восстановлены чистота и порядок: сами ленинградцы это сделали, работали ломами, кирками и метлами. По некоторым маршрутам идут трамваи. У ворот играют дети — те, что уцелели. Женщины дежурят у своих ворот, читают, вяжут, переговариваются.

Большое солнце. Весна в разгаре. Все залито ярким светом. Радио разносит по городу веселые песни, вальсы, арии из опер.

Только в госпитале, где я лежала около двух недель, и теперь здесь, в стационаре на Фонтанке, я начала приходить в себя после перенесенного кошмара смерти Михаила.

Сегодня мне разрешили выйти в город. Решила навеститься домой. Пошла пешком — по Невскому: трамваи еще не идут. Дома все так же неуютно, пусто и холодно.

24 апреля 1942 года

Скоро кончится мой вынужденный отдых, вызванный дистрофией. Буду работать на той же работе в учбюро. Постараюсь никогда

не уподобляться тем работникам, которые забывают, что они для трудящихся, а не наоборот. Как разговаривают они с просителями даже в наше трудное военное время! Каждое дело, каждая сводка, каждая бумажка превращается у таких работников в нечто самодовлеющее, они не видят за сводками людей.

1 мая 1942 года

Я уже работаю. С 1 по 20 мая мне дали усиленное питание и прикрепили к специальной столовой, где выдают такое питание людям. Я прикреплена к ресторану «Москва».

4 мая 1942 года

Никто из работников нашего учбюро, никто из контролеров не потерял членов семьи. Никто у них не умер от дистрофии, и сами они не выбывают из строя, как я, от голода. Упала женщина, когда я шла на работу. А потом упал старик. Чья-то мать, чей-то отец.

Но жить в Ленинграде стало полегче. Смертность от дистрофии снизилась. Помогла Дорога жизни и забота всей страны о блокадном Ленинграде. К тому же надвигается лето — ждем продукции со своих огородов.

22 мая 1942 года

Обследуя домохозяйства и учреждения (правильность выдачи продкарточек), встречаюсь с интересными людьми, подлинными героями. Но есть и такие, как управляющая домохозяйством № 110 3-ва. Приходится иногда превращаться в следователя и передавать дела прокуратуре. 3-ва уже арестована. Ведется следствие. Мой материал о злоупотреблении ею продкарточками полностью подтверждается. Воровала у голодных ленинградцев крохи хлеба и продуктов для себя и своих родичей, продавала карточки, спекулировала.

15 июня 1942 года

Мне совершенно ясно, что мы, коммунисты, в последние годы недооценили значение антирелигиозной пропаганды. Решили, что в СССР все атеисты. А теперь, обходя квартиры граждан (составляя акты об утере хлебных и продовольственных карточек), убеждаюсь в том, что религия занимает еще прочное место в быту у многих.

П-на — ответственный редактор Гостехиздата, а ее сестра — корректор. У обеих за плечами два-три вуза. П-на математик, немало технических книг прошло через ее руки. Сейчас выпускает оборонную литературу. Часто бывает по вызовам в горкоме партии. А дома все углы в иконах.

То же у К-ой, нашей активистки из управхозов.

Была у П-их. Культурнейшие люди, у матери тоже за плечами два вуза. И у них иконы. И у тети Наташи, уборщицы райбюро. Но ей простительно: полуграмотная старая женщина. А первые? Люди с большим образованием, причастные к точным наукам, работают в советских органах. Или эти иконы появились как маскировка, на случай прихода немцев? Мы, мол, не коммунисты и несоветски настроенные люди. Видите, в бога верим — иконы. Значит, ждут немцев: не верят в нашу победу.

19 июля 1942 года

Обследуя частных граждан, я вижу, что кое-кто живет по двум карточкам: от умерших остались и не сданы или получены иным путем. Ведь к нам часто поступают заявления об утере карточек. А как проверить? Выдаем дубликаты. Не выдать — можно загубить человека, если действительно потерял. А ведь есть и ловкачи, которые карточек не теряли, просто захотели получить вторые.

Появилась в Ленинграде и специальная категория — «ухаживатели». Это люди, которые берутся ухаживать за соседями, кто на ладан дышат; они выкупают их хлеб, продукты, присваивают львиную долю себе и тем ускоряют смерть того, за кем ухаживают.

За мной и Михаилом ухаживали две девушки — бойцы МПВО, бывшие домработницы соседей, живущих ниже нас этажом. Ухаживали честно. В день Мишиной смерти они были заняты, вот почему мне пришлось ползти за кашей, и Миша умер в одиночестве.

6 августа 1942 года

Повсюду теперь огороды. Над грядками порхают мотыльки.

7 августа 1942 года

Сегодня я представила Е-ой, начальнице учбюро, акт об одном домохозяйстве, где я обнаружила явные злоупотребления. Мне был брошен упрек, что я «из мухи делаю слона». Вот как! Я борюсь за каждый грамм хлеба, а когда обнаруживаю украденный у голодающего населения грамм, расценивают это как мародерство на фронте. Иначе не могу и не буду, если это даже кое-кому и не нравится.

У меня явилась сегодня мысль: контроль и контролеров нужно убрать из участковых бюро и районных отделений и оставить за ними только выдачу карточек и учет. Тогда не будет сращивания контролеров с учбюро, контроль будет острее и действеннее. Разве это правильно, когда инспектор учбюро выдает карточки и продталоны, и он же контролер? Это все равно, что продавца магазина сделать контролером.

13 августа 1942 года

В мае этого года всех контролеров учбуро направили в типографию им. Володарского дежурить у машин, когда печатаются продовольственные и промтоварные карточки. Нас направило горуправление. И тогда меня поразило, что мы, контролеры, не знаем — нам не говорили — сколько листов бумаги идет на каждую машину. Мы зорко следили, стояли у машин, глядели в оба глаза, сами меняли каждый бракованный лист бумаги, передавали на машину чистый лист, брак активировали, подбирали все клочки гознаковской бумаги, сжигали. Но тут мало одной надежды на зоркость твоих глаз. Какой толк в контракте, если мы не знали, сколько листов дано на машину? Мы не могли быть гарантированы, что нет утечки на сторону, утечки отпечатанных карточек.

Я подняла по этому поводу шум. Мое предложение учли. Теперь мы хозяева бумаги, все листы, идущие на машину, пронумерованы и проштемпелеваны.

Сегодня мы дежури́м в типографии, положение изменилось: контролеры записывают каждую пачку, что идет на машину (записываем номера машин от и до), записываем номера бракованных листов и их замены. Обнаруживая в пачке недостающий номер, записываем его и составляем акт.

Не добраться до причин недостачи и где получилась эта недостача, из чьих рук вышла пачка с нехваткой, понять не можем. Просчет ли это счетчицы или злоупотребление? Среди счетчиц типографии обезличка. Счетчица не ставит свою фамилию на ярлычке, как браковщица на фабрике или заводе. Отсюда и безответственность счетчиц: можно просчитаться или унести пачку, неизвестно, с кого спросить. Может быть, это не вина счетчицы, отпускающей со склада чистую бумагу, а вина того, кто в цехе подсчитывал съем с машины. Я внесла предложение: ликвидировать обезличку в работе счетчиц. Оно принято. <...>

23 августа 1942 года

Пока мы еще в кольце блокады. И каждый день обстрелы — частые с короткими промежутками. Из тяжелых орудий. К ним мы уже привыкли, как и к налетам с воздуха. Налеты стали реже, но обстрелы — ежедневно. Это теперь постоянный компонент нашей блокадной жизни. Они пострашнее налетов. О приближающихся к городу вражеских самолетах предупреждает заранее сигнал воздушной тревоги, а об обстрелах никаких предупреждений нет, да они и невозможны. Население узнает о них по жуткому свисту в воздухе, когда уже летит снаряд, и не может от него укрыться своевременно в бомбоубежище. На некото-

рых улицах появились предупреждающие надписи: «Во время обстрела эта сторона улицы наиболее опасна».

Регулярно выходит «Боевой карандаш» — листки ленинградских художников. Они вывешиваются на окнах правления Союза художников на ул. Герцена, рядом с домом, где я живу. У этих окон всегда много людей: читают листки. Они напоминают листки РОСТА, которые выпускал Маяковский.

27 августа 1942 года

Было совещание контролеров в городском управлении. Начальник управления напомнил, что контролерами должны работать люди грамотные и энергичные, острые, неподкупные, предельно преданные нашему строю и кристально честные.

Я подумала: а он руководствуется этим принципом, подбирая кадры для управления? Секретарем у него работает 3-ва. Я знала ее с 1930–1931 годов, когда она работала техническим секретарем в Московско-Нарвском РайКК — РКИ. Когда я увидела там впервые эту маленькую горластую женщину, мне сразу захотелось повернуть обратно и отложить свои вопросы до прихода Мещерского, председателя парттройки, который был в тот день на заседании бюро райкома партии. Секретарем райкома партии был в те годы легендарный герой Гражданской войны Иван Иванович Газа.

В 1931 году 3-ва ушла на другую работу, и больше я ее не видела. И вдруг встретила здесь — такая же грубая, крикливая. Говорят, что просители боятся заходить к ней со своими насущными вопросами. И еще говорят, что она далеко не неподкупный работник.

28 августа 1942 года

Война как меч над головами людей нашего поколения. Живем как на вулкане. Она наложила отпечаток на каждого человека нашего времени. Японская, Первая мировая, Вторая.

Когда я совсем распухла от голода и еле волочила ноги, я дотаскилась до поликлиники. Там увидела немолодого человека, вернее старика, с протезом вместо ноги. Он ждал своей очереди к врачу. Завязался разговор о войне, блокаде и голоде.

— Да, — сказал человек с протезом, — одну мою ногу немец забрал в 1914 году, теперь, очевидно, за другой пришел.

9 сентября 1942 года

Многие не эвакуировались из Ленинграда, потому что не хотели срываться с насиженных мест, оставлять нажитые за долгую жизнь

вещи. Думали: «Авось уцелеем, выживем». Привязанность к обжитому углу, к вещам погубила многих. Их нельзя осуждать! Это такое естественное человеческое чувство — привязанность к обжитому месту, к родному дому, к дорогим тебе вещам, с которыми связано так много воспоминаний.

20 сентября 1942 года

Как омерзительны эти сытые, пышно-белые «талонщицы», вырезающие в столовых и магазинах карточные талоны у голодающих людей и ворующие у них хлеб и продукты. Это делается просто: «по ошибке» вырезают больше положенного, а голодный человек обнаруживает это только дома, когда никому уже ничего доказать нельзя.

10 октября 1942 года

Райком договорился с обкомом партии и с гороно: мне дают командировку в Рыбинск на три недели. Еду как сопровождающая эшелон с учебниками, тетрадями и теплыми вещевыми посылками для ленинградских ребят, эвакуированных в Ярославскую область. Через пару дней уезжаю.

Сегодня узнала, что при торговделах исполкомов создаются бюро учета нормированных товаров и туда заберут всех контролеров из учбюро. Это правильно. Я давно пришла к выводу, что они не должны работать при учбюро: получается сращивание, а не действенный контроль.

А. М. Буянов¹

«Все силы отдам борьбе за дело партии...»

«Сейчас же явиться в райком?.. Партийное собрание в ЛГУ <...> Основная задача — создать бодрое настроение, твердость духа <...> Затопил в трех квартирах печи <...> Готовимся к открытию стационара для партактива на 40 чел <...> В 11 часов первыми пришли из РК я и инструктор С-ва, которую еле довел <...> По пути на В. О. на улицах насчитал 12 трупов <...> Предстоит очистить от нечистот и убрать трупы из общежития 8-го ремесленного училища... Видел профессора Дмитрия Ивановича Дейнеку <...> Назначен комиссаром районной чрезвычайной комиссии по наведению санитарно-бытовых условий и очистке города <...> Обворовали мою квартиру <...> С утра отобрал шесть человек в партизанский отряд. Народ в большинстве истощенный, выглядит устало, настроение неопределенно <...> Самочувствие паршивое — вены надуваются на сгибах рук и ног и под глазами, все тело зудит и ноет <...> Началась подготовка нового призыва ленинградцев на строительство оборонных рубежей <...> Наши славные огородницы творят черт знает что <...> Радио передает штампованные обычные агитки <...> Вызывают на работу в военную прокуратуру <...> Допрашиваемая избрала тактику опытного врага <...> Назначен помощником военного прокурора Ленинграда по спец. делам <...> Нет, немцам жизнь оставлять нельзя. Стереть эту расу начисто <...> Да неужели начинаются припадки помешательства?»

22 июня 1941 года

— Вставай, из райкома просят к телефону.

Выругавшись по адресу райкома, сквозь сон начинаю брюзжать, что не дают отдохнуть в выходной.

— Алло! А что случилось? Что? Сейчас же явиться в райком? Хорошо, буду без промедления.

¹ Александр Матвеевич Буянов — инструктор Василеостровского райкома ВКП(б), помощник военного прокурора Ленинграда (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 19–22).

В 8 часов в комнате райкома собралось большинство секретарей парторганизаций. Предложено перейти в дом партактива на 5-ю линию, дом 15, и ждать указаний райкома.

Во дворе у каждого спрашивал, не знает ли он, с какой целью сделан вызов. Суждения, догадки, но толком никто ничего не знает. В воздухе проносятся наши самолеты... Напряжение с каждым часом растет. <...>

На клочке бумаги из записной книжки записано: «В 12 часов дня Молотов выступил по радио. Война с Германией. Коммунисты посланы на предприятия и заводы. В 14 часов провел митинг на фабрике имени Желябова». Вот и все.

С фабрики еду домой. Там новость. Приехала дочурка Тома и ее мама в доме отдыха «Петергоф». После шести лет размолвки — мирный обед вместе: Тома, Катюша и Шура, мои жены. Первая — мама Тома, вторая — подруга и спутник жизни. Неожиданный семейный мир в первый день войны. <...>

21 января 1942 [года]

Приступил к работе инструктором РК. Знакомлюсь с сотрудниками парторганизаций вузов и научно-исследовательских институтов. <...>

В большинстве партийных организаций партийную работу ведут отдельные члены. Занимаются вопросами текущего порядка, главным образом, помощью ослабленным. Питание. Карточки. Топливо. Вода. Свет. Быт. Бесплановость. Взаимопомощь проводится слабо. Дисциплина формальна, и по существу ее нет.

Состоянием и подготовкой кадров не занимаются. Есть настроение обреченности, упадок уверенности в свои силы. В организации холод, темнота, беспорядок, уныние. Отдельные люди держатся уверенно и вселяют дух уверенности в остальных.

Сам я разбит и еле-еле передвигаюсь. Главное, держаться во что бы то ни стало. Креплюсь — помогает. <...>

Партийное собрание в ЛГУ. Присутствовало: членов 46, кандидатов: 15. <...> В прениях дана следующая картина состояния организации:

В. Евгения Михайловна отметила, что:

«Настроение студентов обусловлено вопросом прибавки хлеба. Ряд студенток бросили посещать госпиталь, заявляя: “Мы сами госпиталь”, “Раненых кормят лучше, теперь они нам должны помогать, а не мы им”. Подобные настроения носят массовый характер. Некоторые высказывают “теорию” пассивного героизма, главное — выжить, стоять в очередях и пытаться перенести лишения. Академические занятия посещаются плохо. На лекциях присутствуют от 3 до 15–17 чел. Студенты

говорят: “Сидеть дома целесообразнее, стоит ли тратить силы и ходить на занятия при существующих трудностях”.

15 и 17 января лекции были сорваны, так как не было отапливаемых аудиторий.

Партбюро не извещает о партсобраниях, собирается как бы “подпольно”. Живут слухами — “об эвакуации”, вылете члена партбюро профессора Корнатовского. У многих упадок и неверие в свои силы и жизнь.

Т. Микевич объясняет безразличное отношение к учебной работе тем, что в начале учебного года не было ясности, будут ли занятия. Отличничество выпало из поля зрения, никто не занимается учетом передовых — “все одинаковы”.

Дело дошло до полного безразличия к товарищам. Так, например, когда на 5-й линии в общежитии бомбами завалило ряд студентов, то им помощь никто не оказал, некоторые студенты демонстративно отказались пойти помогать. В работе консерватизм и застой. Деканата физфака не существовало, студенты бродили предоставленные сами себе. Организации не чувствовалось».

Ректор т. Вознесенский:

«Основная задача — создать бодрое настроение, твердость духа. Сейчас руководить трудно, условия таковы: нет топлива, нет рабочих. Массовое обращение за помощью, у многих настроение иждивенческое.

Некоторые только занимаются тем, что хлопочут об эвакуации, требуют внимания только к себе, забыв о других. Ряд людей симулирует, ложась преждевременно в постель: “не можем работать”, “условия не выносимы”. Например, у работников иждивенческие настроения доходят до того, что бухгалтерия получила деньги, а зарплат не выдает, заявляя: темно, холодно, нет комнаты, принести дров, затопить печь никто не хочет, свет зажечь никто не думает — ждут. Или: студсовет требует машину у ректора, чтобы привезти в стационар больных, а сами никто им помочь не хочет.

Нужно понять, что теперь любой должен выполнять ту работу, которая требуется, труд нужен любой. Нужно больше взаимопомощи.

Тов. Х-ва. Сейчас забыли всякую дисциплину, распущенность нетерпима. Деканаты сами почти не работают. Работники, эвакуируясь, уехали, не сдавая дела, потеряли чувство ответственности. Университет никакой массовой работы со студентами не проводит. Хозчасть бездействует, даже нет ни одной исправной уборной.

Нужно требовать работы, а не просить. Чуткое и внимательное отношение к людям нужно сочетать с требовательностью, с порядком и дисциплиной.

Кадры — беречь, а то людей растеряем. Местный комитет профсоюза не руководит организацией.

Т-на. — местный комитет отрицает, что у него было преступно равнодушное отношение к людям. Помощь давал своевременно.

З-на. — комитет ВЛКСМ.

В общежитиях и комнатах студентов сейчас должен быть центр работы, так как студенческих групп не существуют, людей собрать трудно, да и негде». <...>

23 января [1942 года]

Дежурство закончил в 11 часов утра. Мороз 35 градусов. Водопровод закрыт. Ходил по домохозяйствам и квартирам. Беседы с населением. В квартирах многие не топят даже при наличии дров. Колот и носил дрова. Затопил в трех квартирах печи. Организовал поездку за водой на Неву. В булочную хлеба не доставили.

25 января [1942 года]

Помощь управдомам. Топил печь Соболевой.

26 января [1942 года]

Отогревался сам. Ноги и руки опухли.

27 января [1942 года]

День без хлеба. В 11 часов принял участок.

- 1) Наб. Черной речки до Мал. Проспекта.
- 2) Линии: 2, 3, 4 и 5 до Университетской набережной.
- 3) От 5-й линии до пр. Железникова и до 1-й линии.

Главное предприятие 3-го участка — завод им. Казицкого. Начальник участка: Мариев — зав. коммунальным отделом В. О. райисполкома. <...>

В 12 часов пошел проверить работу на участке. Оказалось, что работать выходят только с завода, рабочие до 60 чел. Силы не расставлены, самотек. Плана нет.

Создал тройку и штаб работ.

Решили:

<...> Собрать управдомов 28 января, разбить на участки площадь очистки, дать задания, прикрепить ответственных, организовать бригады, учесть людей. <...>

28 января [1942 года]

Открывается стационар для партийного актива. Взял на учет секретарей. <...> Обошел организации, мерз, в темноте, но всех отыскал. Слабну. Ноги действуют механически.

29 января [1942 года]

Восстанавливал силы. Отдыхал в тепле у папы и окружен заботой мамы. Отогрелся. Побрился. Жду, когда попаду в стационар. Скучно — есть хочется. Головокружение. Ноги ломит. Но дух бодрый — перспектива светлеет.

30 января [1942 года]

По заданию РК готовимся к открытию стационара для партактива на 40 чел. Помещение найдено, 4-й линии, в дом 23, бывший детский сад, комнаты чистые, но два месяца не топлены. Руководство поликлиники главный врач Ш. — криклив, нервен, суетлив, молодой врач. Большой формалист и слабый организатор. «Я администратор, а не лечащий врач» — его принцип. С. Лидия Васильевна — чуткий, заботливый и квалифицированный врач. Аппарат — сестры, няни — работают bestолково. Кухня и повар вершат все. «Наши работники получают такой же паек, как и больные, поэтому и воровать не будут», — вот «теория главврача» — нелепо и глупо.

С 5 до 7 вечера проверяем состояние секретарей: Институт огнеупоров — секретарь А. ослаб, опух, похож на трубочиста, опустился, ноет. Нужно встряхнуть и подлечить. Институт галургии — секретарь В. — ушла «в отпуск» в организации, бездействует, работы нет, организация распалась.

Оптический институт: секретарь свалилась, директор еще бродит. Институт Внешторга: секретарь истощена, ждет эвакуации — кладем в стационар. ЛГУ дали секретаря М-на из РК. Работник энергичный, опытный. Зам. секретаря профессор Дейнека Дмитрий Иванович еле ходит, много работает, стойко держится. Кладем на лечение. Артель «Пуговица»: секретарь лежит — кладем в стационар. Артель огнеупоров — директор на ногах, секретарь еле бродит — кладем. Институт литературы — спасаем Кандаурова. В других организациях та же картина.

31 января [1942 года]

Спешно заполняем стационар. В 11 часов первыми пришли из РК я и инструктор С-ва, которую еле довел. Врачи и две женщины возятся с нытиком и психом С., который явно симулирует и без конца требует: «Дайте еды, я голоден — ох». Главврач сам поит его кофе. С. вырывает чайник, готов один его выпить.

Занимаю в палате койку возле печи. Ночью мерзнем. В палате минус пять. Не спим, а ходим. Ночь тянется мучительно долго. Озноб,

дрожь, тоска. В [палате] два человека лежачих — Ц. и З. Ходят: Св., Е. и я. З. явно не выживет, медленно и тихо умирает. Фамилии двух-трех человек не знаю. Ругаются, говорят, что замерзнем.

1 февраля [1942 года]

С утра дали один стакан кофе, пол-яйца и 10 г масла. Вся еда быстро поглощается. Аппетит не дает покоя. Своими силами заготавливаем дрова. Принесли из домохозяйства 10 кругляков, 5 штук гробовых досок, корзину каменного угля и вязанку поленьев — 10 штук. Топка печи — с 12 до 18. В палате становится теплее, к ночи — нормально. Запасаемся на ночь своими одеялами. Я принес два одеяла. Имею шинель, ватник и на себе две теплые рубахи, две шерстяные фуфайки, трикотажную рубаху и суконную гимнастерку. На ногах: трикотажные кальсоны, пара фланелевых и диагоналевых брюк, три пары носков, две фланелевые портянки. Обхожусь без грелки. Лежим в кроватях во всем, даже некоторые в ватниках и с грелками. Все в шапках. Много курим. Я за ночь и день выкурил две пачки «Беломорканала».

Обед: 50 г портвейна, щи капустные, гречневая каша жидкая — ложки 4–5. Вечерний чай 1 стакан и 100 г хлеба. Ужин: каша и 100 г хлеба. Тоскливо, хочется жрать. Разговоры о еде, мечты и питании. Большинство ходит в утку и судно. Два-три человека бродят в туалет. Ночью коптилка скипидарная, через час она гаснет. Копоть и темнота. Не уснуть. Через каждый час встаю. Убиваем время в разговорах и воспоминаниях о недавнем прошлом. Делимся впечатлениями. А на улицах попадаются трупы. У нас в стационаре уже три трупа в коридоре, и растет поленница покойников во дворе, в сарае. Чувства притупились.

2 февраля [1942 года]

Прибывают новые люди. Вид у всех изможденный. У всех интерес к питанию. Боязнь утечки драгоценных граммов. Каждый хочет выжить, ждет впереди лучшего. Карточки еще не получил. Мало, но благо кормят, а население ждет карточки без хлеба. Кто-то сообщает, что смертные случаи возрастают, в Ленинграде ежедневно умирает 30–35 тысяч человек. Трупы не успевают убирать.

Сегодня вина нет. Табак у многих кончился. Появились иждивенцы. В палате тепло. Развели самодеятельность. Воруем доски, гробы у покойников и топим печь. Под кроватями запас досок. Администрация видит, но не замечает. К печи приходят греться врачи, сестры и няни из других палат. Хотим пить — чаю дают два стакана в сутки.

3 февраля [1942 года]

Карточки на руках. Главврач пока не требует. Колеблемся. Мы не удержались, ходим в булочную, и съели незаконные 400 г — рискуем и молчим. Навестил зав. райздравотделом т. Этингоф. Предложил сдать продовольственные карточки, обещает удвоить норму. Словам никто не верит. Обещания с обеих сторон не выполняются. Пришлось дополнительно в столовой РК подкармливаться. Съел кашу, гороховый суп и котлету. Ощущение голода заглушено. Надежда на жизнь. А жить хочется. Интерес к событиям на фронте не меньше, чем к питанию.

4 февраля [1942 года]

Каждый спешит урвать лишнее по продовольственным карточкам. Ходят по столовым. Что будет через 2–3 дня, никто не думает. Опухоль рук и ног спадает. Появляется бодрость, а рядом покойники напоминают о себе трупным разложением. Вчера не хватило пять ужинов. Обидно, но возместить нечем. Нервы обостряются. Бессонная ночь и разговоры друг с другом. Прожит еще один день. Завтра будет лучше и легче. Как бы поесть досыта хоть один раз.

Решил промышлять. Иду к папе. Он дал полкилограмма хлеба. Окрыленный, бреду ночевать к своим. Делимся последним. Хлеб принес на всех — ведь это богатство, тарелка супа и каши воодушевили. Чай с сахаром. Напиваюсь. В тепле с папой спали в одной кровати, как в раю спал нормально. Папа без конца критикует, все не так, во всем виноваты разбойники. Молчу. Старик страдает: отводит душу беспощадной критикой. Решил оставить хлебную карточку: меньше соблазна, когда она в надежных руках.

5 февраля [1942 года]

К завтраку не опоздал. По пути на В. О. на улицах насчитал 12 трупов. Их раздевают, разувают. Жуткие поиски продовольственных карточек. У двух трупов от колен до туловища обрублены мягкие части ног. Кто-то доходит до предела отчаянья и рубит трупы на мясо. Жутко представить мучения ленинградцев. Терпеливо и стойко борются за жизнь. Обстрел и разрывы снарядов более никого не беспокоят. Безразличие к жертвам и кипучая ненависть к врагу, бьющему по городу. Ведь все равно тщетны надежды на возмущения. Умирают спокойно в родном городе. Смерть витает повсюду, но она никого не пугает. Сердце сжимается, а воля и сознание говорят: все равно все перенесем.

6 февраля [1942 года]

Был в райкоме. На фронте неопределенно. Эпизоды уничтожения фашистов не производят впечатления. Важно сообщение Информ-

бюро. Где-то наши семьи. Представляют ли они, что наша жизнь такова. Ленинград — это борьба за честь Родины во всем: живем без света, топлива, воды, уборных, в холоде, без удовлетворения голода. О трамваях никто даже не думает. Ленинградец походит на охотника, потерявшего оружие, — почти каждый вооружен посудиною для воды и порции супа, закутан кто во что горазд — на внешний вид никто не обращает внимания. Жизнь теплится в глазах и только.

7 февраля [1942 года]

Вечером по просьбе больных прочитал лекцию о морали и нравственности. Остались признательны. РК прислал 100 г табаку на каждого из шести человек курящих.

А на рынке произвол: пачка «Беломорканала» 75 руб. случайно, а нормально за 300 г хлеба. Хлеб иногда можно купить 100 г за 30–40 рублей. Продают и меняют продукт на продукт, а деньги почти бесполезны, за них можно купить только у мародеров. У меня уже полтора месяца более 100 руб. в кармане не бывает. Живу на 20–30 руб. Граммы скоро не буду иметь возможности выкупать. <...>

9 февраля [1942 года]

Завтра заканчивается пребывание в стационаре. Мне везет. Вернулся Николай Иванович Виноградов. У него остались январские продовольственные талоны. Васса Павловна Д. организовала встречу старых друзей на квартире. Там была организована прекрасная обстановка. Нас трое, есть ужин. Я принес 100 г хлеба, у В. П. 300 г хлеба, ананасового варенья взамен сахара получено 150 г. У Ник. Ив. четыре котлеты и две порции каши, 200 г масла. Затоплена печь, шумит самовар, горит керосиновая лампа, играет радио, передает оперу Гуно «Фауст». Мы пируем и наслаждаемся. На каждого получилось на первое: каша с маслом по 100 г, кусочек хлеба с маслом и котлеткой, из варенья сладкий ароматный кисель по чайному блюдцу и затем настоящий чай из самовара с сахарным песком. Воспоминания и разговоры до 23 часов. Спали с Ник. Ив. вдвоем на кушетке, в тепле. Силы прибывают. Утром шел через Неву. Трупы.

10 февраля [1942 года]

Последний день в стационаре. Отчитался талонами. После обеда без чая и каши с 200 г хлеба на ночь иду к папе. Напился чаю с сухарем. В 6 часов сытный ужин: две тарелки супа с макаронами, каша пшенная крутая. Тепло. Я спал со спокойной душой. Завтра день отдыхаю в родном доме.

11 февраля [1942 года]

В 8 часов утра встали, пили чай с хлебом и немного сырковой массы. После завтрака вымыл теплой водой голову и до пояса. Рубаху сменил. После обеда схожу за водой, а затем вымою ноги и сменю кальсоны. Посылку организовал в Халтурин: конверты, Шуре послал коробочку для нужных мелочей — пуговиц, иголок и т. п. Писали письма. Папа спит. Я побрился. Ната готовит обед. Есть немного чечевицы.

Встал папа. Снова критикует наше положение, говорит: «Как лягушки квакают перед дождем, так и у нас кричали, догоняем Америку<...> перегоняем. Все теперь пошло прахом, брехали, а теперь война во всем виновата. Вот до чего страну довели...». Старик во многом говорит горькую правду.

12 февраля [1942 года]

Вернулся к работе в райкоме. Предстоит очистить от нечистот и убрать трупы из общежития 8-го ремесленного училища...

Состояние общежития <...> Ученики эвакуированы, в общежитии осталась группа слабых и больных учащихся — 15–20 человек (точно не знают, даже списков нет). Директор, помполит, зам. по учебно-технической части и весь аппарат выехали с эвакуированными.

Общежитие брошено и не сдано, полный развал, хаос, беспорядок и всюду загажено. Осмотр начал со двора, картина такова:

У входа на свалке выброшено три трупа, лежат, по заявлению председателя социально-бытовой комиссии т. З-ной, более 10 дней. Один труп прикрыт бордовым одеялом, два валяются полураздетыми. В проходе в газоубежище лежат два трупа, в газоубежище не пройти, З-на утверждает, что там навалены трупы. Дверь не открыть, так как загажено и заморожено. На лестнице на второй этаж выброшена куча трупов, насчитали восемь, выше в комнаты не пройти.

В подъезде все загажено, здесь вместо уборной отхожее место. Смерд и вонь. С парадного лестница залита и загажена, лифт превращен в уборную — течет вонючая жидкость. В комнатах вонь и все поломано. Комендант т. Н-о разводит руками. Требуем срочно принять меры. 13 февраля обещает навести порядок и трупы вывезти. Даю срок до 14 февраля, на 13 февраля вызываю с отчетом в РК. Завтра сам организую людей. <...>

13 февраля [1942 года]

Дежурил в райкоме с четырех часов утра и до половины десятого. Топил времянку, и все же холодно. Дров мало, пришлось использовать часть топлива секретаря райкома т. Г-ва.

Читал книгу Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», главу «Бой на Алме». Командующий армией князь С. не только стар, но и отстал от современных ему военных достижений, и к тому же гордый и упрямый чудак, хитрец и тупица, операцию проиграл. <...>

В 9:30 сдал дежурство. На завтрак лапша, но мало. Проверил общежитие ремесленного училища. Трупы убрали, но сегодня умерли еще два ученика. Истощенные и ослабевшие ребята говорят: «И мы скоро отправимся на Смоленское». Грязь еще вся на месте.

Видел профессора Дмитрия Ивановича Дейнеку, встретились по пути в университет. Я его узнал сзади по обуви. На ногах резиновые галоши из автошин, обмотки. Сам профессор смахивает на трубочиста, закопчен, руки землистого цвета, пальто крайне неприглядно.

Посетил Институт им. Крупской. Студентов нет никого, преподавателей тоже. Все дела вершит Циля Соломоновна М-ва, она одна на всех ролях: и секретарь, и декан, и директор. Одним словом, аппарат в полном составе. <...>

Обед сегодня шикарный: щи со свежей капустой, котлета и каша. Чувствуется продовольственное улучшение. Дышится свободнее. Получил в счет февральских норм 300 г сахарного песка. Ура! Пью сладкий чай.

Да, совсем забыл о важнейшем событии — изменении организации быта. Вечером 13 февраля мы организовались в коммуны на десяти квадратных метрах. Члены: я, инструктор райкома Соболева и секретарь партбюро из местной организации — ее фамилию и имя пока еще не успел запомнить.

Вечером состоялось устройство нашей зимовки: достали охапку дров, да и я увел ящик со двора райкома. Истопили печь и приготовили похлебку из двух порций каши, взятой мною из столовой по талонам. Наладил освещение. Были обнаружены две банки мастики для натирания полов. Оказалось, что она прекрасно горит — вот счастье и богатство. Крышка от банки из-под варения заменила лампу. Шнур от гардины — фитиль, крышка от чайника приспособлена для регулирования пламени. Освещение получилось чудесным. Зашумел самовар. Льняное масло, три-четыре ложки, использовали для поджаривания хлеба. Ужин получился мировой: по тарелочке похлебки, печенье из хлеба — обедение, чай из кипящего самовара. Тепло, копотно, но уютно и не тоскливо. Дамы спят на кровати вдвоем, а я на диване. Спал спокойно, если не считать вставания каждый час по делам выжимки или откачки излишней жидкости. В 4 часа собрался на дежурство.

На следующий вечер ужин снова удался на славу: кофе с сахаром, суп гороховый с сухарями и печенье на том же масле. Наступает

ощущение сытости. Был новый деликатес — жженая соль — черный порошок с привкусом яичного желтка и запахом аммиака.

Печь снова вытоплена, но проблема дров еще не решена по той простой причине, что при получении ордера нужно уплатить 39 рублей за кубометр, а грошей нет. Нужен транспорт для перевозки, а транспорт — это мы в упряжке. Нужно время, санки, а главное — силы. Обещал помочь Павел Данилович, но машину зря гонять не в его духе. Жизнь налаживается.

14 февраля [1942 года]

На завтрак лапши 30 г и хлеб со сладким чаем. Голод уже не мучает.

Работа на участке. Общежитие 8-го ремесленного училища постепенно приводится в порядок. Трупы вывезли своими силами на санках. Воспитанники все мрут. <...>

15 февраля [1942 года]

В 4 часа ночи сердечная слабость у папы. Ната и Маруся пустили слезу, растерялись. Пощупал пульс, упал до 60. Принимал срочные меры: укутали, к ногам положили грелку, дали крепкого чая с ликером. Больной ожил, попросил есть. Накормили печеньем со сладким чаем. Успокоился, но пожаловался на желудочную боль. Отправляюсь за врачом. <...>

В 13 часов долгожданный врач прибыл. Прописал покой, банки, горчичники, кодеин от боли в желудке и капли от сухого кашля. <...>

16 февраля [1942 года]

<...> Ходил в Институт имени Герцена. Получил зарплату за 1-ю половину декабря 483 руб. 20 коп. Теперь я богач и пошлю жене поддержку.

18 февраля [1942 года]

Назначен комиссаром районной чрезвычайной комиссии по наведению санитарно-бытовых условий и очистке города от грязи и нечистот. <...>

Комиссия наметила выполнить следующие задачи:

1. Принятие срочных мер по уборке покойников.
2. Наблюдение и осмотр домохозяйств:
 - а) мобилизация управхозов;
 - б) помощь квартальным милиционерам;
 - в) организация моргов и площадок;
 - г) очистка улиц, дворов, домов и квартир от нечистот, уборка выгребных ям, помоек, уборных;

д) приведение в порядок канализации, водопроводов, отопления, освещения.

Площадка для похорон выделена на острове Голодай, около Смоленского кладбища на огороде совхоза. Трупы пока складываются в сарае и на улице. К теплу необходимо обеспечить негашеную известь, так как могилы вырывались до одного и три четверти метра глубиной.

19 февраля [1942 года]

В 10 часов совещание у первого секретаря райкома А. А. Шишмарева по след. вопросам:

I. Решение горкома о наведении порядка и чистоты в городе. Горком обратил внимание на ликвидацию следующих недостатков:

- а) много разговоров и мало работы по очистке;
- б) нет элементарного порядка в самих учреждениях и организациях.

Нужно:

1) прекратить казарменное положение в учреждениях и на предприятиях;

2) покончить с разговорами о слабости и неадекватности — прекратить расхлябанность и иждивенчество;

3) предупредить угрозу эпидемических заболеваний и распространение инфекций.

II. Об извращениях в оплате труда на законсервированных предприятиях:

- а) привлечь к работе по месту жительства;
- б) провести учет кадров по каждому предприятию;
- в) особо обратить внимание на состояние руководящих кадров.

23 февраля [1942 года]

В 12 часов. Произнес доклад в 15-м ремесленном училище «Великая Отечественная война и 24-я годовщина Красной армии и Военно-морского флота». В зале 560 чел. Играл оркестр. Настроение бодрое. В два часа обедал в столовой ремесленного училища. Вполне сыт, так как очередной обед в столовой райкома насытил мою утробу.

24 февраля [1942 года]

Принимал посетителей. Доклад уполномоченного от фабрики «Красный Октябрь» т. Б. Женщины, как всегда, инициативны: убрали 11 трупов и навели порядок в домах № 70 и 74 по 9-й линии. Управхозы тормозят дело, но бабоньки от них все равно не отстанут.

Был уполномоченный по ликвидации 8-го ремесленного училища т. Б. Дал указание, что нужно сделать, чтобы навести порядок в общежитии.

Беседовал с врид¹ директора 3-го педагогического училища т. Пихтеленой. Занятия начинают 1 марта. Нужны преподаватели по истории и педагогике, ее придется читать мне.

25 февраля [1942 года]

Совещание у секретаря М. И. Вознесенского.

Вопросы:

I. Итоги работы отдела кадров за февраль.

Отметили следующие недостатки в подготовке вопросов:

а) Передоверяем второстепенным работникам.

Необходимо точно самим знать главное, т. е. как на предприятиях обеспечено выполнение производственных планов, для чего изучить:

а) наличие командных кадров (руководители-кадровики, начальники цехов);

б) кадры ведущих профессий (мастера, слесаря и т. п.);

в) квалифицированная рабочая сила (кадровые рабочие и их подготовка);

г) система подготовки кадров (курсы, выдвижение);

д) расстановка кадров на производстве;

е) наем и увольнение рабочей силы;

ж) изучение лиц, бдительность, настроения, отношение к работе. <...>

II. План на март месяц.

Основные вопросы:

1. Состояние кадров РЖУ.

а) управхозы б) дворники в) паспортистки г) водопроводчики д) кочегары е) техники ж) инженеры з) печники и другие.

Срок к 6 марта 1942 года.

2. Подготовка кадров для местного хозяйства.

а) печники б) кочегары в) водопроводчики.

К 1 марта.

3. О практике учета и оплаты рабочей силы.

а) фабрика Желябова. К 13 марта. <...>

Дано задание навести порядок в следующих домохозяйствах:

Домохозяйство № 19 <...>

Домохозяйство № 20 <...>

Домохозяйство № 21 <...>

¹ Временно исполняющей должность. — Примеч. ред.

26 февраля [1942 года]

С утра занимался наведением порядка в домохозяйствах. До 13 часов наметил план действий с управхозами. <...>

27 февраля [1942 года]

Пленум Василеостровского райкома. В повестке дня один вопрос — о состоянии агитационно-массовой работы в домохозяйствах района. Докладчик О-в.

Доклад общий, красиво оформлен, но малоубедителен. Докладчик говорил по материалам письменных отчетов. Отметили хорошую работу 4-го участка, ведущий завод имени Козицкого. Слабо работает завод имени Калинина.

В прениях рассказал о своей работе т. Л-ов (секретарь парторганизации завода имени Козицкого) — выделили 27 парторганизаторов. Разбили территорию на подучастки, помогли домохозяйствам чинить водопровод, кипятильники, в очистке дворов и улиц. Ряд выступающих говорили о помощи семьям, о топливе, о беседах, инициативе и других делах. Решение приняли, нацеливающее на боевые дела.

3 марта 1942 года

Выполнял срочное задание по отбору в партизанские отряды по партмобилизации. <...> Обворовали мою квартиру.

7 марта 1942 года

Проверял домохозяйство № 19. Налажен кипятильник. Отогрет водопровод и пущена вода в одну из квартир. Энергично работают председатель санитарно-бытовой комиссии тов. Г-ая — домохозяйка, управхоз тов. Н-ва и ее муж инженер Н-в. Политорганизатор тов. С-ва бездействует и хныкает.

Шефом от РК прикреплен завод «Электроподъемник». <...>

К домохозяйству № 21 прикреплен Союзрыбснабсбыт. <...>

Вечером дал задание директорам и секретарям предприятий по спецзаданию.

10 марта 1942 года

С утра отобрал шесть человек в партизанский отряд. Народ в большинстве истощенный, выглядит устало, настроение неопределенно. При отборе изучал людей, их устойчивость и готовность идти на жертвы. Беседа велась примерно в таком духе:

— Как ваше самочувствие?

— Да неважно, тов. Буянов. Ослаб.

Затем идут жалобы на болезни. Ноги еле таскаю. Глаза плохо видят. Сердце не в порядке. Словом, семьдесят болезней у каждого. Включительно до семейных забот.

— Как вы смотрите, если мы вас на выполнение спецзадания горкома ВКП(б)?

— Если на хлеб — справлюсь. Хотелось бы работать по специальности.

Среди рекомендуемых есть инженеры и техники, рабочие разных специальностей. Гадко вел себя член партии с завода [№] 210 К. Воевать он не хотел. На вопрос, готовы ли вы защищать родину от фашистов, отвечает уклончиво:

— Я не военный, меня используйте по назначению, где я буду полезен.

Защита Ленинграда для него, очевидно, дело бесполезное. В итоге этот «коммунист» дезертировал, не явился в штаб партизанского движения. Липовый патриот с партбилетом в кармане.

По-иному вели себя военрук 22-го ремесленного училища Г. и радиоинженер завода [№] 210 тов. В.

Партийные секретари и директора предприятий формально относятся к подбору людей и перепоручают это дело третьим лицам. <...>

Вечером побывал на семейном торжестве у В. А., где пировали. Выпили по три рюмки токая, изничтожили банку консервированного судака, масла грамм 250, столько же колбасы, шпик, сыр и хлеб в достатке. Пережил чувство сытости, впервые за четыре месяца...

11 марта 1942 года

В 7 часов снова на ногах, хочется курить, но нет даже окурка. В 10 часов отправился на машине за дровами. В 10 часов 20 минут собираются мои партизаны. В Штабе из записавшихся четверых зачислили, двоим отказали, а двое не явились.

12 марта 1942 года

Ночью дежурил в райкоме. Сменили в 9 часов 15 часов. На завтрак — 20 г каши. Все тело ломит, голова точно чугунная. Иду спать.

Проснулся днем, в половине второго. Самочувствие ужасное. Правый глаз закрылся. Под глазом большой синяк. Вздулись вены на ногах и правой руке. Пошел к врачу. Он говорит, что это последствие контузии, и рекомендовал покой. Но какой из меня работник, если я не буду ходить.

Решил отправиться в 15-е ремесленное училище, выяснить вопрос о направлении в партизанский отряд т.т. П., С. и М., которых я вы-

звал к себе на беседу. Директор училища А-н дал мне талон на обед — это большая поддержка. Сегодня относительно сыт.

Проверил домохозяйство № 19. Работа налаживается, пустили воду, дают жильцам кипяток. Уборка разворачивается медленно.

Вены у меня все надуваются и растут синяки. Нет, надо держаться. Главное, не падать духом, и все трудности и невзгоды будут побеждены.

13 марта 1942 года

После завтрака (меню было приличное: манная каша, чай с медом, 300 г хлеба) получил два задания сразу:

1) Отобрать шестерых для утверждения начальниками эшелонов эвакуируемых. Маршрут Ленинград — Омск.

Задание выполнил с перевыполнением — дал 12 человек.

2) Организовать посылку партактива на районное собрание... Обошел 10 организаций, ходил чуть ли не до упаду. Зато мне повезло и меня подкормили в 15 РУ — 2 обеда и 600 г хлеба, обедал вторично в детском очаге на острове Голодай.

Самочувствие паршивое: вены надуваются на сгибах рук и ног и под глазами, все тело зудит и ноет, к тому же болит грудь, мучает сухой кашель. Я явно простыл и схватил бронхит. К вечеру поднялась температура. <...>

Самочувствие противоречит духу и настроению. Веры в свои силы не теряю, и уложить меня в постель не придется — перенесу все невзгоды, а трудности преодолею и все силы отдам работе, борьбе за дело партии, пока работает ум, движутся руки и ноги, нужно действовать на пользу советскому народу, выполнять долг коммуниста.

26 мая 1942 года

Вернулся из Всеволожского района.

30 мая 1942 года

С утра был на фабрике им. Горького и кожзаводе «Марксист». Готовим учет людей для работы на новых оборонных участках.

1 июня 1942 года

Сегодня началась подготовка нового призыва ленинградцев на строительство оборонных рубежей. Предстоит в ближайшие один-два дня скомплектовать 30 сотен рабочих строителей. Приступили к учету людей по предприятиям и учреждениям. К четырем часам основная работа была уже закончена.

3 июня 1942 года

Проверял посылку людей на оборонные работы.

4 июня 1942 года

Был в Институте им. Герцена. Узнал, что убиты Сафонов, Шевелев, рекомендованные мною для вступления ВКП(б). Жаль. Получил письмо из родного села: шестеро убитых, семеро раненых. С 12 ночи и до утра дежурил в райкоме.

5 июня 1942 года

Проверка соцсоревнования. Иду в РЖУ, МПВО.

6 июня 1942 года

Был в детском доме № 82 Петроградского района. Встречался с педагогами.

7 июня 1942 года

Работал в райкоме с 10 до 2 [час.]. Готовил материалы о соцсоревновании. С 14 до 17 час. работал на огороде.

Беседовал с детьми в детском доме.

8 июня 1942 года

Обследовал РЖУ, МПВО. Совещание партактива.

10 июня 1942 года

Был на фабрике Горького, на заводе № 4. Дежурил в РК с 6 час. 30 мин. вечера до 9 час. утра.

11 июня 1942 года

После ночного дежурства принимал людей в райкоме. Устал.

12 июня 1942 года

Работа по отбору людей для выполнения спецзадания.

Ю. хитрила, пыталась пристроиться, прикрываясь фразами и прошлыми заслугами. Юла, человек в коммунистическом облачении. Проверить.

Тов. Щеголев секретарь прямой, но еще неопытный.

13 июня 1942 года

С утра был тов. Семичев, совершил глупость: будучи управхозом 14-го домохозяйства, написал заявление от умершей и прописал знакомую. За подлог полагается 109 [статья] УК. Дело передано в суд,

а парторганизация выдвинула председателем группкома. Путано и нечисто.

Совещание актива по соцсоревнованию.

16 июня 1942 года

Вечером беседовал с детьми в детском доме № 82. Встреча с детьми воодушевила и ободрила.

17 июня 1942 года

Долго бродил по Смоленскому кладбищу. Тихо и грустно на душе среди могил. Свежая братская могила, цветы. Надпись: «Здесь похоронены дети рабочих 1-й Государственной фабрики им. Урицкого, погибшие от артобстрела 4 апреля 1942 года. Отомстим за невинную кровь фашистским палачам».

Сердце сжалось от боли и ненависти к убийцам. А над головой визжат снаряды. Где-то глухо слышны разрывы.

В одиночестве бродил более двух часов. Чудесная теплая погода, зелень и угрюмые памятники с надгробными надписями по-английски, по-французски, а больше на немецком языке.

Величественный постамент из красного мрамора: «Любимой няне от его императорского величества Александра III». Дата рождения и смерти.

18 июня 1942 года

Обычный день. В 14 часов снова обстрел. Во время обстрела пошел в ГК ВКП(б) на Мойку, 59. Прибыл в точно назначенное время. Инструктор тов. Истомин вел обычную беседу, предлагают пойти в городскую прокуратуру. Заполнил анкету. <...>

По дороге домой меня остановила прилично одетая женщина:

— Простите. Дайте на папироску табаку за деньги.

Сует десять рублей. Отдал ей все, что у меня было. Деньги не взял. Обиделась. Долго благодарила:

— Мне хватит на всю ночь. Спасибо.

В глазах грусть и радость. До чего война довела ленинградцев.

20 июня 1942 года

Дежурил ночь в РК. День прошел обычно.

22 июня 1942 года

Год войны. Попал на 10-й линии под артобстрел.

23 июня 1942 года

С утра тихо. Готовлюсь к выходу на участки д. Корнево, Миннолово и Щегловка, Углово, Бабино, Бернгардовка, Хясники. Времени в обрез, а дел уйма и разбросанность участков порядочная. <...>

Получил в горпрокуратуре пистолет из ремонта. Реализовал талоны на сухофрукты и шоколад.

В 17 часов поехал на вокзал. Радость: видел ребят в поезде, славные ребята покидают Ленинград, рады встрече.

В Углово добрался в 23 часа. Лег спать под писк комаров.

24 июня 1942 года

Осмотрел хозяйство заводов 210, «Вперед», треста Водоканалстрой, 1-й литографии, и кожзавода «Марксист».

Беседовал на поле о международном положении. Много ел травы. <...>

Дел по горло, но вот черт, желудок расстроился. Три раза «задумывался» в кустах, сняв штаны. Комары шкоят, мешают.

Петр Федосеевич поделился последней картошкой, поджарив ее на рыбьем жире. Вкусно и питательно.

25 июня 1942 года

День провел на полях. Беседую с ленинградскими работницами. Женщины делятся своими рецептами приготовления блюд из трав, да и о нормах питания они научились не думать.

В 23 часа прибыл в Бернгардовку. Удивительно красивая местность. Очаровательная тишина. <...>

Наши славные огородницы творят черт знает что. В жару сажают рассаду капусты на поле, превращенном общими усилиями в утоптанную площадку. Пришлось отменить бессмысленную и бесполезную работу и прекратить до вечера напрасный труд.

26 июня 1942 года

Был на концерте в филармонии. Выступали: агитвзвод 55-й армии и агитвзвод 23-й армии. У первого программа боевая, хорошие солисты, танцевальная группа Дворца пионеров, у второго лирическая музыка и классический танец.

После войны будут слушать и смотреть с интересом, а сейчас не веселит и не успокаивает. Душевные раны наши развлечения не залечат, музыка в работе и борьбе помогает быть естественнее.

Скорей бы начался разгром фашистских мерзавцев. Ох как бить их буду, если снова придется сражаться. Без сожаления, как паразитов,

давить их надо. Ждите, падаль смердящая, возмездие. Могуч и беспощаден советский человек в бою.

27 июня 1942 года

Обычный ленинградский день. Ведется отбор людей на оборонные участки.

По пути с завода № 4 попал в зону артобстрела. Простоял в подъезде минут 10–15. Жертв не видел. Население научилось укрываться без паники. Каждый разрыв с шуткой и зло комментируют:

— Огрызается сумасшедший.

— Чует гад скорый свой конец.

А одна старушка всех убеждала:

— Я вот этими руками глаза фашистам выцарапаю <...> Варом из окна буду ошпаривать, пусть только сунут свое поганое рыло в Ленинград — тут им и конец придет.

28 июня 1942 года

Встал в 9 часов утра. Хорошо отдохнул, да и день на редкость солнечный и теплый. Ленинград в такие дни по-особому чарует и близок.

Был в тресте столовых. Отобрал десять человек для оборонных работ.

Посетил 82-й детдом. Среди детей хочется сделать все, чтобы отомстить за наших невинных сирот. Много говорили с заведующей Валентиной Антоновной об эвакуации.

В 14 часов чуть было не попал под разрыв снаряда. Трамвай 12-го маршрута внезапно остановился. Оказалось, вагоновожатый решил утолить жажду стаканчиком современного лимонада. 5–6 минут спасли жизнь многих. В эти самые минуты снаряд попал в Тучков мост.

На улице разорвалось несколько снарядов. Привыкшие к обстрелам прохожие укрылись в подъездах жилых домов. Движение трамваев приостановилось: поврежден путь.

Предприимчивые люди сразу же после обстрела принялись вылавливать всплывшую рыбу. Гансы обеспечили любителей ухой. Вместо ущерба рыболовы получили прибыль в виде побитой рыбы.

29 июня 1942 года

Рано утром поехал на станцию Дунай. Побывал на торфопредприятии. Встретил много весенних знакомых. Стало больше порядка и четкости.

Вечером читал в бараке доклад «Итоги года войны». Интерес к событиям у слушателей изумительный. Среди них оказалось много воронежцев. Укрепил уверенность в нашей победе. О еде не вздыхали. Сыты.

30 июня 1942 года.

В 11 часов 30 минут выехал в Ленинград. Скорей, скорей в родной город. Выезд из Ленинграда на день тянется, будто неделя. Милый город. Твои раны болью отзываются в сердце. Словно бьют нагайкой по телу, а ты пока терпишь, стиснув зубы, чтобы потом отомстить истязателю так, что он этого никогда не забудет. <...>

В 18 часов был в горкоме. Скоро на новую работу. Хочется во имя победы быть таким на любом посту, каким был Ленин и есть Сталин.

2 июля 1942 года

Обычный день. С утра до 14 часов готовил материалы к бюро райкома. Беседы, анкеты проекты.

Обед.

Время точно остановилось. Читал газеты.

В 16 часов — доклад в 15-м ремесленном училище «Итоги года Отечественной войны». Ребята слушали, глаза блестели. Незаметно пробеседовал до вечера. Благодарили, просили еще рассказать.

В 20 часов — освежающая баня. Точно груз снял с плеч. Дома увлекся стихами Лермонтова.

Радио передает штампованные обычные агитки, с выражением однотонного чувства, но без глубокой мысли. Творчества не достает, а страсти много деланной.

3 июля 1942 года

Сегодня бюро — это школа. Утвердили трех парторганизаторов, освободили трех парторганизаторов. Некоторые не явились.

Был на фабрике им. Горького. С 17 до 19 часов совещание директоров и секретарей парторганизаций. Получили установки об обязательной эвакуации (женщин, имеющих двух и более детей, инвалидов-пенсионеров, престарелых мужчин старше 60 лет, женщин старше 55 и школьников моложе 15), о поливке и прополке овощей, дисциплине и революционном порядке.

День прошел спокойно, без обстрелов, очевидно, бандитам всыпали.

Стоит теплая погода.

В Севастополе бои на улицах.

4 июля 1942 года

День прошел спокойно, без обстрела. Проверил рост парткадров в Промкомбинате и РЖУ. <...>

С полуночи и до утра дежурю. Слушал музыку и читал «Красную звезду»¹.

Хороший денек выпал. Не верится, что затишье перед грозой. Севастополь пал, сердце горит от ненависти. Как жаль славный город. Отомстим.

5 июля 1942 года

С утра был на огороде. Прополол капусту и брюкву. В 16 часов начался артобстрел. Гул выстрелов со стороны Стрельны, нарастающий вой снарядов, а затем взрывы в городе.

После обеда отдыхал, был у Валентины Антоновны. Играл с Вовой в шахматы.

Ночевал в детдоме. Днем перегрелся на солнце, ночью сильно болело сердце.

6 июля 1942 года

Проверял работу комсомольской организации на заводе № 4. В цехе № 6 парторг и мастер тов. Д-ов и его дочь — ударники. В цехе № 32 парторг и комсорг — мать и дочь. Много на заводе молодежи. Работают удивительно старательно. Много ударников.

В конце дня потерял ключ.

Вечером в кинотеатре «Форум» смотрел кинокартину «Бравый солдат Швейк».

10 июля 1942 года

День открылся докладом «Ленинско-сталинское руководство в период Отечественной войны». Суть руководства: научное предвидение, учет производительных сил, кадры и их роль, стиль в работе. Затем бюро райкома. Наш вопрос: «Практика подбора, воспитания и расстановки комсомольских кадров» (завод им. Калинина и фабрика Урицкого).

Подготовка к докладу «Военные и политические итоги года Отечественной войны». С 20 до 22 часов делал доклад.

День прошел с пользой.

11 июля 1942 года

Ночью дежурил в райкоме. День провел в делах.

¹ Общедоступная газета, издаваемая в Москве Наркоматом обороны СССР.

13 июля 1942 года

Целый день на эвакуопункте отбирал квалифицированных рабочих в авиапромышленность. Затем совещание директоров, все по вопросу эвакуации. Вечером дома. Один.

14 июля 1942 года

Вызывают на работу в военную прокуратуру. Снова предстоит сменить пост на военную работу. Ну, Саша, будь настойчив, терпелив и не щади врагов.

15 июля 1942 года

Оформил расчет в райкоме. Завтра перехожу на новую работу. Старые товарищи, жаль с вами расставаться. <...>

Меня ожидает на новом посту сложная работа. Приказ партии для меня — закон жизни.

16 июля 1942 года

Весь день ушел на оформление. Ровно в 10 часов был в отделе кадров, через 10 минут получил мандат. Как и всегда, для того чтобы получить талоны на питание, потребовалось столько формальностей, что слабый может с ног свалиться.

Сначала поехал сменить карточки на форму 7, затем интенданта на месте не оказалось. Значит, завтра придется питаться тем, что бог подаст. Устал хуже, чем от работы. И когда эти хозяйственники будут работать без волокиты, научатся заботиться о людях.

18 июля 1942 года

Весь день на новой работе. С питанием не ладится: завтрак и обед в райкоме. Далеко ездить.

Очная ставка. Свидетели запаздывают, а время не ждет. Обвиняемый — третий пройдоха. У него все заранее продумано и взвешено. Охотно говорит о вещах, не решающих дело, и упорно отказывается от главного. Где выгодно — переходит к уловкам, разыгрывает простачка. Использует каждый повод для того, чтобы доказать свою «честность».

Следователь опытный, прокурор немного волнуется, демонстрируя свое возмущение наглой ложью обвиняемого.

19 июля 1942 года

В 11 часов начался допрос свидетеля. Допрашиваемая избрала тактику опытного врага. На вопросы по существу отвечает: «Не знаю», «Не помню», «Я человек темный».

Однако многословна, хорошо помнит события, не имеющие непосредственного отношения к делу. Хитрит, виляет, врет и путается. Не помнит год, но хорошо помнит, что за два года до этого она вышла замуж за обвиняемого. Не знает месяц и время, но прекрасно знает, что событие произошло за два-три дня до Троицы. Не помнит продолжительность времени, но хорошо помнит, что начало совпало с прополкой, а конец — с окончанием прополки свеклы. Не знает, где была она и что делал ее муж, но хорошо знает, когда строили дом, когда жили в доме помещика. Мужа называет гадом, но аккуратно носит передачи. На допрос пришла с узелком для передачи.

Двуличие, ложь, притворство беззастенчивые. Нужны выдержка, спокойствие, громадная сила воли, терпение, терпение и еще раз терпение, чтобы подобную мразь уличить, заставить признать и подтвердить факты, от которых уйти нельзя.

Трудная, но благородная работа. Чтобы вырвать жало у змеи и обезвредить яд, нельзя действовать, чтобы змея притворилась сдохшей, а яд отравил жертву. Нужно сначала обезвредить гада, а затем уничтожить его. Меч революции беспощаден и бьет верно и без промаха.

Свидетельница на вид добродушна, весела, говорит с улыбкой, но все это личина, маска, надетая с целью выгородить мужа. Нет у таких желания помочь народу, Родине — собственная шкура и личные интересы у них прежде всего. Враг сам не разоружится, его надо разоружить. А это требует большого искусства, знаний, а главное, терпения и священной ненависти к врагу.

Следствие не просто мстит врагу, чтобы уничтожить его, священная месть и ненависть в следственном деле состоит в том, чтобы обезвредить гада, не дать ему использовать советские законы в своих целях, показать, что советский закон — самое острое и верное оружие.

20 июля 1942 года

Идет допрос обвиняемого. Предъявляется ряд документов, изъятых при обыске. Признает, что документы принадлежат ему, обвиняемому. При допросе ищет лазейку, пытается увильнуть. Бланки с печатью, продталоны, удостоверения на эвакуацию и др.

Ответ: похитил с целью изготовления подложного документа на всякий случай.

Враг хитер, он факт не отрицает, но не хочет признавать умысел и указать преступную цель. Имеет актерские навыки: возмущается, смело подтверждает то, в чем изобличен, вздыхает, нервничает и готов плакать там, где хочет изобразить из себя «жертву». Не пройдет номер: получишь все, что заслужил.

21 июля 1942 года

Весь день на допросах. Все та же притворная откровенность в показаниях и подчеркивание своей «честности» и старых заслуг. Не выходит, грязная душа не может уйти от темных дел.

После совещание аппарата.

22 июля 1942 года

Готовился к докладу по делу №... Обвиняемые А. и Б. избличены в порядке применения ст. 58.10, часть 2-я УК РСФСР.

Один обвиняемый дворянин, другой бывший офицер. Вот они, ожидавшие прихода гитлеровских зверей. Не вышло. Обвинительное заключение утвердил. Доклад принят. Этим открываю свой счет мести не разоружившимся гадам.

23 июля 1942 года

Очная ставка. Обвиняемый — бывший уголовник, убийца, десять лет отбывавший наказание, занялся, надеясь выслужиться перед сволочью, политикой.

Лжет беззастенчиво. Свидетель обличает его в пораженческих слухах и клевете на советскую власть. Бандит и убийца, вот кто занимается «политикой» и восхваляет «коричневую чуму». Мерзкий тип. Сердце кипит от одной мысли, что приходится дышать одним воздухом с этой падалью в обличи человека.

Да, возвышенно-благороден наш закон и беспощаден к врагам. Это благородное право добыто в борьбе революции, и мы не позволим завоевание лучших сынов народа использовать подонками общества в своих низменных интересах. Славные работники особых отделов зорко стоят на посту, и мы горды вашими трудами, мы всеми своими знаниями поможем вам. Сижу между людей: следователем, которого бесконечно люблю, и горжусь честностью этих людей, и преступником, от близости которого вскипает злоба. Но внешне я спокоен и сдержан.

25 июля 1942 года

День с утра приятный. Началось с хорошего, сытного завтрака. На работе сам провел допрос. Юноша-членовредитель: самострел. Из винтовки ранил себя в указательный палец левой руки. Наивный молодой человек от неопытности и трусости пошел на преступление. Сначала придумал версию. Не представляло большого труда уличить его в умысле.

Затем очная ставка по делу И. Преступник хитрый и упрямый. Непомерное упрямство привело его с тупик. Он стал отрицать все подряд и тем выдал себя. Уличен неопровержимо. Дело чистое по ста-

тье 58.10 часть 2. Устал я изрядно возиться с этими типами, но итоги не плохие. Ядовитое жало не будет наносить вреда впредь.

После обеда снова все то же настойчивое разматывание вредных типов.

26 июля 1942 года

Работал больше обычного. Провел две очные ставки. Первый свидетель не внушает особого доверия. Рисует, путает, говорит вообще.

Обвиняемая возмущена и удивлена. Болтливая обывательница. Упрямо все отрицает. Второй свидетель знает обвиняемую тридцать лет. Серьезная. Говорит только то, что помнит. Уличает убедительно.

Обвиняемая голословно все отрицает. Запуталась в противоречиях. Плачет и играет на чувствах. Упрямство выдает ее злобу на советский строй. Дело сложное. Нужно много поработать, чтобы не ошибиться.

Получил открытку от Тамары. Милая дочурка, когда увидимся снова? Сердце ноет от тоски по своим и ненависти к мерзавцам. Будем бороться беспощадно. Победим.

27 июля 1942 года

Обычный день. Вечером был в детдоме № 82. Валентина Антонова завтра эвакуируется. Последние близкие люди выбывают.

Ночевал в детском доме. Спал на диване с Вовой. Милый мальчик, как много в тебе появилась от взрослого. Изменился неузнаваемо.

Проживаемые нами великие дни так суровы, что это чувствуют наши дети. Вова сдержан, пытлив и по-особому нежен. Как хочется доставить мальчику большую радость.

Ночью, несмотря на усталость, думал о детях. Спал ли, не разберусь.

28 июля 1942 года

Встал в 5 часов утра. Совинформбюро принесло весть о сдаче Ростова и Новочеркасска. Подлый враг, захлебнешься в крови, задохнешься от злодеяний. Русский народ еще крепче в руках сжал оружие. Ненависть народа перерастает в ярость, в общий порыв к мщению. Друзья, братья, любимые, умрем, но не падем духом. Как горит сердце, я не могу спокойно дышать: воздух будто отравлен псовым дыханием мерзавцев. Убивать фашистов хочу пуще всего...

29 июля 1942 года

С утра льет дождь. Батарей молчат. Как-то неприятна эта тишина фронтового города. На работе обычные дела. Сводка с фронтов сдер-

жанная. Надеюсь, что вот-вот наступит перелом на юге и враг захлебнется собственной кровью.

В один из дней проснешься и услышишь:

«Врагу нанесен решающий удар. Гитлеровские банды в панике бегут. Второй фронт открыт. В результате в Берлине вспыхнуло восстание. Штурмовые отряды СС расправляются с населением немецких городов, где происходят массовые волнения. Гитлер и его клика издали приказ: “Патронов, снарядов и бомб не жалеть, уничтожить взбунтовавшиеся города, истребляя до последнего жителя”. Посеял ветер — уродилась буря.

Оккупированные области СССР, Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии полностью очищены от солдат нацистской Германии.

Войска союзников очистили Францию, Бельгию, Голландию, Данию. Бои продолжаются на старых границах Германии, в Польше и Норвегии...»

Скоро так будет.

31 июля 1942 года

Формализм и бюрократизм имеют еще место в нашем фронтовом городе.

Решением горкома ВКП(б) я послан работать в органы прокуратуры. По военной линии состою в запасе как командир.

16 июля назначен помощником военного прокурора Ленинграда по спец. делам. Формально считаюсь вольнонаемным, что создает трудности. Военный прокурор запросил горвоенкомат, чтобы я был призван в РККА и направлен в военную прокуратуру. И вот чиновник, начальник III части майор Соколов, отписывается. Он сообщает, что для решения данного вопроса необходимо обратиться в отдел кадров Политуправления Ленфронта.

Вот до чего доводит умозрение человека-чинуши, он даже прокурору города и партии не верит. С такими командирами только картошку чистить, а не военные дела решать.

День прошел в очных ставках.

1 августа 1942 года

Сегодня у меня особо счастливый день. Я призван в РККА. Служить в армии, Родине, защищать советский народ — священный долг и великая честь воина. Отдавать все знания, силы и опыт жизни — моя сокровенная мечта. <...>

Завтра перехожу на казарменное положение. Иду служить и защищать Родину с гордостью. Вымылся в бане, надел чистое белье. В сердце праздник.

6 августа 1942 года

Очные ставки по делу П. Хитрая, осторожная в словах, но действия артистические. Свидетель Н. дал противоречивые показания. Нужно поработать и изболтать умного противника, чтобы пресечь его действия.

8 августа 1942 года

Очная ставка обвиняемого Е. со свидетелем. «Забыл», «не знаю», «отрицаю» — мокрой курицей выглядит этот бывший активист. По сущности — подхалим. Труслив до отвращения. Слизь, а не человек.

12 августа 1942 года

Работать и не быть ответственным за дело — не в моем духе. Доложил своему начальнику: числиться в резерве больше не могу. Он одобрил мое намерение и дал группу следователей. Учиться на посту — долг перед Родиной. Смотрел дела.

18 августа 1942 года

Просмотрел четыре дела. Дал указания. Тов. Б-а больна. Жаль. Все равно она ведет дела.

Следователь тов. Л. доложил три дела. Человек он, видимо, гордый. Учту его нрав. Сроки затягивает. Нужно его подтянуть.

Вечером в саду Дворца пионеров слушал «Кармен». Артисты все же халтурят старательно. Хорошо ведет ттец.

25 августа 1942 года

Выходной. Был на огороде. Брюкву всю разворовали. Вечером смотрел пьесу «Русские люди».

27 августа 1942 года

Вызвал начальник. Приказал принять дела по КРО у тов. Ч. Он получил новое назначение.

28 августа 1942 года

Вот взял бы и придушил всех фрицев до единого. Такая злоба палит сердце. Ни капли сожаления, кажется, порою, что весь смысл жизни — бить, бить и бить с наслаждением до опьянения, мерзавцев, принесших столько горя, слез и страданий.

Нет, немцам жизнь оставлять нельзя. Стереть эту расу начисто.

30 августа 1942 года

Месяц заканчивается. Я принял новую группу. Обстановка вполне обеспечивает нормальную работу и жизнь. Теперь можно полностью отдаваться работе, нет нужды терять время на поход на ночлег домой.

Вот результаты: доложил два дела, провел допрос и был на предъявлении статьи 206.

Товарищи по работе обладают своими индивидуальными особенностями.

Б-а — простой человек, умеет четко работать, любит и знает дело. Честна и искренна. Порой резка до самонадеянности, но человек прямой, с открытой русской душой. Готова всегда помочь товарищам.

П-в осторожен, тих и замкнут. Скрытен и чем-то недоволен. С людьми сходится трудно. Я с ним в одной комнате скучаю. Поможет, если спросишь, но сам навстречу не пойдет. Дело вести умеет, но чувствуется боязнь, как бы другие не заслонили его. Такие люди в трудную минуту способны забыть товарища.

31 августа 1942 года

Работал со следователем Р. Он скромнен, хорошо ведет дело. Чувствуется крепкий большевик. Предъявлял ст. 206.

Прокурора ценят как представителя власти. В 15 часов доложил дело К. и М. Дела приняты.

1 сентября 1942 года

Работа, работа и работа. О личном нет времени подумать. Личное сливается с долгом служения Родине.

Тов. Ч. откомандирован, я принял его дела. Новые люди, дел больше. Допросы, ставки, доклады.

Все идет нормально. События и дела волнуют, захватывают. Уничтожать врагов — дать спокойно стоять на своих постах нашим защитникам — такова задача. Дни победы все ближе.

26 октября 1942 года

В 16 часов пришел домой, чтобы взять белье, полотенце и табак. Когда завертывал белье, со мной стало что-то необычное. Чувствую, все рушится. Сел за стол и, чтобы проверить себя, стал обрезать фотокарточки.

Сохраниваю спокойствие, наблюдаю за собой в зеркало. Сознание выпадает.

Вот-вот буду кричать, бить и все ломать. Что это? Боже мой? Да неужели начинаются припадки помешательства? Я буду бороться до последних сил.

Люди, партия, я не хочу погибнуть и быть жертвой пошлых происков врагов. Враги иезуитски взяли у меня все силы и здоровье. Они били меня болезнями. Неужели мне суждено испить чашу до дна и лишиться рассудка.

Это ужасно, но меня ничего не сломит. Буду стоять на посту до последнего проблеска. Мысли мои мутятся. Неужели конец... Голова моя, сердце, руки — все, что есть во мне живого, хочу отдать борьбе с врагами.

Трепещите, изверги рода человеческого, если я и лишусь рассудка, все равно мое нутро ненавидит вас и я сумею умереть в борьбе на трупе врага народа.

Чувствую, что сознание вернулось ко мне...

Страшно ждать распада мозга. <...>

В. С. Владимиров¹

«Умер еще один брат...»

«Похоронили Бориса. <...> 27 января хлеба не было ни в одной булочной. <...> Остались карточки после смерти дяди Федя. <...> Опять послали на сколку льда. <...> Занимаюсь на курсах в Военно-учебном пункте. <...> Скончался самый меньший братишка Коля. <...> Вручили предписание явиться завтра в 7 часов утра с кружкой, ложкой для направления в воинскую часть».

[Не позднее 10] января 1942 года

Хлеба так же рабочим — 350, иждивенцам и детям 200 граммов. Все так плохо чувствуем, что еле ходим. Проходит первая декада, продуктов никаких нет. [Неразборчиво]

Еще приносил капусты кислой от Любы В[неразборчиво], тоже клали в щи. Дядюшка приносил с фабрики шкуры, которые палили, скоблили и через мясорубку пропускали и клали в суп. Еще он приносил муку [неразборчиво] и тоже клали в суп, уже второго никогда нет. Жиров никаких нет уже давно и сладости никакой. Вместо сахара за декабрь получили повидло. За январь нет ничего. Сейчас в [городе] творится жуткая картина. Свету нет уже два месяца, вода замерзла, ходим к дворнику. Уборная тоже не работает. Дров мало, суп варим в печке. Керосина нет, так что из-за супа в комнате холодно. Сидим вечером часов до 8 и 9 с коптилкой, жжем воск. Окна после бомбежки выбиты, забиты фанерой, и днем темно. На заводе нет тока и очень холодно. Мы то гуляем, то нас посылают за углем, пилить и возить дрова или на кладбище зарывать могилы.

Сейчас очень холодно, кровь уже не греет. t° -28-30. В городе умирает очень много народу, по 20 тысяч в день. По всем улицам так и везут покойников.

¹ Василий Семенович Владимиров — рабочий завода, обучался на курсах в Военно-учебном пункте, в мае 1942 года призван в действующую армию. Дневник публикуется по автографу, хранящемуся в РДФ ГММОБЛ.

15 января 1942 года

Сегодня в пятом часу утра скончался мой брат Борис 16 лет. В ремесленном училище его кормили плохо и мало. Он постепенно отошал. Через врача мы требовали усиленного питания, но ничего не получили. Его организм требовал жиров, а их он давно уже не пробовал и достать нигде. В столовой мучной суп — вода и каша мучная без масла, чай без сахара и хлеб.

19-го [января 1942 года] я получил в магазине по 300 г на детские карточки крупы и на иждивенку 100 г и на мою <...> взял 112,5 г муки, варим суп с клеем и крупой. Еще дали на детские карточки по 75 г масла, на рабочие и иждивенческие — 50 г за две недели — все.

21 января 1942 года

Хоронили Бориса. Сварили суп, на второе немного кашки из крупы, которые выдали в ремесленном училище на похороны. С 18 по 21 января проходила перерегистрация карточек. Все ждали прибавки хлеба, говорили, что после 21-го прибавят, но вот уже 21 января, день смерти Ленина, завтра будет семь месяцев войны, а прибавки нет. Не знаю, долго ли еще мы протянем, но пока двигаемся.

Сегодня 24/I-[19]42 года опять радостный день. Хлеба прибавили рабочим — 50 г, служащим — 100 г, иждивенцам и детям — 50 г. Итого стало рабочим — 400 г, служащим — 300 г, детям и иждивенцам — 250 г, но этого, конечно, не хватает, так как больше ничего не дают. Получили муки ржаной. Рабочим 350 г, дет[ям] и иждивенцам 300 г. Варим суп из клея и этой муки.

Сегодня, **27 января [1942 года]**, хлеба нет ни в какой булочной.

28 января [1942 года] мама стояла с пяти часов утра до двенадцати ночи и не достала.

29 января [1942 года] встал в 5 часов утра и пошел за хлебом. В одиннадцать меня сменила мама, но все же получила в 12 часов. Я за это время сварил супишко такой же, только без муки, а на всех пятерых две ложки риса. И чай без сахара, попили с солью и хлебом.

Что будет дальше, не знаю, потому все умрем с голоду и холоду. Дрова кончаются, на улице мороз 27–32. В комнате холодно, даже будильник мерзнет. Воды нет, света нет.

Сегодня февраль месяц, 6-е. Мамаша ушла в магазин к 7 часам, сегодня выдали за январь месяц масло животное. Рабочим — 200 г, дет[ям] и иждивенцам — 150 г. Пили кипяток с хлебом, но сегодня даже с маслом. Масло сразу же разделили. Это хорошо, но не из чего сварить супа. Сегодня 6-е, а на новый месяц еще ничего не дают. Вчера получили письмо от Лебедевых (маминой сестры). Они эвакуировались в Новосибирск. Пишут, живут и работают хорошо, и продукты есть, а мы здесь так мучаемся.

8 февраля [1942 года]

Сегодня мама ушла в магазин к открытию, говорят, что будут давать мясо, и вот ходила через каждые полчаса, но все же получила по 200 г на детскую и на иждивенческую 200 г. На мою карточку я приносил биторчки из столовой, а дядюшка в первую декаду все съел, и крупу. Теперь за январь все. Завтра 9 февраля, по новым карточкам ничего нет.

10 февраля [1942 года] ночью умер дядя Федор, папин брат, наш дядя и крестный.

11 февраля [1942 года] мамаша пришла из магазина в настроении, так как прибавили хлеба. Теперь рабочим — 500 г, детям и иждивенцам — 300 г.

12 февраля [1942 года] объявили норму на крупу: рабочим — 500 г, детям — 300 г и иждивенцам — 250 г. Мы получили на рабочую [карточку] горох, а на мамину — овсянку, теперь ждем мясо, а то с одной крупой суп получается плоховат.

Сегодня, **13 февраля [1942 года]**, получили сахарный песок на рабочие [карточки] по 300 г и иждивенку — 200 г.

14 февраля [1942 года]

Сегодня мама получила на детские карточки сахарный песок по 250 г и крупу, она взяла чечевицу, так как ее уже давно не пробовали, была гречневая.

15 февраля [1942 года]

Воскресение и у нас тоже праздничный день: есть песок сахарный и мамаша получила мясо на рабочие [карточки] по 450 г, на детские и иждивенку — 125 г. Сегодня утром в 10 часов попили чаю, поставили суп — горох с мясом, — всего понемногу, но суп всем понравился. После уже в 1-м часу я пошел на завод, получил деньги и в столовой взял шесть

порций каши пшенной, принес домой. Еще не пропускают с кашей в проходной, но я ее завернул в бумагу и спрятал. Пришел домой, поставили суп с чечевицей, на второе каша пшенная по 200 г. Я еще на рынке купил немного жира. Кашу поджарили и чай. Только плохо, что все это при коптилке, так как света нет, но и то, сегодня у нас такой день, первый за семь месяцев: сегодня и на улице так хорошо, тепло, светло, охота стало жить. Чувствуется, что дело идет к весне.

16 февраля [1942 года]

Сегодня на улице небольшой мороз, у нас и форточка в цветах стала. Мама сегодня ходила в 7 часов в магазин. Нового пока нет ничего, взяла хлеб и, вернувшись домой, поставила самовар. Гриня ушел себе за хлебом и ходил около двух часов, все искал ему нравящиеся маленькие буханки и чтобы хлеб был почерствей. Попили чаю. [На] обед варили суп с чечевицей, вечером суп с горохом.

17 февраля [1942 года]

Мама получила горох вместо крупы. Взяла на свою и дядину [карточки]. Всего дали 370 г, больше пока ничего нет. На мою карточку и на детские хотим взять чего-нибудь другого.

18 февраля [1942 года]

В магазине ничего нет, все идет без изменений: утром чай, в обед и вечером суп. Мясо кончается, осталось на один раз. Я пока еще не работаю — бюллетеню. Погода стоит еще холодная, ждем как тепла, так и прибавки хлеба, также и выдачи всех продуктов.

19 февраля [1942 года]

Сегодня в магазине ничего нового нет. На мою карточку взяли 300 г муки и 200 г гороху. Сегодня на улице мороз 23°. Я ходил на завод, взял шесть порций каши и принес домой, где половину положили в суп и оставили на завтра к обеду. Мясо кончилось, сахару нет и вместо него кладем в чай муку. Еще осталось на завтра утром попить — и вся мука.

20 февраля [1942 года]

Сегодня мама ушла в магазин в 7 часов. Там уже [собралось] много народу. Объявили по радио, что будут выдаваться сухие овощи. Мама принесла хлеб и ушла в очередь. Принесла сухой картофель. На обед сварили суп с горохом, сухим картофелем по 150 г. На всех получила 900 г. В 11 часов попили чаю. В обед варили суп с горохом и сухим картофелем и положили каши.

Вечером мама купила на детские карточки мелкую перловую крупу. Варили суп с перловкой и картофелем. Легли спать в полдевятого.

21 февраля [1942 года] — третья декада

Сегодня получили мясо на одну рабочую [карточку]. Варили суп. Взяли на одну, потому что была солонина.

22 февраля [1942 года]

Сегодня объявили норму на крупу и масло. Мама пошла в магазин в полседьмого. Там уже была большая очередь, так как объявили еще вчера. К тому же воскресенье — выходной день. Пришла в 11 часов. Получила масла на рабочую [карточку] по 150 г, на детей и иждивенцев — 100 г, мясо 450 г — на рабочую [карточку] и 125 г — на другие. Сегодня делили хлеб на два раза. Сварили суп. Половина первого: попили чайку без сахара и вечером. Теперь ждем сахара, так как не с чем пить чай.

23 февраля [1942 года]. День Красной армии

Сегодня я привез дров от Любы, приехал в час, поел супу, к вечеру сходил на рынок, купил две плитки клея, будем варить студень. Сегодня в 7 часов вечера объявили по радио, что с 24 будут выдавать шоколад по 25 г. Завтра мама пойдет рано утром в магазин.

24 февраля [1942 года]

Получили шоколад уже вечером, так как утром было много народу. Я делал сегодня весь день буржуйку. Вечером варили суп с горохом и студень.

25 февраля [1942 года]

Сегодня встали позже, чем всегда, поставили самовар. Гриня ушел за хлебом, поели студень и стали пить какао с шоколадом, который получили по 25. Сегодня в обед ничего варить не будем. Съел весь хлеб 500 г и не оставил к вечеру. Гриня с Верой доели масло. Я после чая закончил буржуйку и затопил и пошел к врачу. Завтра выпишу на работу. Сегодня будем вечером варить суп на чугуночке. Напилили дров, которые я привез от Любы, и накололи. Сегодня у нас плохо чувствует [себя] мама, болит горло, температура. У Грини с Колей вчера был врач. Выпил молоко. С 1 марта будем получать.

26 февраля [1942 года]

Сегодня объявили норму на мясо и крупу, но мы не получили, так как мама больна, я работал, Гриня пошел — уже мяса не было.

27 февраля [1942 года]

Сегодня я работаю на сколке льда в Новой Деревне под мостом. На обратном пути получил карточки. Сегодня получили сахарный песок: рабочим 300 г, детям 250 г, иждивенцам 200 г — и взяли чечевицы на две рабочие карточки один килограмм, варили суп с чечевицей, но без мяса.

28 февраля [1942 года]

Конец месяца. Еще один месяц прожили, но этот месяц уже гораздо легче, так как у нас были дядины карточки не сданы. Главное — хлеб, да и в этом месяце с выдачей было лучше. Только с маслом было плохо. Всего выдали 150 г на рабочую карточку в месяц.

Сегодня получили мясо и клюкву по 250 г. Варили горох с мясом и пили чай с клюквой. Хлеба маловато.

Сегодня я опять работал на сколке льда, вернее не сколке, а обрубке «быков» на Каменноостровском мосту. Сегодня погода была хорошая. Весь день солнце, но все же холодновато. $t - 21^{\circ}$. Скорее бы хоть было потеплее да прибавили бы хлебца. Работали с 10 до 2 [часов]. На обратном пути зашел на завод. Хотел пообедать, но по новым карточкам еще не давали, а крупы на старых у меня не было. Я взял пару сарделек и принес домой. Одну отдал маме, одну себе и понемногу всем попробовать.

1 марта [1942 года]

Воскресение. Я сегодня выходной. Встал в 9 часов. И стал ставить чайник. Мама пошла в магазин и пришла ни с чем, только выкупила хлеб. Попили чайку. Начался большой обстрел в городе, [в] нашем районе. Потом затопили чугунку. Сварили суп, поели, и мы с Гриней пошли в баню. Попали случайно, заплатив 5 рублей, там пускали только по талонам от жакта. Хорошо помылись. Пришли в шесть вечера. В магазине сегодня ничего не было. Погода сегодня холодная, к тому же ветер и снег. Завтра мне опять колоть лед. Не знаю, как и быть, так как там очень холодно.

2 марта [1942 года]

Я работал опять на льду. После работы пошел на завод, взял два супа гороха и три каши. Теперь вырезают за суп 20 г, а за кашу 40 г. Суп немного лучше, чем был за 12,5 г. Каши теперь вешают перловой и пшеничной по 400 г.

3 марта [1942 года]

Сегодня ровно год, как у меня украли пальто на вечере. В театре пр. Володарского, 53 был от завода вечер. Приятно вспомнить, как мы с другом Виктором Игнатовым хорошо выпили в тот вечер на 3 марта, за-

кусили и пошли на вечер, а теперь в этот день вот сегодня я работал опять на сколке льда, потом пошел на завод, взял два супа с лапшой, но супа все же жидкие, съел с маленьким кусочком хлеба и четыре каши взял домой. Пришел, попилили дров и стали варить суп на буржуйке. Кашу положили в суп, но это бывает все же редко, а то только один суп и чай. Сегодня погода опять холодная, ветер со снегом. Скоро ли будет потеплее. В магазине ничего не дают. Опять затор — прикрепление карточек до 5-го числа.

4 марта [1942 года]

Сегодня пришел на работу к 10 часам. Опять послали на сколку льда. Работали до 12 часов, так как больше было невозможно. Был сильный пронизывающий ветер и холодно, нас отпустили. Я пошел на завод в столовую. За супом простоял до половины четвертого.

5 марта [1942 года]

Работал опять на Каменноостровском мосту. Сегодня очень холодно, промерз до костей. Работали до двух. Потом зашел в столовую. Съел суп-рассольник без хлеба. Три гороховых каши хотел взять домой, но попробовал и не удержался, съел все.

Дома ничего не было. Получили мясо на детские и иждивенческие [карточки] по 100 г и сварили бульон. Я съел весь свой хлеб и с песком выпил пять кружек чаю, которым опился. Очень вздуло живот, думал, умру.

Сегодня в 12 часов дня по радио объявили норму на мясо 300 г на рабочих и по 100 г на всех остальных, детям — 150 г меланжа. В 7 часов объявили сахар: 300 г — рабочим, 200 г — иждивенцам, 250 г — детям, и сухих фруктов всем по 100 г.

Чувствую себя слабо, нет жиров, мясо сбавили, и хлеба не хватает, а ходить очень далеко, работа тяжелая, рубить, нагнувшись, топором лед, и к тому же очень холодно, а едим только воду и хлеб. Не знаю, как и перенесем все это. Хотя бы хлеба побольше.

6 марта [1942 года]

Работал на льду, после пошел в столовую, взял три порции каши, простоял до четырех часов, принес домой, и положили в суп. Сегодня получили песку на две детские карточки. Больше ничего не было. Сегодня на улице очень холодно. $t - 18^{\circ}$, но сильный ветер.

7 марта [1942 года]

Сегодня работал до часу дня, отпустили пораньше в честь женского праздника. Я получил пропуск, скользящий, в столовую. Пошел взял шесть порций супов и принес домой.

8 марта [1942 года]

[В] День женщин получили по 100 г изюму, который весь и съели, и на две детские и одну иждивенческую [карточки] крупу пшено всего 600 г. Вечером суп с пшеном, и на мою карточку взяли мясо 300 г.

Сегодня мама в честь своего женского праздника убирала снег — заставили всех домохозяек. Потом я с ней пошел в столовую. Пообедали, чем она осталась очень довольна, говорила, что всю жизнь не ходила, ну а тут — как в честь праздника.

9 марта [1942 года]

Сегодня я не работал, а только отвел на свое место, а сам пошел домой, принес гороховую кашу.

10 марта [1942 года]

Вторник. Я сегодня выходной. Встали в 9 часов, попилили дровишек на буржуйку, которые я спер еще позавчера в сарае [неразборчиво], и попили чайку. В два часа дня я пошел к Любе (В.). От нее привез дров второй раз еще три полена. Протопили печку немного, так как еще все холодно на улице -16° , а в комнате $+7$. Сегодня идет снег. Скорее бы какой-нибудь конец, но [его] не видно.

11 марта [1942 года]

Сегодня с утра работал с заводскими на очистке улицы, скалывали лед у завода. В столовой съел суп с лапшой и овсяную кашку. Пришел домой сегодня пораньше. Сегодня мы с мамой еще раз ходили в столовую, что ей очень нравится. Съели по супу с лапшой и по маленькой сардельке — вес 50 г — с гарниром (лапша) и одну порцию мучной кашки, но хлеба был один кусочек на двоих 50 или 60 г, что, конечно, мало.

Да, еще забыл, получили письмо от тети Симы. Она пишет, что ее мужа Илюшу убили еще 22 августа, и осталась она одна с двумя малышами.

12 [марта 1942 года]. Работал с заводскими на сколке льда. Кончили работать в 12 часов. Сегодня получил повестку на медкомиссию.

13 марта [1942 года]

С сегодняшнего дня начинаю жизнь по-новому, занимаюсь на ВУПе.

14 марта [1942 года]

Занятия у нас с 7 час. утра до 7 час. вечера. То есть в 7 час. проверка, до 9:00 — завтрак, с 9 до 1 часу — занятия, с часу до двух — обед, с двух до шести — трудовые работы, в половине 7-го — ужин.

15 [марта 1942 года]. Сегодняшнего дня перехожу на казарменное положение. Общежитие на Малой Посадской, д. 26, в институте помещение, которое хорошее и большое, но холодное, и на улице еще пока холодно. Кормят пока плохо: утром — суп, в обед — суп и на второе или студень, или вермишель с маленьким кусочком мяса, вечером — суп и чай, сахарного песка на день — 30 г.

24 марта [1942 года]

До сего времени все приходится ходить ночевать домой, так как в общежитии все места заняты и притом очень холодно. Скоро будут еще отведены комнаты под общежитие теплые. Кормят не так плохо, но мала порция. Утром суп и два стакана чая сладкого, в обед суп, на второе котлетка с гарниром (горох, вермишель), вечером суп и один стакан чая, хлеба тоже мало. Утром и вечером по 150 г, в обед 200 г.

Занимаемся по 4 часа и 4 часа трудовая повинность. Проходим станковый пулемет «максим», зачислен в спецзвезд. На улице все еще холодновато, хотя уже начало таять два дня назад, но моя кровь еще плохо греет, все мерзну.

Дома пока что все живы и здоровы, в общем, все еще ходят, здоровые такое вот. Я 23-го пришел домой и пошел достал дров, а то было нечем топить.

Электричества все нет, трамваи тоже не идут <...> приходится ходить пешком, что очень трудно. Ноги еще не окрепли, так как питался я еще хуже до этого и мы все еще [не наелись], нам еще мало хлеба и продуктов, а главное — жиров, что нам их совсем не дают. Рабочим всем в магазинах выдали, а нам не дают. Я никак не дождусь тепла, и дома, и на занятиях, и на работе, и на улице — все время на холоде, согреваюсь только лишь под одеялом, а с 6 до 10 вечера все время на холоде.

29 марта [1942 года]

Воскресенье — наш выходной, но нам приходится сегодня заниматься до обеда. Пообедали, получили ужин и пошли домой.

30 марта [1942 года]

Сейчас у нас идут усиленные занятия, я вот уже второй день имею бюллетень: грипп и понос, — но занятия не пропускаю, боюсь от-

стать. Теперь будем заниматься четыре часа до обеда, два часа труд[овых] работ, и два часа до ужина станковый пулемет. Всего 6 часов, а если кто отстанет и не сдаст, тот будет ходить еще столько.

31 марта [1942 года]. Вторник

Прожили еще один месяц, и вновь у нас горе. Сегодня в 12 часов дня скончался самый меньший братишка Коля.

В общем-то этот месяц в смысле выдачи продуктов был самый лучший, так как выдали все: сахар, масло, мясо и крупу. Мне только жалко очень масло, карточки были сданы, а нам там не давали, а в магазине дали 800 г. Кругом видишь — едят масло, а я хлеб, и то плохой и сырой.

Сегодня я ходил на завод, получил карточки. Сразу взял запеканку и съел без хлеба. Хлеб возьму завтра, может быть, прибавят, хотя бы немного.

На улице сегодня тает и тепло, по утрам опять все замерзает. Мы никак не можем дождаться тепла, и немного улучшилось с питанием, а то ноги не ходят.

11 апреля [1942 года]

С первого апреля по 11 апреля ничего существенного не произошло. За этот период дома у меня получили: масло по 100 г на каждого сливочное, крупы по 250 детям, 200 — иждивенцам, по 100 г селедки, по 100 г еще сахар-песок. Я же занимаюсь пока все время. На ВУПе кормят не так плохо, но все мало. Утром суп, два стакана чаю сладкого, 150 г хлеба. В обед — суп, котлетка 50 г или запеканка с мясом или рыбой, гарниру мало; ужин: суп, один стакан чаю, изредка дают в обед или ужин запеканку из соевых отжимов или молоко соевое. Уже было несколько раз.

Вот сегодня уже 11 апреля, а на улице еще много снега и льда и все еще свежо, погода пасмурная, сырая, кругом вода. Сегодня я пришел домой за бельем. Завтра пойдем в баню.

На занятиях в военно-учебном пункте мы изучили станковый пулемет, теперь будем изучать мотоцикл и миномет, когда кончим, не знаю.

У меня есть желание поступить в военно-морскую школу, написал заявление. У нас уже некоторые ушли. Там и кормят хорошо, хлеба дают 800 г. Не знаю, как будет дальше, может быть, и я устроюсь туда, сейчас нет времени сходить туда, так как с занятий не отпускают, а в воскресенье, завтра, там выходной. У нас до обеда субботник по уборке города, потом свободны.

12 апреля [1942 года]. Воскресенье

Ничего существенного не произошло. Работали до обеда. После обеда убирали помещения.

16 апреля [1942 года]

Занимался в ВУПе до обеда, после отпустили домой. Я поступаю в Военно-морскую школу. У меня приняли заявление и сказали прийти 20-го с документами. А на ВУПе прошли пулемет, 17-го пойдём стрелять, обещали скоро выдать шинели. Всех перевели на казарменное положение. Погода сейчас хорошая, тепло, солнце, все тает, уже весна.

28 апреля [1942 года]

У нас опять в семье несчастье. Умер еще один брат, Гриня, тринадцать лет. Умер 27 апреля.

Я сейчас кончаю ВУП со специальностью «станковый пулеметчик». К маю, наверное, нас возьмут в армию. Но я хотел бы справить 1 мая и свой день рождения, а потом уйти в школу, так как в школу военно-морскую мне надо явиться 5 мая. Не знаю, куда попаду, но хотел бы в школу.

29 апреля [1942 года] пришел на пункт и меня направили на медкомиссию.

На пункте меня направили в военкомат, оттуда отправили на медкомиссию.

Прошел комиссию, и дали предписание явиться 30 апреля для отправки в часть. Не дали и справить Первое мая. 1 мая — мой день рождения.

30 [апреля 1942 года] в 7 часов быть в военкомате с ложкой, кружкой и т. д. До свидания.

А. П. Гришкевич¹

«Они собирали карточки... и распределяли хлеб среди дистрофиков»

«Немцы стреляли регулярно, через каждые полчаса <...> “Мне уже не нужно хлеба. Я умираю” <...> Они собирали карточки, шли в магазин и затем распределяли хлеб среди дистрофиков <...> Непогребенных трупов здесь сотни, и с каждым днем их становится больше <...> “Ну подожди же, накручу я сейчас управхозов и комендантов” <...> “Я бы и человечину ела, если б не боялась ответственности”. <...> “Сколько ваших людей погибло..? Ни одного... Они же работают у пищи...”»

6 сентября 1941 года я, как обычно по субботам, поехал домой помыться и переодеть белье. Уже на Прогоном переулке я почувствовал в поведении людей что-то необычное. Все спешили к трамваю, одни бегом, другие под тяжестью тюков, мелко и быстро семеня ногами. Люди были напуганы.

Я поспешил к дому. Только успел спуститься с горы на Прогоном переулке, как в метрах 150 раздался сильный взрыв. Инстинктивно нагнулся к земле и правильно сделал — над головой с визгом пролетел кусок металла. Поднялся и сразу же был засыпан землей и грязью. Отряхнувшись, побежал к дому.

Около дома [№] 9 собралась небольшая толпа любопытных. Снаряд упал между домов, повредив их осколками. Невдалеке лежал разорванный осколками мальчик. Рядом с домом стонали две раненые женщины. Дом оказался закрыт. Все жильцы прятались в выкопанной во дворе щели. Там я увидел своих. Они были напуганы и ошеломлены. Чтобы хоть как-то ободрить их, рассказал анекдот. Не помогло. Вдруг в сотне метров от нас вновь упал снаряд. Дзинькнули стекла. Наступила жуткая тишина, а затем раздалась стоны и крики. Значит, опять кого-то ранило.

¹ Александр Павлович Гришкевич — заведующий сектором печати ЛГК ВКП(б) с сентября 1941 по 1 мая 1943 года.

Отыскала мать. Она ухватила меня за пальто и не отпускала от себя, хотя я никуда и не пытался уйти. Оказывается, немцы уже дали восемь выстрелов по заводу им. Ленина. Ни один из них в цель не попал. Правда, на территории завода два снаряда разорвались — один на шихтовом дворе, другой в медпункте. Все это объяснила мне мать, путая слова и названия. <...>

Немцы стреляли регулярно, через каждые полчаса. В перерыве между выстрелами народ выбирался из траншей, бежал на место разрыва и оказывал первую помощь пострадавшим и через 25 минут снова забирался в укрытие.

Наш дом и траншея оказались на пути между стреляющим оружием и заводом. Снаряды рвались вокруг дома, срывали крыши, повреждая квартиры. Всего за вечер пострадало 34 человека.

Уговорил мать срочно перебраться, захватив ценные вещи, к Добычину и там остаться несколько дней.

В 9 [часов] вечера направился к Смольному. Выстрелы раздавались все чаще. Только успел пройти сталелитейный цех, находившийся рядом с улицей, как раздался взрыв. Разворотило всю мостовую и заводской забор, цех остался невредим.

На трамвайной остановке собралась толпа с узлами и чемоданами. Все стремились перебраться в Петроградский район. Трамваи задерживались. Дошел до Смольного пешком.

* * *

Ноябрь [1941 года]. Это рассказала мне мать одного моего товарища.

«Я возвращалась из Володарского райисполкома, еле передвигая ногами, думала: вот дойду до магазина и куплю себе хлеба. Страшно хотелось есть, нет, не есть — жрать. Казалось, съела бы любую пищу.

Впереди меня так же медленно шел молодой человек. В его обессиленной походке чувствовалась большая усталость. Он был хорошо одет: кожаное пальто, фетровые бурки, котиковая шапка. Наблюдая за его движениями, я перестала следить за своими переживаниями. Человек дошел до столба, прислонился к нему спиной и секунду спустя пополз вниз.

Я подошла к нему:

— Вставайте, гражданин.

Он безразлично взглянул на меня:

— Не могу подняться. Не ел уже два дня. Потерял карточки.

— Поднимайтесь, возьмите себя в руки. — Подняла его, взяла под руку, потащила. Он немного ожил и даже попробовал пошутить:

— Вы смерть тащите, а не меня.

— Вот дойдем до магазина, — внушаю ему, — выкуплю хлеб, и вы поедите. Хоть всего 125 г, но все же дойдете до дома.

Так шли мы с ним километра полтора. Вот уже и магазин виден. Остались какие-нибудь 30–40 шагов. Внезапно мой спутник осел. Пробовала удержать его, но сил не было.

— Поднимайтесь. Вот уже и магазин.

Мой молодой спутник прошептал:

— Мне уже не нужно хлеба. Я умираю. Большое спасибо вам... Прощайте.

С помощью прохожих общими усилиями втащили его в магазин. Прибывший на место врач развел руками: «Ничем не могу помочь»».

* * *

Январь 1942 [года]. На фабрике «Рабочий» много больных. Болезнь эта по-ученому называется дистрофия — этим мудреным словом прикрывают голод и истощение. Но прикрыть голод невозможно, как нельзя, например, скрыть воду в кулаке. А скрывать надо: нельзя допустить паники — одного из опаснейших врагов всякой организации. И партийное руководство, весь актив фабрики знает это. Люди жертвуют собой, но не пускают панику в цеха. <...>

В партийный комитет прибежала женщина. Секретарю тов. Глазамицкой она что-то тревожно шепчет на ухо, боясь, что я, посторонний незнакомый человек, услышу. Когда женщина вышла, Глазамицкая рассказала следующее:

«Сегодня на разборке утка свалилось несколько женщин. Все, что можно было сделать, столовая сделала. Она сознательно обворовала рабочих и упавших подкормила. Сейчас эти женщины лежат в кабинете начальника цеха.

Этот товарищ, что прибежала ко мне и шептала на ухо, рассказала, в ткацкой фабрике произошел такой же случай. Я не знаю, что делать, так как в столовой ничего нет. Да и не можем систематически «обворовывать» работниц для «дистрофиков». Придется мобилизовать коммунистов».

Оказывается, на фабрике уже не первый раз проводят такие мобилизации. Она заключается в том, что сама Глазамицкая, директор тов. Юрков, технорук Леновский, секретари цеховых партийных организаций самостоятельно отказываются от своей нормы хлеба. Они собирали карточки, шли в магазин и затем распределяли хлеб среди дистрофиков.

Такая же мобилизация была проведена и сегодня, в ней своей карточкой участвовал и я. <...>

* * *

Январь [1942 года]. На Волковском кладбище. <...> На улицах, прилегающих к погосту, можно найти множество «подкидышей». Одни завернуты, как мумии, другие просто в рабочих костюмах, третьи, что очень редко, в гробах или ящиках подброшены к домам, завезены во дворы, а некоторые валяются на середине улиц. Сколько труда нужно приложить, чтобы убрать этих «подкидышей». Сколько надо иметь наглости, чтобы бросить, как собаку, своего близкого человека. <...>

На кладбище огромное скопление мертвых. Они всюду — между могилами, на тропинках и дорожках. <...> Непогребенных трупов здесь сотни, и с каждым днем их становится больше. К ним уже многие привыкли. На кладбище толкуются десятки мародеров. Подойдут сумерки, они примутся раздевать трупы. Здесь же вновьявленные могильщики, спекулируют на бессилии людей. За выкапывание ямы они требуют с несчастных близких умершего по 600–700 рублей или килограмм хлеба и 250 рублей. На кладбище слышен легкий гомон торгующихся. Иногда слышны рыдания. Но это не тоска по ушедшему, а выражение бессилия людей, неспособ[ных] ни заплатить бешеные деньги за могилу, ни самим ее выкопать. <...>

Администрация кладбища в лице двух полуживых людей старается навести порядок, но это им почти не удается. Она организовала рытье могил (траншей) экскаватором, мобилизовала с помощью Московского райкома ВЛКСМ комсомольцев на уборку трупов. Но трупов все еще очень много. Чтобы их убрать с глаз, молодежь сняла с церкви крышу и сложила в церквушке штабель из человеческих тел. Страшно.

* * *

4 февраля [1942 года] с секретарями Смольнинского райкома Кузьменко и Стельмаховичем и председателем райисполкома Шахановым едем по Калашниковой набережной. Шаханов смотрит в окно машины и вдруг принимается громко считать:

— Один, три, пять...

Кузьменко, не сбавляя хода (он правил машиной) решительно заявляет:

— Голову нужно оторвать за такие вещи.

— За какие? — спрашиваю.

Стельмахович поясняет:

— Шаханов считал подкинутые трупы. Люди не довозят до кладбищ своих близких и подбрасывают их у Кировского комбината.

Шаханов ругается:

— Ну, подожди же, накручу я сейчас управхозов и комендантов. <...>

Наутро возвращался в Смольный по это же дороге. У Кировского комбината по-прежнему лежал труп мужчины в рабочем комбинезоне. Он без сапог и шапки. Позвонил Шаханову. <...>

5 февраля [1942 года] рассказал Кожемякин Т. А.:

«Встретил знакомую молодую женщину. Разговорились о жизни. Она сетует на трудности:

— Одно время хорошо мне было. В нашей квартире водилось много крыс и мышей. Я ставлю на них капкан и мышеловки, и таким образом мы (у нее двое детей) каждый день ели дичь. А сейчас вся эта дичь перевелась. <...>

— Слушай, неужели ты до этого дошла?

— Я бы и человечину ела, если б не боялась ответственности».

* * *

5 февраля [1942 года] заместитель председателя СНК СССР т. А. Н. Косыгин вызвал к себе директора треста ресторанов и столовых Фельдмана и спросил:

— Сколько ваших людей умерло или заболело от истощения?

— Ни одного... Они же работают у пищи.

— Хорошо. Значит, это народ стойкий? — спросил, улыбаясь, Косыгин.

— Да...

А. Ф. Евдокимов¹

«Кто будет жив, тот никогда не забудет эти дни...»

«Нашел на полу созревшую шелуху от свеклы и картошки. <...> Свои картошки я передал М. Жить стало легче <...> Прибавили хлеба. Выписался с бюллетеня. Хотя и очень слаб, но решил идти в цех. В 6 часов 15 минут раздался ужасный взрыв. <...> В технологической фазе № 17 умерли рабочие Кузьмин и Иванов. <...> За эту зиму я похудел на 13 килограммов. <...> Тов. Сталин приказал разгромить врага в 1942 году. <...> В городе много овощей, и я имею возможность покупать их по дешевке. <...> 19 января 1943 года. Настал и на нашей улице праздник. <...> Вновь копаю огород. <...> Свершилось! <...> То, на что мы надеялись, о чем мечтали, ради чего мы терпели голод и холод, теряли родных и близких, работали и сражались, наконец стало явью».

26 октября 1941 года

Какая-то апатия, вялость и дряблость овладели мною. Устал или ослаб? И то и другое. <...>

За сутки я могу получить в столовой только одну тарелку чечевичной похлебки и котлетку без гарнира с воробьиное яйцо. Дома абсолютно ничего нет. Даже не на чем согреть чашку кипятку.

7 ноября 1941 года

Сегодня мы не работаем. Ничего не ел. Столовая закрыта. Сейчас 6 часов вечера. Буду топить печь и варить щи. Сберег несколько листов капусты, которые мне дал мой мастер В-н. Вчера он принес мне несколько картофеля, но я не утерпел и вчера же их съел.

15 ноября 1941 года

Ничего из продуктов даже по карточкам невозможно найти. В моей мастерской вчера раздуло двух человек, сегодня еще два упали.

¹ Алексей Федорович Евдокимов (1917–1995) — мастер участка завода «Краснознаменец». Фрагменты дневника воспроизводятся по автографу, хранящемуся в РФ ГММОБЛ.

В заводской столовой, кроме тарелки бульона из хряпы, уже больше ничего не дают. В сутки более 50 копеек невозможно потратить.

21 ноября 1941 года

Рабочие валяются с каждым днем все больше и больше. Вчера в бригаде Н-ой не вышел ни один человек. Вся бригада обессилила и заболела.

30 ноября 1941 года

Ох ты, голод, голод! Как тебя только пережить. Кто будет жив, тот никогда не забудет эти дни и всегда будет знать цену жизни. С голоду опухло почти все население. С улиц исчезают лошади, кошки, собаки. Особенно умирают дети.

Сегодня из тринадцати человек бригады на работу вышли только трое. Десять человек свалились, а одиннадцатый упал в мастерской до обеда.

В столовой бывает только крупяной суп по 8 коп. или щи из свекольной хряпы — 17 коп. Две тарелки не дают.

Придя домой, не мог лечь спать. Упадок сил. Температура 35,4 градуса. Ноги опухли, стало пухнуть лицо.

Нашел на полу сопревшую шелуху от свеклы и картошки. Хорошо отмыв и сварив, с аппетитом съел две тарелки. Это еще хорошо, но и этого больше нет.

2 декабря 1941 года

Сегодня узнал радостную весть. Рабочим вредных фаз будут давать дополнительное питание. Всем остальным рабочим будет второе.

5 декабря 1941 года

Сегодня я наблюдал ужасную картину. Выходя из столовой, споткнулся о ноги сидящего старика. Он бессильно полулежал у стены, выбирая из помойного бачка грязные конские кости, и с волчьей жадностью грыз их дряблыми зубами. Это ужасно, но это продлит его жизнь еще на несколько дней.

За ноябрь на продуктовые карточки ничего не мог выкупить. Карточки я передал М. Кроме пяти банок шпрот и пол-литра подсолнечного масла, она мне не принесла ничего. Таким образом, она отняла у меня всю норму рыбы, 0,5 кг мяса, 1,5 крупы, 350 г масла, пиво, вино и другие продукты. Она по отношению ко мне поступила подло, зато продлила жизнь двоим своим детям и себе. На первую декаду декабря из продуктов еще ничего не дают.

18 декабря 1941 года

Голод свирепствует. Народ падает, как отравленные мухи; валятся на ходу и больше уже не встают. Хоронят без гробов. Умерли мои лучшие рабочие А. Кузьмин, Бабалин, Кузнецов. Боюсь за себя. Впервые подумал, что больше двух недель никак не продержусь. Хочется жить. Очень не хочется умирать, а смерть близка.

21 декабря 1941 года

Умерла Дюбкова. Ночью из 15 человек на работу пришли только мастер Гончарюк и уборщица. Все рабочие опухли, не могут прийти в цех. Вчера из восьми человек упали трое. Отправил на трехтонке в поликлинику.

Не могу ходить. Подламываются ноги. Вздучило живот, кружится голова, темно в глазах. Неужели настал мой черед?

24 декабря 1941 года

В цеху сейчас работаю и днем, и ночью. Домой ходить некогда. Работаю начальником мастерской и заменяю Статникова и Клебанова. И тот, и другой больны от голода, а мастера исчезают каждый день. Из шести имеющихся в моем распоряжении мастеров трое свалились. Пахомов, Смыслов и Поляков умерли. Сегодня из нашего цеха умерло 8 человек.

Живу в цехе. До 1 января домой пойти, пожалуй, не удастся. Как хочется жить. Только бы не заболеть и не упасть.

1 января 1942 года

Жить стало легче. Прибавили хлеба. Теперь я уже получаю по 350 г. Это уже хорошо. Тем более что в столовой обеды резко улучшились. Мы спасены — смерть была близка. Сегодня на моих глазах умер в цехе один рабочий. Это ужасно.

24 января 1942 года

Трамвай так и не ходят. По-прежнему молчит радио, нет света, нет воды, газеты и письма не носят — живем словно на дне фантастических трущоб. Надеюсь, и для меня наступят дни, когда все это будет вспоминаться как что-то нечеловеческое, неповторимое, однажды героически пережитое. Как бы скорее всему этому конец. Хочется отдохнуть, хочется еще пожить.

24 января 1942 года

С сего числа прибавили по 50 г хлеба. Теперь получаю уже 400 г настоящего по качеству хлеба.

3 февраля 1942 года

Кружится голова, трудно ходить и не могу стоять (не могу стоять более трех минут). Если суждено упасть, передайте эти записки моей жене. Она должна знать, что и в последние минуты жизни в сердце я с ними.

12 февраля 1942 года

Сегодня проходил мимо кладбища. Я увидел ужасную картину. В яму, вырытую взрывом динамита, было набросано больше сотни ожидающих погребения трупов. Сегодня ночью таким же взрывом их накроют землей, и это будет их вечная могила. Рядом с ямой в беспорядке валялись голые мертвецы без ног, рук, голов, но более всего без мягких мест. Часть трупов завернуты в мешки и простыни (очевидно, они имели родных). Таких бесхозных мертвецов я насчитал более семидесяти штук. Дело было к вечеру, но трупы продолжали подвозить.

13 февраля 1942 года

С 11 февраля прибавили по 100 г хлеба. В магазине стали давать крупу и другие продукты. <...>

В связи с надбавкой хлеб у спекулянтов подешевел. Вместо 800 руб. за килограмм можно найти за 500. Папиросы, пачка, 150 руб., спички, коробка, 10 руб. Продажа без всякого стеснения здесь же, в магазине или около него. Спекулянты набивают карманы. На Ржевке, Пороховых на углу улиц или в магазине образовались толкучки, и такие многолюдные, что не уступают подчас барахолке 1935 г.

Для жителей города положение резко улучшилось; для рабочих нашего завода нет. Последнее время большинство рабочих получали в цеху по два обеда без всякого выреза [талонов]. Сейчас обеды только на вырез. Мое самочувствие стало лучше.

Вновь заговорило радио. Усилилось движение автотранспорта. Город заметно начал оживать.

Умерли Ковенчук, Петя Кудрявцев, Ваня Голубев, Худоба, Егоров и многие другие из моих близких друзей. В цеху работать почти не с кем.

В бараке №1 завода №5 рабочий Барановский задушил свою жену, один ребенок умер с голода, другого он убил и наполовину съел. Барановский арестован и через день, сойдя с ума, умер сам.

Случаи продажи человеческого мяса и поедания мертвецов и своих детей резко стали учащаться. Кошек и собак в городе давно нет, и их так же ценят, как и хлеб.

27 февраля 1942 года

Купил еще буханку хлеба. Всего проел уже на хлебе около 1500 руб. Денег больше нет. Жить не на что. Могу считать, что за эти 1500 руб. я купил себе жизнь. Я спас себя. Чувствую себя хорошо. Силы восстанавливаются.

11 марта 1942 года

Заболел 8 марта. Будучи дежурным по цеху, я почувствовал себя слабо и очень скверно. В 9 [часов] вечером была температура 39,2. Всю ночь мучил понос. Пытался вынести болезнь на ногах, но почувствовал свое бессилие. Сегодня большой упадок сил (температура 35,1). Пошел к врачу. Доктор Панина выдала бюллетень и, кроме сухарей да рисового отвара, есть ничего не велела. Интересно, откуда сейчас я могу достать рис или тех же сухарей? Вот формалисты-лекари. Их дело сказать да написать, а лечиться все же изволь сам. Раз так, значит, буду лечиться своими средствами.

19 марта [1942 года]

Выписался с бюллетеня. Хотя и очень слаб, но решил идти в цех. Работал хорошо, чувствовал себя нормально.

20 марта 1942 года

Сегодня у меня выходной день. Выходной для меня, как правило, день голодовки. Обедов в 40-й столовой не дают (нет прикрепления), и приходится жить на сухомытке. Но сегодня я не голодаю. Сыт, как говорят, по горло. В переводе на рыночные цены я проел:

хлеба 2 кг — 600 руб.

масла 200 г — 300 руб.

песок 300 г — 300 руб.

Итого 1200 руб. за один день.

Вот сколько стоит человеку жизнь и как можно быстро разбогатеть, будучи шкуродером. А шкуродеров развелось последнее время очень много и торговля с рук процветает не только на рынках, но у каждого магазина и даже на площади Ржевке.

21 марта 1942 года

Погода ужасная. Ветер, вьюга да ржавый мороз. Несмотря на солнце, невозможно идти, не укутавшись и не подняв воротник.

Такую погоду в пору иметь суровому январю. Вот это март, черт бы его побрал.

Получил от жены письмо, она его написала 18 февраля. Ей стало известно, что жизнь в Ленинграде связана с большими лишениями,

я ей об этом не писал. Да, Граня, если бы ты могла (и была способна) почувствовать, как я борюсь за жизнь, ты бы никогда не захотела отравить мне хотя бы одну минуту этой жизни. А ведь в самые суровые, в самые тяжелые минуты я и во сне, и наяву был только с вами, только, Граня, с тобой. Только теперь, Граня, понял, как я тебя люблю. Как привязан к тебе.

29 марта [1942 года]

Ночь сменилась ужасным днем. С вечера противник начал обстрел района, нащупывая наш завод. Снаряды рвались все ближе. Будучи дежурным по цеху, выставил около зданий посты, проверил маскировку и под утро лег спать. Стрельба продолжалась.

В 6 часов 15 минут раздался ужасный взрыв¹. В конторе вылетели стекла, сорвало рамы, двери разлетелись в щепки. Я остался невредим. Взрывы, сотрясающие землю, повторились несколько раз. В направлении пятого завода поднялся столб огня и дыма. Распорядился о выводе людей и обошел цех и был поражен масштабами разрушений.

В 10 часов, получив разрешение на час сходить домой, я воочию увидел кошмарную картину, которой не мог даже вообразить. Всюду раненые и убитые, снег обгажен кровью, слышны стоны и отдаленные раз-

¹ Докладываю, что 29 марта 1942 г. на железнодорожных путях станции Ржевка произошло 3 взрыва исключительно большой силы — первый взрыв в 6:20, второй — в 6:30 и третий в 6:38. Взрывы произошли в стоящих на железнодорожных путях вагонах. На месте взрыва образовались воронки: первая глубиной 8–10 метров, длиной 50 метров, шириной 50 метров и вторая — глубиной 5–6 метров, длиной 120 метров и шириной 15–20 метров. В результате взрывов разрушено железнодорожное полотно. На заводе № 5 от действия взрывной волны частично разрушены корпуса №№ 143, 146 и 147 сушильного цеха. На Охтинском химкомбинате, фабрике «Пятилетка», заводе Воровского вырваны рамы и частично оконные переплеты. Значительные разрушения произведены в жилом секторе Ржевки и Пороховых. Совершенно разрушено — 50 жилых домов. Поврежденных, требующих капитального ремонта (выбиты простенки, сорваны кровли, расшатаны печи), — около 300 жилых домов. Поврежденных, требующих текущего ремонта, на сумму около 1,5–2 млн рублей. Общая сумма убытков от разрушений жилых домов около 8 млн рублей. Кроме того, от действия взрывной волны выбиты стекла в нескольких объектах и жилых домах Красногвардейского и Смольнинского районов. Обнаружено значительное количество пострадавших: легкораненых — 564 чел., тяжелораненых — 222 чел. Пострадавшим оказана помощь на месте и произведена их эвакуация в больницы. Точных сведений о количестве убитых нет. В очаге поражения работали силы и автотранспорт 21-го, 22-го и 26-го участков МПВО, 28-й ВГПК, пожарная команда завода № 5 и бойцы 4-го полка МПВО. Работы по оказанию помощи пострадавшим к 19:00 продолжались. На самой станции Ржевка работ не производилось, так как взрывы снарядов в железнодорожных вагонах продолжают. (Оперативная сводка Штаба пожарной службы МПВО Ленинграда о пожарах и загораниях с 9:00 29 марта по 9:00 30 марта 1942 года.)

рывы снарядов. От станции Ржевка остались одни угли и обломки железа. Стальные рельсы, вагонные колеса, части паровозов были разметаны взрывом в разные стороны. Отдельные детали улетели, ломая все на своем пути, на сотни метров.

До дома добрался благополучно. В своей квартире обнаружил ту же картину полнейшего разгрома. Рамы и двери сорваны, мебель отброшена от стен и перевернута, на полу груды битых стекол. От моего небогатого жилища остались одни побитые осколками стены да кучи мусора. Немилосердный мартовский ветерок, не встречая преград, вольно гулял по комнатам. Не час, а целый день был я вынужден потратить на латание дыр.

31 марта 1942 года

Стали появляться жертвы взрыва. Очень жаль Тамару Петрову, Фаину и Наумову. Они все погибли. Половина рабочих цеха ранены осколками стекла и обломками. Большинство осталось без крова. Два дня восстанавливаем цех, убираем стекла и обломки. Выявляем уцелевших работников. Завтра возобновим выпуск продукции.

Погода, как назло, кошмарная. Мороз 15 градусов. Вьюга, небывалый снежный буран. В комнаты веет снег, люди мерзнут, нечем залатать многочисленные дыры. <...>

Снабжение продуктами в этом месяце было исключительно хорошим. На карточки выдали все, что полагается по норме.

Мурманские рабочие прислали нам свой подарок — полторы тонны килек. Сегодня в цехе нам преподнесли их к обеду. Ели мы их вместо меда или чего-то такого, ранее не опробованного. Ну как их не благодарить и как не радоваться за дружескую помощь и братскую солидарность.

7 апреля 1942 года

Немцы беспрерывно обстреливают город. Возобновились бомбардировки. Больше всего достается нашему району. <...>

Погода скверная, совсем не весенняя и холодная. Хотя дыры в комнатах мне удалось заделать, остеклил даже одну раму, но холод невозможный; страшно раздеться и страшнее всего вставать.

В технологической фазе № 17 умерли рабочие Кузьмин и Иванов. Дойдя до цеха, они не нашли сил вернуться обратно домой. Смерть от голода тихая, бесшумная и, пожалуй, самая спокойная. Только как не хочется умирать этой смертью.

Спасибо Марусе. На этот раз она меня поддержала. Она мне дала четыре пачки папирос, овсяных лепешек и пять купонов на крупу.

На купоны я мог взять пять порций супа. Часть папирос не утерпел и скурил сам. Нервы все же нет-нет да и зашалают.

13 апреля 1942 года

Через каждые десять минут раздаются взрывы. Немцы обстреливают район Ржевки. Земля дрожит, дом, того и гляди, развалится. После взрыва 29-го числа нервы стали заметно пошаливать и ощущать подобные неприятности. Время позднее, но спать ложиться как-то неприятно. Неужели сегодня нам снова повторят тот фейерверк, который мы не успели еще выкинуть из головы? Все же будет легче спать. Чует сердце сегодня беду.

14 апреля 1942 года

К нам в квартиру ежедневно кто-то ходит днем и ворует все съестное. Пока мы на работе, он осматривает все комнаты и чувствует себя самым нахальным хозяином. Вчера повесил наружный замок, но и он не помог. Хотел бы узнать этого стервеца и спустить его с лестницы. Я, пожалуй, до него доберусь.

Обстрел длился всю ночь. Снаряды рвались на полигоне Ржевки, и у нас в рабочем поселке возник пожар, но я все же пролежал всю ночь в постели и в траншее не прятался. Не пострадал, значит, ночь прошла благополучно.

Подписка на заем в цеху проходит как никогда хорошо. За первый день подписки мы охватили весь наличный состав, и подписка достигла ста тысяч рублей. Это небывалый успех.

15 апреля 1942 года

Вора нашли. Вор оказался ненастоящий. Сын соседки по дому С-ой, лет четырнадцать. Он обворовывал не только нашу квартиру, но и свою, и побывал и в других местах.

18 апреля 1942 года

Впервые в этом году побывал в городе. Пользуясь услугами трамвая, съездил к Марусе, побывал у Фени и даже сходил в кино. Работают три кинотеатра.

Нет дня, чтобы противник не обстреливал город. Снаряды рвутся день и ночь. Очевидно, туго достается немцам.

Готовимся к противохимической обороне. Противогаз, также как ложка и котелок, всегда с собой. Химическая атака или обстрел химическими снарядами вполне возможная вещь. На такие пакости немцы горазды. Тем более, когда их бьют без пощады.

22 апреля 1942 года

Наварил щей из свежей крапивы. Сказать, что они вкусные, было бы неверно, но они вполне терпимы для желудка, и их можно есть. Если бы к ним хотя бы 50 граммов мяса (для запаха), они были бы лучше. <...>

Погода замечательная. Совсем лето. От снега не осталось и следа. Вчера пролетел настоящий «грибной» дождь и прогремел первый весенний гром. Я не помню на своем веку такой быстрой, смелой и долгожданной весны.

Сплошная канонада. Трудно понять, где наш, где вражеский обстрел. Город в напряженной лихорадке. Все чего-то ждут. Всем чудится, что в эти дни решается судьба Ленинграда и ленинградцев.

26 апреля 1942 года

Щи из крапивы оказались большим подспорьем в пище ленинградцев. Эти два дня я выкупал по 100 г печенки. Получились четыре тарелки великолепных щей. Крапива не успевает расти, ее ищут и вырывают с корнем. Благодаря крапиве вот уже целую пятидневку я ложусь спать сытым. Питание стало сравнительно выносимым и терпимым.

1 мая 1942 года

Сыт, пьян и нос в табаке. К празднику выдали по 0,5 л вина, 1,5 л пива, 0,5 кг сельдей, 100 г сыра и по 50 г табака. Это неопишуемая радость и действительно праздник.

3 мая 1942 года

Находясь 2 мая в цехе дежурным, я не расстроился, что потерял выходной день. Хоть грубой пищей, но был сыт. В моем распоряжении оказалось 3 литра спирта, и ночью я был пьян в стельку. Освободился сегодня в 9 часов утра и был под хмелем до поздней ночи. Вот какой я сокол, и на что я способен. (Верно, пьян был не я один.) Это мне оправдание. Не было ни одного трезвого, ни директора, ни начальника. Они же сами мне наливали.

Купил еще буханку хлеба. Отдал 350 руб. Это дешево. На рынке 1 кг стоит около 500–600 руб. Вес буханки 1 кг 400 г.

7 мая [1942 года]

Что за чертова весна? Холодина неимоверная. Вот уже четвертый день идет снег, вьюга, ветер, как в феврале, и, кроме того, восьмиградусный мороз. До сих пор приходится под пальто носить теплую фу-

файку. Хуже всего, что погода отнимает от нас даровую пищу — крапиву, которая была нашим большим подспорьем.

Цинга снова свирепствует. С зубов течет кровь, во рту лущится небо, тело покрывается кровавыми пятнами. Ноги подкашиваются, ломота во всех суставах такая, что нет никакого терпения. Врачи помочь не могут. Настой хвои не помогает.

Как ни печально, но я всерьез начал курить. Стало трудно держать нервы, и целыми ночами я не могу уснуть. <...>

13 мая [1942 года]

Сегодня взвесился на медицинских весах. Мой вес вместе с одеждой и ботинками оказался только 69 кг. А ведь мой чистый вес составлял когда-то 78 кг. За эту зиму я похудел на 13 килограммов. Это моих ожиданий все же не превзошло, так как и по настоящий день чувствую себя очень слабым.

15 мая 1942 года

Накануне Информбюро сообщало: «На фронте никаких существенных изменений не произошло». Сегодня из утренней сводки стало известно о крупных боях на Керченском полуострове. Радует, что наконец-то идут крупные бои, пожалуй, последние, которые в какие-нибудь два-три месяца решат судьбу войны и нас, ленинградцев.

18 мая [1942 года]

Во мне зародилась какая-то неистовая жажда жить. Готов работать без сна, готов разрыть горы, но только бы скорее победить.

Поддавшись общей агитации и на собственном желудке испытал голод, я с остервенением занялся огородничеством. Уже вскопал около половины большого участка земли. Надеюсь, труды окупятся и должное за работу я все же получу.

С питанием стало получше. В ход идут крапива, лопух, листья разных трав. Скоро должна появиться огородная зелень.

10 июня [1942 года]

Стал сейчас не человеком, а самым настоящим травоядным животным. В день съедаю такую массу травы, что если не корову, то, по крайней мере, овцу вполне хватит накормить.

Для того чтобы не расстроить желудок, режим питания я построил так: утром перед уходом на завод съедаю 250 г хлеба, обедаю без хлеба, вечером по дороге домой снова беру на ужин 250 г хлеба. Все свободные от работы минуты посвящаю поеданию травы.

Желудок пока что все безропотно принимает, и куда-то подевались проклятые поносы, которые так мучили меня весной. И все же чувствую себя пока очень слабым, колени сгибать тяжело.

19 июня [1942 года]

Покончил с огородом. Засадил девять грядок свеклой, турнепсом, морковью, луком, салатом и т. п. Пять грядок занял рассадой брюквы и капусты. Сначала дело не ладилось, но закончилось все отлично. В завкоме рассада паршивая и настолько тощая, что сажать ее не хотелось. Но не имей сто рублей, а имей сто друзей. Рабочая Гаврилова привезла мне сотни две брюквы и сотни полторы капусты такого качества, что не сыщешь ни у кого в нашем поселке.

Сделал большое дело — закончил посадку, но не меньшим будет все это богатство уберечь и сохранить. Могут вытаскать на щи и брюкву, и капусту. Виновников вряд ли найдешь. Хочу отгородить и обнести проволокой. От вора это не спасение, но, может, до некоторой степени поможет. Проволоку я уже нашел.

22 июня 1942 года

Минув год войны, а конца ей не видно. Тов. Сталин приказал разгромить врага в 1942 году. Охотно верю, приказ будет выполнен.

3 июля 1942 года

Наши войска оставили Севастополь. Немцы жмут на всех фронтах. Идут ожесточенные бои. Только за один день наши потеряли на курском направлении около 250 танков и более 15 000 убитыми и ранеными¹. Ждем штурм Ленинграда. Готовимся к встрече «гостей». Настроение ленинградцев все же бодрое. Продолжается эвакуация из города больных, детей и всех не работающих на оборону. Даже на Невском становится совсем пусто, и в любой день и час можно на ходу читать газету. Столкнуться уже не с кем.

18 июля 1942 года

За 500 рублей у нас в городе сейчас можно купить шикарную обстановку на всю квартиру. Получилось это в связи с массовой эвакуацией. Я купил за 20 рублей граммофон с десятью пластинками, хороший

¹ Автор дневника неверно цитирует вечернюю сводку Совинформбюро, в которой сообщалось: «В течение 3 июля на Курском направлении наши войска отражали крупные и ожесточенные танковые атаки немецко-фашистских войск. Противник несет огромные потери. За день боев уничтожено более 260 танков и свыше 15 000 немецких солдат и офицеров».

комод за 50 рублей. Шкаф за 100 рублей никто не берет (цена его в магазине 470 руб.). Кожаный диван — 100 руб. Деньги имеют большой вес.

С питанием стало легче. Я уже рву ботву турнепса, свеклы, щавель и лебеду. Варю борщ.

26 июля 1942 года

Уже больше недели днем и ночью идет дождь. Моя продукция «плачет» и окончательно раскисла. Каких только мер не принял, но от повышенной влажности избавиться не могу. Все, что изготовлено за месяц, фактически брак. Не знаю, что можно придумать и что можно еще предпринять, хорошо, что меня нельзя обвинить в нарушении технологического процесса. Увлажнение происходит уже после того, как все анализы и испытания покажут положительный результат. Положение угрожающее. С такой погодой, того и гляди, сядешь в лужу, а то и в тюрьму.

30 июля 1942 года

Как предполагал, так и случилось. Когда начальнику цеха С-ву «загнали ерша», да, видимо, «двухперого», он поспешил отыскать себе оправдание. Свалить всю вину ему, конечно же, легче всего и удобнее на меня. Он это и сделал. Узнав об этом, я поспешил его опередить и «ввиду отсутствия технического образования» попросил директора освободить меня от обязанностей начальника мастерской. Просьба моя удовлетворена. Меня назначили мастером. Что я потерял от этого? Мне, кажется, только выиграл. Я потерял один обеденный талон, зато буду получать на 300 рублей больше. Кроме того, работа намного легче, менее ответственная и через каждые два дня буду иметь выходной. Конечно, морально мне это неприятно, но это много лучше, чем быть козлом отпущения всех своих и даже чужих грехов.

19 августа 1942 года

С питанием у меня стало лучше. В городе много овощей, и я имею возможность покупать их по дешевке. Уже три раза ходил в лес за грибами. Вчера принес чуть ли не полное ведро. Грибы сейчас очень приятная вещь и очень в цене. В ход идут все подряд, кроме мухоморов. Поганок нет. Такого понятия не существует. Грибы собирают всюду: около дорог, под заборами, на пнях, грядках и даже в своем сарае на дровах. Все идет в ход, и все вкусно.

На моем огороде все растащили. Особенно жаль морковь. Стоит она столько же, как хлеб на черном рынке, 400–450 руб. за килограмм. Но все же кое-что досталось и мне. Огород мне дал не один ужин и завтрак.

1 января 1943 года

Отметил Новый год тем, что взял хлеб на 1-е и 2-е число и весь сразу съел — 750 г булки и 250 г хлеба. Это великолепно, но этого очень мало. Булка так хороша, так приятна, что ее можно съесть пять раз постольку. Неужели было время, когда я ее не хотел? Неужели настанет день, когда хлеба и булки я наемся вдоволь?

3 января 1943 года

Начался сбор средств на эскадрилью самолетов «Красногвардеец». Хотя с деньгами я и бедствую, как нищий (нет ни копейки за душой), я все же пожертвовал на это 900 рублей.

По бригаде средняя подписка составила 320 рублей. Придется что-нибудь продать, чтобы выплатить эту довольно чувствительную сумму.

5 января 1943 года

Завод встал. Нет селитры. Это тяжело пережить. Это кошмар. Ходить на завод, днями мерзнуть в неотопливаемых мастерских и ничего не выпускать. Ведь это почти то же, что и в прошлом году. Трудно предполагать, чем для меня кончится эта зима.

С питанием становится все хуже и хуже. Раньше в рационе, помимо карточек, было кое-что дополнительно, а сейчас нет совершенно ничего. Овощей нет совершенно. Выданные талоны пропадают.

6 января 1943 года

Всегда удивлялся и не верил, когда говорили, что деньги и денежные знаки можно подделывать нелегально. Оказывается, это вполне правдоподобная вещь. Петров и его жена, проживавшие этажом выше, над нашей квартирой, печатали банкноты (больше всего тридцатки) и карточки в нужном для себя количестве. Жили и не знали нужды. При обыске у него нашли шесть тысяч рублей.

19 января 1943 года

Настал и на нашей улице праздник. Я ничего не знал, ничего не слышал, но ночью спал очень дурно, снились жуткие сны, и восемь раз вставал с постели. Наконец в шестом часу утра встал, оделся и пошел на завод.

Проходя по Ржевке в 6 часов утра, я услышал о том, что наши войска прорвали блокаду Ленинграда и мы теперь уже на Большой земле. В магазине я убедился, что это так и есть. Люди ликууют, плачут, обни-

маются. Дело доходит чуть ли не до поцелуев. Точь-в-точь, как раньше было на Пасху.

Такого дня я в жизни еще не переживал. В столовой, цехе — всюду только и был об этом разговор. Никто не работал. К рассвету город украсился флагами, всюду играла музыка и до позднего вечера не могли излить полностью всего ликования и торжества. Настал и для нас праздник. Настал этот долгожданный день! Мы уже не в кольце. Мы уже на Большой земле! Операцией руководили: Ворошилов, Жуков, Говоров, Мерецков. Слава великим воинам! Слава боевым орлам! Ленинградцы их заслуги не забудут! Спасенный народ их отблагодарит сердечной теплотой. Слава героям! Слава седым орлам!

23 января 1943 года

Завод продолжает стоять. Нет топлива. Рабочие слоняются по цеху, мерзнут и ничего не делают. Мне работы хватает. Я назначен политруком роты 29-го рабочего батальона. Приходится усиленно заниматься самому и готовить бойцов. Сегодня полный день ходили на рекогносцировку участка обороны. Перемерзли все. Морозы лютые, до 25 градусов.

27 января [1943 года]

Бедствую с деньгами. Сегодня раздали листки с авансом. Мне не причитается ни копейки. Все вычли на самолет. С меня еще причитается более 500 рублей, что означает то, что мне предстоит сидеть без зарплаты два месяца. Приходится как-то крутиться. Нужда толкнула на поиск побочного заработка. У С-ой сегодня взял в починку патефон. Ремонт требуется канительный. Если получится хорошо исправить, я приобрету тогда неплохую новую специальность, которая может дать неплохой приработок. Нужда всему учит.

31 января 1943 года

Отремонтировал и продал граммофон. Купил его вместе с восемью пластинками неисправным за 20 рублей. На ремонт потратил один неполный вечер. Пришлось приобрести новые детали на 12 рублей. Значит, встал мне сам граммофон и восемь пластинок всего в 32 рубля. Продал его после ремонта и одну пластинку в придачу за 500 рублей. 468 рублей заработал за один вечер. Купил на 100 рублей разных запасных деталей. Буду брать в ремонт патефоны. Новая специальность более денежная, чем старая.

1 февраля 1943 года

Наконец-то завод начинает дышать. Завезли селитру, в некоторые заводские здания дали пар. В 8 [часов] вечера иду на работу. Говорят, что теперь все пойдет нормально.

Сегодня мне исполнилось 25 лет. Вот уже второй день рождения не могу ничем отметить и встречаю его голодный, как волк зимой.

Все ждали 1-го числа. Почему-то думали, что после прорыва блокады нам прибавят хлеба или продуктов, но ожидания оказались тщетны.

6 февраля 1943 года

Сегодня в город прибыл первый поезд. Он стоял на станции Ржевка примерно полчаса, весь украшенный елками, флагами и портретами. Корреспонденты бегали вокруг как сумасшедшие, занимали разные позиции, чтобы удачнее запечатлеть его на фотопленке. Публика со слезами на глазах рассматривала поезд, как теща долгожданного зятя.

22 февраля 1943 года

Прибавили хлеба всем группам населения по 100 г. Работающим на военных заводах рабочим и ИТР — по 200 г. Теперь я получаю по 700 г хлеба в день.

1 марта 1943 года

Удалось устроиться на март месяц на диетическое питание.

В конце февраля я боялся, что не смогу свести концы с концами и окончательно подорву здоровье. В довершение ко всем неприятностям я упал на грудь и повредил ребро. Теперь не могу повернуться или вздохнуть. Однако удалось выкрутиться. Андренко объявил к празднику выдачу по 0,5 водки. Я ее продал и таким образом добавил к пайку 1 кг и 800 г хлеба и 200 г крупы. За ремонт патефона с С. получил 180 рублей, с М-ва — 1 кг 200 г хлеба и 140 г крупы. Это позволило мне быть сытым.

Сегодня праздничный день. Заговорило радио и дали электрический свет. Теперь есть все условия для нормальной жизни.

15 марта 1943 года

Занялся заготовкой дров. Ломают дом № 8. Вместо купленного по ордеру одного кубометра я уже свез два и завтра намереваюсь продолжить.

30 мая 1943 года

Вновь копаю огород. Занял тот же участок. Ныне лопата в руках держится уже легче, чем в прошлом году. Сейчас я почти сыт. Каждый день варю себе по две кастрюльки каши. Самочувствие прекрасное.

Окончил посадку свеклы, турнепса, редьки и тому подобной дребедени. Засеял десять грядок. Ныне огород обработал на 15 дней раньше прошлогоднего. Хочу посеять еще морковки, капусты и начал копать новый участок. Ныне огородничество приняло такой размах, что копают все и всюду вплоть до целины. Если будет урожай, то вместе с осенью прекратится в Ленинграде всякий голод.

3 июня 1943 года

Сегодня началась подписка на заем. Я подписался на двухмесячный вклад, т. е. на 1500 рублей. В бригаде подписка прошла не блестяще, но я считаю, что неплохо. Меньше чем на трехнедельный заработок никто не подписался.

19 июня 1943 года

С огородами дело обстоит плохо. Ничего не растет. Капусту едят черви и мухи, турнепс, редиска и редька не всходят. Это настоящее бедствие. Никакие меры не помогают.

25 июня 1943 года

Наконец-то вырвал первенство у Богуславского, что называется, положил его на обе лопатки. Вот уже пятый день занимаю на доске показателей первое место среди всех мастеров цеха. Прыгнул далеко вперед, тягаться со мною сейчас уже соперников находится мало. В графе «выполнение суточного задания» стоит цифра 158%. Попробуй, Богуславский (у него только 124%), дотянись.

5 июля 1943 года

На огороде веду особенно тщательный и бережный уход. Погода стоит дождливая. Все прополото. Свекла и турнепс пикированы.

Дополнительный участок огорожен. Несколько раз произвел подкормку. Несмотря на такой уход, капуста и две гряды свеклы все же погибли. Свекла не взошла, капусту поел червь. Предпринятые усилия дают результат. Мой огород становится намного приличнее, чем у других. Все свободное время уходит на эту работу.

С питанием сейчас в городе обстоит намного лучше. На рынке много разных овощей, столовые работают несравнимо лучше. Я почти сыт. Помимо пайка получаю сейчас и по вредности 0,5 литра соевого мо-

лока, очень приятного, вкусного и сладкого молока. По качеству оно не хуже коровьего. Это очень благотворно действовало на настроения наших рабочих.

26 июля 1943 года

Вот уже третий день, как немцы без перерыва обстреливают город. Днем и ночью всюду рвутся снаряды. Чувствуется, что это уже просто хулиганское, истерическое мщение немцев за неудачи. На всех фронтах наши взяли инициативу в свои руки и перешли в наступление.

27 июля 1943 года

В конце рабочего дня начальник мастерской В-ов, как приземленный волк, вбежал в раздевалку и бешеным львом налетел на меня, обвиняя в приписках. Мы якобы приписали себе ровно тысячу штук при выработке в 2300 изделий. Это, конечно, ложь, но доказать это я был совершенно бессилён. Никакие сравнения с выработкой последующих фаз не давали мне оправдания. Я оказался в последних дураках.

Вечером меня вызывали в партком. Секретарь сказал, что они намерены назначить меня ответственным редактором заводской газеты. Он сказал, что ему известны мои литературные способности и поэтому он наметил мою кандидатуру как очень подходящую для такой работы.

Вечером в последних известиях сообщили о том, что на Ленинградском фронте севернее и восточнее станции Мга наши войска улучшили свои позиции.

1 ноября 1943 года

Ужасный черный день. В трамвае у меня вытащили бумажник. В нем были все карточки, все документы, вся моя жизнь. Что делать? Что придумать? Как прожить месяц? Как восстанавливать паспорт, военный билет, партийный билет, орденскую книжку и др. документы? Ничего подобного в моей жизни не случалось.

5 ноября 1943 года

Получил извещение от 5-го отделения милиции о местонахождении моих документов. Это облегчило груз на моем сердце. Хлопочу новые карточки взамен утерянным. Вот уже третьи сутки не смыкаю глаз. Работаю в ночь, а днем хлопочу о своем несчастье.

6 ноября 1943 года

После упорных хлопот и хождений сегодня получил карточки. Выдали не рабочую, а иждивенческую, но и этому невероятно рад. Возвратили мне и документы, к тому же без всяких штрафов.

17 января 1944 года

Веселая для нас пора настала. Что ни день, то новые приятные вести с фронтов. Настроение у всех только праздничное. <...>

Утром 14 января заколебалась под нами земля, воздух заполнился сплошным ревом тысяч артиллерийских орудий, сотни самолетов заслонили небо. И ленинградцы поняли: началось. Это говорили наши орудия, пошли в бой наши самолеты и наши танки. Мы, ленинградцы, как никто другой можем это оценить. Вся эта мощь несет нам долгожданную, выстраданную за два с половиной года свободу.

27 января 1944 года

Свершилось! Настал и на нашей улице праздник. То, на что мы надеялись, о чем мечтали, ради чего мы терпели голод и холод, теряли родных и близких, работали и сражались, наконец стало явью.

18 января вечером по радио объявили о прорыве вражеской обороны под Ленинградом и Новгородом.

19 января опубликован приказ товарища Сталина об освобождении нашими войсками Красного Села и Ропши. У врага отбиты города и поселки с такими родными названиями Петергоф и Стрельна. Сколько счастливых мирных воспоминаний связано с ними.

21 января занята Мга. Надо пережить блокаду, чтобы понять, что значит для ленинградца это коротенькое слово. Мга — это железнодорожная станция, через которую проходят пути, связывающие город со страной. И ее освобождение означает, что мы больше не осажденные. Сколько сил и жизней потрачено за эти тяжкие и трагические годы, чтобы выбить врага из этого места. И вот свершилось. Но борьба продолжается. Наши доблестные войска идут вперед.

24 января освобождены Пушкин и Павловск. Все дальше от стен города гонят захватчиков наши воины. Мы уже не слышим артиллерийской канонады, в городе не рвутся вражеские бомбы и снаряды. В городе наступила тишина. Мы от нее отвыкли. Странно и непривычно. От радости хочется плакать и плясать. Вчера наши заняли Гатчину.

18 часов 45 минут. Что за радость! Какой день! Город ликует. Вновь над городом гром орудий. 324 орудия 24 раза салютуют в честь нашей общей Победы. Город весь в разноцветных огнях: фейерверки, сиг-

нальные ракеты, разрывы пиротехнических зарядов озарили небо. Блокада снята! Какое нужно сердце, чтобы не заплакать! Какой день, какой праздник! Его мы никогда не забудем.

3 марта 1944 года

Последнее время бродили слухи о том, что Ленинград переводят на общесоюзное снабжение. Ленинградцы этого не желают.

Сегодня мы были поражены. На заводе начали выдавать дополнительный талон на питание. По нему в заводской столовой мы получили 200 г хлеба, маленькую порцию каши, 100 г мяса, 50 г масла, 0,5 литра настоящего молока и компот. Вот этого мы никак не ожидали. Ведь это же как вторая продуктовая карточка.

В. М. Капитонова¹

«Головой отвечаем за моральное состояние района»

«Собрали политсостав <...> Смотрела постановку “Русские люди” <...> Члены бюро обрушились на отдел <...> с критикой <...> Оказалось, можно стрелять и в очках <...> Письмо от сына <...> Вызывает меня на соревнование <...> Решили районным клубом сделать Дом культуры им. Капранова <...> Дни до 7 ноября были горячие <...> По предприятиям идут беседы о С. М. Кирове <...> Тяжело переношу обстрел <...> Придется сильно заниматься партпропагандой — наблюдается упадок <...> В Доме [культуры] можно ездить на лодках <...> Победа близится, и наступающий новый 1943 год должен ее принести <...> Хорошо бы организовать детский ансамбль, ансамбль трудящихся Московского района <...> Целый день на совещаниях <...> Все поздравляли друг друга с победой. <...> Митинги прошли на всех предприятиях <...> Получили приказ тов. Сталина за № 95. Совещание у Маханина “О пропагандистской работе” <...> Самым интересным было выступление А. А. Кузнецова... Была в 36-м ремесленном училище. Впечатление ужасное. Никакой дисциплины <...> Политическая безграмотность среди ряда работников привела к пораженческим взглядам <...> Вызывала руководящие кадры районо, райздравотдела, склада им. Бадаева — сколько безграмотности, что даже страшно становится <...> Была в школе (№ 20) у директора Я. М. Каменецкого <...> День особый, активу вручались медали “За оборону Ленинграда” <...> Совещание лекторской группы, где обсуждали тему “Моральный облик советской патриотки города Ленина” <...> Был большой перерыв. Ездил к сыну <...> С утра на заводе “Электросила”. Смотрела ежедневные “боевые сводки” по приказам Донбасса. <...> Лозунги хорошие: “Возродим родной Донбасс” <...> Знакомилась <...> по особой записи [с высказываниями] частных лиц, неустойчивых и антисоветски настроенных <...> Не забыть этого дня. Разогнулись во весь рост ленинградцы <...> Была на Карбюраторном заводе. <...> Кругом одни

¹ Вера Михайловна Капитонова (род. 1909) — заведующая отделом пропаганды и агитации Московского райкома ВКП(б) в 1942–1943 годах. Назначена постановлением бюро горкома партии от 29 мая 1942 года. (Ф. 4000. Оп. 11. Ед. хр. 41).

женщины. Прямо преклоняешься перед их работой, героизмом и стойкостью <...> Некоторые материалы антисоветских высказываний...»

11 сентября 1942 года

Сегодня день необычный. В 13 часов созвал нас с Эддой Исааковной Георгий Федорович и дал боевое задание. Причем, как было сказано, что головой отвечаем за моральное состояние района, потому что стоим накануне величайших событий борьбы за город. Жить или не жить городу, и в том числе нам, всем работающим и живущим в нем. Георгий Федорович, давая задания, смотрел на нас внимательно, и, видимо, одна мысль сверлила его: выдержат — не выдержат. <...>

Что мы могли ему сказать, кроме того, что мы же преданы (не сказали этого), и у каждый из нас была и есть такая мысль, а иначе и не может быть. Помереть не страшно, но надо всю свою жизнь использовать до конца, отдать ее защите Родины.

Сегодня же наметили план, что необходимо делать, чтобы усилить политическую работу, чтобы в трудный момент не было промахов, казусов.

Думаем при отделе создать политрезерв — преданных до конца, не трусливых, необходимо заняться сильно военизированными частями. Но ничего, вытянем.

Вечером поздно собрала отдел, рассказала, чем должны заниматься, — все исходя из указаний, данных товарищем Бадаевым¹ 9 сентября на совещании докладчиков.

Долго и отдельно разговаривала с Фоменко — думаю, поняла, что нужно ей сейчас делать по домохозяйствам.

12/IX [19]42 года

С утра разрешала вопрос о картинах: смотрела исполненную картину Серова «Здесь прошел враг» — художники Казанцев и Эрилитов прекрасно исполнили. Какое большое впечатление производит на проходящих. Без волнения ее нельзя смотреть. На этом художественные работы временно прекращаются. Но, наверное, ненадолго. Хочется еще сделать для района. Жаль, что нет пока хороших оригиналов.

Ровно в 12 [часов] собрали политсостав военизированных команд (очень интересно, что в пожарных частях налегают на историю партии — ведет ее старший инженер Быков). При беседе выяснилось,

¹ Бадаев Георгий Федорович (1909–1950) — член ВКП(б) с 1925 года, секретарь комитета ВКП(б) завода имени К. Маркса (Ленинград), 1-й секретарь Московского районного комитета ВКП(б) (Ленинград), 2-й секретарь Ленинградского областного комитета ВКП(б) 1946–1949 годов. Репрессирован по «Ленинградскому делу». Расстрелян в Ленинграде в 1950 году.

что помочь этим группам очень необходимо. Рады предложению РК о постояннодействующем семинаре по вторникам, внесли предложение, чтобы собирать агитаторов — учтем.

После совещания была на молочном заводе. Отобрала группу для политрезерва. Состав неплохой: т. Петров А. М. — начальник производства, кандидат ВКП(б), грамотный, настроение бодрое, т. Святого-ров — начальник пожарно-сторожевой охраны, чл[ен] ВКП(б), т. Тяглов — нач[альник] цеха, чл[ен] ВКП(б), и Павлова — будущий культпроп¹.

Вечером собирали политорганизаторов домохозяйств: о проведении собраний по теме «Текущий момент и задачи групп самозащиты».

14/IX [19]42 года

С утра пришлось разрабатывать план для докладчиков «Текущий момент и задачи групп самозащиты». Беседовала с инструкторами, как выступать с докладом.

В 2 часа уехала в отдел пропаганды горкома партии, где выступила с сообщениями, как оформили район. Были вопросы, но, что отрадно, что, учитывая опыт нашего района, решили оформить весь город с заранее разработанной тематикой. Недели через три город не узнаешь. <...>

15/IX [19]42 года

Была на партсобрании 2-го колбасного завода о военном обучении коммунистов. Чувствуется, что этот вопрос своевременно поставлен самими коммунистами, и главное, как сами коммунисты прекрасно понимают, что учиться необходимо, немедленно ни минуты. Хорошо выступили коммунисты Левин, Вольфсон. Особенно хорошо выступила коммунистка Моисеева. Она заявила: «Наши годы ни при чем, я мужу охотничьи патроны набивала и здесь могу. Дух могу поднять, чтобы дрались лучше, и всех женщин призываю».

Довыбрали состав партбюро. Вошли хорошие товарищи.

16/IX [19]42 года

Вечером состоялось собрание группы самозащиты. Выступила с докладом на тему «Текущий момент и задачи групп самозащиты» в домохозяйстве (Международный, 90). На собрании присутствовало 30 человек. Выступили в прениях: Никифорова — управхоз, Паленская — домохозяйка, которая критиковала тех, которые не выходят на дежурства. Также выступили: Орлова — коммунистка, которая заявила, что мы не должны уходить с дежурства до тех пор, пока не придет сме-

¹ Лицо, ведающее культурной и пропагандистской работой в организации, учреждении.

на, нельзя оставлять пост, бойцы на фронте не уходят, и мы тоже бойцы. Такие же собрания групп самозащиты были проведены во всех домохозяйствах. Прошли неплохо и должны дать свои результаты.

В 5 часов собирала политрезерв группы предприятий, присутствовало 17 человек. Рассказала о задачах политрезервов — их особенность в работе (изучение настроений и информировать РК ВКП(б)).

Задавали много вопросов:

- Почему на Ленинградском фронте не наступаем?
- Как понять высказывание У. Черчилля о русском фронте?
- Как отвечать рабочим на вопрос об открытии второго фронта?
- Искренняя ли дружба со стороны англичан и американцев?
- В чем причины неудач на юге? И другие.

Пожелания: чаще информировать о положении в стране и международном положении.

А после совещания убежал агитатор из райпищеторга, довольно взволнованный. Туда, где работают их рабочие (на Волковской), сейчас попало три снаряда, есть убитые и раненые. Рабочие заявляют, что больше сюда работать не пойдут. Что делать? Как агитировать? Рассказала, что работать нужно, и как лучше убедить рабочих в необходимости выхода на работу. <...>

17/IX [19]42 года

С утра совещание у Стремиллова «О включении предприятий в социалистическое соревнование в честь 25 годовщины Октября».

Интересный случай. Рыбкин — художник, считали коммунистом, оказался б/п, потерял билет, вообще темная личность. Не ясен, хитер, заявляет, я и без билета коммунист, хотите — стреляйте или сажайте. Почему эта фраза — неясно, нужно приглядеться. <...>

Вечером явились летчики из подшефной части. Много потерь. Жалко, хорошие ребята.

19/IX [19]42 года

С утра занималась картиной: затянулось ее вывешивание. <...> Картина сильная.

В 12 часов бюро райкома ВКП(б). Был интересный вопрос о хлебокомбинате. Много вскрылось хищений, оказывается, пока продукты идут от Ладоги до комбината, «дельцы» много зарабатывают, да и на самом комбинате много неурядиц. Нет учета продуктов. Много уходит на сторону. Необходимо заняться массово-политической работой на комбинате. Придется созывать агитаторов и беседовать с ними о конкретных делах на комбинате.

20/IX [19]42 года

<...> Вечером митинг на хлебозаводе — получили знамя ВЦСПС и Наркомпищепрома — хорошо выступила одна работница — каждое слово отчеканено — работницы переживали за ее выступление.

Митинг прошел неплохо, чувствовалось приподнятое праздничное настроение. Труженики завода стремятся завоевать почетное знамя Государственного Комитета Оборона и обязательно должны его завоевать.

21/IX [19]42 года

Совещание у Бадаева — о ходе подготовки к зиме. Вскрылось, что дома, принятые с оценкой «хорошо», а подчас даже «отлично», к зиме не готовы, полит. организаторы слабо контролируют работу управхозов. <...>

Вечером было совещание культпропов и секретарей редакций. Рассказала о предстоящих задачах массово-политической работы среди населения и рабочих.

Интересный разговор произошел с Семеновой (секретарь парт-организации химзавода). Когда я у нее спросила:

— Ваши товарищи будут на совещании в отделе?

На это она ответила:

— Я работаю всего лишь один месяц, и вы хотите, чтобы всюду были люди. Вы любите жар загребать чужими руками.

Прямо покорило от этой фразы, и это говорит секретарь партийной организации. Как обидно.

22/IX [19]42 года

С утра была на заводе им. Егорова, знакомилась с работой в цехах. <...> Беседы с рабочими (Бойков — орденносец, Костюченко, Кириллов, Семенова и др.) убедили еще раз, какой у нас народ золотой, только мало местные организации с ними работают, мало советуются, бесед на политические темы проводят мало.

В беседах с рабочими выяснилось, что у рабочих большой процент педикулеза (25–30%). В то же время есть душ, баня, неужели нельзя сделать. А приходит зима, а зимой будут кутаться, значит, еще больше разведут, нужно принять меры, нельзя проходить мимо фактов. А вечером была лекция т. Бродского на тему «Текущий момент и международное положение». Присутствовало 150–170 человек. Обычно бывает больше. Сейчас, видимо, на посещаемости сказывается ломка домов. <...> Георгий Федорович дал резкую оценку Ленинградскому фронту. Немцы будут наступать, и мы должны быть готовы.

А все-таки вот подумаешь, умирать зря не хочется, а умереть, если придется, с большей пользой.

Война есть война. Хочется дожить, посмотреть на радость людей, ощутить эту радость после войны, увидеть сына и возвращение мужа с войны и к семье — двойная радость.

Но это потом. А сейчас много нужно работать. Вот, кажется, мало что делаю, даже страшно становится: все-таки еще мало, мы должны больше и лучше делать.

23/IX [19]42 года

С утра занимались подготовкой вопроса к бюро РК ВКП(б) о практике политической агитации цеховых агитаторов — факты показывают крайне плохое состояние агитации, и что страшно, что руководители парторганизаций не понимают этого.

Вечером удалось перебраться на новую квартиру, ближе к работе. <...> Еще более буду уделять время работе. А это так необходимо. Ходьба домой отнимала массу драгоценного времени.

24/IX [19]42 года

Вызывала отстающих парторганизаторов домохозяйств. За плохую работу пришлось снять Горшкову (95-е домохозяйство). Мало бывает в домохозяйстве, авторитетом не пользуется. А какой у нее вид безобразный (грязная, разбитая, страшно смотреть на нее).

Вечером смотрела постановку «Русские люди». В целом хорошо сыграли. Хорош Глоба — запоминается надолго, из второразрядного персонажа по своей игре стал главным. Неплохо сыграны немцы, но противны до омерзения. Слаб Сафронов, хотелось видеть его сильнее, чем есть, у Вали много наигранности, мало реализма. А Шура дана очень легко. Запоминается жена врача — представитель настоящей русской интеллигенции, любящей свой народ. А как она красива и легка. Хорош майор Васин, писатель. В общем, пьеса нужная, необходимая, войдет в историю литературы, созданной К. Симоновым в такие дни, но созданной хорошо и ярко.

26 сентября [1942 года]

Особый день, на бюро райкома стоял вопрос о практике агитационной работы в цехах. Были вызваны секретари партийных организаций, культпропы. На опыте фабрики «Скороход» и завода им. Егорова мы можем показать недостатки работы цеховых агитаторов. Доклад делала Яровикова. После доклада разгорелись споры, что обидно, вместо того чтобы мобилизовать внимание секретарей парторганизаций на ликвидацию недостатков, члены бюро обрушились на отдел, и причем если бы знали настоящее положение вещей, а то желаемое принимают

за действительное. Особенно с яростной критикой выступал Колобашкин. Все же жаль, что с каждым днем в этом человеке разочаровываешься. Я считала его намного дальновиднее. Что это за заявление: «Такие решения я бы не принимал» <...> или «А в общем они неплохие».

Или огульное замечание Тихонова — оценка взята из предыдущих — набор фраз. А выступление Нилова — инструктора горкома ВКП(б) — хотел показать, чем нужно заниматься, делая неправильные выводы о работе агитаторов. Как жаль, что не было на бюро т. Бадаева — ведь он знает действительное положение вещей и к оценке может подойти объективно.

С каждым днем разочаровываешься в В. В. — хороший и чуткий он товарищ, но твердости в нем нет. Ведь знакомился с докладной запиской с предложениями. А на бюро занял нейтральную линию, отсюда и настроения секретарей партийных организаций. Но самое важное, что вечером Г. Ф. [Бадаев] одобрил мнение отдела и потребовал записать еще резче.

27/IX [19]42 года

Бюро приняло наше решение, так как прием в партию подтвердил мнение отдела, для членов бюро было очевидно это. Все-таки хорошо сделано со стенограммой. <...>

С Рыбкиным (художником) разрешили правильно, исключили из партии. Сколько в нем фарисейства, неискренности, вообще темный человек.

30/IX [19]42 года

Беседовала с Г. Ф. [Бадаевым] Присутствовала Ушполь. Начали с плана работы. Г. Ф. [Бадаев] много внес нового. Совсем упустили: в МПВО большинство молодежь, значит, ей нужны такие темы, которые помогали им быть более стойкими и твердыми, учить их на героике. И как мы забыли включить темы о героях и героинях Отечественной войны и о задачах комсомола. Вс[е-]так[и] он большой человек — потребовал внести в агитацию больше требовательности, больше организованности. Вот простой факт: бывает совещание, а многие не являются, а мы на второй день не спрашиваем, проходим мимо — нельзя опускать ни одного факта. На этом сейчас надо воспитывать. Очень интересовался политрезервом. Собрать нужно, организационно оформить, дать инструкции, требования к ним, организовать для них учебу. Нужно заниматься политсоставом МПВО, пожарных, постовой милиции, их готовить нужно политически. Беседа длилась четыре часа — интересная, много дала. Побольше инициативе в работе.

1-3 октября [1942 года]

Все дни занимались инструктированием докладчиков по текущему моменту.

Собирали культпропов — по решению бюро райкома по фабрике «Скорород» и заводу им. Егорова, а затем по плану работы.

3 октября [1942 года]

Была на молочном заводе с докладом о текущем моменте. Народ собрали хорошо. Но я собой недовольна: много говорила и все от спешки, реже и помедленнее надо говорить. Совестно за доклады. Я обессилила и устала, потому что два подряд доклада, но это непростительно для меня. Да и потом, ответы мои, чувствую, не удовлетворили. А рабочих собралось много. На двух собраниях человек 200–250. Готовится нужно сильнее.

А вечером в горкоме совещание у т. Маханова, подсказали начтет работы со служащими (их настроения) и по режиму экономии.

А вечером слушала доклад зав. отделом пропаганды ЦК ВКП(б) т. Иовчука¹, доклад хорош — ясность внес в отдельные вопросы. Вечером же в отделе политрезера с ними будем работать по субботам. <...>

9-11 октября [1942 года]

Была на военном сборе, многое дал, интересно, главное, внес уверенность в свои силы. Оказалось, можно стрелять и в очках. Чего я особенно сильно боялась. Как-никак отстреляла на удовлетворительно.

14 октября [1942 года]

Готовилась к семинару секретарей парторганизаций «О состоянии и задачах по агитации и пропаганде». Выступили двое, а затем я коротенько рассказала о решении бюро райкома по работе по массово-политическому воспитанию трудящихся. Семинар прошел хорошо. Не плохо бы выпускать боевые листки по тем вопросам, которые ставятся, и осуществить эту мысль необходимо.

Читала статью Горбатова «Алексей Куликов — боец». Сильная статья, настоящая жизнь. Алексей Куликов — настоящая русская натура. А сколько смешных сторон, как он первое время не мог точно выполнить приказ командира. Куликов докладывал: «Так точно, товарищ младший лейтенант, ваше приказание сполнил. Ходил к капитану на огород, докладывал, что пушка из пшеницы переехала в гречку». Долго не мог он привыкнуть к тому, что на войне пшеничный клин не клин

¹ Иовчук Михаил Трифионович (1908–1900), советский философ и партийный деятель.

вовсе, а «огневая позиция», а огород не огород, а «командный пункт комбата». А первый бой и чувство близости смерти, а затем радость от того, что из винтовки можно бить. Горькие дни отступления. Возможность жить спокойно, но не остался, ушел воевать, и как шло перерождение. Вступление в партию, и последний бой перед ранением, и возглас политрука «Коммунисты — вперед!». И, услышав этот клич, по привычке оглянулся. Вот сейчас, как всегда, подымутся Лозовой, Тихонов, Коваленко, Макаров, пойдут вперед, а он за ними. Но тут его словно обожгло. Ведь теперь он тоже коммунист. Вот и партийная книжечка. И тогда поднялся Куликов во весь рост и зычно крикнул, чтобы всем было слышно: «Партейные и беспартейные, за мной!» И первый бросился в огонь.

15 октября [1942 года]

Сегодня состоялся актив в Доме культуры Капранова «Об итогах подготовки домохозяйств к зиме». Народу собралось много, и какой народ. Впервые мы их собираем. Были дворники, трубочисты, водопроводчики. А в президиуме были управхозы, дворники. А как хорошо выступила дворник Дмитриева, лучший политорганизатор Герасимова. Всего присутствовало около 800 человек. А как хорошо слушали концерт ансамбля песни и пляски Ленфронта. Сколько жизни в танцах и песнях. Остались все довольны.

16/X [1942 года]

В училище им. Фрунзе общегородской вечер, посвященный 20-летию шефства комсомола над Военно-морским флотом. Хорошо организован, не чувствуется войны. А сколько красивых нарядных девушек, и как прекрасны они. Так и хочется моряком стать. Вот она сама жизнь — вы же за нее боретесь, и, как бы отзвуком на мои мысли, статья Ольги Берггольц в «Смене» о предсмертном письме командира Червонного жене Наталии. Сколько силы, ума и воли было в этом командире, когда он спокойно пишет, что скоро его не будет. Но он хотел жить и шел на смерть во имя жизни и счастья других, ведь ему было всего лишь 24 года. Он знает, что погибнет, и пишет: «Будь счастлива, не печалься, не горюй, вспоминай меня». А жил он со своей Наталией всего семь дней. Война призвала его, и он как сын Родины погиб, но погиб героем. Статья, имеющая огромное значение для воспитания молодежи, нужно подсказать комсомольцам, чтобы почитали.

16/X [1942 года]

Обсуждался вопрос на бюро райкома о практике работы политорганизаторов. Докладывала Фоменко. За ее доклад совестно, уж крепко

она безграмотна. Выступала не как политический руководитель, а как хозяйственник, и причем плохой. Присутствовали парторганизаторы, выступила Герасимова, чувствуется, что знает работу, немного бы подучиться, был бы неплохой партработник.

Читала статью Езерского в «Ленправде». «Петр Антонов уходит в партизанский отряд». Что это пародия на повесть Горбатого? Статья Езерского дана нехорошо. Надуманно, много фальши, жизни реальной нет.

20/X [1942 года]

Слушала инструктивный доклад Абрамова в центральном доме — скучен и неярк — речь идет о 25-й годовщине Октября — не сумел хорошо дать. Жаль потерянный вечер.

21/X [1942 года]

Письмо от сына — начал ходить в школу. Вызывает меня на соревнование и в договоре пишет «слушает обеих бабушек на отлично» — интересный пункт — переслала его Михаилу. Написала ответ.

Было совещание у Маханова «О подготовке к 25-й годовщине Октября». Придется много поработать.

22 октября [1942 года]

Собирала аппарат по плану подготовки к Октябрю. Распределили, кто за что отвечает. Хороший народ в отделе. Приятно работать, когда чувствуешь, что у работников есть желание работать.

Подготовила план проведения октябрьских торжеств — вынесем в субботу на бюро.

Вчера было интересное совещание в районе клубов и красных уголков. Решили районным клубом сделать Дом культуры им. Капранова — смотрели — работы много. <...> Должно обязательно получиться. О красных уголках говорила с политорганизаторами, ведь это такой народ, которые хотят делать только реальное, не любят заниматься кропотливой работой. А за это должны взяться — и сделают. Придется сильно контролировать.

23 октября [1942 года]

Была на стрельбище. Оказывается, могу стрелять — желание появляется. А то «слепая», и думала, не выйдет, а сейчас думаю, что выйдет.

24 октября [1942 года]

Бюро райкома обсудило интересный вопрос, поднятый отделом кадров, о воспитании молодых рабочих. Хорошо выступил с докладом

т. Колобашкин — вопрос перспективный. И как все-таки наши руководители на предприятиях недальнорки.

Наконец-то бюро взяло в оборот Грановича о бомбо- и газубежищах. Плохо занимается этим вопросом. Много у него барства. И откуда только берется?

План октября приняли — действовать сильнее надо нам, работы много. А я ведь люблю, когда работы много.

Вечером был инструктивный доклад т. Рабиновича об Октябре — народу присутствовало порядочно. Доклад хорош.

25 октября (воскресенье) [1942 года]

Занималась дровами — топить-то квартиру нужно, а то застынет водопровод. Теперь хорошо дрова есть — только бы распилить. И как я не люблю заниматься всеми домашними делами. Думается, сделала бы десять докладов, чем копать в хозяйстве.

26/X [1942 года]

Смотрела вечером оперетту — хорошо играют, но голоса у Кзендовского и Рутковского слабы. А «девушки» Вронской бесподобны. Настроение после вечера прекрасное. А вечером приехал Георгий Федорович, и как его все время не хватало в работе.

27/X [1942 года]

Боевой день. Осталось немного дней до праздника. С утра совещание у секретарей. Кто за что отвечает. Отделу придется поработать, чтобы не ударить в грязь лицом. Но ничего, вытянем, все берется с желанием. Работы много (торжественная часть и оформление помещения).

Совещание у т. Стремиллова о ходе работ в Доме культуры Капранова — все-таки движется медленно. Присутствовали директора.

Была на заводе Егорова — по наглядной агитации. Начинает разворачиваться Климова — только много говорит она. Не люблю таких людей.

Просматривали наглядную агитацию на складе им. Бадаева¹ — встретила с фактом нехорошего отношения директора к партийно-политической работе — не удалось поговорить с ним, его не было на складе, но что это за руководитель, который за то, что девушку приняли в партию, наложил выговор, якобы за то, что она ушла с работы раньше времени. Вот тебе и вступила в партию. Агитатор Шульгин, он же культ-

¹ Бадаев Алексей Егорович (1883–1951) — советский партийный и государственный деятель.

проп и нач. штаба МПВО, выступил на стыке смен, ему тоже выговор. Придется вызвать в райком.

Парторганизация, чувствуется, работает хорошо. Будет красный уголок.

25/X [1942 года]

С утра разрешала конфликт у т. Стремиллова с директором склада им. Бадаева (Аванесян) — сколько в нем формализма, неужели не поймет, о чем идет речь. А понять должен, иначе сломает голову.

Была на «Победе» № 1¹. Разговаривали с культпропом и агитаторами. Т[оварищу] Кондаковой (культпропу) нужно много помогать. Она хочет работать, но не знает, что делать. Это наша вина. Всего там работают два цеха. Можно много сделать и многое провести. Хорошее начинание насчет пятиминуток, всемерно надо популяризоваться.

Была лекция, вернее две, отличные. Для политорганизаторов и команд МПВО. Прошли хорошо, нужное мероприятие.

Смотрела мебель вместе с Максимовой в артели «Стахановец». Что поразило — сидит «директор», есть охрана, но ничего не делают. Мебель забрать в Дом культуры Капранова.

30 октября [1942 года]

Военная учеба — из ППШ стреляла неважно, поторопилась, видимо.

Вчера было совещание у Г. Ф. [Бадаева] о плане работ на ноябрь месяц. наших два вопроса, один на бюро о милиции и один семинар об идейно-политическом самообразовании кадров.

Весь день занималась подготовкой к торжественному заседанию (выступление пионеров, приветствие, оформление, билеты). Состоялось совещание культпропов о массово-политической работе в связи с празднованием 25-й годовщины Октября.

31 октября 1942 года

На бюро стоял вопрос о реализации постановления ЦК ВЛКСМ «О недостатках в пионерской работе». Выступила Ушполь — почему-то была неуверенна — много останавливалась, неясно почему. А в целом вопрос прошел хорошо. Важно, что те, кому положено, займутся этим вопросом. Особо комсомол, роно и совет.

Не ожидала такого выступления Тихонова — хорошо сказал, сквозила забота о детях. Что с ним произошло, не знаю?

¹ Имеется в виду обувная фабрика «Пролетарская победа» № 1.

Вечером — политрезерв. Об использовании художественной литературы в агитационной работе. У Винникова было мало дано из современности, нужно больше. Но важно, что народ заинтересовался, задали много вопросов. Придется заняться тем, что плохо посещают.

Ноябрь 1942 года

Дни до 7 ноября были горячие, во-первых, всему отделу пришлось работать над торжественным собранием. Сколько пришлось потратить времени на приветствия (тт. Сталину, Жданову, сталинградцам), вышли как будто неплохие. А на сцену много затрачено труда, молодец Ушполь. Сцена вышла хорошо. Торжественное собрание прошло хорошо. Много присутствовали народу (1500 тыс.) Оформлено тоже неплохо.

Доклад т. Бадаев сделал тоже неплохо.

А на ребят жалко было смотреть (пионеры). Сразу вспоминались прошлые дни. Разве так бы отмечали четверть века существования советской власти?

А затем был концерт. Выступила 42-я армия. Молодцы! Особенно хорош скетч (Ситкин) и пляска Рыжего с Наташей. Весь зал смеялся, давно такого смеха не было слышно. Люди на время забыли о войне и жили вместе с актерами, и в этом был хорош концерт. Поэтому после такого смеха как бледно показался концерт Музкомедии! Вечером был ужин довольно хорошо организован.

Какой некультурный генерал М. Жалко, что на командных постах в армии такие люди. Мне кажется, что он по общему развитию недалек.

А 5 ноября был наш вечер аппарата райкома. Прошел хорошо. Все вели себя непринужденно, делал каждый что хотел. Было очень весело. Редко, но метко. И это необходимо. Зарядка или разрядка в работе нужна.

После праздника

8-10 [ноября 1942 года]— подготовка вопроса к бюро райкома о милиции в связи с организацией проработки доклада т. Сталина.

9/XI [1942 года]

Совещание в горкоме о плане мероприятий по реализации доклада т. Сталина. Днем провели аппарат отдела о плане на ноябрь месяц. Беседа с Фомиченко о ее работе. Но что мне с ней делать? Ошиблись, взяв в отдел: малокультурна и безграмотна к тому же. Не знаю, поймет или нет? Предупредила, чтобы больше работала над собой. Не знаю, что получится, а то придется снять.

11 ноября [1942 года]

Была в 33-м отделении милиции. Скука, пахнет казенщиной — все втискивается в рамки служебного устава. А доклад т. Сталина не читали. Как же так?

Неужели не доходит до руководителей, что необходимо делать. А ведь когда выслушала доклад т. Сталина, то сразу появилось желание работать еще больше, как будто вырастают крылья. Сколько бодрости в нем, уверенности, ничего так не хочется, как только увидеть радость окружающих в период Победы. А ведь этот день обязательно придет. Ради этого дня хочется работать еще больше. И тогда думаешь, а что полезного приношу. Делаю, делаю, а все не видно, неощутительно как-то. Думается, пошел бы на завод, да реальное производил бы.

Доклад произвел большое впечатление, а как за границей ждали. Ведь каждое его слово ловят все — и друзья, и враги.

12 ноября [1942 года]

События в Африке, высадка американских войск в Марокко — это преддверие больших событий в Европе. Скоро должны развернуться наши союзники, да и пора им.

Сильное впечатление произвела статья И. Эренбурга «Свет в блиндаже»¹, особенно заключительные слова:

«Прекрасно будет первое утро после победы. Мы узнаем, что мать спокойно спала. Письмоносец снова станет деталью жизни. Жена обнимет героя. Замолкнут сирены. Вечером вспыхнут яркие фонари и на улице Горького, и на Невском. Наш флаг взвьется над многострадальным Киевом. Может быть, в тот день будет идти дождь или падать снег, но мы увидим солнце и синее небо. Россия, первая остановившая немцев, с высоко поднятой головой, сильная, но мирная, гордая, но не спесивая, снимет с плеча винтовку и скажет: “Теперь — жить”».

Вечером собрала культпропов по разъяснению доклада тов. Сталина и готовили с Козловой и Петровой предложения и докладную «О партийно-политической работе в органах милиции». Боюсь за Петрову, как-то она выступит на бюро? А все-таки у нее нет хватки к партийной работе. Преподавательство наложило свой отпечаток.

14 ноября [1942 года]

Сегодня состоялось бюро райкома. Стоял вопрос о партийно-политической работе в органах милиции. Докладывала Петрова — как

¹ «Красная звезда», 10 ноября 1942 года.

она, бедняжка, волновалась, поэтому много оговорок. Вопрос прошел плохо. Придется снова перерабатывать предложения.

16 ноября [1942 года]

Опять неудачное бюро райкома. Об обслуживании трудящихся. Докладывал Романов. Какое убожество, а еще хуже выступление Хитровой, и что это значит: «Мастерские плохо работают потому, что доклад т. Сталина не читали, что это попытка критикнуть отдел или непонимание постановки вопроса?»

17 ноября [1942 года]

Историческое совещание аппарата райкома — досталось нам крепко. И правильно: в последнее время вопросы готовим плохо (поверхностно, неглубоко). Замечания. Совершенно правильно. Наши задачи: красные уголки в домохозяйствах и на предприятиях.

Инструктивный доклад: «Как разъяснить доклад т. Сталина» — выступала. Присутствовало 40 человек. Вечером собирала аппарат отдела по предстоящим задачам. Ответственная за уголки в домах — Фоменко, за организацию семинаров агитаторов — Яровикова, за докладчиков — Ушполь, за рабочие собрания — Яровинова, за семинар — Ушполь — работы много.

Была на пленуме райкома ВЛКСМ — стоял вопрос о бытовом обслуживании. Прошел хорошо, выступал Колобашкин. Начинаю его по-маленьку узнавать, к нему [начинает] возвращаться опять комсомольский задор. А какая молодежь замечательная!

18/XI [1942 года]

С утра политорганизаторы — говорили о красных уголках.

Семинар секретарей о трудовой и государственной дисциплине — прошел хорошо, но правильно критиковали, что мы в райкоме не обобщаем опыт, и получается, докладчики сами по себе, а обобщающий тоже сам по себе.

19 ноября [1942 года]

1) Лекция Белановского о США. Прочитал хорошо — знает прекрасно материалы, присутствовало 70 человек. Лекции нужно проводить обязательно.

2) Занималась вечером домом культуры. Беседовала со Стремимовым, Кисляк, Тукевич.

Т[оварищ] Бадаев — выносить будем на бюро райкома. Должен быть хорошим дом — только нужно приложить силы и энергию, чтобы сделать его по форме довоенного периода, по содержанию военного.

21 ноября [1942 года]

Стоял вопрос о ДК им. Капранова, прошел хорошо, а как бы было хорошо, если бы восстановить к 5 декабря. Технически нельзя, а по-коммунистически должно выйти обязательно.

23 ноября [1942 года]

С утра была по красным уголкам, есть хорошие. У Герасимовой уютно обставлен, а как хорошо отзываются о ней жильцы: «Она у нас строгая и требовательная, идем к ней со всеми вопросами». Плохи уголки у т. Виноградовой, Гудошниковой.

25 ноября [1942 года]

Семинар секретарей, доклад «Об идейно-политическом самообразовании кадров». Сама не удовлетворена, как ставила — уж очень много индифферентного настроения к этому вопросу. Неужели в наше время можно проходить мимо важнейших событий. Разительный пример Федоровой с исполкома. Какая безграмотность. Не знать, что за события происходят в Северной Африке, значение Сталинграда и др. вопросы. А сколько апломба, что много знает. Обидно как-то за партийного работника. Неужели не поймет после беседы. Если пойдет впрок, то дай боже.

26 ноября [1942 года]

Целый день занят заседаниями. С утра пленум райкома — «Об экономном использовании материалов, топлива и электроэнергии». Комедия, а не пленум. Присутствуют всего 10–12 человек из 50, но горком настаивает. Затем актив по этому же вопросу прошел хорошо. Доклад делал Г. Ф. [Бадаев] Доклад хорош, но критики все же мало, а вообще он всегда выступал резко. Неважно выступил Максимов (хлебозавод). Лепетал, лепетал, а осталось неясно, что же он хотел сказать.

27 ноября [1942 года]

Была в красных уголках. Хороши уголки у политорганизаторов Филипповой, Кожяевой, Кастениной, Зубковой, Панаевой — прибавили много. Теперь нужно будет проверить, что делается там вечером.

Вечером партсобрание райкома партии, выступила с докладом о том, как коммунисты занимаются политическим самообразованием.

28 ноября [1942 года]

Совещания агитаторов по С. М. Кирову, присутствовало 80 человек. С докладом выступил т. Стремилев — все же нет у него остроты, много лирики. Разве можно было пройти в докладе мимо фактов борьбы

С. М. Кирова с врагами народа, с троцкистами, бухаринцами — агентами фашизма, мимо обстановки, в которой мы живем, боремся, работаем. Мы ведь выступаем с докладами [не]ради самого доклада, а ради мобилизации внимания на предстоящих задачах.

С утра бюро райкома по вопросу «О партийно-политической работе в железнодорожных организациях» и утверждение плана работы.

2 декабря [1942 года]

Вчера и сегодня по предприятиях идут беседы о С. М. Кирове. Эти дни всегда тяжелы для меня. Не могу забыть 1 декабря 1934 года. Несостоявшейся актив, где должен выступать С. М. Киров «Об обмене карточек», и весть по городу об убийстве.

Тяжелые дни для партии, для страны. Поэтому, когда отмечают этот день, становится грустно и больно за то, что не сохранили его. Какой трибун действительно пламенный — его речь буквально захватывала всех. Она проникала в души слушателей, звала и вела их за собой. Вот у кого мы должны учиться. Агитаторы обязаны постоянно изучать его доклады, речи и выступления, то, что мы очень редко используем, а это нужно, обязательно нужно.

Была на «Победе» № 2¹. Плохо работает парторганизация, в частности, ее культпроп т. Стучевская. Вчера состоялось собрание. В 3 часа дня приостановили машины, прекратили работу и начали собрание. Из фабричных руководителей никто не выступил, обязательства были приняты со скрипом.

Беседовала с культпропом (о работе агитаторов, как организовать красные уголки и газеты). Не знаю, наверное, не поймет.

А вечером семинар секретарей. Выступал Г. Ф. [Бадаев] «О международном положении» — почему так неуверенно, однобоко, дал оценку общественным деятелям, наступлению Красной армии на Сталинградском и Центральном фронтах. А почему не показал положение на других фронтах? Неужели он думает, слушатели хорошо знают этот вопрос, — не ясно. Сегодня выступил хуже, чем всегда. Почему не знаю, он так тщательно готовился к выступлению всегда.

Вчера, 1 декабря, состоялось собрание пожарных частей. В лекционном зале было страшно холодно. Выступал Колобашкин. Хорошо выступил, с большим подъемом был выслушан доклад.

Вчера была беседа с Г. Ф. [Бадаевым] о его докладе, неприятно было говорить, но пришлось. Он, я чувствую, недоволен. Но лучше правда, чем лицемерие. Он со мной не согласен. Но это его дело.

¹ Обувная фабрика «Пролетарская победа» № 1.

3–4 декабря [1942 года]

Беседа с Фомиченко. О руководстве политорганизаторами и их распределении (равномерном) по всем домохозяйствам и о подготовке вопроса к бюро. Девушка старается. А это важно, работа может пойти.

Занималась текущими делами (подготовка к семинару) и Домом культуры. Предстоит много работы (штат, оформление). Главное, оформить. Оформить хорошо.

5/XII [1942 года]

Бюро райкома о работе законсервированных предприятий — выяснилось отсутствие всякой работы, да и мы по линии отдела мало контролировали и помогали.

«Интересное» выступление Большакова — это демагог высшей марки. Ничего не делает и все хочет свалить на райком и штаб МПВО. Хочется с ним поближе познакомиться, выхоленный, ничего не делает и делать не хочет.

7/XII [1942 года]

Совещание у Маханова о плане работы отдела на декабрь. Интересно, что основное внимание культурно-просветительным мероприятиям (клубы, красные уголки, окна ТАСС, газеты, читальни, радиовещание на предприятиях). Опять придется заниматься соревнованием на лучшую эксплуатацию дома и совещанием агитаторов, чтобы определить задачи на зимний период.

Информация т. Маханова об итогах совещания в Москве. Выступление Александрова: недочеты (ошибки) пропагандистской работы.

1) Пропаганда превосходства ресурсов наших союзников, без мобилизации внимания на использование этих возможностей (надейся на кого-то).

2) Германскую армию пропагандировали как разлагающуюся.

3) Пропаганда превосходства западной культуры (профашистская пропаганда).

Была на фабрике «Скорород». О красных уголках (нет в цехах).

Настроение у культпропа Шахматовой такое: хозяйственный ничего не делает, чтобы отеплить, а мы стоим в стороне. Нет агитпункта до сих пор, и никто не заботится.

Плохо выглядят рабочие. При мне была беседа Слепцовской с работницей. Столько у Слеповской безразличия, что один и тот же вопрос задает несколько раз.

Да, забыла записать: т. Маханов рассказал, что перед отъездом в Москву¹ тезисы просматривал А. А. Жданов, который внес три поправки. Вот они:

Тезис: Содержание массово-политической работы было в центре внимания парторганизаций, т. к. приходилось мобилизовать большинство населения на разрешение стоящих задач.

Т[оварищ] Жданов: Вопросы партийно-массовой работы вытекали из интересов фронта — живо откликались на эти вопросы.

Тезис: С начала Отечественной войны ленинградская партийная организация воспитывала чувство ненависти.

А. А. Жданов: Неверно. Долгие недели царило благодушие, отсутствовала ненависть, и преодолевали его длительно. Длительный процесс воспитания. Задача — дальше разжигать эту ненависть.

Тезис: В зимних условиях радио не всегда работало, редко выходили газеты, но все же в этих условиях информирование население не прерывалось.

А. А. Жданов: Неверно. Тяжелое положение в Ленинграде отразилось и на агитационной работе, появилось у пропагандистов настроение «нечего проводить агитацию (моральная дистрофия была и у пропагандистов)». «Не кажитесь лучше, чем были на самом деле».

Хорошие замечания. Сколько в них правды. Ничего не приукрашивают.

8/XII [1942 года]

Совещание культпропов. О практике политической работы в цехе. Отчитывался завод «Карбюратор» т. Берковский. Новое: беседа по бригадам, но все равно всех не охватывают. Открыли красные уголки. Требуют кустовые совещания агитаторов, культпропов, а то далеко ходить.

Завод «Салолин» (Иванова) — хорошо организована самодеятельность. Своя любительская труппа, ставят «Русские люди» — говорят, хорошо.

Стучевская — «Победа» № 2 — ничего не могла рассказать. Что с ней делать? Не знаю.

9 и 10 декабря [1942 года]

Занимались текущими вопросами. Подготовка вопроса к бюро райкома о многотиражках. В январе нужно будет поставить отчеты двух газет — «На защиту Отечества» и «Все для Победы» и подготовить семинар.

¹ В ноябре 1942 года в Москве в ЦК ВКП(б) прошло совещание по пропаганде и агитации.

10-го была лекция о международном положении. Читал Локтик, которого случайно встретила и вспомнила, что мы вместе с ним работали в комсомоле при Штыкове¹. А сейчас Штыков — секретарь обкома ВКП(б) и генерал-майор. Честный и преданный товарищ. Рада за него, что он на большой работе.

Была в центральном доме партактива. Знакомилась со стенограммами т. Мануильского, бюллетенями Коминтерна и тезисами ЦК о текущем и международном положении. Обрато пришлось идти пешком. Попала под обстрел у Смоленской, никогда так близко не рвались снаряды. Зато нервы, не знаю, что с ними делать. Тяжело переносу обстрел. Нервы, нервы — нужно опять взять себя в руки. Да, придется взять свои нервы и не думать об этом. Сегодня получила письмо из дома, от сына. Мальчик учится, но нет сапог-валенки. Нужно что-то придумать и сделать. А мама какая смешная — уже забыла о Ленинграде. А какая грусть о Михаиле, что с ним, ничего не слышно о нем. И скоро ли я его увижу. Да и увижу ли?

11 декабря [1942 года]

Беседовала с Яровиновой о подготовке широкого актива агитаторов, числа 25–28-го, должны обязательно провести это совещание. Что-то она крутит, никак не могу я с ней разговаривать. Другой раз думаешь, что может хорошо работать, а другой раз просто по настроению работает. В общем, девушка с характером.

Вечером занималась Домом культуры. Опять встают вопросы оформления (внутренние). Опять художники, а к ним питание, деньги и материалы.

Так и не удалось съездить в Центральный дом на лекцию т. Никитина о партизанском движении в Ленинградской области. Весь день занималась текущими вопросами. (Подготовка материалов к отчету о работе некоторых политорганизаторов). Придется сильно заниматься партпропагандой — наблюдается упадок. Значит, после семинара не прилив, а отлив. Смешно.

Перечитывала вечером «Фронт» Корнейчука. Какое замечательное произведение. Горловы отживают, и в этом будет победа Красной армии.

Был Михаил — не скоро его увижу, да и увижу ли? Перебрасывают на новый участок. Вот когда остро почувствовала свою привязанность к нему. Сын нас крепко связывает.

¹ Штыков Терентий Фомич (1907–1964) — 2-й секретарь Ленинградского областного комитета ВКП(б) (1938–1945), член Военного совета Ленинградского фронта (1941), член Военного совета Волховского фронта (1943–1944).

12 декабря [1942 года]

Занималась Домом культуры. <...>

Было бюро РК ВКП(б) — ставил орготдел: «О культурно-бытовом обслуживании на предприятиях Трампарк им. Коняшина и Молочный завод». Вагонов работает секретарем партийной организации пять лет, но, видимо, толк из него не получится. Но все же его оставили партийным секретарем. Неужели не выправится? Выступила Кудрявцева — какая неумная — нельзя же копировать Г. Ф. [Бадаева]. Разве можно так выступать, из молодых, да ранних. А вечером была беседа с Вас. Вас. — хорошая беседа о прошлом — иногда приятно вспомнить. Все-таки как человек он прекрасен и чуток. Хорош со всеми его недостатками. Душевный человек.

14 декабря [1942 года]

Занималась художественной самодеятельностью в Доме культуры. Интересно, предприятия сопротивляются этому мероприятию. И кто — Краснов, Морозова, Кузнецова — придется разъяснить. Боятся, что заберем. А нам нужно создать ансамбль песни и пляски Московского района. Обязательно нужно создать. Ходила по красным уголкам. Ряд производит хорошее впечатление.

15-16 декабря 1942 года

Занималась:

1) Подготовкой вопроса к бюро райкома о красных уголках. (Была у Стешевой, Павловой, Танеевой, Удальцовой.) Лучше всего по оборудованию у Т. Танаевой, но придется ею заняться, так как мало, очень мало получает зарплату (100 руб.), едва хватает, все продает. <...>

Была в Центральном доме, знакомилась со стенограммой Мануильского, тезисами ЦК, библиотекой Коминтерна.

Попала под обстрел у Смоленской, неприятное чувство. Неужели нельзя равнодушно относиться к обстрелу. Хочу себя заставить.

С дома (Мойка, 69) шла пешком. Все-таки еще плохо, очень плохо работают трамваи.

В среду был семинар на тему «О руководстве печатью парторганизаций предприятий». Была небольшая выставочка, выпустили районный бюллетень. Особенно хорошие газеты склада им. Бадаева (карикатурные). Неплохо выступил Куренков (завод Егорова), Журавлев (склады Бадаева) и Гинзбург (газета «Клич Родины» — «Электросила»), заключил В. В. Осталась довольна его выступлением. <...>

17/XII [1942 года]

Закончили [готовить к обсуждению] вопрос на бюро «О красных уголках». Не знаю, как пройдет. Каждый раз приходится волноваться, когда ставим на бюро.

Спешка с Домом культуры (неизвестно, что откроем в воскресенье). Еще много работы. Задержка с художественными работами. (Не дали питание, они и ушли.) Дров до сих пор нет.

Беседовали с парторганизациями, была на докладе т. Крымовой. <...> Не подготовлена совсем. Много оговорок. <...> Не сказала ничего о задачах, а [неразборчиво] нужно говорить и мобилизовать народ.

18/XII [1942 года]

Было собрание служащих — собралось человек 170 (по информации т. Ушполь). Сама не была, готовила материал к общегородскому совещанию политорганизаторов. Собирается выступить Г. Ф. [Бадаев].

Собрание слушателей прошло хорошо, довольно интересно выступал В. Антонович. Он интересно строил доклад — как-то своеобразно.

19/XII [1942 года]

Общегородское совещание политорганизаторов состоялось в филармонии. Был страшный холод. Выступили два секретаря райкомов Кузьменко (Смольнинский) [и] Харитонов (Приморский) и трое политорганизаторов. Хорошо выступил П. С. Попков. Как-то просто побеседовал.

Очень рада, что отложили открытие Дома культуры до субботы.

21 декабря [1942 года]

Сегодня стоял вопрос о работе политорганизаторов в красных уголках на бюро РК ВКП(б). Выступали:

Виноградова. Так волновалась, что заявила, что «Евгений Онегин — писатель». «Отцы и дети» — ничего не могла рассказать.

Хорошо выступила т. Филиппова — сразу видно, что была в комсомоле и умело рассказала о начале разворота работы политорганизаторов в красных уголках. Неплохо у нее — приходят вечером женщины, вяжут, шьют, играет патефон.

Также выступила Царева — старательно работает, но партизанит много (выгнала представителя НКВД и т. д.).

В [заключении] я сказала пару слов. И как будто вопрос прошел неплохо. А как волновались, и я, и инструктор Фомиченко. Начала работать неплохо. Она выводы делает из наших разговоров. Немножко бы ей подружиться, и дело у нее пойдет.

22 декабря [1942 года]

Настроение жуткое. С Домом культуры плохо, и, главное, сердится Г. Ф. [Бадаев], когда говоришь, что плохо, а я не могу скрывать. В Доме можно ездить на лодках — жаль все пропадет. Потолки через некоторое время провалятся. Печи дымят, электричество временно выключили. И главное, Кисляк за каждой мелочью идет к секретарям.

Состоялось первое занятие инструкторов РК ВКП(б) на тему «Международное положение на современном этапе». Но было неактивно. Одни считали, что они переросли (Федоров, Славнова), а другие молчали, так как были неподготовлены (Потапова, Фомиченко и др.). Но что отрадно, все убедились, что заниматься необходимо, и выбрали тему «Гитлеровский блок сегодня».

Не пошла смотреть «Фронт» — не было настроения. Весь вечер готовилась к докладу «О текущем моменте». Пригодится выступить у комсомольцев.

23 декабря [1942 года]

С утра занималась текущими вопросами:

а) беседовала с Богдановой (политорганизатор) склада Бадаева. На нее подано заявление директора Аванесяна — в общем, склочный мужик;

б) вызывала Резникову, чтобы послать на оборонные работы. Разобрать заявление;

в) беседовала с группой новых парторганизаторов (т. Соловьеву «Холодильник» и т. Пыканову — завод «Союз»). Хорошие девушки, их можно рекомендовать.

Вызывала т. Ваганову (деревообрабатывающий завод) — не хочет работать политорганизатором. Слабо работает т. Дублянская («Электросила») — пришлось договариваться, чтобы ее освободили от работы библиотекарем и переключили на другие задания.

25 декабря [1942 года]

Была на комсомольском собрании пожарных команд. Выступала с докладом о текущем моменте и задачах молодежи. Много было интересных выступлений. Присутствовало человек 70–80.

Вечером готовила докладную о политорганизаторе Богдановой (на заявление Аванесяна).

Вечером был неприятный разговор с Г. Ф. [Бадаевым] об открытии Дома культуры им. Капранова. Опять не открываем. Поставил ультиматум: или открываем 26-го, или он не будет на открытии. Но его открывать нельзя, так как не готово центральное отопление и в хозяйственном

отношении он не готов. Это первый такой разговор с т. Бадаевым, и это первое дело, которое не вышло. Неприятно и тяжело.

В предпраздничные дни перед Новым годом занималась Домом культуры. Особенно досталось Яровиковой. Ей, бедняжке, нужно было вести переговоры с артистами. Ведь три раза откладывали.

В эти дни состоялось (28 декабря) общегородское совещание лекторов. О задачах лекционной работы. Выступал т. Маханов. Материал у него был интересный, но преподнес он [его] неудачно. Растянул и язык неважный, какие-то штампованные слова. Но недочеты вскрыты большие, которые [мы] должны учитывать в своей лекционной и пропагандистской работе.

1) Международники мало, а то и совсем не говорят о задачах тыла.

2) Мало лекций по историко-партийным вопросам, о героизме Красной армии.

Лекторы, сами не замечая, подчас протаскивают профашистские взгляды. Больше цитируют высказывания врагов, а не основоположников марксизма и наших государственных деятелей. Все это результаты того, что лекторы и докладчики мало работают над собой.

На совещании выступил т. Бадаев — как я переживала, но он молодец, хорошо выступил. Остро и тактично.

31 [декабря 1942 года]

В Доме культуры холодно. Были с утра. Даже страшно за вечер.

Состоялся аппарат РК ВКП(б). Г. Ф. [Бадаев] ...Подвел наши итоги работы за год и, главное, дал положительную оценку работы за год отделов райкома, его инструкторов и похвалил моих работников: Фоменко, Яровикову, Ушполь и Катюшу Томилину. Молодцы девушки, хорошо поработали.

А вечером не было никакого торжества, состоялся просто концерт в Доме культуры им. Капранова и рано разошлись встречать Новый год.

Новый год идет, оглядываясь назад, видишь, что 1942 год был тяжелым, но в то же время радостным. Наступление Красной армии воодушевило всех. Победа близится, и наступающий новый, 1943 год должен ее принести. Но эта победа не придет сама. Она завоевывается в тяжелом труде и бою.

Но сил и энергии много, работать придется без устали. А задачи встают гигантские. Найти свое место в 1943 году. Главное, дать все, что в силах, чтобы вложить толику своего труда в гигантское шествие вперед к победе. С Новым годом!

2 января 1943 г [ода]

Что-то мне новый год не принес «счастья». Сегодня сообщили, что Михаил сильно ранен. Была у него, но не попала, да и не хотела попасть, потому что боялась, что своим видом расстрою его. Да, даже страшным кажется, был недавно здоров [и] весел. А сегодня лежит беспомощным. И я знаю, что он убит морально. Неужели он думает, что я уйду от него. Да разве я могу это сделать. Он, беспомощный, стал еще ближе ко мне. Война стала как будто еще более ощутима. Но главное, не падать духом, взять себя в руки. Вечером работала над отчетом отдела за время войны. Что-то медленно продвигается. Собирала отдел [по] плану работы на январь.

4 января [1943 года]

Сегодня была у Михаила, говорила с ним, как у него засветились глаза. Чувствую, что рад. Кажется, обо всем договорились. Как-то сразу стало легче. А вечером опять работали над отчетом, просматривала дневник отдела. Оказывается, везде нужен свой глаз.

7 января [1943 года]

Была в Доме культуры — необходимо очень серьезно браться за содержание работы. Хорошо бы организовать детский ансамбль, ансамбль трудящихся Московского района. И все это ко дню Красной армии.

Опять работали над отчетами.

Вызвала культпропов (освобожденных).

Особо поражает Шахманова (столько либерализма, такая неинициативная).

Пожалуй, толк получится с Круник (Первая ГЭС) и Кондратьевой («Победа» 1). Обе стараются, а Крымова много говорит.

Вечером была лекция т. Н... [неразборчиво] о героях города. Не понравилась. Присутствовало 70 человек. <...>

8 января [1943 года]

Целый день на совещаниях. С утра было совещание у т. Бадаева с заведующими отделами по вопросам: о ходе [сбора] средств на колонны (только добровольность, все в счет зарплаты); о казарменном положении; об откликах на обращение завода № 172; о светомаскировке; о работе инструкторов; о награждении медалью «За оборону Ленинграда», или, вернее, о порядке.

В 5 часов — совещание докладчиков. Разбирали тему «Борьба русского народа против немецких захватчиков». Докладывала т. Шах-

манова. Доклад не понравился, выступила, дала свои замечания. Много фактов, [но] нет перехода, мало марксистско-ленинского анализа и мало об Отечественной войне и задачах.

А затем была на совещании газетчиков многотиражек на тему «Организаторская работа газеты». Докладывали Ганелина («На защиту Отечества») и Усминский («Электродвигатель»); выступили Т. Т. Марголин, Гинзбург, И. Т. Томилина — чувствуется, что она много поработала, хорошее выступление. Сделала несколько замечаний.

9 января [1943 года]

Бюро РК ВКП(б). Обсуждали противопожарные вопросы, и нам придется сильнее заняться противопожарной агитацией.

10 января [1943 года]

Наконец-то окончила отчет. Вышел довольно объемистым — только мало дано выводов, больше фотографирование фактов.

12 января [1943 года]

Состоялось инструктивное совещание докладчиков на тему «Удары Красной армии по врагу». Выступил т. Филиппов. Доклад понравился, за исключением отдельных деталей (много цифр, мало героики, много цитат из иностранной прессы). Из него может получиться хороший докладчик. Присутствовало на докладе человек 70.

Пришлось отменить учебу культпропов, так как нельзя [проводить] два мероприятия в один день.

Узнала, что художник в Доме культуры с 1 января не работает, так как получил вторую категорию, по сути говоря, саботирует. Нужно немедленно убраться. Вечером готовилась к докладу.

14 января [1943 года]

Был сильный артобстрел с 12 до 4 часов. Много жертв на «Электросиле». День незабываемый. Сегодня пришлось отменить инструктивный доклад о Ленине в связи с артобстрелом.

15 января [1943 года]

Состоялся инструктивный [доклад], присутствовали 70–80 человек. Выступил В. В. Стремилов. Все-таки у него много лирики. Но язык у него культурный и речь богата. Записать его доклад трудно.

16 января [1943 года]

Наш вопрос стоял на бюро РК ВКП(б) «О политической работе в РЖУ». Выступал Рогозин — сколько бескультурья в его речи (евонный). Не работает над собой. Выступила Яровикова, все-таки мало работает над практикой работы политорганизаторов — неправильные выводы. Разве можно сказать, что отсутствует вся массово-политическая работа. Главные вопросы не поднимает. <...> Партийная организация слабо занимается воспитательной работой.

17 января [1943 года] (воскресенье)

Дежурила.

18 января [1943 года]

С утра была в «Электроприборе», выступила с докладом «Удары Красной армии по врагу», присутствовали человек 70–80. Но что интересно, Кожухова не знала о докладе, думала, что будет 19-го, и ничего не приготовила. Хороший у них красный уголок, чистые цеха.

Днем совещание у Г. Ф. [Бадаева] о дисциплине в аппарате и активе.

Вечером радость необычайная. Сообщено о прорыве блокады Ленинграда. Хотелось что-нибудь делать, куда-то бежать. День 18 января надолго запомнится. Да его нельзя забыть.

19 января [1943 года]

Все поздравляли друг друга с победой. А потом весь аппарат РК разошелся по предприятиям проводить митинги. Митинги прошли на всех предприятиях. [Прозвучали] слова приветия и любви, новые обязательства принимали рабочие в честь прорыва блокады. Писали десятки писем воинам Ленинградского и Волховского фронтов.

Карбюраторщики писали А. А. Жданову: «Рабочие, воодушевленные победным сообщением о прорыве блокады Ленинграда войсками Ленинградского и Волховского фронтов, в этой радостный для нас день от всей души вносим свои личные сбережения в количестве 100 тысяч рублей на постройку боевого самолета и просим присвоить ему имя величайшей даты истории Ленинграда “18 января 1943 года”».

Егоровцы [в письме] на имя т. Жданова, маршалов т. Жукова и т. Ворошилова заверяют в том, что и впредь будут выполняться любые задания родной Красной армии, «чтобы очистить советскую землю от гитлеровской нечисти».

В письмах бойцам пишут: «Спасибо вам, дорогие товарищи, за героическую борьбу и прорыв блокады гор. Ленинграда. Не жалея сил

и жизни, не зная страха и устали в борьбе, мы вместе с вами будем ковать победу над ненавистным врагом».

Рабочие Ленмашзавода <...> пишут: «Спасибо вам, дорогие товарищи, за ваше мужество, доблесть и патриотизм. Блокада прорвана, это мы ждали, и в этом мы были уверены. <...>

Радость велика, но задача окончательного уничтожения врага еще не закончена. Бейте, товарищи, врага беспощадно, уничтожайте его немилосердно, а мы удесятим энергию, чтобы давать больше боеприпасов».

Всего на митингах присутствовало 14 918 человек, выступило 610.

21 января [1943 года]

Состоялся актив районной организации. В доме № 100 присутствовало 350 человек. С докладом выступил т. Стремилев: «19 лет без Ленина по ленинскому пути». Принято приветствие бойцам, командирам и политработникам (на имя К. Ворошилова и т. Жукова) Ленинградского и Волховского фронтов, осуществивших прорыв блокады

Актив прошел хорошо, затем смотрели «Человек с ружьем» в Доме культуры им. Капранова.

Неприятный осадок оставили опаздывающие работники РК и секретари партийных организаций. Нужно принять меры.

24 января 1943 года

С утра знакомясь с материалами, опубликованными в «Спутнике агитатора» № 23–24. А затем справлялась, что делают на предприятиях (с какими беседами выступают агитаторы, какие вопросы разбирает агитколлектив).

Положение тяжелое, чувствуется, что культпропы не думают над тем, какие вопросы ставить перед рабочими и как подготовить агитаторов. Вечером была вместе с Ушполь на хладокомбинате. Кружок проводил среди актива т. Белоусов. Чувствуется, что материал знает. Остановился на одном вопросе: «Положение на советско-немецком фронте». А затем беседовали с агитаторами [о том], как они выступают с беседами и как [им] помогает п[артийное] б[юро]. [Выясняется], что никакой помощи агитаторам не оказывается.

27 января [1943 года]

Состоялось совещание отдела, на котором были поставлены вопросы в связи с материалом, опубликованным в журнале № 22 «Партстроительство».

О работе инструкторов.

Мною были поставлены такие вопросы:

1. Отсутствие у инструкторов внештатного актива.
2. Мало бывают на предприятиях, мало ставят новые вопросы, а также не обобщают опыт.
3. Отстает организационная сторона в работе отдела.
4. О роли инструкторов в отделе пропаганды и агитации (их политическое самообразование и культурный рост).
5. Была подвергнута критике работа инструкторов. <...>

Совещание прошло активно, выступали: Яровигова (о необходимости помощи в политическом самообразовании и о создании актива); Томилина (связь с инструкторами других отделов, работа над деловой и культурной подготовкой газетных работников); Ушполь (о контакте в работе с другими отделами, обобщении материала).

Выступил В. В. Стремилин (о необходимости контроля самообразования кадров, о культуре работников отдела пропаганды и агитации). У него был ряд хороших замечаний. О насильственном вмешательстве в самообразование кадров. О связи [с органами] НКВД, чтобы знать об отрицательных сторонах и гибко агитировать. Постановка таких вопросов на бюро РК ВКП(б). В отделе совещание было нужное и необходимое.

С утра беседовала с политорганизаторами (Петрова, Николаева, Шишмарева, Семичева, Павлова) о политическом самообразовании и работе над собой.

28 января [1943 года]

С утра обстрел, опять вниз пришлось идти. Беседовала со Стучевской (полная политическая безграмотность). Говорила с Богдановой об ее освобождении, нельзя больше так терпеть.

Семинар культпропов — (присутствовало 20 чел.) очень мало. По содержанию: прошел хорошо. Выступали Крутик (неразборчиво) (ГЭС) о пропаганде, а затем Ушполь — доклад сделала неплохо, начинает вникать в организационные дела, а это ей очень важно. Думаю, что эти 20 человек начнут работать. Только не сказала о месте партпропаганды во всей партработе. А ведь по выступлению Круглик (1-я ГЭС) можно понять, что не все культпропы разбираются в различии между агитацией и пропагандой.

29 января [1943 года]

Лекция т. Добржанского, присутствовало 350 чел. «О наступательных боях Красной армии». Все-таки он остается оптимистом. Проверить нужно на деле его заявления:

1. Совещание Рузвельта с Черчиллем в Касабланке. [Его значение] огромно. Не сегодня-завтра откроется второй фронт. Союзники боятся, т. к. на мировой арене будут решать не они, а Россия, боятся, что в результате классово-борьбы может образоваться новая советская республика.

2. Италия накануне выхода из войны.

С утра был аппарат РК об улучшении работы инструкторов (докладывал Бадаев). Тщательно изучать опыт работы организаций, контроль за выполнением решений, не фиксировать только недостатки, но и помогать изживать. Серьезная учеба инструкторов над повышением своего политического самообразования, требовательность к секретарям п[артийных] организаций.

30/1 [1943 года]

Беседовала [с] Г. Ф. [Бадаевым] о подготовке в проведении семинара по текущему моменту с секретарями парторганизаций.

1 февраля [1943 года]

С утра было бюро райкома. Утверждали политорганизаторов, а затем беседовала с секретарями партийных организаций т. Анурьев (артель Ленпогруз № 8) — хорошо разбирается <...> в текущих событиях, чувствуется, что читает. Слабее Кожухова. [ЦО]¹ не читает, несмотря на то что газету получает. Также беседовали с Егоровой (Райфо), Смолоповской (фабрика «Пролетарская победа» №1) — то же самое впечатление.

В отделе читали постановление ЦК ВКП(б) за подписью т. Сталина «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих».

2 февраля [1943 года]

Состоялся семинар политинформаторов по вопросу «О практике работы и ближайших задачах». Отчитывались Горелик и Богданова, а затем [я] коротко рассказала, что необходимо делать. Там же обсуждали решения ЦК ВКП(б) о мероприятиях по улучшению бытового обслуживания семей фронтовиков. Резко поставила вопрос о необходимости политинформаторам [работать] над своим самообразованием. Выросли, должны теперь сами выступать с докладами.

¹ Газета «Правда».

3 февраля [1943 года]

Собирала отдел [для обсуждения] плана работы на февраль. Томилина, Фоменко сделали для себя соответствующие выводы. А Яровикова нет. Ну что она наметила:

1) собрать культпропов на тему «Как провести рабочее собрание?». А вот как помочь агитаторам в их работе, росте, создать внешний актив — этого нет.

План наметили неплохой, только нужно будет серьезно над ним работать.

8 февраля [1943 года]

С утра стоял вопрос на бюро райкома. Отчет Скоробогатко («Электросила») и Кузнецовой (Ленхлагокомбинат) «О состоянии партийной пропаганды». Вопрос прошел хорошо, как неловко чувствовала себя Кузнецова, которая на вопросы т. [Г. Ф.] Бадаева (о Сталинграде и героических делах Красной армии) не могла ничего сказать. Выступала Ушполь — неплохо, только как-то неуверенно. Что с ней? Говорит, что выступить на бюро очень ответственно. Она права.

Яровикова бросила реплику: «У Кузнецовой 3 класса». Я ей в ответ: «Ушполь сама справится и сделает выводы». А она: «Вы только умеете огрызаться».

Буду говорить с Г. Ф. [Бадаевым]. Нужно что-то делать. Дается тяжело. Все на нервах. В чем дело. Какое-то ложное самолюбие.

9 февраля 1943 года

Беседовала с Г. Ф. [Бадаевым] о том, чтобы Яровикову привели в божеское чувство. Сказал, что приведет.

10 февраля [1943 года]

Семинар секретарей парторганизаций на тему «Текущий момент Отечественной войны». Хорошее впечатление произвел т. Голосуй. Хорошо высказывает мысли, логично. Об Африке неплохо рассказал т. Скоробогатко. Этот знает, недаром с пропагандой у него на заводе обставит неплохо.

Не понравилось выступление Кендыевой. Много крику, я все больше начинаю разочаровываться в ней. А сколько апломба, а знаний с «гулькин нос». Не могла рассказать об историческом значении битвы за Сталинград. Путает события. Семинар дал многое. Он заставил больше работать над собой. Но все же он показал слабый политический уровень, неумение делать выводы. Плохое знание карты. Да и тему большую заказали. Недаром я спорила о таком круге вопросов. Не согласны были со мной, практика подтвердила.

11 февраля [1943 года]

Лекция Белановского о партизанском движении в оккупированных странах. Лекция хороша.

А вечером начались беседы с населением в домохозяйствах. На Лиговке беседовал Г. Ф. [Бадаев], на Смоленской — т. Стремиллов, на Ломовой — я. Что показали беседы, или, вернее, вопросы жителей к нам? О возросшем политическом росте населения, об интересе к происходящим событиям. Поэтому политические вопросы преобладали. <...>

Например. Все интересуются положением на фронтах. А В. В. [Стремиллову] поставили вопрос: «А что думает командующий Ленинградским фронтом о снятии блокады?» А [Г. Ф.] Бадаеву задали вопрос: «Почему немцев берут в плен, нельзя ли их побольше уничтожать?» Такие собрания будут проходить в 12 кустах.

Была у Михаила. Начинает поправляться. Ходить начал на костылях. Должен поправиться — потом отправлю в деревню для окончательной поправки.

12 февраля [1943 года]

По той же теме проходил семинар директоров. Он прошел лучше. Все заявили, что нужно и дальше это мероприятие практиковать. Присутствовало 50 человек. Дальше будем практиковать.

15 февраля [1943 года]

Было совещание в отделе пропаганды и агитации горкома по вопросам: о Дне Красной армии, о предстоящем выпуске нового займа, о бумаге и ее экономии. Ну что за работники Золотухин и Кожемякин — два зава, сколько недоговоренности у них. Тянут совещание, которые можно провести в один час, проводили целых два. Никакой инициативы, полная оторванность от районов.

16 февраля [1943 года]

Занималась подготовкой мероприятий по годовщине Красной армии. (О торжественном заседании.) Вот война что делает: вместо театра им. Пушкина — наш лекционный, который реставрируем. Нужны художники, маляры, столяры. <...>

17 февраля [1943 года]

С утра проводила семинар с политорганизаторами: «Как выступить с беседой о 25-й годовщине Красной армии». Выступали с планом своих бесед политорганизаторы: т. Борисова, Кожева, Богданова, Еримецкая и Стешева хорошо поработали — молодцы.

А вечером была лекция т. Иовчука (зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)). Много интересного рассказала — чувствуется, что у нее большие знания. А сколько народу [собралось] — человек 150. Это в 313-й комнате, и никто не ушел.

18 февраля [1943 года]

С утра была на фабрике «Скороход». Беседовала с руководящими кадрами (Шиманель, Крылов, Зеленкова, Плюсков, Звонов и Румянцева). Плохо работают над собой. Думаю, что я их убедила в необходимости учебы и работы над собой. Лучше всех выглядел т. Плюсков. Но глубоко слабо разбираются.

19 февраля [1943 года]

Занималась подготовкой к торжественному заседанию. (Опять история с артистами — будем их кормить.) Это сейчас насущный вопрос. Вечером была на фабрике «Скороход» на партсобрании, где стоял вопрос о партпропаганде. Выступили: т. Шахманова — она начинает мне нравиться — берется за работу. Выступила кратко и я. Собрание прошло неплохо. Коммунисты должны сделать для себя выводы.

21 февраля [1943 года]

Состоялось торжественное заседание «О 25-й годовщине Красной армии». Выступал т. [Г. Ф.] Бадаев. Вручал знамя от Ленгорсовета т. Мотылев. Выступила Ольга Берггольц. Вечер прошел хорошо. Присутствовало 300 человек.

22 февраля [1943 года]

Отправляла на фронт три рабочие делегации. Всего 20 человек.

23/II [19]43 г[ода]

День какой-то особый, настроение приподнятое. Сегодня получили приказ тов. Сталина за № 95. Дала указание предприятиям, чтобы читали и брали обязательства. Отправлена делегация в подшефную дивизию (дивизию Московской заставы), послали 50 подарков.

24 февраля [1943 года]

Состоялось бюро райкома. Принято решение о разъяснении приказа тов. Сталина.

25 февраля [1943 года]

Совещание отдела о ближайших мероприятиях по разъяснению приказа тов. Сталина (рабочие собрания, кружки, семинары и пр.). Готовилась к инструктивному докладу по приказу тов. Сталина.

26/II [19]43 г[ода]

Состоялся инструктивный доклад по приказу тов. Сталина. Присутствовали человек 25. Остановились [на том], как необходимо выступить с докладом на тему: «Приказ тов. Сталина и наша задачи».

27/II [1943 года]

Состоялось первое занятие кружка актива по истории ВКП(б) на фабрике «Скороход». Проводила 7-ю главу (Апрельские тезисы, VII конференция). Осталась довольна занятием. Товарищи добросовестно и хорошо подготовились (Знаменский, Шахманова, Слеповская и др.). Интересные споры разгорелись. О движущих силах революции, о власти в результате проведения буржуазно-демократической революции, о контроле над временным правительством (Знаменский). А что контролировать, если власть находится у временного правительства (так я ему ответила).

1 марта [1943 года]

Состоялось бюро РК ВКП(б). Обсуждали вопрос о плане работы бюро. Включен наш вопрос о руководстве многотиражками фабрики «Скороход» и 1-й ГЭС.

Неделя должна быть напряженной. (Совещание агитаторов, инструктивный доклад и вопрос на бюро райкома.) Разрешила вопрос о культпропах. Они не получают дополнительное питание. Кое-что скомбинировал Владимир Анатольевич.

Закончила читать книгу Стюарт Энгергранд «Весной 1940 года». Да, Ральф, норвежский эмигрант в Германии, сделался настоящим арийцем. Попав обратно в Норвегию, он спокойно предает своих братьев левого и правого, служивших на корабле, и спокойно убивает норвежцев. И мать его Марта, когда немцы расстреливали мирных жителей, застрелила своего сына и не сожалела об этом. Сын стал ей чужим, когда поднял руку на свой народ, и убила его.

Что-то долго не писала, начинаю вспоминать, какими вопросами занималась в последнее время.

4 марта [1943 года]

Состоялся инструктивный доклад о 8 Марта. Присутствовало 120 человек. Говорят, что прошел хорошо.

5 марта [1943 года]

Было районное совещание агитаторов по вопросу «Приказ Сталина и задачи массово-политической работы среди населения». Выступали и делились опытом работы т. Кадимов <...> т. Крымова (завод Егорова), т. Новикова (завод «Электросила») — лучше всех выступила, а затем — Стремиллов. Должен был выступать т. [Г. Ф.] Бадаев, но в последний час отказался, должен был проводить актив в Трампарке Коняшина.

Накануне состоялось совещание комсомольского актива «О политическом воспитании комсомольцев». Доклад делал Горбачев, выступили секретари комсомольских организаций и секретари ОК и ГК ВЛКСМ т. Иванов. (Что это, комик или секретарь, заявив, мы нашу работу должны «осветить, оснастить и окрылить политической работой?»).

С 3 по 5 марта беседовали с секретарями комсомольских организаций. Очень слабы. Хорошо выступил т. [Г. Ф.] Бадаев. Это оказалось его последнее выступление. Ушел на работу в ГК ВКП(б).

6 и 7 готовили женское торжественное собрание, проводили 8-го вроде митинга. Выступили т. Новикова («Электросила»), Астафьева (с дивизии, орденоноска), Богданова (начальник отдела МПВО) и Лащик (от бойцов, участник прорыва блокады). Ну и болтает (пошли в наступление на Мгу, берем Синявино). Вела Максимова. Оказывается, она совсем не может вести. Приняли приветствие. Читала Ковалева — ничего, только голосок слабый. И самое трагическое. Начали петь «Интернационал», а на середине музыка прекратилась. «В общем, дошли!» Концерт был хорош, и ужин организован тоже был. Присутствовало 250 человек. Мало было времени на подготовку, причем 7-го был сильный артобстрел и телефон не работал, да и сейчас не работает.

10 марта [1943 года]

Аппарат отдела о плане на март. Докладная в ГК ВКП(б) о замечаниях на проект отдела о самообразовании кадров.

10-14 [марта 1943 года]

Ходили под впечатлением [того], что [Г. Ф.] Бадаева берут в ГК ВКП(б). Не могу представить райком и район без [Г. Ф.] Бадаева. [Его] нужно было бы оставить до конца войны.

Готовим с Томилиной вопрос к бюро райкома о руководстве многотиражками.

11 марта состоялся пленум [райкома] Г. Тихонова. Никто не ожидал, уж очень у него много недостатков. Пленум ни звуком не обмолвился.

Не могла несколько дней привыкнуть к мысли, что Тихонов — секретарь. Только [бы] интересовался пропагандой, тогда дело пойдет. Неужели он также будет безразличен к вопросам, как было раньше? Не слышала, о чем говорил т. Капустин, как-то все [неразборчиво].

15 марта [1943 года]

Первое бюро РК ВКП(б) без [Г. Ф.] Бадаева. Но прошло неплохо. Молодец В. В. [Стремиллов], поддерживает крепко Тихонова. Вопрос прошел хорошо — Томилина хорошо подготовила, только немного растянули. И главное, Чистяковой записали, а у нее много «форса» — не понимает многих вопросов. Остальные вопросы тоже прошли неплохо. В общем, после бюро РК настроение стало легче. Думается, что сейчас [Г. Ф.] Бадаева не вернуть, а район должен быть в городе лучшим. Отсюда работать нужно, не ослабляя.

16 марта [1943 года]

Вызывали группу руководящих работников законсервированных предприятий по вопросу «Как работают над собой?».

Васина (макаронная фабрика) — молодая женщина, член ВКП(б) с 1924 года, но такая безграмотность, что даже страшно становится. Совершенно отсталый человек, расплакалась. Но не знаю, сделает ли для себя выводы или нет.

Тетеренко (коксогазовый завод) имеет высшее образование, но нес такую ахинею, что жутко стало. Изучает всемирную историю, а основные положения краткого курса не знает. <...>

17 марта [1943 года]

Слушала лекцию «О военном положении СССР» — по итогам Московского совещания. Читал Г. Францев.

18 марта [1943 года]

Лекция о решающем моменте Отечественной войны. Читал т. Мишкевич. Хорошо прочитал. Присутствовало человек 350.

19 марта [1943 года]

Лекция в ДПА о международном положении — читал Михайлов. Прочитал хорошо.

Разбирала письмо, присланное Героем Советского Союза т. Козловым, — хорошее письмо. За время войны сбил 18 вражеских самолетов, за это получил Героя, ордена Ленина, Красной Звезды и Отечественной войны. Наш коммунист, воспитанник Московской заставы. Вместе

с Фоменко ходили к его матери, приветливая старушка, работает дворником, получила грамоту Ленсовета и премирована. Дали ордера на сапоги и галоши, больше пока ничем нельзя помочь.

Вечером была на партбюро завода им. Егорова. Разбирали заметку «Там, где не слышно слово агитатора», помещенную в «Ленинградской правде» 16 марта. Разобрали хорошо. Сделали выводы для работы всей парторганизации.

22 марта [1943 года]

Утром была лекция т. Эмдина¹ «О положении на Тихом океане и внеевропейские страны». Лекция одна из лучших. По многочисленным вопросам стало ясно, особенно индийский вопрос.

А затем было бюро РК ВКП(б), наших вопросов не было. А вечером [состоялось] совещание заведующих отделом у Тихонова. (Об «Электросиле», «Госметре», [заводе № 387].) Нужно помочь заводам в области наглядной агитации, газеты, массово-политической работы.

23 марта [1943 года]

Совещание у Маканина «О пропагандистской работе». Содержание: неправильные тенденции. Не довели до актива одну истину. В ходе войны решается судьба народа. Должны быть одни помыслы. Успешное окончание войны. Поднимать такие вопросы, которые помогают [победе в] войне — остальное отложить на послевоенный период; такие вопросы, которые прямо относятся к войне (нельзя забыть, уйти от существующей обстановки).

В пропаганде сейчас все, что не направлено на войну, я отмечаю (Жданов).

Нельзя уйти от тягот духовных и материальных. Через пропагандистскую работу люди прячутся от войны (изучают «Капитал», ходят в кино, читают литературу). Это разве герой. Доблесть в усилиях в войне.

2. Расширение и углубление пропагандистской работы должно способствовать подъему массово-политической работы.

3. Чему и как учить? Книга т. Сталина об Отечественной войне.

4. Пропаганда международного положения. Каждый пропагандист — дипломат. Тот, кто прямо выступает в области международной политики, тот не [неразборчиво].

¹ Эмдин Моисей Вульфович (1905–1977) — заведовал кафедрой философии Ленинградского государственного института усовершенствования врачей. В 1950 году осужден по «Ленинградскому делу». Реабилитирован в 1954-м. Работал на философском факультете ЛГУ.

5. По отношению к фашистам. Не показываем, как дошли они до животных, зверей.

6. Пропаганда исторических наук (нельзя проводить аналогии, а пользоваться как иллюстративным материалом).

7. Что [мы] должны воспитывать у нашего народа? (Тот, кто не любит свой народ, тот не любит свою Отчизну).

Вечером беседа с В. В. Стремиловым. Как чувствуется, что нет [Г. Ф.] Бадаева.

24 марта [1943 года]

1. Вышла работать в качестве инструктора тов. Шахманова. [Про] инструктировала, чем ей нужно заниматься. Беседовала с Томилиной.

Цельный день был артобстрел. Вечером разговаривала с инструкторами РК ВКП(б) об их учебе.

25 марта [1943 года]

Состоялась лекция на тему «О русской культуре». Читал Францев, прочитал хорошо. Присутствовало 100 человек. Все заявили, что такие лекции необходимы.

27 марта [1943 года]

Совещание докладчиков РК ВКП(б) на тему «Как разъяснять текущий момент Отечественной войны», и инструктировала, после этого должны пройти собрания на предприятиях и домоуправлениях. <...>

29 марта [1943 года]

Состоялось заседание бюро райкома. <...> Наш вопрос о политическом воспитании работников советских учреждений и партактив о пропаганде.

31 марта [1943 года]

День сегодня исторический. Сегодня в первый раз была на бюро ГК ВКП(б), где стоял вопрос об идейно-теоретической подготовке руководящих кадров. Выступал Маханов, а затем Закржевская¹ [Т. В.], Кедров [Г. Т.] (секретари райкомов). Самым интересным было выступление А. А. Кузнецова. Он сказал, что среди актива имеются настроения перейти к мирному образу жизни. Налицо самоуспокоенность, не чув-

¹ Закржевская Таисия Владимировна (1908–1986). В 1941 году секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б) Ленинграда, заведующая отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского обкома ВКП(б).

ствуется напряженности в районе, об этом говорят следующие факты: введение организованного дня отдыха, излишнее хождение в театр всем активом. Стали попирать моральные нормы. Нравственный облик актива небезразличен. Должно быть больше собранности. Много славословия о героях-ленинградцах, причем интересное замечание привел А. А. Жданов: «В карете прошлого далеко не уедешь». В стране есть больше примеров героизма, чем сейчас делаем мы; то, что было вчера героическим, сегодня нельзя об этом говорить. Сейчас главное: предстоят трудности, [и нельзя] предаваться благодушию и успокоенности. Кадры [нужно] воспитывать на трудностях.

А затем было выступление комиссара госбезопасности гор. Ленинграда т. Кубаткина об итогах проверки в райкоме революционной бдительности. Мы нехорошо выглядели (за Хитрову и Артемьеву сильно попало).

1 апреля [1943 года]

Собирала свой аппарат, беседовала с Шахматовой, Ушполь, Томилиной о подготовке актива по партпропаганде. Особо с Томилиной по подготовке вопроса к бюро РК по советским учреждениям. <...>

2 апреля [1943 года]

Была на «Скороходе», проводила учебу с партактивом. Вечером в ночь проверяли [фабрику] «Пролетарская победа» № 2 о революционной бдительности, были с представителем НКВД т. Просмушкиным. В общем, эта проверка для меня многое дала.

3-12 апреля [1943 года]

<...> Беседовала с руководящими работниками райисполкома (Соболев, Антонова, Соколова, Титова, Шатаев и др.), а также с работниками райсвязи о политическом самообразовании. Получается убожество!!! Ничего не читают, кроме газет («Ленинградская правда», иногда ЦО), а то просто не читают газет (Антонова — Загс).

12 апреля [1943 года]

На бюро райкома стоял вопрос отдела пропаганды и агитации о политико-воспитательной работе. Выступили Томилиная, Стремиллов (хорошо выступил) и Карпов — его выступление было одним из лучших. Показал, что работники совета не знали истории советов и их боевые традиции. Политическая безграмотность среди ряда работников привела к пораженческим взглядами.

13 апреля [1943 года]

Все дни ходила под впечатлением, что из района уходит Карпов, с которым проработали в тяжелые дни. Г. Ф. [Бадаев] ушел, как без него тяжело работать. Сколько он проявлял интереса ко всем мелочам, любил партийную работу. А сейчас что-то не то. В. В. по-прежнему много говорит, на неделе семь пятниц — для партийного работника это плохо. Неуравновешенный.

14–16 апреля [1943 года]

Вызывала руководящие кадры района, райздравотдела, склада им. Бадаева — сколько безграмотности, что даже страшно становится, и причем, что опасно, не понимают, что это нужно именно им. Сколько оговорок, чтобы оправдать свою бездеятельность.

Беседы должны сильно воздействовать. Неужели не поймут?

Особо нагло вел себя Аванесян — темная бутылка, и член бюро Палин — ему, видите ли, некогда. Никогда не было такого желания, как тогда, выразиться крепко и самыми отборными словами.

16 апреля [1943 года]

Была лекция Эмдина «Как фашисты оболванивают и одурачивают немцев» — не понравилось, сильно растянул ее, главное, расплывчатость в его двухчасовом докладе. Небрежен, говорил вяло. Многие положения вызывали споры. Присутствовало человек 200.

21 апреля [1943 года]

Проводила семинар «Ленин, Сталин о защите социалистического Отечества» с секретарями партийных организаций. Почему-то осталась удовлетворенной.

22 апреля [1943 года]

Инструктивный [доклад] читала Некрасова (ГК ВКП(б)) — я ее не узнала, что с ней, знала до войны. Выступала тогда неплохо, а сейчас общие слова. Присутствовали человек 170.

23 апреля [1943 года]

Совещание лекторской группы. Обсуждали доклад Томилиной «Как фашисты оболванивают и одурачивают немцев». Вызвал много споров. Доклад она подготовила добросовестно. Сильно волновалась. Оговорки.

«Немецкая армия не знала, зачем идет на нашу землю». Так ли это?

«Настроение некоторых частей напоминают 1918 год» (???)

Мало дала о системе воспитания внутри Германии. С хорошими замечаниями выступила Хитрова. Развел разговоры Журавель — попусту спорит.

В эти дни ходила в школы на уроки.

Была на географии в 4-й школе. Как оторвана от жизни. Нужно школами заняться.

Вечером было совещание секретарей и директоров предприятий о 1 Мая. Докладывал т. Карпов <...> заключил М. Тихонов. Опять вспомнила Г. Ф. [Бадаева] Как жаль, как все больше ощущаешь в работе, что его нет.

24 апреля [1943 года]

Совещания зав. отделами у Стремилова о плане работы. Включен наш вопрос «О политическом воспитании учительских кадров» — будет готовить Шахматова.

25 апреля [1943 года]

Бюро РК ВКП(б) о складе Бадаева. Все-таки чего хотели, не достигли. Не сумели поставить и доказать несработанность Аванесяна и Гвоздевой в «немелочных» вопросах, которыми [они] занимаются. Упускают главное. Не знаю, плохо ли, хорошо ли, но за учебу на них обрушились. Должны делать выводы.

29 апреля [1943 года]

Выступила с докладом о Первом мае на «Победе» № 2. Собрание понравилось, ознакомили неплохо, прошло полуторжественно.

Была в госпитале. Рада, что Михаил поправляется. Скорее бы вышел, поставили бы протез. Свезли подарки.

Сегодня вывесили картины. Темы: «Вперед, сыны любимые, вас Родина зовет» и «Мы вас так ждем». Идея хороша, но воплощено плохо. Так сказал и Г. Ф. [Бадаев].

4 мая [1943 года]

Устроила скандал в библиотеке, грязь, ничего не хотят делать. Что делать с Удалевой? Мысли ее направлением не на библиотеку. <...>

5 мая [1943 года]

Состоялся семинар на тему «Как организовать массово-политическую работу на предприятии». Семинар прошел неплохо.

6 мая [1943 года]

Лекция Белановского «Военное и международное положение». Присутствовал человек 400. Было страшно. Много собралось народу, начался артобстрел мясокомбината. Все время волновались. Скорей бы закончил — такое чувство. Нужно искать где-нибудь помещение.

7 мая [1943 года]

Учеба на фабрике «Скороход» — начали изучать 9-ю главу. Много уходит времени на подготовку. Как здорово забывала историю ВКП(б) — забылся особо фактический материал.

8 мая [1943 года]

Отбирала на курсы пропагандистов-агитаторов на торфолесозаготовки. А Блохина отказалась (мотивы — мать-старушка, имеет огород). Член партии с 1930 г. В общем, противно смотреть на таких людей.

Вечером [собрали] рабкоровский актив, присутствовало человек 70, с докладом выступила Томилина (неплохо), затем Карасик (редактор [стенгазеты] в одном из цехов завода «Электросила») неплохо, но очень хвастливо рассказала о работе. <...> Жаль, что мало было народа.

10 мая [1943 года]

Бюро райкома — выносила [на обсуждение вопрос] о срыве торжественного заседания в 36-м ремесленном училище (указали Соколову, нужно поглубже заняться работой ремесленного училища). Ответственным секретарем [комиссии] сбора материалов [по] истории района утвердили Усминского. Должно это дело тоже двигаться.

11 мая [1943 года]

Была в школе (№ 20) у директора Я. М. Каменецкого. Школа производит прекрасное впечатление. Ребята такие чудные. Присутствовала на уроке русского языка, преподаватель Г. Ионина. Ребята хорошо знают язык. Также была на уроки военного дела (5-й класс). Интересно смотреть, как ребята маршируют. В общем, военизировать школы нужно. Хорош ученик Зинскевич (маленький), но марширует прекрасно, выправка хорошая, командовать умеет — будущий командир. Каменецкий хорош, но глухой.

12 мая [1943 года]

Разговор с Шахмановой, не выполнившей указания об учете пропагандистов. Сколько в ней инертности, что даже неприятно.

Была в 36-м ремесленном училище. Впечатление ужасное. Никакой дисциплины. Преподавателю кричат: «Хватит! Кончай! Есть хотим!» Никакого оформления. В красном уголке курят, ругаются, дерутся. Интересный разговор [состоялся] с Мироновым (комсомолец). Разухабистый парень, ему все нипочем, он курит, ругается, дерется, видимо, способный малец. Обиделся, когда я ему сказала: «А ты что, на немца работаешь?! Немцу помогаешь своим поведением?»

Вечером был семинар по военным вопросам — химик уморил, а затем выступил Тихонов — опять с/х, и так каждый раз. Ну до чего тошно работать. Ведь два месяца ни разу не собрал аппарат РК. Что будет дальше, не знаю. С утра проводила семинар с политорганизаторами «О задачах массово-политической работы среди населения в связи с приказом т. Сталина».

13 мая [1943 года]

Почти целый день была воздушная тревога. Начал днем сбрасывать бомбы. Вечером лекция т. Абрамова «Об изучении марксистско-ленинской теории в условиях Отечественной войны». Присутствовали 60 человек.

14 мая [1943 года]

Совещание учительства района по вопросу «Приказ тов. Сталина и задачи учительства». Выступил т. Стремилов. Присутствовало 50 человек. Прошло очень активно. Выступила учительница русского языка т. Винчукова, рассказала, как она через предмет прививает детям любовь к Родине. Тихомиров (математика) показал, как он через математику прививает ребятам навыки военного дела. Выступила Бельская (групповод), у нее более 50 ребят, рассказала, как она воспитывает чувство коллективизма. В общем, совещание нужное.

17 мая [1943 года]

[Провели] наше партсобрание. Доклад делала Хитрова — задачи аппарата в связи с приказом товарища Сталина. (На собрании мучились, мало кто выступил). <...> Накануне все были у Г. Ф. [Бадаева]. Он понял, о чем шла речь, и, видимо, подскажет руководству РК, в частности его секретарям.

19 [мая 1943 года]

Утром было совещание зав. отделами об итогах городского совещания, где выступал А. А. Жданов. Много нового и интересного рассказал т. Тихонов. Уверенность стала еще больше.

Готовилась к семинару директоров, который не состоялся. Пришли всего 16 человек.

20 [мая 1943 года]

Целый день была в подсобном хозяйстве вместе с Козловой, Стремилковым и Филипповым. Поездка многое дала. Вывод — все упирается в организацию.

21 [мая 1943 года]

Совещание профработников. Приказ т. Сталина и задачи профорганизаций.

Вечером на партсобрании 2-го хлебозавода по вопросу «Приказ т. Сталина и задачи коммунистов». Собранием осталась довольна. Изменилось мнение о Морозовой.

22 [мая 1943 года]

Целый день готовила вместе с Томилиной докладную записку и проект решения «О воспитательной работе в 36-м ремесленном училище».

24/V [1943 года]

Бюро РК ВКП(б) о 36-м ремесленном училище. Прошел неплохо. Но вышло «но». Томилина не сказала о происшедшем убийстве двух учеников. Почему не сказала? Думали, что секретари парторганизаций знали, а вышло наоборот, ничего не знали. Этот факт все смазал. Это же вопиющее безобразие?? Но крепко ударили по руководству училища.

[Провели] районное совещание агитаторов. Присутствовало 190 человек.

25 [мая 1943 года]

Семинар директоров «О защите Отечества». Прошел неплохо. Волновались, как школьники. Хорошо разбираются т. Владимиров, Безродный. Но многие оказались слабо подготовлены (Смольникова, Морозов). Вот не ожидала. Культурный директор. Видимо, не готовился совсем. Смирнов оказался слаб. Кто не был, будем вызывать.

26/V [1943 года]

Вечером проводила беседу с населением в домохозяйстве политорганизатора Абабковой. Интересны вопросы: когда кончится война? О финнах, Японии, втором фронте и многом другом, говорящем о большом росте населения.

28/V [1943 года]

Была на совещании у Маханова. [Вопросы]: о займе, Коминтерне, МПВО.

Вечером [прошла] беседа с населением у политорганизаторов Виноградовой, Ивановой и Богдановой. Беседой даже сама осталась довольна.

29/V [1943 года]

Вечером было партийно-комсомольском собрании карбюраторного завода, где обсуждали вопрос о займе. <...> С докладом выступал директор т. Галешкин (странный человек — суховат и язык у него тяжелый — неагитатор).

С утра была на торфоразработках. Обязательно нужен парторганизатор.

30/V [1943 года]

На бюро стоял вопрос о МПВО — подготовка к противохимической защите. Прошел хорошо. Особенно резко выступил Телятников — главное, никакого либерализма к штабу и его работникам. Крепко «настегали» за отсутствие должной работы [по] политическому самообразованию. Придется и нам вмешаться — мы тут тоже виноваты.

3 июня 1943 г[ода]

День особый, активу вручались медали «За оборону Ленинграда». Сколько было волнений, тревог, даже трудно описать. Хотелось, чтобы прошло хорошо. Зал оформили цветами, кругом народ, ты¹ по-особому приподнят. Работников райкома хорошо и тепло встречали. Только жаль было, что вручал не Г. Ф. [Бадаев], а генерал Лагуткин^{II}. Бедняга, он даже вспотел, когда руки жал, и особо переживал, когда читал речь. Медаль ко многому обязывает нас. Не подкачаем, выдержим все. А вечером внизу стихийный ужин.

4 июня [1943 года]

Митинг с утра на «Победе» № 1 о вручении медалей «За оборону Ленинграда». Хорошо выступил Петров — старик-рабочий. Он был пенсионером, во время войны пошел работать. Сколько в его словах было благодарности, веры в победу и желание все отдать для фронта. Бедняга так волновался, что на глаза выступили слезы. Митинг продолжался всего 18 минут. Такие же митинги прошли на заводе «Элек-

^I Автор описывает настроение, упоминая себя в втором лице.

^{II} Емельян Сергеевич Лагуткин (1900–1983) — генерал-майор (1942). В 1938–1948 годах — заместитель председателя Ленгорисполкома — начальник Местной противовоздушной обороны (МПВО) Ленинграда.

тросила» — выступал В. В. Стремилев, завод Егорова — Г. Тихонов, «Скороход» — Хитрова и Максимова, молокозавод — Ушполь. Настроение чувствовалось приподнятое. А вечером вышел декрет о государственном займе. Отвечала за куст во главе с карбюраторным заводом. [Ответственным] от исполкома [был] Гаяковский. Заем прошел хорошо. Провели все в один день.

5 июня [1943 года]

Узнала, что Карпова забирают в [неразборчиво]. Но до чего же тяжело. Хорошая была дружба. Война сблизила нас как-то. Все прошли вместе, и жалко, когда кто-нибудь уходит. А он особенно. Столько духовной чистоты. С В. В. они пара.

Подводили в райкоме итоги займа. Район сдал 150% [плана]. [Такого] еще не было. <...>

10 июня [1943 года]

Была на инструктивном докладе в ДПА. Делал Добринский — ничего не сделал. Мог бы лучше. А вечером — огороды. Скоро, кажется, посадка. Устала что-то сегодня. <...>

11 июня [1943 года]

Проводила совещание агитаторов, работающих в общежитиях, присутствовали 17 человек. Говорила о самых простых вещах, которые предстоит провести (создание групп агитаторов, выпуск боевых листов, читка газет, литературы, создание библиотек-передвижек, лозунги и плакаты).

Говорила с т. Линниковой, чтобы она занялась общежитием, — у них читают фашистские листовки, кресты на шее носят коммунисты.

13 июня [1943 года]

Была на постановке московского театра «Жди меня» — все ждут, а я? Жду ли Михаила или нет?

Беседовал со мной В. В. о взаимоотношениях с Ушполь. Но до чего противны все эти разговоры о несрабатывании пар. Обижаются на мой характер — груба, «непринципиальна» в оценке работников. Не замечаю, может быть, действительно так? Со стороны виднее.

Готовлюсь к докладу «Два года Великой Отечественной войны». Читаю много, но думаю, что делаю очень мало, чтобы сделать такое, чтобы видно было. А?? Или уж работа такая, что не видно, или, может быть, действительно мало работаю??

14 июня [1943 года]

Было бюро РК ВКП(б) о работе коммунального отдела, слабо работает Смирнова. Выступал Романов. Он принципиален, что раньше как-то не замечалось, и был бы неплохим председателем. Не ошибка ли в новом?

Вечером проводила инструктивный доклад «Два года Великой Отечественной войны». Присутствовали человек 100 агитаторов.

15 июня [1943 года]

Целый день артобстрел, ночь дежурила. Вышли из строя телефоны. Вечером проводила семинар культпропов. [Тема]: «О массово-политической работе». Жаль, что мало присутствовало. Придется за эту группу здорово братья.

16 июня [1943 года]

Была лекция о Горьком как великом патриоте нашей Родины. Читали хорошо. Жаль, что было мало народа.

19 июня [1943 года]

В 3 часа была на совещании у Маханова по вопросу о выполнении решений бюро ГК ВКП(б) о партпропаганде. Отчитывались два района (Куйбышевский и Красногвардейский). Выступил Шумилов. [Он] правильно подметил академичность (решение XVIII партконференции слабо двигаем). Нужно сейчас форсировать [вопрос] о ее быстрейшем изучении. [Добиваться] большей конкретности в пропаганде.

Вторым вопросом стоял 25 лет КСМ — нужно и за эти вопросы братья.

21 июня [1943 года]

Собирала отдел по вопросам пропаганды.

Было бюро РК ВКП(б) — стоял наш вопрос о массово-политической работе в автотранспортной организации. Прошел довольно неплохо.

22 [июня 1943 года]

«Итоги двухлетней войны» — по предприятиям беседы проходили.

Беседа с Тихоновым о необходимости исполнения [решения об] изучении книги т. Сталина и о конкретной экономике предприятия (чем страдают предприятия), чтобы на это мотивировать внимание коллектива.

23–26 июня [1943 года]

Находилась в подсобном хозяйстве 12-го хлебозавода. Разрешали вопросы прополки (первой), борьбы с сельскохозяйственными вредителями и окончания посева. Когда ехала, боялась, что не найду своего места. Дело новое, непривычное. Но, кажется, вышло. Какие замечательной женщины. Русская женщина все перенесет, но дело сделает. Любит покричать, поворчать, но обязательно сделает. Понимают, для чего делают. Хороши вновь подготовленная техник т. Беляева, или просто Маша, — пользуется заслуженным авторитетом; звеньевые Сапожникова, Тимофеева, Реут. Их звенья всегда впереди. Жаль как-то было уезжать.

30/VI [19]43 г[ода]

[Состоялось] совещание у Тихонова о работе отдела. [Обсудили] выводы из решений бюро ГК ВКП(б) о работе с пропагандистами в нашем районе. Совещание вышло за рамки решения, вскрылись недостатки:

- а) Мало привлекаем актив (пропаганда) для работы.
- б) Слабо занимаемся конкретной экономикой.
- в) Медленно кадры изучают книгу тов. Сталина.

Выступил Стремилев. Что он хотел сказать, неясно. Обвинил в неработанности. Стоило ли этот вопрос поднимать? О малой инициативе. Остался какой-то осадок. Ощущаем, что нет Г. Ф. [Бадаева] — как он во все вникал. Чувствуется, что секретари не знают работу отдела.

1/VII [1943 года]

Была на заводе «Электросила». Приехали бойцы Волховского фронта. Были митинги в двух цехах. <...> Знакомилась с наглядной агитацией. Хорошо в цехе, который восстанавливается, но в [другом] ее нет. Секретарь цехового партбюро не отвечает, все ждет, что культ-проп сделает.

2 июля [1943 года]

[Сегодня] тяжелый день. Был сильный артобстрел. Прямо побище. Во что превратился Международный¹ [проспект], без слез нельзя смотреть. Так хочется плакать, кричать, но ничего не можешь сделать, чтобы отомстить. А двое ребятшек так и стоят перед глазами. Мать бежала к ним, ее накрыл снаряд, и она погибла. У детей началась новая жизнь.

¹ Ныне Московский.

3 июля [1943 года]

Какая-то тяжесть. Долго ли будет продолжаться. Чувствую, что нервы не выдержат и сдадут. Болит голова... В дивизию ехать не хочется. Но была. Как иногда бывает противно все, так и там. У командного состава превалирует во всем личное. На торжественном мало слушали.

5 июля [1943 года]

Были теоретические собеседования работников отдела. Первая тема — книги тов. Сталина — подготовлена слабо. Чувствуется, что не работают. Неужели нельзя выкроить время для работы над собой?

7 июля [1943 года]

Совещание комиссии по сбору материала по истории района. Хорошо бы с книгой решить. «Фронтная застава». С утра беседа с Гинзбург и Левитиным о газете «Клич Родины».

8 июля [1943 года]

С утра была на 1-й ГЭС, собирали редакцию газеты «Электродвигатель». Газеты стала отставать от жизни станции. <...>

9 июля [1943 года]

Отменили номер газеты «Все для победы». Слабый номер — имеет политические ошибки. Вызывала Чистякову, Лищенко, Слеповскую, Корхина. Партбюро не понимает своей роли.

Беседа с Городецким о газете — у него много апломба, «хватки» к партработе. Договорились о том, что о газете 12-го будет специальное совещание.

11 июля [1943 года]

Учеба активна на фабрике «Скороход» — готовятся слабо. Перевели кружок на изучение книги т. Сталина две темы.

12 июля [1943 года]

С утра [провели] совещание при партбюро о работе газеты «Все для победы». Информировала т. Томилина. Выступали: Бельский (утверждал, что газетой не занимался); Слеповская (редакция) признала критику правильной. Крепко обрезали Шварца, который болеет сомнением. Совещание было резкое. Должно помочь исправить положение в газете.

13 июля [1943 года]

Теоретическое собеседование работников по II теме книги тов. Сталина. Готовятся слабо. Придется с каждым говорить. Собрание лекторской группы, где обсуждали тему «Моральный облик советской патриотки города Ленина». Докладывал Кожин. Чего не хватало: выводов по отдельным положениям, остроты к «уродам» — неверие в нашу победу, бытовое разложение используют враги, не был показан героизм в труде советских патриоток. Договорились еще раз собраться, чтобы окончательно обсудить.

14 июля [1943 года]

Пленум РК ВКП(б) о воспитании молодых коммунистов. Выступал В. В. — доклад растянул. От отдела выступала т. Шахманова — хорошо выступила.

15 июля [1943 года]

Лекция т. Ганкевич «Ленин — Сталин о русском народе». Присутствовало человек 170.

16 июля [1943 года]

Подготовка вопроса к бюро. Об изучении книги тов. Сталина на заводе им. Егорова и фабрике «Пролетарская победа» № 2.

Было военное занятие.

Вечером при партбюро завода «Электросила». Разбор газеты «Клич Родины» — осталась недовольна выступлением Скоробогатько — всю вину за газету свалил на Гинзбург.

17 июля [1943 года]

Готовили торжественное заседание «25 лет советской медицины» — приветствия, выступления, порядок. Но уввы, оно не состоялось, так как был сильный обстрел целый день с 7 до 11 часов, днем с 1 часа до 5 и вечером в нашем секторе с 6 до 8 часов.

19 июля [1943 года]

Стоял вопрос на бюро «Об изучении книги тов. Сталина» — прошел не остро и чувствую, что я во много виновата. Выступали т. Бетельсон и Крылова.

Была на совещании у т. Максимова по вопросу о собирании материалов по истории района, об упорядочении политинформации, об обращении «динамовцев».

21 июля [1943 года]

С утра совещание политорганизаторов — [должности] освобожденных ликвидируют.

Было совещание культпропов по вопросу об обращении динамовцев, о работе с пропагандистами, об упорядочении политинформаций, о работе с агитаторами.

Вечером вызывала Крутик и пропагандиста т. Широкова по проведенному им занятию. Стенограмма отвратительна. Не готовился, допустил много ошибок — культпропов надо подбирать. Такая, как Крутик, ничего не выправит.

22 июля [1943 года]

Слет стахановцев-передовиков производства прошел хорошо. Выступили стахановцы: т. Маслова — беспартийная, мастер цеха молокозавода, настойчива, вполне может быть агитатором.

Выступил Г. Ф. [Бадаев], сколько в его речи призыва, и до чего жаль, что он не с нами.

23 июля [1943 года]

Была на фабрике № 2 «Пролетарская победа». Вместе с т. Томилиной знакомилась с работой агитколлектива и агитаторов. Оказывается, никакого агитколлектива нет. Числятся более трех человек, но не все выступают. На инструктивном докладе у директора фабрики присутствовало более 30 человек (мастера и начальники цехов), но с беседой «Что значит работать с удвоенной энергией?» не выступили, и, оказывается, по этой теме разговоров в цехах не было. Значит, она прошла вхолостую?

Была в этот же день на семинаре у гл. инженера т. Стешева «Работать четко и слаженно, как часовой механизм». Он тоже выступал не для агитаторов, а для начальников цехов. И, конечно, расходясь с семинара, агитаторы не поняли, как им нужно выступать по этому вопросу. Т[оварищ] Стешев согласился [с замечанием. И пояснил, что] пред ним не ставили задачи [объяснить], как нужно агитатору выступать с этой темой для рабочих.

Была на читке манифеста Национального комитета «Свободная Германия». Читала рабочая Романова, которая после чтения в беседе с нами заявила: «Я не верю тому, что здесь написано, все болтают!»¹

¹ 12 и 13 июля с. г. в г. Москве состоялась конференция пленных немецких офицеров и солдат совместно с антифашистскими немецкими общественными и профсоюзными деятелями и депутатами рейхстага, находящимися в СССР. Они объявили о создании Национального комитета «Свободная Германия» и приняли его манифест.

Да, оказывается, агитация идет по верхам, а до рабочих не доходит. Посмотреть нужно и на других предприятиях. А культпропов и агитаторов не проверяют и не вникают в существо.

24 июля [1943 года]

День Военно-морского флота — прибыла делегация — трех товарищей отправили на завод им. Егорова. Встретили хорошо. <...>

Были на «Победе» -1 — об агитколлективе. Тут лучше чувствуется, что культпроп т. Волкова [больше] интересуется. Хороший агитатор т. Виноградова. Договорилась, чтобы руководил агитаторами Т. Кондратьева.

Смотрела на «Красном швейнике» организацию проведения дня Военно-морского флота. Секретарь парторганизации т. Егорова неплохо берется за дела, но нужно помогать.

Вечером беседовала с Ронигард (руководитель агитколлектива «Пролетарской победы» № 1) об итогах работы коллектива. Интересные мысли [он] высказал. Проводил беседу о качестве, после трех-четырех дней в цехе чувствовался подъем. <...> И я по цифровым данным работы цеха вижу действенность агитации.

Раньше я как агитатор подыскивала красивые слова и фразы, сейчас нет. Я подбираю факты, которые были бы убедительны для рабочих. И по лицам вижу, что это лучше. <...>

28 июля [1943 года]

Семинар секретарей парторганизаций по третьей теме. Руководил В. В. — затянул. Секретарей выступило [четверо]. Отказалась Гласман, заявляя: «У меня такое нервное состояние, что я не в силах выступать». Вот тип, такая болтушка, даже страшно, что она секретарем работает. Давно нужно сменить, но с кадрами действительно голод. Готовить нужно.

Было совещание в отделе о плане работы на август, а также семинар с работниками по третьей теме. Ничего, начинают читать лекции, но говорить еще не умеют.

29 июля [1943 года]

Было совещание руководителей кружков по изучению книги тов. Сталина, прошло неплохо. Выступали Ронигард, Кочетков («Победа» 1 и 2) и Лишенкова («Скороход»). На качество обратить [внимание] следует. Многие пропагандисты не бывают на семинарах. Отсюда такие «уроды», как Широков (1-я ГЭС). Рассказала, что необходимо делать.

30 июля [1943 года]

Занятия и семинары прошли неплохо. Разбирали вторую тему. Материал читают. Но обобщить пока не умеют. После семинара была на огороде у Лашенковой. <...> Вот огород, это да! С утра было военное занятие. Вставать не хотелось, но заниматься интересно. В общем, будем «артиллеристами».

Ноябрь [1943 года]

Был большой перерыв. Ездил к сыну, как жаль было уезжать. Какой большой мальчик. Скоро ли придет время, чтобы опять вместе. Оно обязательно придет. Болела более месяца, а в октябре окончательно вышла работать.

Чем же был интересен в работе октябрь?

Занимались оформлением района. <...>

30 [октября] был вечер в честь 25-й годовщины ВЛКСМ. Проводили в Доме культуры. Прошел хорошо. С докладом выступил М. Г.

5-го [ноября] было торжественное [заседание] в лекционном [зале]. Правда, было много «казусов» с концертом. Но из положения вышли <...> Лучшее всего было выступление ансамбля Ленфронта. А последние дни были очень интересны. Доклад тов. Сталина — столько влил сил, даже трудно оценить. Взял Киев — приказ № 309.

Правда, 7 ноября для района был тяжелый день. С 10:30 до 5:30 был артобстрел. Дежурила ночь и день. Был вечер, но прошел не тепло. 9-го то же самое — «угостил» крепко. Но ничего, выдержим и все это. Последние дни были напряженными.

16/XI [1943 года]

Проходил актив. С докладом выступил т. Тихонов. Доклад хорош. Актив прошел самокритично. Выступала, но недовольна, как всегда, торопилась.

18/XI [1943 года]

Проводила совещания агитаторов на 1-й ГЭС о выполнении решения ГК ВКП(б) о работе с агитаторами.

Была на партсобрании 18/XI на 1-й ГЭС о задачах партийных организаций, посвященном докладу т. Сталина. Выносим вопрос на бюро РК ВКП(б).

22 ноября [1943 года]

День очень интересный. [Вопрос] о работе с агитаторами в парт-организации 1-й ГЭС и молокозавода стоял на бюро РК ВКП(б). Ну и <...>

секретари парторганизаций т. Городецкий и Краснов говорили обо всем? только не о работе с агитаторами. Выступавшим поставили на вид за невыполнение решений бюро ГК ВКП(б).

Вечером была на партсобрании треста столовых. Прошло не-плохо. Секретарь парторганизации старается. Коммунисты хорошо вы-ступали.

23 ноября [1943 года]

Была на партсобрании склада им. Бадаева. И до чего неприятно. Гвоздевская как секретарь и как человек не похожа на партработника, больше на «старую барыню», и как неприятны их пререкания с дирек-тором.

В РК были организованы консультации т. Шахматовой для аги-таторов по вопросу о всенародной помощи фронту. Правда, мало [чело-век] присутствовало, придется повторить тему.

24–26 ноября [1943 года]

26 ноября состоялся пленум РК. О восстановительных работах и росте партии. Филиппов ничего не сказал путного, сплошное словоиз-вержение, а дело-то не знает. Крепко выступали Хитрова, Колобашкин и М. Т. — вопрос прошел хорошо, резко критически. Второй вопрос тоже был интересным. Выступили Козлова — неплохо, Телятников как член бюро. Хорошо сказал и Черемыхин (инструктор ГК ВКП(б)). И второй во-прос прошел остро. Главное, секретари и РК поняли, о чем идет речь.

29 ноября [1943 года]

Сегодня прощалась с И. П. Был три дня. Зачем приезжал, не знаю, вообще он не простой, а с «большой хитрецей».

Целый день хожу под впечатлением [от] книги Пристли «Затем-нение в Гретли». О работе английской [контр]разведки — интересно и хорошо написано.

1 декабря [1943 года]

Было совещание отдела пропаганды и агитации. Наметили план работы на декабрь. Сейчас встанут новые вопросы, над которыми должен работать аппарат отдела. Главное сейчас — учить актив, руко-водителей. Поэтому не случайно, что в плане работы отдела встали та-кие вопросы, как организация учебы агитаторов с отрывом от произ-водства. Встают вопросы организации постоянной школы для низового состава по типу комвузов. Пропаганда, кружки, нужно переходить на новые вопросы, так как заканчивается изучение доклада и приказа

тов. Сталина. Вот на совещании отдела разбирали вопросы эти, как лучше двинуть. Да притом необходимо ставить вопрос и о политической работе в комсомоле. Вопрос назрел. Говорили и о недостатках работы аппарата. Нет внештатного актива, не обросли активом, мало требовательности, отсутствие широкой связи с низовым активом. Инструктор [отдела] агитации должен как минимум знать около 100 агитаторов и общаться с ними, бывать на беседах, дифференцировать руководство отдельными группами и т. д.

Составили план — получился большим. Нужно выполнить, претворить в жизнь.

2 декабря [1943 года]

Совещание секретарей — выступила о лимитах на [19]44 год, и последующие дни занимались газетами. Мелкая и кропотливая работа, но нужная.

3 декабря [1943 года]

Семинар агитаторов, правда, немного их было. Рассказала о второй теме «Всесторонняя помощь фронту» — были вопросы (связанные с текущими вопросами), но беда в том, что агитаторы, слушая нас, не выступают в цехах (вещь в себе). Пришлось говорить с секретарями парторганизаций (склад им. Бадаева и др.).

6 декабря [1943 года]

Бюро РК ВКП(б) — днем был сильный артобстрел — поэтому поздно начали. Основные вопросы сняли. Стоял наш вопрос об учебе агитаторов — прошел неплохо. Наш проект утвердили.

10 декабря [1943 года]

Семинар на карбюраторном заводе (кустовой). Присутствовали «Красный нефтяник», «Салолин». Провели по третьей теме («Антигитлеровская коалиция и развал фашистского блока»). Присутствовали 22 человека. Прошел как будто бы неплохо, слушали внимательно. Обрато добирались на грузовике, произошел интересный разговор. Две женщины-грузчицы говорят: «Вечером хорошо работать: меньше стреляет, как-то спокойней чувствуешь себя. Кто не был в Ленинграде, тот не поймет, что здесь было, что пережили».

Да, тот не поймет того, что пережили. И правы женщины. От многих слышала, что утром едешь поменьше, а вечером попозже — меньше стреляет.

13 декабря [1943 года]

Началась учеба агитаторов — ввели шестидневные курсы с отрывом от производства.

Вызвала пропагандистов РК ВЛКСМ Смирнова, Максимова, Болденкова. Числятся пропагандистами, но занятий не ведут. РК ВЛКСМ не занимается политической работой, ее содержанием, формами и методами.

Содержание политической работы: однообразно, конечно, нельзя так заинтересовать молодежь, поэтому не случайно на зав. Егорова срываются комсомольские собрания, а на производстве комсомольцы себя прекрасно ведут и показывают прекраснейшие образцы работы.

13 декабря [1943 года]

Сегодня началась учеба агитаторов. Немного было торжественно. Оформили кабинет 151, как настоящий учебный класс. Присутствовало 29 человек.

Было бюро райкома. Обсуждали вопрос о грубом отношении мастеров к рабочим. Прошел неплохо, но отдельные товарищи (Колесников, Скоробогатько) попытались смазать остроту постановки вопроса. Что это за заявление Скоробогатько: «Нужно изъять дефективных — это раздражает мастера». Или Колесников: «Я не знаю об этих фактах». Но тебе говорят на бюро, а как ты будешь реагировать? Какое-то беспартийное выступление.

15 декабря [1943 года]

Была с утра на заводе «Электросила». Смотрела ежедневные «боевые сводки» по заказам Донбасса, довольно интересные, призывающие, критикующие. Лозунги хорошие: «Возродим родной Донбасс».

Беседовала со Скоробогатько (о перспективах пропагандистской работы), Левитиным, Гинзбург о качестве газеты.

Вечером была на занятии кружка Шварца, где занимаются комсомольцы. Что ярко бросилось в глаза. Неподготовленность пропагандиста, академизм, никаких ярких фактов, нет карты. Комсомольцы не подготовлены: с ними говорим, а они спешат в кино.

Проводила семинар на заводе Егорова по третьей теме. Что не понравилось: все куда-то спешат, хотели семинар провести в 30 минут, а занятие за 40 минут — вот самый настоящий формализм.

Была на курсах агитаторов. Читала Ушполь, чувствуется, что народ доволен всем ходом учебы.

17/XII [1943 года]

Вызывала культпропов (вечером и утром) о предварительных итогах изучения книги тов. Сталина и дальнейших перспективах, говорила о работе в комсомоле и их мнении о воспитательной работе среди молодежи.

18/XII [1943 года]

Состоялся первый выпуск агитаторов. Остались довольны учебкой, чувствовалось серьезное отношение. Указали на недостатки (мало политической карты — дали только 6 часов, надо бы 10–12). В выступлениях прямо заявили, что встряхнули мозги крепко. С понедельника начнем вторую очередь. Вечером была на бюро РК ВЛКСМ, где обсуждали вопрос о работе пионерской организации (присутствовали дети). <...> Обсуждался вопрос о плохой работе и большой неуспеваемости.

Второй вопрос — о работе комсомольских организаций промкооперации. Убожество: слабы кадры.

20/XII [1943 года]

Было совещание у В. В. о некоторых вопросах работы комсомола, присутствовали некоторые секретари комсомольских организаций. Одно ясно, что руководство РК ВЛКСМ увлекается производственной работой, а не заниматься воспитанием. Возрастной состав [организаций] сильно изменился — малыши, дети, а с ними работают по-старому, копируя партийные формы. Говорят как со взрослыми, а им присуще все молодое, задорное. Помогают совсем мало и с активом не работают. А мы, партработники, проглядели, и крепко.

21/XII [1943 года]

[Состоялся] крупный разговор с Ушполь. Остался осадок. Может быть, и я виновата во многом, возможно. Нужно посмотреть за собой.

23/XII [1943 года]

Лекция т. Вольпе «О военном положении СССР накануне Нового года». Присутствовали 120 человек. Ждала сильного доклада, но он не получился.

25/XII [1943 года]

Знакомилась <...> по особой записи [с высказываниями] частных лиц, неустойчивых и антисоветски настроенных.

Начальник отдела снабжения [неразборчиво] 21 декабря, прочитав газету о государственном гимне, заявил:

— Слыхали, что Интернационал лопнул, вот тебе и пролетарии всех стран соединяйтесь, вот тебе и коммунизм, только сразу нельзя было.

Придется дать противовес. Мастер ремонтной конторы РЖУ [неразборчиво] утверждает, что якобы политика СССР определяется требованиями союзников:

— Ввели погоны, которые раньше срывались с золотопогонников.

Работница фабрики «Пролетарская победа» № 2:

— Не так скоро кончится война, хотя я и малограмотная, а мне не нравится эта Англия. Эти договоры — все бумага. Вот второй фронт не открыли, хотят прокатиться за счет России.

Явное недоверие к союзникам, к Великобритании.

Такое же недоверие высказал главбух завода № 4 Макаров по поводу конференции трех держав:

— Война не скоро кончится, продлится и в 1945 году — все хотели убедить тов. Сталина воевать одному, пока не разделаются с Японией. Не хотят открывать второй фронт.

Медсестра поликлиники № 18 Гаврилова о конференции руководителей трех держав высказала крайнее изумление:

— Зачем пугать Гитлера своим постановлением, лучше бы открыли второй фронт.

— В Германию едут непринудительно, а <...> добровольно, причем ничего хорошего Германии не расскажут о советском строе. Россию разорили колхозы, рабочие сидят за 15 минут.

— Идея коммунизма Маркса и Энгельса — утопия. Он еврей и создал эту идею, это сейчас и произошло, евреи сидят везде. <...>

Немцы тоже имеют социал-демократическую партию, [которая] ближе к социалистической, чем русская, так как люди могут богатеть, удовлетворять [свои] потребности, а у нас влачат жалкое существование.

Я не случайно выписала эти заявления, бесспорно, известные врагу, значит, нужно агитировать против этих мыслей: а) разбить недоверие; б) показать принудительность отправки наших людей Германию (ее жестокость), раскрыть, видимо, еще раз, звериную сущность фашизма, показать, что значит их «социализм». <...>

Электромонтер фабрики фотобумаг Грызлов:

1) Англия не воевала и воевать не будет, договор ничего не стоит, обманет (пример — поездка Молотова в Германию). Выиграют войну Америка и Англия и продиктуют мир и установят свои порядки в СССР и Германии. <...> Конца войны не видно. Немцы лучше англичан... Хорошо обращаются с пленными.

Служащая райкома [неразборчиво], узнав о намерении своей сослуживицы вступить в партию, сказала о том, что война не кончилась, а немцы могут наказать партийцев.

Проводила заключительное совещание о задачах массово-политической работы на курсах самураев.

Вечером выступала на совещании редакторов газет и многотиражек, присутствовало человек 40–45. Собирали только [представителей] промышленных предприятий. Выступили Коган («Красный швейник»), Шмидт («Скороход»), Диканевич («Пролетарская победа» № 2) и Антонова — ее выступление понравилось. Девушка овладевает «профессией» — боевая и энергичная.

27/ХІІ [1943 года]

Был аппарат РК ВКП(б), проводил т. Тихонов, поставил следующие вопросы в связи с отчетом Фрунзенского РК.

1. Организационное укрепление и усиление работы промышленности.

2. Обратит особое внимание на экономические показатели предприятий.

По отчету В. О. отдела агитации и пропаганды записано крепко: формально поставлена агитационно-пропагандистская работа. Агитаторы уходят от острых вопросов. Занижены сообразительности. Основная работа у газетной витрины.

О молодежи. Слабо поставлена работа в школах, особенно среди мальчиков, усиливается вражеская пропаганда. <...>

28/ХІІ [1943 года]

Районное совещание пропагандистов. Присутствовало 70 человек. Прошло неплохо. Стоял один вопрос: «О задачах пропагандистской работы на ближайший период времени». Выступил тов. Левитин (рассказал) о работе кружка по изучению доклада тов. Сталина. <...> Шахматова рассказала о дальнейшей работе, и В. В. хорошо выступил. После совещания придется крепко заниматься пропагандой: главное, упустили контроль за самостоятельной работой.

Остальные дни работала над предложением по вопросу «о политической работе в комсомоле». Выносим этот вопрос на бюро РК ВКП(б).

31/ХІІ [1943 года]

Настроение приподнятое, в 12 часов был аппарат, самый короткий. М. Г. поздравил с Новым годом.

Наступает новый, 1944 год. Все его ждем. Он, несомненно, несет нашу окончательную победу, настроение приподнятое и у работников РК. Это видно по лицам проходящих граждан.

Ребятишки готовятся к каникулам. [Сегодня] наблюдала интересную картину. Парнишка вез на саночках двух малышек с новогодними игрушками. Ребятам радость. Знаю, что сыну бабушка не устроит елку, очень слабенькая. Себе никак не могу простить, что не свезла им елочные игрушки.

В 1944 году сын, наверное, будет со мной, и елку ему такую устроим, что запомнит на всю жизнь.

А вечером речь М. И. Калинина. Новый гимн, торжественный, и подарок — взят Житомир. В эту ночь наши воины идут вперед, многие гибнут во имя счастья остающихся жить. И хочется им сказать: не забудем этого!

3 января [19]44 г[ода]

Сегодня был «горячий» день — обсуждали на бюро райкома наш вопрос о политической работе в комсомольских организациях района. Отчитывался секретарь РК ВЛКСМ т. Горбачев. Не понял он новых задач, которые встали перед комсомолом, доклад был сделан по старинке. Главным было участие в производстве, а мы хотим сделать поворот к идейной жизни комсомольцев. Учеба, доклады лекции, чтобы руководящие кадры комсомольцев были бы вместе с молодежью.

Вскрылись серьезные недостатки:

- а) недооценка явно налицо;
- б) нет учебы среди комсомольского актива;
- в) однообразие и однобокость бесед. <...>

Мы во многом виноваты, нужно помочь сильно. Одним не поднять.

На бюро выступил Городецкий: «нагородил» — непонятно, что он хотел сказать. Хорошо выступили Максимов, Колобашкин, растянул Стремиллов. Выступил Петров, секретарь ГК ВЛКСМ: он понял, что речь идет о крупных недостатках в работе комсомола. В общем, вопрос прошел хорошо. Главное, что все поняли, о чем идет речь. От отдела выступила Ушполь. На бюро присутствовал инструктор ЦК ВКП(б) т. Репин. Интересно знать его мнение.

4/1 [1944 года]

Собирала отдел [для обсуждения] плана работы на январь. Наметили многое. Обязательно должны сделать.

Придется опять начинать с 36-го ремесленного училища. [Налицо] яркое проявление контрреволюционной выходки. Двое мальчи-

ков стреляли в портреты вождей. Положение действительно катастрофическое — грязь, бесхозяйственность, ребята предоставлены сами себе. Полная безрукость руководителей директора, зама по политчасти и секретаря комитета комсомола. Отгородились стеной. <...>

5/1 [1944 года]

Большая неприятность. Договорились, что на районном совещании учителей с докладом «Текущий момент и задачи учительства» выступит т. Колобашкин, но в последнюю минуту отказался. <...> Скандал мировой получился. Упросила Галковского. Выступил, но отзывы неважные. Да еще сорвали концерт. Не явились артисты — подвела Кисляк. <...>

7/1 [1944 года]

Впервые вызван т. Маханин, беседовали более часа. Ясно из беседы одно: начинать учебу партактива нужно по-солидному, учить и комсомольский актив, причем серьезно, фундаментально. Говорили об учебе инструкторов РК (думаю, видимо, в городе).

Об учебе в кружках поняла, что нужно сначала учить историю ВКП(б), дооктябрьский период. Он прав, что нужно учить организационным принципам и тактическим приемам. Меньше фактического материала, больше теоретическим положениям. <...>

10/1 [1944 года]

<...> Утром в субботу 8 января была на фабрике «Скороход». Там повсеместно выступали докладчики райкома Телятников, Шарков, Максимов, Славнова. Накануне Тигонин отказался, так как, видимо, был не подготовлен и, главное, ничего не сказал. Я узнала об этом от других. Пришлось посылать Шаркова.

Выступления произвели хорошее впечатление. Работницы остались довольны. <...> Докладчики говорили просто и доходчиво.

Затем заседал аппарат райкома. Его проводил Тихонов. Опять будет актив по хозяйственным вопросам. Заладили одно и то же, другие вопросы отошли на задний план. Информировал о бюро горкома (переименование улиц, создание инспекции по столовым при исполкомах, итоги минувшего года).

Вечером [первый секретарь] собрал заведующих [отделами] для обсуждения отчета райкома. Крепко «схватилась» с В. В. Он написал, что пропаганда ослаблена. Я ему на это, что секретарь райкома не знает положения в районе. <...>

10 января собирала культпропов. Обсудили [темы]:

а) об изучении гимна (предварительная беседа о значении гимна, выделение запева большим шрифтом в тексте);

б) о ленинском дне;

в) о комсомоле и помощи ему.

11/1 [1944 года]

С утра была у Ушполь. Лежит больна. Затем на совещании в ГК ВКП(б), где разбирались следующие вопросы:

а) решения по Василеостровскому району от 20 ноября 1943 года;

б) о пропаганде к ленинским дням;

в) о прорыве блокады.

Проводил Маханов.

Беседовала с инструкторами т. Антоновой (о практике работы), с Кожинной.

Писала заметку в журнал «Пропаганда и агитация» о пропаганде в [неразборчиво].

Беседовала со Стремилковым (о траурном заседании, совещании секретарей парторганизаций по решению о Василеостровском районе, 36-м ремесленном училище, о партшколе).

12/1 [19]44 г[ода]

Была на заводе «Электросила». Все больны. Левитин болен. Грипп всех забирает.

Беседовала с Антоновой о дальнейшей работе.

Давно не смотрела.

14/1 [1944 года]

Появилась в газете статья секр[етаря] ОГВКП(б) Иванова о воспитании комсомольцев. Не зная положение в р[ай]оне, что делает [райком], пишет, что РК ВКП(б) один из худших по руководству комсомолом. Странно. Звонила к нему, разругались крепко. Первые подняли вопрос в городе. С больной головы хочет свалить на здоровую.

Вечером смотрела «Джордж из Динки-джаза» — хорошо сделано. Просто немного отдохнула. А войска идут и идут. Готовится что-то грандиозное.

15 января [1944 года]

Не могла спать, пришла в РК рано. Сильная артиллерийская канонада. Неужели началось? Да, началось, ровно в 9:20 началась артпод-

готовка, сплошной огонь. Люди выходят на улицу, оглядываются. Загораются. Это наши бьют. Да, наши бьют, и крепко бьют.

Старушки на улицах крестятся, благословляют идущие войска и вослед уходящим на битву воинам летят слова: «Дай вам всем бог». Этот день неповторим.

19 [января 1944 года] радио принесло весть об успешном наступлении Ораниенбаумской группы и из района Пулкова. С пленума РК ВЛКСМ т. Тихонов вызвал наверх и сказал, что будет приказ т. Сталина войскам Ленинградского фронта. Ровно в 8:40 получен приказ т. Сталина [командующему Ленинградским фронтом генерал-полковнику] Л. Говорову.

Радость не описать, вот что-то из груди поднялось. Москва салютовала ленинградским воинам. Москва! Наверное, нашей радостью живет каждый советский человек.

Сидеть [дома] невозможно, вышли на улицу, людей не видно. Но, наверное, все в восторге! Разве забудешь когда этот день. Нет, не забыть его.

Пройдут годы, а незабываемое останется. Жалко тех, кто погиб. Но успокаиваешь себя тем, что без кровавых жертв ничего не обходится.

20 января [1944 года]

Митинги на предприятиях. Радость необычайная. Была на молокозаводе, выступали многие, женщины плакали от большой радости. И так везде. Радость удесятерляет энергию, [трудящиеся] берут обязательства довольно высокие.

Работать теперь [нужно] еще больше. Отменили траурное заседание — может напакостить в последние дни, актив нужно сохранить, особенно теперь. В то же время жаль людей и для пользы дела.

25 января [1944 года]

Вчера тов. Сталин особо отметил нашу дивизию Введенского¹, как отличившуюся в боях за города Пушкин и Павловск. Писали теплое письмо от имени трудящихся Московского района солдатам и офицерам дивизии.

Вчера была на торжественном заседании [трудящихся] молочного завода, [которому] вручали знамя ГКО. Прошло торжественно. Ди-

¹ Константин Владимирович Введенский (1905-?) полковник, (с 03.06.1944 года генерал-майор). С июня 1941 года — командир 2-й дивизии народного ополчения г. Ленинграда, преобразованной в 85-ю стрелковую дивизию.

ректор т. Рохмалев, опустившись на одно колено, поцеловал край алого полотнища. Выступил хорошо. Вручал Герой Советского Союза летчик Николаев. От райкома выступил Тихонов, от горкома Лазутин, уполномоченный наркомата Колесов. Собравшиеся приняли приветствие т.т. Жданову и Сталину. Затем состоялся концерт. Программа джаза и эстрады, довольно неплохая. Был товарищеский ужин. С утра беседовали с [неразборчиво] о перспективах работы Дома культуры. Содержание нужно менять, нельзя только кино.

27 января [1944 года]

День неповторимый и незабываемый, хочется выразиться словами Герцена: «В истории, как в жизни художника, есть вдохновенные мгновения, к ним народы стремятся долгое время, потом эти мгновения провожают своим светом. Счастлив тот, кто участвовал в праздничном пире человеческого воскресения»¹.

Не забыть этого дня. Разогнулись во весь рост ленинградцы. Залпы Ленинграда в честь победы войск. Сколько силы, красоты, трудно выразить словами. Дождались!!! Спасибо вождям А. А. Жданову, тов. Сталину. Разве кто ожидал, что за двенадцать дней решится так классически операция. Кто не был в Ленинграде в это время и кто не пережил [блокаду], тот не поймет всего того, что мы почувствовали здесь. Вступаем в новую жизнь — отличную, но родную с прошлой.

28 января 1944 г[ода]

В 8 часов утра проводила лекцию на макаронной фабрике. Впервые почувствовала, что слово дошло. На глазах женщин выступили слезы. Но это слезы радости, и люди не стыдятся плакать. <...> За годы войны [ленинградцы] разучились плакать, а сегодня плакали и обнимались.

А какой величественный был митинг на заводе «Электросила». В турбокорпусе собрались более тысячи человек. Чувствовалась мощь рабочего класса. Это не рабочие пищевых предприятий, это индустриальные рабочие!

Выступали все хорошо, начиная с В. А., кончая работницей Бубем, стахановцем Харченко. Неплох был Мухин и Скоробогатько. Приняли приветствие А. А. Жданову и рапорт т. Сталину с просьбой [поручить заводу] восстановление турбогенераторов для Днепрогэса и Волховской.

¹ Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. Собр. соч.: в 30 т. Т. 5. Опять в Париже. Письмо первое. 1 июня 1848. М., 1955.

2 февраля [1944 года]

Были с Томилиной на хлебозаводе. Знакомилась с состоянием массово-политической работы на предприятии.

Неприятный разговор произошел с Даниловой насчет учебы. Живет хорошо, личное благополучие написано на лице. Не хочет дальше двигаться. Отказалась учиться на трехмесячных курсах? Не вяжется как-то.

Вечером была в театре, смотрела «Свадьбу Кречинского». Давно не была в театре. Как прекрасно играют Лавровский, Мичурин, Сафонов. Хороша Грановская. Сколько красоты в их игре.

3 февраля [1944 года]

Была на бюрораторном заводе. Знакомилась с организацией политической информации. Какая инертность у Ермоловой и Партянкиной! Не хотят думать над работой.

Женщины молодцы, как они хорошо работают. Производят заливку, поднимают тяжести, вдвоем — четыре пуда. Кругом одни женщины. Прямо преклоняешься перед их работой, героизмом и стойкостью. Сейчас, говорит мастер, работают еще более спокойно и слаженно, нет нервозности.

Вечером была лекция Эмдина «О марксистском диалектическом методе». Опоздал на целый час. Зато читал прекрасно. Давно не занималась глубокими вопросами, хорошо, что брал вопросы из современности. Присутствовало человек 40. Для первого раза это неплохо.

Некоторые материалы антисоветских высказываний. Их мало, но они есть:

Работнице завода «Союз» Б. надоело слушать хвастливые заявления в нашей печати о победах.

Работница фабрика фотобумаг Т.: «Крестьянство жило хорошо до организации колхозов».

Работник райпищеторга Г. <...> о медали: не повесит ее, потому что их раздали всем, гораздо интереснее тем, кто не получил.

Мастер [завода] «Металлоштамп» С.: <...> «Никогда не жили хорошо, кончится война, Ленинград будет нейтральным городом, все товары будут американскими».

Начальник смены экспедиции 12-го хлебозавода Л.: «Голодные люди не виноваты в своих преступлениях, зачем их судить. Виновато в этом правительство».

Кладовщица столовой № 86 Л. о Польше: «Хозяйничать советской власти там не придется, там есть свое правительство, Коминтерн уничтожили, а наши своим кадиллом хотят раздуть мировой пожар».

Медсестра 22-й поликлиники В.: «Идем на поводу США и Англии (смена гимна), без них мы бы не устояли».

Это уже ярые высказывания, а парторганизации, наверное, проходят мимо. <...>

Главный механик 841-го завода О.: «Дойдем до границы, заключит правительство договор с Германией под видом продолжения войны, затем Германия будет воевать с Англией».

Педагог школы инвалидов П.: «Ленинград будет принадлежать Америке, так как всех мужчин уничтожили».

Управхоз РЖУ М. не верит рассказам об издевательствах немцев.

Начальник госпиталя 106 <...> Г. о наркоматах: похоже на вредительство, русских не будут защищать. Выплывут все шовинисты. <...>

Директор продбазы треста столовых М.: «Нельзя надеяться на улучшение снабжения Ленинграда, в блокаду было лучше, больше внимания, а сейчас предъявят повышенные требования».

Ученица макаронной фабрики С.: «Население в Павловске недовольно, что пришла Красная армия».

П. [признался в том, что] воевать не пойдет, не хочет защищать евреев...

А. Т. Кедров¹

«Мы всегда любили свой город»

«Фугасная бомба угодила в дом на набережной <...> При артиллерийском обстреле больше шансов <...> быть убитым <...> при воздушных налетах острее переживания... На фронте положение очень тяжелое <...> Получил карточку на дополнительное снабжение, как отец двоих детей <...> От тех снарядов, визг которых мы слышим, не погибнем <...> Люди, пережившие в Петрограде 1918–1920 годы, утверждают, что тогда было проще... Измученные бездельем, убиваем вечера за преферансом <...> Вернулся с рынка: 100 г хлеба выменял на около 100 г рассыпного табака <...> На февраль по рабочей группе установлены след. нормы: мясо — 1500 г, масло — 800 г, сахар — 2000 г, крупа — 2000 г. <...>

Конечно, норма смешная <...> Позвонил Мише Школярову <...> Он 30 января умер <...> Снабжение значительно улучшилось по сравнению с декабрем и январем <...> Следует отметить восстановленное трамвайное движение... Дальше отмечаю отменную чистоту <...> Населения вновь срочно мобилизуются на окопные работы <...> Пришли два письма <...> Тамара около четырех месяцев не получает вычитаемые у меня деньги <...> Она <...> заподозрила меня в неверности <...> С опозданием на месяц с лишним, но все же хочу записать ряд мыслей о своей командировке на Большую землю <...> От нас и следов не нашли бы <...> Мы так увлеклись [рыбной] ловлей и совсем забыли, что кругом война <...> В течение всего августа не было ни одной воздушной тревоги и всего несколько раз артобстрел, и то короткими очередями, но тяжелыми снарядами <...> Был на банкете <...> Еду в район лесозаготовок <...> Вчера имел удовольствие слушать в филармонии 7-ю симфонию Шостаковича <...> Ленинград живет нормальной, размеренной жизнью <...> По случаю 25-летия Октябрьской революции <...> Вновь увидел своих родных и любимых <...> Ленинград ликует <...> Враг повержен, и над Берлином водружено знамя победы».

¹ Александр Тихонович Кедров — заместитель директора завода № 224 («Метприбор»), Свердловский район. В 1941 г. завод эвакуирован в Молотов (где в 1942 году образован завод № 470 НКАП) и Казань (на завод № 448 НКАП). Оставшаяся в Ленинграде часть завода возобновила работу в 1944 году. Дневник: 8 сентября 1941 — 22 июня 1945 года.

8/IX-1941 года

В 18:45 направляюсь в управление. Не успеваю дойти до трамвайной остановки, слышу сигнал воздушной тревоги и всего через 2–3 минуты вижу над головой вражеские самолеты. Прозевали, стало быть, вовремя дать сигнал. Самолетов летело примерно штук 15–20 в направлении с юга на север. Первое чувство, охватившее меня, — негодование.

Зачем, думаю, мерзавцы, пожаловали, вас никто не приглашал. Летят, чтобы сбросить свой смертоносный груз на мирных, ни в чем неповинных жителей.

С появлением в небе незваных гостей сразу же началась неслышная канонада. Это повели огонь по врагу корабельные и наземные зенитные батареи. Снаряды рвались вокруг каждого самолета, однако ни один из них не достиг желанной цели. Самолеты продолжали полет. <...>

Стрельба зенитных батарей произвела самое сильное впечатление. Сотни трассирующих снарядов рассекали воздух, взрывались в небе белыми облачками и с конским цокотом сыпались на мостовую. Всю эту впечатляющую картину я наблюдал, стоя вместе с постовым милиционером около моста Лейтенанта Шмидта. <...>

В 20 час. 40 мин. новый налет. Я сижу в управлении у Жукова в кабинете. Вскрываю с места, покидаю кабинет и стремительно лечу по лестнице вниз. У выхода настигаю шофера, собирающегося ехать в гараж, что на бульваре Профсоюзов. В 22:50 проезжаю по набережной мимо Летнего сада, слышу где-то вблизи оглушительный грохот. Через 10 минут путь нам преградили туча пыли и огромная груда обломков. Оказывается, фугасная бомба угодила в дом на набережной, между Мраморным и Мошковым переулками. Пришлось повернуть и ехать на ул. Халтурина.

На бульваре Профсоюзов я вышел из машины и пошел пешком на завод через мост Лейтенанта Шмидта. Вой авиамоторов подавлял психику. Артиллерийская стрельба еще более усугубляла гнетущее состояние. В небе были видны ракеты, кто их посылал и что они означали, не понять. Верно одно: «пятая колонна» была за работой. Как хотелось бы поймать негодяя, запускающего ракеты, и задушить гада собственными руками. Именно задушить, ибо пулю жалко для гадины.

Не скажу, что особенно приятно было слышать громоподобные взрывы, но особенно отвратителен вой, издаваемый падающими бомбами, забирающийся во все уголки тела. Так и кажется, что бомба летит в тебя, как будто ее что-то притягивает именно к тебе. Затем где-то вдали, в одном-двух километрах, а кажется, совсем рядом слышится раскати-стый взрыв, и воздушная волна сшибает крыши и скоблит штукатурку.

Через час отбой. Спать ложусь в час ночи и, несмотря на нервное перенапряжение, быстро засыпаю. Но сон не был спокойным: часто просыпался, — какие-то чудовища-бронтозавры хотели меня слопать.

9/IX-1941 года

Вечером около 10 часов вновь налет. Нахожусь у себя в комнате на работе. Сажу у окна, слушаю гудение моторов и взрывы падающих фугасных бомб. Подымаюсь на крышу и вижу три огромных пожара. Один где-то за Балтийским заводом, другой за заводом Марти (видимо, в порту) и третий в южном направлении, примерно в районе завода «Электросила». Хотя и жутко, но не так уже страшно, как вчера, начинаю привыкать.

10/IX-1941 года

С утра ездил с частью рабочих на окопные работы в честь Международного юношеского дня. В течение дня было 9–10 воздушных тревог. <...>

11/IX-1941 года

Сегодня ночью был самый интенсивный налет. Бомбежке подверглись Свердловский, Октябрьский и Кировский районы. Возникло три крупных пожара. <...> С зажигательными бомбами население уже научилось бороться и успешно защищает от них свои дома.

15/IX-1941 года

Сегодня днем в небе над городом наблюдал воздушный бой между нашими и немецкими истребителями. Участвовало около сорока самолетов. Бой начался над Кировским районом и длился около часа, передвигаясь с юга на север. Закончился бой над Выборгским районом. Сбитых самолетов не видел, но, как рассказывают очевидцы, один вражеский самолет рухнул вблизи Ботанического сада.

16/IX-1941 года

Небо заволкло тучами, чуть-чуть моросит дождик. В такую погоду обычно самолеты летают мало. Но сегодня враг воспользовался ею и совершил налет на корабли, стоящие на рейде в гавани и в заливе. Seriously пострадал недостроенный линкор «Марат», который накануне и в ночь на 16-е здорово беспокоил немцев, посылая из дальнобойных орудий увесистые гостинцы. <...>

17/IX-1941 года

В 16 часов поехал домой, чтобы захватить кое-какое барахлишко для спанья, и стал очевидцем необычного события. Тысячи людей,

как муравьи, движутся по Московскому шоссе. Дано распоряжение о переселении жителей Кировского и Московского районов в северные районы города, так как эти районы [подвергаются] наиболее интенсивной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу. <...>

Потрясающая картина: тысячи людей с тысячами узелков — у кого-то на плечах, у кого-то на руках, у кого-то на ручных тележках — движутся непрерывным потоком. Вот мальчик 13–14 лет с котомкой за плечами, набитой картошкой и капустой, бодро шествует рядом со взрослыми и ничтоже сумняшеся напевает себе под нос: «Мать в доме победу кует, а я на войну собираюсь». Ковыляет старушка, опираясь на дубинку, и тащит, родимая, кочан капусты. И жалко, и стыдно за такое поспешное отступление. Бедные мужественные ленинградцы. Ни тени отчаяния. О, многострадальный русский народ. На протяжении всей своей истории несет тяжкие испытания. <...>

Хлебный паек урезан уже вдвое для рабочих и втрое для служащих и иждивенцев. И надо думать, что еще более сократится. Самые суровые испытания еще впереди. Бомбежки, голод и канонада, так треплющая нервы.

13 сентября, проезжая на трамвае по мосту Лейтенанта Шмидта, я вынужден был сойти с трамвая и пойти пешком, так как впереди стояло много трамваев. Не успел я сойти с моста, как впереди меня, на расстоянии не более ста метров, с грохотом разорвался артиллерийский снаряд, угодивший в решетку сада, что около Дворца труда. Результат — несколько убитых и раненых, меня бог миловал, остался цел, только моя правая нога сделала в воздухе странное антраша и грузно упала на мостовую, не оторвавшись, однако от туловища. Сделал несколько движений и убедился в том, что, слава аллаху, цел.

Это называется легким видом контузии.

В среду вечером опять был воздушный бой, за который я растрелял бы часть наших артиллеристов. Что же произошло? А вот что. В юго-западном направлении появилось несколько вражеских самолетов, очевидно, с целью разведывательной, началась пальба из пушек, снаряды рвались вокруг да около, но никакого повреждения самолетам не нанесли. Через 10–15 минут появились наши ястребки (15–20 истребителей), в основном «новодеревенская»¹ авиация. Завязался воздушный бой, окончившийся вничью. Те и другие удалились восвояси без потерь. Но дело не в этом. Возмутительно то, что, несмотря на завязавшийся воздушный бой, наши зенитки продолжали лупить в воздух.

¹ Так шутливо жители называют тупорылые бипланы в отличие от быстроходных и ловких МИГов, ни в чем не уступающих вражеским самолетам. — Примеч. автора.

Снаряды рвались вокруг. Но, как говорят, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Неумение наших зенитчиков стрелять позволило и тем и другим улететь невредимыми. Представляю себе состояние летчиков в этот момент, мне так и хотелось бы, чтобы кто-нибудь ринулся вниз и с аппетитом расстрелял бы прислугу какого-нибудь орудия.

Вот идиотизм, бездарность и неорганизованность.

У нас так поставлено дело: или проморгают и начнут стрелять, когда враг уже сделал свое дело, или разойдутся, что не поймешь, где свой, где чужой, как и в данном случае. Достаточно какому-нибудь идиоту, а быть может, и умному врагу выпустить один снаряд вверх, как открывается безудержная канонада со всех батарейных точек, неважно, насколько это целесообразно (потом в околотке разберутся), а важно грозно нашуметь без толку.

Ночью в начале двенадцатого была тревога, но налета не было, зато мне пришлось от Заячьего переулка идти пешком. Пришел к себе только в 1:30. Моросил дождик, и я, промокший и продрогший, еле дотащился.

18/IX-1941 года

12 час. 10 мин. У меня сидят Мартынов и Немченюк. Слышим, раздаются взрывы. Вначале думали, что стреляют из орудий с неподалеку стоящих кораблей, а потом усомнились, т. к. взрывы совсем не похожи на выстрелы, а скорее на разрывы снарядов — очень сильные и резкие. Пошли проверить: оказывается, рвались снаряды, посылаемые из дальнобойных орудий. Сам я видел (слышал очень много) разрывы двух снарядов. Один упал на дом, примерно посередине Красной улицы, а другой — в крышу не то бывшего Синода, не то Адмиралтейства. От последнего возник пожар, который через час был ликвидирован.

Скажу я вам, друзья мои, что неприятное чувство сопровождает тебя в тот момент, когда видишь, как эти вандалы XX века «причесывают» верхние этажи домов.

Раздается резкий грохот, и кучи кирпичей с песком летят в воздух, а вместе с ними, может быть, и отдельные части человеческих тел.

Жутко становится от мысли, что, может быть, сию секунду и тебя постигнет та же участь. Артиллерийский обстрел, пожалуй, внешне менее страшен, чем разрывы авиабомб, ибо последние летят ночью, а это усугубляет страх, и рвутся эффективнее. Если снаряд разрушает один-два верхних этажа, то бомба в 250–500 кг разрушает до основания не один дом, и на расстоянии 100–200 метров вылетают рамы и двери. И все же этот страх временный, пока над головой летают самолеты. Как только улетели, ты имеешь время успокоиться. Несколько

иначе обстоит дело с артиллерийским обстрелом. Идешь, скажем, по улице, ничего не подозревая, и вдруг вблизи тебя грохот, треск, и ты по частям разлетаешься в воздухе. Кто от этого гарантирован, находящийся на улице? Никто. Если от авиабомб многие могут уйти в бомбоубежище и там переждать ужас воздушных налетов, то при артиллерийском обстреле тебя никто не может предупредить о том, что летит снаряд, и ты совершенно неожиданно можешь оказаться жертвой этой неожиданности. Итак, если при артиллерийском обстреле больше шансов на то, чтобы быть убитым (мы даже с элементами созерцательности наблюдали «красоту» разрывов снарядов на крышах домов и мостовых), то при воздушных налетах острее переживания. Особенно жутко становится тогда, когда бомба затягивает свою «мелодию», будто она только для тебя и предназначена, а ночь, ночь темная, осенняя, сдобривает эти переживания.

Идешь иногда и думаешь: «Может быть, остановиться лучше и переждать, ну а вдруг именно тут и упадет снаряд <...> нет, лучше отойти от этого места». Но в это время тебя преследует другая мысль: «Может быть, лучше стоять, ибо бомба-снаряд там упадет, куда я иду».

И так без конца: одна мысль побивает другую, и снова первая выпирает вперед. Наконец берешь себя в руки и решаешь: «А, черт с ним, пусть будет, что будет: убьют так убьют, не убьют, так жив останусь». И одно желание: уж если суждено, пусть рвет на куски, чтобы не остаться калекой.

А жажда жизни какая появляется, особенно когда вспомнишь свою семью. Где-то мои милые, родные, любимые Таменька, Галенька, Боренька. Они, я знаю, беспокоятся обо мне, но не представляют себе того ужаса, который ленинградцы видят каждый день; как не представлял и я, когда читал в газете, что на Москву был налет.

Все это казалось слишком далеким и абстрактным: ну что значат несколько бомб для таких городов, как Москва или Ленинград. Да, верно, результаты для города в целом уж не ахти какие страшные, но, когда посмотришь конкретно, совсем другое чувство возникает.

Достаточно появиться одному самолету и одной бомбе, чтобы заставить своим воем весь народ взволнованно ждать, куда она, «сердешная», упадет.

Каждый думает, что на него, но надеется, что не на него. И эта бешеная смена мыслей и вызывает естественный страх. Хотя, как мне кажется (пусть это не сбудется), самый ужасный страх впереди.

Девушки, дежурящие, вместе со мной, просят меня пораньше прийти (вечером я ухожу в управление), так как одним им очень страшно:

— С вами, Александр Тихонович, мы как-то смелее становимся. Вы своим присутствием и поведением вливаете бодрость духа и даже в такие минуты можете шутить и смеяться.

Это несколько отвлекает, и страшные минуты проходят легче.

А как они любят музыку, которая звучит после отбоя воздушной тревоги.

Раздался новый взрыв снаряда, это новые жертвы, вот второй, третий, четвертый, и не считаешь их, ждешь, когда в тебя попадет снаряд, может быть, и не успеешь записать свои мысли.

Теперь самая любимая мелодия ленинградцев. После нее несколько минут, а может быть, часов можно успокоиться, если нет артобстрела. И так каждый день, каждый час, каждую минуту, секунду, из этой неопределенности рождается страх. А как напряжены сейчас нервы. После разрыва снаряда раздается телефонный звонок, и в первый миг кажется, что вот он, «мой» снаряд прилетел, и невольно вздрагиваешь.

Ах, варвары, ах, людоеды, что они делают, негодяи, бомбят мирное население, разрушают насиженные места и очаги культуры. Уж куда ни шло военные объекты, это «законно» в условиях войны, но при чем тут жилища, дети, женщины, старики, старухи? Но для этих мерзавцев не существует никаких законов. Они стремятся любой ценой посеять панику, подавить дух сопротивления и этим самым взять Ленинград. Но нет, не выйдет. Варварские обстрелы (вот опять разрыв — с ужасающим грохотом разносится по району, за ним второй, еще более грозный, третий, прямо-таки методически разрушают — без конца слышны разрывы) не сломят храбрых, а только вызовут жажду мщения.

В этом грохоте взрывов я с огромнейшим удовлетворением вспоминаю свое решение отправить семью подальше от этих ужасов. Пусть я один это перенесу, и это в меня вселяет бодрость и радость за разумный поступок.

Остался небольшой осадок горечи от тещиних слов, которая заявила жене:

— Дура ты, дура, неужели ты не понимаешь, что он хочет избавиться от тебя.

Хотел бы взглянуть на нее хотя бы на минуту, что бы она сказала теперь, в такой момент. Уж если в период невинных тревог, когда не слышно было ни одного выстрела, даже шума моторов, она в панике бегала по квартире и истошным голосом призывала всех бежать в бомбоубежище, то что же было бы с нею сейчас. Она бы сошла с ума и свела с ума других. Эх, родненькие мои, счастливые мои. Как я рад тому, что вы находитесь в безопасности.

19/IX-1941 года

Сегодня в пятом часу был налет бомбардировщиков, сброшены фугасные бомбы, главным образом в центре города. Огромной силы взрыв прогремел на Дмитриевском. Много человеческих жертв. В ночь на 19-ое — артобстрел, поврежден ряд зданий в центре

Во время налета была сильная стрельба из батарей. Сбитых самолетов не видел. Несколько фугасных бомб упало в Неву. После тревоги ребята и взрослые выехали на лодках подбирать рыбу. Вечером налет повторился. Сброшено много фугасных бомб, главным образом в Кировском районе, бедному Кировскому заводу достается жарко. Бомбы упали также на Петроградской стороне, Пушкинской улице и на Васильевском острове. Во время этого налета я сидел в штабе МПВО нашего завода. Одна бомба упала не так далеко. Здание жалобно заскрипело, и пол под ногами заходил. Около одиннадцати дали отбой, но через 10–15 мин. тревога возобновилась, но вскоре закончилась, так как самолеты появились только в пригороде в направлении опять же Кировского района.

И так каждый день «приятные» сюрпризы. С немой скукой ждешь, когда очередь за тобой. Каждый мечтает только об одном: если суждено попасть под бомбежку, то быть убитым на месте мгновенно, если раненым, то слегка, без инвалидности.

Газеты много пишут о презрении к смерти, а жители Ленинграда, как мне кажется, это презрение в себе вынашивают. Иначе чем объяснить то обстоятельство, что при артиллерийском обстреле жизнь города протекает совершенно нормально: бегают автомобили, ходят трамваи, снуют пешеходы, торгуют магазины, столовые. Разорвался снаряд — грязно-желтый дым вместе с обломками кирпича взлетает в воздух.

Люди на миг шарахаются в стороны и, поглазев некоторое время на результат взрыва, продолжают свой путь. Удивительное существо русский человек, ему не страшна сама смерть, а страшно ожидание ее. <...>

Как никогда актуальна сейчас строчка из монолога Ленского: «Что день грядущий мне готовит <...> паду ли я, стрелой (осколком, воздушной волной) пронзенный, иль мимо пролетит она...»

Не смерть страшна, больному сердцу в ней отрада, трусости нет, а есть омерзительное чувство томления, чувство неопределенности, когда каждую секунду ждешь неприятности. Ведь не истребит немец всех жителей Ленинграда, но кто попадет в число этих счастливых, неизвестно.

21/IX-1941 года

Кольцо смерти вокруг Ленинграда сжимается, ах как нехорошо. А ведь сколько отваги, мужества и стойкости в красных воинах. Если бы их вооружить так же, как вооружены немцы, то последние не только были бы разбиты, но вообще не нюхали бы ленинградского запаха. Беседа с бойцами, побывавшими ни передовой, диву даешься, как мы еще сопротивляемся.

Ведь немецкие войска одеты в броню, даже пехота в бронированных автомобилях. Нашим бойцам редко приходится видеть немцев, свободных от машин. К тому же они непрерывно осыпают артиллерийскими снарядами, стрельбой из пулеметов, минометов и бомбежкой с пикирующих бомбардировщиков. Особенно действенными оказываются минометы при массовом применении, представьте себе обстановку, когда почти каждый метр земли прочесывается минами, осколками от них. А если учесть их эффектные разрывы, безусловно влияющие на психику человека, то станут понятными наши территориальные потери и большие потери личного состава (сотни раненых красноармейцев ежедневно выгружаются с пароходов на трамваи для следования в госпитали, под которыми занято очень много общественных и учебных зданий).

22 /IX-1941 года

Сегодня большая облачность и даже моросит дождик, тем не менее немцы опять прилетели и из-за облаков спускали фугасные бомбы. Во время тревоги я обедал в столовой, что на углу пр. 25-го Октября и ул. Герцена. Одеваясь в гардеробной, я услышал грохот и движение пола под ногами. Бомба упала на Перинной линии, много пострадавших. Ночью налета не было, хотя и была тревога. Идешь по городу и видишь заплаты на окнах домов из фанеры, фанера вместо стекла. До чего наивны были ленинградские жители, думая, что стекла удержатся от наклеенных бумажек. Какая там к черту бумажка, когда рамы и двери с треском летят от взрывной волны.

26/IX-1941 года

За прошедшие три дня налетов не было ни днем ни ночью. Странно, погода благоприятствовала им. Небо, особенно ночью, было совершенно чистым. Правда, не было Луны, зато Юпитер ослепительно блистал, а Венера ему помогала. «Злые языки» уверяют, что отсутствие налетов связано с тем обстоятельством, что немцы оттянули авиацию на армию Шапошникова, который якобы в Н-ском направлении на помощь Ленинграду. Хорошо, если так, но, с другой стороны, намечается

перелом в дисциплине армии, которая, по рассказам военных, здорово пала. Сейчас ее крепко подтягивают. А то до смешного докатились. Достаточно, говорят, противнику начать стрельбу из автоматов или, еще страшнее, минометов, как некоторые наши доблестные бойцы шарахаются в сторону. Это уже деморализация. Элементы ее, конечно, есть (посудите сами — перманентное отступление). Я понимаю тактику нашего командования, вызванную техническим превосходством немецкой армии, заключающуюся в систематическом изматывании врага и уничтожении живой силы.

Немцу же надо наступать во что бы то ни стало, жертвуя миллионами людей, т. к. стабилизация фронта для Германии означала бы начало очень печального конца.

Я так разумею, что стабилизация уже начинается. И стоит только на каком-либо направлении крепко стегнуть и погнать немца, как немедленно поднимется дух наших воинов на других направлениях, немецкая армия вынуждена будет переходить к обороне, в данное время она в некоторых местах к этому и приступила. Не случайно немцы рассказывают сказки о каких-то особо сильных укреплениях около Ленинграда, превосходящих линии Мажино и Зигфрида. Видимо, крепок для них оказался орешек, и теперь они пытаются объяснить невозможность захвата Ленинграда какими-то мифическими линиями Сталина. Нам, ленинградцам, доподлинно известно, что Ленинград является абсолютно незащищенным городом с точки зрения какой-то системы укреплений.

Противотанковые рвы, наспех вырытые, не могут в какой-либо мере сравниться не только с линиями Мажино и Зигфрида, а даже простыми полевыми укреплениями временного характера. Значит, у них появилось сомнение в возможности пробиться в город. Надо этот момент использовать и грянуть на них всей нашей мощью, чтобы деморализовать его и изгнать от Ленинграда и Ленинградской области.

Этот момент приближается, и как только подобная обстановка создастся на других фронтах, можно будет смело сказать, что гитлеризму пришел конец. Гитлеру и его собакам придется тикать, так как свои же солдаты будут их уничтожать безжалостно. Тогда воспрянут поработанные народы Европы, поднимутся во весь свой рост, сотрут нацистов в порошок.

На Неве около нас накопилось солидное количество кораблей. Соседство не самое приятное, так как противник регулярно совершает на них авианалеты. И неизбежны жертвы среди мирных жителей, живущих по соседству с боевыми кораблями. С другой стороны, приятно

смотреть на стволы корабельных орудий, готовых направить навстречу врагу свой смертоносный груз.

Мне доводится наблюдать, как ведется огонь по позициям врага из дальнобойных орудий. Жутко смотреть, но приятно осознавать, что каждый снаряд наносит урон врагу. <...>

Вчера поздно вечером довелось видеть несколько групп наших самолетов, направляемых в тыл противника с грузом патронов. Каким благодарным и любовным взглядом провожает каждый честный советский патриот эти машины, которыми управляют сталинские соколы — наши советские летчики, добродушные и улыбчивые на земле и сурово сосредоточенные за штурвалами своих боевых машин. Хочется сказать им вслед: бейте их, гадов, без пощады, обрушьте на них разящий огонь вместе с нашей лютой ненавистью к мародерам-фашистам. С такой же радостью встречаешь самолеты, возвращающиеся с боевого вылета. С удовлетворением констатируешь, что сокол наш разбил что-то, убил сколько-то фашистов и невредимым вернулся домой. Хочется крепко обнять и благодарно расцеловать каждого и влить новую силу для последующих полетов.

24/IX получил от Таменьки две телеграммы, спрашивают о моем здоровье. Мне понятна ее забота и беспокойство после сообщений о воздушных налетах на Ленинград. В ответ послал телеграмму о состоянии своего здоровья.

Сегодня вновь получил две телеграммы, одну из них молнию. Пишет, что от меня никаких звуков не доносится. Придется, сердечной, послать еще телеграмму и открытку. Здоров, здоров, моя дорогая. Пока здоров. Кто его знает, буду ли и дальше жив. Но внутренне я почему-то убежден, что буду жить. Я не мыслю себе, что не увижу больше моих родных, любимых, прочь эти грустные мысли. Я их увижу и с жаром обниму свою женушку и детишек. Как-то иначе и быть не может. Но нервы крепко потрепаны. Это видно хотя бы из того, что каждый пустяковый хлопок выхлопной трубы автомашины или стук дверей кажутся на один миг разорвавшейся бомбой. И все это сопровождается внутренним содроганием. Видимо, срабатывает инстинкт самосохранения. Телефонный звонок вызывает подпрыгивание на стуле. На фронте говорят, это быстро проходит, но здесь, в городе, живущем «мирной» жизнью, очевидно, сказывается на всех.

27/IX-1941 года

После долгого перерыва довелось мне сегодня побывать у себя на квартире на Московском шоссе. Съездил неудачно, так как попал под бомбежку, но, с другой стороны, удачно вышел из «боя», так как остался

цел и невредим. Однако пришлось пережить несколько тревожных минут. Заправляя в коридоре велосипед, услышал гул вражеских самолетов и буквально сразу же разрывы бомб, которые были все ближе и ближе. Наконец, одна хлопнула совсем рядом, дом закачало, но стекла остались целы. Я встал между дверями при выходе, предполагая, что, если засыплет, откапают. Но откапывать, к счастью, не пришлось. Вскоре я сел на велосипед и отправился на почту переадресовывать газету. Только сел за стол писать заявление, вблизи раздался невероятный грохот, задрожал дом, да так, что у меня вставочка выпала из рук, но обошлось без неприятностей.

29/IX-1941 года

Вечером у П. М. варили курицу, но не успели. Раздался сигнал воздушной тревоги. Невзирая на это, решили предварительно попить чайку. Но не вышло. Раздался оглушительный грохот, я инстинктивно подался вперед и поперхнулся чаем. П. М. понудил меня пойти в «бомбоубежище». Ставлю кавычки потому, что не натуральное бомбоубежище, а скорее психологическое, т. к. помещается под пятиэтажным домом, но с деревянными перекрытиями, которые не могут защитить укрывшихся там людей от прямого попадания даже от 250-килограммовой бомбы, а быть может, и не от прямого.

Сидя в подвале, слышали гул самолетов и взрывы бомб совсем недалеко. От взрыва одной бомбы подвал замер, и люди приготовились к катастрофе: земля заходила под ногами, и стены закачались. Но катастрофа миновала нас, бомба упала рядом с военным училищем связи, что напротив квартиры П. М. Удивительней всего то, что даже стекла в квартире остались целы. Это получилось потому, что бомба оказалась небольшого калибра, видимо, килограмм 100. К тому же она упала с другой стороны противостоящего дома, и этот дом задержал взрывную волну. После отбоя мы разделились с курицей, и я собрался ехать на завод.

Сев в трамвай, я успел доехать только до Московского вокзала, так как по проспект 25 Октября трамваи не ходили. Оказалась, бомба солидного калибра угодила во Дворец пионеров и разнесла гордость нашего юношества. Кроме того, разгромила все рамы и двери во всех противостоящих домах, я видел груды стекла и зловеще зияющие, как раны на теле, дыры, темноватых оконных проемов. Сквозь них видна была обрушившаяся с потолков штукатурка и висящая арматура. А какие стекла разбиты?

Зеркальным стеклом были застеклены все эти дома от ул. Пролеткульта¹ до Фонтанки, на самом красивом проспекте Ленинграда.

¹ Ныне — Малая Садовая.

Взрыв этой бомбы застал Николая Ивановича на наблюдательной вышке на ул. Пролеткульта. Он говорил, что жутко было, когда еле удержался на ногах, ухватившись за перила, а дом качало из стороны в сторону. <...>

Ночью тревога повторилась около часу, но я сказал себе: «Пусть бомбят, черт с ними, а я буду спать». И уснул, так что ничего не видел и не слышал. А вообще это легко!

Спать во 2-м этаже 3-этажного дома, который может развалиться даже от артиллерийского снаряда. Это, конечно, легкомыслие и ложный стыд (идти в убежище), тем более вокруг нас заманчивые мишени для налетов (три судостроительных завода да еще куча боевых кораблей).

30/IX-1941 года

Сегодня выходной день, решил его разок провести как выходной. С начала войны выходные существуют номинально, и фактически работаешь, их не замечая. Утром сходил в баню, днем пошел к П. М., чтобы заняться приготовлением обеда. Сварил горох с грудинкой. П. М. пришел, когда обед был готов, да еще какой. Мы оба ели и нахваливали. Предварительно выпили по паре рюмок «горючего». Однако закончить трапезу не удалось.

<...> Прозвучал сигнал воздушной тревоги. Пошли в убежище. Сидели там полтора часа, слышали разрывы бомб, но в этот раз где-то далеко, примерно на Выборгской стороне. Покинув убежище, я без промедления отправился на завод. Больше налетов сегодня не было.

Сейчас слушаю по радио чтение передовицы «Ленинградской правды», посвященной боевой учебе всех могущих носить оружие от 16 до 50 лет. Будем все готовиться к битве за родной город-страдалец, уже с лишним месяц выдерживающий осаду вооруженного до зубов врага. Встанем грудью, но город, носящий имя великого человека нашей эпохи, город Ленина, не отдадим никогда фашистским гадам. <...>

П. М. передал мне печальную новость, услышанную от шофера Володарского райкома ВКП(б). Оказалось, что при обратном захвате нашими войсками города Пушкина в нем остались диверсанты, которые напали на работников, проявивших преступную беспечность, жертвой которой они стали. Всех работников райкома вплоть до уборщицы фашистские изверги перерезали.

Вот как «гуманно» обращается враг с населением. Да и наши хороши. Полученные уроки не усвоили. Кричат, кричат о бдительности, митингуют, других призывают, а сами за словами ничего не видят, повторяют заученные фразы, как попугаи. И вот результат. Пора бы уж, кажется, говорить, делать так, как подсказывает собственный разум, а не достает его, то неча лезть не в свой кузов. Ну, разве автоматы безмозглые,

а не живые люди, призванные руководить определенным участком государственной работы и других приобщать к ней, а на поверку выходит полный идиотизм и кретинизм. О, как стыдно и больно за них, стыдно, потому что они олицетворяют собой передовую партию, а больно, потому что все же наши простые, добрые русские люди, живущие с беспечностью мирного времени.

1-4/X-1941 г[ода]

За эти дни произошло очень много событий, которые я не имел возможности занести сюда. Прежде всего необходимо отметить, что фашисты пунктуально и методично начинают бомбежку города в 19:30–19:40 ежедневно. При этом бомбежка не в пример предыдущим продолжается в течение всей ночи волнами. За сегодняшнюю ночь на 5 октября, например, было сброшено очень большое количество зажигательных и фугасных бомб. Если раньше на «Васин» остров падало очень мало, то теперь сброшено огромное количество бомб. Возникло много пожаров. На наш объект, к счастью, упала только одна бомба, которая быстро была погашена.

Начиная с 1 октября раздавалась огромной интенсивности канонада из наших дальнобойных орудий. Причем она не прекращалась даже ночью. Надо думать, это немец подошел где-то близко, и его обстреливают.

В частности, мне известно, что немцы находятся близко от Пулкова, как будто бы в Лигове. Это уже город. Кроме того, было несколько воздушных десантов в пригородах. Из числа ли этих негодяев вербуются люди, пускающие ракеты во время воздушных налетов. Дело в том, что во время налета то там, то тут появляются осветительные ракеты, горящие в воздухе по несколько минут. В ожидании этого сигнала самолеты «ноют» над городом и с появлением ракеты, как шакалы, набрасываются на это место и сбрасывают бомбы.

5/X-1941 года

Враг сегодня нарушил свое «расписание» бомбардировок. В место «обычных» 19–20 часов налетел в час ночи. Потому ли что (как болтают некоторые) сегодня воскресенье и он «отдыхает» или потому что (это более правдоподобно) с вечера барометр стал заметно падать. Действительно, в его урочное время начался дождик, но к ночи барометр устремился вверх и достиг 770 мм. <...> Тучи разбежались. Окаянная луна осветила тревожно уснувший город. Мокрые после дождя крыши в лунном сиянии и сделались отличными ориентирами. Однако оказалось, что защитники города оставались начеку и враг встретил достой-

ный отпор. Появление в небе над городом наших ночных истребителей оказалось весьма эффективным средством против ночных полетов. Противник дрогнул и, беспорядочно бросая бомбы, поспешил убратся.

6/Х-1941 года

Сегодня немцы пунктуальны. Воздушный налет начался в 7:20 вечера и продлился до 11 часов. В эти часы был у Жоржика. После трех он, я и Борисов закусили немного свининки и запили 100 г спирта. Беседа затянулась до полуночи. Вспоминали юношеские годы. Вышел от них в начале первого. Как и следовало ожидать, трамваи уже не ходили. В пути попались два встречных трамвая, а попутных не было ни одного. Я был вынужден топтать пешком до управления, около десяти километров. Но я не жалел и с удовольствием прогулялся. Погода была на редкость тихая, луна время от времени выглядывала из-за туч. Пожелтевшие листья нависших над тротуаром лип и тополей навевали мысли, совсем не соответствующие грозной обстановке в Ленинграде. Тишина лишь изредка нарушалась лаем проснувшейся бог весть почему собаки и легким шумом шагов патрулей, проверявших ночные пропуска у заповдавших пешеходов. К дому П. М. я прибыл около 2 часов. Нажав кнопку квартирного звонка, я стал ожидать мягкий шорох шаркающих ног обитателя квартиры. Но не тут-то было, знакомых шагов не было слышно. Я повторил звонок, но и после него ничего не услышал. Это зловещее молчание ничего хорошего не предвещало; я стоял обалделый, размышляя над тем, где я смогу провести ночь. Перспектива уличного ночлега меня мало привлекала. В бомбоубежище было не попасть, т. к. входные ворота во двор были закрыты. Со злостью и тупой безысходностью я вновь нажал кнопку и надолго придавал ее к стенке. И оказалось, не зря я на нее давил. Донесся приятный шум в передней и заспанный голос жильца:

— Кто тут?

— Это я.

— Кто это такой я? — послышался нарочито сердитый голос. — Какой дьявол не дает спать мирным жителям?

— Открывай, говорю, мерзавец, а то разнесу дверь.

Наконец дверь открылась, и я не без удовольствия ввалился к обескураженному обитателю. Долго еще ворчал мой «старик», отпуская колкости по моему адресу вроде того, что «надо было ночевать у нее, а не бежать. Использовал бедную девушку и давай ноги уносить. Умеешь кобелировать, умей и место находить». Но все это говорилось так беззлобно, что я отвечал в том же духе:

— Замолчи, сонная карга, кругом рвутся бомбы, а ты ничтоже сумняшеся отдаешь концы Храповецкому.

С этими словами я завалился на кровать и, не успев докурить, погрузился в глубокий сон.

Проснулся в 6 часов утра вместе с радиозвуками. Провалившись в кровати около часа, я встал и, пользуясь тем, что сегодня выходной, позволил себе не пойти на завод. Мой «старик» уже был на ногах и заваривал чай. У меня был подарок от Жоржика — концентрат гречневой каши. Мы быстро ее сварили и тут же съели, запив чаем с сухарями.

Затем отправились прогуляться по городу. По дороге зашли на почту и послали 300 рублей его брату Петру Михайловичу, бежавшему без вещей и денег с женой и сыном из Новгорода в Устюжну. Следуя дальше, встретили на Аничковом мосту одного нашего общего знакомого, ищущего очередную порцию пива или чего-нибудь, его заменяющего. Николай страдал извечным российским недугом. Умнейший человек, одаренный блестящей памятью, позволяющей с абсолютной точностью воспроизводить услышанное, настолько втянулся, что не проходило дня, чтобы он не влил в свой луженый желудок известной дозы алкоголя. В связи с создавшейся в Ленинграде обстановкой он лишился возможности регулярно производить это «спринцевание».

Напрашивался на угощение, мы деликатно уклонились. На проспекте 25 Октября нас застала тревога, впрочем, быстро закончившаяся.

Отдав необходимые распоряжения на заводе, мы вернулись обратно в квартиру с целью приготовить обед. Обед на редкость удался, даже в условиях Ленинграда. Благодаря любезности сослуживца Агеева мы имели возможность приготовить помидоры, присовокупив от себя банку крабов, макароны с мясом, картофель с кильками и горох. Все это вместе взятое с небольшой дозой разведенного спирта (пол-литра) позволило нам неплохо пообедать. В этой трапезе активное участие принимал И. Р.

В 19 часов мы направились на службу И. Р. Не успев доехать до цирка (19:20), услышали сигнал воздушной тревоги. Немцы остались верны себе. Изо дня в день они методически бомбардируют город.

Мы вынуждены были пойти пешком. «Ничего у них не выйдет, — уверенно заявил П. М., — наши ястребки не допустят их в город, в этом я не сомневаюсь». Но, к сожалению, он ошибся. Налет был настолько интенсивный, что, как никогда, тревога продолжалась почти всю ночь. Часа два-три мы просидели в бомбоубежище, но это положение нас мало удовлетворяло. Забыв об опасности, мы уселись в кабинете И. Р. распивать чай, а затем расположились там же спать. Нас можно упрекнуть в легкомыслии, но мы, невзирая на грохот орудий, сопровождавшийся еще большим грохотом разрывов фугасных бомб, все же улеглись. Я вскоре заснул, но был разбужен толчком и покачиванием пола. Где-то неподалеку разорвалась фугасная бомба.

Было три часа ночи. Тревога, стало быть, продолжалась. Я повернулся на другой бок и снова заснул. Но и во сне меня не оставляла бомбежка. Снилось мне, что огромное количество вражеских самолетов налетело на Ленинград и производит здесь свою гнусную разрушительную работу. Я видел небо, усеянное множеством разрывов зенитных снарядов, и слышал разрывы фугасных бомб. Много еще разной гадости лезло в голову, но этот кошмарный сон был прерван в 6 часов голосом диктора, прочитавшего очередную сводку. Я быстро оделся и без четверти семь тихо вышел, оставив своих коллег, продолжавших храпеть во все носовые завертки. Сегодня узнаю результаты ночной бомбежки.

8/X-1941 года

Действительно, фугасная бомба упала в непосредственной близости от места нашего ночлега. Враг очевидно метил в завод «Судомех», но угодил в набережную, примерно в ста метрах от крейсера «Киров», пришедшего залечивать раны, полученные в боях на Балтике. Много бомб было сброшено в районе ул. Красных Командиров и Обводного около завода «Красный треугольник». Пожаров не было.

Как и всегда в 19:20, немец снова пожаловал с гостинцами. Тревога закончилась в 21:13, но через 10–12 минут была снова возвещена, и на этот раз надолго. Я лег в половине первого, а она еще продолжалась. В период второй тревоги я вместе с Слободняком (начальник 1-го отдела) [вышел] на вышку посмотреть на события в городе. Был виден сильный пожар в районе Морского канала, возникший еще 7 октября в результате бомбежки. Горело, очевидно, нефтехранилище, так как густой дым, пахнущий бензином, застилал значительную часть города. Видел в нескольких местах сбрасывание огромного количества зажигательных бомб в районе «Красного треугольника» (вскоре, видимо, ликвидированных, т. к. пожаров нигде не возникло).

Гул самолетов и грохот выстрелов от зенитных батарей заглушал разговоры с соседом.

Десятки мощных прожекторов протягивали свои длинные языки в небо. Однако ни одного самолета засечь не удалось, т. к. летали они, видимо, на большой высоте. Луна, прожекторы, разрывы зенитных снарядов, грохот орудий, вспышки от зенитных бомб, ракеты разноцветных огней создавали неожиданное потрясающее впечатление. Особенно активно переживал это все мой сосед, упомянутый выше Слободняк. Он, между прочим, большой трус, хотя внешне с большими потугами старается быть спокойным. Каждая вновь появившаяся ракета неизменно вызывает у него наивно-детский возглас, короткое «о».

Выстрелы зениток и разрывы снарядов вынуждают его прижиться к стенке будки. Я уже не говорю о непрерывном «железном дожде» — осколках снарядов, с грохотом падающих на крыши домов. В этом случае мой «герой» трусливо прячется в самой будке или в лучшем случае переходит на другую сторону.

* * *

Удивительные эти русские люди. Смерть у каждого на носу, а тем не менее никакого уныния. Я почему-то думаю, что это не только результат презрения к смерти и беспредельной уверенности в окончательной победе. Здесь сказывается и чисто русская натура с присущими ей безопасностью и благодушием: вблизи рвутся бомбы, снаряды, а они спокойно обедают, бьются в кости и даже играют в преферанс в минуты отдыха. Может быть, привычка ко всему новому заставила забывать это новое, превращающееся очень быстро в старое.

Вот вам картинка:

— Слушай, Володя, надо и совесть знать, четыре в ряд выигранные игры, пожалей хоть нас.

— А ты, Иося, играй лучше. Вместо того чтобы на себя играть, помогай партнеру обдуть меня. (Раздался огромной силы взрыв фугасной бомбы, потрясший до основания весь дом.)

— Ого, это где-то совсем близко, ха-ха-ха... Восьмерная без трех, вот это результат, говорил тебе, черту, что надо было идти не с пик, а с трэф и с маленькой, сколько говорил, что под играющего надо ходить с дряни, а разыгрываешь с тузов. Ну вот и смотри, у него 75, а у тебя 258.

— Ну и что же, я учусь, а каждая учеба требует жертв. Это издержки производства. (А комендант завода в это время, выпив около графина пива, храпел и загибал на потолок ноги, немилосердно икая.)

Вот раздался сигнал тревоги — и сразу же несколько очередей зенитных орудий, вот вам наиболее разительный пример безопасности. Неужели нельзя было обнаружить эти самолеты еще на подступах к Ленинграду? Имеются и звукоуловители, помогающие обнаруживать вражеские самолеты, но нет, не таковы мы, чтобы постоянно быть в напряжении, в перманентной мобилизации. При непосредственной опасности мы становимся собранными и подтянутыми, но по ее минованию также быстро погружаемся состояние апатии и скуки.

11/X-1941 года

Был с П. М. в бане, к сожалению, без пара, так как в целях экономии топлива пар прекратили подавать. После омовения по-братски поужинали (баночка крабов, по куску селедки, хлеба по 100 г и по

100 г горючего). Пользуясь сплошной облачностью, благодаря которой был нарушен график налета немецких самолетов, я решил по пути заехать к Н. И.

Он, оказывается, переехал с аппаратурой в подвал дома, что в Торговом пер., 2. Закусили у него вонючей селедкой и кильками, предварительно выпив по 75 г. Пользуясь спокойной обстановкой, мы принялись стучать костями, и нашим «врагам» здорово досталось, в том числе Н. И.

Но недолго наслаждались мы мирной обстановкой, без 5 мин. 11 час., в момент передачи «Интернационала», началась тревога. Интересно отметить поведение и настроение людей: вдруг музыка оборвалась, все как один взглянули на часы, «тревога», заговорили мы, и действительно, через миг раздался протяжный вой сирены, но мы продолжали играть. Один из дежурных пошел на двор наблюдать небо. «Предательская» луна заливала своим матовым светом весь город, немцам везет: луна, чистое небо, в воздухе сухо. Такая погода совершенно нехарактерна для Ленинграда, особенно в октябре, через некоторое время наблюдатель явился и порекомендовал полюбоваться событиями на улице: пожары, гул самолетов, канонада зенитных батарей и прочие атрибуты нашего времени.

Не успели мы выйти на улицу, как совсем близко услышали рев самолета, увидели падающий град зажигательных бомб. Последовал взрыв фугасной бомбы. <...> Здание сильно вздрогнуло. Бомбы пылали во дворе, часть, как фейерверк, скатывалась с крыш или рая, сбрасывались пожарными и дежурными. Впервые оказался я лицом к лицу с бомбой. Схватил лопату из ящика с песком и быстро стал засыпать одну из них. Чтобы приостановить горение, я был вынужден положить на нее около 2 пудов песка и придавить дополнительно плитой. Вскоре и остальные были успешно потушены. Работали рьяно, коллективно, с чувством глубокого удовлетворения от результатов. Минут через 7–8 я стал раскапывать песок. Бомба была еще горячее, и я, перебрасывая с руки на руку, погрузил в бочку с водой и таким образом остудил. Вот ее части стоят у меня на столе, как трофеи, захваченные лично мною в пожарном бою. <...> Бой продолжался. Был несколько раз отбой, прерываемый сигналом тревоги. Сегодня особенно сильно пострадал Василеостровский район. До сих пор благополучно отделивавшийся. Возник ряд пожаров, и фугасными бомбами разрушен ряд домов с жертвами. В два часа я лег спать, но тревога еще продолжалась. Сегодня уже 220-я тревога. Подумать только — 220 налетов на Ленинград. Можно себе представить, сколько неприятностей доставлено жителям.

* * *

Вчера выпал первый снег, правда, небольшой, но, надо сказать, все же ранний — сухая крупка. Погода стоит для Ленинграда нежелательная. Днем облачно и сухо, а ночью звезды блестят, коварная луна освещает дома. Все немцам на руку.

К налетам ленинградцы так привыкли, что стали их принимать как обычное явление, планово готовятся к ним. Как только стрелки часов перемахнули за цифру «7», жители спешат домой и в бомбоубежище с подушками или идут на соответствующие посты.

К стыду своему, забыл записать, что мой кузен Сережа Орлов нелепо погиб в бою. Жалко, бедному и повоевать не удалось. 16 сентября его взяли, 26 сентября он был ранен в бою, 28 сентября скончался от тяжелых ран в больнице им. Мечникова, не приходя в себя. Безобразно с ним поступили. Человек в жизни винтовки не держал. Его направили сразу на фронт, а вот некоторые «ополченцы» по три месяца обучаются в тылу, набирая жир и даже часто встречаются с женами. После Сергея осталось четверо детей. Старшего, Сашулю, я устроил на работу к себе на завод. Двое младших живут с бабушкой в деревне, а дочь 16-ти лет, даже не знаю где, работала где-то медсестрой и якобы сокращена. С женой его тоже нелепо получилось. 3 августа была на окопах под Кингисеппом, и до сих пор о ней ни слуху ни духу, товарищи по работе вернулись в конце августа. Надо полагать, что убита. Как плохо сложилась их судьба. За один месяц [стали] дети круглыми сиротами.

14/X-1941 года

К вечеру большой снегопад, погода плохая, холодно. Днем ездил с Демичевым на Московское шоссе. Остался цел и невредим, хотя артснаряды ложились неподалеку. Ночью был артиллерийский обстрел города, главным образом Володарского, Фрунзенского, Кировского и Октябрьского районов. 13 сентября был интенсивный налет, было много сброшено фугасных и зажигательных бомб, правда, большого калибра. Разрушен дом на 1-й Красноармейской, 6-й Красноармейской и на Фонтанке (угол Международного и пр. Красных Командиров — на последний бомбы упали дважды в начале месяца и 13 сентября, бедные жильцы). Дома напротив горбатого висячего моста здорово пострадали. Особенно жалко стекло, они ведь были зеркальными, больших размеров. <...> Представляю незавидную участь жильцов, оставшихся дома во время тревоги. Кто-то погиб, стал инвалидом, лишившись руки или ноги, кому-то чудом повезло, и он уцелел, лишившись только жилища.

16/X-1941 года

Слышу гул наших самолетов (10 часов). На улице свежо. Стрельбы не слышно.

Что-то очень долго нет писем от Тамары. Все мужья и родственники уже получили по несколько писем, а я удостоен позавчера прибытием только одной открытки, писанной 11 сентября. Шла, таким образом, месяц с лишним.

Я не думаю, чтобы Таменька мне не писала, просто не везет ее письмам. Где-то болтаются по почтовым отделениям.

Очень скучаю по семье. Так хотелось бы побыть хотя бы сутки, и снова можно идти на лишения, но пока это химера.

Директор завода собирается вылететь на самолете с рядом конструкторов и гл. диспетчером в Молотов.

В Ленинграде разрешение есть, послана телеграмма в Москву за разрешением вылета. Уверен в том, что Москва разрешит. Значит, мне нужно заготовить родным подробное письмо и кое-какие документы.

На фронте положение очень тяжелое, если не сказать больше. Сдали Орел, Брянск, Вязьму, Мариуполь. Сегодня радио возвестило, что на Западном фронте положение ухудшилось. Немцы бросили огромное количество техники и войск на Москву. Линия обороны была прорвана, и фронт уже на подступах к Москве. Положение напоминает наше ленинградское, разница только в том, что мы отрезаны и осаждены, а там есть куда отступить. Эх, кровью сердце обливается за нашу страну. Многострадальный русский народ. Сколько раз в истории спасал человечество от варварства и порабощения. Вспоминается татаро-монгольское иго, походы ливонских псов-рыцарей, нашествие Наполеона, Гражданская война. Конечно, современные ужасы и страдания неизмеримо большие, чем когда-либо, но не таков наш народ, чтобы сдаваться.

Помощь Англии и США пока что в самом деле политическая, как об этом истерически кричал в эфир Гитлер. Сдается мне, реальная помощь будет в тот момент, когда положение станет крайне критическим, почти безнадежным. Извечная политика Англии — загребать жар чужими руками. Русский и немецкий народы изматывают друг друга, а США и Англия придут диктовать свои условия ослабевшим от бремени войны СССР и Германии. Посмотрим, как оправдается на деле этот прогноз.

Гениальный обман английской дипломатии Москвы и Берлина (статья в американской прессе). Суть в том, что во время переговоров с Гессом Англия якобы согласилась заключить с Германией мир в момент, когда та нападет на СССР.

И что же практически получается. Ей удалось то, что не удалось, скажем, в 1939 году, т. е. столкнуть лбами Германию и СССР. Оба

государства попались на удочку, особенно Германия. Вместо того чтобы заключить с Германией мир, английский премьер-министр Черчилль в день начала войны Германии с СССР, 22 июня 1941 года, выступил по радио и громогласно заявил, что Англия окажет России всю возможную помощь и поддержку. Почему России, понятно, т. к. он был уверен, что оружие Германии совершеннее и количественно больше оружия России.

Значит, для того чтобы уравновесить шансы и затянуть кровопролитную войну, которая в конце концов вымотала бы оба государства, надо помочь слабейшему из них или сделать по крайней мере вид, что хотят помогать, чтобы вызвать народы СССР на более активную борьбу. Ларчик вроде просто открывался. Стратегия ведения войны в данный момент должна исходить из принципа, противоположного противнику. То есть если противник повел где-то решительное наступление, то это бывает, как правило, за счет ослабления других фронтов. Так это, видимо, и получается. Это видно хотя бы [из положения на] Ленинградском фронте. Здесь последние две недели относительное затишье. Немцы не предпринимают наступления. Они ушли в землю и «беспокоят» Ленинград ночными бомбежками и артиллерийским обстрелом. Зачем им наступать, если Ленинград отрезан и осажден.

Они теперь будут ждать, когда «затравленный зверь» подойдет с голода. Значит, в этот момент как никогда надо сконцентрировать всю мощь и энергию армии и народа, чтобы повести решительное наступление. Пусть ценою больших жертв, но безудержно идти вперед. Сломить противника, опрокинуть его и гнать, гнать, не останавливаясь (мы ведь все же на своей земле, и это легче, чем на чужой). Для этой цели, может быть, целесообразно ослабить фронт на Карельском перешейке и часть войск перебросить к югу от Ленинграда для этого наступления.

Этот успех на Ленинградском фронте, который, несомненно, имел бы место, т. к., судя по всему, немецких войск здесь не так много, влил бы, с одной стороны, бодрость в бойцов на остальных фронтах и побудил бы к более активному сопротивлению, а с другой стороны, поколебал бы самоуверенность в немцах, уже частично поколебленную, невзирая на значительные успехи. Подобные события могли стать прелюдией для широкого контрнаступления и деморализации, стало быть, армии противника.

* * *

Странный человек этот мой «старик» П. М., у него характер. Временами мужик как мужик: общительный, оптимистичный, шутник и даже весельчак-комик. А как найдет на него чума, что просто тяжело с ним раз-

говаривать. И. Р. в таких случаях говорит: «вожжа под хвост попала». Вот и сейчас, звоню ему и приглашаю на обед, а он мне в ответ:

— Нет, не поеду, что я, твоих обедов не видывал.

— Да приезжай, черт тебя возьми, — говорю.

— Нет, не поеду, занят окнами.

А ведь я прекрасно знаю, что парень полуголодный. Не работает, получает по 2-й категории (если получает, т. к. после ухода с работы он долгое время брал карточки в домоуправлении).

У него, «мерзавца», какой-то ложный стыд. Дескать, подачками кормят. Лучше с голоду помру, а волю не согну.

А того, дьявол, не знает, что я подачками сам не питаюсь и тоже их не терплю. Если я угощаю, только от чистого сердца, без всяких задних мыслей. Мне приятно доставлять удовольствие другим, особенно близким мне людям. Мне приятно делать другим.

А впрочем, он хорош тем, что это у него проходит, не оставляя следов. Стоит с ним дружески посидеть да позабавиться часок-другой горючим, как парень становится другим. Приходится просто идти ему на уступки. И вместо того чтобы к себе его вытянуть, надо идти к нему.

Да, ребята, тяжело с таким характером жить. Он, по-моему, по несколько раз в день сам себя не любит. Вот почему, мне кажется, он и не женится, живет бобылем. Баба сдавила бы ему свободу действий, и, как следствие, неизбежный разрыв. Ему и ладить только вот с людьми с такими характерами, как я, т. е. с людьми незлопамятными, добродушными, скоро забывающими нанесенные им те или иные обиды.

Не исключена возможность, что он на меня рассердился за то, что я ему давно не звонил, а еще «давнее» у него не был. Вот, мол, мерзавец, имеет возможность кое-чем поделиться, а сам молчит. А того не знает «негодяй», что этой возможности у меня не было до сего дня, кроме обедов, приглашение на который он категорически отвергает. Возможность поделиться появилась только сегодня потому, что получил карточку на дополнительное снабжение, как отец двоих детей.

17/X-1941 года

Был у этого «мерзавца», и оказалась, что у него были косвенные причины сердиться на весь мир. Дело в том, что И. Р. обнадежил возможностью получить билет на вылет из Ленинграда на самолете, а на поверку вышло, что билеты дают только высокопоставленным особам. Сорвалось. В результате расстройство, вызванное потерей лелеянной мечты и ночных дум. Он предвкушал сладость неожиданной встречи со знакомыми и, может быть, родными, но не вышло. Мой приход несколько

рассеял его мрачные мысли. Малость подзакусили и, как обычно, не успев запить и чаем, услышали сигнал воздушной тревоги. Собрались в бомбоубежище.

Выйдя на улицу, увидели в северном направлении сильный красный свет и одновременно услышали мощный взрыв, вызвавший у моего спутника невольное восклицание:

— Ого, здорово, давай-ка, брат, сматываемся в бомбоубежище.

— Давай, — говорю я.

Не успели мы подойти к убежищу, как увидели беловато-фиолетовый свет. Это гитлеровские бандиты сбросили большое количество зажигательных бомб. Уже сидя в бомбоубежище, мы слышали большой взрыв на улице. Это было вызвано также сбрасыванием зажигательных бомб. В эту ночь возникло несколько пожаров, и особенно сильный в зоологическом саду. Говорят, что сгорели американские горы. Ну и черт с ними, была такая дрянь, что совершенно их не жалко.

В убежище было немного народу, все больше пожилые, среди них много вздыхающих старушек.

— Господи, господа, долго ли это будет продолжаться, — প্রশамкала одна из них.

— Еще не то будет. От этих извергов все можно ожидать, — вторила другая.

В этот момент зашумели зажигательные бомбы.

— Опять зажигалка пуцает, — сквозь сон пробормотала третья.

— Мужчины, чего вы сидите, — испуганно воскликнули бабочки, только что вошедшие в убежище, — за нашим домом пожар, а вы сидите здесь.

Пристыженные, мы вышли во двор, но, как оказалось, пожар был далеко, и мы вернулись в убежище. Долго еще старушечки шептались между собой, но трудно было понять. Судя по отдельным словам, они вели разговор о неприятностях, связанных с бомбежками и в целом с войной. Подоспел сигнал отбоя. Мы вернулись в квартиру.

Было 22 ч. 30 мин. П. М. сегодня нужно дежурить на чердаке с 0 ч. до 3 ч. <...> Мы решили сыграть пару партий в шахматы. Как обычно, я ему здорово надрал. Поддвенадцатого ночи я лег в кровать, а он пошел дежурить.

Я только что успел заснуть, как раздался вой сирены (тревога). Было четверть первого. П. М. поднял меня. Не успел я натянуть на ноги сапоги, как где-то раздался сильный взрыв фугасной бомбы. Стекла задребезжали. Я поспешно оделся.

— Давай-ка, Сашка, тикай, а то ни за что ни про что погибнешь под развалинами.

В убежище я быстро заснул, причем сидя. П. М. в это время «танцевал» венгерку во дворе, похлопывая в рукавицы. На дворе стоял небольшой морозец.

Не знаю почему, но я проснулся в тот момент, когда население дома вновь привалило в убежище. Оказывается, я проспал отбой одной тревоги и сигнал второй, начавшейся минут через 15 после отбоя. На этот раз я принял горизонтальное положение и смачно заснул на лавочке. От неудобства и холода я вновь проснулся. В убежище народа...

— Тревога продолжается?

— Нет, милый, давно уже был отбой, — отечески сказал какой-то дядька.

Слава аллаху, думаю, теперь могу отправиться в кровать. Было три часа, как раз время смены П. М.

<...>

Вскоре он прибыл. Какой жалкий вид имел мой старик. Посиневший нос сосулькой сморщился, как гриб в печи. От недоедания и тревог состарился, бедняга. Подогрелись чайком, и я в мертвой хватке ушел из сего в мир грез и мечтаний.

18/X-1941 года

Вечером и ночью была интенсивная бомбардировка города. Сбрасывали главным образом зажигательные бомбы. Во все четыре тревоги я непрерывно находился на вышке. Большое количество зажигательных бомб сброшено в районе Кировского пр. и Петропавловской крепости. Занимались пожары, но все были потушены, за исключением здания гаража в Красногвардейском районе, видимо, сгорел дотла, т. к. пожар был всю ночь. Ясно было видно, когда несколько десятков бомб сброшено в районе Фондовой биржи и самой биржи, которая успела было загореться, но загорание бы было ликвидировано. На фоне яркого пламени от сброшенных на Петроградской стороне отчетливо видны суetyающиеся человеческие фигуры на крыше здания Фондовой биржи.

Около Строгановского моста воспитанники приемника НКВД додумались гасить бомбы даже сапогами. И ничего, получалось, т. к. при падении бомба разбрызгивается и дает массу очагов пожара. Такие очаги, оказывается успешно можно гасить сапогами, особенно когда на улице сыро. Но самое потрясающее в эту ночь было — это артиллерийский обстрел города. Одновременно с фугасными и зажигательными бомбами. По городу было произведено до сотни выстрелов.

Снаряды рвались главным [образом в] Октябрьском и Кировском районах. Обстрел производился, как можно было судить по шуму снарядов, из района Лигово — Стрельна.

Жуткая картина, друзья мои. Не знаю как на кого, а на меня артиллерийский обстрел производит более гнетущее впечатление. Это, видимо, потому что не знаешь, когда на тебя хлопнется снаряд; тогда как авиабомбу ждешь в определенное время, т. е. тогда, когда слышишь гул приближающегося самолета. Гул удалился, значит опасность пока миновала.

В 18:30 я шел со своей сотрудницей Семеновой из бюро заборных книжек. Проходя по Финляндскому пер., мы услышали над головой визг пролетающего снаряда, через несколько секунд донесся огромной силы взрыв. <...>

Моя спутница с оханьем присела.

— Александр Тихонович, снаряды, убьют!

— Ничего, — успокаиваю, — от тех снарядов, визг которых мы слышим, не погибнем.

Но это неписаное правило артиллеристов меня не успокаивает, т. к. до сознания доходит позже, прежде успеваешь грустно сжаться сердце.

26/X-1941 года

Долгий перерыв бы вызван тем, что здорово был занят, а кроме того (и это главное), начиная с 18 октября налеты на Ленинград прекратились. Это вызвано, во-первых, плохой погодой (чисто ленинградской) — все моросил дождик, и, во-вторых, тем (и это главное), самолеты и танки в основном брошены под Москву. <...>

Сегодня в 9 час. в Молотов вылетели директор завода Васильев и гл. диспетчер Гусев. Как они рады были этому полету, трудно описать. Внешне, разумеется, старались казаться совершенно индифферентными людьми, а внутри горел огонь нетерпения. <...> Через полчаса после приезда на аэродром они были уже в самолете, а через 10–15 минут самолет, оторвавшись от земли, сделал два-три круга над аэродромом и на высоте примерно 300–400 метров лег на курс. Перед этим было отправлено таким же порядком около десятка самолетов, экспортируемых истребителями. Каждый самолет вмещает 25 пассажиров, имеющих по 20–25 кг багажа.

С директором послал Таменьке пространное письмо с лирическими и литературными отступлениями. Одновременно послал ей ряд документов и попросил Васильева (он пообещал) посодействовать жене устроиться более благоприятно с жилплощадью. Я с завистью смотрел на их счастливые лица, представляя радость встречи с родными. И так мне захотелось тоже улететь, что от тоски и грусти сердце жалобно сжалось. С каким бы я удовольствием хотел доставить своей жене приятный сюрприз, неожиданно появившись в Молотове. Представляю ее

радость при виде меня. <...> Но не стоит себя расстраивать, это пока что лелеемая мечта, которая, может быть, никогда не превратится в действительность.

Скучно мне, скучно, моя дорогая, любимая девочка.

28/Х-1941 года

В Ленинграде почти зима, выпал снег и мороз 4 градуса. После долгого перерыва немцы возобновили налеты на город. Сегодня налет был совершенно неожиданным. Погода его не обещала. Однако он состоялся, но оказался непродолжительным. Сброшено было несколько фугасных и зажигательных бомб. Я на улице не был, результатов не знаю. Сидели мы у Н., приятеля П. М., где-то выше мною упоминаемого. Хороший мужик, а вместе с тем взбалмошный и распущенный. Все это, видимо, вызвано глубокой психологической травмой. <...> Страшно нервный и экспансивный человек, любящий алкоголь. Этот последний еще более губит его. Дело дошло до того, что он выпивку сделал своей профессией. Он не мыслит себе ни дня без алкоголя. На почве этого он и работой не интересуется. Была бы должность и деньги, а работать не обязательно. Я его в шутку назвал «синекурой». Посмотрев в словарь и узнав, что синекура означает хорошо оплачиваемую, номинальную должность без занятий, он весело засмеялся:

— Во, в точку. Вот именно синекура. Ничего не делаю, а деньги получаю. Посмотрели бы вы на человека уставившегося в ничего не значащиеся бумажки, вы поняли бы, как я страдаю от них. Я жду не дождусь, когда закончится присутственное время. Часто не выдерживаю и ухожу в город искать пива.

— Ха-ха-ха, — заливается он смехом.

Просто жалко на него смотреть. Он даже сам не подозревает, как здорово он опустил. В этом вся его личная трагедия. Кроме меня у него сидел П. М. и его приятель Сохацкий, также любящий выпить. Пьют они беззаветно, вдвоем выпивают по два ящика пива — сиречь 60 бутылок. Одним словом, больные, отпетые люди.

Итак, бомбежка продолжается. За пивом мы не заметили, как она окончилась, тем более что бомбы были сброшены далеко от нашего местонахождения.

29/Х-1941 года

Снова с П. М. были у Н. и снова пили пиво. Я ночевать пошел к П. М. Не успели мы лечь и слегка задремать (было около 23 часов), как услышали сигнал воздушной тревоги. Я сделал кислую рожу, послав по адресу немцев какое-то ругательство.

— Ну как, Тихоньч, в убежище пойдем, — не то предложил, не то спросил П. М.

— Ой, не хочется, — сказал я, глубоко вздохнув.

— Может, спать ляжем, а?

— Давай спать, — решительно заявил я.

— Будь что будет. Не может быть, что именно сейчас нам суждено испытать удовольствие взлета по частям.

Легли снова. Слышны были далекие, тихие выстрелы пушек и разрывы зенитных снарядов. Звуки боя заметно приближались. <...> Спустя некоторое время мы ясно услышали специфическое завывание немецких самолетов. Затаив дыхание, мы прислушивались к этому завыванию. Не хотелось верить, что сегодня мы станем жертвами. И этого не случилось. <...> Проснулся около 6 часов, перед тем как заговорил диктор по радио. Когда закончилась тревога, не знаю, но чувствовалось, что налет сегодня был интенсивный, т. к. слышалась непрерывная канонада зенитных батарей.

30/X-1941 года

Предположение оправдалось. В ночь на 30 октября на Ленинград был большой налет. Особенно много сброшено бомб на Выборгскую сторону. Военные объекты не пострадали. Из лично виденных разрушений: разбиты три деревянных дома и немного пожарная часть на пр. К. Маркса. Если бы не человеческие жертвы, за такую бомбежку и ругать не очень, т. к. дома годились только на дрова. Известно, что несколько бомб не разорвалось, в частности, не разорвалась одна полутонная бомба на Выборгской стороне.

7/XI-1941 года

Давно я сюда не заглядывал. Замотался просто в связи с усиленной загрузкой перед праздником. А записать было что. <...> Отчетливо запомнился один интересный боевой эпизод. 4 ноября, 23 часа, тревога. Я нахожусь на наблюдательной вышке. Хорошо слышу характерное завывание немецкого самолета, так не похожее на гул наших ястребков. В небе луна, самолета не видно, но зато хорошо был виден след, оставляемый фашистским самолетом (видимо, сконденсированные пар и дым от «хорошего» немецкого эрзац-бензина). Это обстоятельство позволяет нашим прожектористам быстро нащупать самолет. Один прожектор натолкнулся на него, а к нему присоединились еще несколько и неотступно за ним следовали, не выпуская его из своих длинных светлых щупальцев. Самолет блестел, как огромная акула, выгащенная из морской пучины. Никакие ухищрения летчика, эволюции самолета не помогли.

Прожекторы все время непрерывно следовали за ним. Задача зенитчиков была облегчена. Грохот зенитных орудий заглушал разговор с соседом. Самолет держал курс с запада на восток вдоль Невы — от Балтийского завода к мосту Володарского. Наконец мы увидели, как на самолете появилась вспышка: «Ага, гад, попался». Он быстро начал терять высоту, перешел в пике, и, пролетев над крышами домов улиц Войнова, П. Лаврова, Чайковского, грузно врезался в землю в быв. Таврическом саду. Самолет сгорел. Взрывов не последовало. Очевидно, бомбовый груз был уже сброшен. Двух летчиков, спасшихся на парашютах, доставили в НКВД. Одного из них «деликатно» сняли с крыши дома. Судьба остальных мне неизвестна. Все наблюдавшие эту изумительную картину, в том числе и я, думали, что самолет подбили зенитчики. Однако на второй день в газете было объявлено о героическом подвиге летчика Севастьянова. <...>

Сегодня исполнилось 24 года со времени революции. Вчера наш народ с затаенным дыханием слушал, как всегда, ясную, мудрую речь тов. Сталина. Он дал непревзойденный анализ событий за четыре с лишним месяца войны. Наметил задачи армии и народа, бодрость и уверенность в победе, несмотря на тяжелые территориальные, материальные и людские потери, истреблять беспощадно оккупантов. Они навязали нам истребительную войну. Ну и что, они ее получат...

Мы живем в осажденном городе. Фронт идет через город. Город стал фронтом. На наших улицах рвутся снаряды. Враг от нас на расстоянии пушечного выстрела. Что означает эта дистанция, мы знаем по разрывам снарядов на улицах.

Полею сражения стали места гуляний и отдыха. Где звенели наши праздничные песни — гремят орудия. Окопы вырыты за жилыми домами, баррикады перерезали улицы.

На окраинах развернуты артиллерийские батареи. Война вошла в город. Бульвары и сады изрыты щелями-укрытиями. Витрины магазинов защищены деревянными щитами.

У входа в дома — ящики с песком и бочки с водой. Плакаты на улицах зовут: «Ленинградцы, учитесь гасить зажигательные бомбы». Закрашен золотой купол Исаакия. Не блестит шпиль Адмиралтейства. Могучий всадник укрыт деревянным колпаком. Кони на Аничковом мосту убраны. Это гуманно. Мы всегда любили свой город. Любили, как любят воздух, которым дышат. Любовь эта так естественна, что мы не замечали ее, как не замечали биения собственного сердца. Но когда сердце ранят, по силе боли узнаешь глубину любви. Как рана, зияет дыра в прекрасном здании Кировского театра. Сколько памятных вечеров провел здесь каждый ленинградец. Сбитая снарядом, висит крыша

на здании школы, которую совсем недавно город подарил детям. Разрушен красавец Дворец пионеров, привлекавший под свои своды тысячи юных ленинградцев. Кровь алеет на снегу улицы, зовет к мщению. Этой кровью теперь освящена наша любовь к городу.

Жизнь наша, счастье наше слиты с городом. Он плоть наша, мы душа его, в его школах мы учились. На его заводах мы работали. В парках его мы отдыхали. На его набережных в белые ночи мы шептали слова любви...

Эта холодная ноябрьская ночь, тишина и покой которой ежеминутно может взорваться сигналами воздушной тревоги, разрывом снаряда, ночь, полная напряженного труда и воинской настороженности. В первый раз за 24 [года] мы не выйдем, как всегда, на площадь Урицкого, не понесем свои знамена по ликующим улицам. Суровая ясность праздника не уменьшит его величия.

Мы обещали, что не опозорим чести Ленинграда, его не запятнаем слабостью.

Будет холодно — перетерпим.

Будет голодно — ту же затынем ремни.

Будет трудно — выдержим.

Выдержим — победим.

14/XI-1941 года

21 час. Только успел сесть за стол, взять перо, как слышу и чувствую, что не так далеко разорвалась фугасная бомба, т. к. под ногами загудел пол. Несколько минут раньше, 35–40 минут тому назад, была сброшена одна-другая (правда, небольшого калибра), я уже по характеру встряски и гула научился определять приблизительно вес, значительно ближе, т. к. заходил не только пол, но и почувствовалось, как «заволновалась» земля. За последние дни налеты изменились и по количеству, и по качеству. Летать стали чаще и бомб бросают больше. Усилился артобстрел, от которого более всего жертв, т. к. снаряды появляются неожиданно. Я думаю, что от артиллерийского обстрела в Ленинграде пострадали уже несколько тысяч человек. Вот вам пример. Позавчера около трех часов отправился я по делам в управление. Вместо трамвая номер 24 решил поехать на номере 5, и, как оказалось, правильно поступил. Около моста Лейтенанта Шмидта в вагон маршрута № 24 (того самого, на котором я должен был ехать) попал снаряд. Было много жертв. Я в это время находился на 1-й линии. Трамваи стояли. <...> К месту происшествия примчались санитары с носилками на нескольких машинах. Я не пошел смотреть, избегая неприятности от последующих снарядов, которые вскоре были брошены немцами. Если учесть, что жертв от этого сна-

ряда в среднем было около 2030 чел. и что по городу за все время сброшено не менее 4000–5000 снарядов, то это значит, что убитых и раненых от снарядов будет приблизительно 80–100 тысяч человек¹. И это не будет преувеличением, т. к. очень многие снаряды попадали в скопления людей (очереди у магазинов, пивных и табачных ларьков, цеха заводов, остановки трамваев и т. д.). Официально известно, например, что в Володарском районе месяц тому назад одним артиллерийским снарядом было убито и ранено около полусотни человек. Я уже не говорю о фугасно-осколочных бомбах, от которых ежедневно гибнут сотни людей. Вчера около 2 часов ночи была объявлена воздушная тревога. Я поднялся на вышку и наблюдал общую картину происходящего. Одиночный самолет пролетел в направлении от пр. К. Либкнехта^{II} к площади Труда в течение 10–15 сек. Сбросил семь фугасных бомб примерно 75 кг. Одна из них угодила в Неву. От этих бомб было много жертв. В последние дни во время тревоги штаб местной противовоздушной обороны (вот раздался сигнал отбоя воздушной тревоги — 21 час. 30 мин., приятная музыка) стал призывать население прятаться в щели и др. укрытия. Но удивительный наш народ и особенно, видимо, ленинградцы, в том числе я сам.

Поведение населения во время воздушных налетов претерпело некоторую эволюцию:

1) Воздушная тревога без налетов — народ продолжил свои дела и избегал прятанья в укрытия.

2) Воздушная тревога с налетом — (начиная с начала сентября и до половины октября) — народ без нажима милиции охотно укрывался там, где она его заставляла.

3) Та же тревога с налетом (начиная с середины октября) — народ неохотно идет в укрытия. Даже милиция не стала настаивать, большинство продолжает свой путь.

Кроме того, если в первые месяцы ходили с противогазами, то теперь людей с противогазами трудно найти. Мне кажется, что эта индифферентность к воздушным налетам и артиллерийским снарядам объясняется тем, что ленинградцы выработали в себе чувство презрения к опасности. Первый и главный ужас заключается в том, что Ленинград блокирован немцами. В связи с чем установлен голодный паек — 300 г хлеба в сутки (служащим 150 г)^{III}, по 15 г сахара, крупы и рыбы с мясом. С такой кормежкой далеко не уедешь. Вчера, например, у меня от

^I По имеющимся данным, по городу в 1941–1944 годах было выпущено 148 478 снарядов, убито более 25 тысяч человек.

^{II} 13 января 1944 года пр. К. Либкнехта возвращено историческое название Большой проспект Петроградской стороны.

^{III} С 13 ноября рабочие стали получать 300 г хлеба, а остальное население — 150 г.

голода кружилась голова, что говорить про норму служащего. Плохо, очень плохо, в результате этого некоторые считают, что все равно умирать: от снаряда или от голода. Быть может, от снаряда или бомбы легче, чем от голода, и поэтому народ не прячется в щели и другие укрытия. Позавчера, проходя часов около 7 вечера по пр. Володарского во время воздушной тревоги, я увидел (сотрудниц УНКВД), я успел сказать, что сброшена фугасная бомба, и действительно, через 2–3 сек. раздался раскатистый грохот. Одна из спутниц заявила:

— Это в районе штаба.

— Нет, — говорю, — милая. Это будет несколько ближе, примерно около Гостиного двора.

Десятью минутами позже, проходя по Невскому, я увидел, что окна на Невском были выбиты от ул. Пролеткульта¹ и до Казанского собора.

Бомба, оказывается, упала около каланчи, рядом с Гостиным двором.

Трамваи стояли и после тревоги, т. к. были повреждены провода. Пришлось идти пешком. Народу шло очень много. Создавалось впечатление, что как будто бы народ идет с демонстрации в майские или октябрьские праздники. В темноте мы столкнулись с каким-то субъектом лбами, да так, что швы затрещали. Картуз мой полетел назад, еле нашел. Он огрел меня ласковым словом, я ему ответил тем же.

16 XI-1941 года

15 час. Сажу у себя в служебном кабинете. Немец обстреливает город из дальнобойных орудий. Снаряды ложатся вокруг нашего завода. Здание наше ходуном ходит. Стекла звенят, но не вылетают. Вот слышу свист снаряда. Слушайте, сейчас будет грохот разрыва. О, совсем недалеко шлепнулся. Разумеется, появились убитые и раненые. Вот сидишь и думаешь, который из них прилетит к тебе в гости. Сейчас прилег на кровать, но лежать не мог, т. к. кровать ездит по полу. Лучше буду продолжать писать.

Вчера в 18:35 был интенсивный налет немецких самолетов на Ленинград. Я находился у Жоржика, во время тревоги хотелось пройти по городу, но он не пустил.

— Ты с ума сошел. Кому это нужно. Доходишь до беды, любитель острых ощущений.

Пришлось послушаться и вместе сидеть два часа в бомбоубежище. Дулись в кости, после отбоя поехал в управление, но больше при-

¹ До 1918 года и после 1948 года — Малая Садовая.

шлось идти пешком, т. к. трамваи стояли из-за поврежденных проводов. Мерзавцы бросили много фугасных и зажигательных бомб. Горело здание военной академии на пр. Володарского, около ул. П. Лаврова разорвались две бомбы. Одна из них развалила дом, а другая проделала воронку посередине улицы около 3 метров глубиной и диаметром около 10 метров. Рельсы были разрушены на большом расстоянии. Ох...

Ночевать пошел к П. М. После тревоги пришли Н. И. и Грабовский. Выпили немножко водочки, полученной от Жоржика, и пивца бутылочек 20. Съели сыра (прекрасный сыр), стакан кетовой икры и 300 хлеба. Такому ужину позавидовать можно в мирное время. Зато сегодня хожу голодный, в столовой дают щи с кониной. Попробовал есть и — тошнит. Пока не привык. Придется, как видно, привыкать, а то скоро и этого не будет. Настали холода, и питание еще более дает о себе чувствовать. Теперь не встретишь на улице ни одной румяной мордочки. Такие бледные, испитые ходят. Но ходят, и ходят бодро, невзирая на смерть, подстерегающую каждого из нас каждую минуту. Сейчас уже 18 часов, а обстрел продолжается.

Только снаряды ложатся несколько дальше от завода, чем днем.

Сегодня днем во время воздушной тревоги пошел пешком к заводу от ул. Гоголя. Совсем близко слышу зенитную стрельбу. Взглянул на небо и вижу: прямо над головой летит высоко-высоко вражеский разведчик. С земли он кажется величиной с почтового белого голубя. Его металлический корпус ярко блестел на солнце (день был великолепный, безоблачный, тихий, слегка морозный). Он держал курс с северо-востока на юго-запад. Зенитные снаряды пучками ваты то и дело рвались вокруг него. Но он спокойно продолжал свой путь. Наконец он скрылся в синеве небес.

Сегодня я убедился, как мы ненаблюдательны. До войны казалось, например, что в Ленинграде огромные здания, особенно на Невском пр. Оказывается, не совсем так.

Во время тревоги (это было в сентябре-октябре) народ спешит укрыться под высокие здания. А оказывается, на Невском таких совсем немного. Все больше четырех- и пятиэтажные. Даже такой домище, как на углу Володарского и Невского проспектов — где кино «Титан», — только пятиэтажный. А шестиэтажных раз-два и обчелся. Правда, теперь мало кто ищет, но в свое время это было. Проходил на днях по ул. Некрасова у Мальцевского рынка. Раздался вой сирены. Бабенок, стоящих в очереди за продуктами, милиция попросила удалиться. Бабенки с ворчанием уходили, но тут же около домов и оставались со словами: «Никуда дальше не пойдем, нам и тут не страшно». «Зачем нас разгоняете», — прорвчалась одна старушенция, ежась от холода и сморкаясь

в тряпочку. И так мне стало ее жалко, что просто хотелось сказать: «Пойдем, миленькая, в дом, там теплее и безопаснее». Но знаю, что напрасно, все равно не пойдет. Она изредка поглядывала на небо, думая увидеть, видимо, стервятника и в душе проклиная его.

Только что позвонил Петя, приехал с окопов, просил зайти к нему поесть картошки. У меня есть 4 бутылки пивца. Сейчас сходим с П. М. и компенсируем себе несостоявшийся обед из щей на конском отваре.

25/XI-1941 года

Как долго я не заглядывал в эту тетрадь, а следовало бы. За последние дни усилился артиллерийский обстрел города. Если раньше снаряды ложились обычно в одном из районов, то теперь рвутся во всех районах. Вчера с приятелем Тощевым решили съездить вместе в управление. Выйдя от него, слышим разрывы снарядов, и совсем близко. Один снаряд разорвался настолько близко, что мой спутник прямо-таки нырнул вперед. Снаряды рвались по бокам, над головой, спереди и сзади. До самого управления ехали и шли в зоне артиллерийского обстрела. Но доехали благополучно. В 2 часа подоспела еще «ВТ». Воспользовавшись этой паузой, мы зашли в столовую: съели по 100 г хлеба, тарелке супа и ячневую кашу-размазню. Все лучше, чем конина, хотя и не так питательно. Не дождавшись конца тревоги, мы в 4 час. решились идти пешком. Проходя мимо Республиканского моста по набережной, услышали грохот разорвавшейся фугасной бомбы. Проходивший мимо капитан молниеносно растянулся на земле, побросав свои чемоданы. Последовал второй такой же взрыв. И еще один в том же направлении. Нет, думаю, здесь что-то не так.

Глянул влево — на поле Жертв революции — ...несколько зенитных пушек ведут огонь. Приглядевшись, заметил — несколько орудий стреляют одновременно. Надо думать, имеется какой-то механизм, управляющий всеми пушками: я видел, что стволы плавно поворачивались, одновременные залпы их создают впечатление разрыва фугасной бомбы небольшого калибра. Даже воздушная волна чувствуется на расстоянии 200–250 метров. На поверхности видны одни длинные стволы, казенная часть и люди находятся под землей. Полубовавшись залпами, мы продолжили путь по набережной в направлении Республиканского моста; снаряды то и дело гудят над головой и с грохотом разрываются, вызывая очередные жертвы и разрушения. А народ наш настолько равнодушно к этому относится, что спокойно продолжает шествовать, временами останавливаясь и вглядываясь в то место, где произошел разрыв.

На днях получил несколько телеграмм от Юры и с предложением некоторым людям, в том числе и мне, перебраться в Молотов. Не знаю, как остальные, а моя фамилия там, видимо, оказалась вследствие активного вмешательства Таминьки. Я даже получил от нее телеграмму всего из трех слов: «Здоровы, жду, целую».

Она почти уверена, что я приеду, но, видимо, ехать не придется. Во-первых, вряд ли отпустят в управлении и райкоме, а во-вторых, самому что-то не сдвинуться. Просто стыдно, что люди подумают, что я сбежал от трудности и страха. <...>

Страстно хочется поехать к семье, к жене, детишкам; избавиться от той работы, которую на меня дополнительно навалили и которую я органически не перевариваю. Я предпочел бы пойти на фронт и там доказать преданность моему народу, а на этой работе я никакого удовлетворения не вижу и пользы, пожалуй, не принесу. Основная работа меня удовлетворяет, и я справляюсь с ней неплохо. По форме и существу я должен был бы ехать, т. к. то производство, которое доверила мне партия, находится в Молотове, но <...> мой характер таков: не хочу уходить от трудностей. Хочется со всеми героями-ленинградцами перенести трудности до конца.

Если бы я знал, что в Ленинграде хуже того, что есть, не будет, т. е., другими словами, самое тяжелое пережили, спокойно поехал бы, памятуя, что основную тяжесть я перенес вместе со всеми. Но в том-то и дело. Ситуация складывается так, что главные трудности впереди. Мы и сейчас голодаем. Получаем 125–250 г хлеба, и то неполноценного, и жареную водичку, но тянем. Однако все идет к тому, что будет тяжело. <...>

Ленинград осажден, отрезан. Варится в собственном соку уже три месяца. Запасы иссякли. Командование принимает меры по очистке единственного спасительного канала — Северной железной дороги. Операции развиваются с большим трудом и огромными жертвами. Каждый вершок земли берется с боем. И быть может, наши силы скорее иссякнут и истощатся, прежде чем очистим дорогу Ленинграду, а следовательно, и флоту — (трагедия) капут. Придется все уничтожить.

Кровью сердце обливается от этих мыслей. Но делать придется, если до этого дойдет. Сейчас предпринимаются меры по огромной эвакуации населения из Ленинграда. Предполагается до озера (Ладожского) возить людей на поезде, а потом по озеру на Новую Ладугу пешком, но планы эти пока срываются, т. к. зима стоит пока тепловатая и озеро не может как следует замерзнуть.

14 декабря 1941 года

Ленинград являет собой печальную картину. Сотни разрушенных домов, еще больше изуродованных. Моя квартира 24 ноября тоже пострадала от арт. обстрела. Выбиты все стекла. Завод тоже пострадал. Вчера залетели четыре снаряда. Имеются разрушения, жертв нет, т. к. в том месте, где упали снаряды, народ не работал. К счастью нашему, снаряды оказались небольшие — трехдюймовые.

Ленинград буквально голодает. Если прогуляться по улицам, увидишь по всем направлениям людей, везущих гробы или просто замерзшие трупы. Народ обессилен. А надо еще работать, на работу приходится ходить пешком, т. к. трамваи не ходят — нет тока. Зима стоит хорошая: снежная, морозная, снега нанесло столько, что с трудом передвигаешь ноги, особенно со 100 г эрзац-хлеба. Завод вот уже неделю стоит — нет тока. Рабочие приходят и без дела слоняются в поисках теплого уголка, т. к. в цехах температура едва достигает плюс 3–4 градуса.

Люди, пережившие в Петрограде 1918–1920 годы, утверждают, что тогда было проще. Если по карточкам нет, то по спекулятивной цене всегда можно достать или выехать за город и за вещички выменять продукты у местного населения. Теперь выехать некуда — город окружен, и спекулировать нельзя, да и нечем. Народ изнурен, голоден и поэтому столько внезапных смертей. Мне самому довелось видеть на улицах замерзшие трупы людей, не смогших добраться до жилья. К голоду прибавился холод, который, как известно, требует дополнительного питания для поддержания температуры в теле. <...>

Артиллерийский обстрел продолжается с неослабевающей силой. Что хорошо, так это отсутствие воздушных тревог и этих неприятных звуков сирены, так неприятно раздражающих ушные раковины. Начиная с 1 декабря немцы не налетают на Ленинград. Очевидно, это объясняется, во-первых, тем, что авиация их брошена под Москву в связи с неудачами там и на Тихвинское направление, где немцы также терпят поражение. Как народ жаждет скорого прорыва блокады. Хочется просто досыта поесть настоящего хлеба с солью, и тогда можно опять вооружиться терпением на новые лишения. Но это, как видно, еще не скоро, т. к. блокада не прорвана — это раз, после прорыва надо отогнать немцев подальше, чтобы не могли мешать потоку грузов на Ленинград — это два, и три — это то, что потребуются известные восстановление разрушенных железнодорожных путей. Я лично, например, считаю, что если удастся организовать доставку питания населению Ленинграда к 1 февраля 1942 года, это будет очень хорошо. Доставка и сейчас имеет (на машинах через Новую Ладугу). Но что это для Ленинграда — все равно что мертвому припарка.

Слободняк, как я об этом писал Таме, все же вылетел. Но вылетел одновременно и из рядов ВКП(б), т. к. уехал без разрешения райкома, как дезертир. И если РК осуществит и дальше свои намерения по отношению к Слободняку, передаст его в руки Военного трибунала, а для этого имеются основания, то ему несдобровать. Если выйдет сухим, то он неуязвим. Но я в это не верю.

Быть ему битым, и крепко, да и следует. Следует еще и потому, что он наглым образом взял паспорта у трех работников завода, которые должны были лететь, но отказались, и по этим паспортам посадил на самолет незаконно трех своих знакомых или родственников. Паспорта улетели вместе с ними.

Этот мерзопакостный поступок помешал и моему передвижению на восток. Секретарь РК Кассиров, отказывая мне в вылете, ссылаясь на гнусный поступок Слободняка, который подорвал престиж партийной организации завода. Мне много пришлось пережить неприятностей, прежде чем добиться его согласия с помощью Жоржика. И самая большая неприятность была в том, что он меня обвинил в трусости, «пугал» фронтом.

Ну, трусом я никогда не был, и фронтом меня не запугаешь. Нужно будет, пойду, и думаю, что буду воевать не хуже Кассирова. Я вместе со всеми ленинградцами стойчески переносил все невзгоды и лишения и готов и дальше их переносить, но трагедия вся в том, что я хотел оторваться от той работы, которую я органически не перевариваю. Как только мне разрешили ехать и я развязался с неприятной мне работой, охота ехать отпала, и я вот уже целую неделю не предпринимаю в этом отношении никаких шагов.

Слов нет, мне страстно хотелось бы повидаться со своей семьей. Обнять своих родных — жену, детей, а так можно было бы хоть к Гитлеру в ставку для организации против него террористического акта — не страшно.

Свой гражданский и партийный долг выполнил бы до конца с неистовостью человека, органически не мирящегося с применением разбойной силы в международных отношениях.

27/ХП-[19]41 года

Позавчера получили радостные известия через «мой военный совет». Тов. Жданов разрешил оповестить, что кольцо блокады Ленинграда прорвано и в ряде мест немцев гонят с насиженных мест. В последние дни даже артобстрелы прекратились. Говорят, что и от Пулковки они отходят. Грузят тяжелое вооружение и отправляют по Варшавской дороге на юг от Ленинграда. В связи с тем, что предвидится близкая же-

лезнодорожная связь с внешним миром, с 25 декабря прибавили 100 г хлеба рабочим и служащим. Народ приободрился, а то совсем было скис. Видно по всему, конечно, что люди морально подавлены, потому что физически истощены. Очень многие умирают. Трупы горами вывозят на кладбищах. У нас уже умерли пять человек, и еще многие будут умирать, т. к. некоторые так слабы, что никакие прибавки уже не спасут. Эти люди обречены. В довершение ко всему нет тока, завод стоит, трамваи, и тощим людям еще надо дополнительно затрачивать силы на ходьбу. Но, невзирая на все лишения, город выдержит. Единственный город, выдержавший столь тяжкие испытания.

И что всего приятнее — никаких происшествий, которые свидетельствовали о серьезном недовольстве населения, если не считать ворчания старушек в очередях, и то по поводу бесчеловечного обстрела и бомбардировки города с воздуха.

Слава Ленинграду и ленинградцам.

3/1-1942 года

<...> Ленинградцы, пожалуй, этот год встретили скромнее всех в мире. Об этом можно судить хотя бы по нашему столу. А мы встречали, мне кажется, выше среднего по Ленинграду. Встреча происходила в подвале радиодирекции, куда ее загнали бомбардировки с воздуха. Мы с П. М. попали на встречу экспромтом и потому ничего особенного не успели запасти и подготовить. От нас было: пол-литра спирта, хлеб, полукилограммовая банка рыбных консервов в масле, которая, как деликатес, только и видела свет, пока ее раскрывали, от коллектива радиодирекции присутствовало восемь человек, а всего, таким образом, десять человек мужчин. Из деликатесов от этого коллектива был <...> денатурат около литра, 15 бутылок пива, две тарелки хряпы (отходы зеленой капусты) с соусами а ля-натурель, соленых помидоров, тонко нарезанного хлеба два кило, каша, вермишель, какой-то кисель и желе на сахаре. Из жиров было только масло. Я ел из консервной банки.

Для Ленинграда это богатый стол. Правда, мы не наелись, но пьяны были и поэтому пустились в пляс и пение. Произносились тосты, начиная с выборов тамады, выбран был Тарасов.

Пили за осуществление желаний каждого в 1942 году, за тех, кто обеспечил нам в таких труднейших условиях Новый год — сиречь за Красную армию, героический Ленинград и стойкость его людей, за руководителей партии и правительства и прежде всего за того, кто неустанно трудится для разгрома фашизма, определяя стратегические и тактические планы для нашего командования, — за тов. Сталина.

Традиционно подняв бокалы в 12 часов ночи, мы под звуки «Интернационала» осушили их и продолжали осушать до 6 часов. Затем все улеглись, и в 11 час. мы с П. М. «эвакуировались» для продолжения встречи у себя на заводе.

Этот день был самым питательным. В столовой мы скушали рисовый суп, по куску мяса с лапшой и по две порции пшенной каши. Вечером состряпали домашний ужин: рисовый суп с мясом, оладьи полу-бело-черные, выпили «полфедора» водки, преподнесенной мне Жоржиком. А утром — забыл сказать — по приезде, или вернее по приходе, от Тарасова мы скушали с ним по мясному пирожку (опять же от Жоржика), запив тремя рюмками разведенного спирта. Таким образом, в этот день мы так были сыты, что появилась даже жажда. Однако, прибыв в 23 часа с преферанса, я изрядно взалкал, но, увы, подзарядиться оказалось нечем, т. к. все уже было ликвидировано.

Теперь перешли на обычный дневной паек, то есть утром кусочек хлеба с чаем (то бишь с кипятком), днем — суп жидкий, каша из ржаных отрубей и иногда котлеты, чаще из конины, вечером опять же тот же суп и иногда та же каша. Если все три эти порции сложить вместе и одновременно слопать, то все равно мало. А если учесть, что при этом съедается 100 г хлеба, то можно себе представить, как мы сытно и вкусно кушаем.

Кстати, о преферансе. В связи с тем, что электрического тока нет и что завод не работает с 9 ноября, мы сидим без работы и живем паразитами на шее государства. Измученные бездельем, убиваем вечера за преферансом. На этом поприще я имею исключительные успехи. За все время игры, которая продолжается с начала ноября, на 3 января [19]42 года я имею активный баланс 300 рублей. Большое поражение (и часто) терпит Адеев, который вчера, например, проиграл 90 рублей, но зато выиграл 40. Из всех игроков, пожалуй, один я нахожусь с активом в кармане, а все потому, что я все же более игрок, чем остальные. Да среди них есть и не совсем далекие вообще, в особенности Бодряков. Да и остальные недалеко ушли. Они даже возможные взятки подсчитывают, как школьники, тыкая пальцем в карты и про себя считая: одна, две и т. д. Скучно с ними играть, иной раз даже и думать не о чем, а они сосредоточенно морщат лбы. Ну и тугодумы. Удовлетворение получаешь коммерческое.

5/1-1942 года

Сегодня сделал солидный пеший переход. Прошел Петроградскую сторону в половине десятого. В 12 с Петроградской стороны отбыл в управление. Не успел выйти из дома, что на М. Посадской улице, слышу свист над головой [снарядов,] пролетающих с южного направления на Выборгскую сторону. Снаряды все с досылкой, т. е. в полете получают тол-

чок от дополнительного заряда. В результате этого создается впечатление, что выстрел производится совсем рядом внутри города. В течение пр. Володарского я слышал непрерывный свист снарядов со следующим грохотом разрывов. В магазине, к которому прикреплен и в который, собственно, я шел, как всегда, оказалось совершенно пусто. Из магазина я направился в обратный путь. Около ул. Белинского я попал в зону артиллерийского обстрела. Снаряды рвались где-то поблизости. Почти физически ощущал, как рушатся стены и крыши домов. Я зашел в ближайший подвальчик, чтобы переждать канонаду. Через минут десять я вышел оттуда и прошел в радиодирекцию к Н. И. Пробыл у него около часа. О чем бы мы ни говорили, разговор неизменно переключался на питание. Каждый жаждал поесть что-нибудь досыта. В довершение всего картина омрачалась приходом сотрудника радио, который только что возвратился с татарского кладбища, где «хоронил» отца, умершего от истощения 30 декабря. То есть что значит хоронил: просто положил между другими трупами, валяющимися на этом так называемом кладбище. Теперь уже и речи быть не может о могилах, даже о братских. Хорошо, если сумеешь найти какую-нибудь щель или ямочку, а чаще всего кладут в штабеля. Судя по словам этого сотрудника, путь на кладбище представляет сплошную похоронную процессию. Сотни людей тащат на саночках гробы, а чаще просто трупы, кое-как завернутые в лохмотья и перевязанные веревками. Груды трупов, а иногда отдельных частей человеческого тела, устилают так называемое кладбище, и так почти на каждом кладбище. Здесь уместно будет бросить упрек местным советским организациям, проявляющим преступную беспечность, а быть может, беспомощность в деле организации похорон. Хорошо еще, что стоит зима с крепкими морозами, предохраняющими трупы от разложения. А что, если наступит оттепель или еще грознее — весна застанет город в таком положении... Трупы начнут разлагаться, город будет заполнен зловонием. Неизбежна эпидемия, и десятки тысяч ленинградцев будут обречены на верную смерть. <...>

От Н. И. продолжил свой путь на завод по проспекту 25 Октября. Затем свернул на улицу Гоголя, благополучно миновал площадь Воровского и вышел на бульвар Профсоюзов. На половине бульвара услышал свист снарядов и грохот взрывов на площади Труда. Я предусмотрительно свернул в переулок, что ведет от бульвара к набережной Невы. Но не успел я выйти на набережную, как вновь услышал свист и звук разрыва снаряда в районе Балтийского завода. Иду через мост Лейтенанта Шмидта. Пока все тихо. Около 14-й линии опять слышу свист. Ага, думаю, сейчас пролетит. И действительно, через 2–3 секунды слышу свист, вернее не свист, а шум полета снаряда, т. к. снаряд терял скорость и не производил пронзительного свиста. Значит, где-то тут должен разорваться.

Я стал следить за звуком, предвкушая увидеть картину падения снаряда в Неву, но он, мерзавец, пролетел реку и упал где-то за домами. Раздался грохот, но взрыва я не увидел. Обстрел как будто кончился. Это было в 17 часов. Значит, обстрел продолжался с 11 до 17 часов, т. е. в течение 6 часов. Уставший, голодный как волк, свалился на кровать и впал забытье в ожидании П. М., который также путешествовал по городу в связи с воинским переучетом.

Народ ленинградский почти равнодушно реагирует на свист снарядов. Только как-то тревожно поглядывает в небо, провожая взглядом снаряд, наивно полагая его увидеть.

Вчера Н. И. был у меня на званом обеде-ужине. Организовал из столовой по тарелке супа, по паре «котлет» с вермишелью и по порции лапши. Порция состоит из 12,5 г лапши номинально. В дополнение к этому мой «кухонный мужик», как именует себя П. М., приготовил лепешки из дуранды. Они внесли существенное дополнение к обеду. <...> Обед удался на славу. Если учесть, что мы выпили около пол-литра разбавленного спирта, то станет совершенно очевидным непревзойденность кухонных мужиков. Однако после этого званого обеда-ужина с уст каждого участника срывается фраза:

— Хорошо бы сейчас пообедать. <...>

Света нет, пишу при копилке, на которой варим даже кисель, полученный вместо крупы. В свое время забыл записать, что 1 января вечером мы состряпали коллективный ужин. Комендант раздобыл где-то полкило мяса, я прибавил из НЗ стакан риса, и у нас вышел великолепный суп. В дополнение были напечены оладьи из смеси. Ужин получился сытный. Распили одну бутылку русской водки, припасенной мною специально для Нового года, полученной в подарок от Жоржика. Ужин происходил в 20 часов, а в 23 крепко взалкал и напрасно рыскал по полкам шкафа в надежде найти корочку эрзац-хлебца. Но, увы, напрасно.

Так с пустым желудком я улегся в кровать, заменив эту корочку папироской.

В городе образовалась еще одна очередь. Очередь за водой. Топлива нет, тока нет, нет поэтому и воды, отчасти и потому, что водопровод здорово пострадал.

12/1-1942 года

Вот уже два с половиной месяца я не имею вестей от своих родных и любимых Таминьки и детишек, ее письмо, мною полученное, послано ею перед октябрьскими праздниками. Я даже не получил новогодних поздравлений. Что с ними, не знаю. Думаю, что во всем виновата почта, а в плохой работе почты виновата проклятая немчура.

Перед Новым годом мы послали с П. М. поздравительную молнию, а несколько позже, уже после Нового года, послал письмо. С нетерпением жду весточки. Желательны были бы ответы на пространные содержательные письма, которые я послал по почте.

Тоска начинает глотать мое нутро, появилось [неразборчиво], следствием которого явились фурункулы. А, впрочем, в этом деле решающую роль играет питание. А последнее из рук вон плохое.

Мы питаемся в основном эрзацами и <...> влачим полуголодное существование, если не сказать больше. Судите сами, как мы питаемся. В день 1–2 тарелки жареной воды с несколькими плавающими крупинками на дне. Затем каша, вернее так называемая каша, или еще вернее, обойная замазка. Но та значительно лучше по качеству, т. к. содержит больше муки. А эта, которую мы едим, состоит из отрубей с крепко выжатой дурандой. Но это все бы ничего, если бы этой замазки давали побольше, а то запачкаешь тарелку и ложку, а язык попачкать и нечем. Неудивительно поэтому, если мы активно ищем заменители. В частности, печем лепешки из дуранды со смесью отрубей (это исключение — случайно сохранившейся запас, на несколько приемов) на каком-то масле, напоминающем тавот или что-то другое из породы смазочных.

Завтра у нас выходной день и мы собираемся празднично пообедать, т. е. дополнить обычную порцию пищи желе из столярного клея. Не знаю еще, что у нас получится, но я уже пробовал это желе, и оно мне очень понравилось.

Так мы питаемся. Но мы — счастливы. Подавляющее большинство населения этого удовольствия лишено, и неудивительно поэтому, что народ буквально болеет, пухнет от голода и умирает. Если у нас на заводе за декабрь месяц умерло от истощения шесть человек, то за первую декаду января стало умирать больше одного человека в день. Стало быть, в последующие дни января независимо от того, улучшится питание или нет, смертность будет увеличиваться, т. к. многих истощенных не вернуть уже к жизни никакими усиленными порциями живительных питательных веществ. И как легко и безропотно люди умирают. Никаких эксцессов, недовольства, ругательств. Как будто это так и надо. И что всего поразительней, умирают больше всего мужчины. Врачи объясняют это явление запасом жировых отложений у женщин, особенностями их организма. Город Ленина, таким образом, стал мертвым городом. Сотни трупов в гробах и без них тащат на кладбище.

Вчера ходил к Жоржику на пр. К. Маркса. На пр. К. Либкнехта встретил грузовые машины, доверху заполненные мерзлыми трупами. Проходящие мимо бабенки говорили:

— Н-да, вот культура, чего стоит жизнь. Когда везут сотнями на кладбище и об этом мы молчим, а в Финляндии умерло от голода 12 детей, так мы всю трубим.

Ну, само собой разумеется, что это ворчание обывателей. Они забывают о том, что Ленинград находится в исключительно тяжелых условиях, будучи осажденным. На эти жертвы надо идти, но город сдавать нельзя. Ибо ему принадлежит исключительная стратегическая и политическая роль в борьбе с немецкими фашистами.

В голодной жизни такого огромного города не может не быть и известного рода эксцессов, к каковым я отношу один (пока один) дикий случай, о котором довелось мне слышать от опер. уполномочен. 16-го отд. милиции. Он видел на 16 лин. В. О. труп мужчины, который был раздет и у которого на ногах вырезаны икры. То есть это типичное проявление людоедства. Это страшное явление, конечно, нельзя объяснить сумасшествием голодных. Я еще не испытал жгучего длительного голода и поэтому с трудом понимаю эту человеческую трагедию.

У нас с П. М. на 10 января уже все крупяные талоны съедены за II декаду. <...> Варили «дома» ужин на буржуйке у коменданта. Меню: 1) каша из отрубей с примесью дуранды, заправленная каким-то минеральным маслом-тавотом, вывезенным от Жоржика в качестве трофеев; 2) лепешки той же дуранды с примесью тех же отрубей. А с каким аппетитом мы все это уничтожаем, и если бы этого всего было «вдосталь», то мы были бы счастливейшими людьми.

Радио безмолвствует, т. к. нет электроэнергии. Уборные завалены экскрементами, вода не идет, и страшная вонь разносится по всему зданию. И если вдруг почему-либо появится вода, я гоню П. М. дернуть за веревочку и спустить в канализацию трофеи наших желудков. Но он, мерзавец, упорно отказывается, обвиняя меня в несерьезности и мелочности. А я уж не пройду мимо, как что где неладно, на ходу исправляю подающееся моим усилиям.

От большого количества употребляемой жидкости ночью часто бегаем в «командировки» в уборную (так П. М. окрестил наши ночные походы с фонарем в руках и в одних подштанниках. В такой обстановке, естественно, приходит в голову блаженная мечта о вкусном обеде, и мы ежедневно дразним свои желудки воспоминаниями о хлебе, картошке (тушеной, жареной с корейкой и просто на масле), селедке с луком и маслом, о мясе (приготовленном разными способами), деликатесах и простой пище, лишь бы было ее вдоволь. Добрые языки говорят, что от Волхова до Вологды стоят эшелоны с продовольствием, и мы тешим себя надеждой на скорый прорыв блокады, которая крепко затянулась, вопреки заверениям руководителей Ленинграда от 25 декабря 1941 года,

когда они заявили о скорой помощи Ленинграду и на радостях прибавили даже хлебный паек.

Сегодня я произвел новый эксперимент на кухонном фронте: сварил кисель из маисовой муки с глицерином. Кисель вышел на славу, сладкий, вкусный, особенно после того, как сверху помазали витаминным малиновым соком, преподнесенным мне упомянутым выше Жоржиком (брат мой). Да, вкусно, черт возьми, но мало, дьявол его побери. На днях с П. М. ходили на Андреевский рынок для обозрения местности и нравов. Торговли, конечно, почти нет. Идет главным образом обмен. Самый ценный продукт, конечно, хлеб. На него можно получить и сахар, и конфеты, и масло, и папиросы, и любую одежду, и крупные деньги до 40 рублей за 400 граммов, и все, что можно представить в воображении. У меня с собой захвачен кусочек хлеба граммов 60–70, был сильный мороз (градусов 25), поэтому я, не торгуясь, променял его на пачку папирос «Беломорканал». П. М. подметил во мне коммерческую жилку. Не знаю почему. Видимо, потому что я искусно представил этот кусочек хлебца, т. е. показал его с выгодной стороны. На ночь и утро, таким образом, обеспечены папиросами. Позавчера приезжал в город с намерением купить валенки, для чего захватил с собой и еще что-то (это что-то он нам не показал). Валенки он не нашел. Предлагали бурки, но они оказались малы.

Через нашего коменданта (хороший, кстати, парень, этому хорошему [в нем] во многом он обязан мне как непосредственный подчиненный) устроил подошедшие по ноге. За эту любезность он снабдил меня двумя сотенными пачками папирос «Звездочка», равноценными «Полярным».

Таким образом, мы на 3–4 дня куревом обеспечены. Это тоже проблема. Табак и папиросы из обращения исчезли, то и другое можно приобрести только в обмен на рынке. Но т. к. последнего нет, то приходится испытывать голод и на табачном фронте, а это еще более обостряет продовольственно-желудочный голод. Курящий человек [в] нормальной обстановке испытывает постоянную потребность плотно закусить. Судите сами, что мы испытывали в нашем положении. <...>

25/I-1942 года

<...> Вчера был радостный день в Ленинграде. Во-первых, прибавили хлеба: рабочим по 50 граммов (теперь стало 400 г), служащим по 100 г (стало 300 г); во-вторых, пришли радостные вести с фронта. На Калининском направлении имеются серьезные успехи: взяты города Ржев, Зап. Двина, Великие Луки, Холм, ст. Оленино и много трофеев. Сам я непосредственно по радио этого не слышал, т. к. оно пять дней уж

не работает, в газетах не читал, т. к. они приходят пачками через 7–8 дней, но передавали люди, слышавшие. В связи с хлебной прибавкой и первой выдачей за январь 50 г масла и 100 г конфет или сахарного песка среди «очередников» (так я именую людей, стоящих в очереди) пошли уже более бодрые разговоры. Так, например, один заявляет:

— Правильно сделали, что служащих отметили, а то они сейчас работают больше рабочих, т. к. заводы стоят.

— Да, это хорошо, — вторит ему какая-то женщина.

Эта прибавка, конечно, хорошее и веселое дело, но это все-таки мало. Здесь уместно будет вспомнить народную шутку: полегче стало девушке, реже стала дышать.

Все это, конечно, шутка, а на самом деле и 50 г чувствуется. Ленинград, мне кажется, переживает сейчас кульминационную точку кризиса. Этим я хочу сказать, что хуже того, что Ленинград уже пережил, не будет. Последние три месяца были самыми голодными, а январь в особенности. Ощущение голода не покидает нас ежечасно, ежеминутно. Хочется надеяться, что в дальнейшем наше существование [будет] улучшаться, как об этом заявил и «мэр» города тов. Попков. Однако обстановка в Ленинграде пока сулит худшее. Если радио до сих пор, хотя и с перебоями, еще работало, теперь оно перестало работать совершенно, если раньше (ноябрь и часть декабря) горел свет, теперь его нет; если раньше была вода, то теперь нет, даже умыться нечем. Для кухни воду таскают ведрами с Невы. Вот когда своевременно вспомнить песенку Водовоза: «и, выходит, без воды и не туды, и не сюды»; если раньше в комнате было более или менее тепло, то теперь температура катастрофически падает. Позавчера в нашей комнате температура была 7–8, сегодня она снизилась до 4 градусов тепла. Как я пишу в таком «тепле», трудно представить, руки не повинуются. На улице температура достигает 35 градусов ниже нуля. На таком морозе бабенки, а часто и мужички, вереницей бредут к Неве за водичкой: кто с ведерком в руках, кто с кастрюлями или тазами на саночках. Н-да, мрачная картина.

Общая картина несколько радостнее становится вследствие прекращения воздушных бомбардировок и отсутствия вот уже несколько дней артиллерийского обстрела. Это объясняется, конечно, тем, что стоят крутые морозы, с которыми они не в ладу. Стоит только появиться оттепели, как враг оживает. На днях была оттепель, и что же эти сукины дети наделали. Засыпали прямо-таки снарядами. Рвутся то там, то здесь или с визгом пролетают над головой. То, что немцы находятся рядом, вытекает [из] разговора с краснофлотцем, который из-под Пулкова приехал в город по делам службы. Из его слов можно было понять, что немцы стоят за Пулковом в 700–900 метрах, занимая Дудергоф и ряд окрест-

ных деревень, пушки также у них. Но интересно не это, к этому мы уже привыкли и никого этим не удивишь. Он сообщил нам некоторые подробности сентябрьских событий под Ленинградом.

«Отступая от Кипени, затем Красного Села, мы вскоре очень быстро достигли Ленинграда, здорово они нас тогда жиманули. Если бы немцы знали, что в то время у Пулкова почти никого не было, они без труда могли ворваться в город. Но они боялись исторического Пулкова и вместо продолжения наступления открыли по нему ураганный артиллерийский и пулеметный огонь. Вся Пулковская высота была изрыта воронками, а здания превращены в груды развалин. Это было 21–23 сентября 1941 года.

Памятуня исключительную стратегическую роль Пулковских высот для Ленинграда — они, по сути дела, являются ключом от города, — тов. Ворошилов отдал приказ во что бы то ни стало, любой ценой удержать эти высоты. Для выполнения этой исключительно важной исторической задачи была брошена бригада морской пехоты, которая с неповторимым мужеством и героизмом задержала наступление немцев и удержала Пулково в своих руках. Правда, не одна сотня русских моряков-патриотов сложила свои головы за честь и славу земли русской и колыбели революции Ленинграда».

Быть может, рассказ моряка-пехотинца, ехавшего с нами от Дома советов до В. О., и не совсем точен, быть может, страдает прикрасами, но если мы обратимся к событиям того времени в самом Ленинграде, то станут понятными многие явления. В это время Ленинград переживал своеобразный кризис, т. е. быть ему или не быть. Мне сейчас вспоминаются дни, когда нам было приказано уничтожить много секретных документов и личных дел и прочих материалов, которые могли бы принести немцам материальную выгоду или показать лицо ленинградцев, то, что облегчило бы им поиск коммунистов и евреев (это в первую очередь) и беспартийных активистов.

Вся документация, связанная с этим, была безжалостно уничтожена. Оставлена была только самая необходимая для текущей работы, на уничтожение которой потребовались бы минуты. Тогда же было отдано распоряжение подготовиться к уничтожению производственного оборудования и ценных материалов, которые могли быть использованы немцами. Короче говоря, была поставлена задача в течение 20–30 минут вывести завод из строя. Теперь мне стало особенно понятно, почему с такой поспешностью мы уничтожили документацию, в которой сейчас очень нуждаемся.

Часа два тому назад ходили с П. М. на Андреевский рынок. На кусок дуранды граммов 250–300 и кусочек хлебца граммов 80 выменя-

ли пачку отборного табака и две пачки папирос, одна из них «Южные», а другая Soviet Union — прекрасные папиросы. Хлеб и папиросы сейчас самый ходовой товар. На рынке народа немного, а спроса очень много. Иные женщины простаивают на таком сильном морозе с салфеточкой или кофточкой в руке, ожидая, не предложит ли кто-нибудь кусочек хлеба. Слышны призывы: меняю клей на папиросы, меняю сахар на чай, меняю керосин и масло... и многое другое в этом роде. Столярный клей по-прежнему в ходу. Из него варят студень и сладкое желе на глицерине. Мы с П. М. этим же занимаемся, и получается неплохо. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, П. М. в соседней комнате на «буржуйке» варит из клея студень. Прибавляем туда перца, подливаем уксус, смазываем горчицей, и получается прекрасное блюдо. Скоро будем ужинать. <...>

На обратном пути мы, как всегда, встретили покойничков и людей, которых тащат за руки или за что-нибудь другое, не могущих от истощения собственными силами добраться до дома. Это первые кандидаты на гроб. У нас на заводе за 25 дней января умерло не меньше 50 чел. И сейчас на заводе вот уже несколько дней лежат два трупа (Родин и Васильев — слесарь-ремонтник 9-го цеха). И мы никак не можем их до сих пор захоронить — так загружены загсы.

Для поправки людей, находящихся во 2-й стадии дистрофии, на заводе открыли стационар на 15–20 коек. Каждый истощенный пролежит в нем 5–7 дней, а затем на смену им лягут следующие, и таким образом целая серия особенно ценных людей будет спасена для страны. Лично я сам предполагаю «прилечь» на пятидневку в феврале месяце, если жизненные условия не изменятся. Паек стационарщика состоит из: 400 г хлеба, 50 г мяса, 20 г масла, 50 г крупы, 100 г свежих овощей (капуста и помидоры), 40 г сахара, кофе и 50 г вина. Люди, находящиеся на стационаре, хвалят условия и довольны своей судьбой. Недовольны только тем, что через 5–7 дней надо выходить, снова пухнуть от голода, пока поправляются другие.

28/1-1942 г [ода]

Пишу под гул канонады немецких орудий. Сейчас 18 часов. Уже темно. Коптилка еле-еле освещает мою тетрадь, взрывы снарядов заставляют уныло и бессильно вздрагивать все здание и кресло, в котором я сижу. Обстрел начался еще днем и продолжается до сих пор. Видимо, стреляют из тяжелых орудий, т. к. взрывы значительно мощнее обычных. Крепко достается Московскому и Октябрьскому районам. Частично перепадает и Свердловскому, в котором я нахожусь и я — в секторе Балтийского завода и Гавани.

С фронта приходят радостные вести о занятии нашими войсками новых городов и др. населенных пунктов. Однако под Ленинградом проклятая немчуря неистовствует. Несколько дней назад возобновился артобстрел города, причем значительно интенсивнее всех предыдущих обстрелов. В чем дело? Или немцы подбросили подкрепления в западную и южную часть пригорода, или они находятся [в] предсмертной агонии и стараются выпустить по Ленинграду все, что имеется, чтобы не везти обратно. Слава Аллаху, если верно последнее.

Скоро ли настанет конец мучениям поистине героических ленинградцев. Народ мрет, как мухи осенью. Поговаривают, что за сутки в Ленинграде умирает по разным причинам (а в основном, конечно, от голода) до 20 000 человек¹.

Если этому поверить, то при таких темпах можно похоронить весь Ленинград в течение одной зимы. Особого просвета в деле организации снабжения населения продуктами питания пока не видно. Вот уже январь на исходе, а трудящиеся кроме 300–400 г хлеба в день за весь месяц получили 50 г масла и 150 г сахара. Каждому разумному существу понятно, что на эрзац-хлебе долго не протянешь, тем более что в декабре подавляющая часть населения жила на 125 г хлеба, выпекаемого из дуранды и целлюлозы. Естественно, что организм людей подорван и идет к своему печальному концу ускоренным темпом.

Выходя вчера из завода, я увидел трагическую картину. Девочка лет 10–12, посланная, очевидно, дурой мамашей за водой, шла с неистовым ревом с Невы, неся под мышкой алюминиевую кастрюлю. Левая рука ее примерзла к кастрюле, а правой она беспомощно махала. Оказывается, обе руки у нее обморожены, пальцы, часть ладоней были совершенно белыми. Несчастному ребенку придется ампутировать обе руки, и на всю жизнь она останется калекой.

Проходя дальше, на 6-й линии увидел брошенные санки, а на санках труп, завернутый кое-как в рубище и перевязанный обрывками. Видимо, не в силах был тащить его тот, которому труп приходился близким или дальним родственником.

Трупов везут, конечно, очень много, и подчас на одних санках по несколько, словно дрова. В связи с тем, что в городе нет воды, топлива и электричества, от «буржук» и коптилок в городе возникает очень много пожаров. Печально видеть картину, когда полыхает какой-нибудь великолепный дом, и пожарные часто бессильны что-либо сделать, чтобы помочь жильцам спасти часть своего имущества. <...>

¹ По официальным, строго секретным, относительно недавно обнародованным данным, в январе 1942 года в Ленинграде умерло 96 751 человек.

Память на голодный желудок стала отвратительной. Чтобы сделать что-то в течение дня, приходится записывать свои планы в блокноте. Но сплошь и рядом об этом забываешь. Забываешь даже самую запись, что такая у тебя есть. Да оно и естественно. Мозг ведь совершенно почти не получает самых важных питательных веществ, начиная с фосфора и кончая жирами. А с такого супа, который в меню именуется «Суп с витамином С» (в шутку прозванный нами «суп с витамином соль»), мозг не много получит для своего обогащения.

Мочевой пузырь — самый загруженный орган в теле ленинградца. Во-первых, потому что воды они потребляют больше обычного, а надо было наоборот, во-вторых, потому что недержание мочи — обычное явление у дистрофиков. Поэтому смешно и вместе с тем печально наблюдать картину, когда на каком-нибудь совещании народ часто в одиночку и группами посещает уборную. В довершение следует отметить, что уборных фактически нет, ибо они замерзли (там только памятники нерукотворные стоят да озера замерзшие разлиты), и народ вынужден в лютые морозы (30–35 градусов) искать укромное местечко, чтобы выбросить из организма экскременты.

Сегодня исполнился ровно месяц, как я не мылся в бане, а если к этому прибавить, что и лицо не имею возможность умыть каждый день, то станет понятно культурному человеку наше нынешнее состояние. В обычное время портянки чище наших полотенец. В общем, жутко! Ох как жутко!

29/I-1942 года

17:30. Только что вернулся с рынка, [за] 100 г хлеба выменял около 100 г рассыпного табака, оказавшегося, сверх ожидания, довольно приличным. На кусок дуранды около 200 г выменял пачку махорки с придачей 5 рублей. Имел 2 плитки столярного клея, которые удалось променять одной бабенке, которая очень меня благодарила за это.

— Теперь я буду на два дня обеспечена студенью, — сказала она и не ошиблась.

Из этого клея выйдет не менее 7–8 тарелок прекрасного студня. И если его заправить еще горчицей и уксусом, так вас за уши [от] его не оттащить. Так любил выражаться мой отец по поводу какой-нибудь вкусной пищи.

Табак и папиросы — самый ходовой товар на рынке, котируется наравне с хлебом.

— Меняю клей на сахар, — мямлит одна старушка.

На кой черт он мне, я еще не расклеился, — грубо огрызается на нее какой-то стоеросовый дядя.

Вот девочка трясущимися от холода, а может быть, и от голода руками держит бутылочку с маслом. Эта бутылочка напоминает скорее пузырек, чем бутылочку. Грязнувший дядя просит испробовать этого масла. Она доверчиво открывает пузырек и капают ему на грязную, как у угольщика, руку две-три капли масла. Он пробует языком, морщится и, недовольный, ворчит:

— Нет, матушка, горьковато, — и как бы в подтверждение недоброкачества товара трясет рукой, чтобы стрясти следы масла на ладонь, а затем, отойдя 5–6 шагов, с аппетитом долизирует эти капли.

Если такой торгаш перепробует из всех имеющихся на рынке бутылочек масла, он может не работать и спокойно продолжать лизать и будет жирами вполне обеспечен.

— А вот трикотажное белье «дин», — продам, сменяю на хлеб, папиросы, конфеты, чай...

Что означает это замысловатое слово «дин», продавец и сам толком не разберет.

Цены растут. Продукты питания идут за большие деньги, но и за них не напросишься. Деньги потеряли ценность, да и побаивается народ продавать товар на них, т. к. можно наскочить на агентуру милиции, которая может крепко побеспокоить, вплоть до ревтрибунала.

А менять можешь сколько угодно. Допустим, пачка махорки, обмененная мною на дуранду, стоит 35 копеек, ты поэтому не имеешь права продавать ее дороже номинальной стоимости, а выменять можешь сторублевую вещь. И за это никто тебя к ответственности не потянет, так как никто не может юридически доказать, что эта вещь дороже пачки махорки.

Но сколько маклаков на этом рынке. Боже ты мой! Мне думается, что набившие на этом деле руку умельцы, придя утром на рынок с 300 г хлеба, вечером могут уйти одетыми с иголки. Так быстро они делают обороты.

Карманы у них, конечно, набиты деньгами, и они им счета не знают. Живут сытее любого из нас. Жадные негодяи. На неблагополучии других строят свое благополучие. А доверчивые обыватели, гонимые голодом, по сути дела, вверяют рынку свою судьбу.

Что-то мой коллега П. М. сегодня повел себя неладно. Мало говорит, больше молчит. А если и говорит, то больше отрывистыми, лаконичными фразами. Сам разговор не поддерживает, на вопросы отвечает сухо, — в чем дело! Вдруг заявляет:

— Довольно мне тебя объедать, перехожу на полагающийся мне паек, а ты поправляйся.

Вот и пойми его. Фраза «ты поправляйся» звучит скорее иронически, чем искренние. Почему-то он вдруг решил меня «поправлять». Я, кажется, не болен и, слава Аллаху, можно сказать, не голоден. За последние дни у меня появилась небольшая опухоль под глазами, но это от чрезмерного потребления воды.

Поводов к тому, чтобы на меня обижаться за что-нибудь, с моей стороны не было. Я его ни словом, ни даже мыслью в том, что он немного помогает уничтожить то дополнительное, что мне перепадает по месту работы и иногда от Жоржика. Наоборот, я морально бываю удовлетворен, когда чувствую, что чем-то хорошим помог человеку, тем более такому, как П. М.

Черт его разберет, почему так получается. Иногда ему вожжа под хвост попадет (как он нередко сам выражается). И начинается хандра. Ну посмотрим, что будет дальше.

31/I-1942 года

Январь закончился, а продуктов почти ни черта не получили, если не считать 50 г масла, 250 г сахарного песку или конфет. Сегодня разрешено выдать еще 300 г сахарного песку или конфет. Но сладостей в магазинах хватило торговать ровно на час. Значит, 90% населения и этой нормы не получают. В довершение всего на февраль продкарточки еще не получены. Вот уже 17 часов, а карточек все нет, и, вероятно, сегодня вообще не получим. А у подавляющего большинства населения хлеб, конечно, на 31 января забран еще вчера, и получается, что сегодня люди останутся без хлеба. Вот почему сегодня утром в магазинах и очереди совершенно не было, ибо хлеб некому брать. Пользуясь этим, успел получить сахарный песок.

Ай, какой я счастливец. Все-таки имею удовольствие пить сладкий кипяток, хоть и без хлеба, но все же тепло. Все ждем не дождемся, когда выдадут маслица хоть граммов 100. Жиров совершенно не имеем в течение всего месяца. А на рынке не купишь. Можно на вещи приобрести и граммов 50, а на деньги не подступиться. Продают по 2 рубля за грамм. Это значит, что килограмм масла обходится 2000 рублей.

Это же убийство. Хлеб доходит до 500 руб. килограмм. Ну и жизнь. Так не удивительно и ноги протянуть. И протягивают, да и еще сколько.

7/II-1942 года

Третьего числа радио принесло неприятные вести. В сводке Информбюро значилось: «Несколько дней назад наши войска оставили город Феодосию». <...> На Ленинградском фронте, как и на остальных, во-

царилась пока что стабилизация, ничего хорошего, конечно, не сулящая, так после стабилизации начинается наступление отступавшего противника. Особенно опасным остается район Мги, откуда никак не удастся выбить немцев. Не менее опасным остается юго-западное направление от Ленинграда, с которого очень часто обстреливают город.

Кроме того, часто слышна, особенно по вечерам, пушечная канонада и даже пулеметная трескотня. Создается впечатление, что идут уличные бои в районе Кировского завода.

Наконец-то в комнате установили печку-временку, температура значительно повысилась и достигла 13–14, что обеспечило более или менее нормальную возможность записывать сюда обрывки событий и мыслей.

Ленинградцы с той же непреклонностью переносят все лишения, связанные с блокадой. Правда, ощущаются некоторые улучшения (выдали масла по 150–200 г, и ожидается прибавление хлеба на 100 г, всего то есть будет 400–500). Это уже легче, но народ еще по «инерции» мрет, и приостановить это невозможно без решительного улучшения питания: гл. образом маслом, мясом и вообще жирами. Рынки по-прежнему недоступны. На деньги почти ничего нельзя купить, когда что и найдешь, то за баснословные суммы. Я уже выше как будто писал, что масло доходит до 2000 р. кг, хлеб до 500 р. В столовой кормят отвратительно. Та же жареная водичка, только мутная. Мясные бывают, но ограниченно, поэтому введены специальные талончики, по которым и выдают мясные блюда. Раздача их представляет из себя очень сложную операцию. Каждый, разумеется, хочет получить, а возможности есть только на 20–25% обедающих. Попробуй распредели без скандала.

11/II-1942 г[ода]

Радостный день: прибавили хлеба. Как я и предугадал раньше, стали продавать 400–500 г. Меньшее число означает норму служащих, большая — рабочих.

Какая-то бабенка, подымаясь по лестнице в магазин, с радостью сообщает попутчице:

— Вчера еле-еле добрела домой, а сегодня, как услышала по радио, что прибавили хлебца, вскочила как встрепанная, не чувствуя под собою ног.

— Да, теперь легче, — сказала другая.

— Ну еще бы, да ведь, кроме того, в два раза меньше будут вырезать крупных талончиков в столовой. Теперь-то мы ожили. Проживем. А там посмотришь, и еще лучше будет.

Вот вам ленинградка (русская) — стоило немного прибавить продуктов, как сразу же положительная реакция: появился оптимизм и уверенность в своих силах. И эта женщина не исключение. Напротив, она в данном случае типична для подавляющего большинства ленинградцев.

Кроме прибавки хлеба мне стало неофициально известно, что на февраль по рабочей группе будут установлены след. нормы: мясо — 1500 г, масло — 800 г, сахар — 2000 г, крупа — 2000 г. <...>

Конечно, норма смешная. Что значит на месяц 2 кг крупы. Это — тарелка супа на день, но и это обнадеживает. Прибавки поднимают настроение, и если к этому добавить, что в декабре жители были вынуждены ограничиваться 125–250 г хлеба (да какого — с целлюлозой и посторонними примесями), то теперь заводы выпекают великолепный полноценный хлеб. Жить, конечно, можно. Важно приостановить вымирание населения. А потом само по себе войдет в норму.

Посудите сами... А, впрочем, давайте проследим по одному факту на мне, как отражается голод на человеке с точки зрения физиологической. Я человек от природы любящий красивое, приятно ласкающее взгляд. В мирное время, невзирая на близкое присутствие любимой жены, я не прочь был метать вожаделенные взгляды на хорошеньких женщин. Сейчас же смотрю на оных, как евнух или старый импотент, нет желания искать ласку. Можно сказать, полная временная атрофия стремлений получить сладострастные переживания.

Я не исключение. С кем ни поговоришь, у всех подобное состояние.

У женского пола, очевидно, аналогичное чувство или отсутствие всякого чувства в этом смысле, т. к. ни одна из тех, которые когда-то восторженно отзывались обо мне, не остановят на мне даже взгляда. Просто не замечают. У всех одна мечта — поесть досыта, хотя бы хлеба с водой и солью, и этой мыслью поглощены буквально все, за исключением единиц, не испытывающих в Ленинграде голода.

На днях у нас в коридоре неожиданно появилась девочка лет четырех, прилично одетая. Вначале она молча сидела, а затем громко заплакала. Я спросил ее:

— Где твоя мамочка?

— Мамочка ушла за касей (кашей).

Прошло около 3 часов, а мама с кашей все не возвращалась. Значит, она подбросила девочку, надеясь, что о ней позаботятся. Мы приласкали девочку, накормили и на второй день разыскали мамашу.

— Ну что я могу поделать, — ответила она на заданный ей вопрос, — я сама умираю с голода, ну значит, и она обречена. <...>

Седьмого числа решил позвонить некоторым своим приятелям и справиться о состоянии их здоровья. Первому из них позвонил Мише Школярову, и что же я услышал в трубку:

— Он больше у нас не работает, т. к. 30 января умер...

Эта фраза резанула по нервам. Томительная дрожь пронзила тело с головы до ног. Не верю, как можно поверить, что Школяров умер от голода. Грустно, страшно неприятно слышать такие новости об одном из самых близких друзей, да еще каких.

Какой он был здоровенный мужчина. Прямо-таки столп, а вот свалился. Любил много и вкусно поесть. Товарищеский, компанейский человек, хорошо пел и вообще любил и понимал искусство, особенно вокальное. Занимался физкультурой, в частности был страстный любитель игры в городки. Был председателем городошной секции г. Ленинграда. Собственно, на этой почве и произошло наше с ним знакомство в 1928 году, с тех пор мы стали неразлучными приятелями. Пройдет некоторое время, окончится война, и соберутся уцелевшие на городошной площадке Народного дома, где Миша был душой всех затей, и начнут считать наши раны, товарищей считать. Кого еще не досчитаются, бог весть. Может, крепко поредеют наши ряды, тем более что многие физкультурники, в том числе и городошники, на фронте. Само собой разумеется, что вероятность погибнуть в бою очень большая, и мне, возможно, будет принадлежать честь сказать о покойном пару слов и почтить его вставанием.

Вот и сейчас стоит он передо мной как живой. Высокий, плотный, представительный, крепкий мужчина. Тем горше выносить утрату таких людей. Сколько горячих часов проведено вместе с ним за преферансом, бильярдом, городками, вкусным и обильным столом, роялем, патефоном, в театре, в разных городах СССР на соревнованиях по городкам (Москва, Харьков, Сталино, Сестрорецк, Ленинград и др.).

И вот теперь я не встречу с ним на такой широкой базе. Диапазон наших взаимоотношений был слишком широк, и потому так тяжело мне переносить потерю такого человека. Пусть покоится твоё тело, друг мой, безмятежно и спокойно. Твои стремления в области той же физкультуры будут осуществлены.

На первой же встрече с нашими общими друзьями подыму бокал за твоё хорошее прошлое, и память о тебе будет долго жить в наших сердцах. Вечный покой тебе. Не исключена возможность, что еще многие из той орбиты найдут себе место рядом с Мишей.

Тяжело. О, как тяжело. Так томительно щемит сердце. Надежда на время, которое излечивает и более глубокие раны.

В связи со смертью Миши вспомнил товарищей по физической деятельности, чьи фамилии со временем подзабыл. Память в по-

следнее время подкачала на почве голодной жизни. Горькой будет возможная встреча, ибо каждый из нас узнает о трагической судьбе некоторых общих знакомых. Но она вместе с тем будет радостной, ибо уцелевшие в пекле войны (особенно ленинградцы) соберутся на праздник победы над злейшим и коварным врагом.

16/II-[19]42 г[ода]

<...> Дни пошли радостнее, т. к. после хлебной прибавки стали выдавать продукты по февральской норме, в том числе: крупа — 1000 г, сахар — 300 г, мясо — 450 г. Ждем теперь масла. Теперь почти каждый день после ночного выпуска последних известий объявляют распоряжение Ленгорисполкома об очередной выдаче продуктов. Народ воспрянул. Остальное же осталось по-старому. Те, которым «суждено» умереть, совершают свой последний рейс на кладбище, а то и просто в щель. На днях наш директор рассказывал, что в домохозяйстве, к которому он прикреплен для наведения в нем санитарного порядка, <...> во двор с верхнего этажа был сброшен труп, на который затем жители сливали нечистоты. Осматривая хозяйство, он натолкнулся на труп в прачечной.

Артиллерийский обстрел снова усилился. Вчера интенсивно обстреливали Дзержинский район на участке ул. Чайковского, нанеся большие потери. Вот и сейчас (17:30) слышен грохот разрывов в восточном направлении.

День сегодня по-весеннему теплый, такой радостный, но омрачаемый покойниками и обстрелом. Небо чистое, бирюзовое. Солнце уже стоит выше над горизонтом и успевает растопить часть снега, отчего образуются на застрехах большие сосульки. С утра над городом патрулировали несколько самолетов.

На днях узнал от Сахацкого, что Мартынов (наш быв. юрист) с работы домой не возвращался. Считают его погибшим, и это правильно, т. к. он и в мирное-то время был страшно худым, а теперь, на II категории, и подавно. А если учесть его приятельские отношения с алкоголем, то смерть его станет вполне понятной. Жалеть его, пожалуй, будет некому, т. к. даже родителям он был обузой. Однако истины ради должен сказать в его пользу пару слов. Был он умным самородком с подвижным светлым умом, искренний, товарищеский. Прямой в своих мыслях и действиях. Враг подхалимства и бюрократизма. Эти его черты светлой полосой легли в моей памяти, воскрешая те короткие минуты, которые я провел с ним в приятных встречах.

Вчера имел «удовольствие» присутствовать в комнате нач[альника] штаба ПВО Де-ва, у которого были три девушки, забавлявшиеся

патефоном. Одну из них я раньше видел, а две других совершенно незнакомы. Они, надо полагать, работают в системе общественного питания или торговли, т. к. имеют совершенно нормальный, «довоенный» вид: пышные груди, румяные щеки, поблескивающие глаза, задорные улыбки и кокетливые подбровные взгляды.

Они, как оазис в иссохшей пустыне, пробуждают мужскую жажду и сами, казалось бы, не прочь получить ласку здорового мужчины. Их видимое благополучие остро контрастирует с состоянием многих других ленинградских девушек, имеющих такие же права на эту свежесть и привлекательность, но сохнувших и умирающих с голода. Это еще более усугубляется мыслью о том, что их румяные щеки и пышные груди расцветают как раз за счет других, у которых бледные щеки, дряблые груди и потускневшие глаза.

Смотрел я на них и негодовал.

«Мерзавки, — думал я про себя, — вы тут готовы танцевать, обниматься, а тут же рядом за стеной умирающая мать с детьми, не могущая поддержать их дыхание».

И так неприятно мне стало, что я поспешил ретироваться из этого общества. Они, конечно, даже не думают об этом, считая все это нормальным явлением. Какой парадокс. Одни умирают с голода, другие от осколков снарядов и взрывной волны, а третьи гибким станом своим вызывают вожделиние упитанных мужчин типа Де-ва.

Другая картинка. Фронт в городе, а за столом одного дома компания азартно дуется в преферанс, забывая о ежеминутном дыхании смерти над их головами.

Но обвинять их нельзя, не потому, конечно, что сам я лично член этой компании, а потому что слишком много остается свободного времени. <...> Не наша вина, а общая беда, возникшая в результате осады города немцами.

24/П-[19]42 г[ода]

Вчера был праздник — двадцать четвертая годовщина Красной Армии. Перед праздником ждали, что порадуют сводками с фронта. Но сводки однообразны. <...>

26/П-[19]42 г[ода]

Радио поведало вчера, что в районе Старой Руссы наши части окружили 16-ю немецкую армию. <...> Это радостные вести, особенно для ленинградцев, т. к. эти события развернулись в тыловых районах Ленинградской области. Следовательно, есть надежда на скорое освобождение Ленинграда от блокады. <...>

Жить стало легче, жить стало веселей. Ленинградцы всюю заняты очисткой города и домов от всякого рода нечистот, чтобы к теплым дням всю грязь с улиц убрать. <...>

6/III-[19]42 г[ода]

Радость. Из Молотова получены свежие новости. Приехали два представителя филиала, выехавшие 2 февраля из Молотова. Они привезли чемодан писем. Я получил от Таменьки письмо и даже небольшую посылочку с продуктами, очевидно оторванными от себя. «Не дорого еденье — дорого раденье». Самое радостное то, что все здоровы. Это очень хорошо. Остальное приложится. Посылаю с оказией ответную посылочку. <...>

8/III-[19]42 г[ода]

Блокада Ленинграда хотя и продолжается, но снабжение значительно улучшилось по сравнению с декабром и январем. Однако в марте стали давать меньше крупы, мяса и масла.

Сегодня комсомольский субботник по очистке города. Невский выглядит как муравейник, тысячи людей скалывают слежавшийся снег и лед, образовавшийся от неисправности водопровода и от забора воды.

Трупов встречается меньше. С одной стороны, потому что их стало действительно меньше, с другой — их стали регулярно убирать. Организованы районные пункты, куда свозят трупы, а оттуда на автомашинах вывозят на кладбища.

Страшно хочется помыться — грязь изъела тело. Вчера собрались было с Н. И. и П. М., пытались помыться на 3-й ГЭС, но наши планы были сорваны отсутствием необходимых документов.

11/III-[19]42 г[ода]

Ночью на 11 марта был интенсивный обстрел города. Пострадал Петроградский район (участок Сытного рынка). Сегодня днем обстрел продолжался. Свист снарядов подсказывал западное направление обстрела: если судить по карте, то обстрел происходил из Сестрорецка. А если учесть, что, кроме звуков выстрела и свиста снарядов, ничего не было слышно, можно предположить, что стреляли наши. <...>

Трудно указать в городе место, где бы не рвались снаряды. <...> Стены и крыши домов исковерканы осколками. По всему городу тот тут, то там стоят подбитые трамваи, а троллейбусы на бульваре Профсоюзов стоят в шеренгу, наполовину занесенные снегом, без стекол, без дверей, некоторые без колес и даже вообще признаков троллейбуса.

На пр. К. Либкнехта пятитонная автомашина врезалась в дом, где помещается театральная касса. Карбюратор въехал в окно, одно ко-

лесо — в дверь, а другое расплющилось о стену. Как будто железное чудовище, напуганное чем-то, пыталось укрыться в доме, но, застигнутое внезапной смертью, распласталось на дверях здания.

Вчера был в горкоме, предложили временно поработать по линии эвакуации населения. Но я легко от этого отделался, сославшись на предстоящую работу по подготовке кадров в связи с приближением срока пуска завода. Сегодня выдают по 300 (200) г мяса.

13/III-[19]42 г[ода]

Вчера с П. М. собрались в баню, предвкушая удовольствие снять с себя солидный груз грязи. Мы мирно шагали по 16-й линии. <...> Мороз 15–20 градусов. Утренние лучи солнца создавали почти праздничное настроение. Вдруг впереди на нашем пути разорвался снаряд. Моего попутчика инстинктивно качнуло вправо, в сторону дома. <...> Мое сердце хотя и не упало в штаны, но бешено заколотилось. За первым взрывом последовали второй, третий... то приближаясь, то удаляясь. Сердце быстро освоилось с обстановкой и вернулось к нормальному ритму.

Мы были бесконечно рады, когда смогли подставить свои измученные тела под струи теплой воды.

17/III-[19]42 г[ода]

Ходим бригадой по подшефному домохозяйству, поднимаем народ на уборку дворов и улиц. Неожиданно вызывают к директору. Прихожу: «Тебя просили срочно позвонить в горком».

Звоню и узнаю, что мне через пару часов надо явиться в полной форме для срочного вылета в Москву. Не знаю зачем, но с удовольствием собираюсь. Надолго ли, не знаю.

* * *

17 марта 1942 г[ода]

Итак, волею судеб я стал продолжателем сего дневника. Даже не верится, а все же это факт. Я никогда не вел личный дневник, лишь старательно описывал, в силу моего служебного положения в период Германской войны 1914–1918 гг., военные передвижения части и эпизоды, заслуживающие быть отмеченными в дневнике. Задача непосильная, но благодарная для воспоминаний и правдивого изложения событий великого, но напряженного времени.

Какова же причина, побудившая быть продолжателем чужого труда, в котором я хотя и принимал косвенное участие раньше.

Утром 17 марта я с моим другом встали, как всегда в положенное время, напились «чаю», закусили остатками от ужина, и мой друг

рискнул отправиться в жилхозяйство, где под его водительством должны были производить бытовые уборочные работы. Около 13 часов позвонил А. А. и просил передать моему другу, когда он вернется, чтобы он немедленно пришел к нему. Однако, как потом выяснилось, А. А., не ожидая его возвращения, послал за ним нарочного.

Приблизительно через полчаса вернулся мой сожитель и немного взволнованным голосом сообщил, что он должен через час собраться и отправиться в горком партии для отъезда в командировку «за кордон». Ни цели командировки, ни ее продолжительности он не знал. Он знал, что будет работать для Ленинграда и что едет в распоряжение тов. Штыкова¹. <...> Начались сборы, вернее сказать, связывание пакетов с бельем, мылом, зубным порошком и прочей мелочью. Сборы быстро закончились, и мы пошли в столовую утолить голод. К концу обеда пришла Татьяна Ивановна и сообщила <...> что машина ждет. <...> Мой приятель, простившись со мной, быстро исчезает. Я осиротел и заранее знаю, что впоследствии еще больше почувствую одиночество и буду скучать. Что делать, значит, так суждено и нужно примириться. Весь день сидел у себя, ужина не брал, нет аппетита. <...>

19 марта [1942 года]

Утром встал, как всегда в 6:30, принялся по ранее установленному порядку возиться по хозяйству, затопил «буржуйку». Заправил кровать, подмел комнату, умылся и принес кипятку. На столе зазвонил телефон. Снимаю трубку. О радость, слышу знакомый голос А. Т., говорившего из Смольного. Оказывается, он еще не улетел и улетит сегодня утром в 9 часов в Москву, где находится тов. Штыков. Он летит с 19 другими товарищами, мобилизованными для продовольственного снабжения Ленинграда. К сожалению, других подробностей он сообщить не мог. Еще раз простились по телефону и пожелали друг другу всего лучшего. Беседа оказалась короткой, но приятной.

Днем по поручению тов. П-ва был на табачной фабрике им. Урицкого для оказания помощи в деле налаживания выпуска корпусов. Оказалось, что фабрике нужно наладить цеховой пооперационный учет производства, поэтому я предложил этим делом заняться И. И. Пу-ву, на что последний охотно согласился, тем более что оплата за труд обеспечена.

Около 15–16 часов фашистские мерзавцы вновь подвергали город обстрелу, хотя и непродолжительному. Свист снарядов происходил по направлению к Петроградской стороне.

¹ Штыков Терентий Фомич (1907–1964) — 2-й секретарь Ленинградского областного комитета ВКП(б), член Военного совета Ленинградского фронта.

Имел намерение постричься, но, увы, походом в соседнюю с заводом парикмахерскую был разочарован. Парикмахерская бездействовала за отсутствием белья, мастера сидели у горячей печи и мирно беседовали.

19 марта [1942 года]

С утра и до поздней ночи в воздухе слышен гул моторов наших патрулей. Днем около 14 часов заработали наши зенитки. Появилась фашистские разведчики. Обстрел продолжался около получаса. Ходил на рынок, искал иглы хвои для приготовления витамина С. К сожалению, хвои не видел и вернулся ни с чем. Ноги мои не чувствуют улучшения, краснота не исчезает, желудок также не радуется. Занимаюсь приготовлением сухарей из хлеба. К сожалению, с топливом плохо, и если бы не т. Попов, который подарил бревнышко, которое я еле-еле поднял наверх, то положение было бы нехорошее. Завод все время продолжает ходить на очистку трамвайных путей, и хотя в этом направлении сделано уже много, а красных вагонов на линиях не видно. По заводу ходят упорные слухи о пуске цехов по приборостроению. Эти слухи, к счастью, имеют свое подтверждение в лице дирекции завода. Давай-то бог в добрый час, как говорили прежде старики. Пора бы приступить к работе и быть полезными для фронта. На улицах все та же картина: перевозка покойников без гробов, обернутых в матерью и привязанных к санкам. Но есть и улучшения: это освобождение панелей и дворов от снега, что производится на всевозможных транспортных приспособлениях (листах фанеры, санках, ваннах и проч.), и, конечно, силами надорванного населения. Да, забота нелегкая, но нужная и не терпящая отлагательства.

Сегодня начали давать масло по 200 г на рабочую карточку. Получил масло и сахарного песку. Обедать и ужинать в столовую не ходил. Там черная мучная каша и котлеты из соленого мяса. И то и другое мой организм не принимает и запрещено врачом. Варил овсянку, которой хватало и на обед, и на ужин и кое-что случилось на утро. В общем кругом овсянка и это неплохо.

20 марта [1942 года]

Был на заводе, где был подтвержден слух о частичном пуске завода в самом ближайшем времени. Как узнал у тов. Хр-го, сначала пойдет сборка. Предложено цех укомплектовать контролерами ОТК. В добрый час. <...>

Продолжаю болеть. Ноги, желудок ноют сегодня, как и вчера. Дни пошли солнечные, но холодные. Температура по утрам падает до 25 градусов ниже 0. Нужно ожидать налетов с наступлением более теп-

лого времени. На фронтах в последнее время, как сообщают сводки, ничего существенного не произошло. Но, судя по слухам, на Ленинградском фронте идут бои в довольно значительных размерах со значительным уничтожением живой силы фашистов.

21 марта [1942 года] утром около 10 часов был вызван к директору завода. А. А. начал с того, что нам необходимо поближе познакомиться, и между прочим сказал, что он предполагает назначить меня нач. отд. снабжения, добавив при этом, что 1-я категория будет сохранена. Я, откровенно говоря, не ожидал назначения на эту должность и уклончиво выражал свои доводы, ссылаясь на большие трудности и болезненное состояние. В заключение я вынужден был заверить, что, если я нужен и некому занять должность, то его приказ для меня является обязательным. После этого А. А. сказал, что он даст по этому поводу команду, а я поднялся и вышел. От Х-о узнал, что врид. начальника отд. н. и у. предполагается назначить Алексееву, которая к этому стремится. Днем около 2–3 часов немножко погулял. Фашист вновь крепко обстреливал город, правда, недолго, не больше 15–22 мин. По-прежнему в воздухе жужжат наши славные самолеты. Но тревог не было. Улицы начинают приобретать культурный вид. С панелей сколот лед, трамвайная линия очищена, дороги освобождаются от снега. Этого нельзя сказать про домохозяйства, где по-прежнему дела идут неважно.

Был у врача, опять продлил бюллетень, т. к. ноги мои продолжают болеть. Опухоль и краснота с цинготными признаками, не видать улучшения.

Сегодня выдают сахар.

На фронте, по сводкам, ничего существенного.

В столовой уже несколько дней нет крупяных каш. Готовят мучные и лапшу.

Получил приказание отобрать все годные детали по курвиметру.

24 марта [1942 года]

Сегодня с утра оттепель, идет мокрый снег. На заводе выходной день. Наш кооператив перебирается в новое помещение, придется за продуктами путешествовать дальше.

Сегодня должен уехать в Молотов На-н, обещал зайти за письмом и посылкой, однако сейчас 16 час., а его еще нет, на заводе не было, хотя его спутников видел. Неужели надует. Будет обидно. <...>

В столовой сегодня давали по маленькому стаканчику витамина С, но, увы, мне не хватило, а витамин так нужен,

25 марта [1942 года]

Ал. Ал. в стационаре делал сообщение о международном положении. Я тоже случайно попал в число слушателей, доклад некрапоречивый, но дельный, довольно обстоятельный. На заводе идет все по-прежнему, монотонная жизнь.

На-н посылку и письмо для Т. А. взял около 6–7 час. вечера 24 марта, чему я очень рад. Купил сегодня на рынке два пучка хвои сосны и запарил их, предварительно нарезав ножницами. Добавил две ложки уксуса. Завтра начинаю самолечиться от цинги, которая чувствуется на ногах.

Сегодня обстрела города не было.

5 апреля [1942 года]

Вчера вечером около 18 час. был налет на город, и особенно на наш район. Было сброшено много бомб. Пострадал и наш гараж, где убиты два вахтера, разбиты стекла, выбиты рамы в гараже и в складе. На углу набережной Л. Шмидта и 19-й линии разрушен дом. Охотились на наших соседей.

Но, к счастью, в этом отношении все благополучно. Ночью была тревога. Сброшено большое количество бомб. Над рекой горели ракеты, и было светло как днем. Немец пикировал и сбрасывал на славных соседей, но здесь обошлось все благополучно. Последние дни и ночи фашист вел обстрел города из дальнобойных орудий. Разрушено большое количество домов.

Получил телеграмму от А. Т. о том, что он будет в Ленинграде в первых числах апреля. Конечно, обрадован и жду с нетерпением приезда.

Ко мне вселился незванный гость X-й и вот уже живет вторую неделю. Правда, хотя особенно не беспокоит меня, но все же... лишний.

Меня все же назначили, после новой беседы с А. А., нач. отд. снабжения. Теперь несу эту тяжесть, вернее участвую в [неразборчиво] отдела, т. к. я его в наследство не получил. В отделе сотрудник, да и тот с инвалидным уклоном. Складское хозяйство в известном состоянии, т. к. много путаницы, которая не скоро будет ликвидирована. Со стороны врид. начальника отдела найма А-ой получил несколько настойчивых требований о передаче комнаты А. Т., где я помещаюсь. Конечно, отказал и отослал для переговоров к А. А., от которого никаких распоряжений не получил. Слышал, что он дипломатично предложил ей договориться. Она пробовала это сделать, но получила новый отказ.

24 апреля [1942 года]

После долгого затишья на «писательском» фронте обстоятельства вынудили взяться за перо.

Последние дни ежедневно происходят обстрелы города из дальнобойных орудий.

Сегодня около 14 час. — очередной налет. Одна бомба упала около завода. Побиты стекла. Один осколок пробил стекло в соседней комнате, прошел сквозь стеклянную дверь и врезался в стену нашей комнаты. <...> Убита женщина-вахтер. Это уже третья женщина-вахтер, погибшая на своем посту. <...>

А. Т. после телеграммы никакие весточек не дает и сам не едет. Начинаю беспокоиться, т. к. первые числа апреля, когда я ожидал его приезда, давно уже миновали и мы накануне 1 Мая.

При заводе организуется столовая для дистрофиков с усиленным питанием. Я прошел комиссию и получил направление. Завтра собираюсь осуществить свое дистрофическое право на усиленное питание. Дела идут неважно, транспорт режет. С утра начинают трепать нервы. И все из-за транспорта. Но в общем завод хотя и робко, но приступил к работе.

* * *

9/V-1942 г[ода]

Здравствуй, мой уголок, мой дневник. Явился 5-го вечером настоящий хозяин сей тетради. После странствий долгих возвратясь, обнаружил здесь непорядки: мой преемник по этой тетради проявил индифферентность к ней и почти полное безделье.

Да посудите сами: за 2 почти месяца испачкал лишь три листа. Позорrrr...

Итак, я вновь в родном городе. Как я стремился попасть к 1 Мая в Ленинград, но, увы... сорвалось. Распутица помешала, а в самолет удалось попасть массивированным ударом только 5 мая <...>

Подробное описание поездки последует несколько позже. Сейчас ограничусь свежими впечатлениями о Ленинграде. Прежде всего, хочется отметить тишину на улицах. Народа очень мало, машины ходят редко. Как отрадное явление следует отметить восстановленное трамвайное движение, появившееся после длительного перерыва. Правда, всего семь маршрутов и ходят редко и медленно. Но все же отрадно. Лучше на трамвае, чем пешком.

Дальше отмечаю отменную чистоту. Она особенно бросилась в глаза после той грязи, в которой я оставил Ленинград в середине марта. Тогда были снег, лед и людские экскременты. Теперь снега нет, тротуары и мостовые блещут чистотой.

За время моего отсутствия немцы несколько раз совершали интенсивные налеты и обстреливали город из дальнобойных орудий. Естественно, поэтому я увидел новые разрушения. Пострадал крейсер «Киров». Бомба упала на палубу и снесла одну трубу. Теперь он отведен в другое место и залечивает раны. Какие-то «умники» (видимо, те же, кои полгода держали «Киров» на одном месте) на его место поставили огромный теплоход «Свирь».

Не удивительно поэтому, что он сейчас сидит на дне Невы у берега, являя собой скучную картину. <...> Хотелось бы людей, принимающих такие решения, крепко-крепко наказать независимо от того, сознательно это было сделано или по недомыслию.

Вокруг нашего завода очень много разрушенных зданий. И если завод уцелел, как оазис в пустыне, это можно объяснить простой случайностью.

7 мая был крепкий обстрел района. Не вытерпел и забрался на вышку. И что же? Снаряды рвались на 23-й и 15-й линиях. Я находился на 18-й. Как видите, в зоне обстрела. И что страшнее, в створе разрывов снарядов. Я решил спуститься вниз, там спокойнее.

14/V[-1942 года]

Позавчера, как уверяют «злые языки», немцы перешли в районе Лигово в наступление в направлении Кировского завода. Однако путь им преградили пушки фортов и кораблей Кронштадта. Это было между 14 и 15 часами. В это время я был в городе и слышал канонаду, напоминающую раскаты грома. Такая канонада была и вчера. Немцев, видимо, все-таки остановили. Вчера и сегодня объявляли тревоги, но вражеские самолеты над городом не появлялись. Зато наши «шмели» гудели в голубом небе. Их было около 30 штук, больше Лагги. Обозленный неудачей противник начал зверски обстреливать город. Сегодня снаряды ложились напротив нашего завода за Невой и частично на площади Труда. Снаряды с воем пролетали через наши головы. Вот где-то рванула фугасная бомба. Под ногами неприятно задрожал пол. Так как тревоги не было и самолетов не видно, следовательно, взорвалась бомба замедленного действия. Со дня на день ждем химического нападения во взаимодействии и высадкой десанта. Противогазы всегда при себе.

Много людей берут в армию и сразу же направляют в действующие части. Это обстоятельство проливает свет на разговоры о наступлении немцев. Говорят, что Гитлер заявил в Рейхстаге, что если немцы проиграют битву за Ленинград, то проиграют всю войну. Говорил ли он что-нибудь подобное — не знаю, но это вполне реальное умозаключение. <...>

18/V-1942 г[ода]

Бурная страшная ночь. В 22:30 мы возвратились с П. М. из филармонии (смотрели и слушали посредственный концерт, хотя и с участием заслуженных и народных артистов). В одиннадцать скромно поужинали и разошлись по кроватям, слушая «Последние известия», под которые сладко задремали. Около полуночи слышу взволнованный возглас:

— Александр Тихонович, Александр Тихонович...

Я просыпаюсь и не понимаю: в воздухе стоит грохот. В окне светло от вспышек разрывов. Сотни пушек выпускают в воздух огненный ливень.

— Немцы наступают на Ленинград, — сокрушенно произнес П. М. <...>

Быстро оделся и побежал в штаб МПВО, затем поднялся на вышку. Над Ленинградом висела корона из красных вспышек зенитных орудий и пулеметов. Осколки снарядов шумным дождем падали на землю. Вдалеке слышалось гудение самолетов. Канонада продолжалась 25–30 минут. Стрельба прекратилась разом, как будто выключили рубильник мотора, двигающего грозный агрегат. Воцарилась мертвая тишина. Так и не удалось установить, чем была вызвана эта получасовая канонада. Если это был налет, то почему не было сброшено бомб. Единственное правдоподобное предположение — это то, что противник бомбил передовые линии на подступах к Ленинграду. О количестве самолетов можно [судить] по словам работницы нашего завода Семеновой. Она заявила:

— Такого я еще никогда не слыхала. Очевидно, все небо было усеяно самолетами. О канонаде можно судить хотя бы потому, что невозможно было разговаривать со стоящим рядом человеком. Воздух был сплошь заполнен грохотом. Здания сотрясались, стекла дребезжали. От вспышек выстрелов на улице было светло. За все время осады с августа 1941 года я ничего похожего не видел и не слышал. Картина потрясающая.

Два дня назад проходил по набережной Жореса¹. Если на тротуаре чисто, то в Неве у берега за парашютом навалены кучи мусора, тряпья, домашней утвари и всякого хлама. Усилиями трудящихся город очищен и таким образом ликвидирована опасность распространения эпидемии от наличия очагов заразы. Я с любопытством рассматривал эти блики войны и с каким-то знакомым чутьем искал что-то. Это что-то — трупы. Снег растает, и надо ожидать, что они появятся, т. к. они безусловно есть среди этого мусора. Против дома № 20 я увидел

¹ После 1945 года — набережная Кутузова.

в воде труп ребенка лет 5–6. Он завернут в тряпье, на ножках чулочки, лежал, скорчившись в виде вопроса.

Больно сжалось сердце. А ведь их десятки тысяч. И все это надедал маньяк Гитлер. И так мне захотелось видеть своих ребяток, что просто грудь сдавило. Правда, они пока избежали подобной участи, но все равно терпят лишения вдаль от папы. А маме от них наверняка достается. Верю, верю — тяжело. А тяжесть эта усугубляется еще неизвестностью о моем здоровье, так как каждый час может принести тебе смерть или в лучшем случае уродство. Живем под снарядами и бомбами. Сегодня ты, а завтра я. Никакой гарантии. В одну из теплых ночей снаряд может пожаловать тебе в комнату и сделать из тебя пыль. Хотя достаточно даже, если ударит просто в здание, и к чертям все полетит. Вероятность попадания снаряда исключительно велика. В Ленинграде нет ни одного дома, который в той или иной мере не пострадал бы от бомбежки или артобстрела. <...>

Вот вчера, например, мы ехали с П. М. трамваем № 7, и у меня почему-то мозг сверлила мысль: «Вот-вот ударит снаряд». И что же? Успели мы только зайти к Н. И., как начался обстрел Московского, Кировского, Октябрьского и Ленинского районов. А ведь только что проехали там. Стоило только сесть на следующий трамвай, как угадали бы в самое пекло обстрела.

Да что там говорить. Смерть кругом тебя ходит. В стену моего кабинета врезался осколок бомбы или снаряда, разбив предварительно окно и стеклянную дверь в соседнем необитаемом кабинете. Хорошо, что в то время я отсутствовал, не угодил под осколок. А вероятность большая, осколок летел в мою сторону на уровне головы (в момент сидения в кресле за столом).

18:30. Идет крепкий обстрел города примерно в километре от нас. Одновременно гремит гром и сыплет дождь. День теплый, градусов около 20, барометр мой показывает 775 мм. Странно, 775 мм и вдруг дождь. Значит, он врет или погода молниеносно изменилась, а он не успел своевременно среагировать.

24/V-1942 г[ода.] Воскресенье.

Я, Бодряков и П. М. идем удить рыбу. Исходили все места, но подходящего не нашли. Все заняты военными. Вернулись, стало быть, пустопорожними.

Не успели съесть скудный ужин, как близко раздался разрыв первого снаряда. За ним последовали второй, десятый, м. б., сотый. Снаряды ложатся перед заводом или перелетели через него. На этот раз завод не задело. Сохранившиеся стекла остались пока целы, хотя и дребез-

жали здорово. Мы с П. М. сочли благоразумным укрыться в переулке завода. Это скорее психологическое укрытие, чем физическое. Обстрел был массированный, продолжался 30 минут.

Экспромтом заехал Н. И., раскололи с ним и П. М. по рюмочке, закусили язычком с рисом. Это не аллегория, самым настоящим язычком закусили, да еще со свежим луком, который растет у меня на индивидуальном огороде, что организован на окне. Маловато, конечно, зато вкусно, а главное, без подготовки, на ходу.

В последнее время Н. И. настойчиво уговаривает меня согласиться стать его заместителем. Я говорю, что ни бельмеса не смыслю в его работе. Он возражает, что главное — голова на плечах, а она у тебя есть — остальное приложится. Главное заключается в том, что он очень недоверчив и редко близко сходится с людьми, тогда как я подкупаю своей непосредственностью, прямоотой и честностью.

В принципе, я согласился, но не в этом проблема. Этого мало. Меня трудно отсюда выцарапать. Разумеется, захочет это сделать горком, то дело несложное. Но захотят ли? Будем зондировать почву. <...> Попытка не пытка, попробую, терять мне нечего.

Приснился мне чудный сон. Я не могу вкратце описать его содержание, тем более то что касается моей дорогой семьи. Во сне я побывал в Молотове. Все выглядело настолько реально, что я почти физически ощущал происшествия этой «командировки». Некоторые эпизоды утонули в тумане и почти не запомнились. Однако отдельные образы запечатлелись в памяти столь ярко и выпукло, что я не могу их забыть.

Итак, по порядку. Еду с попутчиками в Молотов. По дороге нас обстреливает артиллерия и бомбит авиация, мы отстреливаемся из вагонов. Наконец мы в Молотове. Я иду прямо на завод. Попадаю в большую залу, совершенно пустую, несколько мрачного вида. Из противоположной двери с полотенцем на плече и мыльницей в руках выходит нач. 2-го отдела В. Кобылин.

— Александр Тихонович, — восклицает он приятно удивленным голосом, — какими судьбами?

— Да вот в командировку приехал, принимайте. Скажи, кстати, номер квартиры моей семьи.

— А вот пойдешь по этому коридору, — при этом он размашисто махнул рукой, — и в конце его по левой стороне увидишь кв. 44, тут они и живут.

Я вошел в длинный коридор и действительно в конце его нашел дверь с номером 44-0, а не просто 44. Войдя в эту дверь, я снова попал в коридор, по правой стороне которого располагались несколько комнат. У самой дальней меня встретил отец и предложил присесть на скамей-

ку, чтобы дожидаться Тамару, которая была чем-то занята. Через пять минут в прихожую вошел старик с седой бородой и накрашенными губами. Не говоря ни слова, «старик» с ловкостью молодой женщины прыгнул ко мне на колени и стал страстно меня целовать. Я сразу понял, что это Тамара.

— К чему такой маскарад? — спрашиваю.

— А к тому, что я состою членом драмкружка и готовлюсь к петиции.

И она принялась осыпать меня поцелуями, обсыпав пудрой и испачкав губной помадой. Затем она сдернула бороду и парик и предстала передо мной знакомой и родной Тамарой. Схватив за руку, она потащила меня в комнату, которая оказалась большой деревянной избой с огромной русской печкой. Мы сели на ее кровать, крепко обнялись и стали ласково ворковать.

Боря сидел рядом на полу и занимался какими-то игрушками. И так скромно и необычно тихо для него, что я не мог не спросить:

— Боря, что же ты молчишь, шел был погулять, что ли.

— Я не хочу, папа, мне и здесь хорошо.

— Он теперь стал хорошим, послушным мальчиком, — сказала

Тамара.

У печки возилась Михайловна, готовя закуску для неожиданного гостя. Дочку увидеть, к сожалению, не удалось, т. к. она была в школе. Я бы, конечно, дождался ее прихода, но сладкий сон был нарушен громким криком беспокойного соседа:

— Гражданин Перепелкин, пора вставать, уже половина восьмого.

Так жалко было расставаться с чудесным видением, что я долго лежал с закрытыми глазами. Мысленно уносясь туда, откуда меня вырвал заботливый сосед.

Этот чудесный сон — следствие тоски и скуки, которые все более одолевают меня вдали от семьи. Вот уже десятый месяц пошел, как мы расстались. И кто знает, сколь долго она продлится и суждено ли встретиться. <...>

2/VI-1942 г[ода]

Вот и июнь на дворе. Припекает солнышко, кое-какие оставшиеся птички по утрам затягивают свои милые песенки, так непохожие на вой снарядов.

Наступили тревожные дни. Немцы, очевидно, готовятся к штурму. <...> Это я заключаю из тех действий, который предпринимает Военный совет Ленинградского фронта. Населения вновь срочно мобилизуются на окопные работы. На нашем заводе берут почти половину

рабочих. Коллективы некоторые предприятий, пока не возобновивших производство, забирают полностью во главе с руководством. Посмотрим, как будут развиваться события дальше.

4/VI-1942 г[ода]

Гудят наши самолеты, патрулируя ленинградское небо. Ничего особенного не произошло. Сегодня ночью, возвращаясь домой, слышал артиллерийскую канонаду. Это наши обстреливали немецкие позиции с кронштадтских фортов, кораблей и из дальнобойных орудий. Дома около полуночи слышал разрывы вражеских снарядов в соседнем районе. Насчитал порядка двух десятков и крепко заснул. <...>

12/VI-1942 г[ода]

Вчера было хорошее настроение, а сегодня оно здорово пошатнулось и дало крен. В чем дело? А в том, что я получил от Тамары два письма. Ну и хорошо, надо радоваться. Так я и сделал. Когда Х-й, войдя ко мне в кабинет, заявил: «Пляши, Александр Тихонович», я сделал ногами замысловатую фигуру и пробежал по комнате дробью, догадываясь, что мне есть письмо.

На поверку пришли два письма, да еще с довеском — запиской, посланной с Васильевым в Москву. Но когда я прочел эти письма, то вместо пляса захотелось плакать от досады.

Дело в том, что, во-первых, из писем видно, что Тамара около четырех месяцев не получает вычитаемые у меня деньги. Следовательно, ни я, ни она ими не пользуется. Деньги где-то гуляют в бухгалтерских записях. Эти сведения я получал и раньше, поэтому 4 июня финотделом были переведены ей 2400 рублей, а 31 мая я послал телеграфом 2000 рублей. И после этого получать такие известия, а у меня там дети. Жаль их, родненьких. На одну зарплату Тамары и в мирное время не просуществовали бы. Представьте состояние людей при тех баснословных ценах на продукты, которые существуют в настоящее время, повышаясь ежедневно. Да подчас и за большие деньги иных не достанешь. Но это еще ничего. Совесть у меня была спокойна, я знал, что деньги посланы и что, возможно, уже их она получила, пока доходили ее письма до меня.

Хуже и неприятнее всего то, что она меня очень зло оскорбила тем, что заподозрила меня в неверности. Редко пишу, еще реже она получает (естественно, что письма не доходят), деньги не переводятся, все эти факторы, сдобренные имеющимися в ее распоряжении обо мне «сведениями», натолкнули ее на подозрение. А нет ли тут, дескать, чего-нибудь такого? Она начала даже сдабривать свои короткие письма фра-

зами: «ты в моих письмах, видимо, не нуждаешься; не находишь для меня ласковых слов; поддержки никакой не вижу и мне придется нести всю тяжесть жизни; о тебе есть кому позаботиться» и т. п.

Каково было ее состояние, если бы я ее начал упрекать в том же. Только в этом случае она поняла бы, как глубоко и больно без всяких на то оснований она оскорбила меня. Я ей так и напишу нарочно, что, может быть, ты это все и написала для того, чтобы отвести от себя подозрение, что именно на тебе сказались время и расстояние, и ты первая начала думать, а может быть, действовать в том смысле, чтобы создать себе новую семью и бросить меня.

С другой стороны, я понимаю ее положение. Действительно: писем не получает, денег тоже, кто-нибудь вроде Нафалина брякнул чего-нибудь. Он видел, что я выгляжу прямо-таки Аполлоном среди изнуренных анемичных тел, вызывающих только презрительность и жалость.

Понимаю также, что ей материально тяжело, особенно в условиях войны, когда на все баснословные цены. А особенно с детьми, которые этого не понимают. Им подай еду. Особенно Боря, он к тому [же] своими шалостями доставляет много хлопот, связанных с трепкой нервов. Ну что я могу поделать, кроме как послать возможные деньги и смягчить обстановку ласковым теплом словом, на это я не скуплюсь.

18/VI-1942 г[ода]

С опозданием на месяц с лишним, но все же хочу записать ряд мыслей о своей командировке на Большую землю.

17 марта часов в 11 мы пошли по своему подшефному хозяйству поднимать народ на очистку дворов, лестниц и квартир от грязи, нечистот и снега, накопившегося за холодную, голодную, темную, безводную, полную ужасов ленинградскую зиму. Не прошло и часа, как за мной прибежал посыльный от директора с предложением срочно явиться на завод. Прихожу к директору:

— Тебе звонили из горкома и просили приехать к трем часам.

Что такое, думаю, неужели опять хотят бросить на агитацию населения (мне было подобное предложение, но я отклонил).

Звоню тов. Тихомирову.

— Бери пару белья, предметы обихода, косую денег и приезжай к двум-трем часам в горком, и вылетишь самолетом в Москву.

— Есть приехать.

Ну, думаю, что-то такое новое. Недолго раздумывая, в течение часа собрался и позвонил Н. И. Он прикатил на пикапе и быстро подбрёл меня в Смольный. Пришлось чересчур долго ждать. Таких, как я, скопилось около 20 человек. Между пятью и шестью часами узнал, что

я, как и остальные товарищи (а это были в основном директора заводов и их заместители), направляюсь в распоряжение тов. Штыкова и буду использован для продвижения продовольственных грузов на Ленинград. Я с удовольствием согласился, т. к. слишком благородная и ответственная миссия возлагалась на меня.

Мне выдали замечательный документ:

Военный совет Ленинградского фронта

17 марта 1942 года

№ 702

Удостоверение

Настоящее выдано тов. Кедрову Александру Тихоновичу в том, что он является уполномоченным Военного совета Ленинградского фронта и Ленинградского горкома ВКП(б) по продвижению продовольственных грузов по железным дорогам для Ленинграда и войск Ленинградского фронта.

Член Военного совета Ленинградского фронта
Секретарь ЦК ВКП(б) (А. Жданов)

Удостоверение подписал лично товарищ Жданов. Будучи уже в командировке, я лишний раз убедился, какой популярностью в стране пользуется имя тов. Жданова. На документ смотрели с благоговением, с некоторым оттенком зависти и подбострастия к его обладателю. Этот документ значительно облегчил выполнение поставленной передо мной задачи.

17 марта вылететь не удалось. Нас распустили по домам, с тем, чтобы собраться в Смольном на следующее утро. Трамваи не ходили, машина была на приколе, предпочел ночевать в Доме колхозника в двух шагах от Смольного. Собрались в 7 часов утра, а в 8 выехали на аэродром. На аэродроме ждали два часа, не поступило команды отправлять. Причины неизвестны: или погода не благоприятствовала, или что другое, более серьезное. Наконец в 12 часов мы разместились в фюзеляже пассажирского самолета «Дуглас».

Я выбрал место у окошка, чтобы следить за полетом. Место оказалось не совсем удобным, оно находилось как раз над отверстием, в котором стоял стрелок-наблюдатель. Из него здорово поддувало. За бортом температура была около 25 градусов ниже нуля, я крепко замерз, несмотря на то что был тепло одет и в валенках. На самолете я летал впервые.

Самолет на старте... Стартер взмахнул белым флагом. «Дуглас» побежал по земле, набирая скорость. Впечатление получил такое же, как все равно я ехал [бы] на грузовом быстро мчавшимся автомобиле. Когда

самолет стал набирать высоту, огромный груз лег мне на плечи и придавил к полу. Это продолжалось всего несколько секунд. Больше ничего подобного на всем пути до Москвы не повторилось. Сидя у окошка, я все время наблюдал за пробегающими внизу деревьями и постройками. <...> До Тихвина нас сопровождало девять истребителей. В Хвойной самолет совершил посадку на 5 минут. Полет до Москвы прошел благополучно. Никаких эксцессов в дороге не произошло. Уже летавшие товарищи утверждали, что не так страшен взлет, как посадка. Но я лично никакого страха не испытал. Могу только сказать, что посадка воспринимается острее. Мотор выключается, и самолет плавно приближается к земле, но неопытным пассажирам может показаться, что машина падает. Очень хотелось мне полетать на большой высоте, но наш «Дуглас» едва не задевал «брюхом» верхушки деревьев. Полет на малой высоте позволял маскировать себя от возможных налетов противника. До Москвы летели 3 часа.

В столице мы побеседовали с тов. Штыковым, а на следующий день разъехались в разные концы страны. Меня с двумя товарищами (Скворцовым и Пригожиным) послали на станцию Кочетовка, находящуюся около Мичуринска. На станции нас любезно приняли военный комендант тов. Сорокин и его зам. тов. Собакин, позаботившийся о нашем питании. После голодовки в Ленинграде Кочетовка показалась нам раем. А всего-то давали нормальные завтрак, обед и ужин, правда, с неограниченным количеством хлеба. Повар питательного пункта Иван Данилович, по-ленинградски Данилыч, проявил о нас особую заботу и готовил вкусные обеды. Даже тембр голоса располагал к нему. Спокойный, деловитый, с мягкой улыбкой и вежливостью работника хорошего ресторана. <...>

В течение двух-трех дней мы раскопали на этой станции 400 «забытых» вагонов с продовольствием для Ленинграда. 25 марта с очередным поездом я выехал в Москву. В Мичуринск к московскому поезду нас быстро доставил конюх Воробьев. В этом парне чувствовалось что-то придурковатое, но настолько легко и непринужденно он справлялся со своим делом, что оно, как говорят, горело в его руках. Начальник распорядился заложить лошадь в сани, что находятся у крыльца. Не успели мы войти в кабинет и докурить предложенные нам папироски, как конюх появился на пороге и, самодовольно улыбаясь, отрапортовал:

- Товарищ начальник, сани готовы к выезду.
- Молодец!
- Рад служить.

Похвала начальника ободрила Воробьева, и, довольный, он выскочил в коридор.

Мы уселись в сани, конюх заботливо укрыл нас полами тулупа, и уже через полчаса с ветерком примчались к московскому поезду.

В столице побыл три дня (27–30 марта) и навестил своего старинного друга Митю Поликарпова, работавшего председателем Всесоюзного радиокомитета и одновременно зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Очень сердечно он принял меня, как старого друга и как ленинградца. <...> Уполномоченный Штыкова, дирижировавший нашей работой, тов. Алешин счел необходимым послать меня вторично (видимо, понравилась моя оперативность) на линии Москва — Пенза. Эта поездка оказалась труднее. Во-первых, в дороге нас застала пурга, и нам пришлось самим откапывать свой поезд. Во-вторых, дорога здесь одноколейная без автоблокировки, с малой пропускной способностью и маломощными паровозами, к тому же отапливаемыми не углем, а осиновыми дровами. Находился в основном на станции Пачелма в 140 км от Пензы. Пробыл я в ней около 11 дней. Там же я вывихнул левую ногу, опять же в результате снежных заносов и страшной темноты. Два дня я пролежал в постели, а следующие две недели ковылял с тросточкой. Возвратился в Москву 14 апреля, на следующий день выехал в Ленинград с Савеловского вокзала. Предстоял долгий кружной путь: Сонково — Красный Холм — Пестово — Кобожа — Подборовье — Тихвин. В Пестове задержался на четыре дня и имел возможность неплохо провести время. Познакомился там с управляющим Ленинградским отделением треста Лесмашпром Н. Н. Коковцевым, с которым смачно провел пару вечеров. Хотел побывать в родном городе Устюжне, но из-за распутицы не смог. <...>

С очередным эшелонном приехал в Волхов. Оттуда вернулся в Тихвин, где встретил двух ленинградских коллег, с которыми пять дней провел на аэродроме в ожидании самолета. Съездил в Бабаево, где надеялся встретить знакомых и отпраздновать с ними 1 Мая. Никаких знакомых не встретил и вынужден был ретироваться, заночевав там одну ночь. Заодно проверил и протолкнул идущие на Ленинград продовольственные грузы. Весь путь от Тихвина до Бабаева был усеян воронками от вражеских бомб, так что дорогу заново отстроили почти всю. Некоторые станции буквально стерты с лица земли. Движение очень медленное. Судите сами: от Тихвина до Бабаева я пробыл около 40 часов (154 км). Около Подборовья 11 км прошел пешком и 50–60 км проехал на автодрезине, езда на которой мне пришлась по вкусу. Сидишь у окна и наблюдаешь, как она подминает под себя рельсы, отмеряя колесами километры... Ехали со скоростью 60–70.

6 мая с трудом удалось попасть в перегруженный самолет. Три человека сели в самолет без разрешения пилота. Командир заметил лишних пассажиров и немедленно приказал им выйти. Они умоляюще смотрели на него и упрашивали взять их с собой. На уговоры командир ответил категорическим отказом и пригрозил:

— Самолет не пойдет, пока не выйдете, — и с этими словами вышел из машины.

Наши самолеты сопровождения — их было три — уже выруливали на старт. Через несколько минут пилот вернулся на борт и захлопнул за собою дверь.

Ну, думаю, все в порядке, всех увезет. Так и получилось.

— А черт возьми, погибать так всем вместе, — выругался пилот и пошел в свою кабину.

Вот и полетели. По пути завернули в Волхов, где к нам присоединились два «Дугласа». Через полчаса эскадрилья «Дугласов» в сопровождении семерки истребителей летела на Ленинград.

С каким благодарным чувством смотрели пассажиры на самолеты сопровождения, которые охраняли нас. Над озером истребители развернулись, покачали крыльями и отправились на свой аэродром. Около восьми часов мы благополучно приземлились на аэродроме Смольное. Нам посчастливилось: на аэродроме оказались машина и шофер, который за десять пачек папирос развез всех пассажиров по домам. Около 10 часов я уже был дома. Старик мой уже погружался в сон и был радостно удивлен моему приезду. Хоть и капризный старик, он был искренне рад моему возвращению.

Итак, моя миссия завершена. Я только одной глупости себе не могу простить. Все, или почти все коллеги воспользовались этой командировкой и успели навестить свои семьи, эвакуированные в восточные районы страны. Я же честно выполнял задание и считал неудобным заниматься личными делами в командировке. Мне было даже несколько не по себе, когда я по собственной инициативе задержался в Пестове на четыре дня. А оказывается, что можно было договориться с Алешиным, но этот последний сам не догадался предложить.

Начальство во всяком случае считало, что навестить семью было можно и даже должно. Вот почему сейчас специально практикуются выезды ответственных работников на Большую землю. И это справедливо. Ведь черт его знает, быть может, эти встречи окажутся последними, так как каждый из нас, проживающий в осажденном городе, подвергается опасности попасть под бомбу или снаряд. Теперь буду ждать удобный момент, чтобы специально выехать к своим любимым Томе, Гале и Боре.

17/VI-1942 г[ода]

В ночь с 13 на 14 марта была объявлена воздушная тревога. Было без четверти час. Сигнал прозвучал через 15 мин. после начала массированного зенитного огня. В это время я находился в РО НКВД у тов. Ми-ва. Заслышав стрельбу, мы спустились вниз. Я поспешил на свой завод. По пути милиционеры рассказали, что в направлении Гавани — Смоленского кладбища они видели спускающегося парашютиста.

— Ну, один не страшно, — ответил я, — там есть кому принять его.

Придя на завод, я прошел в штаб МПВО. Там была в сборе команда, нач. штаба, директор. Спустя пять минут я, как обычно, отправился на улицу наблюдать за происходящим в воздухе. Я, Букин и Щеглов стояли во дворе под аркой, что возле входа в штаб. Неистово лаяли зенитки. Из-за Невы крепко била зенитная батарея. От выстрелов содрогались соседние здания. Разрывы зенитных снарядов покрывали все небо. Слышно было натужное завывание моторов. Спустя десять минут нашему взору предстала интересная картина. Прямо к нам в Финляндский переулок спустился парашютист. Я машинально схватился за пистолет и рванулся вперед, намереваясь пристрелить парашютиста или ему подобных.

Мысли лихорадочно взметнулись, наскაკивая одна на другую, создавая сумбур в голове. Это продолжалось одну минуту. Зрительный образ быстро передался в мозг, и я остановился, так как пред нами оказался не парашютист, а нечто более грозное и мощное. Это грозное оказалось торпедой весом в одну тонну. Она плавно опускалась на крышу здания, выходящего в переулок. Торпеда сломала трубу, и обломки кирпича скатились на землю, и, не проломив крышу, растянулась на ней. Мы, как кролики, загипнотизированные удавом, стояли, не двигаясь с места, ожидая взрыва. Это было глупо, так как от взрыва торпеды от нас и следов не нашли бы. Взрывной волной нас размазало бы на воротах, выходящих на 18-ю линию. <...>

К нашему счастью, торпеда не взорвалась и мы остались живы. Вскоре тревоге был дан отбой, я пошел к себе спать, допустив вторую глупость, так как в случае взрыва торпеды от нашего здания остались бы только обломки. <...>

Днем торпеду стащили вниз в переулок и разрядили, в затем как трофеей отвезли в военно-морскую школу. Это будет неплохой экспонат Военно-морского музея. Так закончилась «торпедная» эпопея, грозящая нам смертью, а мне, в частности, дважды напомнила, что нужно быть острожным. Счастье, таким образом, сопутствовало мне, оберегая, быть может, не такую дорогую жизнь. <...>

Часов около семи мне довелось ехать на мотоцикле в качестве пассажира. Шофером был Н. И.

Шли на скорости 50–60 км в час по ул. Пролетарской Победы. Вдруг по 17-й линии дороги спокойно пересекает велосипедист. Вместо того чтобы затормозить и остановиться или повернуть вправо, или нажать на педали и ускорить движение, он продолжает спокойно ехать, не обращая на нас внимания. Н. И. затормозил, вывернул руль вправо и все же передним правым колесом задел заднее колесо велосипедиста. Он, конечно, полетел влево, а мы с Тарасовым вправо. Сзади нас ехал мотоциклист, и он малость ударил по велосипеду. Словом, велосипед всмятку, а велосипедист, к счастью, отделался ушибами рук и ног. Мы тоже малость пострадали. Я заработал синяк на правом бедре и порвал макинтош, а Н. И. — ушиб правого плеча и чего-то еще. Оказавшийся тут представитель автоинспекции переписал наши документы и констатировал незнание велосипедистом правил движения. Мы, таким образом, были полностью реабилитированы.

Но если разобраться серьезней в обстоятельствах случившегося, то станет ясно, что виноваты больше мы, так как мы ударили передним колесом в его задние. Значит, по правилам автоинспекции мы обязаны затормозить и остановиться. Но, разумеется, мы этого не могли сделать. Да и никто не мог бы. Попробуйте на расстоянии 10 метров остановить автомобиль, идущий со скоростью 50–60 км. <...>

В этой конкретной обстановке в столкновении виноваты обе стороны. Одна в том — ехала не глядя по сторонам, а другая неслась на перекресток на недопустимой скорости. Все обошлось в нашу пользу, потому что велосипедист действительно плохо знал правила либо так здорово перепугался, что не смог объясниться с автоинспектором. <...>

21/VI-1942 г[ода]

<...> В последние дни стоит некоторое затишье. Если обстрелы продолжают ежедневно, то воздушных налетов не было с 13 июня. Думается, это затишье перед грозой. Весьма вероятно, что немцы готовятся к решительному штурму Ленинграда. Это заметно хотя бы из того, что доносит разведка на Ленинградском фронте: перебрасываются значительные силы немцев и техники. Наше командование приняло меры по восстановлению построенных осенью оборонительных сооружений, огневых точек и т. п. <...>

Ленинграду предстоят серьезные испытания. Останусь ли я жив в этих боях, трудно сказать. Дальний снаряд очень коварен. Во всяком случае, по моему мнению, июль месяц для Ленинграда будет решающим.

22/VI-1942 г[ода]

Исполнился год с начала Великой Отечественной войны против немецких захватчиков. Можно уже сделать некоторые предварительные выводы. Прежде всего, доказано, что немцы ошиблись в своих расчетах. <...> Если не в два-три месяца хотели они покорить СССР, то во всяком случае к зиме, как на худой конец думали покончить с Советским Союзом. <...>

Народ не дрогнул. Правительство во главе со Сталиным проявило мудрость и мужество перед лицом грозного врага, коварно обманувшего нашу страну. Такие незадачливые правители, как польские, норвежские, французские, проявили растерянность и страх, захватчикам помогала «пятая колонна». Ничего подобного немцы в СССР не нашли. <...>

24/VI-1942 г[ода]

Температура в тени плюс 20 градусов. На солнце 25. Сегодня уже чувствуется натуральное лето. В ознаменование чего я сколачиваю рыбный блок. Договорились вечером, часов в шесть, посетить остров Вольный. Рыболовы: Я. П., Н. И. и Попов. О «трофеях» речь будет позже.

25/VI-1942 г[ода]

Рыболовов оказалось значительно больше. В этом приятном занятии приняли участие, кроме указанных, Грабовский, Демичев и рабочий 5-го цеха (фамилию забыл). Однако количество пойманной рыбы отнюдь не соответствовало числу рыболовов. Килограмм шесть-семь все же поймали. Но вся прелесть была не в этом, интересен был сам процесс ловли. Бредень был довольно солидный, около 20 метров, а еще солиднее были веревки. Сумели закинуть только раз десять, так как много времени уходило на каждое забрасывание, да и рыбы очень мало попадало. Рыбаков было видимо-невидимо, но рыба, видимо, уплыла в глубь залива, и нам достались одни колючки.

Мы так увлеклись ловлей и совсем забыли, что кругом война. Только разрывы в Гавани напоминали иногда о ней. П. М. так разошелся, что Грабовский и Демичев не успевали отговариваться.

— Ну, ну, лодыри, за рыбой пришли или вола валять.

— А... Какой мужик старательный... на язык.

— Кошевой, — раздается очередной вызов П. М., — марш в лодку. Да куда ты, черт, лезешь, вправо тяни.

И «кошевой», красный как рак, тянет вправо.

Ловля закончена. Едем через залив обратно. Я и П. М. садимся за весла. Спереди и сзади командуют:

— Правое подожди, левое нажми.

- Левое подожди, правое нажми.
- Да ну вас к черту, — волнуется П. М.
- Гребите сами. — И он серьезно сердится.

Затем, когда разместились в машине, волнения сменилось спокойной беседой.

— Какой вы экспансивный рыбак, — замечает один из собеседников, обращаясь к П. М.

— А как же иначе. Где, как не на рыбалке, проветрить мозги и забыться от дневных треволнений.

27/VI-1942 г[ода]

15 часов — Семенова наливает мне стакан какой-то жидкости, напоминающей по цвету газированную воду, а по вкусу намного хуже микстуры.

Вдруг раздается грохот, и осколки стекла полетели в комнату. Это где-то близко разорвался снаряд.

— Все вниз! — скомандовал я, и мои соседки стремительно ринулись вниз по лестнице.

Не успел я закрыть шкаф, как раздался второй взрыв, еще более оглушительный. Здание пошатнулось и жалобно скрипнуло. Я закрыл дверь и кубарем скатился по лестнице. У бомбоубежища толпа женщин, как стадо овец, прижавшееся к дереву в грозу. Они беспомощно дергают запертую дверь и возмущенно кричат в адрес начальника штаба МПВО, держащего убежище закрытым. Снаряды продолжают рваться, то удаляясь, то приближаясь. Один упал настолько близко, что на лестницу упали осколки стекла и кирпичи. Возмущенный вместе с женщинами на начальника штаба за установленные порядки, я подошел к двери и несколькими рывками сорвал ее с петель. Женщины облегченно вздохнули и быстро прошли в убежище. Через 5 минут обстрел прекратился. Выяснилось, что один снаряд упал у нас во дворе в двадцати метрах от нашего корпуса. Он выбил все стекла в ближайших зданиях и разворотил склад неликвидов. Второй снаряд перелетел через наш корпус и ударил в стенку соседнего здания. Пробил стену и разрушил одну квартиру. Взрывной волной вынесло все стекла в соседних домах. Финляндский переулок был засыпан битым кирпичом.

После обстрела нач[альник] штаба обвинил меня в трусости за то, что я сломал дверь. А я ему на это ответил, что если бы он в качестве нач[альника] штаба работал как полагается, то «трусости» этой не было.

— Убежище открывается только во время тревоги, а при артиллерийском обстреле можно спокойно стоять в нижнем этаже, — «резонно» возразил он.

— А если снаряд разорвется при входе в проходную? — не менее резонно заявил я.

— Ну, ты бы еще сказал, что, если бы он разорвался в самой проходной.

— А почему же не может! Где гарантия?

На это он ничего другого сказать не мог, как повторить только что сказанное. <...>

Он, видите ли, завел свои порядки, кажущиеся ему правильными.

— А ключи я все-таки давать не буду, но двери ломать не рекомендую.

Ломал и буду ломать и за последствия и убытки отвечу. Вечером производился обстрел другого района, и мы могли спокойно уничтожать уху из корюшки, искусно приготовленную мною. В гостях был Н. И., тот самый Н. И., который старательно, безропотно и с душой отдаваться рыбной ловле, беспрекословно выполняя распоряжения «кошевого». А кто был кошевой, нетрудно догадаться.

29/VI-1942 г[ода]

Сегодня разрешили мы себе проехаться на мотоцикле в подсобное хозяйство в Токсово. Мой «водитель» выбрал неудачный путь, и мы проболтались в пути около полутора часов. На грядки, на которых ничего не вышло от наших трудов с П. М., мы посадили около решета картофеля. Что-то выйдет? Затем полчаса погрелись на солнце и зашли в гости к хозяину (Арский).

Мы с удовольствием отработали котел картофеля в мундирах. В полчетвертого выехали. Половину пути я сидел за рулем и жал на всю «железку».

— Партизаном можешь быть, отобьешь у немцев мотоцикл и не растеряешься, — похвалил Н. И.

— Спрашиваешь, — ответил я удовлетворенно.

1/VII-1942 г[ода]

После обеда решил отдохнуть. Прилег на кровать, прочитал газетку и чуть-чуть вздремнул. Меня разбудил грохот рвущихся снарядов. Я одел противогаз и спустился вниз. Заметил в себе что-то, нечто не похожее на обычное. Руки заметно дрожали, и стало немного зябко. Правда, продолжалось это недолго, но, как видите, спросонья характер переживаний получается несколько иной. Если обстрел застигает во время бодрствования, то никакого элемента страха не наблюдается. Конечно, возбужден, волнуешься, движения порывисты, но это не испуг и не страх, а скорее беспокойство за жизнь. Причем более от сознания, что

она нужна не мне одному. Есть детишки, жена. Да и государству никакой выгоды, если убьют. Стоп! Звонит П. М. и сообщает, что есть письмо из Молотова, и очень свежее. Лечу...

Прилетел... разочарование. Во-первых, не письмо, а открытка, во-вторых, ни звука о том, что посланные деньги получены. Доволен тем, что открытка действительно свежая. Сегодня 1 июля, а вышла она из Молотова 19 июня. Это все равно, что по рукам послано. Первый случай почти за год переписки такой быстрой доставки. Обычно письма идут месяц, иногда два и более. Некоторые вовсе не доходят. Рад известию, что они живы и здоровы. Только поражает упрямое молчание о деньгах. Не могу поверить, что она их не получила. Дней десять назад читал в бухгалтерии официальное извещение от 4 июня из Молотова о том, что 2400 руб. для жены Кедрова поступили. Она же пишет открытку от 19 июня. Неужели от нее скрывают. Наконец я послал телеграфом 2000 руб. 31 мая. Получается, что письмо от этого числа она получила, а деньги, отправленные телеграфом, не дошли. Напишу ругательное письмо.

8/VII-1942 г[ода]

Только что вернулся с наблюдательной вышки. За все одиннадцать месяцев осады не приходилось видеть картины, как полчаса назад. В воздухе гудят истребители. Их два десятка. Вскоре донесся тяжелый гул наших бомбардировщиков. Они отчетливо были видны в бинокль. Их около десяти. Летят в сопровождении истребителей на высоте примерно полтора километра в направлении на Стрельну и Урицк. С вышки я с удовольствием наблюдал в бинокль, как самолеты пошли в пике и сбросили бомбовый груз. Через короткий временной промежуток донеслись звуки далеких взрывов. Немцы подняли зенитную стрельбу. Разрывы снарядов заполнили небо над городом в районе порта. Я заметил у некоторых самолетов короткие вспышки. Сердце тревожно забилось. «Неужели подбили», — мелькнула мысль. Я не отрываясь следил за самолетами. Они развернулись и, быстро снижаясь над крышами Старой и Новой Деревни, пошли на свой аэродром. Потерь, по-видимому, не было. Встревожившие меня вспышки, вероятно, возникали от взрывов бомб. Пять самолетов совершили повторный налет и сбросили бомбы в районе Стрельны. Моросил небольшой дождик, облачность была низкая. Самолеты шли у самой кромки облаков. Налет, по-моему, оказался настолько внезапным и неожиданным, что фрицы открыли зенитный огонь уже после того, как были сброшены бомбы. Как приятно, как отрадно было наблюдать такую картину. В самом деле, бомбят не нас, а наши бомбят немцев. Так им, негодьям, и надо. Стран-

но — немецкие зенитки обстреливают наши самолеты над Ленинградом. Значит, город — натуральный фронт. <...>

17/VII-1942 г[ода]

Наступление немцев продолжается. Наши войска оставили Кантемировку, Богучар, Миллерово. <...> В районе Воронежа (читай в самом городе) идут ожесточенные бои. <...> События развиваются столь стремительно, что не будет неожиданностью, если через месяц немцы подойдут к Волге в районе Сталинграда. <...>

Переживаем страшно напряженное время. Мы отдали Украину, Донбасс — значит хлеб и уголь. Достаточно немцам отрезать нас от нефти, как мы можем оказаться перед лицом катастрофы. Отечество в опасности. Однако товарищ Сталин почему-то молчит. Это меня радует. Можно предполагать, что что-то готовится. Быть может, гениальное. Обычно гениальное воспринимается людьми ошеломляюще. Может быть, это молчание скоро и прервется, тогда хуже, значит, действительно над Родиной нависла смертельная угроза. <...>

Остается ожидать развития событий, работая не покладая рук на вверенном тебе участке фронте. Ленинград перед грозой. Ленинград насторожился. Ждем неизбежного штурма. <...> Когда-то я писал об уличных боях, отстаивая тезис о нецелесообразности ведения в условиях Ленинграда уличных боев. Все равно отступать некуда, мы обреченные в этом случае люди. Исходя из одиннадцатимесячного опыта войны в Ленинграде я убедился, что тезис этот неправилен, ибо он исходит от предпосылки сохранения жизни бойцов и населения. <...> Теперь, когда каждая улица превращена в крепость, есть смысл драться с врагом до последнего патрона. И в том, и другом случае (оставление города и вступление в него немцев или борьба за каждый дом) мы, ленинградцы, люди обреченные. Во втором случае есть шанс остановить немцев и выбить их из города или на худой конец не сложить голову до того, пока не уничтожить по десятку захватчиков. После этого и умирать не страшно. <...>

Этот старый маньяк (П. М.) совсем обалдел. Ни с того ни с сего прекратил со мной разговаривать, странно и непонятно. <...>

20/VII-1942 г[ода]

Сегодня в 19 часов объявили воздушную тревогу. Длилась она один час 47 минут. Над городом самолетов противника не было. Наши бомбили Петергоф, немцы — торговый порт. Налетело около 60 самолетов. Этот налет можно считать прелюдией большого штурма города. Пока они бомбят передний край обороны, чтобы вывести из строя артиллерию.

Судя по приватным разговорам, наши войска якобы заняли одну деревушку перед Лигово. Возможно, эта деревушка — Княжево. Не вредно было бы выгнать немцев из Лигово и Урицка, а затем из Петергофа и Пушкина. Это избавило бы Ленинград от артиллерийских обстрелов.

25/VI-1942 г[ода]

Последние дни и ночи наполнены глухим, как раскаты грома, рокотом орудийных залпов. Но вечером и ночью выстрелы происходили совсем близко. Я думаю, это стреляли с линкора «Октябрьская революция», стоящего около Балтийского завода. <...>

По радио передали репортаж, записанный, когда вели по проспекту 25 Октября группу пленных немцев. Их было 32 человека. Доктор взволнованно и с возмущением говорил:

— Вот они хотели попасть в Ленинград, но вот попали, топчут проспект, но не победителями, а в качестве пленных. Грязные, небритые, в рваной одежде, рядом с красноармейцами они выглядят как бандиты.

На записи слышан шум толпы и отдельные выкрики: «Разбойники, бандиты, гады, негодяи, ответите за страдания ленинградцев, гибель стариков, женщин и детей». <...>

10/VII-1942 г[ода]

<...> 2 августа было получено постановление ГКО, подписанное тов. Сталиным, об эвакуации нашего завода в г. Молотов. Некоторый народ страшно взбудоражился. Наиболее экспансивные и нетерпеливые поспешили информировать об этом своих родных в Молотове, чем, очевидно, расстроили мою семью. И вышло, что поспешили. Несмотря на то что часть оборудования была уже демонтирована, как получили распоряжение горкома о продолжении нормальной работы.

У меня двойственное настроение. С одной стороны, радостное чувство, подогреваемое нетерпеливым желанием встретиться с семьей, а с другой — желание до конца перенести ленинградскую эпопею. Эта двойственность была снята неожиданным решением горкома партии.

18/VII-1942 г[ода]

День авиации. Завтра должны по радио услышать результаты праздничных налетов наших самолетов. Немцы уже на Кавказе. <...>

Вчера и сегодня немец обстреливал и обстреливает Ленинград. Вот тебе и отогнали. Правда, нет массивного огня, как раньше (значит, торопятся улизнуть с места стрельбы) и стреляют более мощными снарядами (значит, бьют с дальних расстояний). И то и другое (корот-

кий обстрел и тяжелые снаряды) — благоприятные симптомы. Но все же это не наступление, а горе-наступление. Простительно, если это просто попытка прощупать боем обстановку и систему обороны немцев. Если это действительно не генеральное наступление, то хорошо, если наоборот, то наше ленинградское дело дрянь. Будем зависеть целиком от исхода битвы на юге. <...>

Выходной день, 12 часов. Идем мы с Н. И по пр. 25 Октября и мирно беседуем.

— Вот идем в почти мирной обстановке, — говорит мой попутчик, — вдруг сейчас разорвется снаряд, и нас разбросает по мостовой.

И что же. Только успели мы так подумать, как началась артиллерийская канонада. Зенитные батареи повели огонь по самолету-разведчику. Небо заполнили похожие на пучки ваты разрывы зенитных снарядов. Самолет улетел на запад. Вечером я возвращался на завод. Путь мой пролег через бульвар Профсоюзов. Тихо и пустынно выглядело это когда-то наиболее шумное место в Ленинграде, в особенности в вечерние и ночные часы. Этот бульвар был основным местом свиданий моряков со своими субретками, а теперь оно выглядит совершенно пустынным. Только звуки моих шагов несколько нарушали мертвую тишину.

23/VIII-1942 г[ода]

Сегодня исторический день. Исполнилась годовщина осады Ленинграда. Беспримерный в истории войн факт. Город с трехмиллионным населением, отрезанный от Большой земли, систематически подвергающийся воздушным налетам и артиллерийскому обстрелу, устоял.

Правда, это стоило ему недешево. Много разрушено зданий, еще больше исковеркано снарядами. Но все это мелочь в сравнении с людскими потерями. Страна залечит после войны нанесенные городу раны, но погибших не вернешь.

А знаете ли вы, сколько человек погибло? Нет, не знаете. Трудно поверить. Не будет преувеличением, если сказать, что каждый третий ленинградец погиб. Какая большая была вероятность попасть к праотцам. Ведь только подумать. Вот построили в шеренгу сто человек. Обходит ее, допустим, какой-нибудь Ганс и через каждые два человека берет следующего и расстреливает. Каждый стоящий в шеренге почти уверен в том, что ему не миновать смерти. Каково его моральное состояние в этот момент.

Конечно, положение ленинградцев было несколько иное. Они узнали о том, что каждый третий должен погибнуть, позже. Это стало

ясно, что называется, *post factum*. Как бы то ни было, но около 1,2–1,3 миллиона погибло. В основном, разумеется, от голодной смерти и частично от бомбежек и обстрела. И все же город устоял, устоит и в следующую зиму, сулящую мало приятного. По улицам и проспектам действительно не хаживать поганой немецкой ногой. Это может случиться разве что с пленными, как это было недавно.

Сейчас Ленинград «отдыхает». В течение всего августа не было ни одной воздушной тревоги и всего несколько раз артобстрел, и то короткими очередями, то тяжелыми снарядами.

В эти дни горячие сражения идут на юге. Немцы рвутся к нефти. Противник занял Майкоп, Краснодар, Пятигорск. Действует в направлении Грозного. На Сталинградском фронте, именуемом в сводках юго-восточнее Клетской и северо-восточнее Котельниково, немцы продвигаются вперед, хотя и медленнее, чем на Кавказе. Бои, вероятно, проходят на дальних подступах к Сталинграду. Снова воскрешается в наших мозгах оборона Царицына. К сожалению, еще не имел удовольствия просмотреть первую серию кинокартины «Оборона Царицына». <...>

Получил от Тамары письмо, которое меня прямо-таки ошеломило. Оказывается, кто-то из наших бумагомарак, страдая, видимо, от безделья и тупоумия, завел переписку с молотовцами, в которой гнусно порочит мое и некоторых других имя. Разумеется, она принимает это за чистую монету и переживает. Но так как корреспонденции накопилось, очевидно, много, то она перестала переживать и решила ответить на это ядовитым равнодушием. Я, мол, теперь спокойна, но не преминула несколько раз очень больно укусить меня в ряде мест своего письма. Это хорошо, что она не волнуется, здоровее будет, но нехорошо, что она так плохо обо мне думает, доверяясь болванам, пачкающим хорошую бумагу и имя хороших людей. <...>

26/VIII-1942 г [ода]

Завод заметно стал наполняться людьми. Цехи ожили. Все равно что умирающему человеку произвели вливание здоровой крови.

Бои идут уже на подступах к Сталинграду. <...>

31/VIII-1942 г [ода]

Приглашен на вечер-банкет, посвященный вручению переходящих красных знамен ВЦСПС и НКС СССР предприятиям связи Ленинграда, который состоится в театре имени Горького.

Придется поднять бокал за Тamarу, так как сегодня день ее рождения.

1/IX-1942 г[ода]

Исполнилось три года мировой войне, затеянной Гитлером и его подручными. Успехи немцев безусловно огромны. Ими покорена почти вся Европа и половина европейской части СССР. Тем не менее Германия находится на грани катастрофы. Ситуация стала очень похожей на вторую половину 1918 года, когда Германия так же имела большие успехи в войне, но после поражения 8 августа 1918 года стала стремительно разваливаться и катиться к гибельному концу. <...>

Был на банкете. Правда, я был сыт и, следовательно, мало ел и пил. Поэтому мне тем более было дико и неприятно наблюдать за поведением моих соседей. А соседи у меня оказались: заслуженные артисты Михайлов, Янет, Колесникова, артисты Астапова, Габриелянц и другие, которых я не знаю. Вот те, которых я не знаю, вели себя очень некрасиво. Люди с голодного острова. Мало того что, они мгновенно опустошили собственные тарелки, но изъяли все с соседних тарелок, кои не имели хозяев. Ну, позволительно было бы набить свою утробу, зачем же в карманы запихивать. Учитывая истощение, можно было бы кое-как оправдать манипуляции по прикарманиванию продуктов. Но никак нельзя простить им то, что они забирали не только продукты, но буквально все, как саранча. В том числе и папиросы. Но разве это так дефицитно. Нет. Значит, нельзя им это простить. Какая же все-таки низкая культура. Сидели мы с Н. И. и стыдливо улыбались. Я вынужден был время от времени отворачиваться, чтобы не видеть этой картины. Мне было стыдно смотреть им в глаза. Некоторые вели себя несколько культурнее, например Михайлов. Он положил в карман содержимое только своей тарелки. Пили они мало. Михайлов выпил только одну рюмку. Я хотел спровоцировать его на вторую, но он отклонил мое предложение, мотивируя свой отказ спектаклем, в котором он должен выступить 1 сентября.

— Соблюдаю режим, — заявил он. — Вот после спектакля можно позволить себе выпить и больше. Позвольте узнать вашу фамилию.

— Кедров.

— Прошу вас завтра посетить мой спектакль, и после встретимся за кулисами.

— Благодарю вас, — деликатно ответил я.

Вскоре после этого он убыл.

Очень мило вела себя Габриелянц. Я вцепился в нее глазами и так долго терроризировал ее взглядом, что она не выдержала и подошла ко мне (сидела она с начальством за первым столом в метрах десяти от меня).

— Вы что так пристально на меня смотрите? — спросила она, ласково глядя на меня.

— Видите ли, я люблю музыку, искусство и люблю смотреть хорошие картины — это моя органическая потребность. А вы для меня сейчас картина.

Она была страшно польщена и, взметнув бровями, игриво заявила:

— Вот вы, оказывается, какой.

— Да, я такой. Вы меня не знаете, но я вас знаю по понятным причинам. Разве можно не знать хороших артистов, да еще таких милых и милых.

— А я тоже хочу с вами познакомиться. Простите, могу я узнать вашу фамилию?

— Конечно, это не секрет, пожалуйста. — Я назвался.

— Ого! Фамилия очень знакомая.

Тут ее начали усиленно требовать к выходу. Это были те люди, с которыми она приехала и сидела за одним столом.

— Прошу вас принять от меня на память вот это, — с этими словами она воткнула мне цветок в петлицу пиджака, — пожаловать на спектакль в Музкомедию.

— Не премину воспользоваться вашим любезным приглашением.

Мы попрощались. Вот, пожалуй, единственное светлое пятнышко, оставшееся у меня от банкета.

Выпили с Тарасовым тост за мою Тамару, которая как раз в этот день именинница. Икалось ли ей. Поди и не подумала о том, что ее здесь не забывают. Все помню, моя девочка. Могла бы лучшего мнения быть обо мне.

8/IX-1942 г[ода]

Лежу больной. Получил сразу несколько болезней: грипп, ангина и флюс. Это результат простуды при сломе домов. Дело в том, [что] 4, 5 и 6 сентября почти всем заводом мы ломали деревянные дома на Кондратьевском проспекте на дрова для отопления зимой 1942/1943 годов. Поработали на славу. Возглавляемая мною бригада получила самый большой дом и работала не скажу чтобы плохо. Без ложной скромности скажу, что работал я действительно самоотверженно. Дни стояли теплые, и от напряженной работы я, разумеется, здорово потел. Пыль въелась во все поры. Волосы спутались и превратились в грязно-серый парик. Перед обедом и по окончании работы я умылся до пояса под краном. Утром 7 сентября помылся в бане около сквозной двери. К концу третьего дня почувствовал слабость во всем теле и сильный насморк, вечером с высокой температурой свалился в постель. И вот лежу, страдаю.

В былое время, когда был молод, никакие обливания и сквозняки на меня не действовали. А вот теперь, видимо, годы сказываются, а с другой стороны, вот уже два лета почти не купался, а тут начал сразу без подготовки умываться под краном. Ясно, что тяжело было организму это перенести, и вот сдал. <...>

Сегодня исполнилась годовщина первой бомбежки Ленинграда. Как много за это время пережито. Четыре месяца — 120 дней — немцы ежедневно, методично, с немецкой аккуратностью бомбили и обстреливали город из дальнобойных орудий. В результате голода, вызванного блокадой, Ленинград потерял по крайней мере около трети населения, в основном мужчин средних лет и стариков.

Бомбежки возобновились в апреле, когда я отсутствовал в Ленинграде, находясь в командировке. Правда, эти бомбежки стали очень редкими. Последняя, например, была 13 июня 1942 года. Зато артобстрел здорово усилился. Ежедневно по несколько раз изверги производили огненные налеты на тот или иной район, производя разрушения и выводя из строя людей, но не сея страха и смятения.

В августе обстрел стал слабее, так как немцы задумали штурмовать город. С другой стороны, активность нашей авиации и артиллерии вызвала также значительные потери гитлеровцев в людях и технике, и к тому же в некоторых местах они были несколько отжаты от Ленинграда, что понуждало их все время перебрасывать людей и материальную часть с участка на участок.

17/IX-1942 г[ода]

Битва происходит в самом Сталинграде. Немцы решили любой ценой взять город и бросили на него значительные силы. Потеря Сталинграда для нас явилась бы большим политическим и стратегическим ударом.

На Ленинградском фронте обстановка тревожная. Все идет к тому, что немцы собираются штурмовать город. Это будет солиднее севастопольской эпопеи. Во всяком случае на смерть шансов больше. Ну и черт с ним, лишь бы не зря погибнуть. Укокошить бы побольше гитлеровской сволочи. Я хороший гранатометчик и буду на этом тренироваться. Думаю, что танкам от меня достанется откуда-нибудь с чердака или подвала. Одну гранату оставлю для себя.

18/IX-1942 г[ода]

Сегодня еду в район лесозаготовок, находящийся около Ладожского озера на Борисовой Гриве. Вот уже едем со скоростью 40 километров в час на газогенераторной машине. Шоссе вполне удовлетворитель-

ное. Шофер жмет на всю железку. В кузове продукты и свежие овощи. У станции Борисова Грива поворот в лес влево. Ехать 12–15 км. Шоссе только еще строится, так что пробивались по лесной дороге целый час с лишним. Прибыли на место в 20 часов. Уже стало темнеть. Лесорубы складывали напиленные за день дрова. Часов в 9 поужинали, а затем собрались вокруг костра, у которого провел политбеседу. В 11 часов стали расходиться спать в землянку. Я пошел поболтаться по лесу. Кругом тихо-тихо. Сколько мыслей воскресил во мне этот лес. Я вспомнил детство и юность. Запах грибов и клюквы щекотал ноздри. Не слышно ни звука, но сколько невидимых глазу событий происходит вокруг. <...>

С восходом солнца здесь слышны женские голоса, звон пил и топоров. Трудолюбивые женщины заготавливают дрова для электростанций и заводов, выпускающих боеприпасы и снаряжение для фронта. В полночь я вернулся к костру. Все работники уже разместились по землянкам на ночлег. Подбросив в костер хвороста, решил с комфортом устроиться около него. Лицу и груди было жарко, а на спине выступил иней. Я продрог. Заснуть было невозможно. Я был вынужден расположиться на ящике и крутиться на нем перед костром, подставляя поочередно разные части тела.

В четвертом часу стали выползать из своих землянок лесорубы, чтобы покурить и погреться и потом вздремнуть еще пару часов. Да плохой сон в холодной сырой землянке, а впереди 12–13 часов тяжелой работы. И так в течение месяца. Слов нет, очень тяжело, особенно женщинам, с непривычки. Однако они стойчески переносят трудности, выполняя за день двойную норму выработки.

— Только бы кормили получше — остальное перемелется, главное, хряпы побольше привозите. Навозим ее как следует, смотришь, желудку работа есть.

В 6 часов вместе с солнцем поднялись лесорубы, удивляясь тому, что всю ночь я не покидал пост у костра. Хлопая в ладоши, зябко поживаясь, девушки смачно высасывали по папироске и отправлялись в лес. <...>

В 8 час. 30 мин. тронулись в обратный путь. Взяли с собой шесть человек больных. В Ленинград приехали только в половине второго. <...>

24/IX-1942 г[ода]

Вчера имел удовольствие слушать в филармонии 7-ю симфонию Шостаковича, посвященную грядущей победе над врагом и родному городу. Дирижировал Элиасберг. Оркестр состоял из 80 музыкантов. Явно недостаточно.

Что можно сказать об этом произведении. Я, видимо, плохо разбираюсь в музыке, или ее сознательно переоценивают в иностранной прессе. Я бы не отнес ее к творениям мирового значения. Безусловно, это произведение — большая удача композитора, особенно если учесть время и обстановку, в которой оно писалось, но уж во всяком случае не такое, чтобы ставить его вровень с Бетховеном или Чайковским.

Особенно сильное впечатление производит вторая половина первой части (Аллегретто) и финал.

Легкая беспечная мелодия первой половины нарушается посторонним диким звуком бездушного деревянного немецкого марша.

Поганый сапог немчуры топчет священную землю русскую. Растиущий тревожно-грозный грохот, переходящий в море звуков, [символизирующих] русский народ, поднимающийся на смертный бой. <...>

Дальше грохот переходит в грустную мелодию, как бы говорящую: «войны мы не хотели, но вы нам ее навязываете, жаль проливать невинную русскую кровь, но что делать — надо воевать». И вот первые ряды защитников, слышавшие наступающего врага, спешно одеваются в доспехи и идут в кровавую сечу. Звуки удаляются и тают в снежных просторах Сибири, подымая на битву новых борцов за Родину. Вторая часть — миниатюра, продолжающаяся 7–8 минут — маршеобразная музыка, символизирующая мобилизацию народа на борьбу. Третья часть (Adagio) начинается возвышенными звуками, напоминающими старинные церковные мелодии. На душе становится светлее и бодрее. И эта бодрость расширяется к концу симфонии, когда многоголосый оркестр звучит на всю мощь, на которую только способен. Это реквием грядущей победы. Это особенно трогает нас, ленинградцев. Когда слушаешь эту гордую музыку, думаешь: <...>

— Ты, сволочь немецкая, окопалась под Ленинградом, осыпашь нас снарядами и бомбами, а мы назло тебе под аккомпанемент рвущихся снарядов слушаем 7-ю симфонию Шостаковича.

Мурашки бегут по спине при этой мысли. Не бывать тому, чтобы гордый, свободолюбивый русский, советский народ превратился в рабов немецких князей и баронов.

Конечно, симфония много проиграла из-за того, что оркестр очень слаб как по количеству, так и по качеству. Оно и понятно, если учесть, что все лучшие музыкальные силы Ленинграда выбыли. Значит, оркестр сборный. Заметно также, что некоторые места требуют технической отработки и, видимо, другой дирижерской интерпретации, поскольку Элиасберг не является непогрешимым авторитетом в симфонической музыке. Все же, несмотря на все неудачи оркестра и самого автора, ему удалось создать волнующую, оригинальную музыку, в отдельных

местах почти физически затрагивающую душу ленинградца, способного без стыда утирать слезы во второй половине симфонии. Достаточно сказать, что даже я, не особенный ценитель симфонической музыки и неспособный к долговому и терпеливому ее прослушиванию, просидел напряженно полтора часа, в течение которых исполнялась симфония Шостаковича. Много можно простить автору еще и потому, что она написана в исключительно короткий срок в чрезвычайно тяжелых условиях ленинградской зимы 1941–1942 года. <...>

28/IX-1942 г[ода]

Идет партийное собрание завода, я председательствую. Все идет как по маслу. Вдруг в 18:30 мин. раздается звук сирены воздушной тревоги. После длительного перерыва (последний налет был 13 июня, то есть три с половиной месяца назад) этот звук произвел особо неприятное впечатление. Собрание прервали. Захватив противогаз и бинокль, я полез на вышку. Еще будучи на лестнице, услышал большое число разрывов зенитных снарядов. Поднявшись на вышку, увидел, что над Московским районом в направлении к Пулкову небо было усеяно огромным количеством медленно расползающихся пучков дыма от зенитных снарядов. Стрельба прекратилась, самолетов не было видно. Очевидно, это был налет на передний край обороны. Через час был дан отбой, и партийное собрание продолжалось.

5/X-1942 г[ода]

Что-то скучно стало. Может быть, потому что желание побывать в Молотове неопределенно скрывается в коварной улыбке Авдеева, быть может, потому что завод стоит перед возможностью консервации в связи с отсутствием сырья и материалов, а может быть, еще и потому, что вот уже месяц как в Ленинграде стоит зловещая тишина. Наши пушки почти не стреляют, немецкие снаряды не рвутся в городе. Неопределенность гнетет, тем более что на юге немцы здорово нажимают, хотя наши героически отбивают все атаки. И только в районе Моздока еще не смогли стабилизировать фронт. Около Сталинграда очень тяжелое, напряженное положение.

Вечерами иногда убиваем время за преферансом. Последнее время у меня идет полоса проигрышей. Не везет, определенно не везет. Скоро, видимо, эта полоса сменится полосой выигрышей. Сегодня послал срочную поздравительную телеграмму Галюньке. Восьмого октября ей исполнилось 10 лет... Время идет. Еще столько же пройдет времени, и она станет самостоятельной. И улетит деточка из родного гнезда. Что-то ей судьба принесет?

Вчера получил письмо от Тамары, в котором она описывает забавные сцены с Борей. Но эти «забавные» сцены заставляют призадуматься. Без моего глаза могут испортить мальчишку. Из писем видно, что он отбил от рук и не поддается влиянию матери.

28/Х-1942 г [ода]

Вчера временное затишье нарушилось огненным налетом. Часа в четыре вечера я находился у Гостиного двора. В это время над головой завывали снаряды, а затем стали рваться снаряды. Снаряды рвались в районе улицы Чайковского и Фонтанки. Один снаряд угодил в крышу нашего завода. Из окна моего кабинета можно наблюдать упавшую от взрыва железную трубу. Стекла окна оказались целы, так как взрывная волна прошла выше.

Сейчас половина двенадцатого. Москва передает симфонический концерт. Аккомпанементом ему служат взрывы снарядов, падающих где-то неподалеку, так как стекла здорово дребезжат. Выдержат ли они натиск взрывной волны, или снаряд угодит мне в спину, так как я сижу к нему спиной.

На Южном фронте положение стабилизировалось. <...> Вот уже третий месяц идет титаническая оборона Сталинграда. <...>

Наш завод досрочно выполнил октябрьскую программу, в связи с чем выдвинулся на передовое место. Директор Адеев удостоился вчера чести выступить по радио и рапортовать о достижениях. Недавно отвезли на артполигон наш подарок армии к 25-летию Октября. Зенитное шестиствольное орудие обещает быть грозным орудием против немецких асов. Секретарь горкома тов. Кузнецов, побывавший на заводе, заявил:

— Если бы эта пушка была изготовлена годом раньше, то труба на «Кирове» была [бы] цела.

Намек на крейсер «Киров», пострадавший от пикирующих бомбардировщиков в апреле 1942 года.

В общем, шумим, братцы, шумим...

Ленинград живет нормальной, размеренной жизнью. Моральное состояние народа хорошее. Те, кто побаивается трудностей предстоящей зимы, тихой сапой утекают из Ленинграда. Таких единицы, и это настроение для ленинградцев нехарактерно, но в семье не без урода. Подавляющее большинство оставшихся — истинные патриоты города.

Заготавливаем овощи впрок. В частности, мы с П. М. засолили три с лишним пуда капусты. Что из нее получится, не знаю, так как мы не заглядывали в справочники и с опытными в этом деле людьми не консультировались. А зря, следовало бы, боюсь, что часть капусты пропадет.

Кроме того, к зиме запаслись топливом, а также огнивом. Спичек почти нет, поэтому ленинградцы воскресили старый метод добычи огня с помощью камня, куска дерева и шнура. Как только надо прикурить — слышишь то там, то тут ставший уже привычным звук железки, ударяемой о камень. Вот идет машина, водителю захотелось закурить, он останавливает машину и начинает долбить. Иные так наострились, что от двух-трех ударов начинает теплиться шнур, а у других пот брызгами летит со лба, а искры сыплются впустую, как, например, у П. М. Здесь решающую роль играет не столько сноровка, сколько удачный выбор кремня. Некоторые дают слабую искру, иные обильно искрят, но, как говорят «специалисты», все равно плохо прожигает, так как у них «холодная» искра. Удачные камни те, которые дают массивованную и горячую искру. Я еще не обзавелся таким агрегатом, но, видимо, придется, так как натуральные камни у меня на исходе, вернее уже вышли, дожигая последние.

9/XI-1942 г[ода]

Вчера представители нашего завода были приглашены на вечер в 8-ю бомбардировочную авиабригаду, которой командует Герой Советского Союза тов. Преображенский, по случаю 25-летия Октябрьской революции. В качестве делегатов присутствовал и я.

Прибыли мы туда в 20 часов. Это было в клубе ученых Индустриального института. Зал был заполнен шумом танцующих пар. В основном был летный состав и представители заводов.

Я тоже потрянул стариной и провальсировал с тремя девушками. Через часа два гости были приглашены на товарищеский ужин. Нас очень любезно принял комиссар одного полка тов. Поленов. Он провел нас в зал и предложил лучшие места. В частности, меня пригласил за стол президиума, но я из скромности отказался. Командиры и рядовые летчики приветствовали присутствующих и поздравляли с великим праздником. Васильев спровоцировал меня на выступление. Я приветствовал летный состав от имени заводского коллектива и пожелал им боевых успехов в борьбе с ненавистным врагом. Мое краткое выступление прерывалось несколько раз аплодисментами. После ужина гости вновь проследовали в танцевальный зал. Часов в 11-12 ночи был дан концерт из 2 отделений, выступление штангистов по поднятию тяжестей под руководством мирового рекордсмена тов. Кошелева и выступление артистов КБФ. После концерта основная масса снова пустилась в танцы, а мы (я, Васильев и Харабковский) были приглашены в салон в узкий круг командного состава. Там мы вновь выпивали и закусывали в несколько изысканном виде.

Вскоре пришел озябший и продрогший Преображенский. Ему сразу же налили «штрафную». Не прошло и 10-15 минут, он уже «при-

шел в себя» и включился в общий разговор. Не знаю почему, он попросил меня сесть с ним рядом. Видимо, потому что Васильев снова подговорил комиссара, чтобы последний попросил меня спеть. Учитывая любовь Преображенского к музыке и пению, можно объяснить его желание поближе со мной сойтись. Спели старинную русскую — «Ревела буря, дождь шумел». Затем тот же Васильев крикнул:

— Просим Кедрова спеть «Шотландскую застольную».

Его поддержали, и я был вынужден изобразить ее. Надо отдать справедливость — спел неплохо, так как вызвали на повторение. Это обстоятельство еще более расположило Преображенского ко мне, и он попросту заявил:

— Ты сегодня будешь ночевать у меня, а утром доставим тебя на завод в указанное тобой время.

Это внимание мне очень польстило, и я согласился у него переночевать.

Часа в три гости стали расходиться. Я усадил наших делегатов в машину (кстати говоря, обиженных на меня за то, что я отсутствовал среди них) и отправил на завод. Сам же с тов. Преображенским поехал на машине к нему на квартиру. Она находилась неподалеку на улице Пропаганды. Большой просторный кабинет, два стола, несколько стульев и пара мягких кресел. Вот и вся обстановка, если не считать несколько портретов и оперативную карту, завешенную полотняной занавеской. Рядом с кабинетом — спальная, вмещающая две кровати, шкаф, два столика и четыре стула.

— Вот моя кровать, а это твоя, располагайся как дома, — любезно обратился ко мне Преображенский.

Напротив его кабинета занимал комнату комиссар Чернышев. Во время нашего прихода он лежал на кровати и читал. Преображенский пригласил его к себе. Из ящика, присланного в качестве подарка с какого-то завода, хозяин достал бутылку кагора и шоколад и предложил нам выпить. Разумеется, я не мог отказаться, так как выпить, что греха таить, вообще-то люблю, а кагор в особенности. Словом, я бутылочку, видимо, вытянул. Затем часа в четыре мы расположились по своим кроватям. Несколько минут побеседовали по пустякам и почти одновременно погрузились в глубокий сон. Утром нас подняли в 9 часов. Мы смогли побеседовать. Преображенский рассказал о своей семье, находящейся в Кириллове, о том, как местные власти проявляют о ней заботу, и прочее.

— Еще бы не проявлять, — заявил я, — нашумел на весь мир своими подвигами, и в частности полетом на Берлин, поэтому вполне естественно, если твоя живет без забот и волнений.

Намеком на Берлин я хотел вызвать его на беседу о его первом полете туда в берлогу к людоеду Гитлеру. Но наша беседа была прервана приходом адъютанта, который заявил:

— Товарищ полковник, вас вызывает наркомвоенмор тов. Кузнецов и нач. штаба тов. Жаворонков.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — заявил Преображенский, — я хотел с тобой позавтракать и покалякать, а теперь, стало быть, наша закуска срывается.

Он выпил на ходу стакан молока (а перед этим мы выпили с ним по паре стопок водки и закусили огурцами), проводил меня в столовую, распорядился меня накормить и отвезти на завод, а затем со словами «До свидания, звони» и вышел. Пригласил посетить завод, он обещал, но предупредил:

— С большим удовольствием принимаю твое предложение, но не могу сказать, когда я выберу для этого время, так как очень уж у меня его маловато. <...>

До личного знакомства я знал о Преображенском только из периодической печати и повести Вишневого. Я так представлял его себе: высокий, стройный, подтянутый жгучий брюнет с усиками. С мужественным лицом, строгим взглядом и одним внешним видом, внушающим уважением и какое-то подобострашие.

Однако на поверку вышло несколько иначе. Обыкновенный русский тип. Невысокого роста, толстенький, простой, доступный, но четкий в распоряжениях, отдаваемых безапелляционно. Добродушный, с веселыми глазами, курносый. И вот этот наш герой первый проложил дорогу на Берлин, заставил дрожать от страха берлинцев и их гнусных негодяев правителей.

Очень жалею, что не удалось с ним побеседовать о полете на Берлин и вообще о боевых делах. Не теряю надежды о новой с ним встрече. Чтобы не забыть, запишу его телефон. <...>

11/ХІ-1942 г[ода]

Праздники прошли более или менее спокойно. Если не считать того, что каждый день бывает по несколько тревог. Вот только что закончилась очередная четырехчасовая тревога. По ночам фашисты совершают налеты на город и сбрасывают бомбы. Седьмого числа сброшены бомбы недалеко от нашего завода, разрушившие дома на 20-й линии. Стекла в окнах заводских зданий, выходящие на 18 линию, вылетели.

Ночные налеты физически изматывают ленинградцев. Не успеешь после тревоги лечь, как снова раздается вой сирены, и если каждый раз вставать, то и спать будет некогда, поэтому в поздние тревоги, то есть

после 24 часов, я решил оставаться у себя кабинете. Дневные налеты парализуют работу города, так как прекращается движение трамваев и автомобильного транспорта. Получаются большие простои. <...> Думаю, что штаб обороны должен решать не подавать сигнал тревоги во время одиночных налетов или расширить контингент лиц и машин, могущих передвигаться во время тревоги. Проявляя активность в воздушных налетах, враг не в последнюю очередь имеет в виду нарушение нормальной работы города. В прессе ничего не пишут о налетах, но из отдельных сообщений в сводках («на подступах к Ленинграду сбито 25 самолетов»), по ним нетрудно догадаться о том, что налеты совершаются регулярно и по несколько раз в день, но не массированные. Невзирая на все, моральный дух ленинградцев не поколеблен. <...>

Во время товарищеского ужина в Доме ученых начался воздушный налет. Гремела зенитная канонада, где-то рвались бомбы. Однако никто из присутствующих за столом не пошевелился, и каждый продолжил свое «занятие». Как будто это была всего лишь учеба воинских частей, а не реальный налет противника.

<...> Вчера у меня собрались гости. Мы выпили, закусили и сели играть в «девятку». Часа в 4 прозвучал сигнал тревоги, и тотчас заговорили пушки. Кто-то из нас предложил закончить игру и только потом пойти на улицу или убежище. Это предложение никто не отклонил, и игра продолжалась минут пять или шесть, как будто пушечная пальба, сотрясающая наш дом, звучала на экране кинотеатра.

Директор завода уехал в Москву по вызову наркомата, и, таким образом, сорвалась моя поездка к семье в Молотов. Теперь я смогу поехать только после его возвращения, если вообще меня отпустят и я останусь цел после бомбежек и обстрелов. Кстати, писем из Молотова не получал с 23 сентября. Начал волноваться и сердиться. Слышал стороною, что меня лично ждут в Молотове, но ведь это не исключает необходимости писать хотя бы открытки.

Ну вот, опять завывла сирена (13:30), и диктор провозгласил: «Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Воздушная тревога!» Пойду пока пообедаю.

21/XI-1942 г[ода]

Замечательные события произошли на нашем фронте. Наши войска прорвали оборону немцев в районе Сталинграда и повели наступление в северо-западном и юго-западном направлениях. Перерезаны две железные дороги, по которым снабжались немецкие войска под Сталинградом и около него. За восемь дней боев взяты в плен свыше 60 тысяч человек, убито свыше 40 тысяч, захвачены богатые трофеи: около

1500 пушек, тысячи машин, миллионы снарядов и патронов, тысячи лошадей, десятки складов с боеприпасами, амуницией, продовольствием и пр. Наступление продолжается, но заметно снижение темпов. Немцы оправились от первых ударов и спешно подбросили резервы. <...>

В Ленинграде ничего особенного не произошло. Немцы изредка бомбят и обстреливают город.

Вчера получил телеграмму от Тамары, в которой она сообщила, что «ульяновская» посылка получена. Приятное известие. Эта посылка самая дорогая, которую я так любовно и долго собирал. Уже третий месяц не получаю весточки, если не считать трех-четырёх телеграмм. В чем дело? Не понимаю. Неужели повторяется старая история? А быть может, только продолжается. Дело в том, [что] наши борзописцы не оставляют некоторых из нас в покое. <...>

Настала вторая блокадная зима. Город оделся в снежный покров. Мороз щиплет уши. В прошлом году в это время стали появляться первые жертвы голодающего Ленинграда. Сейчас этого нет. Правда, есть дистрофики, но их пока немного. Снабжение на том же уровне, что и летом. Почти каждый день объявляют по радио о выдаче тех или иных продуктов. <...>

Ночи холодные, звездные. Луна появляется на горизонте в первом часу ночи. К этому времени фрицы приурочивают налеты на Ленинград. Вот уже несколько дней подряд объявляется тревога во втором часу ночи и под утро. Налеты небольшие. Бомбы систематически сбрасывают в южных районах города, им же регулярно достается от обстрелов. <...>

— Сегодня должны прилететь фрицы, — констатирует мой собеседник.

— Почему?

— А потому что сегодня тепло, а тепло они любят.

Кого же сегодня убьют? Придет ли наша очередь?

25/ХП-1942 г[ода]

Почти целый месяц не заглядывал я в эту тетрадь. За это время произошли знаменательные события. Главное — наступление наших войск в среднем течение Дона. Советские войска продвинулись вперед на 150–200 километров, захватив богатые трофеи, пленных и освободив десятки населенных пунктов. Наступление продолжается. Юго-западнее Сталинграда и на западном участке фронта (Ржев — Великие Луки) положение стабилизировалось. Немцы подбросили свежие резервы и, видимо, приостановили продвижение наших войск. <...>

Мне довелось узнать, что якобы авиационный корпус немцев, действовавший на Ленинградском фронте, переброшен в Северную

Африку, и поэтому в последнее время нет налетов на Ленинград. Говорят, что готовится наступление наших войск на Ленинградском фронте. <...>

На внутреннем «фронте» также имеются неплохие достижения. Во-первых, завод получил за работу в ноябре 3-ю премию наркомата и ВЦСПС; во-вторых, приехал Авдеев, и я могу ехать в Молотов. Однако вылететь в ближайшие дни не смог. Туман. А так хотелось прибыть в Молотов и в кругу семьи встретить новый, 1943 год. Сегодня уже 25 декабря, а улучшения погоды не предвидится. К тому же скопилось огромное количество пассажиров, местных и приезжих, что попасть на самолет очень трудно. Надо случиться чуду, чтобы успеть прибыть в Молотов к 1 января. Таким чудом мог явиться прямой рейс на Молотов, но их как будто не существует. Позавчера завод посетили летчики из подшефной летной части, которой командует Герой Советского Союза Преображенский, и рассказали, что от них почти ежедневно ходят самолеты в Москву. Сегодня попробую поймать Преображенского и договориться с ним. Один из пилотов, Герой Советского Союза капитан Клименко, туманно высказался о том, что как будто ходят самолеты и на Молотов. Вот было бы счастье. <...>

29/ХІІ-1942 г[ода]

Ну и зима?! До сих пор — оттепель, туманы, не позволяющие производить полеты. Не повезло. Через пару дней наступит 1943 год, а я все еще в Ленинграде. Придется Новый год встречать дома. Вчера был с девушками в подшефной летной части и встретился с Клименко, который обещал перебросить меня в Москву, как только наступит сносная погода. Сегодня немного подсохло, но еще мало. Теперь независимо от погоды поеду после 1 января.

Что это? Выстрел или разрыв снаряда? Вот еще разрыв, и здоровый. Немцы посылают новогодние «гостинцы». Снаряды рвутся в районе Балтийского завода. Должно быть, здоровые, так как слишком сильные разрывы. Впрочем, ну их к черту. Нас этим теперь не возьмешь, народ еще более окреп как морально, так и физически. В эти дни в прошлую зиму на улицах и во дворах в снегу валялись трупы, а теперь даже падающих нет. А если и упадет какая-нибудь девушка или пожилая женщина, то только потому, что на самом деле очень скользко. Если в прошлом году почти каждый падающий больше уже не поднимался, то нынче такие люди ловко вскакивают без посторонней помощи и продолжают следовать своим путем. За последние два месяца мне довелось видеть пока только одного покойника, завернутого в домашнее барахло. Его тащили на санках две женщины.

31/ХП-1942 г[ода]

Вот и настал канун 1943 года. Что общего с предыдущим Новым годом? Абсолютно ничего, за исключением того, что по-прежнему мы находимся в осаде. Однако новый год будем встречать неизмеримо лучше, богаче, радостнее, чем в прошлом году. Жаль только, что я не сумел попасть на встречу Нового года к своей семье. Это была бы двойная радость для всех. Но погода подвела. Настроение в связи с поездкой, разумеется, приподнятое. Вчера было открытие заводского Красного уголка. Я разрешил себе потанцевать с девушками. Вот видите: ныне танцуем, а в прошлом году трупы осаждали город. Да и как не танцевать. На фронте успехи, внутри Ленинграда в основном сытно. Люди не беспокоятся о завтрашнем дне, знают, что будут сыты. Много появилось у нас эрзацев. Но эти эрзацы настолько приятны и, видимо, питательны, что забываешь подчас, что это не натуральное. Возьму, к примеру, солодовое молоко. Скажу откровенно — великолепно. Сладкое, вкусное и даже жирное. Вчера наварил рисовой каши на нем и получилась почти натуральная молочная каша. Каша сладкая, вроде как с сахаром.

3/ІІІ-1943 г[ода]

<...> Полтора месяца, или точнее 43 дня, я находился в командировке. Из них 25 дней пробыл с семьей в Молотове. Наконец-то сбылась моя мечта — я вновь увидел своих родных и любимых Тому, Галю, Борю. <...> Тома очень похудела. Я ее свободно поднимаю и легко ношу. Думаю, килограммов 12–13 она потеряла. Однако это ее ничуть не портит. Пожалуй, наоборот. Она стала только пикантней. Правда, на лицо ей надо поправиться, но это дело наживное. Стоит только им попасть ко мне, они быстро восстановят потерянное, особенно Таминька, с которой свалится большой груз: забота о ребятах и «война» с Борькой. А он действительно тяжелый мальчик. Очень упрямый, угрюмый, неласковый, хотя сам нуждается в ласке. А этого ему недостает, и потому он угрюмый.

Стоило побыть с сыном всего пару недель и быть ласковым с ним, как он стал заметно мягче. Перемена далась ему нелегко и стоила большой внутренней борьбы. Сын стеснялся поцеловать отца, хотя было заметно, как он страстно этого желает.

Таминька была очень внимательна и ласкова ко мне. А что особенно ценно, так это искренность и сердечность этих теплых чувств. Поэтому так приятно вспоминать молниеносно промелькнувшие дни, проведенные вместе. Я лишний раз убедился в том, как я все-таки ее люблю. Я как будто вновь в нее влюбился. Она такая славная, родная, близкая. А я, как мне кажется, был немного черствый.

До приезда в Молотов я несколько иначе представлял свое поведение. На меня наседала теща, которая часто провоцировала меня на то, чтобы я наказывал Борю за плохое поведение. Но я сдерживался и вел себя спокойно, хотя один раз не выдержал и выдрал его и потом ругал себя за это. Теща была недовольна тем, что мы с Тамиком были взаимно ласковы и внимательны. Что ее (тещу) побуждало к этому, не знаю. Возможно, материнская ревность. Присутствие тещи очень много украло у нас. Приходилось сдерживаться в своих порывах, которые, естественно, требовали разрядки. И тем не менее эта кратковременная поездка в Молотов надолго останется в памяти и оставит глубокий след в душе. Таменька, Галенька, Боренька, как я вас, родные, люблю, люблю. Живется им тяжеловато, и неудивительно поэтому, что они всеми фибрами души стремятся в Ленинград.

Я обещал Тамусеньке забрать их летом или осенью 1943 года и приму все меры к этому, но себя подготовлю к более длительной разлуке. Лично сам считаю реальным возврат их в Ленинград летом 1944 года.

На фронтах в этот период прошли серьезные изменения. Красная армия имеет огромные успехи. В наших руках вновь находятся такие важные центры, как Краснодар, Ростов-на-Дону, Ворошиловград, Харьков, Курск. А если к этому прибавить огромные трофеи в пушках, самолетах, танках, сотни тысяч убитых и захваченных в плен, станет ясным огромный успех наших войск. Вот уже две недели прошло, как перестали передавать сообщение под рубрикой «В последний час». Мне кажется, это объясняется не столько тем, что наши ослабили нажим, сколько тем, что немцы подбросили резервы и усилили сопротивление, боясь повторения сталинградских событий в районе Донбасса и Орла. В ближайшее время, преодолев это сопротивление, Красная армия неослабевающим темпом погонит захватчиков на запад, освобождая Украину и Белоруссию от произвола и гнета. Затем придет очередь Ленинграда и Ленинградской области. То, что прорвали блокаду Ленинграда, это пока мало, тем более что в данных условиях оно имеет скорее символическое и моральное значение, чем практическое.

«Союзнички» наши пока что пробавляются разговорами на разного рода совещаниях и заседаниях, поздравлениями и восхищением успехами Красной армии. Поляки, так те даже стали заниматься декларациями относительно будущих границ Польши, эмигрантское правительство предложило восстановить статус-кво на 1 сентября 1939 года, до начала военных действий и воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии. Ответственные круги СССР, то есть правительство через ТАСС дали крепкую отповедь нынешним «правителям», не отражающим в этом вопросе истинных интересов польского населения.

А если учесть, что среди этих правителей находится небезызвестный Сикорский, только что приветствовавший Красную армию и Сталина, станет понятным особо крепкий отпор империалистическим вожделям современных польских правителей.

10/III-1943 г[ода]

Успехи немцев на Украине. В конце февраля немцы предприняли мощное контрнаступление в районе Донбасса и Харькова. В результате действий превосходящих сил (25 дивизий, из них 12 танковых), нанеших удар на узком участке фронта, им удалось захватить города: Красноград, Лозовая, Павлоград, Красноармейское, Барвенково, Славянск, Кроматорское. Ожесточенные бои идут за Харьков. Если мы не сумеем подтянуть свежие подкрепления, городу будет не устоять, т. к. его обтекают с юга и севера.

12/III-1943 г[ода]

Наши успехи на Западном фронте радостные. Войска после решительного штурма овладели старинным русским городом Вязьмой — важным узлом железнодорожных сообщений. Город уже остался в тылу, и фронт развивает наступление на запад и на юг.

15/III-1943 г[ода]

Второй месяц идет, а я не получил от Таменьки ни одной записочки. Думать о том, что виновата почта, неверно, так как многие наши работники за это время получили по несколько писем. Да и я получаю письма не только от жены, но и от соседки Васильевой. Вот почему я думаю, что она на меня, видимо, рассердилась или расстроилась из-за подтверждения опасений, которые у нее были при моем отъезде, ну так тем более должна меня была об этом известить.

16/III-1943 г[ода]

Пал Харьков. Грустно. Получил от Таминьки телеграмму, ждет от меня подробного письма, а я уже два послал — странно, почему не получила.

26/III-1943 г[ода]

Фрицы усиленно начали бомбить Ленинград. Вот уже несколько дней подряд налетают по несколько раз ежедневно. Бомбят главным образом юго-восточные районы. Выматывает здорово население, так как по ночам сна почти нет, а днем надо работать. Зенитная артиллерия крепко работает каждую ночь. Грохот и треск в городе стоит такой, что

мертвого поднять может. По улицам ходить опасно, т. к. осколки зенитных снарядов сыплются дождем, напоминая колоссальный пчелиный рой с завыванием на разные тона в зависимости от величины осколка, его конфигурации и высоты падения. Судя по обывательским слухам, эти налеты вызваны наступательными операциями войск Ленинградского фронта в юго-восточной части города (Пушкин, Колпино). Немцы подбросили под Ленинград несколько эсэсовских дивизий и воздушных эскадрилий. Разрушено много домов. Имеются человеческие жертвы. Ночной бомбежке здорово помогает «коварная» луна, освещающая с чистого неба величавый город.

30/III-1943 г[ода]

Сейчас без десяти минут три часа пополудни. Объявлена воздушная тревога. Я не могу ехать в Смольный на совещание по поводу поездки в тыл для заготовки картофеля для Свердловского района. Опять как в прошлом году. Еду с огромным удовольствием, так как питаю надежду вновь навесить моих родных, любимых. Но пока трудно загадывать, т. к. нам досталась Горьковская область, далеко отстоящая от Молотова. Кроме того, едем бригадой от района, поэтому работать и возвращаться придется вместе. А как хочется побывать в Молотове. Я бы сказал, что у меня сейчас даже больше рвения, чем тогда, когда я через полтора года разлуки выехал к жене. Видимо, эта поездка разбередила душу <...> так страстно хочется именно сейчас встретиться с родными. Заманчиво порадовать семью своим неожиданным приездом. Сладкие мечты. <...>

Где-то свалилась бомба, дом закачался. Поблизости рвутся артиллерийские снаряды. Почему не объявляют, что район подвергается обстрелу? У нас ведь всегда так: когда кончается обстрел или во всяком случае подходит к концу, тогда только спохватываются и объявляют об обстреле. Что-то радио умолкло — исчез звук метронома. Неужели — отбой. Нет. Ну, наконец-то:

— Внимание, внимание, говорит штаб местной противовоздушной обороны. Район подвергается артиллерийскому обстрелу.

Ну, вот как «прекрасно». Самолеты врага совместно с дальнобойной артиллерией вновь приступили к разрушению города, принося человеческие жертвы. Чья очередь сегодня? <...>

10/VI-1943 г[ода]

Как я и предполагал, после заготовки картофеля, 4 мая я выехал в Молотов и 25 мая вылетел оттуда в Москву. В Молотове я пробыл 19 дней. Вскопал два огорода и посадил около 70 кг картофеля, так что при нормальном урожае семье моей хватит на всю зиму. Обратный путь

проделал очень успешно. 25 мая вылетел, а 27 мая вернулся в Ленинграде. Город переживал очень тяжелые дни. Немцы часто бомбили и обстреливали его из орудий. Последняя неделя отличается затишьем. Ни обстрелов, ни бомбежки. Уж не перед бурей?

«Злые языки» утверждают, что немцы готовятся к штурму или по крайней мере к тому, чтобы осадить Ленинград плотным кольцом блокады. Говорят даже, что фрицы собираются обстреливать город химическими снарядами. Не случайно в Ленинграде лихорадочно строят и оборудуют бомбоубежища. Будет ли это главным ударом или одним из главных или, быть может, демонстрацией, зачастую применяемой в военных операциях, сказать трудно. Однако одно ясно, что даже и в последнем случае ленинградцам может быть жарко. <...>

26/VI-1943 г[ода]

На фронтах затишье, имеют место бои местного значения. Кто первый начнет наступление? <...> Идет призыв в армию забронированных. Наши ряды редеют. Немцы разбомбили волховские мосты, и, следовательно, железнодорожное сообщение прервано, значит, фактически мы опять блокированы. Скоро ли их восстановят? А восстановишь — фрицы опять прилетят. Они великолепно отдают себе отчет в том, что они значат для Ленинграда. Город часто обстреливают. Особенно интенсивный обстрел был 24 июня. Мы пока целы.

2/VII-1943 г.

Из Молотова прилетел Тарасов и привез письмо от Таминьки и печальную весть: Таминька снова болеет — снова шалит сердце. Бедняжка, тяжело ей без меня, а когда будет со мной, неизвестно, да и будет ли?

На фронтах зловещее затишье. Активно действует бомбардировочная авиация, особенно на юго-западном направлении. Можно предполагать, что именно там и начнутся новые военные операции, и очевидно прежде, чем откроется второй фронт. Ленинград в последнее время живет спокойнее, т. к., кроме артобстрела, ничего нет.

4/VII-1943 г[ода]

Сводки Информбюро очень сухи, но грамотному человеку можно между строк прочесть кое-что, чего не хотят поместить в официальном документе. Если проследить за сообщениями о районах действия нашей авиации дальнего действия, можно смело предположить, что серьезное сражение должно развернуться в районе Орла и Харькова. Это тем более понятно, что орловская группировка немцев вклинилась

в расположение наших войск. Для обеих сторон открываются соблазнительные перспективы окружения и уничтожения войск на этих выступлениях. Вопрос только в том, кто первый начнет, кто крепче и надежнее подготовлен.

6/VI-1943 г[ода]

Ну вот вам пожалуйста! Немцы вчера перешли в наступление из районов Орла и Белгорода, имея в виду, как можно было предполагать, отрезать курскую группировку наших войск и захватить Курск. Судя по количеству уничтоженной за один день боевой техники (до 600 танков, еще больше самолетов, много орудий и другого вооружения), развернулось небывалое сражение. С другой стороны, наши войска оказались готовы встретить такой сильный удар. Это очень отрадное явление. Может, не будет преждевременным сказать, что это не 1942 год и немцы подобных успехов иметь не будут.

5/VIII-1943 г[ода]

По радио объявили, что между 11 и 11:30 вечера будет передано важное сообщение. Сердце радостно забило. Раз важное, значит, что-то важное для слушателя. Но вот вопрос: что это за важное сообщение. Заинтересованные этим, мы с П. М. начали гадать, что бы это могло быть. П. М. высказал предположение, что это капитуляция Италии, или открытие второго фронта, или выступление Турции, или Японии, или наступление наших войск на каком-нибудь новом направлении. Выдвинув столько предположений, можно почти безошибочно угадать то самое, что будут передавать по радио. Я согласился только с двумя первыми, т. е. в отношении Италии и второго фронта. По последнему предположению о наступлении наших войск наше мнение было идентичным и сводилось к следующему. Если это победа на одном из наших фронтов, то сообщение о ней попадет в очередную сводку, обычно передаваемую в конце ночного выпуска последних известий. Ждем окончания выпуска, и что же — он заканчивается обычными сообщениями из-за границы, а затем прозвучал «Интернационал». Это наводило на размышление. Коль скоро сводку не передавали, значит, возможно в ней и будет идти речь в важном сообщении. Как бы ни была важна и приятна новость о победах на фронте, я бы все же хотел услышать об открытии второго фронта или, по крайней мере, капитуляции Италии. Вот наши настраиваются на Москву, сон пропал. П. М. ворчит: «В эфире гроза и немцы мешают». <...> Наконец хриплый голос (была гроза) возвестил: «Передаем приказ Верховного главнокомандующего...» Оказывается, речь идет о занятии нашими войсками Орла и Белгорода и ликвидации

тем самым орловского плацдарма противника. Дивизии, первыми вступившие в города, названы по их имени. В честь этой победы в Москве был дан артиллерийский салют из 120 орудий по 12 выстрелов.

23/VIII-1943 г[ода]

Наши войска взяли Харьков. Приятное и действительно важное сообщение. Немцы считали Харьков ключом к Украине.

10/IX-1943 г[ода]

Донбасс очищен от врага — это здорово. Сталино, Горловка, Мариуполь — наши.

22/IX-1943 г[ода]

От Смоленска до Азовского моря наши войска ведут усиленное наступление. Взятые города: Духовщина, Ярцево, Велиж, Чернигов, Прилуки, Синельниково и пр. На очереди: Смоленск, Гомель, Запорожье, Полтава, Мелитополь. В Крыму немцам, надо полагать, холодно. Немцы, очевидно, имеют в виду отступить за Днепр и здесь дать генеральное сражение, чтобы предотвратить форсирование Днепра.

Завод вновь завоевал 3-е место во Всесоюзном соцсоревновании. Таким образом, мы заняли почетное место во второй раз. За сентябрь можем тоже заработать премию, б[ыть] м[ожет], вторую, т. к. есть все основания выполнить программу к 26 сентября. В связи с переходом на приборостроение на днях мы получили 100 человек с оборонных работ, 40 человек имеем получить с Большой земли и около 100 человек с ремесленного училища. В октябре будет трудно выполнить программу, т. к. надо уже выпускать приборы, а специалистов еще нет. Адеев улетел в Москву для разрешения ряда вопросов, связанных с переходом на приборостроение. После его возвращения мне, возможно, придется поехать в Молотов.

15/I-1944 г[ода]

Смотрите, как долго я не заглядывал в эту тетрадь. За это время произошли многие важные события. Одно из них — непрерывное успешное наступление советских войск. Форсировав Днепр на отдельных направлениях, уже приблизились к Польше. Войска 1-го Украинского фронта заняли города: Житомир, Коростень, Сарны, Новгород-Волынский, Бердичев и др. Румыны уже увозят оборудование из Кишинева и Черновиц. Далеко не уйдут, найдем их в Бухаресте.

За этот отрезок времени произошли два важных международных события. Первое — конференция в Москве трех министров иностранных дел: Молотова, Идена и Хэлла. Второе — конференция в Теге-

ране руководителей правительств: СССР — Сталина, Великобритании — Черчилля, США — Рузвельта. <...>

Наконец, эти конференции окончательно похоронили надежды Гитлера на разлад между союзниками. Трепещи теперь, ирод, изверг рода человеческого. Быть тебе в петле, если заблаговременно сам не пустишь себе пулю в лоб, или кто-либо из окружения не прикончит тебя, проклятого всеми свободолюбивыми народами. Имя твое станет нарицательным, как символ силы ада, зла, мракобесия, изуверства.

15/I-1944 г[ода]

Сегодня знаменательный день. Войска Ленинградского фронта, по-видимому, пошли в наступление, т. к. в течение трех с лишним часов ведется артиллерийская подготовка по подавлению обороны немцев. Незабываемая картина. Я и директор поднялись на вышку. Сотни тяжелых орудий изрыгают тонны смертоносного металла. Заговорили долго стоявшие в бездействии орудия, стоящие неподалеку [от] кораблей «Октябрьская революция», «Максим Горький» и давно «потопленного» немцами крейсера «Киров». Величественное зрелище. Внешняя красота гармонировала с радостными чувствами каждого ленинградца:

— Вот и на нашей улице настает праздник!

— Так им и надо, окаанным!

Огонь настолько интенсивен, что в воздухе в течение нескольких часов стоял непрерывный гул. Кое-где вылетели стекла, потрескалась штукатурка. Но это ничего, можно, бьют ведь свои. От каждого выстрела с кораблей наше здание содрогается и покачивается. Совсем иное чувство было, когда оно покачивалось от вражеских бомб и снарядов. Ну, коль скоро стали наступать, значит Ленинград скоро вздохнет, избавится от артобстрелов.

19/I-1944 г[ода]

Война миновала кульминационную точку и теперь быстро идет к победному концу. Перешедшие в наступление войска Ленинградского фронта сегодня овладели важными пунктами обороны немцев — городом Красное Село, узлом шоссеиных дорог Ропша. Радостно бьется сердце от сознания того, что близятся часы прекращения варварских обстрелов Ленинграда.

27/I-1944 г[ода]

Войска Ленинградского фронта уже овладели городами Пушкин, Слуцк, Петергоф, Гатчина, и теперь город избавлен от артиллерийских обстрелов. Сейчас передали по радио: в 7:45 мин. будет передано

важное сообщение. Слышал еще днем, что в 8 часов вечера будет дан салют войскам Ленинградского фронта. И вот в 7:45 слышу голос диктора, зачитывающего приказ командующего фронтом генерала армии Говорова, поздравляющего войска с победой и освобождением города от блокады. <...>

Поднимаюсь на крышу пятиэтажного здания одного из корпусов завода, чтобы наблюдать величественную картину салюта в 24 залпа из 324 артиллерийских орудий. Крыша уже заполнена рабочими ночной смены. Раздается первый залп. Не вражеские снаряды рвутся в городе, а орудия краснознаменной Балтики салютуют доблестным защитникам Ленинграда. В воздух взметнулись тысячи разноцветных огней, осветивших Ленинград словно днем. За первым залпом последовали второй, третий, четвертый. Фейерверки беспрерывно летят в небо, ярко освещая потонувший во мгле Ленинград. Этому способствуют десятки ослепительно пользующих по небу прожекторов.

Ленинград ликует. Невольно вспоминается время холодной, голодной, грязной и мертвой зимы 1941–1942 годов. Как немного прошло времени, и как далеко ушел Ленинград. Сердце не только радуется, оно поет. Радостные спазмы сжимают горло, хочется кричать во всю грудь:

— Славно, хорошо, великолепно, прекрасно. Слава вам, слава России. Кто может победить русских... Нет такой силы в мире, которая могла бы покорить такой народ. Нет и не будет. Поганое зверье — немцы захотели помериться силами с русскими. Ну вот и получайте. Полная расплата еще впереди, а пока, подбодренные успехами на фронте, будем нажимать в тылу. <...>

Вся страна радостно приветствует легендарный Ленинград и его мужественных защитников, перенесших испытания, не имеющих аналогов в всемирной истории. <...>

10/V-1944 г[ода]

<...> Начиная с февраля разъезжаю по командировкам. В апреле привез из Молотова сотрудников ОКБ (около 200 чел.), а заодно и свою семью. Завод все больше оживает. Производство в корне изменилось. Если во время блокады завод производил элементы выстрелов, то теперь целиком перешел на производство летно-испытательной аппаратуры. Само собой разумеется, что это обстоятельство обязывает рабочих крепко повышать свою квалификацию, так как сама продукция требует высокой культуры рабочего и самого производства.

В этом отношении предстоит большая кропотливая и длительная работа по подготовке и переподготовке кадров. Знаменательно одно,

что государство стало настолько богато боеприпасами, что сочло возможным прекратить выпуск на нашем заводе и переключить этот последний на производство точных приборов. Обратите внимание — война в разгаре, а мы на ходу перестраиваемся.

Все-таки сильна матушка Россия, коли в процессе войны уже перестраивается на производство продукции, необходимой в мирных условиях. Сегодня по радио узнал, что наши войска заняли гор. Севастополь.

Вот это здорово. Немцы штурмовали его в течение 250 дней, а наши весь Крым взяли за один месяц. А, собственно, Севастополь за 64 часа.

Один этот факт говорит о том, что немцам настал капут. Теперь уже никто не сомневается в том, что немцы позорно проиграли войну. Вопрос теперь состоит в том, сколько они еще продержатся. Думаю, что при вторжении наших союзников на территорию Европы (а это произойдет, надо полагать, через три-четыре недели) Германия продержится не более трех-четырех месяцев. То есть, другими словами, я пророчествую окончание войны к годовщине Октябрьской революции.

6/VI-1944 г[ода]

Радостный день. Наконец-то наши союзники отважились вторгнуться на Европейский континент и таким образом открыть долгожданный второй фронт на западе против Германии.

Мое предсказание в предыдущей записи оправдалось. Фронт открыт через 27 дней после моего пророчества 10.V (через три-четыре недели).

Можно предполагать, что через пару недель и наша армия заговорит. Сообщение штаба союзных войск свидетельствует о том, что десантные операции на северном побережье Франции проходят удовлетворительно, в соответствии с планом. При этом потери в людях и технике расцениваются значительно меньше планируемых.

Масштабы вторжения действительно не имели себе равных в истории войн. <...> Шутка сказать, 4 тысячи боевых кораблей и несколько тысяч вспомогательных судов при поддержке 11 тысяч самолетов первой линии. При удачном расширении предмостных укреплений и плацдармов надо предполагать, что через небольшой промежуток времени (порядка одного месяца) подобная операция, б[ыть] м[ожет], в меньших масштабах будет осуществлена в других местах Западной Европы.

Население нашей станы, разумеется, с радостью встретило это известие и искренне желает всяческих успехов англичанам и американцам.

* * *

Корабли, стоявшие на Неве: крейсера «Киров», «Горький» в середине мая, а линкор «Октябрьская революция» несколько позже покинули свои стоянки и вышли, видимо, на простор морской для боевых операций в Финском заливе против немцев и финнов. Это стало возможным в результате побед на Ленинградском фронте.

10/VI-1944 г[ода]

Сегодня с раннего утра в течение нескольких часов слышна сильная артиллерийская канонада с Финского плацдарма.

Надо думать, что наши войска перешли в наступление против финнов. Ну, раз так, то в ближайшие три-четыре дня мы будем читать сводку о продвижении наших войск по всему северо-ленинградскому фронту, то есть от Сестрорецка до Петрозаводска. Желаем успеха без больших потерь, но с большими результатами.

12/VI-1944 г[ода]

Уже вчера по радио узнали радостную весть: войска Ленинградского фронта (Карельский перешеек) перешли в наступление и в результате упорных боев за два дня продвинулись вперед на 24 км и заняли город и станцию Териоки и, кроме того, около 80 др. населенных пунктов. Это, конечно же, не то наступление, о котором я говорил в записи от 6 июня.

Главный удар будет нанесен на юге. А это только вспомогательный, ставящий, по-видимому, цель вывести Финляндию из войны и освободить северную армию для других более важных фронтов.

После успехов, которых должны добиться наши войска, финны, надо думать, не преминут вновь поднять вопрос о перемирии. Но на этот раз условия будут предъявлены, конечно, более жесткие, в частности размеры контрибуции. Вопрос: сколько они продержатся. Думаю, время это исчисляется неделями.

22/VI-1944 г[ода]

Минуло три года войны против гитлеровской германии. Так немного прошло времени, а так много пережито.

Три года назад мы отступали (но не уступали), теперь мы наступаем. Наступают и наши союзники. Германия войну проиграла, теперь вопрос времени, когда Германия будет повергнута в прах. Во всяком случае 1944 г. является решающим в этой войне.

Даже Черчилль, обычно осторожный в прогнозах, выразил мнение, что, возможно, свобода придет быстрее, чем мы можем предпола-

гать, и назвал 1944 годом победы. Два дня тому назад приказ Верховного главнокомандующего тов. Сталина возвестил о занятии нашими войсками г. Выборга.

На десятый день наступления занят Выборг. Вспомним 1940 год, когда наши войска этот же путь, менее укрепленный, прошли за сто дней, и нам станет понятно, насколько мы стали сильнее, опытнее, уверенней и злее.

В результате наступления на Карельском перешейке Финляндия уже поставлена перед катастрофой, и не будет ошибкой предположение о том, что пройдет несколько недель, как Финляндия будет просить пощады или [ее] нынешние правители, предавшие свой народ и страну, разделят судьбу Муссолини, а этому последнему грозит в скором времени петля, которую ему уготовили свободолюбивые народы Европы, да и сами итальянцы.

Ленинград снова ликует. Теперь и с севера навсегда ликвидирована возможность артиллерийского обстрела города.

В связи с новыми успехами бойцов нашего фронта ленинградцы дополнительно берут на себя обязательства по досрочному выполнению производственных планов и максимального напряжения сил в деле восстановления родного города, пострадавшего от варварских обстрелов и бомбежки с воздуха.

Трудящиеся нашего завода обязались досрочно к 28 июня закончить июньскую программу, а с ней и полугодовую.

11/VIII-1944 г[ода]

Почти два месяца прошло от последней моей записи. В чем дело. Разве нечего было записывать. Напротив, за эти два месяца произошли события, которые коренным образом отразились на войне и поставили Германию на грань катастрофы. К этим событиям надо прежде всего отнести генеральное наступление Красной армии на центральных фронтах. <...>

Нашими войсками, перешедшими в наступление 23 июня, за месяц боев полностью освобождены Белоруссия и почти вся Украина, наши войска бьются на подступах к Риге, Варшаве и Кракову. <...>

Союзные войска в Нормандии <...> перешли в наступление и находятся на подступах Бреста и Сен-Назера. С захватом Нормандии и Бретани союзные войска получают большую территорию, позволяющую основным их силам перейти в генеральное наступление на Париж и далее на восток к границам Германии.

Правда, они несравненно слабее и хуже воюют, чем наши войска, но все же оказывают существенную поддержку наступлению наших войск.

Ленинград живет полнокровной жизнью. Война ушла далеко от стен Ленинграда и поэтому внешне ни в чем не проявляется. Все идет своим чередом. Театры работают, кино тоже, магазины бойко торгуют. Пущены троллейбусы, блещущие свежей краской, цвета, ласкающего глаз ленинградцев.

Заметно оживились улицы от ежедневно увеличивающегося населения. Выросло число трамваев. <...>

На площади Плеханова у Казанского собора бьют фонтаны. Стрельбы не слышно даже отдаленной. Разве только пролетает раз-другой зенитка по вражескому разведчику и прострочит автоматическая пушка, подвергнутая очередной проверке.

Будучи в командировке в Москве, я был свидетелем незабываемого зрелища 17 июля. По Москве провели около 37 тысяч пленных немцев, захваченных в июльских боях в Белоруссии.

Длинная зелено-грязная вереница, возглавляемая колонной генералов, заполнила ул. Горького и Садовое кольцо.

Грязные, оборванные, заросшие, в истлевшем исподнем белье или сюртуках, одетых на голое тело, с выпяченными голыми животами шагали эти «завоеватели» и не смели взглянуть в глаза москвичей, свещающиеся огнем жгучей ненависти, смешанной с брезгливостью.

В глазах фрицев заметно светилась нескрываемая радость по поводу того, что они уцелели. Эти глаза говорили: «Мы отвоевались». И ненавидящие взгляды женщин, высыпающих на улицы посмотреть на это стадо «чистокровных арийцев», казались им лаской в сравнении со смертью.

Труссы, трусы. Когда они в капкане и бессильны творить чудовищные злодеяния, становятся овечками. Даже тут сказалось благородство души русского человека. На всем протяжении шествия пленных не произошло ни одного эксцесса. Даже в рожу никто не плюнул.

Слышались лишь отдельные замечания или язвительные слова:

— Какие противные.

— С нашими пленными не так обращались. Смотри как деликатно ведут.

— Ишь сколько Гитлер нам их нагнал.

— Какие противные рожи. И в глаза не смотрят.

Слышится возглас из толпы: «Что, Гитлеру капут?» «Капут, капут», — радостно улыбаясь, залаял один из фрицев.

14/1-1945 г[ода]

С сентября находился в длительной командировке по заданию Ленинградского горкома ВКП(б) в Горьковской области по отгрузке картофеля и овощей Ленинграду. <...>

Завод значительно шагнул вперед как по объему производства, так и по характеру выпускаемой продукции, значительно более сложной.

Численность рабочих выросла примерно на треть и, главным образом, за счет воспитанников РУ-77.

За хорошую работу завод перманентно завоевывает четвертое место во Всесоюзном социалистическом соревновании. В частности, за декабрь месяц он это место вновь получил.

Стало значительно веселее работать, все этажи основного корпуса засияли огнями, и полнокровная производственная жизнь проникла во все его уголки.

По численному составу работающих [показатели] приближаются к довоенному уровню, а по валовому выпуску продукции уже достигли этого уровня. В связи с успехами завода и чрезвычайно важными заказами на днях завод посетил секретарь горкома ВКП(б) тов. Капустин.

12/IV-1945 г[ода]

На днях после пятилетнего перерыва происходила районная партийная конференция, подводившая итоги работы большевиков Свердловского района за годы Отечественной войны. Что и говорить, успехи грандиозные. Еще война не закончена, а между тем ряд предприятий, работавших непосредственно для фронта, уже перешли на производство продукции мирного времени. <...>

На выставке, посвященной районной партконференции, завод блеснул экспонатами своего производства. Причем так блеснул, что секретарь обкома и горкома ВКП(б) тов. Кузнецов А. А., осматривавший выставку, на ходу бросил фразу секретарю райкома Левину П. И.: «Надо отметить».

Когда высокие люди говорят «отметить», значит действительно отметят. Мы уже привыкли к авторитетности заявлений партии и правительства. Сказано — сделано. И на самом деле, через несколько дней на заводе уже составлялись списки для представления к правительственной награде. В число счастливых попал и пишущий эти строки.

Завод в целом также представлен на орден Красной Звезды. Давно бы пора. Завод и люди его давно уже заработали право на внимание правительства. Единственный завод наркомата авиационной промышленности, непрерывно работавший все время блокады Ленинграда, и единственный в Наркомате, люди которого все время войны не отмечены. А основания к тому, чтобы отметить, были весьма убедительные.

Правда, дважды составляли списки (1942–1943 годы), подписанные тов. Ждановым, но они дважды хоронились в дебрях наркомата авиационной промышленности. Для этого были высокие причины у не-

которых руководителей главка, которые играли на собственном честолюбии, сводили личные счеты через государственные дела, что и говорить — политика, достойная чиновника дореволюционной России, России худших времен. Ну и черт с ними. Правда все равно увидит свет вопреки стараниям людей, ставящих свои личные интересы выше государственных.

И вот она уже восторжествовала, хотя и с опозданием, лишившим некоторых людей дважды, трижды заслуженно украсить свою грудь орденами.

На советско-германском фронте «затишье». Но затишье злое, перед бурей. На Западном фронте немцы пачками сдаются в плен. Это новый трюк гитлеровцев и, пожалуй, последний, призванный внести разлад в союз объединенных наций.

«Мы воюем с большевиками, а не с вами (англичанами и американцами). Нам с вами делить нечего. А вот “большевистскую заразу”, грозящую цивилизации Зап. Европы, надо уничтожить объединенными усилиями». Старая погудка, мало могущая кого-нибудь обмануть. Только безмозглые немцы, дошедшие до звериной злобы и тупости, могут рассчитывать на какие-то результаты от этих стратегических манипуляций.

Все равно им скорый конец.

Напрасно некоторые борзописцы из иностранной печати пытаются обвинить Красную армию в бездействии в момент широкого наступления союзников на Западе. Красная армия не будет, конечно, ждать, когда союзники подойдут к Берлину. Видимо, не наступил еще момент для последнего и решительного удара!

Им с Запада за чернильницей трудно усмотреть за развивающимся наступлением на востоке, а тем более тогда, когда смотрят <...> холодно-подозрительными, а быть может, и враждебными глазами.

А мы нутром чувствуем, что не сегодня-завтра грянет гром. Не зря войска маршала Жукова расположились по всему восточному берегу Одера. <...>

Прыжок на Берлин вот-вот состоится. Сталин знает, когда надо подать команду. Словом, не за горами и конец. Я давно сторонником (меня часто упрекают в излишнем оптимизме, но он часто подтверждается) окончания войны до 1 мая. Ну на худой конец Берлин должны взять, черт возьми, к этому дню.

22/VI-1945 г[ода]

В этот день [четыре года назад] коварный враг — германский фашизм — подло напал на нашу Родину. Сколько воспоминаний в свя-

зи с этим воскресает в памяти. В первую очередь — речь Молотова, подавшего нашему народу трагическую весть о вероломном нападении на нашу страну. Люди, стоящие у репродукторов, не стесняясь плакали.

Это были слезы не отчаянья и паники, а обиды и грусти в [предчувствии] неизбежных страданий <...> которые им предстоит вынести.

Вместе с тем, мне кажется, никто не сомневался в том, что из тяжкого испытания они выйдут победителями. Эту уверенность в победе укрепил в них своим историческим выступлением 3 июля 1941 года тов. Сталин, определивший задачи советского народа в этой войне и средства разгрома злейшего и сильнейшего врага СССР.

Все предсказания тов. Сталина сбылись. <...> Враг повержен, и над Берлином водружено знамя победы.

Заклятый враг <...> принесший столько страданий, поставлен на колени. 8 мая Германия капитулировала и в Берлине был подписан Акт о безоговорочной капитуляции.

В День Победы 9 мая, установленный правительством, я отсутствовал в городе (нечистая сила занесла меня в лесную глушь на охоту) и поэтому лишен был возможности пережить вместе со всеми тот радостный миг, когда по радио объявили о победоносном окончании Великой Отечественной войны.

Правда, все мы были подготовлены событиями последних двух-трех месяцев к скорому концу войны в нашу пользу, что, конечно, снижало остроту [переживания] момента, но тем не менее с какой теплотой и лаской разливается по организму слово «мир». Оттремели пушки, [наступил] конец страданиям, мы пришли к тому, чему посвятили столько тяжких дней, многие из которых надо измерять годами. Внешне как будто ничего не изменилось. Жизнь идет тем же темпом, но только с другими задачами. Мы не в состоянии с близкого расстояния оценить всю суть событий, впитать в себя все значение этого грандиозного слова — мир.

Пройдут десятки лет, — и потомки наши, оглянувшись назад, бросят ретроспективный взгляд на происшедшее и только издалека сумеют охватить весь горизонт событий и дадут им полную оценку. Так посетитель музея, чтобы охватить взглядом полотно большой картины, отходит назад, т. к. вблизи он видит только ее куски. Так и мы: видим эпизоды, но не можем представить себе всю полноту происшедших событий.

Мы с удовольствием слушаем «мирные» гудки пароходов на Неве и последние слова диктора «Спокойной ночи». Эти слова мы не слышали в течение всей войны. Да и нельзя было их произносить, ибо

они звучали бы злой иронией. Какая там спокойная ночь, ежели в любую минуту она могла принести фугасную бомбу или снаряд.

* * *

Задача наших дипломатов и руководителей государства в международной жизни теперь в том, чтобы, во-первых обеспечить нашему люду длительный мир (он решается на конференции в Сан-Франциско).

И во-вторых, чтобы приобрести ряд новых советских республик, наиболее вероятные кандидаты — Польша, Болгария, Чехословакия, Югославия.

Объективные данные для этого налицо, а субъективные имеют место в тех посещениях Москвы представителями этих стран, которыми она так богата за последние месяцы.

Наши «друзья», разумеется, очень не хотят этого (особенно Англия) и поэтому всеми силами будут чинить всякого рода препятствия. Но они бессильны против неизбежного прогресса, против приговора истории.

М. М. Краков¹

«Нам придется еще немало перетерпеть»

«Организовали изготовление студня из столярного клея <...> В ремонтно-механическом цехе остались один токарь и три слесаря, остальные больны <...> С сегодняшнего дня казарменники переведены на котловое довольствие <...> Подтверждаются случаи людоедства и трупоедства <...> Завод по-прежнему в простое <...> Меня для поправки здоровья поместили в стационар <...> Явились на завод для возобновления работы 140 человек <...> Зачислен на “повышенное” питание <...> С 22 мая вновь на двухразовом “организованном” питании <...>

Начата <...> компания по подготовке к зиме <...> Завод <...> работает с августа <...> Ленинград вступил во вторую блокадную зиму бодро <...> На заводе в конце лета с большими трудностями <...> были восстановлены уборные в производственном корпусе <...> И вот свершилось. <...> Блокада прорвана! <...> Вечером в девятом часу возвращался “домой”, т. е. на завод, с концерта Я. Зака...»

В начале ноября наш завод в смысле питания был отнесен к 1-й группе, т. е. мы в столовой отдавали за мясное блюдо только 50 г мясных талонов, (то же и в октябре), крупяные и др. талоны оставались у нас, и мы могли на них прикупить дополнительно продукты в магазинах.

С 10 ноября положение изменилось: за мясное блюдо вырезалось 100 г мяса плюс 25 г крупы. Вышло в месяц 15 обедов — первое плюс мясное, 7 — первое плюс каша, 8 или 9 — только первое. Все дни оставался без ужина.

В виде привилегии директор завода и я, как главный инженер, прикреплены к закрытой столовой, где дополнительно получали 1–2 блю-

¹ М. М. Краков (род. в 1902) — главный инженер завода № 10 НКЭП, Володарский район. В 1929 году закончил в Ленинградский политехнический институт. Работал на разных должностях на заводе № 10 НКЭП. В январе 1937 года переведен на должность главного инженера завода № 13 НКС в Харькове, где оставался до декабря 1940 года. В 1941 году вернулся в Ленинград, куда был переведен по распоряжению главка на завод № 10 в качестве начальника ПТО (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 53).

да без карточек. Тогда оставалось и на ужин. С 1 декабря и это отпало. Все только по карточкам. Поддерживаю себя расходом ничтожных запасов крупы и муки.

6 декабря [1941 года]

Завод с 3 декабря стоит: нет электричества.

24 декабря [1941 года]

Заводу разрешено работать на полную мощность.

25 декабря [1941 года]

Радость у всех на лицах. Народ повеселел, поздравляют друг друга: норма выдачи хлеба увеличена. <...> Приближается прорыв блокады: сообщают об освобождении района Мги, говорят, что прорвался эшелон с хлебом. На радостях съел вперед одно мясное блюдо и 300 г дрянных конфет. Весь хлеб — за обедом.

27 декабря [1941 года]

Мга не освобождена — я ошибся. Это как раз единственное место по Северной дороге, которое нужно занять, чтобы прорвать блокаду.

28 декабря [1941 года]

Продовольственное положение отвратительное, Народ мрет массаами. <...> На улицах только и видишь: везут на саночках мертвецов. <...> Копать могилы в замерзшей земле некому. Хоронят в братских могилах <...> и просто бросают на кладбищах.

30 декабря [1941 года]

В городе в большом ходу печи-временки. Электроэнергии нет, заводы останавливаются, трамваи не ходят, что особенно тяжело, так как изголодавшийся народ ходит на работу пешком.

2 января [1942 года]

Передают слова Сталина о том, что, как только прорвут блокаду, он установит для города санаторный режим питания.

Нам, как оборонному заводу, разрешили работу на полную мощность с требуемым расходом тока. Но тока нет.

7 января [1942 года]

Завод уже двое суток работает круглосуточно. Дали ток.

10 января [1942 года]

Днем вновь встали цеха, ток отключили.

12 января [1942 года]

Тока все нет. Радио не работает. Вода подается с перерывами. Заводу дали право отпускать ежедневно 100 обедов с вырезкой только половины талонов.

15 января [1942 года]

Тока все нет. Завод стоит. Очень слабый напор воды в водопроводе. Котел парового отопления приходится из-за этого временами гасить. Как результат, в производственных зданиях температура минус пять-семь градусов. Ждем, что замерзнут водопровод и отопление, полопаются трубы — тогда скандал: будет электроэнергия, а работать не придется. Ремонтировать некому: водопроводчик болен. В ремонтно-механическом цехе остались один токарь и три слесаря, остальные больны, не ходят на работу из-за того, что живут за городом, а поезда и трамваи не ходят.

Говорят, что в Ленинграде умерло за это время 300 тысяч человек. В день умирает до 10 тысяч. У нас на заводе — 8 человек.

19 января [1942 года]

На заводе с утра снова выключен ток. Его включили накануне ночью впервые после 10 января. Отопление замерзло. Его отогревают, но не хватает рабочих. В ремонтно-механическом цехе остались один слесарь, один токарь, один кочегар, безвылазно пребывающий на заводе, и три подсобницы.

23 января [1942 года]

Организовали изготовление студня из столярного клея из расчета одна плитка на две-три тарелки. Выписали со склада 10 кг. Будем «питаться». Пробовал лепешку из гнилой картошки — плохо, но если попробовать поджарить на масле.

26 января [1942 года]

На заводе остановлено центральное отопление. В булочных не хватает хлеба из-за отсутствия воды. Ради любопытства измерил себе температуру. Оказалось 35,7. Хлеб удалось получить только к вечеру сразу на три дня 1200 г.

27 января [1942 года]

За вечер и сегодняшнее утро съел весь хлеб с холодцом из клея. Сыт. Даже не брал обеда и ужина, т. к. мало крупяных талонов и их надо сберечь на ближайшие два дня, что придется обходиться без хлеба. Будет тяжело.

Был на рынке, купил за 10 рублей 1 кг соли. Хотел купить табак, но его меняют только на хлеб.

29 января [1942 года]

Вновь побывал на рынке. Пачку горчицы поменял на плитку столярного клея. Пачку табака меняют на 300–400 г хлеба. На черном рынке 100 г хлеба стоит 40–45 рублей, пачка папирос — 15–30 рублей. Но за деньги найти трудно.

Не был в городе целый месяц, говорят, что там кошмар. Нет света, воды, парикмахерские и бани не работают, в домах холод, уборные не работают, прачечные закрыты, трамваи не ходят уже два месяца. От установленных времянок горят 4–6-этажные дома, а тушить нечем — нет воды. Всюду трупы. Поговаривают, есть случаи людоедства. Я счастлив, что живу на заводе, здесь все же лучше.

1 февраля [1942 года]. Воскресенье

С сегодняшнего дня казарменники переведены на котловое довольствие. Карточки сданы в столовую и полностью в ней отовариваются. Но объем и сытость? Голодно. Сегодня на обед — мучной суп, гуляш (четыре кусочка мяса общим весом 23 г, с картошкой 45 г). Ужин — суп рисовый, плюс гречневая каша (120 г), плюс ежедневно хлеб, 33 г сахара, сухой кофе. 10 г сливочного масла на руки плюс 17 г масла в суп на мясном отваре и в кашу (пока еще масло не давали — обещают). Голодно!

3 февраля [1942 года]

Пока режим питания тот же. И даже меню не меняется. Суп днем и вечером рисовый. Днем — гуляш с подливой и жареной картошкой (вкусно). Вечером — хорошая (стало все нравиться!) гречневая каша, довольно много! Привыкаю к этому режиму и начинаю мириться! Сегодня выдали на руки по 12 г сливочного масла. Дополнительно перед обедом и вечером после ужина съедаю тарелку студня из столярного клея плюс два раза чай с сахаром и один раз кофе. <...>

8 февраля [1942 года]

Вчера упорно говорили о прибавке хлеба. Пока нет ничего. Купил пачку табаку за 100 рублей. Рад, как ребенок! Изголодался по куреву.

Начинаю ежедневно откладывать хлеб для обмена на табак. Пачка приравнена 400–500 г хлеба. <...>

Подтверждаются случаи людоедства и трупоедства. <...> На улице у трупов вырезают мясо. Среди рабочих нашего завода вскрылись два случая. Один рабочий пытался убить жену, другой — жиличку. Оба мотивируют свои проступки нестерпимым голодом и желанием употребить плоть своих жертв в пищу.

10 февраля [1942 года]

Объявлено о повышении с завтрашнего дня норм продажи продуктов. <...> Такое увеличение не уменьшит голода и смертности, но облегчит существование людям, имеющим хотя бы какое-то дополнительное питание и сохранившимся в более или менее удовлетворительном состоянии. <...>

15 февраля [1942 года]

После более чем месячного перерыва побывал в городе. Впечатление ужасное. Город словно вымер. Исчезли характерные толчея и многолюдье. Трамваи не ходят. Только кое-где стоят засыпанные снегом небранные вагоны. Очень мало грузовых машин. Горожане передвигаются по своим делам пешком. Заметно, что они это делают с немалым трудом. Многие замечательные здания, возведенные по проектам превосходных архитекторов, разрушены или повреждены бомбами и снарядами.

21 февраля [1942 года]

Завод по-прежнему в простое. Нет электроэнергии. Вода подается нерегулярно. Восстановить отопление мы бессильны. Нет водопроводчиков и слесарей. В мастерских, где есть печное отопление, собираем батареи из сохранившихся фрагментов. Работаем, как в старину, без электричества.

23 февраля [1942 года]

Сегодня 24-я годовщина Красной армии. Все ждали к этому дню освобождения Ленинграда и дальнейшей прибавки продуктов. Не оправдалось, но все же сейчас лучше с питанием. <...>

По слухам, наши забрали Детское Село, Павловск все еще у немцев. <...>

После увеличения нормы хлеба его стоимость на рынке снизилась. <...> С табаком катастрофа! Курить нечего. Пачка табака меняется на 1–1,2 кг хлеба и дороже! Пачка папирос «Звездочка» — 350–400 г; «Беломорканал» — 700.

1 марта [1942 года]

В феврале населению полностью выдали крупу и мясо. Сахар и масло — только часть. Прикупаю по случаю себе дуранду, из которой в смеси с кашей делаю лепешки. Чувствую себя чуть лучше, но по-прежнему испытываю слабость и пухнут ноги. <...>

23 марта [1942 года]

Меня для поправки здоровья поместили в стационар. Это вроде дома отдыха: немного лучше питание, дают витамины и полный отдых на 10 дней. Вино ежедневно.

Врачи обнаружили у меня цингу. На животе, бедрах и голених выступили синяки. <...>

Записываю для истории дневной рацион стационара:

Итак, хлеба на день 500 г; сахара — 80 г плюс по 20 г в порцию каши; 45 г сливочного масла плюс по 10 г в кашу.

На завтрак: каша (такая же, как в столовой); через день омлет. Два стакана кофе. Обед: суп, второе блюдо — мясное (100 г сырого мяса) плюс третье — кисель или жидкое. Ужин: каша плюс кисель и два стакана кофе. Между едой: 50 г вина, три раза витаминный напиток из хвои. Все полагающееся по rationу выдают не каждый день — не хватает продуктов. <...>

1 апреля [1942 года]

Сегодня закончилось мое пребывание в стационаре. Немного отдохнул, даже поправился, но самочувствие неважное, и цинга не уменьшилась. Ни разу не давали овощей, четыре дня не было витаминов, два дня не наливали вина, хотя в общем питание удовлетворительное. <...>

Группу работников завода, в которую вхожу я, перевели с «котлового довольствия» на «организованное питание». Это дает: на завтрак полпорции каши плюс кофе; в обед — суп, половинку второго (маленький кусочек мяса без гарнира); ужин три четверти каши. Таким образом, в месяц нам должны продать до 4 кг крупы, в марте было 2. <...>

Сегодня празднуем двадцатипятилетие работы на заводе Владимира Гавриловича И. Пир вовсю: водка (спирт), пиво, котлеты, блинчики, ватрушки, чай.

5 апреля [1942 года]. Воскресенье

Днем тает, солнышко, ночью подмораживает.

Вчера была два жестоких налета немецкой авиации, с 7 часов 30 минут утра до 8 часов 30 минут вечера. Волнами прошли не менее полсотни самолетов. Бомбили здорово. Ночью на сегодня (около двух

часов) налет повторился, но не так «объемисто». По слухам, во время вечернего налета на город шли сотни самолетов, но они были рассеяны нашими батареями, так что то, что было у нас, — «мелочь».

По сведениям из доклада в райкоме, мы накануне больших событий. В мае и июне должна решиться судьба войны, которая должна быть закончена в 1942 году. Гитлер готовит «весенне-летнее» наступление, которое создаст сильный нажим на Ленинградском фронте. <...> Нам придется еще немало перетерпеть. Очень многое зависит от того, начнет ли Англия активные действия через Норвегию и Швецию на Финляндию, чтобы вывести ее из войны и отказаться от помощи немцам в их операциях против Ленинграда. <...>

Союзники Англия и САСШ¹ интенсивно вооружаются. В САСШ уже колоссальное перепроизводство автомобилей и всю промышленность переключили на производство танков и самолетов. По нашим сведениям, немцы несут огромные потери. <...>

13 апреля [1942 года]

Объявлено о выпуске займа на 1942 год. Уже сегодня на заводе реализовано облигаций на 100% месячного фонда заработной платы. Размещение займа продолжается.

15 апреля [1942 года]

Сегодня пошли трамваи на пяти маршрутах: № 3, 7, 9, 10 и 12. Это добавило сил населению, которое отвыкло от такой «роскоши». Поехал на трамвае в центр. <...> Сохранил на память проездной билет. Город сегодня выглядел много веселее. Зашел в «Пассаж» — магазины закрыты, работали только ларьки. Видел сгоревший Гостиный двор. Город заметно очистили. Мобилизация населения на уборку продлена до 15 апреля.

17 апреля [1942 года]. Пятница

Сегодня днем заводу дали ток. <...>

23 апреля.

Списочный состав — 230 человек (до войны 470). Явились на завод для возобновления работы 140 человек, в том числе 35 находятся на трудовой повинности. Не явились 95 человек больных или находящихся в отпусках по уходу за больными близкими.

В производственном корпусе понемногу возобновляют работу цеха.

¹ Северо-Американские Соединенные Штаты.

На Неве тронулся лед. Опять теплые два дня. Ветер — южный. Снег почти сошел. <...>

Мое состояние неожиданно хорошее. Только сильно пухнут и слабы ноги. Цинга не проходит. Последние три-четыре дня идет сильный обстрел города из дальнобойных орудий. Наши батареи отвечают здорово. <...>

Продолжает стоять исключительно теплая погода. Снег весь сошел. Нева отчистилась от льда.

Новость: с 1 мая отменяется «организованное» питание, вводится «усиленное» по назначению врачебной комиссии, стационары закрываются. <...>

5 мая [1942 года]

Зачислен на «повышенное» питание.

Обнародовано меню «повышенного» питания.

Завтрак. На выбор: каша или оладьи с маслом или подливой. Хлеб 150 г плюс сливочное масло 10 г на бутерброд и 20 г в кашу плюс один стакан кофе с 20–30 г сахара. Иногда вместо масла дают сыр.

Обед. Первое: щи очень вкусные или суп с сушеными помидорами. Второе: котлета, бифштекс, колбаса, рыба, бефстроганов. Третье: компот из сухофруктов или напиток из сиропа, хлеб 200 г.

Ужин. Оладьи из соевого шрота, манки с подливой или сахаром, или каша гречневая, манная, пшенная и т. п., иногда дают компот. Кроме этого — хлеб 150 г, масло 10–15 г, кофе и стакан соевого молока. Все учтено и подсчитано. Без излишеств и разносолов, но сытно, питательно и даже вкусно. Состояние моего здоровья заметно улучшилось. <...> Однако норма выдачи продуктов полностью никогда не соблюдалась. Что-то действительно вовремя не подвезли, но по моим наблюдениям крадут — 15–20%. <...>

Никогда не задумывался раньше, насколько наша жизнь зависит от множества таких «мелочей», как тарелка супа, плошка с кашей, стакан чая с ложкой сахарного песка.

19 мая [1942 года]

В городе чудный жаркий день, а в четыре часа разразилась сильная гроза с ливнем. Второй день по Неве вновь идет ладожский лед.

У Октябрьского вокзала снаряд попал в вагон трамвая седьмого маршрута. На мостовой остались лужи крови. Вагон вдребезги разбит, оборваны провода.

24 мая [1942 года]

С 22 мая вновь на двухразовом «организованном» питании. Лучше, чем было в апреле. На завтрак полная порция каши; обед: хороший суп, мясное второе с обильным гарниром и помидорной подливой, третье — сироп с кипятком. Почти так же, как на лечебном, только без ужина. Пока все отлично.

Очень плохо с куревом. Табак очень трудно достать. Теперь еще запретили на рынках торговлю и обмен продуктами. Даже не знаю, где взять.

29 мая [1942 года]

Сегодня первый по-настоящему летний день. Открыл окно. Вышел на улицу без пальто.

В июне норма продажи мяса увеличивается на 300 г. В месяц это составит один килограмм восемьсот грамм. С 1 июня перехожу на новый вид «организованного» питания. Им намереваются охватить большой круг населения работающих и иждивенцев. Кормят три раза в день.

8 июня [1942 года]

Со снабжением опять перебои.

В первый день на «рациональном» не дали хлеб, сахар, сливочное масло и сухой чай для заварки, отсутствие каши компенсируют шротом.

С 6 июня меня вновь направили на три недели на лечебное питание. Меню такое же, как в первый раз. Изредка утром на завтрак дают немножко икры или селедочку с постным маслом и омлет и в качестве напитка стакан какао.

На «лечебном питании» срезали нормы сахара, жира и крупы. Все увлекаются огородничеством и поиском и сбором дикорастущих трав. В ход идет все: крапива, лебеда, одуванчики, щавель, пр. «Ленинградская правда» напечатала рекомендации специалистов, какие растения можно употреблять в пищу, а какие не следует. Я купил на 50 рублей 7–8 кг лебеды с крапивой и засолил и теперь готовлю себе замечательные щи и даже салат с уксусом. Сегодня снял с огорода первые четыре редиски.

14 июня [1942 года]

В последние дни на «лечебном питании» очень голодные ужины. Всего 90–115 г каши и 10–15 г масла.

25 июня [1942 года]

Три недели лечебного питания миновали, вернулся на «рациональное» в столовой № 19. Питание более или менее наладилось. Регулярно кормят мясом, рыбой, иногда вместо них предлагают кетовую икру. Сытно, вкусно, иногда разнообразно. <...>

Ночью дежурил на огороде. Пересадил свеклу, которая на торфе почти не растет (пришлось подсыпать грунт получше). Лук весь погиб. <...>

Погода последние дни прохладная. Часто идут дожди. Зато огород буйно разросся и поливать не надо. <...>

4 июля [1942 года]

Совинформбюро оповестило о падении Севастополя. У многих ленинградцев эта новость вызвала уныние. На улицах Ленинграда в окнах и дверях первых этажей строятся огневые точки. Девушек 18 до 30 лет берут в армию. Идет принудительная эвакуация многодетных семей и инвалидов. <...>

18 июля [1942 года]

Сегодня купил по карточке 400 г шоколадных конфет. Осталось только шесть штук, остальные съел за полчаса. Ужасно хочется сладкого. 26 июня съел за день 150 г шоколада, 9 июля — 100 г, 15 июля — 100 г ирисок. <...>

Прошел две медкомиссии. Одна военкомовская признала годным к нестроевой службе в тылу (ранее я числился белобилетником). Вторая назначила еще две недели лечебного питания с 21 июля. <...>

Купил на рынке 300 г репы за 35 рублей. Цены на рынке: брюква, морковь — 25 рублей, красная смородина — 40 рублей, клубника — 50 рублей за 100 г. Овощей и зелени на рынке очень много. Пучок морковки или редиски — 25 рублей. В государственном ларьке: молодой турнепс вместе с ботвой — 2 рубля 80 копеек за килограмм и больше ничего нет.

24 июля [1942 года]

На «лечебном питании» пока все вкусно и сытно. <...>

У меня маленькая удача. Начал сбор редиски второго посева — громадного размера и вкусная. <...>

2 августа [1942 года]

На лечебном питании ужины — голодные. Вместо крупы дают шрот в пропорции пять к одному. <...>

5 августа [1942 года]

Проблема сытости в столовой лечебного питания разрешилась со вчерашнего дня тем, что два-три раза в день дают зеленые щи. Сытно, и крупа остается на каши утром, вечером.

9 августа [1942 года]

На лечебном питании погано. Мясо подают нерегулярно. Все невкусно. Обман и обвес. Скандалы с администрацией. Заботы о деле питания не чувствуется. <...>

17 августа [1942 года]

Две недели лечебного питания закончились. На рациональном появились тушеные овощи и картофель вместо каши. Вкусно! <...>

25 августа [1942 года]

В Ленинграде начата усиленная кампания по подготовке к зиме. Заготавливают дрова. С бригадой рабочих приступил к разборке выделенной заводу деревянной постройки. Ремонтируют водопровод. Поставлена задача обеспечить подачу воды в дома до третьего этажа. Одновременно переселяют на зиму живущих на четвертом и выше на нижние этажи. В домах с центральным отоплением устанавливают печи-временки. Продолжается эвакуация инвалидов и многодетных. <...>

15 сентября [1942 года]

Огороды обворовывают. У меня тащат морковь, сегодня срезали кочан капусты.

19 сентября [1942 года]

Питанием на рационе удовлетворен (конечно, учитывая, что ужин со своего огорода). Готовят вкусно и сытно.

24 сентября [1942 года]

Подвел предварительные итоги огородной кампании. Морковь — часть съел сам, часть украли, осталась мелочь. Брюкву оставил на грядке всего десять штук. Репа — три грядки мелкой. Турнепс. Выкопал шесть очень крупных и восемь штук поменьше. Примерно полсотни кочанов капусты оставил на грядке.

11 октября [1942 года]

Получил карточки на дополнительное питание, т. е. удвоенный паек. Это уже сытая жизнь.

19 октября [1942 года]

Закончилась огородная кампания. Снял полтора-два килограмма репы и 40–50 кочанов капусты. Остаток корнеплодов и 6–7 кочанов капусты украли. Десяток кочанов покрупнее оставил в пищу. Остальные нашинковал и заквасил. Получилось всего пять-шесть ведер серой (в нее пошли зеленые листья и все остатки — незавязавшиеся кочаны и прочее) и около 3 ведер белокочанной. На зиму хватит!

29 октября [1942 года]

Завод наш непрерывно, с момента, как дали ток, работает, с августа выполняем и перевыполняем производственную программу. Электроэнергия подается бесперебойно. Топливом на зиму как будто бы обеспечены.

Принимаем меры по подготовке к зиме. Наибольшие трудности испытываем с ремонтом центрального отопления производственного корпуса, поврежденного при замораживании прошлой зимой. Рабочих не хватает.

Погода улучшилась. Уже несколько дней прекратились дожди и даже немного потеплело.

Питание вполне удовлетворительное (с дополнительной картошкой и капустой собственной закваски). В столовой в последнее время дают тушеные овощи и блюда из овощей. В меню появляются: рулет с овощами, крупяные котлетки с овощной начинкой, красный борщ. Изредка дополнительно — стакан соевого молока или желе.

Табак вновь стал дефицитом: 100 г продают за 350 рублей. Такой цены еще не было. Сегодня съел полкило конфет из купленных 900. Не могу удержаться.

31 октября [1942 года]

Сегодня доел оставшиеся 400 г конфет, несмотря на то что намеревался сберечь их для дочери, которая уже год не видела сладкого. Преступление! Взамен купил и спрятал 300 г на 300 рублей. Собираюсь поехать навестить родных — обещали командировку. Уже больше года, как их не видел.

1 ноября [1942 года]

Моя патологическая тяга к сладкому сохраняется. За два с половиной часа съел килограмм двести граммов конфет. Это уже преступление по отношению к семье! Сволочь я! Сегодня к празднику получил: три плитки шоколада — две тут же съел и килограмм двести грамм сладкого желе — две трети съел. Заел сладкое шротовыми биточками

и кашей. Нажрался, что еле хожу, живот раздуло. Потребность в сладком совершенно пропала, чувствую себя свиньей и обжорой. Правда, надежда увидеть родных исчезла. Командировка отложена на неопределенное время, и для семьи беречь гостинцы не обязательно, но все же нельзя быть свиньей и поедать за один присест столько сладкого. Нужно взять себя в руки. Надеюсь, что увеличение пайка до 600 г сладостей в декаду поможет преодолеть эту странную привязанность.

6 ноября [1942 года]. Четверг

К празднику выдан польский батон из белой муки. По дополнительной карточке взял по 150 г сливочного масла и степного сыра. Завтракал булкой с маслом и сыром. <...> То, что ел каждый день в мирное время. <...>

7 ноября [1942 года]

Сегодня 25 лет Октябрьской революции. Вчера вечером слушали по радио выступление т. Сталина на торжественном заседании Московского совета. Верховный главнокомандующий заявил, что успехи немцев связаны с задержкой в образовании второго фронта, но он неизбежно будет открыт, т. к. нужен не только нам, но и самим союзникам. <...>

16 ноября [1942 года]

На днях вскрылась интересная «панама»: на рациональном питании полагается дополнительно к норме (800 г) 200 г жиров. А нам их ни разу не давали! Сейчас понемногу возвращают долг. По утрам на завтрак дают по 15–20 г вместо 10 г. До сих пор вернули долг только за первую декаду ноября. Завтра обещали погасить октябрьский долг в 140 г. Всего за прежние месяцы пропало 600 г. <...>

Сегодня обменял полтора килограмма хлеба на сто граммов табака. Табак остается дефицитом.

17 ноября [1942 года]

Зато масла и хлеба вдоволь. Сегодня за день съел со сливочным маслом полтора килограмма хлеба. Масла было много. Вчера купил по дополнительной карточке 200 г, а сегодня 150 г за октябрь. При общей сытости маловато хлеба и сахара.

23 ноября [1942 года]

Вчера сообщили о разгроме немцев в районе Сталинграда. <...> Здорово! <...>

В октябре и ноябре в столовых и магазинах мало мяса. Вместо него предлагают консервы, сыр, яичный порошок, селедку, рыбу (редко). <...>

2 декабря [1942 года]

Ленинград вступил во вторую блокадную зиму бодро, уверенно. <...> Налажено снабжение города и фронта всем необходимым для жизни и борьбы с врагом. Продовольственное положение удовлетворительное. Население обеспечено дровами. В большинстве домов работает водопровод. В ходу десять маршрутов трамвая. Работают бани, парикмахерские. И хотя в банях часты перебои с водой из-за нехватки топлива и в редкой парикмахерской клиенту вымоют голову, все же это большая радость.

Вновь открылись мастерские по ремонту одежды и обуви, мелкому ремонту домашней утвари. Театр Музыкальной комедии регулярно дает спектакли. В кинотеатрах зрители охотно смотрят новинки кинопроката. Город научился жить в условиях вражеской осады и не намерен сдаваться.

12 декабря [1942 года]

Сегодня особенно радостный для ленинградцев день. Ленгорисполком разрешил отпуск с 15 декабря электроэнергии в жилые дома с 19 до 24 часов. Отсутствие света с недавнего времени [является] последним и единственным недостатком в быту ленинградцев. Уходили на работу в темноте и, приходя с работы, попадали в темную квартиру. <...> Домашняя жизнь свелась к минимуму.

К празднику мы получили для рабочих завода с сегодняшнего дня дополнительно 35 порций питания. Будем выдавать им лучшим стахановцам. <...>

15 декабря [1942 года]

Напряженность усилий ленинградцев поддержать город в порядке, во всех моментах подготовки к зиме и во всей жизни и внешнем облике — ярко ощущается на каждом шагу.

Ленинградцев стало заметно меньше. Входишь в какое-нибудь учреждение, минуешь анфиладу пустых комнат и, наконец, в одной, обогреваемой печкой-временкой, находишь трех-четырёх сотрудников.

Основная масса людей за лето пришла в себя, выглядит хорошо, веселые, посещают кино, театры, трудятся. Но наряду с этим еще очень много дистрофических типов, еле передвигающихся, хныкающих, всем недовольных.

Количество маршрутов трамвая доведено до десяти. Но вагонный парк ремонтируется плохо. Отсутствуют квалифицированные рабочие. В ремонте заняты в основном молодые ребята 15–16 лет, окончившие ФЗО и ремесленные училища. Каждый день происходит масса аварий и сходов с маршрута. Движение идет с большими перебоями. На остановках приходится ждать трамвая по 30–40 минут. Диспетчерская служба работает плохо.

Дома как будто подготовлены к зиме, но дворы опять захламлены. Жильцы ничтоже сумняшеся выбрасывают все ненужное им во дворы, и этот мусор никто не вывозит.

Особенно некрасив вид окраин. На месте разобранных деревянных домов торчат печные стояки. Площадки завалены строительным мусором, заставлены брошенным домашним скарбом и т. д. Кровати, матрацы, сундуки — все, что когда-то служило своим хозяевам и имело в доме свое место, было оставлено при переезде на новую квартиру. Транспорта не хватает. Для перевозки личных вещей из приготовленных к сносу домов использовались грузовые трамваи и автотранспорт предприятий, сносивших дома.

На каждой улице в центральной части города стоят дома, пострадавшие от бомбежек и обстрелов. Сквозь пробоины в стенах видны обломки прежней жизни. Они омыты дождями, обсушены солнцем и ветрами и выглядят как старые раны на прекрасном лице города. Придет время, ленинградцы бережно восстановят все утраченное. Ну а пока кое-где на Невском разбитые фасады прикрыли щитами из фанеры, на которой масляными красками нарисованы несуществующия здания.

В банях частые перебои с водой — не хватает топлива, но все же они работают, и это счастье.

В редкой парикмахерской можно вымыть голову и освежиться, но и они работают.

Ленинградцы активно потянулись к книгам. Всякая литература идет нарасхват. Издательства стараются удовлетворить интересы публики. Выходят в виде брошюр отдельные произведения современных поэтов и прозаиков и литературной классики. В большом ходу собрания сочинений классиков. Часть выходит в красивых томиках малого размера. <...>

Очень плохо с куревом, хуже, чем было весной. За стограммовую пачку табака, продаваемого с рук, требуют триста рублей или два килограмма хлеба. Одна папироска стоит 10 рублей. Мой дневной рацион состоит:

Завтрак (в заводской столовой) — суп или щи (не всегда), порции каши (140–160 г) с маслом, 20 г сливочного масла на бутерброд, один стакан чаю, 200–250 г хлеба, иногда — соевое молоко.

Обед: на первое крупяной суп или щи. Второе блюдо отличается разнообразием и зависит от наличия продуктов. Это может быть 50–100 г мяса, или рыба, или омлет. В качестве гарнира подают кашу без масла или вареный шрот, зелень. На сладкое — компот, желе или морс. Хлеба в обед беру 150–200 г.

В обед беру дополнительно по добавочной карточке двойное мясное блюдо плюс полпорции каши на ужин или крупяные, шотовые биточки.

Ужинаю самостоятельно. Беру порцию квашеной капусты собственной заготовки. Добавляю к ней кашу, приобретенную в столовой по дополнительной карточке. Заправляю все это сливочным маслом по той же карточке, разогреваю на печке — и ужин готов. У меня еще осталось от дневной нормы пара кусочков хлеба (70–100 г). В общем, сыт.

И так теперь каждый день. Каждые десять дней получаю сверх этого 600 г конфет, сухой кофе и чай для заварки. Один раз в месяц бутылку водки — можно сохранить к празднику или обменять на что-нибудь, смотря по обстоятельствам. Так что с материальной стороны моего существования все обстоит как нельзя лучше. Да и моральной стороны на душе становится легче. Сражения на юге развиваются успешно. Все мы крепко надеемся, что скоро, очень скоро и на нашей улице будет праздник. На заводе побывал лектор, который намекнул, что под Ленинградом готовится мощное наступление. Общее мнение, что нужно ждать в скором времени активности на нашем фронте.

16 декабря [1942 года]

По разъяснениям т. Попкова, свет будет дан не во все дома, а только в те, которые можно выключить с центральной трансформаторной подстанции. Все электричество может быть подано в 2,5–3 тысячи домов. Ну и то хорошо.

22 декабря [1942 года]

Самая длинная ночь в году. Световой день продолжился всего пять с минутами часов. За окном оттепель. Не скажется ли это на снабжении города? Уверяют, что имеющихся запасов хватит до апреля. <...>

27 декабря [1942 года]

На заводе в конце лета с большими трудностями, при отсутствии рабочих-ремонтников, были восстановлены уборные в производственном корпусе. Во время остановки завода зимой 1942 года водопровод и канализация замерзли, трубы полопались и были загажены. Все это было восстановлено, очищено, трубы заменены и т. д. Уборная —

одна (вторая не была закончена, в части водопровода) — была отремонтирована своими силами.

Однако выгребные ямы не очищались с самого начала войны и быстро заполнились, уборные забились, снова загадились и перестали функционировать. Отхожого места не стало, тем, что продолжало действовать в заводууправлении, могли пользоваться не все. Пачкать стали всюду: в углах и проходах двора, в темных помещениях производственного корпуса (сушилки, души). Для откачки [выгребных] ям машину (цистерну) или передвижную бочку на конной тяге достать оказалось невозможно. Как пояснили нам в городском тресте очистки, первые оказались неработоспособны, вторые из-за отсутствия лошадей и людей. На днях удалось достать в тресте автоцистерну. Отремонтировали ее своими силами (ремонт потребовался пустяковый) и сегодня же вывезли из ям шесть цистерн. Вновь очистили помещения уборных и открыли их. Целое счастье!! Почему сам трест очистки не ремонтировал единственную на весь район цистерну?! Почему допущена такая безответственность?

С такими же трудностями на заводе отремонтировано в значительной степени и действует паровое отопление. Часть водопроводной сети.

Все силами своего ремонтного цеха (в лице его начальника и женщин-работниц с учениками) с привлечением за различные взаимные услуги рабочих рук с соседней пожарной части и воинских частей.

Сейчас отлично работает душ, оборудуем прачечную. В некоторых цехах в помощь неполноценному паровому отоплению сложили печи.

31 декабря [1942 года]

Последний день 1942 года! Завтра Новый год! С чем мы к нему приходим? Как будто хорошо, некоторым переломом в общем военном положении крупными успехами на отдельных участках и у нас, и у союзников. У меня лично настроение серенькое. Очень огорчают вести от семьи. Тяжело им там, в Чувашии!

Завод закончил 1942 год хорошо. Декабрьский план выполнен на 120%. В сумме за ноябрь и декабрь выдержан ассортимент.

8 января 1943 [года]

Появился новый продукт — солодовое молоко. Его стали часто предлагать в столовой и выдавать вместо натурального для рабочих с вредными условиями труда и продавать всем желающим. Оказалось, очень вкусно. <...>

Последние дни все упорные слухи о готовящемся наступлении на Ленинградском фронте. А сегодня пошли разговоры о боях в районе

Невской Дубровки: говорят, наши войска продвинулись на семь километров, осталось всего 4 километра до соединения с Волховским фронтом. Хорошо, если так, то очень хорошо.

17 января [1943 года]

В своем дневнике я ни разу не вспоминал свою семью и личные переживания, с ней связанные. Мои жена и дочка эвакуировались в августе 1941 года. Они оказались далеко, в глубокой провинции, в тяжелых жизненных условиях. Жена пишет: «Мы питаемся так, что здоровье расшатывается, нет ни масла, ни молока, ни мяса, ни сахара!» Сладкого они вкус забыли! Нет валенок для ребенка, они стоят там 2–3 тысячи рублей. Зарботки копеечные, и, что бы я ни послал — это мелочь. В городе нет приличной работы.

18 января [1943 года]

Как-то на днях на пленуме завкома отчиталась зав. столовой № 19, в которой мы питаемся на рационе, Софья Эммануиловна Ч. По ее сообщению, на рационе, сверх нормированных продуктов, полагается в месяц дополнительно на одного питающегося: овощей — 9 кг, соевых продуктов (шроты и молоко) — 5,4 кг, жиров — 0,2 кг, желе — 0,3 кг, сухофруктов — 0,3 кг, муки — 0,2 кг, яичного порошка — 0,3 кг плюс различные приправы, сахарин и т. д. Фактически реализуются далеко не все или не полностью. <...>

В декабре ни разу мука не реализована, овощи и соя на 60–70%. Причина, по заявлению т. Ч., — отсутствие на базе, нехватка транспорта. Фактически — безответственность! Нежелание обслуживать потребителя как полагается. Завком не вынес никакого решения. Ч. пообещала устранить недостатки в обслуживании, на которые обратили ее внимание (очереди, перерезка талонов, подача холодных блюд, отсутствие вывешенного меню, отсутствие посуды, низкая культура обслуживания). Эх ма!

20 января 1943 года

И вот свершилось. 18 января прозвучали слова, такие долгожданные, такие счастливые. Блокада прорвана! Войска Ленинградского и Волховского фронтов воссоединились, прорвав кольцо блокады. Освобождены: Шлиссельбург, Дубровка, Липка, Синявино, ст. Подгорная! Добыты трофеи. Взяты и пленные.

Новость прозвучала по радио около полуночи. У меня в кабинете собрались соседи по казарменному житью-бытью. Охватившую нас радость невозможно описать словами. Я прочел товарищам записи в дневнике в январе 1942 года. Тогда мы все были на грани смерти, мно-

гие погибли, но мы выжили и дождались нашей первой победы. Мы вспомнили мучительный голод и холод, попытки хоть как-то поддерживать угасающие силы, наши «кулинарные опыты» по приготовлению студня из столярного клея, лепешек из гнилой картошки и пр. Мы не забыли надежды и разочарования в ожидании прибавки хлеба, уныния от отсутствия новостей на Ленинградском фронте.

Всю ночь не умолкало радио. Звучат музыка и песни, выступления ленинградцев и бойцов фронта. Я лег только около четырех часов утра.

Утром до начала работы провели общезаводской митинг. Прозвучали горячие, проникновенные выступления рабочих, представителей административно-технического персонала. Ночная смена оставила записку, что рабочие жертвуют дневной заработок на постройку танковой колонны. Общезаводской митинг принял постановление об отчислении двухдневного заработка! И все это от всего сердца. Были выступления, во время которых три четверти присутствующих плакали, вспоминая потери. Сегодня мне пришлось весь день пробыть в городе. На домах красные флаги. На Выборгской стороне перебрасываются войска. Воины идут деловито и бодро. Много боевой техники и санитарных машин: бои продолжаются.

7 февраля [1943 года]

Сегодня в Ленинград прибыл первый поезд с продовольствием с Большой земли. На Финляндском вокзале состоялась торжественная встреча. <...>

В Ленинград приехала целая группа гастролеров: Яков Флиер, Владимир Яхонтов, Ирма Яунзем, Леонид Утесов с своим джазом.

Сегодня побывал на концерте Утесова. Он играл с колоссальным подъемом. Публика приветствовала его очень горячо. Приятно снова побывать в Большом зале филармонии. Во время войны я ни разу там не был. Великолепный зал с белыми колоннами хорошо сохранился.

Здесь все оставалась по-старому. Только буфет был закрыт и с люстр сняли хрустальные подвески. В зале холодно. Слушатели сидят в пальто, капельдинеров с программками нет. В зале много в военной форме.

Я очень переживал чудную музыку. В начале концерта душили слезы. Послезавтра иду на Яхонтова, 11-го на Флиера.

24 февраля [1943 года]

Сегодня вечером на заводе провели собрание, посвященное 25-й годовщине Красной армии. Докладчик среди прочего заявил: «Ленинградцы на днях почувствуют последствия прорыва блокады». На эти слова весь зал реагировал сдержанным шепотом: «Хлеба прибавят».

Ленинградцы еще голодны! Накормить их после дистрофического состояния трудно. Да и если разобраться, то не очень наешься! Я имею дополнительную карточку. Это дает мне возможность иметь удовлетворительный завтрак (как у всех), в обед съесть обед плюс ужин. На ужин получить по дополнительной карточке (каша из 80 г крупы, плюс 33 г жира, плюс 60 г мяса — с отходами 100 г). Кроме того, еще есть серая капуста! Одно время я чувствовал себя сытым, не хватало только хлеба. Утром съедал 250 г, днем — 250, ужинал без хлеба. Иногда откладывал на ужин 100 г — по 50 г за завтраком и обедом. Последние время голод ощущаю каждый день! Не имеющие дополнительной карточки голодают сильнее. Мне это тоже хорошо знакомо. Еще совсем недавно я также ее не имел. Все ждут прибавки хлеба!

Но как бы остальные продукты не урезали: ведь Ленинград получает сахар или конфеты и жиры в большем количестве, чем кто-либо.

От семьи получаю не очень веселые письма об их питании. <...> На это жаловаться не следует: уж очень напряженное время... переживает страна. <...> С табаком вроде стало полегче. Теперь на черном рынке уже не требует 800–900 г хлеба за 50 г махорки. Цена упала в восемь-девять раз. Можно обменять 700 г хлеба на 200 г табака. Правда, то, что выпускает местная табачная фабрика, назвать табаком трудно. В пачке содержится смесь из махорочного табака, высушенных и измельченных листьев дуба, клена и березы.

Только что объявили по радио об увеличении норм отпуска хлеба на 100 г, а для рабочих оборонных предприятий — на 200 г.

Введен новый трамвайный маршрут № 13. Продлен маршрут № 24. В нашем районе уже два трамвайных маршрута.

Сегодня у меня на ужин — 100 г хлеба, а в промежутке съел еще 50 г! Завтра — День Красной армии.

25 февраля [1943 года]

В годовщину Красной армии во фронтовой воинской части побывала делегация тружеников Ленинграда. В числе ее членов оказалась представительница нашего завода. Ее рассказ позволил составить некоторое представление об этой поездке. Была в части, воюющей в районе Пулкова. Пулково — наше. Детское — у немцев. Наше наступление на Павловск имело место, но после упорных боев части были вынуждены отойти на исходные позиции. Делегатка со слезами на глазах рассказала о той теплоте, с какой фронтовики относятся к ленинградцам; как они тронуты теми скромными подарками, которые им привезли. Как они серьезно были обрадованы, узнав, что ленинградцы получили увеличение хлебного пайка. Командование рассказало, что бойцы постоянно просили умень-

шить им хлебный паек для того, чтобы прибавили ленинградцам. Вообще любовь к Ленинграду и ленинградцам огромная и нежная.

Настроение в армии: бойцы рвутся в бой, жаждут разгромить «фрицев» и жалуются на командование, только сдерживающее их.

На удивление отдельных товарищей, что делегаты не смущались во время артиллерийских и пулеметных обстрелов позиций во время их там пребывания, бойцы говорили: «Да это же ленинградцы, они там у себя все время под обстрелом!»

Кормили гостей-делегатов как на убой. Делегаты были поражены благоустройством блиндажей и землянок. Землянки внутри оклеены бумагой, установлены койки, тепло и уютно.

Нашей делегатке было поручено подать сигнал ракетой. <...> Она выполнила это, полная гордости!

2 марта [1943 года]

В этом месяце прекрасно кормят на «рационе». Часто подают сыр 36 г вместо 20 г сливочного масла: оно исчезло. Последнее время — американский плавленый, вкусный, жирный, но сладкий. Много стало продуктов из сои: шротовые биточки с соевой сметаной, соевый кефир, соевое молоко. Кетовая икра, омлет из яичного порошка, консервы вместо мяса (с маслом и мясом в Ленинграде туго). Последние дни давали щи из белой капусты, а сегодня тушеные овощи — брюква, турнепс и т. п. На третье — очень часто компот из изюма.

Видимо, сейчас сильно нажали на руководство треста столовых за то, что дополнительные продукты из месяца в месяц посетителям не додаются.

14 марта [1943 года]

Вечером в девятом часу возвращался «домой», т. е. на завод, с концерта Я. Зака в филармонии. Погода прекрасная, тихо, тепло. Большую часть пути прошел пешком. Светит луна, на улице светло, отсутствие освещения не мешает. Невский уже очищен от снега. Последняя неделя была исключительно теплой и солнечной, и снежный покров значительно уменьшился. Мостовая и тротуары блистают чистотой. Проспект полон оживленной публики, впрочем, уже через полчаса жизнь начнет замирать.

Впереди от меня идут трое мужчин, доносится обрывок разговора: — Приехал Большой драматический театр, и билеты достать трудно.

— Что же удивительного, город живет культурной жизнью. Кинотеатры полны, книжные новинки распродают...

З. С. Лившиц¹

«Никто и не думает сдаваться»

«На праздник женщинам выдали по тарелке вареной картошки, котлетке, кусочку кеты, чашке кофе <...> В госпитале судили больного, растратившего на фронте продукты. Приговорен к расстрелу. <...> Рынки полны людей и барахла, своего и краденого. <...> Пройти одну трамвайную остановку — труд, требующий большого напряжения. <...> Дирижирует Элиасберг. Оркестр по-прежнему стройно, слаженно и величественно звучит. <...> В марте 1943 в Ленинград в полном составе вернулся Большой драматический театр. <...> Почти все сотрудники оправались от потерь первой блокадной зимы. <...> А я просила: “Господи! Спаси и помилуй!” И он меня помиловал».

8 октября 1941 года

Обедал в ресторане «Москва». Грусть. Обед: первое — 42 коп., второе — 59 г макарон — 35 коп. Итого: 77 коп.

5 ноября 1941 года

Завтрак: ломоть хлеба, соль, кипяченая вода. Обед: тошнотворные щи из хряпы — зеленых листьев капусты. Брать второе — жаль мясных талонов, а от крупы: соевая — или чечевица — моментом заворот кишок. <...> Вечером тоже тарелка щей из хряпы. Спасибо М. — согрела чай.

5 марта 1942 года

В начале марта лег в госпиталь. На днях там состоялась лекция. Лектор — профессор в зимнем пальто и шапочке академика — занял удобную позу в кресле и повел беседу, которая, как он сказал, должна была отвлечь от обычных дум и дать отдохновение. Тема: «История календаря». Он говорил о лунном и солнечном календарях, о юлианском и гри-

¹ Зиновий Семенович Лившиц (1909–1965) — инженер фабрики спортивного судостроения. Фрагменты дневника воспроизводятся по автографу, хранящемуся в РДФ ГММОБЛ.

горианском, об иррациональности размерностей дней недели, о календарных реформах. Лекцию профессор заключил пожеланием скорейшего выздоровления и выражением уверенности в нашей скорой победе.

Усилена борьба с антисанитарией и безобразиями, допущенными в этой области в последние месяцы. По радио ведется усиленный набор рабочих и служащих. Введены книжечки для граждан, направляемых на трудовые работы. Оплата будет производиться по основному месту работы согласно отметкам в книжках. Теперь волынщики не получают записей, а следовательно, и зарплаты.

8 марта 1942 года

Сегодня женский праздник. Нерадостное время. Зато девушек вчера отменно покормили: выдали по тарелке вареной картошки (230–250 г, очевидно, сушеной), по котлетке, кусочку кеты и по чашке кофе. Право, роскошный ужин. И у меня огромная радость: после длительной охоты спустился вниз, застал горячую воду и соорудил себе мытье в ванне. Была настоящая горячая мокрая и стильная ванная. Я сегодня на высоте блаженства. Ведь месяцы я не испытывал ничего подобного.

10 марта 1942 года

Улучшение общего положения сказалось и на дисциплине, и порядке в госпитале: руководство стало требовательнее и жестче, что благоприятно стало отражаться на распорядке лечения, питании и общем уходе, что в итоге благоприятно стало отражаться на больных, которые стали лучше питаться, выглядеть и чувствовать себя.

Общий электросвет дается с 0 часов до 6 часов утра. Появился местный электросвет на времянках. Этот свет дан на лестницы, кухни, места общего пользования и др. Но коптилки <...> прочно держатся в отделениях.

16 марта [1942 года]

В госпиталь ночью попало два снаряда — один в прачечную, второй — у приемного покоя. Могло быть хуже. Несмотря на обстрел, в ординаторской заседала выездная коллегия военного трибунала. Судили больного, растратившего на фронте продукты. Приговорен к расстрелу.

20 марта 1942 года

Сегодня первый сейдер (торжественный обрядовый вечерний ужин) еврейской пасхи. Невольно вспоминается момент отливания вина из рюмок, сопровождаемый упоминанием невзгод в Древнем Египте.

21 марта 1942 года

Несколько раз ходил на квартиру к брату на Садовой. Квартира вскрыта соседями и буквально разграблена. Замок с печатью сорваны, все вещи украдены, а легкая мебель: ширма, сундук, ящики от письменного стола, шкаф — разрублена на дрова.

Кое-что нашел у соседей и водворил на место. Наглые и беззащитные воришки. Подал заявление в уголовный розыск. Но им не до этого. От хождения туда совсем устал.

У меня на Скороходова дела не веселей. Старушка-соседка и ее крестница умерли. Соседи переругались из-за дележки вещей.

22 марта 1942 года

На улицах толпы работающих людей. С крыш течет талая вода, на улицах и во дворах лужи. Где-то насвистывает синичка. Оживились воробьи. Лица людей освободились от шарфов и платков. День стал длиннее — люди меньше сидят при горящих коптилках, и лица менее черны и закопчены. Среди них можно встретить красненькие щечки, накрашенные губки. Люди извлекли приличную верхнюю одежду, от которой глаз давно отвык.

Огромная спекуляция дровами. Вязанка стоит 60–70 рублей. Мешок дров — 100 рублей. Последнее время милиция ведет борьбу, попросту отбирая дрова.

В городе расклеена масса объявлений. Люди меняют вещи на продукты и за бесценок распродают свое имущество. Свообразные универмаги образовались последнее время возле булочных. Сюда приходят люди со своим скарбом, чтобы обменять его на хлеб. Тут можно встретить галоши и боты, чулки, крупу, масло, олифу, посуду, верхнюю одежду и пр. Сделка происходит тут же на пороге булочной: сговорились — вещь отдается новому владельцу, хлеб тут же съедается.

22 марта 1942 года

Чудовищные размеры приняла воровство и мародерство некоторых элементов, пользующихся неразберихой и занятостью карательных органов. Свои или чужие соседи взламывают сараи, крадут дрова, взламывают двери квартир, нагло грабят все ценное, присваивают себе и попросту продают и спекулируют. Редкая квартира уцелела от этой участи. Все это проходимцы на глазах у управдомов, у которых рыльце солидно в пушку. За это многих посадили, а некоторых пустили «налево», и поделом. Рынки полны людей и барахла, своего и чужого, ворованного. Эвакуируемые распродают за продукты, за бесценок ценные вещи. Достаточно сказать, что хороший концертный рояль или пианино

можно купить за 1000–1500 рублей (то есть 3–4,5 кг хлеба). Идет колоссальная переоценка ценностей.

4 апреля 1942 года

Все нечистоты и мусор свозятся на притрамвайные улицы, от туда весь этот груз свозится на набережные и сбрасывается в воду. Вдоль рек и каналов выросли огромные насыпи из мусора. <...>

Сегодня у нас очередная радость: объявлена выдача селедки. У дверей кооператива стоит заскорузлый дядька и жадно уплетает только что полученную сельдь. Притом без хлеба. Сельдь воистину отменная, жир капает с нее и размазывается по черным, как головешки, рукам. Уловив мой взгляд, он делится со мной восторгом: «Такой селедки уже лет сто не едал! Ну обрадовали Советы». «А ты бы для Советов постригся и руки помыл», — говорю я ему. «Ужо, — отвечает, — ради селедки помыть придется».

Устал от ходьбы. Нас таких много: бюллетень лежит в кармане, а мы топаем из одного конца города в другой, чтобы сделать что-либо полезное для дела, для фронта. Попал под артобстрел. Но все обошлось благополучно. Многие усвоили себе весьма примитивное утешение: мимо нас — и слава богу.

На верфь пришел еле живой. Ноги не стоят. К тому разболелся живот. Не помогли никакие грелки. Думал, что окочурюсь, до того меня скрючило. Сказалась дневная голодовка вчерашнего дня и относительно плотная еда вчера вечером и сегодня утром. <...> Теперь мне понятны рассказы о гибели эвакуируемых. Получив в эвакуопункте неплохой обед и более килограмма хлеба на дорогу, они съедали его сразу и тут же погибали.

За последнее время на верфи еще кое-кто богу душу отдал.

Умер хороший корабельный специалист П-в, электросварщик М-в, кладовщик Г-в, работница П-ва (накануне потеряла карточки), охранник Никитин, инженер Киселев, рабочий Богомоллов. Последний пришел на работу за карточками, купил хлеба и тут же съел, заночевал на верфи. Утром его нашли мертвым. <...>

Многих ленинградцев мучает цинга. Болят руки и в особенности ноги. Кровоточат десны, шатаются и выпадают зубы. Ноги покрываются черными точками, переходящими в язвы. Появляется отечность с багрово-синим оттенком. Больные еле передвигаются. Радио и печать усиленно рекомендуют пить настой из хвойных и есть пророщенный горох и сырое мясо. Но главное лекарство — аскорбиновую кислоту — найти трудно. Прежняя стоимость 1 г 13 руб., а теперь я сам платил 350 руб. Многие обладатели аскорбиновой кислоты нажили немало де-

нег. Витамин вырабатывается на некоторых полузаводских установках. Но его мало. Одним лекарством не спасешься. Необходимо питание. К тому же возня с хвоей весьма канительная: ее надо мыть, стричь, настаивать, процеживать. И все же многие одобрительно отзываются про это горькое питье. <...>

По делам отправился на верфь. Солнце уже успело кое-что [рас]-топить. Большие поля асфальта на центральных улицах очистились от льда и подсохли. Приходит конец санкам, которыми так широко пользовались ленинградцы в эту зиму. Но тележек еще мало, и санки еще в ходу.

Вот дворник везет по Невскому два трупа. Они навалены друг на дружку и перевязаны веревками. Внизу труп женщины. Ее волосы растрепаны и волочатся по мокрому асфальту. Дворник устал. Он останавливается, достает кисет с табаком, садится на трупы и не торопясь, скручивает себе самокрутку. Не спеша докурив, дворник встает и продолжает свой путь к месту сбора трупов. Эта жанровая сценка вряд ли привлекает внимание прохожих. Горожане, к несчастью, на них слабо реагируют — привыкли.

9 апреля 1942 года

Был в поликлинике. Народу — тьма. Очередь грандиозная. У входа давка, крики и ругань. Некоторые больные голосят в полный голос. Врачи почти не выслушивают больных и сами изнервничались и издергались, и не мешало бы их самих подлечить. Посетителей много, получив продовольственные карточки, многие вновь садятся на больничный, а в конце месяца вновь выходят на работу, получают карточки и опять бюллетенят. Значительная часть не симулирует, так как нет сил не только работать, но и просто передвигаться. Я сужу по себе: пройти одну трамвайную остановку, подняться на второй или третий этаж — труд, требующий большого напряжения.

12 апреля 1942 года

Солнечно. Погода возбуждает весеннее настроение. Народ потянулся к солнцу, сидит на завалинках и греется. Малыши возятся с сухим песочком, ребята гоняются на самокатах, значит, силенки еще есть. На Невском народу жиденько. В такие дни, бывало, яблоку было негде упасть, широкие панели оказывались узки. Население заметно поредело.

Решил сегодня пригласить М. на второй филармонический концерт. Он давался составом филармонии в Пушкинском театре. В обычные дни там с четырех часов дает спектакли театр Музкомедии.

Люстры из зала убраны, горела одна всамделишная электролампа. Это для нас редкое зрелище. В зале пахло дымом и слегка слези-

лись глаза. Публика сидела в пальто и в головных уборах в продолжение всего концерта. В центре зала стояли ящик с песком, бочка с водой, ломы, лопаты и колпаки для тушения зажигалок. Это были хорошо знакомые предметы.

Дирижировал К. И. Элиасберг, по-прежнему франтоватый, во фраке, хотя в зале и на сцене было довольно холодно. На сцене знакомые музыканты с исхудавшими и усталыми лицами, передвигающиеся с помощью палочек. Но оркестр по-прежнему стройно, слаженно и величественно звучит. Старые опытные музыканты не делают скидки на обстоятельства. В концерте приняли участие народная артистка С. П. Преображенская и заслуженный артист, лирический тенор В. Нечаев, тепло встреченные публикой.

Среди публики много военных. Гражданские имеют нормальный вид, некоторые с претензией на привлекательный. Опухших и дистрофиков, конечно, там не найти, им не до жиру. Нет сомнения, что среди слушателей есть и такие «любители музыки», которые умудрились устроить себе хорошую жизнь на общих трудностях. В большинстве это торговый, кооперативный и булочный народ, которые на усушке-утруске, обвесе, а порой и просто воровстве нажили себе капиталы и стали людьми с большим достатком.

18 июня 1942 года

Бывают дни, когда на время забываешь о войне. Такое состояние было у меня сегодня утром. Ярко светило солнце, обстрела не было уже пару дней. По радио транслировали великолепную чарующую музыку, отчего настроение еще больше улучшалось. С этим я шел на службу. Но резкий свисток милиционера и уличные крики вернули меня к действительности. Присмотревшись, я увидел: некая гражданка смертным боем била какого-то пацана. Из сбивчивых выкриков можно было догадаться, что мальчик в булочной вырвал у нее хлеб. Избитого и окровавленного подростка собравшиеся прохожие сдали вовремя подоспевшему постовому милиционеру.

Что же милиция может с ним сделать? Ровным счетом ничего. Таких сажать — места не хватит, а кормить нечем. Отведут за угол и отпустят.

В столовой другая сценка: женщина выхватила хлеб у перепуганного ребенка и, отвернувшись, быстро запихала его себе в рот.

18 июня 1942 года

Днем прилетели первые снаряды. Они ложились близко. Здание верфи сотрясало от разрывов. Я распорядился перевести сослу-

живцев в общежития. Через 7–8 минут обстрел нашего района прекратился.

Позднее я увидел последствия сегодняшнего артналета. Пара снарядов разорвалась на Невском у «Пельменной». Осколки пробили витрину у кинотеатра «Титан». Несколько снарядов попали в Фонтанку. Один снаряд взорвался у Куйбышевского райкома партии. Кругом битые стекла, изъязвленные осколками здания, черные дыры оконных проемов. Проходя в конце дня мимо Дворца пионеров, я услышал ритмичные звуки матросского танца: дети, участники танцевального кружка продолжали прерванное занятие.

23 июня 1942 года

Накануне достал 150 штук капустной рассады. Повез их в Озерки. Вскопал две большие грядки. Рассада оказалось плохой, и колхозное начальство не советовало мне ее сажать. Пришлось с сожалением согласиться.

Сегодня достал свежую качественную рассаду и привез ее в Озерки. Тут случился конфуз: грядки, которые я вскопал, оказались чужие. Пришли две бабы, и началась отборная матерная ругань. Бабы настолько разошлись, что я испугался, не дойдет ли до греха — убьют или покалечат. Пока я копал, эти старые стервы молчали, но, как только я приехал с рассадой, тут же явились на готовое. Мне было обидно до слез, столько угробил сил и трудов. Хотелось растоптать рассаду, плюнуть на все это, уехать в город и больше не возвращаться. С немалым трудом взял себя в руки и по договоренности с другими огородниками принялся сажать свежую рассаду на чужие грядки в порядке уплотнения. Кропотливо и усердно я пристраивал свою рассаду на уже засеянные грядки.

Посадку и поливку личного огорода закончил только в половине двенадцатого. Вот где пригодились наши ленинградские белые ночи. Утром снова полил «свои» грядки и, удовлетворенный, отправился в город.

27 июня 1942 года

Сегодня у меня большой рабочий день. Дел очень много. Распорядок заранее спланирован. Сперва на 12-м номере трамвая еду на Петроградскую сторону за штампами. Туда же за мной должна прибыть к двенадцати часам машина для поездки за сварочным агрегатом.

Еду в трамвае. Остановка у Главного штаба. В это время начинается обстрел. Часть пассажиров выбежала из вагона и поспешила в укрытие. Вагоновожатая с согласия оставшихся решила продолжить поездку. Вот мы уже на Васильевском острове. Обстрел продолжается. На Первой

линии снаряд угодил в стену дома всего в 200–300 метрах от вагона. Дальше ехать рискованно. Иду пешком. Пыль от разрыва еще не осела. Всюду битые кирпичи и обломки штукатурки. Раненые бойцы из госпиталя напротив сметают с подоконников осколки битого стекла. Дружинницы с носилками спешат на помощь раненым. Мальчишки собирают здоровенные, еще не остывшие осколки. Прохожие оглядываются на привычную картину, продолжают свой путь. Группа курильщиков собралась вокруг изобретательного коллеги, сумевшего поджечь самокрутку с помощью линзы своих роговых очков. Все прикурили и разошлись (со спичками — скандал).

Мимо меня медленно проехала грузовая машина — полуторка. Шофер-военный подвезти отказался. Через пару секунд привычным рывком забираюсь в кузов. Так, без разрешения водителя, проехал два с половиной километра и сэкономил время и силы.

Руководителя нужного мне учреждения на месте не оказалось. Его ранило на улице, и он угодил в госпиталь. Быстро договорился обо всем с его заместителем и, дождавшись машины, отправился за сварочным агрегатом. Остаток рабочего дня прошел без приключений. Весь перечень дел, намеченных на день, удалось выполнить.

Когда спустя три часа я проезжал на трамвае по Первой линии, ничто не напоминало о дневном происшествии. Улицы были прибранные, трамваи шли исправно, пострадавшие от фашистского снаряда здания ничем не отличались от многих других изуродованных мест.

14 июля 1942 года

Сегодня с утра облачно. Сквозь просветы проглядывает солнце. Неожиданно — пальба из зениток: очевидно, где-то поблизости путается в облаках гитлеровский молодчик. Слышен гул его моторов. Когда все стихает — на землю, кувыркаясь, падает рой листовок. На земле начинается погоня за ними. Люди подбирают, бегло читают и тут же рвут их.

Подбираю несколько листовок. Содержание текста хорошо знакомо. Все те же лицемерные призывы: «Довольно крови», «Сдавайтесь», «Уговаривайте своих мужей и братьев переходить на нашу сторону» и т. д.

Кто же залил Европу и нашу Родину реками крови? Кто почти ежедневно обстреливает наш город, его жилые дома, улицы и площади? Нет, немцы! Никто и не думает сдаваться. Нет у вас здесь сторонников и не будет. Все вас ненавидят и глубоко презирают. Как жестока и сурова будет расплата. Внуки ваши будут помнить и испытают на себе все то огромное и непоправимое зло, которое вы причинили людям. Я глубоко верю в эту грядущую справедливость истории.

22 июля 1942 года

Год и месяц кровавой бойне, и до конца еще далеко. На юге у Воронежа и на Дону идут жестокие сражения. Немцы рвутся к Ростову, Кубани и Сталинграду и в конечном счете — к нефтяному Баку.

Где же второй фронт? Правда, играть в него нельзя: поражение второго фронта означало бы катастрофу. Но наше положение настоятельно требует скорейшего открытия второго фронта.

1 марта 1943 года

В Ленинград в полном составе вернулся Большой драматический театр. Работают многие театры, ансамбли и клубы. На спектакли попасть нелегко — много желающих. В город с концертами приезжают многие видные московские артисты и музыканты.

В воздухе вновь повеяло весной. Солнце пригревает, по улицам побежали ручейки. Синички запели свои веселые песенки. На улицах и площадях идет дружная работа по сколке льда. В прошлом году для этого пришлось выводить на работу заводы и учреждения. Ныне за невыполнение работ по очистке милиция штрафует, и знать ничего не хотят. Мой директор и дворник уже оштрафованы на 300 рублей. Скалывать лед ломиком — это не то же самое, что гонять чай на службе, и работа идет медленно. <...> Весна уже на пороге, и ленинградцы приветствуют ее ранний приход. Дед Мороз был милостив к нам этой зимой, и мы не имеем к нему никаких претензий. Мы расстаемся друзьями. До новой встречи, дедушка.

20 марта 1943 года

Побывал в филармонии на концерте пианиста Я. Зака и скрипача Д. Ойстраха. Белый колонный зал по-прежнему строен и красив. На балконе ни души, партер заполнен на три четверти. Холодно. Публика сидит в верхней одежде. Много военных. Моряки щеголяют осанкой и золотом погон, с любопытством осматривают друг друга. Зак играл превосходно.

Во втором отделении выступил Ойстрах. Зал устроил ему бурную овацию по случаю присуждения Сталинской премии. Два раза музыкант сыграл на бис. Во время исполнения третьей пьесы послышалась нарастающая пальба. Грохот нарастал, и в зале возникло минутное замешательство. Публика стала отвлекаться, но музыкант как ни в чем не бывало продолжал играть. И только чуть улыбаясь следил за публикой. Стрельба шла вовсю. Стекла окон дрожали. Ойстрах, видя, [что] слушатели не покидают своих мест, продолжал исполнение. Лицо музыканта вновь приняло сосредоточенное выражение. Не обращая внимания на обстрел, скрипач закончил свое выступление.

Публика горячо приветствовала мужественного скрипача. Только когда смолкли аплодисменты, ведущий концерта смог уведомить собравшихся о том, что в городе объявлена воздушная тревога, и предложил отправиться в бомбоубежище. Но никто туда не пошел, а под сильным обстрелом все разбрелись по домам. Трамваи остановились, пришлось добираться до дома пешком. По дороге часто прятался в подворотни — кругом сыпались осколки. Небо было испещрено лучами прожекторов. Все грохотало и рвалось. Так закончился мой культпоход в филармонию.

22 марта 1943 года

Днем во время тревоги по телефону сделали запрос, что горит. Но у меня все шло спокойно. Не успел повесить трубку, как явилась пожарная команда. Оказалось, стекло пожарного извещателя разбито, и от нас был послан вызов. Но кто это сделал? Тут же опросил всех сотрудников. Никто не признается. Следовательно, имеется злой умысел, диверсия, ложный вызов. По отбытию пожарной команды провожу экстренное расследование. Оказалось, дворничиха сбивала лед и отколовшийся кусок попал в стекло сигнального устройства и учинил самопроизвольный вызов.

Вечером вновь тревога и невероятная пальба. Осколки, падая вниз, жужжат, точно шмели. Долго длится дождь осколков, долго прожектора ощупывают небо. Ночью тревога повторяется. В нашем районе обошлось без потерь, в центре города есть поражения.

24 марта 1943 года

Уже который день не прекращаются налеты. Всю ночь шла стрельба. Около 6 часов утра мой дом стал содрогаться от разрывов. С шипением несутся к земле бомбы. Их свист отчетливо слышен. Считаю разрывы: первый — мимо, второй — мимо, третий — мимо, четвертый — мимо. Мимо того дома, где я нахожусь на пятом этаже, которому в случае прямого попадания спасения нет. <...>

Одна бомба упала на мостовую на Невском и не разорвалась. Наутро воронка огорожена забором с предостерегающими надписями: «Тихий ход! Опасно! Неразорвавшаяся бомба». У ограждения дежурит постовой милиционер, жители соседнего дома эвакуированы, трамвайная остановка у улицы Марата временно перенесена.

Днем завязалась артиллерийская дуэль. Немцы стреляют — наши отвечают. Снаряды в обе стороны летят через территорию нашей фабрики. Немцы вели прицельный огонь по н-скому объекту, корректируемый, вероятно, каким-то лазутчиком. Стрельба велась весь день. Возник крупный пожар. Черный густой дым заволок горизонт.

2 апреля 1943 года

План марта выполнен на 107%, план I кв. — на 100,3%. Буду добиваться и впредь безусловного выполнения программы.

Почти все сотрудники оправились от потерь первой блокадной зимы, но многие еще чувствуют слабость и стремятся работать вполсилы.

Часть рабочих болеют, это в основном старухи, работающие на подсобных работах, которые вынуждены работать в силу ограничения выдачи по иждивенческим карточкам. Из мужчин — рабочих у меня трое. Слесарь — инвалид с цинготными ногами, рабочий — старик, который из 2,5 месяцев два лежит обычно в больнице. Третий, которому едва исполнилось тринадцать лет, — озорной и хулиганистый парнишка с детскими капризами и морем слез по поводу и без повода.

Вновь набранные работницы из домохозяек туго воспринимают строгую производственную дисциплину. Многим объясняли, разъясняли, но увещевания и предупреждения не действовали. Пришлось некоторых передать в суд. Там разбирались недолго — через несколько минут приговор был готов: назначены вычеты из заработка в 20–25% в продолжение 2–6 месяцев. Хлебная норма у осужденных снижалась на 100 г. Такое воздействие и рублем, и пайками многих кое-чему научило.

В прошедшие месяцы, а в особенности в марте, было уделено много внимания чистоте улиц, дворов и населения. Хотя вполне общедоступно функционируют бани, прачечные, водопровод, в квартиры дан электрический ток, но многие опустили и не следят за личной гигиеной.

На предприятия двинулась армия медработников для обследования рабочих на педикулез (по-русски говоря, на вшивость). Вшивые принудительно направлялись на санитарную обработку, после чего проводилась дезинфекция принадлежностей. Морочи было немало: вызовы в администрацию, предупреждения, штрафы.

18 апреля 1943 года

Стрельба началась около 12 часов. Снаряды ложились близко, то дальше, то ближе, несколько снарядов упало рядом на Лиговке. Ясно, наш квадрат находится в зоне обстрела. Немедленно все рабочие и служащие были эвакуированы в бомбоубежище, вырытое во дворе. Снаряд влетел в окно, ударил под фундамент фрезерного станка, расположенного у капитальной стены конторы. Станок изломан и похоронен под обломками. Фундамент разрушен. Мотор сорван с фундамента и перевернут. Капитальная стена разворочена, перекрытия цеха обрушены, готовая продукция переломана. Выведены из строя помещения бухгалтерии и кассы, и моя комната. Последнюю не узнать. Обе рамы выбиты и ле-

жат на моем столе. Стенка разрушена, ее кирпичи валяются на койке, столе. <...> Этот восьмидюймовый «гостинец» натворил много дел. Потребуется много трудов и времени, чтобы восстановить произведенные разрушения.

29 апреля 1943 года

Целый день шла перестрелка, к концу дня это была сплошная канонада. Наши стреляли из всех орудий, немцы отвечали. Снаряды рвались в центре города, в районе Невского.

1-2 мая 1943 года

Вот и 1 Мая. Эти радостные даты празднуются сейчас скромно, без блистательных демонстраций, без банкетов и балов. В эти дни ждешь очередных неприятностей от немцев. Все меры предосторожности были приняты. Никто из казарменников не раздевался. Ночь была ветреная, выпал небольшой мокрый снег. Периодически проверял посты.

День 1 Мая был хмурым и холодным. Воздушных тревог не было. Фашисты решили отыгаться артиллерийским обстрелом. Вместо радостных песен и веселых маршей центр города оглашается звуками разрывающихся снарядов. Эти снаряды летели через нашу голову и рвались в районе Гостиного двора, у аптеки и «Пассажа». Разбитые вагоны трамвая, трупы убитых ленинградцев, стоны раненых — вот что в этот день видел Невский проспект.

3 мая 1943 года

После обеда снова жуткий обстрел. Снаряды рвутся рядом. Эвакуировал рабочих в бомбоубежище. «Бабка Матреша», наша работница, строптивая старуха, заупрямилась и осталась в цехе.

Стоял невероятный грохот от разрывов снарядов и ответных залпов нашей артиллерии. Один снаряд попал к нам на территорию. Столб земли поднялся к небу, стоял густой дым. Побежал к очагу поражения, смотрю, оттуда уже возвращается «бабка Матреша». Оказывается, она туда побежала тушить, полагая, что это загорелась постройка. Вот это да! Настоящая ленинградская «бабка». В цехе, где она сидела, все стекла были выбиты. «Как же ты не побоялась остаться?» — спросил я ее. «А я просила: “Господи! Спаси и помилуй!” И он меня помиловал», — сказала «бабка», осенив себя крестным знамением. Ну и ну!

Е. И. Миронова¹

Годы тяжелых испытаний

«Я мечтала о “хлебной работе” <...> Работа в совхозе была непосильна <...> Нам вручили повестки в военкомат <...> Я — солдат <...> Встает перед глазами страшная зима 1941–1942 года <...> Перевели работать кладовщицей <...> Положительно я не умею считать <...> Перебралась в дом начсостава <...> Наконец-то я побывала в Ленинграде <...> Встречала Новый год в необычайных и интересных условиях <...> Иногда захожу к А. С. <...> Вот уже месяц на новом месте <...> Я жила с А. С. в маленькой хорошенькой землянке <...> Весна на исходе, собачий холод <...> Случилось ужасно досадное обстоятельство <...> Несмотря на огромные потери, мы взяли Синявинские высоты <...> А. С. вернулся из отпуска <...> Поместились в землянке санкора <...> Самое интересное, что побежали немцы сами <...> Наше головокружительное движение вперед временами приостанавливалось на 2–4 дня <...> Многострадальная Псковщина, Голованово...»

Ленинград, апрель 1942 г.

Была безрадостная весна 1942 года. Унылым и мрачным выглядел голодный Ленинград. Шаткими тенями брели люди, и весна с ее светом и теплом не смягчала их суровых и страдальческих лиц. Нестерпимая голодная тоска читалась в их запавших глазах.

По-прежнему безраздельно царил голод, постоянное чувство страха от рвущихся снарядов, по человеческим пятам ходила сама смерть.

Едва на пригретой солнцем земле стала появляться первая весенняя зелень, как она почти мгновенно уничтожалась голодной человеческой толпой. На улицах, особенно в парках, кладбищах и пригоро-

¹ Евгения Ивановна Миронова. Фрагменты блокадного дневника публикуются по машинописной копии в авторской редакции 1957 года, хранящейся в Рукописно-документальном фонде (РДФ) Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.

дах бродили ищущие люди. Растительному миру грозило полное уничтожение.

Собирали траву и мы. Сначала искали съедобную, а потом взялись и за любую, ибо всякой уже не хватало на поверхности изрытой и истоптанной земли. Начали рыть корни. Тушеные корни одуванчика напоминали моему голодному желудку вареное мясо, и я с жадностью уничтожала их. Варили суп из корней и листьев подорожника, но он был грубее одуванчиков и уступал ему по вкусу.

Каждый из нас мечтал о работе, связанной со столовой, магазином, продовольствием, а люди, работающие там, казались избранниками, попасть туда не представлялось возможным.

Голодная и унылая, бродила я по городу в поисках работы, временами свет мерк в моих глазах и страшное бессилие и безразличие охватывали тело и разум.

Я мечтала о «хлебной работе». В поиски эти я втянула свою приятельницу В. Она где-то читала историю, но к весне ее преподавание кончилось, да и было, кажется, не особенно удачным. Это была ее первая после окончания университета работа, совпавшая с периодом ужасающей дистрофии, когда мысли о пище заслоняли все остальное.

Помню, как мое голодное внимание привлекло объявление, написанное большими красными буквами на куске полинялых обоев голубого цвета: оно приглашало жителей города отправиться на работу в совхоз, плата в котором была обещана натурой. Вмиг в моем мозгу возникла соблазнительная картина всевозможных овощей в виде картошки, редиса, лука, огурцов и проч. Это обещание имело чрезвычайно большую силу.

Уже ни о чем другом не способная думать, начала я соблазнять В. отправиться со мной работать в совхоз. Там будет много неистоптанной и незапачканной травы любых сортов и пород. Там будет свежий воздух, живительная и целительная близость природы, а потом — потом пойдут огурцы, картошка и проч. Этого оказалось достаточным, чтобы, недолго думая, собрать свои скудные пожитки в рюкзаки и двинуться в путь.

По дороге произошло трагическое происшествие. В. несла в своем рюкзаке бутылку с олифой, заменяющей в ту пору нам жиры. В пути пробка выпала, а бутылка, съехав на бок, оставила свое содержимое на спине владелицы в виде огромного маслянистого пятна. При обнаружении этой потери В. пришла в глубокое отчаяние и разразилась гневными упреками по моему адресу: как это я, идя сзади, вовремя не обнаружила эту катастрофу. Этот прискорбный случай вызвал одну из тех ссор, которые почти беспричинно возникали среди раздраженных голодом людей.

Мы почему-то воображали, что будем почти в одиночестве, о чем немало мечтали. К нашему немалому удивлению, к месту сбора прибыла огромная разношерстная толпа голодных жителей города. Большинство из них были худые женщины с потемневшими лицами и с массой орущих и беспокойных ребят.

Нас поместили в какой-то большой полуразрушенный дом с огромной кухней на первом этаже при входе, в которой помещалась большущая плита. Поселились мы, к несчастью, в комнатухе рядом с кухней, и отсюда пошли наши беды.

День и ночь топилась на кухне огромная плита. День и ночь шла борьба за лучшие места на плите, за дрова, за украденные травы и т. д. и т. п. Ночью, через тонкую перегородку из кухни, раздавался непрерывный разноголосый человеческий вой, который был отвратителен, жалок и совершенно непереносим.

Сварить на плите что-либо было очень трудно и почти что невозможно — люди всегда хотели есть, всегда что-то варили и всегда ссорились при этом. Сон в таких условиях был совершенно невозможен. И мы решили найти индивидуальное жилище, сколько бы оно ни стоило. Очень скоро мы покинули этот страшный дом, так похожий на дом умалишенных, помешанных на траве людей.

За полкило хлеба в месяц мы сняли маленькую уютную мансарду. Большое итальянское окно выходило в сад, в котором вместе с фруктовыми деревьями росли березы и ели. Ветки их глядели прямо к нам в окно.

Но ничего, кажется, не способно было радовать нас. Работа в совхозе была непосильна. Требовалось целыми днями, наклоняясь, сажать рассаду капусты и потом поливать ее, таская для этого большие ведра с водой из далекого грязного озера, расположенного не меньше чем за полкилометра. Не могу сказать, что работа шла быстро, но она все же продвигалась вперед.

Командовали нами местные жители — люди, мимо которых проходила ужасная голодная смерть и которые поэтому не могли понять наших нечеловеческих страданий. Между нами возник естественный антагонизм. Они с полупрезрением смотрели на наши кости, обтянутые серой кожей, и мы внушали им страх и отвращение своими все поедающими желудками. Наш потрясающий и ненасытный аппетит был им непонятен. Сытый не понимает голодного! Они ничем не могли пресечь нашу пожирательную способность.

Мы ели рассаду капусты, благо ее было очень много, ели, как зайцы, хрустя и наслаждаясь. Мы ели, вернее пожирали, сырую картошку, которая лежала обнаженная на полях при машинной посадке, не все-

гда одинаково закрытая землей, мы ели ее с землей, приставшей к ее поверхности, и трудно было представить большее наслаждение. Как хотелось унести ее с поля с собой, но это не всегда удавалось. За нами следили. Одна горожанка умудрилась положить пару картошек в свою пышную прическу, я клала несколько картошек в рукава небрежно наброшенной на плечи фуфайки и т. д.

Полуживые от усталости, возвращались мы домой, на ходу набивая мешки травой, это был главным образом клевер. Дома варили эти травы, иногда подправляя их украденной картошкой или кусочком хлеба, и падали замертво на свое ложе, на минуты испытывая ощущение утоленного заглушенного голода.

Однажды наше травоядное существование было нарушено. Около нашей прелестной дачи с мансардой воинская часть поставила дальнобойные орудия. Ранним утром оглушающий шум потрясал окрестности — наши снаряды неслись в район Петергофа, Ораниенбаума и др. С этим легко было бы смириться, достаточно было себе представить, как снаряды попадали немцам на завтрак, но беда была в том, что немцы скоро прощупали стоянку наших орудий, и тогда началась ответная стрельба. Близко от нашей дачи ложились вражеские снаряды, вот они уже в саду соседнего дома, вот они уже на улице перед нашим домом. На грани ночи и утра, когда одуряющая сила сна была так велика и упоительна, врывался безумный грохот, домик наш трясся, как в лихорадке, и стены мансарды ходили ходуном.

И так уже каждое утро. Но мы стоически терпели. Чувство страха перед рвущимися снарядами заглушалось муками вечно сосущего, режущего голода. Кажется, мы решили привыкнуть к ним, к этим снарядам, и никуда не уходить и не покидать приютившее нас жилище.

Однажды снаряд с потрясавшим грохотом разорвался уже на нашем дворе. Со звоном вылетели стекла нашего дома, и комья сырой земли шлепнулись в разбитые окна. Но, кажется, и это не испугало нас.

Это было грозное испытание судьбы, и не знаю, удалось бы нам выдержать его, если бы не случилось совершенно неожиданное нечто, что резко изменило наши судьбы: нам вручили повестки в военкомат.

26 июня 1942 г. Парголово

С утра в Парголовском военкомате. Мы растеряны и взволнованы донельзя. Что ждет нас, как это случилось, что мы попадаем в армию!

Что мы будем там делать? В наших представлениях быть в армии — это значить сидеть в сырых мокрых окопах с винтовками в руках, стрелять по врагу, есть из солдатского котелка и обязательно быть убитыми какой-нибудь случайной вражеской пулей. Ходульное и наив-

ное представление людей, не знающих сложного механизма действующей армии. Но откуда было нам, женщинам, знать все это? В моем представлении солдат — это «пушечное мясо», и смерть на войне — нечто совершенно неизбежное. Отсюда наши растерянность и страх. Начались бесконечные процедуры приема: опросы, медицинские осмотры и прочее. Мы были почти уверены, что нас забракуют, куда мы могли бы пойти — два скелета, обтянутые старой кожей, когда вокруг было так много здоровых деревенских девушек, на лицах которых даже играл румянец здоровья и свежести. Они были тоже взволнованны и шумливы.

Мы выделялись истощенностью. Жадно прислушивались к вопросам, связанным с питанием, и с удовлетворением и восторгом узнавали, что в армии кормят хорошо, что там карточек нет, что карточки никуда сдавать не нужно. Разговоры о пище прогнали наши опасения перед холодными окопами и смертью, и мы ожили. Страхи куда-то исчезли, и нами овладели лихорадочные мысли, как использовать имеющиеся у нас на руках продовольственные карточки, получить по ним за оставшиеся дни июня продукты.

Не обошлось без добрых советов: нам предложили забежать в магазин и получить по карточкам хлеб и другие продукты. С этого момента мы только об этом и думали, как выбрать момент и отлучиться. Но уйти было трудно. Нас продолжали оформлять в военкомате и только к концу дня, наконец, выстроили всех. Команду над нами принял молодой лейтенант, явно смущающийся при виде такой команды. Многих девушек провожали родные — шуму, суматохе не было конца, чем мы и воспользовались, и когда, наконец, строй двинулся, нырнули в сторону. Отстав немного, мы забежали в один магазин, потом в другой, пока, наконец, у нас в руках не очутились хлеб на несколько дней, масло, колбаса и 300 г гороха. Сначала ели все это на ходу и, наконец, засели в каком-то придорожном овраге и просидели там до тех пор, пока не уничтожили все имеющиеся у нас продукты, включая и сырой горох, и макароны. Только тогда, когда ни крошки не осталось из съестного, стали думать, как нам догнать строй. Тут мы начали упрекать друг друга в обжорстве, отсутствии всякой дисциплины и так, ругаясь и вздыхая, побрели до пункта назначения с опозданием на два часа.

В распределительном батальоне, где наша группа уже располагалась, была проведена проверка, и обнаружили двух дезертиров.

Мы изрядно струхнули, но делать было нечего, надо было идти представляться лейтенанту. При виде его разъяренного лица мы залепетали что-то о стертых ногах и пережили немало пренеприятных минут, стоя перед ним с виноватыми физиономиями, в то время как он орал на нас, называя нас дезертирами и грозя гауптвахтой и еще бог знает чем.

Накричавшись вволю, лейтенант тем не менее все свои угрозы свел к тому, что лишил нас «дневной порции табака», что просто позабыло нас, лишь бы не хлеба, т. к., очевидно, наш жалкий, истощенный и пришибленный вид внушил ему самому жалость и сострадание. Этим и кончилась наша первая солдатская провинность.

Затем нас повели ужинать, а за ужином выдали дневную порцию пищи, с которой мы незамедлительно справились с величайшим удовольствием.

Спали на голых нарах, без всяких спальных принадлежностей, положив под головы свои жалкие узелки. Прожили так несколько дней. Бесконечно составлялись всевозможные списки, проводились осмотры, бани. Кормили отлично. Мой желудок превосходно справлялся с таким неожиданным обилием пищи, а у В. — прихворнул, и вся она как-то скисла и поникла.

Наконец, нас распределили по группам и однажды жарким, знойным днем повели на очередной распредпункт. После 10–15 км марша мы оказались на опушке леса. С виду скромная зеленая чаща ничем не обнаруживала землянки с кишевшими в них людьми.

Приняли нас приветливо, сразу же заказали повару обед на прибывших. Неизгладимое впечатление оставила эта зеленая опушка, на которой добродушный и румяный повар кормил нас рассыпчатой пшенной кашей с русским маслом и с большой порцией хлеба.

Боже, какой вкусной была эта пшенная каша! Поистине она была божественна. Так в памяти у меня и осталось эта чудесная каша на опушке леса среди молодых березок и елей.

В. едва держалась на ногах, вид у нее был умирающий — страшный скелет, обтянутый кожей желтой и старческой. Трудно было даже определить, кому принадлежал этот скелет — мужчине или женщине!

Вероятно, и я выглядела не лучше. Как во сне совершилось тогда наше расставание. Нас рассортировали кого куда, исходя из наших профессий. Меня направили в полевую хлебопекарню, а ее — в полк.

«Тебе всегда везет, Женька! — сказала на прощанье В. с завистью и грустью. — Ты попадаешь в хлебное царство!»

Вид у нее был удрученный. Так и расстались мы тогда на этой памятной опушке, и пути наши разошлись по великому фронту войны.

10 августа 1942 года

Живу как во сне. Хочется проснуться и ощутить реальность существующего. Часто, просыпаясь от действительного сна, я долго не могу понять, где я, что со мной. Я как-то не могу освоить для меня необычную явь.

Я физически заново рождаюсь, я возвращаюсь к жизни после какого-то черного страшного провала.

Живу в темной мрачной комнате, она похожа на каземат, какой-то чуланчик при кладовой к огромной кухне. Кладовая полна продуктов, а поэтому в массу дыр в стенках и дном и ночью в комнатушку лезут огромные крысы. Первые ночи я не могла спать — крысы нагло бегали по кровати и по мне. Вооружилась палкой и начала неистово их гонять, гоняла несколько ночей, пока, наконец, проклятые звери не поняли, что в это мрачное обиталище вселился человек — царь природы, и угомонились.

Теперь я спокойно засыпаю. Рядом, в другой такой же маленькой комнатушке, спят две девушки-поварихи. Одна из них очень симпатичная и зовут ее Наташа. Пытаюсь завести с ней дружбу.

Вот уже полтора месяца прошло с момента моего появления в армии. Я — солдат, звучит это до сих пор совершенно необычно для меня, т. е. для моего сознания и слуха. Перед государством я в неоплатном долгу: оно поставила меня на ноги и спасло от медленной смерти. Сейчас я возвращаюсь к жизни, может быть, чтобы снова умереть, но уже более осмысленной и оправданной смертью.

Живу за городом километрах в 60–70 от Ленинграда. Спокойно и тихо. Несу обязанности санинструктора: готовлю витамин С, осматриваю девушек, работающих в хлебопекарне, за что они угощают меня хлебом, которого я до сих пор не могу еще видеть равнодушно и вид которого вызывает у меня вождделение. Но уже нет той остроты, начинаю поправляться и принимать человеческий вид.

Хожу в лес за хвоей. Мною почти никто не интересуется и не контролирует, поэтому хождения в лес за хвоей для витаминов превратились для меня в чудесные прогулки. Наслаждаюсь лесным воздухом и звуками леса. Физическая радость жизни пробуждается во мне.

Начальством моим является мед. фельдшер младший лейтенант Зоя, исполинская дева, занятая по горло своими собственными делами и не обращающая на меня никакого внимания. А я черпаю из этой непринужденной для меня обстановки свободы свое восстановление, и каждый день вливает силы в мое тело, а душа освобождается от цепких оков пережитого.

По откосам полей буйно цветут полевые ромашки. Они покрывают землю сплошным белым ковром. Ложусь в этот белый ковер, и надо мной смыкаются белые головки. Лежу и вдыхаю пряный аромат их, слушаю непрерывное стрекотание, несмолкаемое жужжание пчел и насекомых. Лежу и смотрю на спокойное голубое небо, ощущая ликующее цветение природы, такой торжественной в своем летнем наря-

де и такой безразличной и чуждой к бездонному человеческому страданию и скорби.

Мгновение — и отрываешься от чудесного видения природы и погружаешься в неотступно преследуемое прошлое: встает перед глазами страшная зима 1941–1942 годов, невыносимая стужа, сковывающая тело и разум, утомительное и страшное хождение по жутким скрюченным человеческим трупам. Трупы, везде трупы... Они за углами полупокинутых домов, на запущенных темных лестницах, они в заброшенных разбитых киосках, они в снежных сугробах и прямо на улицах, на дворах, завернутые в белые саваны, в грязные лохмотья, едва покрывающие потрясающую худобу истощенных тел.

Мучительное ощущение голода — сосущее, режущее, не покидающее, не останавливающееся, не отходящее. Безумное чувство, оно невыносимо, оно затемняет разум, оставляя жгучие, оголенные, рвущиеся к жизни инстинкты, теряешь человеческий облик, забываешь честь, долг, мужество, волю. Смерть таилась и подстерегала меня и моих близких. Неотвратно чувствовала я ее присутствие, гнала ее чудовищным напряжением воли, боролась с ней сверхчеловеческим усилием, последними отчаянными остатками своих тающих сил.

Однажды холодным январским вечером я отправилась встречать возвращающегося с работы мужа. Я старалась это делать чаще, т. к. он был последнее время очень слаб и падал на улице, с трудом поднимаясь.

День близился к концу, яркое, холодное, точно стеклянное, небо обжигало леденящим воздухом. Стояли сильные морозы. Падающего, опухшего, смертельно слабого вела я его, сама держась за стены домов. Это был его последний путь. Памятен мне этот безумно холодный вечер, этот обжигающий морозом ярко-огненный закат январского дня и наши цепляющиеся друг за друга слабые фигуры.

Потом жуткая нетопленая больница водников на В. О. Ее утопающие в промозглом сумраке палаты были преддверием в другой мир. В ней умирали все, попавшие в нее. Так и я в одно из своих посещений обнаружила уже пустую койку, на ней лежали странно и одиноко предметы, принадлежащие человеку, исчезнувшему из жизни: книги, рабочие тетради, с которыми он не расставался до самой смерти, любимые карандаши, авторучка, записная книжка, заполненная формулами, очки и, наконец, его костюм и др. вещи.

Вещи жили, вещи существовали, а человека уже не было. Трудно было поверить, что его нет, что он исчез, что его существование прекращено.

В первую минуту в моем сознании ничего не укладывалось, безумно не хотелось верить в происшедшее, хотелось чего-то подождать,

позвать его, хотелось отчаянно кричать и биться головой о стену. Но все ведь это было бессмысленно и тщетно.

Острая борьба за свою собственную жизнь, висевшую на волоске, на время заглушила горечь утраты, ибо смерть продолжала неотступно караулить меня. Временами казалось, что уже ничто не спасет меня. Жизнь была подобна агонии, силы таяли и покидали меня, и вот я — в армии.

Я попала на работу при хлебопекарне. Я попала в «хлебное царство», я видела вокруг себя хлеб, и я могла его есть, нет, разве это не походило на сон, на сказочный и волшебный сон! Я могла есть хлеб столько, сколько мне его хотелось, а больше всего на свете мне хотелось именно хлеба, хлеба. Хлеб мерещился мне во сне, хлеб чудился наяву, хлебом были пропитаны все мои мысли и желания.

Ведь совсем недавно, совсем не так давно, когда меня одолевала жгучая голодная тоска, когда терзания голода подавляли все мои силы и волю, со страстным вождедением смотрела я на окна хлебных магазинов, дикие мысли и желания бродили в голове, хотелось разгромить магазин, вырвать хлеб из слабых старческих рук, из детских, беспомощных, убить за хлеб, умереть за хлеб, совершить любое преступление. Но это были только страшные черные мысли, но они заполняли мое сознание и давили неотступно на мой помутневший разум. Какая это была мучительная зима, наполненная лютыми нечеловеческими страданиями от холода и голода, бездонными муками от страдания и смерти близких. Но вот постепенно слабеют пути воспоминаний, я прихожу в себя, вторично рождаюсь, начинается новая, другая жизнь.

3 октября [1942 года]. Оселки

Октябрь на дворе. Становится грустно с приближением зимы. Получила от В. письмо. Она в 204-м полку. Пишет, что еще не закончила своего «восстановительного» периода, что еще голодна и мучается желанием есть. После длительных обхаживаний поваров, счастливейших из смертных в глазах голодных людей, налетела на ряд сплетен со стороны коварных солдат-женщин и решила плюнуть на всех поваров и на их кашу.

Думаю, что решение это стоило ей немалых трудов и усилий, принимая во внимание исключительную дистрофию и отсутствие «счастливых обстоятельств», подобных моим. Мне очень хочется на нее посмотреть, она, наверно, уже не такая, какой была в дни нашего вступления в гармонию.

Я пишу ей, как далеко уже ушло от меня ужасное чувство голода. Все лето жила я при кухне-столовой, около огромных котлов, в которых свободно мог бы поместиться целый человек. В них почти круглые

сутки варится пицца — пицца, которая так еще недавно держала меня в своем плену. И вот теперь, когда я сыта, пицца представляется мне такой низменной, и мой ум освободился от ее всесильных чар.

Я стала способна думать уже о других вещах, мечтать об окончании войны, о жизни, которая будет после войны, о том, как сложится послевоенная обстановка.

Мечтаю страстно о втором фронте, о победе. Представляю, что первое время после окончания войны будет некоторая растерянность. И изумленные народы не поймут, с чего начать — «ложиться спать или вставать»!

15 октября [1942 года]

Жизнь идет, но события застыли в мрачной неподвижности. Кое-какие колебания, но и то в пользу немцев. Скоро наступит зима и война потеряет свою активность, война затягивается, и на душе делается тяжко и грустно.

Я мерзну в своей крысиной комнатушке. Она непригодна для зимовки. Из санинструкторов меня перевели работать кладовщицей.

В моем распоряжении много вкусных вещей: сахар, белый хлеб, масло, консервы, — но я боюсь дотронуться до них. Это принадлежит голодным людям. Все надо мною посмеиваются, начальник даже недоволен мною, они не переносят моего укоризненного взгляда, когда запускают свои руки в богатство кладовой. Но в моих глазах это ужасное кощунство, которое я не могу спокойно перенести.

Каждое утро, тщательно взвесив полагающуюся по строевой норме продукцию, бережно передаю ее в руки Наташе-поварихе. Она с усмешкой глядит на мое священнодействие. Но ни усмешки, ни намеки не действуют на меня.

Когда я делаю доклад начальству о перерасходовании в связи с приездом каких-нибудь гостей по распоряжению же его самого, он морщится, злится и очень хочет назвать меня дурой. Оказывается, за счет умения и ловкости можно и гостей угощать, и начальству угождать. Но я этим умением не отличалась, а кроме того, после перенесенного голода пицца до сих пор была в моих глазах священна.

Кончилось бы мое священнодействие с продуктами тем, что меня бы выгнали вон, но к нам присоединилась ранее ушедшая от нас авторота, которая раньше занималась этими делами, и кладовая механически перешла снова в ее ведение. Мой отчет был принят небрежно, и вряд ли кто-нибудь заглянул в него из нового начальства.

За месяц работы в кладовой у меня на многое раскрылись глаза, но многие, наверно, причислили бы меня к отряду нерасторопных.

Зато девочки из полевого хлебозавода оценили обеды и их качество в бытность мою кладовщицей. Кладовщик из автороты, старшина с жульническими замашками, мало интересовался строевой запиской. Вместо 1720 банок с консервами, полагающимися по строевой норме, Наташа получала 1215 банок.

1 ноября [1942 года]

Перевели работать писарем в дивизионный продовольственный отдел. Очутилась в махровом бюрократическом цветнике из начальства. Посадили вести книгу по форме № 57 — учет продовольствия и фуража в частях. Книга заполнена массой цифр, от которых я теряюсь и у меня рябит в глазах. Вздумали сделать из меня счетного работника. Кому пришла в голову такая шальная мысль! Как я ни стараюсь подсчитывать итоги, у меня все время получаются разные цифры. Боюсь об этом сказать кому-нибудь, и от страха меня даже в пот бросает. Все время разные суммы. Положительно, я не умею считать. Я даже испытываю страх перед счетами. Эта деревянная рама с костяшками внушает мне страх, который я не в силах побороть. Боязливо и неуверенно щелкаю я, и не верю сама в полученные данные. Завидую тем, кто так заправски, с треском играет костяшками, и думаю с тоской, что и тут меня, наверно, скоро выгонят вон, временами прихожу в лютое отчаяние, чувствуя свою непригодность.

Я сама не верю в те сводки, которые составляю, поэтому испытываю жестокие страдания, когда меня вызывает к себе начальство с данными.

Но проходит некоторое время, и я начинаю познавать тонкости этого искусства. Сведения, которые мне представляют полки, весьма неточны, они очень примерны, поэтому и мои данные никогда не будут тоже верными, хорошо, если они будут близки к истине. И даже если я навру и добавлю вранья к полученному от полков, то тоже ничего страшного не получится, и все же я испытывала по-прежнему муки ада.

В этом бюрократическом бумажном механизме, где мелькают чины начальства, я чувствую себя маленьким и ничтожным солдатом.

3 декабря [1942 года]

Наступила зима. Холодное зимнее небо. Елочки, запорошенные снегом, снежная белизна равнин, непривычная для глаз. Вспоминаю, когда я лежала знойным июльским днем среди цветущих ромашек, размышляя обо всех наших делах, и думала о том, что война затягивается и, наверно, придет то время, когда покрытые буйно цветущими ромашка-

ми поля покроются снегом, и этот пейзаж будет преобразен. И вот это время пришло — пейзаж преобразился.

В воздухе стоит тишина. Изредка задрожит воздух, где-то очень далеко, и сразу же вспомнишь — война!

Вечерами в густых морозных сумерках лают откуда-то берущиеся псы, вечерами в предотбойные часы поют солдаты, совершая вечерние прогулки, издали голоса их звучат красиво и грустно. В наш городок прибыло много воинских частей. Появление солдат и офицеров внесло большое оживление и подняло настроение девушек полевого хлебозавода. Начались романы, и расцвела любовь.

Может быть, эти зимняя скованность и неподвижность, томящая пассивность и толкали людей на поиски развлечений, и они занялись любовью. Но была ли тут любовь? Нет, просто желание дать волю влечениям, урвать хоть что-нибудь и оправдать скверну своего существования войной. Война, мол, все спишет. Так рассуждали некоторые, ссылаясь на войну и прикрываясь ею. Вынужденное безделье, порожденное затишьем, способствовало этому, но в нем жила и томила тревога.

5 декабря [1942 года]

Сегодня из своей комнатухи, непригодной для зимнего жилья, перебралась в большой, сложенный из красного кирпича дом начсостава. Дома рядом, образуя красные линии на фоне белой массы снега и зелени елок. В них испорчен водопровод и канализация, но действует паровое отопление.

Разрешение на этот въезд последовало после того, как в первый этаж дома была переведена контора ДОПа, где мы работали. Со мной в небольшую комнату въехала еще одна ленинградка, по профессии бухгалтер. Она тоже пережила трагедию блокады, и эти переживания сблизили нас. Ее зовут Зоя. Она моего возраста.

В этом же доме живет замкомандира дивизии по тылу полковник Д., величественный старик, имеющий, кажется, героическое прошлое, а пока что попивающий водку. Он выразил желание посмотреть, какие у него соседи, и познакомился с нами. За тихое и незаметное наше пребывание у него по соседству он прозвал нас «мышами» и милостиво улыбался при встрече с нами.

Однажды он вызвал меня к себе со злополучной сводкой и заинтересовался, что я делала до войны, где жила и т. д. Узнав, что я знаю английский язык, вдруг заявил, что хочет заняться языком, и стал уговаривать меня заниматься с ним. В душе я испытала страхи за свои скромные знания языка, но, набравшись храбрости и нахальства, решила

отпроситься в город, воспользовавшись предложением взять из дома учебники. Эта была очень благовидная причина для поездки в Ленинград.

В этом же доме помещался «плановый отдел», которым заведовал некий майор С. с вкрадчивыми и льстивыми манерами. У него работала писарем рыжеволосая девушка Мира, которая, вскоре сделавшись его любовницей, совершенно перестала работать и повела себя в дальнейшем довольно нагло. Ее работу выполнял капитан Ф., энергичный человек в очках, закрывших выражение его глаз, отчего он походил на человека в маске. Он страшно возмущался поведением своей подчиненной и постепенно взвалил часть перешедшей от Мирки работы на нас.

Зато у нас и появилась пишущая машинка, на которой мы с Зоей начали охотно учиться стучать.

Нашим начальником был бывший шофер старший лейтенант Д. — сухое и придиричливое существо, он вел себя очень напыщенно и властолюбиво, в его присутствии у нас в отделе замирала жизнь и делалось тяжело дышать, разговаривать с ним было трудно и унижительно. Он всегда кричал и требовал чего-то необыкновенного. Я ненавидела этого казенного сухаря и мечтала причинить ему какую-нибудь неприятность. Ему, очевидно, доставляло удовольствие тиранить нас. К счастью, его заместитель совсем не походил на него. Живой и подвижный, старший лейтенант Е. был добр и снисходителен к нам. Он любил поболтать с нами о мирных делах и всегда шел нам во всем навстречу. В прошлом он был преподавателем из средней школы в Орле. Только благодаря его терпению я освоила трудную бухгалтерию своих сводок, и он был первым нашим учителем по освоению пишущей машинки. Учил нас также и заходящий частенько к нам ветврач С.

Он имел большой военный чин, сначала смущал, и только много времени спустя я начала убеждаться в том, что он прост и сердечен в обращении.

25 декабря [1942 года]

Наконец-то я побывала в Ленинграде. Сумрачный зимний день, сумрачный грустный город с опустевшими улицами и полупустыми домами. На улицах бредущие люди с тоской и голодным унынием на лицах. Часть этих людей не переживет зимы. Чувствуется это по смертельной безнадежности черных поникших лиц, по той обреченности, которая читается в измученных, окаймленных глубоким провалом глазах.

О, как мне все это было знакомо и понятно, и какие тяжелые мысли сразу же овладели мною! Мне было стыдно перед этими людьми за свой сытый и нормальный вид, за свой быстрый и легкий шаг, когда

я обгоняла их. Я рассматривала их и мысленно делила на смертников и на живых.

Часть людей явно приспособилась к блокадным условиям.

Но в общем город жил, копошился, шевелился. Его уже нельзя было сравнить с городом зимы 1941–1942 годов.

Я приехала в Ленинград, нагруженная продуктами, это был главным образом хлеб, остающийся у меня и у моих сослуживцев, который я собирала тщательно и бережно в течение 2 месяцев с упорством человека, пережившего голод, и сушила на батарее в своей комнате. Была там и крупа, которую в утроенном количестве выпросила я на складе, когда получала сухой паек, консервы и много еще всякой съестной всячины. Это были очень тяжелые тюки, но сознание того, что я везу их для голодных людей, поднимало во мне дух и позволяло не чувствовать эту тяжесть.

В основном везла я их для Нади В., моей школьной подруги. Последнее ее письмо призывало меня приехать и проститься с ней, она писала, что очень слаба и, наверно, не переживет блокаду.

Когда я увидела ее, меня потряс ее внешний вид, как не менее потрясли ее и мои привезенные дары. Вместо здоровой, некогда цветущей молодой женщины ко мне вышла страшная черная старуха лет 60.

Увидев ее, я заплакала, будучи не в силах сдержать своих неуместных слез. Страшна была и ее большая квартира на 6-м этаже, лишенная прежних обитателей: закоптелая, холодная, безгранично захлавленная и запущенная. В печке, сделанной на скорую руку для обогрева и несложной варки пищи (центральное отопление не действовало, водопровод не работал, канализация тоже), Надя, не имея дров, жгла книги, огромную библиотеку своего покойного дядюшки, в том числе и ценнейший многолетний труд по истории прибалтийских стран, над которым всю жизнь просидел ее покойный дядюшка — научный работник.

Книг хватило бы ей даже не на одну зиму, но не холод выжил ее из страшной квартиры, в которой она, подобно зловещему призраку, обитала в единственном числе, а огромные, обезумевшие от голода крысы, уже делавшие попытки нападения на единственную обитательницу этой страшной блокадной квартиры. Она переселилась на работу в свою сберкассу и иногда навещала свой дом.

Разговаривая со мной, она жадными глазами пожирала привезенную мною пищу и позже рассказывала мне, как вставала даже ночью и варила себе кашу, не в силах утолить неотступное чувство голода. Мои продукты отодвинули от нее приближение смерти.

На Боровой улице, где я хотела посмотреть свою комнату, свой дом, я чувствовала, какими странными глазами смотрели на меня мно-

гие ленинградцы. Моя военная одежда, мой полный рюкзак за спиной, мой легкий и бодрый шаг о многом говорили им.

На Среднем проспекте какая-то женщина вдруг остановила меня и с мольбой заглянула мне в лицо. Была она закутана в грязные платки с худым, темным и одряхлевшим от голода лицом. Она попросила у меня хлеба. С волнением и большой радостью вытащила я из рюкзака половину буханки и положила в ее протянутые руки. Лицо ее искривилось радостью, и она быстро-быстро заговорила: «Дорогая девушка, пойдите со мной, я вам отдам все, что у меня осталось, у меня есть еще зеркальный шкаф, возьмите его...» и заплакала, а я бросилась от нее как сумасшедшая с комом, который подступил к моему горлу.

Свою комнату на Боровой я нашла заваленной штукатуркой и битым стеклом, в дом попала огромная бомба, но, к счастью, она не разорвалась каким-то чудом, проломив чердак и ряд перекрытий, упала на третьем этаже, где и застряла. Напротив нашего дома рухнул большой дом, кирпичи и камни от которого заполнили всю улицу и даже наш двор.

Мне грустно было долго оставаться в своей покинутой квартире, некогда столь оживленной и наполненной жизнью, все напоминало здесь и прежнее мирное житье, и нынешнее страшное время.

Скоро ли все это будет в прошлом? Успехи последних дней на фронте гонят безнадежную блокадную тоску!

3 января 1943 года

Встречала Новый год в необычайных и интересных условиях. От городка шли в темноте около двух километров, затем свернули в сторону по еле заметной заснеженной тропе. Сбивались и проваливались в глубокий снег, промочила ноги. Наконец добрались. В глубокой просторной землянке — дивизионная ветеринарная аптека. Две большие комнаты — одна для медикаментов, другая для жилья. Пахло лекарствами.

На больших сдвинутых столах, покрытых простынями, были расставлены довольно разнообразные яства. Студень из конской головы, кислая капуста, селедка, консервы из дополнительного пайка и некое количество разведенного спирта и, наконец, просто водка. Основной народ — конские врачи.

За столом после двух-трех тостов в честь наших доблестных войск и неизменной победы русского народа стало шумно и весело.

Какой-то застенчивый человек, также из «конского состава», краснеющий, как красная девица, несмотря на свои почтенные седины, стал читать свои собственные стихи. Стихи, по-моему, были довольно слабыми, но никто, вероятно, кроме меня, не заметил их недостатков,

а сам автор был в состоянии упоения и восторга и от своих стихов, и от выпитого. Другой человек, незаметный и хмурый (тоже из «конского состава»), вдруг запел и сразу преобразился и привлек всеобщее внимание. Пел он очень хорошо и приятно. Всем этим пиром и обществом дирижировал какой-то гигант с простодушным красным лицом, огромными руками и громовым голосом. Дополнял это «конское общество» ряд наших тыловиков из планового отдела.

Героем моего вечера был пригласивший меня сюда А. С., ветврач, так часто навещающий нашу доповскую контору и справляющийся об обеспеченности конского состава продфуражом. Угощал он меня молоком, откуда-то взявшимся: очевидно, среди лошадей к ним забрела и корова.

Под действием винных паров я, кажется, впала в лирический тон и несла всякую не относящуюся к нашей обстановке ахинею. Помню, очутились мы оба в первой комнате, оба «под мухой». А. С. пытался поцеловать меня, но я ловко укрывалась за толстый, подпиравший потолок землянки столб, именуя его «мраморной колонной», и пыталась что-либо понять из его пылкой, но уже совсем бессвязной речи. Одно мне было ясно и понятно, что я нравилась ему.

Наутро очень веселая компания покидала уютную темную землянку и снова, падая в сугробы, беззаботно и весело смеялась.

Так, неожиданно и довольно приятно, встретила я Новый год, суливший нам всем неизвестные мытарства и тревожнения военных скитаний.

15 января [1943 года]

Побежал 1943 год. На фронтах успехи. Мысленно приближаешь к себе картину окончания войны. Но до этого, наверно, еще далеко.

По-прежнему мирно живем в своих Оселках, как ни в чем не бывало, не видя и не чувствуя войны, временами захлестывает нестерпимая тоска, не знаешь, куда деться и чем отогнать назойливые скверные мысли.

Иногда с Зойкой «проказничаем», от скуки, конечно. Недавно заставили повара из заградотряда пригласить нас в гости на блины. Он очень часто приходил к нам выписывать продукты, чаще, чем это нужно, по-видимому, испытывая тяготение к женскому обществу. Вот мы этим воспользовались и заставили его напечь нам блинов. Сидели у него в маленькой комнатушке при кухне, где пахло крысами и прогорклым маслом. Ели блины и хохотали до колик в животе, издеваясь над усердием обливавшегося потом от желания нам угодить повара. А поев блины, быстро смотались, дабы не налететь на какое-нибудь начальство.

Иногда захожу к А. С. В его комнате удивительная чистота и какая-то женская опрятность. Беру у него книги, недавно давала поручения в Ленинграде.

Однажды он показал мне свои фотографии. Среди них — фотография женщины с двумя небольшими мальчиками. Когда эта фотография была у меня в руках, он смущенно посмотрел на меня, но ничего не сказал. И я поняла: это его жена и дети. Иначе быть не могло. В таком возрасте, как он, люди редко не имеют семьи.

Для меня это не явилось неожиданностью, но в далеком уголке души что-то неприятно заныло.

Думаю, что он хороший муж и отец и что мне не стоит привязываться к нему. Однажды лунным морозным вечером катались с А. С. на быстроногой и резвой в крупных серых яблоках кобыле Танкетке. Было непохоже, что на свете существует война. Заставляю себя не забывать, что А. С. семейный человек, но окружающая обстановка настолько казенная и тягостная, что поневоле тянешься к чему-то человеческому, душевному. Он больше не делает попыток целовать меня, как на встрече Нового года, когда был «под мухой», и это позволяет мне надеяться на дружеские отношения между нами.

На работе тягостно и неприятно, с начальством отношения натянутые и прохладные, дни заполнены сухими цифрами и работой. День начинается с 9 ч. утра и кончается поздно вечером, не раньше 9–10 часов, а иногда позже, если начальству заблагорассудится.

23 января [1943 года]

За скучными днями, заполненными цифрами и однообразным унынием, вдруг пришло событие, потрясшее нас: разбит большой участок Ленинградской блокады. Успехи на всех фронтах! От радости я плачу, удивляя всех своими слезами. Плохо спала ночью, т. к. не могла успокоиться и преодолеть возбуждение. Если кончится война, я, наверно, умру от радости.

7 февраля [1943 года]

Немцев погнали со всех сторон, на всех фронтах оживление, только мы сидим спокойно, и нет этому конца.

Начальство пьянствует потихоньку, тиранит нас, солдат, и развратничает там, на стороне. Воображает, что мы ничего не замечаем.

Заметив внимание ко мне со стороны А. С., Д. стал больше ко мне придираться, точно ревнует, я нервничаю и делаю больше ошибок.

Зойка же невозмутимо толстеет и совершенно равнодушно взирает на его тиранию. Поэтому поневоле бежишь к А. С. сетовать на свою

судьбу с ее несправедливостями. Сознаю, что делаю это напрасно, но нет сил удержаться, хочется человеческого внимания и тепла.

Мы все еще мирно живем и занимаемся мирными делами: переехали в большой каменный соседний дом, также наполовину изуродованный. Теперь все отделы и все живущие в одном помещении (и начальство, и подчиненные) почти на одной лестнице. Никуда не уйдешь, никак не пройдешь, будучи незамеченной начальством или прочими досужими соседями-военнослужащими. А. С. тоже живет в этом доме, через площадку. И если я к нему зайду, увидят многие. И так уже идут всякие разговоры и сплетни. И этим занимаются не только женщины, но и мужчины. Например, наше второе начальство тоже любит посудачить обо всех делах, черпая в этом развлечение. Меня все это немного забавляет и напомнило почему-то роман Золя «Торговый дом Муре и Ко» или что-то в этом духе.

Там был живописно описан огромный парижский дом с его шикарной лестницей, по которой жили развратные и жадные до чужих тайн парижане, следящие друг за другом и чинящие разврат и ищущие развлечения и удовольствия в раскрытии интриг своих близких и сами плетущие их.

И вот наша лестница тоже таит в себе ночные перебежки некоторых военных, стремящихся попасть ночью из одной квартиры в другую. И таких немало. Другие с жадностью следят за происходящим и обсуждают свои наблюдения потом целыми днями.

Мы погружаемся в стоячее болото, впадаем в обывательщину, и ничего нет у нас героического и настоящего, воинственного и действенного.

Зойка сошлась с А. Он уже открыто приходит к нам в нашу женскую комнату, и мы даже маскируем их и покровительственно относимся к их любви. Это толковый красивый хохол, еще очень молодой, почти мальчишка, моложе меня и Зойки, с глазами — двумя спелыми вишнями под дугообразными черными как смоль бровями. Он очень красив. Работает великолепно и, по существу, ведет всю сложнейшую работу по продовольственному отчету. Начальство его чрезвычайно ценит.

Однажды в отсутствие начальников мы подняли ужасную возню: кидались бумажками, спускали за воротники всякую ерунду и перешли в рукопашную, неожиданно закончившуюся озорными поцелуями.

Однажды я заболела и лежала одна с высокой температурой. Мною никто не интересовался: начальник, спросив, почему меня нет на работе, этим ограничил свое любопытство. Но вскоре пришел А. С., принес мне лекарство и термометр, а увидев, что меня лихорадит, достал теплое шерстяное одеяло. Позже через повариху Наташу передал мне

молоко, которое она прокипятила и принесла мне. Я была очень растрогана таким вниманием, его сердечное отношение ко мне вызывало желание быть и к нему такой же внимательной. А про нас уже говорят самые несуразные вещи.

17 февраля [1943 года]

А. С. на днях вызвали в армию и сообщили о переводе его в другое место. Для меня эта новость была ошеломляюще неприятна. И вот вдруг А. С. предложил мне уехать вместе с ним. Оформление он берет на себя.

Я погрузилась в глубокое раздумье: ехать с ним — значит рано или поздно сделаться близкой ему, а этого делать не стоит никак, и потому что он имеет семью, и потому что я недостаточно чувствую к нему влечение, больше хорошего, товарищеского чувства. Но, с другой стороны, уехать отсюда — значит уйти от грубой деспотии Д-ва, от всех этих людишек, смотрящих друг на друга почти ненавидящими глазами, завидующих успехам близких, уехать из этого противного дома, где мы вместо войны и военных интересов живем сплетнями, подсиживанием друг друга, все свои интересы свели на мелкие, какие-то пошло бытовые.

Жаль только повариху Наташу, да и то она скоро уйдет в «декрет», да этого живописного уголка Оселки, где я физически возродилась к жизни и пришла в себя после опустошительной ленинградской блокады.

Разбираясь в себе самой, я вдруг почувствовала, что мне жаль расставаться с А. С., что без него я буду чувствовать себя одинокой и беспомощной. И, пожалуй, должна сознаться, у меня появилось очень большое желание выбраться из этой тягостной и бытательской обстановки, которое, возможно, и легкомысленно толкнуло меня решить вопрос в пользу выезда с А. С.

Как трудно и тяжело было мне решить этот вопрос, решить, хорошо ли я делаю, плохо ли? Но решать его надо было срочно. Моих решений никто не мог ждать. И вот я решилась.

Очень ранняя весна. Слепительно желтое солнце, бьется муха об оконное стекло, обстановка новая, незнакомая. Лежу в чужой комнате, на чужой кровати, стараюсь вспомнить, как я сюда попала и заглянуть в небольшое окно деревенской избы.

Новое место, низкие болотистые равнины, низкорослые сосенки и березки, тоскливо и грустно. Болею уже несколько дней. Заболела в дороге ангиной с очень высокой температурой и плохо, как в тумане, помню, как меня вез А. С. По дороге меня сильно трясло, и меня накрывали овчинными тулупами какие-то военные.

Сегодня мне лучше, я стараюсь осознать свое перемещение, успокоить себя и заглушить тревожные и тоскливые чувства, вызванные новой обстановкой и своей болезнью.

Узнаю, что на днях часть, где мы находимся сейчас, уйдет в лес и будет жить в землянках. Я еще ничего толком не знаю, где мы находимся, но зато слышу и ощущаю где-то близко сотрясение от орудийных залпов. Мы находимся где-то близко от действующего вулкана-войны. Эта новая армия, армия в бою. И так, я получила, что хотела, — новую жизнь, новых людей. Опыт показывает, что это часто бывает на пользу!

19 апреля [1943 года]

Вот уже месяц на новом месте. Штаб 67-й, ветотдел армии. Начальник — подполковник Ш. Сухой, деловой и резкий человек. Его помощники — ряд врачей, в том числе и А. С. Большое бумажное хозяйство отдела, которым заведует старший лейтенант Фролов, энергичный молодой парень с симпатичным располагающим лицом. Я отдана в его распоряжение.

С нами работает еще одна любопытная фигура — женщина-машинистка, не очень молодая особа в гражданской одежде, которая вызывает у меня уже привычное чувство удивления. Она неважно печатает на машинке, но очень, видно, старается, ужасно боится начальника, выстрелов и, кажется, всего на свете.

В большой штабной землянке работаем мы трое с утра до ночи. Первое время я страшно стесняюсь их и, очевидно, своим присутствием стесняю и их. Но понемногу стеснение рассасывается и окончательно исчезает, когда однажды Викторина (так звали машинистку) рассказала нам один анекдот, очень, правда, глупый, но и смешной. Слушая его, я вдруг неожиданно даже для себя так бурно захохотала, что, очевидно, этим самым окончательно рассеяла остатки нашего стеснения друг перед другом, и с этих пор у нас воцарилась непринужденная и милая атмосфера, мы смеялись сколько хотели. Викторина очень любила смеяться и нас заражала своим смехом и шутками, несмотря на подчас напряженную и обильную работу.

Вскоре в проход нашей штабной землянки стала проникать вешняя вода. Мы сделали мостки по темному проходу-туннелю и опасались проникновения воды и дальше. Когда к нам приходили незнакомые люди, не знающие наших помостов в темном проходе, их крики о помощи и шлепки в воду в темноте искренне забавляли нас. Однажды, получив недельный паек сахара и неся его через «злополучные» проходы в воде, Викторина уронила кулек в воду и разразилась горькими причитаниями по этому поводу, но мы довольно безжалостно смеялись над

нею и устроили по этому поводу целое веселье. Викторина долго варила свой злополучный сахар для дезинфекции, как она говорила, но в конце концов обменяла его на табак Фролова, испытывая больше потребность в курении, чем в сладости.

С раннего утра шла в штабе напряженная работа: размножались приказы и директивы штаба фронта, писались новые распоряжения и приказы, составлялась армейская сводка, по телефону, телеграфу принимались сведения из частей, с утра до поздней ночи стучала пишущая машинка, и жизнь кипела и неслась в бурном потоке. Я копошилась в этом огромном бумажном море входящих и исходящих и, кажется, была способна утонуть в нем. По нескольку раз в день бегала из штабной землянки в землянку начальника по талому весеннему снегу. Лес стоял тяжелый и тихий, наполненный весенней влагой, землянки незаметно терялись в нем.

Я жила с А. С. в маленькой хорошенькой землянке. Она была светла и уютна. В ней было замечательно приятно по вечерам, когда в печурке бойко трещал огонек и по жилью распространялось чудесное тепло. Жаль только, мало приходилось бывать в ней.

В нашей землянке мы, как два медведя в берлоге, провели свой медовый месяц.

Была эта землянка в пробуждающемся от зимнего сна лесу роскошнее любого дворца, с белоствольными березками у самого окошечка, с пенем птиц по утрам, журчаньем весеннего ручья, бегущего мимо нас в недалекую лощинку.

Весна, тяжеловесная, полноводная, влажная, шумела своей вешней водой. Пришла и к нам в нашу землянку эта вешняя вода. Затопила пол, собираясь подняться выше. Пришлось и нам делать помосты, вычерпывать воду старым дырявым ведром, найденным около землянки, и беспокоиться за вещи. Можно было прийти вечером «домой» и найти этот «дом» затопленным.

Месяц прошел, как сон. После напряженного дня поздно вечером попадаю я в свою «берлогу» в объятия своего «медведя». Я уже люблю его. Так всегда бывает. Сначала женщина только думает, что любит, а настоящая любовь приходит позже, когда женщина начинает принадлежать мужчине.

И вот я счастлива в этом убогом жилье-землянке, счастлива каким-то искусственным счастьем, похожим на неясный и призрачный мираж, ускользающий и колеблющийся. Он может так же неожиданно исчезнуть, как и появился.

Среди океана страданий и крови, слез и разрушения мне стыдно этого моего счастья, такого контрастного в суровые дни.

Я чувствую его непрочность и его непостоянство и хочу скорее напиться сладкой влаги из этого хрупкого сосуда, который так случайно и так неожиданно судьба поставила передо мной. Что впереди — разве можно угадать?!

Настороженно ощущаю всю призрачность настоящего, боюсь будущего и стараюсь не думать о нем. Возможно, война унесет кого-нибудь из нас или, дожив до мирных дней, мы порвем наш теперешний союз и сбежим по своим притягивающим нас местам. А. С. потянется к своей семье, к своим двум мальчикам, с которыми неизменно пребывает их мать. Разве может быть иначе! А я устремлюсь в Ленинград, ко всему тому, что мне еще оставит судьба.

Однажды еще в Оселках перед нашим отъездом в 67-ю армию А. С. показал мне письмо, написанное им жене. В нем он писал, что встретил женщину, которую очень полюбил, и поэтому не может к ней вернуться. Письмо было уже положено в надписанный конверт с маркой. Показывая его, он, очевидно, хотел дать мне понять о честности своих намерений в отношении меня. Я прочла его, и мне стало так страшно разрушать чью-то жизнь, нарушать счастливое ожидание далекой и незнакомой мне женщины, и я запретила посылать письмо. Имело ли теперь смысл портить кому-либо настроение, планировать чью-либо жизнь, когда она сейчас не принадлежала нам. Будущее само подскажет, что надо делать и как надо будет поступить.

А пока все пусть останется по-прежнему. Нам пока хорошо и так. Какое счастье в тяжелые минуты ощущать возле себя друга, что можно сказать пару слов, когда тоска одолевает сознание. А тоске этой и не видно конца, она идет оттого, что не видно конца проклятой войне, что голод и разруха идут по пятам за нами, и страданию человеческому нет предела.

21 мая [1943 года]

Переехали на новое место. Весна на исходе, собачий холод — цветет черемуха. Это Колтуши. Недалеко прекрасный парк. Обнаружили в нем с Викториной массу еще нераспустившихся ландышей. Собираемся прийти за ними, если доживем до того времени, когда они начнут распускаться.

Как-то ходили с А. С. в оперативный отдел, где было первомайское собрание, после чего показали фильм «Ленинград в борьбе». Передо мной воскресли заснеженные улицы Ленинграда, появились жалкие обитатели его, закутанные в платки и всевозможные тряпки, невозможно было определить пол бредущих фигур с черными, невымытыми лицами. Замелькали трупы, которые тащили еле живые люди — кто на сан-

ках, кто просто волоком. Страшно выглядели заброшенные, поломанные трамваи, оставленные прямо на улице, и на меня от всего увиденного повеяло таким ужасом, что я разревелась и впала буквально в истерику. Обеспокоенный А. С. вытащил меня, не ожидая окончания сеанса, и с трудом успокоил.

Работы в отделе стало больше, идет подготовка к боевым выступлениям. Переселились в какую-то небольшую деревеньку недалеко от Колтушей с интересным названием Токкари. Жители ее давно сметены войной, а в ней хозяйничают ленинградские женщины, организовав подсобное хозяйство.

Все это какие-то грязные, некрасивые женщины, старые не годами, а пережитым, одеты они пестро и неряшливо, как попало и в чем попало. Труд их тяжел и непривычен, хотя и благодарен. К нам они относятся враждебно, они видят, что мы сыты и не бьем непосредственно врага.

Я очень устаю от работы, с утра до поздней ночи просиживая над бумагами, которые создают невоюющие умы. Это наполовину бюрократические измышления, отягощающие нашу военную жизнь, делающие ее неповоротливой и громоздкой. Очень бы мне хотелось сократить всю эту бумажную войну, но я такой маленький человечек.

Я уже заметила: отсутствие военных действий порождает это бумажное цветение. От всего этого напряжения мы иногда отдыхаем, когда начальник уезжает куда-нибудь. К сожалению, это бывает очень редко. Но тогда мы точно с цепи срываемся, несмотря на пол и возраст. Фролов поливает Викторину водой, а вода здесь очень далеко, и за ней тяжело ходить, но в азарте об этом забывается. Однажды, когда вся вода была вылита, он не пренебрег и помойным тазом, в котором плавали окурки и всякий мусор. Уж очень она его чем-то допекла. Когда кончилась вода, пошла в ход крапива. Я подмочила ему папиросы и спрятала спички. Словом, каждый изобретал другому какую-нибудь неприятность и неожиданность ради смеха и шуток, за которой следовала месть.

Во всей этой возне принимал участие и старик-связной, старый Яковлевич, добродушный с хитрыми глазками белоруса на длинных, как на ходулях, ногах. Он всегда успевает предупредить нас о приезде начальника, помочь ликвидировать следы нашей возни и баловства.

Иногда вырвешь кусочек времени и убежишь на высокий откос, усеянный полевыми цветами. Чудесные, милые цветы, они цветут и ничего не знают. Иногда среди них находим поспевающую землянику, и тогда осознаешь, что лето давно наступило и жизнь бежит и бежит.

Вот пошел третий год войны, долго ли она еще будет продолжаться, о ней невозможно забыть даже среди цветов и тишины.

Случилось ужасно досадное обстоятельство: увольняли вольнонаемных и уволили Викторину. К тому же на нее не дали допуска к секретной работе. Я страшно расстроена, лишаясь близости с этой необыкновенно милой и совершенно безвредной женщиной, несмотря на «прошлые грехи», к которым относили ее родство с министерской семьей. Добросовестная труженица, немного бестолковая и не очень ловкая, но всегда старающаяся, она была очень беспомощна в жизни и никому не могла принести вреда. Мне было очень жаль ее. Я лишалась хорошего товарища и в работе, и в веселье, которое очень поддерживало нас и являлось необходимым отдыхом. С ее уходом я осталась одна в мужском обществе и чувствовала себя одинокой.

Вскоре откомандировали и Фролова. Вся работа свалилась на меня. Было мне очень трудно, хотя работу я уже знала хорошо. Наблюдала за своим начальником и с тоской обнаруживаю в нем много неприятных черт: сух, деспотичен, беспокоен, властолюбив. В красивых томных еврейских глазах — бесконечная усталость и вечная раздражительность. Работоспособность бешеная, работает много и никому не дает покоя. К женщинам проявляет презрительное равнодушие, не уверена, достаточно ли искреннее. С постоянной бережливостью перевозит с собой фотографию своей жены и дочери и всегда на новом месте ставит их перед собой на рабочем столе. На фотографии красивая женщина-еврейка, типичная еврейская красавица, дочь похожа на мать.

Вероятно, постоянное лицезрение жены, в которую он до сих пор влюблен, помогает ему хранить ей верность и быть равнодушным к другим женщинам. Это похвально.

20 июля [1943 года]

Только что переехали в район Шлиссельбурга. Поместились в огромной школе, еще недостроенной и не бывшей в употреблении. Наш отдел осел во втором этаже, окнами на Ладогу. И вот начал извергаться безумный вулкан, доселе мною так близко невиданный.

Волнением, страхом и радостью отзывался этот невыносимый адский грохот артиллерийской подготовки в моей душе. Случилось это на заре немеркнувшей ночи на 22 июня. Трепетал воздух, содрогалось небо и дрожала земля. Умопомрачительный шум разрывал ушные перепонки и не позволял думать ни о чем другом. Происходило это совсем рядом с нашей стоянкой, и я с тревожным чувством следила за движением нескончаемого потока санитарных машин, которые, суетясь, кишили у входа в госпиталь, скрытый в небольшом леску. Все отделы и все люди в штабе были охвачены лихорадочным напряжением ожидания. Никто толком не мог работать.

Загруженная работой после ухода Фролова и Викторины, я тем не менее должна была как-то справляться, иначе бы меня заваливало бумагами выше головы. Старалась в своем бумажном хозяйстве усмотреть пользу. Мне всегда казалось, что все эти бумажные дела подчас препятствуют делу войны, а не помогают ему. Теперь, наконец, я видела близко военные действия и понимала, что наш относительный покой пришел к концу.

К исходу дня к нам полетели уже немецкие снаряды. Опять началось для меня знакомое испытание судьбы. Вскоре снаряды уже осыпали наш район расположения, и особенно доставалось большому хорошо видимому зданию школы, где разместился штаб. Снаряды рвались рядом, осколки сыпались в окна, и каждая минута жизни могла оказаться последней.

В моменты интенсивного обстрела все куда-то исчезали, у всех находились какие-нибудь дела, в том числе и сам начальник, только мне нельзя было покидать помещение и оставлять секретные документы.

С непритворным ужасом, трепеща от страха, я высиживала на месте, не прекращая работы в единственном числе, хотя сидение в таком пекле просто становилось невыносимым. В окна, буквально как дождь, летели осколки.

Я смирилась и покорилась своей доле. Вчера написала «завещание», т. е. посмертное послание своим родным с указанием адресов, по которым были разбросаны мои чемоданы в Ленинграде. Это послание отдала А. С., полагая, что если я буду убита, то, может быть, останется в живых он.

Особых успехов у наших нет, да и вообще есть ли они хоть какие-нибудь. Ужасные Синявинские высоты до сих пор недоступны!

Погибают в зыбких болотах русские люди, трупами заполняются бездонные трясины, а немцы преспокойно занимают выгодные высоты и истребляют наших солдат. Об этом мучительно думать.

Вот уже месяц прошел с момента наступления, стих бушующий шквал интенсивных боев и постепенно пришло некоторое затишье. Никто не говорит о том, как и чем кончилось наше наступление на Синявино, но уклончивое молчание само по себе говорило об отсутствии успехов. Уже пахнет осенью, август на исходе.

14 сентября [1943 года]

Все же, несмотря на огромные потери, мы взяли Синявинские высоты. Переехали в спокойную небольшую деревеньку, подальше от беспокойных мест. Все затихло, и мы отползли для залечивания ран.

Стоит изумительная осень, похожая на лето. Дворы домишек нашей деревеньки, заброшенные жителями, заросли бурьяном, крапи-

вой и репейником. Где-то шевелятся какие-то жалкие «гражданские люди». Деревенька носит название Шальдиха. Очевидно, собираемся здесь стоять долго, т. к. начали строительные работы и подготовку к зиме. Начали ремонтировать бани, дома, в отделе тыла армии даже кладут печи. Признаки стабилизации и затишья.

С юга и центра идут радостные вести об успехах. Как и всегда в моменты затишья, махрово расцветает бумажная деятельность штабов. Появляются всякие календарные планы и сроки, появляется распорядок дня и т. д. Все это не радует меня, скорее наводит уныние. Появились разговоры об отпусках офицерского состава.

20 октября [1943 года]

Застой нашего пребывания в Шальдихе вызвал у меня мрачные мысли и настроения. Механически работая с бумагами, я полностью отдаюсь своим мыслям о моей связи с А. С., о возможности его поездки в отпуск к семье, о своей бездушности и т. д. Я чувствую, что и он страдает, запутавшись в сетях долга и любви, и что ложность нашего положения тяготит и его.

Мне кажется, что в своей любви ко мне он видит свой эгоизм, что его впервые за все время нашего совместного пребывания мучает раскаяние в совершенном. Мне передаются его мысли: любя меня, он видит другой образ, перед которым страдают его порядочность и совесть. К той женщине он испытывает жалость и свою вину, которая, тем не менее, бесконечно ему близка, как мать его детей. Он с ней связан появлением новой жизни и невидимыми кровными узами. Рождение детей связало их вольно или невольно, и эту связь не так просто расторгнуть. Она сейчас растит его детей, одна заботится о них, перед ней он в неоплатном долгу за эти заботы и труды.

Он человек, для которого семья — это вся его жизнь и будущее. И вдруг это встревожившее его увлечение, такое серьезное, в его годы поглотившее его настолько, что он готов бросить семью и уже стоит перед этим роковым шагом. И вот часть существа протестует против подобного поступка и тянет его к семье, к детям, он ужасно мучается. Писать об этом он уже не решается и уходит от него в дела, работу и в обстановку.

Когда он получает письма от своей жены, еще ничего не ведающей, его мучают снова те же острые мысли. Я знаю содержание этих писем, не читая их, я их представляю. Это бесхитростные послания, наполненные подробными хозяйственными описаниями их жизни, добывания пищи. Это покупка козы, огороды, хождение за грибами и ягодами в летнюю пору, забота о дровах на зиму, постоянная забота о подрастаю-

щих детях. Спокойное прощание и приветы, ни одного лишнего слова о тоске, вызванной долгой разлукой, без излишних нежностей и нетерпения. Она пишет письма человеку, в верности которого вполне уверена и возвращение которого не подлежит сомнению. У нее нет и тени подозрения или какого-либо беспокойства. Рисую ее образ в своем воображении, вспоминая виденную мною ее фотографию, и который так ярко раскрывается в ее письмах: грубоватое, простое лицо со спокойными чертами, не лишенное миловидности. Она, наверно, очень самостоятельна, т. к. привыкла жить одна. Сварлива и груба, когда что-либо затрагивает ее жизненные интересы или идет наперекор. Практична и умела в делах. Такой я ее представляю.

И вот я взяла ее мужа и отца детей. Какое право имела я посягнуть на целую создавшуюся ранее семью! И в душе не остается ничего, кроме сильного, страстного, нетерпеливого желания поскорее расстаться с ним. Ведь это необходимо будет сделать рано или поздно, и чем скорей, тем лучше.

7 ноября [1943 года]

Тоску нашего застоя разогнала прекрасная новость — наши взяли Киев!!! С утра была артиллерийская дуэль, очевидно, в честь праздника, но она радостно отдавалась в сердцах.

А. С. уехал в отпуск к семье. Меня эта поездка волновала и радовала. Увидев семью, он скорее поймет и решит, куда ему примкнуть — к прежнему или новому. Думаю, что его потянет к семье. Помогала собираться ему в дорогу.

Размышляя после его отъезда, пришла к мысли, что он ничего не скажет жене. Он такой мягкий и нерешительный, в душе он растеряется при виде жены и детей и побоится сказать ей правду. Он побоится ее грубой и решительной натуры, скандала и сцен, которые неминуемо последуют затем, побоится упреков, которые он заслужил, побоится брани и грязи, которая польется на его и мою голову и испортит надолго жизнь и, конечно, отпуск. Лучше избежать правды, скрыть истину. Позже, может быть, легче будет это сделать, написать потом об этом, а вообще куда спешить, еще успеется, до конца войны ведь еще далеко. Как у всех нерешительных людей, у него появится желание отложить, оттянуть развязку неприятную, а пока, пока что оставит все по-старому.

У него не хватит мужества оттолкнуть свою жену — женщину, которая ему была близка и родила ему ребят, и он явится ко мне с виноватым видом, смущенный и любящий. Но что тогда делать мне — необходимо набраться мужества и оттолкнуть его. Ведь он изменил мне с ней по чувству привычки, по желанию не обидеть ее.

В таких мучительных размышлениях прошел у меня целый месяц. Напрасно старалась я отогнать от себя скверные мысли, они, словно мухи, упрямо и назойливо лезли в голову и отравляли мне жизнь.

Должна же я понять, наконец, что семья для него ближе и дороже, чем я. Это так естественно. Но после опустошающей зимы 1941–1942 годов этот человек принес мне все: семью, тепло, любовь, поэтому мне так трудно и тяжело порвать с ним. Но хватит рыться в своих переживаниях.

Читаю отрывками «Войну и мир». Много лет тому назад, когда мне, наверное, было лет 15, читала мир, а войну пропускала. Теперь же читаю внимательно и сравниваю события прежних лет с происходящим. История поразительно повторяется.

Наблюдаю своего начальника и начинаю его тихо ненавидеть. Он явно страдает манией величия, разыгрывает из себя демократа, человека простого в обращении с людьми. Подчиненные воют от его депотизма и своеволия. Его внешнее великодушие скрывает его эгоистическую сущность, непомерное тщеславие и жестокость.

Он оценил мои деловые качества и стал ко мне внимательнее, но делает он это не из человеколюбия, а из желания поднять выше работу в своем отделе. Я переутомилась, работаю ежедневно до 11 вечера — стала терять документы и долго их ищу. Заметив это, начальник с видом величайшего снисхождения разрешил мне уходить с работы после 9 часов. Если раньше мне казалось, что он живет работой, то теперь я вижу — работа для него лишь средство отличиться. В нем велико чувство тщеславия и честолюбия, и он порядочный карьерист.

15 декабря [1943 года]

А. С. вернулся из отпуска. Я почти угадала, когда пыталась представить его встречу с женой, но не совсем. Он, конечно, не решился ни о чем рассказать жене, но встретился с ней холодно и чуждо и сохранил мне верность. Так говорил он мне. Я могла бы усомниться в правдивости его слов, и сомнения у меня были, но они вскоре рассеялись. Он дал мне прочесть пришедшее вдогонку письмо жены. Его содержание должно было обрадовать меня, но, читая его, у меня сжималось сердце от чувства вины и жалости к этой незнакомой и далекой женщине.

Письмо было полно горьких упреков в том, что он забыл и отвык от них, что он не тот, каким его ждали, что она очень страдает и никогда не простит ему той обиды, которую он нанес, чужим приехав в свою семью. Каждая строчка этого письма, каждый упрек больно кололи мое сердце и, как мне казалось, полностью относились ко мне. Как нехорошо получилось, Господи! И зачем только наши пути так скверно скрестились в эти и без того тяжкие дни войны!

Но некогда было предаваться личным переживаниям — все катастрофически быстро менялось: наша 67-я армия перестроивалась. Часть людей направили в распоряжение Ленинградского фронта. А. С. направили в только что созданный корпус. Я, начальник и кое-кто из помощников засели ликвидировать дела отдела.

Целую неделю все печи в нашем доме топились «делами», в которые было вложено так много моего труда и «творческого» усердия начальника. Старый связной Яковлевич тазами выносил золу из печек и рассеивал ее по огороду. Однажды он вышел с тазом, в котором еще тлели и догорали наши секретные бумаги, зацепился за угол крыльца и, падая, опрокинул на себя содержание таза. Горящие искры и туча пепла окутали старика, и это зрелище насмешило нас, несмотря на грустное настроение, вызванное ликвидацией нашего отдела и предстоящим расставанием.

Часть дел сдали в архив, я ощутила радость освобождения от висевших на мне секретных дел и испытывала страх перед неизвестным будущим и грусть оттого, что уничтожилось нечто целостное.

Так уходил старый, 1943 год. Где доведется мне встретить новый год и как сложится моя жизнь?

В суматохе ликвидации отдела мне было некогда подумать о своей собственной судьбе. Я механически двигалась по заранее уготованному мне пути, и это моя глубокая ошибка, о которой я впоследствии думала и сожалела не один раз. Я направлялась в корпус к А. С., о чем он заранее договорился с начальством.

Морозным зимним вечером 31 декабря я вместе со связным Петром Мельниковым выехала к месту размещения стрелкового корпуса. Ехали мы в санках с запряженной лошадкой по кличке Тихая. Это была крупная черная, хорошо сложенная и очень выносливая лошадка. Несмотря на кличку, она была нрава далеко не тихого, чем совершенно не оправдывала своего имени. Предназначалась она в личное владение корпусному ветврачу А. С. вместе с конюхом Мельниковым — добродушным и находчивым парнем.

1944 год

15 января 1944 года. 2-й поселок (близ Шлиссельбурга)

Штаб корпуса расположился в землянках среди пустынных песчаных мест. Пески, собранные ветром в дюны, кое-где растущие редко, точно обгрызенные сосенки. Унылые места. Немцы стоят близко от нас.

Поместились в землянке санкора (корпусного санитарного врача). Он где-то пропал в частях, и мы довольно нахально влезли в его жилье. Т. к. был канун Нового года, то решили наспех организовать что-то вроде встречи Нового года. Еще не зная людей, А. С. позвал буквально первых встречных, каковыми оказался начальник полевой почты и ветврач эваколазарета. Начальник полевой почты, здоровенный толстощекий дядька, оказался порядочным выпивохой. Он веселился сам по себе от выпитого и горланил песни, которые сам слушал, и шумел на всю землянку. Врач же из эваколазарета впал в плаксивый тон и жаловался А. С. на кого-то нудным голосом. И где только они доставали эту проклятую водку среди песчаных дюн?! А я, сидя среди этих незнакомых и пьяных людей, среди незнакомых мне мест, впервые почувствовала, что я сделала что-то не то, и такие тоска и одиночество охватили меня, что я тихонько и незаметно для остальных заплакала. Впервые за последние сумасшедшие дни ликвидации ветотдела 67-й армии я осмотрелась, подумала о себе и поняла никчемность своего присутствия здесь. А. С., занятый разговорами и питьем водки, показался мне таким далеким и чужим, а землянка — грязной и неудобной. Очень грустная эта была встреча Нового года.

Через некоторое время появился хозяин землянки подполковник медицинской службы Лукошенко. Высокий, худой и удивительно моложавый человек, с мягкими и даже робкими манерами. Вскоре к нему приехал сын, юноша лет 17, очень похожий на отца: когда они были вместе, их легко можно было представить братьями. И стали мы жить вчетвером в маленькой курной и полутемной землянке. Олег, так звали сына, хозяйничал, топил печку кусками торфа и постоянно чистил ее от обильной желтой золы, а отец почти всегда отсутствовал. Впрочем, я и А. С. тоже только приходили ночевать. Меня сразу же устроили во вновь организуемый отдел штаба тыла корпуса и сразу же завалили работой. Начальник тыла мне очень не понравился. Впрочем, мне все было не по душе — начиная от песчаных унылых мест с жалкими редкими соснами.

Начальник штаба тыла был похож на сахалинского преступника из книги Власа Дорошевича «Сахалинские типы». Высокий, тощий, с мешочками под белесыми неприятными глазами и легкомысленным рыжим чубом над узким дегенеративным лбом, был он не шибко грамотным дядькой лет сорока, тем не менее в чине подполковника по фамилии Рассохин. С первой встречи мы смерили друг друга пристальным, оценивающим взглядом, и каждый из нас определил друг друга. Симпатии и привета в этом взгляде не чувствовалось. Однако на протяжении некоторого времени он был безупречно вежлив со мной, даже

иногда хвалил меня, но я чувствовала, что он не любит меня, и я его явно чем-то стесняла.

Его помощник майор С. был тоже неприятным типом. Выглядел он настоящим бульдогом, был неразговорчив и угрюм. Добиться от него слова было большим трудом. Остальные помощники робели перед этими двумя. В штабе работы для них еще не было.

Я не могу побороть в себе желание описать каждого из помощников начальника отдела тыла корпуса. Помощник по горючему для автомашин майор Смотраков был добродушным, простецким парнем, очень любившим поболтать со мной наедине о всяких житейских пустяках и немедленно водружавший на свой нос очки и берущий какие-нибудь бумажки в руки, если на горизонте появлялся кто-либо другой из штабных работников. В своей землянке он мог спать сутками, укрывшись с головой в овчинный тулуп, и не топить печку. Он был мало развит, но отличался одним превосходным свойством — был чрезвычайно скромен, за что пользоваться расположением всего штаба.

Помощником начальника штаба по инженерному снабжению — старший лейтенант Холопцев. Может быть, за то, что он был человеком с высшим образованием, его особенно не любил начальник штаба тыла. Сутулый, высокий человек, с длинными обвислыми усами держался им в «черном теле». Зато он обладал исключительно счастливым свойством спать в любых условиях, при любой обстановке — стоя, сидя, что часто приводило к комическим и неприятным обстоятельствам.

Характерной фигурой среди всех был помощник начальника штаба по продовольствию. Плотный, почти что жирный человек средних лет по фамилии Коган. Он умело обходился с начальником, допускал в его присутствии легкие шуточки и смешки. Когда начдиву надоела рисовая каша, он приносил откуда-то копченые сосиски и грудинку и угощал ими, а то зазывал начальство в свою землянку к кипящему на печке чайнику и угодливо предлагал чай со сгущенным молоком и белым хлебом. За что он один пользовался привилегией исчезать в Ленинград по всяким делам и держаться бойко и самоуверенно. По бумажкам, написанным его рукой, я видела, что это неграмотный и неразвитый человек. Возможно, он был каким-нибудь директором небольшого ресторанчика или магазина-гастронома.

Однажды я оказалась невольной свидетельницей его разговора с начальником штаба тыла корпуса Рассохиным. Последний говорил о необходимости укомплектования штаба полагающейся по штату машинисткой. Но, продолжил он более интимно, совершенно необходимо, чтобы она внешне была приятной и подходящей по возрасту, т. к. ему

надоело смотреть на имеющихся «занятых женщин», а переписка со знакомыми его совершенно не удовлетворяет. Коган сладенько захихикал и льстиво заверил начальника в том, что его просьба будет непременно исполнена — ему достаточно раз-другой съездить в Ленинград, и все будет в порядке.

Съездить в Ленинград мечтали все, но никому, кроме Когана, не удавалось так легко и просто это сделать. Каждый имел в Ленинграде либо семью, либо знакомых, да большинство были просто ленинградцами.

После ветотдела армии, где меня окружали врачи и вообще люди с другой культурой, я болезненно переносила новый для меня мир, новых людей и с трудом привыкала ко всему.

17 января [1944 года]

Продолжаю знакомиться с новыми людьми. Вчера меня представили полковнику Панову, начальнику отдела штаба тыла корпуса. Мне он показался человеком, мало вникающим в работу, являющуюся его полем деятельности. Панов имел отдельную благоустроенную землянку и редко заходил к нам. При нем состоял обслуживающий его штат и машина с шофером. Благодатная должность позволяла ему жить свободно и легко, не перегружая себя работой, брать от жизни все, что она ему дает, благодаря положенным ему привилегиям.

Однако, несмотря на важную должность и связанные с ней привилегии, он оставался милым и симпатичным человеком. Тепло и приветом сияли его темные с поволокой красивые глаза. От всей его немного располневшей фигуры веяло удивительной добротой и простодушием. Наверное, не было человека, который захотел бы сделать ему что-нибудь неприятное, и не было человека, которому он причинил зло.

Жил Панов обособленно. Его штат состоял из толсторожего заносчивого и кичащегося своим начальником Сашки Филиппова, донельзя ленивого и дерзкого, выполнявшего обязанности связного. Шофер — Володя, долговязый и, в противоположность своему собрату Сашке, скромный приятный парень с приветливым лицом. По инициативе Сашки они постоянно ссорились и что-то не могли поделить между собой. Третьим действующим лицом была некая личность женского пола ефрейтор Эльвира Ивановна, в просторечии Эличка, одетая с иголки в специально пошитое для нее военное обмундирование очень высокого качества.

Появилась она однажды у нас в штабной землянке, с надменным видом смерила нас презрительным взглядом и удалилась, как королева.

Меня страшно заинтересовала эта особа. Увы, это была слабость полковника Панова, его большое место. Ему было сорок, ей — только двадцать. Как-то увидев ее, работавшую в какой-то полевой почте, он, старый греховодник, влюбился в нее. Он перевел ее к себе, зачислив в трофейный отдел при штабе тыла писарем, дабы числилась эта мертвая для армии душа. Трофейный отдел угодливо предоставил эту возможность полковнику Панову, хотя ему самому с помощником совершенно нечего было делать.

Когда мы с ней встречались, она высокомерно не замечала меня, что меня немало забавляло. Небольшого роста, с превосходно сложенной фигуркой и лицом, не лишенным прелести, она всем своим существом как бы говорила: смотрите на меня, какая я красивая, я имею дело только с вашим начальником, а на вас я плюю и презираю. И на меня глядело вздорное, капризное личико.

Сашкой она унизительно командовала, а когда тот пытался отряхнуть с себя ее власть, она немедленно угрожала ему полковником и штрафной ротой, и сей раб немедленно замирал.

В начале она стеснялась показываться у нас в штабе, и полковник, видимо, тоже был смущен появлением своей любовницы, но постепенно его смущение прошло, и все узаконилось и приняло даже естественный вид.

Такова была наша семья, с которой суждено мне было долгое время промыгтарствовать по ухабистой и полной всяких неожиданно-стей дороге войны. Семья эта непрерывно менялась: в нее входили новые лица, а старые иногда выбывали.

20 января [1944 года]

Понемногу работа штаба приняла определенный характер. Я завела уже пока около 25 дел. Функции наши — помогать армии в обеспечении войск продовольствием, обмундированием, горючим и смазочными материалами, автотранспортом, инженерным имуществом и т. д. и т. п.

Переписка по всем этим вопросам начинала принимать грандиозный размах, и снова я тонула в великом бумажном море.

Особо секретными делами были своевременно сообщаемые нами дивизиям границы наших владений, места расположения наших владений, снабжающих баз, предстоящих передислокаций и т. д. Боевые вопросы решал оперативный отдел корпуса, рядом с которым шагали и мы, тыловики, как презрительно называли нас оперативники.

Но иногда они явно преуменьшали наше значение. Об этом мы иногда спорили в оперативном отделе, куда я часто заходила с какими-

либо документами, и эти споры были минутами нашего отдыха. Там сидели умные и подвижные люди, с которыми я любила встречаться. Мне казалось недостатком в нашей работе загромождение частей нашими корпусными директивами, идущими в параллель с директивами штаба тыла армии. Таким образом, мы путались, как говорится, под ногами у армии, которая сама прекрасно справлялась со своими функциями. И работа, по-моему, наша шла впустую. В дивизиях злились на нас, особенно на наших ПНШ, и называли их частенько мешающими бездельниками. Дивизии сами справлялись с работой по снабжению, и помощь корпуса им часто была совершенно не нужна.

Я была очень загружена перепиской от руки и очень мечтала о машинке и, конечно, о машинистке.

22 января [1944 года]

Пока мы организовали штаб и отделы корпуса, мало-мальски налаживали свое житье и быт, хотя все это было очень неприспособлено и упрощенно — на всех фронтах шли успешные действия. Но наш Ленинградский фронт точно застыл в январской стуже, так он был мало подвижен.

Но, наконец, чудо! Зашевелился и наш фронт. Нарыв назрел и лопнул. Но самое интересное, что побежали немцы сами, без боя, нам осталось только преследовать их. Мы молниеносно побросали свои землянки и часть имущества.

Рывок вперед в первые дни был очень велик и полон доселе неведомыми впечатлениями: мы неслись по земле, которой владели немцы. Убегая, они подрывали и уничтожали все, что только можно было уничтожить, и убийственно минировали за собой все близлежащие дороги и жилье.

Сойти с дороги, съехать чуть в сторону — означало верную смерть, полную возможность взлететь на воздух!

Часто у самых дорог предостерегающе валялись клочья разорванных лошадей, упряжи, машин и даже людей. Часто такое нагромождение являлось причиной наших остановок. Мне делалось страшно, особенно после того, как, выйдя из машины в одну из таких остановок, увидела разорванную рыжую лошадь с оскаленной в предсмертной муке мордой, с остановившимися безумными глазами и лежащим рядом с ней безголовым трупом солдата. Странно и дико выглядел человеческий труп без головы.

Убийственный вид имела 8-я ГЭС, мимо которой пронеслись мы в первые дни нашего отчаянного марша. Огромное серое здание буквально лежало, опрокинутое кверху ногами. То была работа немцев перед уходом.

Промерзшие и уставшие в первый день, мы искали какую-нибудь крышу, под которой смогли бы согреться и провести ночь, и залезли в оставленную немцами землянку, наспех осмотрев ее. Землянка была очень хороша: просторная, обставленная мебелью, сделанной из березы, и украшенная отделкой из белоствольной части берез в виде панелей и полочек. Положительно немцы молодцы, так искусно использовавшие поверхность дерева с естественным прихотливым рисунком коры.

Кажется, не успел остыть очаг, оставленный врагом, как мы воспользовались оставленными благами. Провели ночь в уютившей нас землянке, а утром старший лейтенант Холопцев у входа в землянку обнаружил мины.

Только чистая случайность спасла нас от гибели. Кто-то смеялся, что среди нас есть счастливые.

Теперь уже часто встречались группы пленных немцев, ведомые нашими конвоирами. Я с интересом смотрела на понурые лица немецких молодцов, их теперешнее шествие не напоминало победного марша, а лица наших солдат светились торжеством и удовлетворением.

По дорогам лежало много трупов немецких солдат, их некогда и некому было убирать.

Очень памятен мне занятый нами пункт Захожье. На опушке леса в образцовом порядке стояли хорошо отстроенные, благоустроенные землянки: здесь, по-видимому, размещался штаб какой-то крупной немецкой части. Мы проехали мимо указательного столба, оставленного немцами, на котором было по-немецки написано: «Захожье — Инстенбург — 700 км». Это говорило о капитальном оседании немцев.

После тщательного осмотра землянок было дано распоряжение занимать их. В одной из них осели мы. Стенки этой землянки были обиты мешковиной из бумаги, панели и вся мебель — из дерева молодых берез, сделано с большим мастерством и вкусом. От этого вся внутренняя часть землянки выглядела очень нарядно. Кто-то сказал, что эта землянка была клубом для немецких офицеров, отсюда ее величие.

В Захожье находилась большая часть немецких пленных. Их выстроили и собирались направить в пункт сбора пленных. Я прошла мимо угрюмой и чрезвычайно мрачной толпы. Они не смотрели на нас, не поднимали опущенных глаз от земли и были жалки и подавлены. Некоторые из них держали носилки, на которых лежали их раненные или больные товарищи.

В сердце своем я старалась вызвать ярость, припоминая, что совершили эти злодеи на нашей земле, но в горле стоял ком, и слезы щекали глаза. Очень не похожи на победителей эти жалкие и понурые люди, и казалось, что они неспособны совершить какое-либо злодеяние.

Лица у них были тонкие, заостренные, волосы светлые или светло-рыжие, одеты они были удивительно легко. Странно было видеть их так легко одетыми в такие морозные зимние дни. Неудивительно, что русская зима так пугала их, а морозы способствовали бегству.

В Захожье мы прожили не более трех дней. С сожалением покидали великолепные подземные дворцы-землянки. В течение этих дней лихорадочно работали, ожидая всего неожиданного и необычного.

Как показывала обстановка, ближайшее будущее — сплошное преследование немца с попутными боями. В связи с этим был издан приказ освободиться от всего лишнего и тяжеловесного, быть налегке, не загромождать машин и оставить только самое необходимое, быть готовым сняться в любой момент. А кое-каким имуществом все мы успели обзавестись. Кое-кто имел тумбочки, кровати, подобранные в разбитых селениях, и прочий скарб.

Пришлось делать чистку, расстаться с атрибутами мирной жизни и переходить полностью на походную военную жизнь.

У следующего населенного пункта Лисий Корпус были уже бои. Говорили, что здесь происходили штыковые атаки. Снег был местами обогрен кровью. Лежали трупы, разбитые машины, разрушенные жилища, еще дымящиеся. В воздухе пахло гарью и паленой шерстью.

Следующая деревня, местами полууцелевшая, с трудом приютила нас. Стали говорить, что немцы, убегая, оставляли богатые трофеи: лошадей, машины и продовольствие. У нас разгорались глаза.

В первый же более или менее спокойный день отправили всех нас за трофеями. Особый был дан наказ майору Смотрякову — во что бы то ни стало раздобыть машину для штаба. С машинами было у нас особенно плохо: штаб увеличился, а машин не хватало. Горючее тоже было предметом острых вождедений.

Когда однажды майор возвратился из очередного похода за трофеями, то представлял собою редкое зрелище! Мы с шумом выскочили из избушки, когда кто-то крикнул, что едет майор, ожидая увидеть его за рулем машины.

Но вместо машины маленький и плотный майор беспомощно и неумело восседал на огромной огненно-рыжей лошади, редкой по величине и красоте. Говорили, что с трудом посадили его на этого гиганта, и всю дорогу майор молил снять его с проклятой кобылы, т. к. впервые в своей жизни вместо машины он сидел на лошади и управлял ею, к тому же лошади, не знающей русского языка. Смеху и шуткам не было конца. Решили эту красавицу подарить командиру корпуса генералу Прамзину. Но он скоро вернул ее нашему отделу — говорили, что она не умеет ходить под седлом и, наверно, возила у немцев тяжелые орудия.

Привели ее к нам и поставили рядом с нашей Тихой, которая дружелюбно встретила немку-лошадь. Ведь для лошадей не существовало ни национальных, ни вражеских признаков, и язык у них, наверно, был общий, лошадиный. Красавица кобыла с белой звездой на лбу была прозвана ездовым Петром Немкой. Она пугала его своей прозорливостью, т. к. добывание фуража было делом не очень легким.

Немецкую машину все же трофейщики приволокли на буксире. Все любовались комфортабельной, цвета слоновой кости, машиной, но, увы, несмотря на видимую исправность, машина не шла в руках русских шоферов, как они ни бились с ней.

Так и пришлось оставить ее у ворот ветхого домика — нашей стоянки, а самим устремиться вперед.

10 февраля [1944 года]

Наше головокружительное движение вперед временами приостанавливалось на 2–4 дня, а затем снова продолжалось в таком же темпе.

И вот однажды одной из таких стоянок оказалось Детское Село. Все ленинградцы всполошились и начали строить планы, как попасть в город. Кто-то говорил, что весь корпус будет в городе и т. д.

Въехали мы в Детское Село уже к вечеру. Зимние сумерки ступались над разбитым городком. Парки выглядели беспорядочно, валялись сбитые снарядами деревья, хрипло каркали лишенные покоя вороны, в городке царила сумятица. По улицам металась машины в поисках своих частей, разместившихся в разных концах города в редких уцелевших домах.

Немцы только что ушли, а часть их, не успевшая бежать, сдавалась нашим в плен.

Дома, имевшие приличный вид, оказывались заминированными. Выбрать место для штаба было не так-то просто.

Долго мы стояли в машинах на улицах Детского Села и сильно промерзли. Наконец комендант указал нам помещение. Это был просторный подвал большого многоэтажного дома, но, увы, верх его был почти разбит и непригоден для жилья: там гуляли ветер и вьюга с морозом, валялся домашний скарб и кирпичи разрушенных печей. Подвал был мрачен, холоден и сыр, забит кроватями, диванами, шкафами и прочей мебелью. Стояли и висели картины и зеркала, лежало и валялось много запачканных и мокрых книг. Расположились на этих чужих матрасах и диванах, гляделись в зеркала, так странно отражающие необычайную обстановку и случайно заброшенных сюда чужих людей. Очевидно, владельцы этого большого дома стащили сюда свою мебель и вещи, когда в городе начались бои, в надежде сохранить ее, а сами, спасаясь, исчезли.

Не было воды, водопровод был разбит. Умывались на улице снегом. Все соседние дома были примерно в таком же состоянии. В подвале, когда все собирались, делалось тесно, воздух становился влажным и тяжелым. Некоторые отправились искать себе ночлег где-либо в другом месте.

Бродя по соседнему, тоже большому, но почти совершенно разбитому дому, А. С. вдруг в середине его на втором этаже обнаружил сохранившуюся в довольно приличном состоянии небольшую комнатку с дымоходом и печкой.

Вмиг была затоплена печь поломанной мебелью, подметен пол и притащена кровать с пружинным матрасом из соседней разбитой комнаты. Получилось очень уютное жилье, главным преимуществом которого было тепло.

Вечером, когда в печке восхитительно потрескивали дрова и огонь ее, мягко отражаясь, прихотливо скользил по стене, мы, лежа в полутьме, так странно, так случайно попавшие в эту чудом уцелевшую комнату, на чужой кровати предавались размышлению — кто жил в этой комнате, кому принадлежала эта кровать, кто спал на ней, отдыхая после праведных трудов, и видел, может быть, сны, загадочные и тревожные...

Может быть, на ней зарождалась новая человеческая жизнь, человек испускал свои предсмертные вздохи перед уходом в вечность, может быть, все может быть!

Необычно и страшно было ночевать в этой одинокой комнате на пепелище разбитого дома: где-то близко за стеной ветер трепал бумагу отставших обоев, где-то сыпалась штукатурка и ночь была полна своих тревожных, ночных звуков. Мне было не по себе, и я долго не могла заснуть.

Две ночи провели мы в этой комнатке, давшей нам тепло и сон, а на третью ночь меня увезли с ящиками секретных бумаг на легковой машине полковника Панова. Офицерам штаба было приказано добираться до следующего пункта Красное Село — Гдов попутным транспортом. Остальной штабной груз был оставлен на попечение заболевшего А. С. со связным Мельниковым.

Так мы покинули в спешке Детское Село, не побывав в Ленинграде. Впрочем, единственным человеком, кому удалось упорхнуть из Детского Села в Ленинград, был Коган.

Начались великие мытарства по местам, где человеческое жилье было уничтожено войной. Признаками бывшего жилья были одиноко торчащие трубы и груды развалин, жители уничтожены или угнаны врагом.

То была страшная дорога войны. Вздрыбленная земля, исковерканная и изрытая, говорила о страшных встречах, деревья, превращенные в мертвые стволы, лишенные ветвей, обгорелые и заполненные металлом, выглядели дико и непонятно. Это были трупы деревьев, а человеческие трупы лежали тут же, в придорожных канавах, кустах и прямо на дорогах.

Многострадальная Псковщина, побитая и разметанная врагом, глядела страшными развалинами с одиноко торчащими трубами. Кое-где у развалин копошились жалкие людишки, возвратившиеся к своим пепелищам и пытавшиеся около них сколачивать что-то в роде сараев, землянок и начинать свою трудную жизнь снова.

Около Пскова неожиданно стали появляться уцелевшие деревни. Объясняли это тем, что якобы жители их подчинились пришедшим немцам, отчего их жилье и сохранилось полностью. Наше появление в таких случаях встречали смущенно, затем смущение и растерянность уступили место доносам, распрям и ссорам. В одной из таких деревень, совсем недалеко от Пскова, застряли мы, и довольно надолго.

Отчаянное и, по-видимому, довольно мощное сопротивление немцев в Пскове задержало наше победоносное наступление. Наши танки и артиллерия совсем близко подошли к городу, но, к сожалению, не хватало пехоты, чтобы окончательно взять город.

На дворе мела метель, свистели февральские ветры, и морозы упорно крепчали по утрам. Плохо было тем, кто без жилья. Вот в такую деревню и привез Коган долгожданную машинистку, а с ней — одного повара и одного писаря в административно-хозяйственную часть. Вывез он их из одного запасного полка из-под Ленинграда, куда смотался, еще будучи в Детском Селе.

Машинистка была яркоглазая, худенькая девушка с красивым ртом, который неожиданно портило отсутствие передних зубов, когда она начинала смеяться. Она очень мило распевала опереточные песенки и была на вид скромна, как ангел. Меня она сторонилась и все держалась около своих парней, с которыми приехала к нам.

Скоро парней увели — одного поваром в штаб корпуса, другого — писарем в АХЧ. Повар был высок и очень худ, имел длинное некрасивое лицо с доброй и хорошей улыбкой. Звали его Сергеем, другой, наоборот, был плотным, почти толстым, парнем с красивым и самоуверенным лицом. Оба они, по моим наблюдениям, имели к девушке более чем товарищеские отношения и дружбу.

Наконец у нас была машинистка, и половина работы свалилась с моих плеч. Девушку звали Муслима (она была татаркой), сокращенно ее звали Лима.

Однажды ночью пришло распоряжение сниматься. Тяжко было холодной зимней ночью расставаться с теплой избой и мчаться в ночную мглу навстречу к врагу. Но, к моему великому удивлению и внутреннему удовольствию, меня решено было оставить с ящиками секретных бумаг в деревне, а машинистку с машинкой взять с собой.

Целую неделю жила я в теплой деревенской избе, не зная невзгод, слушая ссоры и разговоры деревенских баб, ела горячую картошку и томилась и наслаждалась неожиданным покоем. Уже прошла неделя, и я начала думать о разных неожиданностях, могущих встретиться на пути моих соратников, не могла же я думать, что меня забыли, когда со мной находились два ящика с военными документами. Но вот однажды вечером гудок машины известил меня, что меня не забыли. Узнала я, что наши штабники ночевали в лесу, страшно мерзли, не имея возможности развести костер, чтобы не обнаружить свое присутствие. И начали мы кружить около Пскова. Город был близок, он горел, он дымился и корчился в огне пожарищ, но был недосыгаем, и мы беспомощно толкались у его стен.

Голованово — март

Холодный и неуютный март месяц застал нас в таком жалком положении. Не было никаких жилищ в нашем распоряжении, кроме двух холодных каменных сараев, в которых наскоро сложили печи-плиты. Окон не было, и темнота и грязь мешали работать.

К несчастью, еще рядом расположились артиллеристы (вот ведь неприятные соседи, чтоб их черт побрал). Они пристроили огромные тяжелые орудия сразу же за стенками наших сараев и периодически устраивали нам последний день Помпеи. Сарай наши трепетали, как листья осин на ветру. Из стен вылетали камни и кирпичи и летели обязательно так, чтобы угодить кому-нибудь непременно в голову или еще куда-либо — все утепления нарушались, мебельные сооружения шли насмарку, и жизнь положительно делалась невыносимой.

Последнее время А. С. изобрел что-то заменяющее нам стекло в наших искусственно проделанных окнах, вставляя промасленную бумагу, и она давала нам какое-то подобие света. Конечно, после работы наших соседей бумага рвалась. К счастью, они казались очень подвижными и, к нашему великому удовольствию, сравнительно скоро смотались.

Место, где мы остановились, было когда-то деревней, носило название Голованово, но от него, кажется, остались только эти два жалких сарая да местами заглохшие яблони и другие деревья.

В двух километрах от наших сараев в небольшом леске осел штаб корпуса. Там вырыли очень скверные землянки, похожие на ямы,

в надежде их скоро покинуть. Это были самые скверные и плохие землянки, какие только мне приходилось видеть за время войны.

Прожили мы в этом Голованове много тяжелых и унылых дней. Позже с тоской и ужасом вспоминали мы стоянку эту, самую тяжелую и невеселую за все дни войны. Стояли дни застоя и уныния. Последнее порождало раздражение, выразившееся в ссорах и затираниях друг друга. Ссорились, кажется, все. Я — с начальством и А. С., помощники — с начальником, связные — друг с другом и писарями. Настроение было мрачное. Раздражали грязь, холод, отсутствие элементарных удобств и масса работы, обилие, которой захлестывало нас, штабников. И не видно было конца и работе, и стенке в этих ужасных сараях, не было видно конца и войне, а с ней — и нашим непереносимым мытарствам.

Однажды, бродя по окрестностям, нашли в лесу лагерь сбежавших от немцев людей. Это были хорошо сколоченные полужемлянки, полубараки, расположенные в густом хвойном лесу. Блеяли овцы, мычали коровы, пели петухи, лаяли собаки, ржали лошади, и от всего этого повеяло такой мирной и человеческой жизнью, что мы пришли в великое умиление, а звуки эти смягчили наши сердца. Давно мы не видели подобных картин.

Люди там жили дружно и довольно зажиточно. То были настоящие русские люди, боявшиеся пленения и не желающие попадать к немцам.

Встретили они нас приветливо и угощали тем, что у них было, затем предоставили нам свою баню, в которой мы очень нуждались. Рассказывали, что немцы, боясь партизан, не ходили в лес далеко, и это спасло их.

Эта встреча с крестьянами была светлым пятном на черном фоне наших головановских дней.

В этом же Голованове произошла смена начальника штаба тыла корпуса. Однажды неожиданно появился в штабе маленький и юркий человек, очень подвижный и очень шустрый. Носил он полутемные очки, скрывавшие его быстрые глаза, и долго никто не мог разгадать, зачем он появился у нас.

А он появился, чтобы занять место начальника штаба тыла Рассохина. Значит, последнему подходил конец. Он стал совсем напоминать разбойника с большой дороги, особенно после того как у него появился свой связной, дерзкий парень с лицом отъявленного хулигана, для которого, как говорится, не было ничего святого, ничего запретного на этом свете. Связной этот исчезал, а затем появлялся, и всякий раз после возвращения у его патрона на столе появлялась птица в виде курицы или петуха, а патрон его, преспокойно взирая на похождения своего

подчиненного, преспокойно пожирал приносимую домашнюю птицу. Оказывается, этот «добрый молодец» промышлял с демонстрацией своего автомата в лагерях в лесу у крестьян. И вот их теперь обоих убрали.

Я радовалась от всей души этой смене. Мне всегда был антипатичен рыжий чуб моего начальника. Совершенно неожиданно для себя обнаружила «скорбящую душу» у нашей машинистки Лимы по поводу ухода Рассохина. Подробности сообщил мне не кто иной, как Сашка, связной полковника Панова. Оказывается, обворожительный пиратообразный Рассохин с его легкомысленным рыжим чубом уже успел совратить Лимку с пути истинного.

Совершилось это, кажется, во время поэтических ночевок в лесу, в мое пребывание в деревне, когда я думала, что меня забыли в ней. Любовники расставались очень трогательно. Их роман, так красиво начатый в зимнем лесу, во время сказочных ночевок на еловых ветках под прикрытием плащ-палатки, был так неожиданно прерван.

Лима ходила грустная и распевала вполголоса свои милые песенки с глазами, невинно опущенными долу. Я, может быть, и ничего не заметила бы, если б не Сашка, так охотно поделившийся со мной своими сведениями.

Новое начальство крепко забирало власть в свои руки и навело жесткие порядки. Всему делопроизводству придавались стройная система и логическая последовательность после беспорядка и хаоса рассохинского господства. Мне это очень нравилось, т. к. значительно облегчало работу и устраняло путаницу во всех делах. Отдел заметно выправился после прихода нового начальника, стал культурнее и выше.

Не нравился только мне сам начальник, и, кажется, он и всем не очень нравился. Был он невероятно деятелен и работоспособен, и эти ценные качества переходили у него границу, делая его чрезмерно суетливым и беспокойным.

Бурная деятельность его скоро всех страшно утомила, а придирчивость и высокомерное обращение со всеми породили враждебное отношение к нему.

Новый начальник носил имя и фамилию Адам Александрович Вишневский.

Кричал он на подчиненных тонким, пронзительным голоском и всегда при этом старался унижить и уязвить подчиненного. Женщин он люто ненавидел или делал вид, что страшно ненавидит, и горячо требовал от них равного подчинения и выполнения приказаний наравне с мужчинами, говоря, что на фронте он не хочет знать разницы пола и, боже упаси, делать какие-либо поправки женщине.

Был он всегда прав в своих требованиях, но меня поражало, что ко всем своим требованиям и решениям, принципиально верным и справедливым, он добавлял чего-то своего противного, высокомерного и унижающего другого и этим самым портил весь разумный стиль в своей работе. И благодаря этому невзлюбили его все работники отдела, в том числе и я.

Я вступала с ним постоянно в пререкания и излишние разговоры, чем грубо нарушала устав, гласящий о беспрекословном подчинении солдата офицеру и т. д., а об уставе он непрерывно твердил мне, чем немало раздражал меня и себя.

В своих неистовых наступлениях на всех он все же иногда отступал от меня, к моему немалому удивлению. Я смела надеяться, что причиной тому были логичность и смелость моих высказываний, в которых он не мог не видеть долю здравого смысла, будучи неглупым человеком.

С полковником Пановым началась у него незаметная, но непримиримая война из-за его любовницы Эльвиры. Ненавидел он ее совершенно стихийно. Она как будто не давала ему покоя своим существованием, находясь тут же, рядом с ним. Видел он в ней элемент величайшего зла, обузы и помехи в работе полковника Панова и окружающих.

В Лиме он также преследовал замашки женщины. Заставлял ее строго подчиняться уставу и четко выполнять его требования. Она ненавидела его всей душой и всегда вдогонку посылала ему проклятья.

В отношении Эльвиры он был, безусловно, прав. В ней скрывались причина плохой работы полковника Панова и пренебрежение к служебным обязанностям.

Во всех случаях переезда штаба все усилия работников штаба часто уходило на то, чтобы создать лучшие условия для «семьи полковника», а не для создания лучших условий работы штаба. Сам же полковник, человек очень скромный и нетребовательный, никогда бы не позволил так обслуживать себя.

Штаб работал на улице под дождем и ненастьем, а Эльвире отдавалось единственное помещение, встреченное на пути, при этом еще Эличка капризничала и своевольно выставляла свои требования, звучащие таким диссонансом в наших походных условиях.

Люди с плохо скрытым враждебным чувством смотрели на ее выходы, но она, по глупости своей, ничего не замечала, кичилась и упивалась своей властью над слабовольным полковником Пановым.

Легковая машина полковника всегда была заполнена узлами и чемоданами Эльвиры, а из окошка машины надменно выглядывало ее капризное личико вместе с какой-нибудь очередной подобранной собачкой.

А офицеры очень часто добирались до очередных пунктов либо пешком, либо попутным транспортом, который далеко не всегда был попутным.

Так она паразитически существовала за счет армии, без тени смущения, без сознания своей нелепости и ненужности в сложных и подчас невыносимых условиях передвижения фронта.

Так создавались типы женщин в условиях войны. Их называли «ппж» т. е. походно-полевые жены, и если некоторые из них работали и приносили какую-то пользу фронту, то другие паразитически существовали за счет войск, за счет солдат. Вот их-то и ненавидел Вишневский и не мог равнодушно взирать на Эльвиру.

Весь март месяц, холодный, снежный, прожили мы в Голованове. Мечтали о взятии Пскова, но город пока по-прежнему оставался недосягаемым, а мы — в напряженном ожидании.

Наконец с великой радостью был принят приказ о переезде на новые места.

1957 г.

А. Г. Павлушкина¹

Записки военного врача

«У умершего бойца никаких заболеваний не было. <...> Болезнь блокированного Ленинграда. <...> Вечернее небо осветилось вспышкой многоцветного фейерверка, и тут же раздался глухой артиллерийский залп».

11 декабря 1941 года

При смене часовых на одном из постов на Елагином острове был обнаружен мертвый боец. Это вызвало переполох среди старшего командования Ленинградской военно-морской базой и тем более среди начальства нашего 59-го стрелкового батальона. Комбат и комиссар неоднократно вызывали меня и буквально допрашивали, почему умер боец? Чем он был болен? Я отвечала, что у бойца за время службы в батальоне никаких заболеваний не было выявлено и в прошлом он ничем не болел. При построении на развод в этот день боец ни на что не жаловался. Причина смерти оставалась неясной, ждали результата заключения патологоанатома.

При вскрытии умершего причин внезапной смерти обнаружено не было, не выявлено никаких заболеваний, эксперт вынес предположительное заключение, что смерть наступила от резкого охлаждения. После этого командир и комиссар батальона откомандировали на точку роту бойцов и организовали на месте жилье и питание. <...>

Почти целыми днями я принимала больных краснофлотцев. Все они жаловались на слабость и утомляемость. У многих появились поносы и отеки на ногах. Внешне все больные были похожи друг на друга худобой, вялостью, заторможенностью. Слабых я клала в лазарет на стационарное лечение. Палаты пришлось увеличить.

¹ Анна Григорьевна Павлушкина (1917-?) — военный врач. В июне 1941 года окончила Военно-морскую медицинскую академию, в годы войны служила в частях КБФ. Вниманию читателей предлагаются два фрагмента из неопубликованных Записок военного врача, хранящихся в РДФ ГММОБЛ.

На еженедельном докладе командир спрашивал меня: «Доктор, что вы в батальоне госпиталь открыли? Всех кладете в лазарет, все болеют, на посты некого выставлять, скоро мы с комиссаром сами будем ходить в караул». Я ответила командиру, что бойцы болеют от голода и плохо выздоравливают.

«Мы все голодные, так что же, нам всем ложиться в лазарет, а кто же воевать будет? — возражал командир. — Посмотрите на себя, от вас осталась половина, вы тоже голодная, однако же вы со своей работой справляетесь и работаете и за себя, и за весь штат. Сами скоро свалитесь с ног, кто тогда будет лечить?»

19 декабря [1941 года]

У моего кабинета стояла группа больных. У самой двери я заметила худенького бледного человека, внешне похожего на мальчика. Когда мы вошли в кабинет, он протянул руку и гордо представился «Я скрипач Ленинградского радио, моя фамилия Кац, будем знакомы». Внимательно всматриваясь в его лицо, я поняла, что передо мной стоит мужчина средних лет.

— Доктор, я пришел вас просить о переводе меня в военный ансамбль, там работает моя жена, она певица, хочу с ней вместе работать.

— Товарищ Кац, вопрос о переводе в другие части решает командование. Меня интересует ваше здоровье, скажите, как вы [себя] чувствуете.

— Доктор, я чувствую себя очень плохо, у меня нет сил стоять часами на посту с винтовкой в руках. Я с детских лет играю на скрипке, я всегда берег руки, кроме смычка, в них ничего не держал. Физически я никогда не работал, я музыкант, скрипач.

Раздетый, он напоминал подростка, грудь его была узкая, впалая, мышцы не развиты, выступали ребра, обтянутые кожей. Я внимательно осмотрела и прослушала его и никаких болезней, кроме истощения, не нашла.

23 декабря [1941 года]

Ночью меня вызвал дежурный по батальону, в казарме умер боец. Лежал он в нижнем ряду двухъярусной койки. Я подошла к койке и взяла его руку — пульса нет, тело холодное. Подняла руку, она упала как плоть. Тоны сердца не прослушивались, зрачки на свет не реагировали. Смерть, по-видимому, наступила несколько часов назад. Я знала этого бойца в лицо. Спокойный, молчаливый мужчина лет пятидесяти, никогда мне на свое здоровье не жаловался, службу нес исправно.

Я тщательно осмотрела труп, но никаких следов насилия не обнаружила. <...>

Комиссар был мрачен и строго спросил у меня: «Почему умер боец?» «Его смерть мне непонятна», — ответила я.

— Что значит непонятна? Он лечился у вас?

— Нет.

— Он болел?

— Нет, — отвечала я.

— Как могло случиться, человек не болел и умер? Быть того не может. Значит, он болел, был болен, а вы его не лечили? Это чрезвычайное происшествие, вы будете отвечать, я вызову комиссию, и вас за это дело передадут в трибунал.

Комиссар был в гневе, он не говорил, а почти орал на меня. Слова его до меня не доходили, и даже слово «трибунал» меня не испугало. Меня мучила одна мысль. Почему умер? Что за болезнь привела его к смерти? Вышла от комиссара оступелая, ноги мои подкашивались. Мне казалось, что все на меня смотрят и считают меня виновной. <...>

Вскоре нашу санчасть посетил Крупнин, заместитель начальника санитарного отдела Балтийского флота. Мы были хорошо знакомы по Военно-морской медицинской академии, где он был начальником нашего курса. Он был добрый и отзывчивый человек, и слушатели его глубоко уважали.

Я подробно рассказала о своей работе и своих нуждах. Он слушал меня внимательно и не перебивал. В конце беседы я спросила, почему у нас, не болея, умирают бойцы. Перед отбоем ходили, говорили, ни на что не жаловались, а утром их обнаруживали в кроватях мертвыми? Что эта за болезнь? Такой мы в академии не изучали. В клиниках у профессора Лонга и Тушинского больных с такими заболеваниями не видали.

Крупнин тяжело вздохнул и сказал: ты права, Тоня, такие болезни мы не изучали и таких больных никто из нас не видел. Эта болезнь называется дистрофией, она делится на группы 1, 2 и 3. Это заболевание вызвано голодом — это болезнь заблокированного Ленинграда, а ваш батальон питается по второй категории, а не как на фронте. Норма питания ваших бойцов и командиров немногим отличается от гражданского населения, вот почему у вас участились случаи смерти от дистрофии, от голода. Эта смерть тихая, без страданий и наступает внезапно. Чаще умирают мужчины, особенно пожилые.

26 декабря [1941 года]

Во время тревоги спустилась в бомбоубежище. Там был весь личный состав батальона, находившийся на отдыхе от вахты. Я с трудом узнала скрипача Каца, он сильно похудел.

— Где же вы были, почему не приходили в санчасть? Я решила, что вас уже перевели в ансамбль.

— Благодарю вас, доктор, за внимание, что не забыли меня. Я был на задании, только что вернулся с группой бойцов.

По окончании тревоги я с Кацем поднялась в санчасть. В кабинете я осмотрела его, он так похудел, что были видны его кости, обтянутые кожей, — это был живой скелет. Я предложила ему лечь в госпиталь, но он категорически отказался.

Командир роты в отсутствие Каца стал жаловаться: «Он мне все нервы измотал. Ему скажешь одно, а он в ответ тебе другое. Он не может уяснить, что у нас главное — дисциплина, беспрекословное выполнение приказаний. Вы, доктор, не смотрите на него, что он такой худющий, он жилистый, охотник поговорить, много рассказывает анекдотов, в кубрике как начнет травить, все от смеха за животы хватаются». <...>

Я все-таки положила Каца в санчасть. После тщательной санобработки мы напоили его сладким чаем, я сделала ему укол глюкозы и отдала свой кусочек сахара. Он заметно приободрился и стал весело переговариваться с товарищами на соседних койках.

При утреннем обходе я обнаружила, что все кашу съели, а Кац не дотронулся до миски. Отсутствие аппетита у больного дистрофией — нехороший признак, подумала я. <...>

Умер Кац во второй половине дня. Когда я после обеда пришла его проведать, он что-то бормотал путанно и бессвязно. Я не отходила от больного, наблюдая за изменением его состояния. Вдруг внезапно он умолк, закрыл глаза, резко побледнел. Введение сердечных средств и кислород улучшений не принесли. Искусственное дыхание и массаж области сердца не помогли. Наступила смерть.

Вернувшись в свой кабинет, я не смогла сдержать слез. Плакала от бессилия в борьбе со смертью. Мне было очень жаль Каца. Это был одаренный и влюбленный в музыку, эмоциональный, остроумный и непосредственный человек. После его ухода из жизни мне вспомнились слова профессора Тушинского: со смертью больного умирает и частица врача.

27 января 1944 года

Я вышла на набережную у моста Лейтенанта Шмидта. Впервые за тысячу дней в городе сняли светомаскировку, кое-где тускло светили окна домов и отдельные уличные светильники. Из репродукторов раздавался торжественный голос диктора, он зачитал поздравление ленинградцам с долгожданным праздником. Но вот радио умолкло, присутствующие притихли, и наступила тишина, все ждали торжественного салюта.

Вечернее небо осветилось вспышкой многоцветного фейерверка, и тут же раздался глухой артиллерийский залп. Высветились осунувшиеся лица ленинградцев. Они кричали «ура!» и были безмерно счастливы. Многие плакали от радости, от осознания того, что кончились блокадные страдания от голода, холода и артиллерийских обстрелов. Залпы салюта следовали один за другим, освещая набережные, израненные дома и тысячи счастливых ленинградцев. Салют закончился, но люди еще долго не расходились. <...>

Н. В. Рыбина¹

О боевых товарищах Воспоминания

«Душа болит за сына, как он там, жив ли. <...> Нашла его забившимся в угол, под кроватью. <...> Мужчина схватил и тащит мое ведро. <...> Меня и мужчину задержал милицейский патруль. <...> Посреди двора стояла женщина средних лет. <...> В апреле 1942 года я отдала сына в детский сад. <...> В сентябре 1942 года детский дом был эвакуирован».

Сначала, уходя на работу, я оставляла сына на соседку. Они оставались в квартире вдвоем, так как остальные ее жители эвакуировались.

В середине февраля 1942 года соседка умерла. Пришлось брать сына с собой на работу. Потом он ослаб, далеко ходить ему стало трудно, и я оставляла его одного дома, в пустой холодной квартире. Натоплю в комнате печурку, уложу его в постель, закутаю потеплее и ухажу.

Возвращаясь с дежурства в госпитале, я всегда очень торопилась домой, боясь за сына, который оставался совершенно один.

Почти каждый раз попадала под бомбежку или обстрел. Надо было как-то хитрить, чтобы не наскочить на патруль, а то он загонит в бомбоубежище, и сколько там просидишь, неизвестно. Пока не кончится тревога, никого не выпустят. Тревоги иногда продолжались очень долго. А душа болит за сына, как он там, жив ли.

Очень страшно идти, когда воют над тобой пролетающие тяжелые снаряды или то с одной, то с другой стороны слышны ужасающие разрывы. Еще страшнее, когда на тебя падают бомбы. Они летят, издавая такой протяжный визжащий звук, который вызывает в тебе гнетущий страх. Первое время это было вообще что-то жуткое. Потом привыкла и узнала, что если слышен вой, то упадет она далеко, но все равно страх не отпускаял. Особенно страшно было возвращаться ночью или

¹ Нина Викторовна Рыбина. О боевых товарищах. Фрагмент «Воспоминаний» (машинопись, 1979 год), хранящихся в РДФ ГММОБЛ.

поздно вечером. Улицы тихие, пустынные. Ни огонька. По черному небу мечутся косые лучи прожекторов.

Эту настороженную, щемящую до боли ночную тишину вдруг разрывает вой сирены воздушной тревоги. Надо бежать, оглядываясь по сторонам, стараясь не нарваться на патруль. Надо вовремя заскочить в подворотню какого-нибудь дома, с тем чтобы спрятаться от патрульных и без промедления продолжить путь, после того, как патрульные удалятся.

Ходить было далеко с Петроградской стороны, через Кировский мост, Марсово поле к себе на улицу Жуковского, со страхом смотрела, цел ли дом № 38. <...>

В конце февраля 1942 года, как обычно, я возвращалась домой. Подойдя, увидела выбитые стекла и распахнутые и сорванные с петель двери. Со стороны Лиговки в дом попал снаряд и разворотил стену. Я бросилась в квартиру, вошла в свою комнату и стала звать сына, но он не отзывался. Наконец нашла его забившимся в угол, под кроватью. Полуживого я схватила его и принялась отогревать своим теплом.

Дверь в кладовку оказалась цела. Уложила в нее одетого в пальто и закутанного в одеяло сына, затопила печурку, приготовила и накормила сына и заперлась с ним в кладовке, где мы провели ночь.

Утром пришли девушки из МПВО. Они помогли вставить в окна вместо стекол фанеру, поправить двери. <...>

Водопровод в домах не работал. Жильцы нашего и окрестных домов ходили на улицу Радищева, где брали ее из водопроводного люка. Как-то утром пошла я за водой. Выхожу из ворот своего дома и вижу: на мостовой и тротуаре лежат трупы. Они были завернуты в простыни и зашиты, но все равно силуэты человеческого тела легко угадывались. Я работала в военном госпитале и не впервые видела умерших, но неприбранные трупы, лежащие на улице, произвели на меня гнетущее впечатление. Ходила я тогда медленно, вернее не ходила, а плелась, но тут откуда только силы взялись. Я с саночками, на которых стояли кувшин и ведро для воды, быстро по сугробам объехала трупы и поплелась дальше. Они меня так напугали потому, что тогда пришлось впервые увидеть умерших, оставленных их близкими прямо на улице.

В дальнейшем доводилось видеть и худшие сцены, но они уже не производили столь сильного впечатления. <...>

В очереди за водой стояли опухшие и ослабевшие от голода люди. Каждое движение давалось им с трудом. Воду доставали медленно. Подошла моя очередь, я наполнила и поставила на санки ведро и стала набирать кувшинчик, вернулась к своим санкам, а ведерка нет. Осмотрелась по сторонам и вижу: какой-то здоровенный на вид мужчи-

на схватил и тащит мое ведро. Догнать его и отнять ведро я не могла. Ноги опухли от голода, не было сил. Поставила я свой кувшин на санки и поплелась домой, глотая слезы.

В конце марта 1942 года произошел со мной такой случай. Пошла я в булочную, что на углу улиц Некрасова и Маяковского, за хлебом. Подошла моя очередь. Продавщица вырезала из карточек талоны на меня и сына, взвесила хлеб и подала его мне. В этот момент стоящий сзади мужчина выхватил у меня из рук хлеб и весь паек засунул себе в рот. Сам упал, тут же в булочной на пол, давится и ест. Страшный, глаза безумные и какие-то стеклянные.

Женщины, стоявшие в очереди зашумели, но помочь мне ничем не могли. Видя, что я плачу, некоторые заплакали вместе со мной.

Дома сын посмотрел на меня и увидел, что хлеба нет. Глаза его наполнялись слезами, но есть не попросил. Я ему ничего не сказала, схватила брюки мужа и пошла на рынок в надежде обменять их на хлеб. Подходит ко мне мужчина и спрашивает:

— На что меняете брюки?

— На хлеб.

Он дает мне буханку и говорит, что здесь килограмм. Я обрадовалась, схватила хлеб и засунула его себе под пальто. В этот момент меня и мужчину задержал милицейский патруль. В пикете на Мальцевском рынке было много людей: задержанные, сотрудники милиции. Пока дошла до нас очередь, мужчина доставал из-под ватника куски хлеба и ел, а окружающие с завистью глядели на него. Увидев это, милиционер заметил: «Ничего, весь не съешь». И оказался прав. Когда подошла наша очередь, сотрудники милиции обыскали мужчину и изъяли несколько буханок хлеба. Дежурный милиционер составил протокол, и мужчину тотчас же задержали для дальнейших разбирательств.

Затем сотрудник опросил меня. Я рассказала, что муж погиб на фронте, дома меня ждет голодный сын. Хлеб, полученный мною в обмен на брюки, взвесили. Оказалось, что он весит всего 700 г вместо обещанного килограмма. Меня спросили, что я возьму назад, хлеб или брюки. Я выбрала хлеб. Мне довели его до килограмма и отдали. Я спрятала хлеб и, счастливая, побежала домой.

Увидев много хлеба, сын очень обрадовался. «Ты, мамочка, разрежь его на маленькие кусочки, и будем есть его понемногу». Я так и поступила. Мы поели и легли спать. Но заснуть не смогли. Хлеб не «давал». Подремлем минут двадцать — двадцать пять и просыпаемся. Сын спрашивает:

— Мама, ты спишь?

— Нет.

— Давай съедем еще по кусочку.

Так продолжалось до тех пор, пока не съели весь хлеб. На утро нас разбудил вой сирены воздушной тревоги и слова диктора, вылетающие из черного рупора репродуктора: «Граждане, воздушная тревога».

Последнее время мы с сыном перестали ходить в бомбоубежище. Тяжело стало спускаться в подвал и снова поднимать на третий этаж. Тревог было много. Они могли тянуться по много часов. Мы прижимались ближе к друг другу, чтобы было теплее, и продолжали лежать.

В один из дней, возвращаясь домой, мы с сыном попали под артобстрел нашего района. Мы перешли на другую сторону улицы, менее опасную. Тогда в Ленинграде были помечены стороны всех более опасных при обстрелах. Так вот, мы с сыном перешли на противоположную сторону улицы и благополучно продолжили свой путь. Вскоре дали отбой — обстрел нашего района прекратился. Войдя в свой двор, мы увидели, что люди выходят из бомбоубежища.

Посреди двора стояла женщина средних лет. Одета она была по-блокадному — в ватник, ватные брюки, на голове черный шерстяной платок, на ногах валенки с галошами. В каждой руке она держала по большой французской булке. Ее окружали женщины, вышедшие из бомбоубежища. Она размахивает булками и кричит:

— Женщины! Я пришла из Царского Села, вы здесь голодаете, идите со мной. Я знаю, куда нужно идти. Я провожу вас туда. Там есть все продукты и даже белые вот такие булки.

И она подняла над головой обе руки с булками.

От неожиданности свидетельницы происходящего не сразу среагировали. Вдруг кто-то из женщин воскликнул:

— Да там ведь немцы.

Обладательница булок среагировала быстро:

— Немцев не надо бояться. Город им не нужен. Они говорят, что Ленинград станет международным городом. Женщины, берите своих детей и идите за мной. По дороге захватим всех, кто не хочет больше голодать.

Сперва ее слушали внимательно, жадными глазами поглядывая на белые булки. Но когда несколько женщин закричали, что там немцы, все словно очнулись. До сознания дошел смысл прозвучавших призывов. Сразу несколько женщин закричали:

— Никуда мы не пойдем и немцев в Ленинград не пустим.

Те, кто оказался ближе, принялись бить провокатора всем, что оказалось у них в руках. Получилась большая свалка. Нападающие толкали друг друга, кто-то падал и не мог подняться. Женщине-провокатору, видимо, изрядно досталось. Наконец кто-то догадался позвать мили-

цию. Представители власти немедленно вырвали пострадавшую из рук толпы и увели в отделение. Весьма вероятно, тем самым спасли ей жизнь.

Толпа успокоилась. Упавшие с трудом, помогая друг другу, поднимались с земли. Многие ушиблись, охали, ругались, но по всему было заметно, что участники были явно довольны тем, что проучили подлую предательницу. <...>

В апреле 1942 года я отдала сына в детский сад. <...> Через несколько дней пришла его навестить. Он был болен. Сын рассказал, что заведующая положила его с мальчиком, больным чесоткой. Потом обнаружила, что сын заведующей ходит в пальто моего сына, и на мой вопрос, почему он надел чужое пальто, мальчик ответил:

— Мне мама велела.

Здесь же я обнаружила полную тарелку бутербродов, а дети все уже поужинали и легли спать.

Пошла к заведующей и все ей высказала. Потребовала, чтобы она немедленно перевела моего сына в детдом для детей военнослужащих, иначе я пожалуюсь комиссару госпиталя, и ей тогда будет худо. <...>

В госпиталь поступила большая партия раненых. Трое суток никто не смыкал глаз. Если удавалось раз в сутки вздремнуть на часок, то это было хорошо. Только на четвертые сутки ночью сменилась и пошла навестить сына.

В детский сад пришла очень рано, заведующей еще не было. Дежурная няня утверждала, что моего сына у них нет. Его перевели в детдом, в какой, она не знает. Скоро должна прийти ее сменщица, которая сама возила мальчика туда.

Через полчаса пришла няня и сообщила, что сына перевели туда, куда я просила. Я пошла в детдом. Меня встретил директор. От него я узнала, что сын болен чесоткой. Сейчас он лежит в изоляторе. Все необходимые меры приняты, и он должен скоро поправиться. В детдоме было хорошо, чисто, полный порядок. Когда директор узнал, что я медсестра, предложил мне работу, так как у них совсем нет медицинского персонала. Я сказала, что с радостью осталась [бы] работать рядом с сыном, но я военнообязанная как хирургическая сестра, и меня никто не отпустит.

Я повидалась и поговорила с сыном. Он выглядел веселым и сказал мне, что здесь ему понравилось. <...>

В сентябре 1942 года детский дом был эвакуирован на Большую землю. В ноябре наш госпиталь был расформирован. Я получила назначение в 56-ю отдельную стрелковую бригаду, воевавшую на Ораниенбаумском плацдарме. Позднее переформированную в 124-ю стрелковую дивизию, с которой я прошла всю войну.

П. М. Самарин¹

Странички блокадного дневника

«Лидуха совсем рассердилась и никак не может понять обстановки и положения <...> в Союзтабаке такая колоссальная очередь <...> от угла Невского до Стремянной <...> Все больше думаю о вступлении в партию ВКП(б) <...> Сегодня канун Нового года. Что сулит он нам? <...> Закуски селедка в масле с картофелем, шпроты <...> С Людуськой опять поссорились, и крепко <...> В “Ленинградской правде” помещены сообщения о росте недовольства в Финляндии на почве голода <...> На продуктовые магазины нападения с целью грабежа <...> Скоро уже должны платить третью получку, [но] денег в банке нет <...> Передовица “Ленинградской правды” <...> кроют Октябрьскую железную дорогу за плохую работу <...> На работе вспоминал 9 января 1905 г. <...> я был еще мальчишкой <...> С Людуськой ругаемся в дым...».

7 декабря 1941 года

Всю ночь и утро была артиллерийская стрельба. Спали все же дома и раздевшись. В квартире света нет, приходится пользоваться свечкой. Лидуха ругается за расход свечей. За папиросами колоссальные очереди. Мороз 24–25 градусов. Искал очень хлеб, папиросы, перемерз и едва добрался до службы (Московский вокзал), где отогревался часа полтора. Тут же отогревался сослуживец, начальник цеха Юрченко. Он на рынке менял четвертинку водки и пол-литра керосина на дуранду. Очень удачно выменял. Хлеба получил 125 г. У меня и у жены карточки служащих.

Обед взял в буфете-столовой. Суп, за который вырезали 25 г крупы и кусок колбасы за 50 г мяса и 5 г масла. Все смешали и вечером сварили. Вышло по полторы тарелки супа. Маловато хлеба. Вечером перессори-

¹ Петр Михайлович Самарин — заместитель начальника цеха фабрики механизированного учета. Блокадный дневник хранится в Рукописном фонде Государственного музея обороны и блокады Ленинграда.

лись из-за сахара и конфет. Пришлось разделить на все дни первой декады и как-нибудь укладываться. Лидуха совсем рассердилась и никак не может понять обстановки и положения. Считает меня жадным, мелочным и т. д., но дело сейчас не «в хорошем тоне и джентльменстве», а в правильном распределении продуктов в целях самосохранения.

Соседка Огузова передала, что получила повестку от райвоенкомата с предложением об эвакуации из Ленинграда. Сейчас у всех разговоры об эвакуации через Ладожское озеро. Вечером читал газеты — ужасно плохо без света. Такие новости, и так много, но жаль, что не успеваешь за всем следить. В вечерних сообщениях по радио — о вступлении Америки в войну с Германией, Венгрией и Румынией...

Ах, как счастлив будет тот, кто переживет этот кошмарный период!

В Свердловск Анисько послал телеграмму с поздравлением с Новым годом. Дойдет ли? От них давно нет писем. Почта работает плохо, до сих пор не получил ни одной московской газеты за декабрь... Прочел несколько страниц «Войны и мира» Толстого. Без света читать невозможно.

В связи с трудностями с топливом Ленсовет постановил население снабжать кипятком.

Школы организованы в домохозяйствах.

9 декабря [1941 года]

Сегодня у нас праздник. Приехала из Мельничного Ручья теща Полина Сергеевна и привезла немного продуктов: конины, овсянки, 2 кг картошки, капусты, морковок и кусочек хлеба. Это такая радость, что у моей Лидухи дух захватывало, а я расцеловал свою тещу, которая также от радости плакала. Что значит голод. Два часа варили суп. Хозяйка в душе завидовала. Пообедали в 10 часов вечера великолепно. Какая радость! Какое счастье!

Днем передавали по радио о бандитском нападении японцев на США. События бегут молниеносно. Какое время переживаем. Как будет счастлив тот, кто все это переживет.

Электроэнергии в квартире нет. Водопровод не действует, хорошо, что можно <...> протопить печку. Зарплату не выдают — банк задерживает выдачу.

Прочел на работе несколько глав книги «Швейцарский поход Суворова» Клаузевица и несколько глав «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Без освещения читать нельзя. Жаль.

В городе весь день артиллерийская канонада и с той, и другой стороны. Воздушных налетов не было. Спали раздевшись. Ходят упорные слухи об увеличении нормы выдачи хлеба. Как было бы хорошо.

10 декабря [1941 года]

Проснулся в 4 часа утра, так как Лидуха встала и начала готовить завтрак. Теща заночевала и собиралась рано утром уехать. Великолепно позавтракали овсянкой — хотя хлеба нет. По радио сообщили приятные вести — Тихвин взят нашими, войска врага гонят. Соседка Александра Степановна, даже лежа в кровати, услышав это сообщение, закричала «ура». Да, это большая радость, это начало перелома. Днем проводили беседы о вещевой лотерее. Подписался на 75 рублей. В городе упорные слухи о прибавке нормы хлеба. Сегодня норма прежняя — 125 г служащим, 250 рабочим. Хлеб не получал, так как забрал на день вперед. Подождем до завтра. А есть хочется — просто ужас. Неужели не переживу эту проклятую войну?!

Япония по-бандитски громит США, а последние все деликатничают. Неужели будут так же долго обсуждать вопрос о вступлении в войну, как обсуждали вопрос о помощи СССР?!

Сегодня газета «Ленинградская правда» вышла в уменьшенном размере на одном листе, и так будет выходить и в дальнейшем. Видимо, недостает бумаги. Вырезки не придется делать, буду просто подбирать целыми номерами.

В квартире света нет. Воды нет. Носил из подвала. Сильно и быстро выдохся — устал.

На работе сидел до 7 часов. Прочел несколько глав «Войны и мира». Как жаль, что нельзя дома ничем заняться. Жизнь бежит, годы уходят. А жить так хочется...

12 декабря [1941 года]

За ночь выпало колоссальное количество снега. Мороз. Трамваи не ходят. По постановлению Ленгорсовета население привлекается в порядке трудовой повинности к работе по уборке снега.

На работе уже сегодня послали первую партию работников, но у нас, как всегда, организация хромает. Пока они ходили-бродили, уже было поздно работать.

В квартире по-прежнему нет света. Обедал в 10 часов 30 минут, т. е. тогда, когда моя Лидуха пришла с работы, разогрела и скомбинировала с кониной первое. От голода очень тошно, чуть не стошнило. Выпил два стакана жидкого кофе с двумя ирисками, которые очень несладкие. Но это терпимо. Маловато хлеба.

Япония продолжает бомбить США. Сегодня помещено выступления Рузвельта по радио. В свете творятся небывалые в истории дела. Чем все это кончится?

Московских газет опять нет, а наша очень сжатая. Очень жаль в такой переживаемый момент.

С вечера перестало работать радио. Совсем беда, днем и вечером обстреливали из дальнбойных орудий, видимо, есть повреждения.

13 декабря [1941 года]

Радио не работает. Вода в городе не идет. На работу пришел в 7 часов утра, так как дома темно. Днем ходил на площадь Урицкого в областное управление милиции с регистрацией стеклографии. Трамваи не идут. Туда и обратно пешком. Сильная слабость. 125 г хлеба — ужасно мало.

Днем получил «Ленинградскую правду» с замечательными сведениями о разгроме немцев под Москвой. Вот бы еще такой разгром у нас под Ленинградом, и тогда было бы свободнее дышать.

Мороз градусов на 25. Без валенок погибаю. Заходил к кровельщику, обещает сегодня принести «буржуйку». Тогда будет великолепно.

Сегодня опять на работе посылали партийных работников на снегоочистку. Зарплату не получили, обещают дня через два-три.

Хотел достать папирос или табаку, но в Союзнабаке такая колоссальная очередь, что просто ужас, от угла Невского до Стремянной. Ваты также нет.

Из Свердловска от Вовы получили открытку. Живут, видимо, хорошо, о нашей жизни не имеют представления, так как спрашивают, что можно у нас купить из продуктов.

15 декабря [1941 года]

Встал в 6 часов. Слушал радио. В квартире нет света. На работу пришел в 7 часов утра. Прочел несколько глав «Войны и мира». Сегодня мороз 28 градусов. Замерзают ноги и руки. Вечером подогнал трубу «буржуйки» к печке и затопили. Лидуха принесла из своей столовой два обеда, прибавила три-четыре картофелины, сварила и потом поджарила — ну прямо объедение. Сегодня мы буржуи. Сыт, хоть хлеба мало. Прибавка хлеба оказалась разговорами. Норма по-прежнему 125 г. Соседи говорят, что они сегодня сидят только на 125 г хлеба. На бабушку посмотришь, так делается жутко, а она еще претендует приобрести ей галоши, платье и т. д. Вот уж в таком возрасте, 82 года, пора умирать.

В квартире к вечеру пошла вода. Работает водопровод. Уже лучше, можно помыться, не надо ходить в бомбоубежище за водой.

С вечера началась сильная артиллерийская канонада — не поймешь, и от нас и к нам.

С хозяйкой договорился дать поносить валенки, но необходимо подшить. Нигде не берут.

Пробовал выписать газеты, но издательство «Сталинец» пока не берет подписку на центральные газеты на будущий, 1942 год.

Трамваи не идут. Многие работники на работу не пришли. Московских газет с 6 декабря нет. У «Ленинградской правды» сегодня выходной день. Зарплату банк не выдает, хотя скоро уже должна быть новая получка.

16 декабря [1941 года]

Проснулся в 5 часов утра. Разговаривали по-хорошему. Спали раздетыми. От буржуйки тепло. В 6 часов радио сообщило приятные вести: на многих фронтах немцев бьют. Вернули обратно Ясную Поляну, Клин и ряд других городов. Очень приятно. На работу пришел в 7 часов. По радио передавали о разгроме имений Толстого и Чайковского. Разгромили, сожгли и уничтожили все памятники искусства. Вот бандиты! Это гитлеровская банда вводит новый порядок в Европе. Уничтожать надо всех до одного пробравшегося на нашу землю бандита.

Все больше думаю о вступлении в партию ВКП(б). Как жаль, что мне уже за 50 лет. Боюсь, что не смогу дать того, что в молодые годы. Как жаль, что жизнь так коротка. Все же посоветуюсь с товарищами.

17 декабря [1941 года]

Ура! Лидуха получила килограмм патоки. Ура! У них как-то выдавали без карточек. Чай пил сладкий. С фронта приятные вести. Участок Северной дороги от Тихвина до Волхова уже свободен. Войска генерала Мерецкого преследуют противника. Овладели городом Калинином и др.

Жаль, нет центральных газет с 6 декабря, а в нашей «Ленправде» — очень сжато. Интересно выступил с заявлением Литвинов на пресс-конференции в Вашингтоне.

Война на Тихом океане начинает разгораться. По сообщениям США, остров Гуам, видимо, занят японцами, так как связь отсутствует. На Гавайских островах введено военное положение, возможна эвакуация 60 тысяч человек гражданского населения из Гонолулу.

По английским сообщениям видно, что в Кидахе идут упорные бои. В северной части Малайи(?) — также японцы начали атаку Гонконга. Коулуге в руках японцев. Войска Голландской Индии потопили два судна противника, ведутся операции против японцев на восточном побережье Британского Борнео. Войска японцев теснят там английские и китайские части.

19 декабря [1941 года]

На работу пришел в 6 часов 45 минут утра. Света в квартире нет. Ничего невозможно почитать или поделать. Сожгли все свечи. Лидусь-

ка ворчит. Радио работало из Москвы плохо в 6 часов, ничего не понять. Передача была только в 8 часов. Читал «Войну и мир». Из Мельничного Ручья привезли посылку. Прислали керосин, материал на платье, маленькую лампочку и дуранды. Великолепно.

Это большое подспорье к нашему ограниченному пайку. Радио передает приятные известия. Врага бьют — уничтожают. Освободили местечко Подгорье — это за Мгой. Скорей бы прорвать кольцо блокады. Обыватели стонут от голода, говорят только об умерших на этой почве. Вечером был на инструктивной лекции в политотделе 3 по теме «Война на Тихом океане». Лектор — работник политотдела. Хорошо сконспектирован материал, правда, лектор не горазд грамотно выразиться, но все-таки я остался доволен прослушанным. Сидя на лекции, здорово замерз, так как в помещении не топят.

Сегодня только выдали зарплату за ноябрь, в то время как завтра должны были уже платить аванс за первую половину декабря.

В газетах опубликованы сообщения о трофеях наших войск при взятии г. Калинина, поздравительная телеграмма М. И. Калинина королю Великобритании Георгу VI по случаю дня рождения и его ответная телеграмма. Интересное сообщение о войне на Тихом океане и выступлении по радио генерала де Голля.

21 декабря [1941 года]

Выходной день — воскресенье. Встал рано. Пилил дрова, носил из сарая. Лидуська пекла лепешки из дуранды, да ничего не получилось. Я ем все, мало сил — совсем падаю. Был на работе. В столовую очередь во всю платформу. Стоял два часа, чтобы получить две порции маисовой каши. Ходил к Мих. Самарину за вещами, привез швейную машинку и мешок с бельем. Устал. Днем был артиллерийский обстрел, и сразу же после него прилетели самолеты. Опять сбросили бомбы. Попали рядом с нашим домом. Разрушили школу, товарную контору и др. Говорят, одна бомба не разорвалась — замедленного действия. Газет сегодня не достал. Обед скомбинировала моя Лидусенька, хороший. Сыт был хорошо. Не хватает только хлеба. Хоть бы скорей прибавили. Лидуся подарила книгу «Красное и черное».

Очень приятно за внимание. Хотя мы оба стали нервными до невозможности. Неужели не доживем до лучшей жизни. Как жаль! Я привязался к своей Лидухе. Я люблю ее. У меня никого нет дороже, ближе и любимей ее, но как жаль, что мы стали такими нервно-психами, что ругаемся по каждой мелочи. Себя я просто не узнаю. Никогда еще таким нервным я не был. А она, конечно, значительно моложе, менее опытная в жизни, не может примириться с моим отношением. Как

жаль! Я отдаю ей все. Я готов все сделать для нее лучшее, но это не в моих силах, и вот по каждой мелочи мы, не уступая друг другу, создаем целые истории чуть ли не вплоть до развода. Проклятый голод.

От Вовы и Александра Осиповича получили открытки.

Света нет. Воды нет. Хорошо хоть есть дрова — топим буржуйку — тепло.

Радио сообщило приятные вести: успех на Ленинградском фронте — разгром Войбокальской группировки немцев. Войбокало занято нами. Уничтожено 5 тысяч немцев. Взятые большие трофеи. Преследование продолжается. Войска генерала Мерецкого идут вперед. Интересна статья генерал-полковника И. Конева «Как был отбит Калинин». В иностранной корреспонденции видно, как важна авиация при настоящих войнах, по этому поводу также высказываются американские военные обозреватели.

20 декабря [1941 года]

На работу пришел в 7 часов утра. Дома темно, опять нет воды. Радио передает приятные вести — вернули ряд городов. Это поднимает дух. В «Ленправде» перепечатана хорошая передовица из ЦО «Правда» «Лучшие сыны советского народа вступают в партию Ленина-Сталина». Жаль, что мне так много лет. Не хватает сил. А так бы хотелось принести пользу! Подумать надо крепко!

Сводки смотрел в очередном номере газеты. Интересно выступление бывшего американского посла в Москве Дэвиса, где он отмечает неоднократные заигрывания Гитлера с СССР, выступления на сессии японского парламента министра иностранных дел Того, а также послание Рузвельта конгрессу. Ежедневно настолько интересные газеты, что прямо не оторваться. Что творится на белом свете — дух захватывает. Так хочется жить, а хлеба нет. Сегодня был артиллерийский обстрел нашего района.

22 декабря [1941 года]

С утра идет дождь. На работу вышли в 7 часов. Кругом темно и лужи. У моей Лидуси рваные боты. Как она, бедная, добежит до работы? Ей очень далеко идти. Бедняжка, сейчас я ничем не могу помочь. У меня сегодня упадок сил. Очень хочется есть, ноги дрожат, ходить не могу. Получил очень много московских газет, но читать не мог, так как дома света нет. Едва досидел до вечера. Вечером Лидуся принесла обед, хорошо накормила, проявила особую внимательность и заботу. Принесла витаминных хвойных игл. Так трогательно с ее стороны. Очень, очень приятно. Я давно не видел такой заботы, а она мне очень нужна. Приятно.

По радио передавали приятные новости. Наши освободили и заняли Грузино, Будогощь и Крапивино около Тулы. Газет сегодня нет — выходной день.

23 декабря [1941 года]

Встал в 6 часов. Вода не идет. Света нет. Мылся на работе в 7 часов утра. Сегодня ужасный упадок сил. Ноги не идут. Боюсь, как бы не угробиться. Лидусья обеда на работе не достала. Брали кашу и колбасу в нашем буфете, но зато дома сварила чудесный горох. Днем хозяйка из небольшого количества очисток картофеля приготовила с кофейной гущи три лепешки. Съели пополам. Подходяще. Старикам на Мельничный послал открытку. Обещают устроить материал на подшивку валенок. Валенки даст временно Анна Степановна. Воду носил из дома № 12.

На фронте продолжают уничтожать врага. В газете помещена статья о самоназначении Гитлера главнокомандующим вместо Браухича.

24 декабря [1941 года]

Встал в 6 часов утра. По радио — приятные вести — освобождены нашими и заняты узловая станция Горбачево и города Череметь и Одоево.

Темно. Воды нет. Мылся на работе. Обед брал в столовой. Просидел два часа. Хлеб взял по норме на завтра. Ужасно хочется есть. Разговоры о прибавке хлеба с 1 января надоели. Утром была воздушная тревога. Опять начинает беспокоить немчура. Когда же это кончится. Вечером достал последний кусочек дуранды. Сегодня сильная слабость.

Моя Лидусья плохо себя чувствует, поэтому легла спать в 7 часов.

В газете помещена беседа генерала Сикорского с представителем печати о его поездке в СССР.

25 декабря [1941 года]

Едва встал в 5 часов 30 минут. Усталость, истощение от голода. Послушал радио в 6 часов и еле-еле дополз до службы. Лидусья изругала и перессорилась, как будто я виноват, что я голоден. Придя на работу обрадовали. Увеличили норму хлеба на 200 г. Как хорошо. Жаль, что не получил вчера вместо масла плавленный сыр. За завтра хлеб съел утром. Руки и ноги дрожат.

Света дома нет. Воды также. На улице мороз. Газеты получил за 19 и 20 декабря.

В газетах много материала о смене германского командования, главным образом о Браухиче. Интересно, что из этого выйдет.

26 декабря [1941 года]

Встал, как всегда, в 5 часов 45 минут. Мою Лидуську всю ночь тошнило. Лежит больная без сил. Уговаривал не ходить на работу — отказалась. Побрела. Мороз градусов на 25. Хозяйка угостила великолепными сухариками. Откуда, не говорит. Искал конфет и вино — нигде нет. Сегодня сообщили, что на Ленинградской железной дороге в управлении умер от голода бывший наш сослуживец Копяшкевич. Обедал в буфете — суп с тремя макаронинами и мучная каша. Порций бы десять таких каш, можно было кое-что почувствовать. В столовой пока ждал и обедал, закоченел. К вечеру выдохся, опять сил нет. В 4 часа был на совещании актива в Дорпрофсоже, просидел до 7 часов 15 минут. Любят профсоюзники много говорить. Сейчас надо больше делать и меньше говорить. Пора бы сделать выводы. Дома темно. Света нет. К вечеру совсем обессилел. Вечером была воздушная тревога, летали часа полтора. В такой мороз бандиты не успокаиваются. Скорей бы прорвать кольцо блокады. Днем проводил общее собрание по вопросу сбора теплых вещей и подарков бойцам РККА. Кажется, дошло — результаты уже имеются, собрано наличными рублей 150.

Звонил Михаил Самарин. Его мобилизовали в отдел охраны — кажется на культработу. Ну, очевидно лучше будет питаться, а то он съел двух своих собак, кошек и так далее.

В газете интересны статьи: «Заявление Черчилля и Рузвельта на пресс-конференции в Вашингтоне», в которых останавливаются на положении в Германии, причинах успехов Англии, о помощи со стороны США, о политических проблемах после окончания войны и т. д. Гитлер издал приказ о смертной казне за не сдачу теплых вещей для армии...

Успехи нашей армии великолепны — гонят и преследуют «немчуру». Как жаль, что такие разрушения и уничтожения, восстанавливать хватит надолго. События настолько быстры, интересны, и их так много, что не успеваешь все охватить. Как будут счастливы те, кто переживет весь этот кошмар.

28 декабря [1941 года]

Воскресенье. Встал в 6 часов. По радио передали, что сегодня выходной день переносится на 1 января. Вчера вечером радио не работало, потому запоздали. На работу пришли только некоторые работники, пришлось переносить с 4 января на первое.

Успехи наших войск на фронте по-прежнему продолжают, заняты населенные пункты и города Лихвин, Висковичи, Новосиль и Тим. Немчуру громят вовсю, уничтожают, как требует товарищ Сталин. Коалиция дружбы все перенесет, и Гитлер опять просчитался, впутав Японию с целью разбить дружественные отношения США, Англии,

Китая и СССР. Сегодня помещено в газете «Обращение Рузвельта к американскому народу», в котором он просит сделать все, чтобы увеличить производство оружия до максимума. Это лишний раз подтверждает, что дружба коалиции крепнет и Гитлер просчитался. В то время как в Финляндии «голодная зима», «уныние и пессимизм в Германии».

29 декабря [1941 года]

Сегодня в 5 часов 20 минут отправился на лекцию Добржанского в Центральный агитпункт, что на Мойке. Дошел быстро, за сорок минут, но все силы потерял. Если идти обратно — не дойти. Лекция «Итоги Отечественной войны за шесть месяцев». Читал великолепно, я получил громадное моральное наслаждение. Хотя силы покидали. С лекции пошел ночевать к Марии Ивановне, тетке Лидуси, где была и жена. Советовался с Фрицем Михайловичем относительно вступления в партию, конечно, советует.

Дома холодно, темно и без воды. На улице мороз. Днем и вечером были обстрелы.

30 декабря [1941 года]

Ночевал у тетки Лидуси. На работу шел с улицы Герцена. Вышел в 7 часов 45 минут, пришел на работу в 8 часов 30 минут. Дошел еле-еле. Холодно. Хорошо, что Мария Ивановна угостила кусочком хлеба, а то бы не дошел. Передал сослуживцам содержание лекции, так как записал вкратце конспект лекции, передача получилась приличная. Завидовали, что я был на лекции, между тем сами не рискнули пойти. В московской «Правде» интересная передовица о переговорах Сталина с министром иностранных дел Великобритании Иденом. Вопросы, касающиеся ведения войны и послевоенной организации мира и безопасности в Европе.

Сегодня также объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном налоге», по которому мне придется ежемесячно платить 40 рублей.

Манила объявила себя открытым городом — по этому поводу Заславский в ЦО «Правда» поместил статью «Петэновские методы на Филиппинах». Действительно, между Парижем и Манилой нет никакой разницы. Два сапога пара. Это тебе не Ленинград, не Москва, Тула и так далее. Столица Филиппин город Манила мог сопротивляться врагу. «Лишения и бедствия были бы с избытком возмещены славой народа и истощением сил противника».

Идут разговоры о прибавке хлеба с 1 января. Сладостей нет. По карточкам только хлеб. В столовой жуткий холод. На работе точно так же, как и дома, нет воды и света. Беда. Не могу читать, а Лидуся подарила мне книгу Тынянова.

31 декабря [1941 года]

Сегодня канун Нового года. Что сулит он нам? Самое страшное — голодная смерть. Никогда еще в моей жизни не было таких переживаний, как в данный период. А жить так хочется, как никогда. Да! Интересное время переживаем, какие события и с какой поспешностью переживаем. Прямо не успеваешь следить. По радио сообщили в последний час. Наши войска заняли Керчь и Феодосию. По этому поводу Сталин послал приветственную телеграмму командующему Кавказским фронтом. Хорошая статья Ем. Ярославского «Год великих испытаний» помещена в ЦО «Правда» за сегодняшнее число. Действительно, как начали мы хорошо жить. Какие хорошие перспективы были у каждого из нас, и что получилось благодаря такой разрушительной войне. Голод, обнищание и смерть. Неужели народ не осознает и не уничтожит этот «нацизм»?! Проклятый Гитлер!

Лидуся звонила и просила разрешение поехать в Рыбацкое к Музе Григорьевне. Я согласился. Буду дома один. Просидел на работе до 7 часов 30 минут. Света нет. Домой пришел, оказывается, Лидуся дома. Никто за ней не приехал. Решили напечь лепешек и пить чай. Мне выхлопотали с 1 января рабочую карточку. Я ожил. Хотя бы хлеба буду получать 350 г. Уже достижение. Разговоры есть, что с 1-го числа норму увеличат. Табаку нет, папирос также. Колол дрова в квартире. В 10 часов 15 минут приехали военные, и мы поехали к Музе Григорьевне. Холодно в грузовой машине, хотя и закрытый ящик. Приехали без 5 минут 12 часов. Оказывается, у них полно военных. Великолепный стол и масса света. Сейчас же усадили за стол. Начались тосты. Муж Музы — новорожденный. Только что принят кандидатом ВКП(б). Он писатель Григорьев Николай Федорович, сейчас сапер в чине капитана. Перед ним все преклоняются. Интересный мужчина внешне и внутренне. Выпили водки и вина. Закуски — селедка в масле с картофелем, шпроты. Масла и хлеба много. Сыр, котлеты из рыбы. Вареный рассыпчатый картофель с маслом, мясные фрикадельки с рисом. Кофе с сахаром, сухариками и горячими коржиками. Ну, в общем, как во сне... Что значит голод! Я никогда не мог себе представить, что так буду встречать Новый год. Сыт был до отказа. Лидуське было плохо от жары, и нам пришлось уйти отдыхать часа в 3–4. Спали до 10 часов. Папиросы у Музы Григорьевны нашлись. Я с куревом. Николай Федорович читал один из своих рассказов про диспетчера на Октябрьской железной дороге. Говорит, на нем хорошо заработал. Говорили о литературе, о писателях и так далее. Мужик неглупый. Музе повезло. Как и чем могла она его заинтересовать?! Все же люди разные, и она во всех отношениях ниже его. Но и сама она умеет устроиться в жизни. Молодец, не пропадет. Она также кандидат ВКП(б).

1 января [1942 год]

Новый, 1942 год. В самый разгар Великой Отечественной войны встретили мы новый 1942 год. Прошел 1941 год — год страшных бедствий, вызванных наглым и жестоким вторжением немецких орд в пределы нашей Родины. Год тяжелый, кровавый, достопамятный. Наступает новый год борьбы, испытаний и битв. Что нас ожидает — история покажет. Сейчас тяжело.

Встал в 10 часов в Рыбацком. Ночевали с Лидусей у ее подруги Музы Григорьевны. Она напоила чаем с сахаром и бутербродами с маслом. Дала мне папирос. Но вот беда — возвращаться домой не на чем. Машины нет. Поезда идут плохо, и без пропуска не продают билетов. Пришлось идти пешком. Закутали нас тепло. Лидуське дали меховые валенки. Как она дойдет, не знаю. Мороз 25 градусов. Вышли в 5 часов, дошли в 9 часов 30 минут. Дошли все же. Погода великолепная, лунная. Ну и прогулка — 16 километров. Это можно было сделать только после сытного обеда, иначе мы протянули бы ноги.

Дома приготовили лепешек и напились чаю с патокой, вспоминая встречу Нового года.

По сводке, наши войска заняли Калугу и крупный железнодорожный узел Новые Кириши. Иден уже возвратился в Лондон и заявил, что был счастлив увидеть некоторые из подвигов русской армии, чрезвычайно удовлетворен визитом, который очень ценен.

А все же света нет. Воды нет. Трамваи не идут. Радио не работает. Норму хлеба не изменили. Тяжело. Очень тяжело.

2 января [1942 год]

Радио не работает. Мороз 30–32°. Трамваи не идут. Электроэнергии нет. Водопровод замер. На работе темно до наступления света. Вечером также нет света.

Люди все больше и больше истощаются и ползут, как тени. На работе много больных. За отправку с работы на квартиру рабочего Николаева заплатили двум курьерам 200 руб. Жаловались, что измучились. Что значат теперь деньги?! Купить можно только продукты. На рынках идет все на обмен. Керосин, масло, вещи только на продукты: дуранду, хлеб, сахар, конфеты и т. д. Зарплату с 20 декабря не платят, и не слышно, чтобы заплатили. Газет нет. Совсем темно. Дома ругался с Лидкой всюю, у нее какая-то «инквизиторская» манера. Я дохожу до иступления. Никогда в жизни еще не были [так] натянуты нервы. Принесла вместо сахара и конфет повидло, говорит грамм 500, а всего, наверно, 150. Уже скверная черта. Обман. Доверие пропало. Вообще со мной она теперь держится иначе, чем до замужества. Дружбы нет никакой, теп-

лых, внимательных, заботливых отношений никаких. Все делается, видимо, только для себя, а на языке: «все для тебя». Во всем оговаривает. Все не так. Кричит. Ругает. Передразнивает. Нет, к такой семейной жизни я не способен. Придется уходить. Пока еще совсем не угробила. Вот женщины. Черт их разузнает. Всыпался на старости лет. Надо как-нибудь выкручиваться.

3 января [1942 год]

Мороз немного спал. Градусов 25. Хочется есть. Получил 250 г. хлеба и сразу съел. В столовой ужасный холод. Воды нет. Обед из какой-то ржаной муки и два кусочка колбасы поместился в стакане. Разогрел дома. Съел и голоден. К вечеру на работе дали свет. Силы иссякли. Читал газеты до 8 часов 15 минут. Ходить могу с трудом. Пришел домой вместе с Лидой в 8 часов 30 минут. Просил кусочек сухаря из своего хлеба. Выругала и опять давай инквизировать. Изругалась до невозможности и только после этого приготовила три лепешки из дуранды. Сказал, что я больше не могу с ней жить. Эти инквизиторские пытки не под силу. Просил вернуть мои карточки, однако не отдала. Лег спать почти голодный.

В газетах масса новостей, но у нас все больше и больше трудностей.

Закончил читать I часть «Войны и мира». На работе главбух Высоков еле-еле сидит — совсем истощал. Как бы нам не угробриться. В кооперативах ничего нет. Лидуха прикрепил новые карточки в магазин и получила только соль.

В доме умерли две девочки, от голода перед этим умерла их мать. Отец отвез [их] прямо на кладбище на саночках.

4 января [1942 год]

Встал в 6 часов. Слушал радио. Мороз градусов 25. Проклятый голод. Немного протер дуранды, выпил кипятку с патокой. Лидка ушла раньше. Просил без конца оставить продуктовые карточки. Бросила конверт, не слова не сказав. Посмотрел — оказывается, по всем карточкам вчера она забрала себе обед, мясо и масло. На один день оставила меня без обеда. Вот это забота! Возмутительно! Прямо из рук вон. Я возмущен таким поведением и отношением до глубины души. Надо избавиться от такой подруги. Наберусь смелости и обращусь к старой приятельнице А. Ф. или останусь один. Это вернее. Теперь понятно, почему она торопит подписать на нее страховку жизни, подарить обручальное кольцо и пр. К черту таких друзей жизни, это отъявленный враг. Учтем.

Ходил в столовую. Пошел в 11 часов, вернулся в 13 часов. Замерз до ужаса. Получил кашу из ржаной муки, хотя это название муки, по-моему, какая-то смесь, и котлетку величиной с свиной пятачок. Хлеб 200 г отвратительный, да и то за ним стояли 2 часа 30 минут. После такого обеда есть хочется просто ужас как. В буфете и городе хлеба недостаточно. Говорят, не успевают выпекать и подвозить. Нет топлива и транспорта. Что будет дальше?

Сегодня воскресенье, но работаем за 1 января. Хотя, что это за работа, когда без света, тепла, голодные. Греются около печек и стоят в очереди за хлебом.

По карточкам получил отвратительное вино. Цена 12 рублей, что с ним делать — это вода. Сообщили, что умер от истощения рабочий Николаев. Чья следующая очередь?! Быть может, моя.

Купил «Ленинградскую правду», так как по подписке не получить ни одного номера. Интересная передовица о варварском опустошении занятых немцами мест. У них даже приказ имеется специально при отступлении оставлять «зону пустыни». Вот варвары. Такой войны еще мир не видел.

В Вашингтоне подписали декларацию 26 государств, обязующихся употребить все силы на уничтожение гитлеризма.

Интересное выступление Черчилля в канадском парламенте.

Домой вернулся в 8 часов. Пришел Виноградов. У него умирает старуха — ну да ей ведь 85 лет, пора к тихой пристани. Сегодня квартирная хозяйка А. С. Виноградова стояла в очереди за хлебом, поскользнулась, упала и расшиблась. Отправили в больницу.

С Лидуськой опять поссорились, и крепко. Все на почве голодовки. Когда же будет улучшение — прямо невозможно. И будет ли?!

Лидуся принесла патоки. Кипяток пил сладкий. Достижение. Темнота действует умопомрачительно.

5 января [1942 год]

Встал в 6 часов. Слушал радио. Сильная слабость. Темно. Воды нет. На улице много снега и потепление. Когда поднимался по лестнице на работу, споткнулся и упал. Разбил себе правое бедро. В темноте ничего не видно. Зарплату не дают, да все равно покупать нечего.

Лидухе прислали две открытки от Вовы. Они, видимо, живут лучше нас. Письма от 8 и 16 ноября, сегодня январь. Вот сообщение.

Дома ругаемся вовсю. С Лидкой просто стало невозможно. Чем все это кончится. С 3 часов радио не работает. Вечером пили кипяток с патокой. В кооперативах ничего нет. Кормят мало и отвратительно, ползаешь как муха. Днем и вечером был артиллерийский обстрел. Поджарил и смолот в мясорубке картофельные очистки, буду варить завтра суп.

6 января [1942 год]

Встал в 5 часов 30 минут. В комнате холодно и темно. Топил «буржуйку». Вскипятил кипяток и пил с патокой. Какое счастье! С Лидухой переругались в дым из-за талончиков на обед. Она небрежно оставила на столе и потом меня же ругает. Удивительный человек. Упрямая, настойчивая, хотя и не права, не сознается. Нет, так долго не проживем. Только травим друг друга.

На работу ушел в 7 часов от скандала и ругани. Вечером пришел в 8 часов. Начали по-хорошему, потом перешли на ругань из-за еды. Опять упреки, что я много и только один ем, и пошла. Разругались, и перестала говорить. Отказалась от сухарей. Упрямая, настойчивая до невозможности. Нет, ничего хорошего не выйдет. Придется подыскивать и устраиваться по-другому. Никаких «принцесс», к черту. Фасону много — толку никакого. Надо попроще, но потолковее, сговорчивее и заботливее, а это за мамиными спинами воспитанные белоручки.

В «Известиях» помещена очень интересная статья Ев. Петрова «Что такое счастье». Действительно, мы много говорим о нем, но никогда не замечаем, не ценим, когда мы счастливы.

7 января [1942 год]

Встал в 5 часов 45 минут. Слушал радио. Вскипятил кипяток, выпил с четырьмя сухариками. Есть хочется, как никогда. Силы совсем покидают, как бы не угробиться. В 7 часов был на работе, купил хлеба на завтрак и весь съел. Упадочное состояние.

Сегодня опять днем был артиллерийский обстрел и нашего района. Беда, что по карточкам не дают масла и конфет. Погибнем. Днем носил воду из дома 12 и чистил уборную. Хозяйка лежит в больнице, говорят, скоро выпишется, расшибла себе переносицу. Вот бабка со здоровым сердцем, пьет все время чай, спит и сама с собой разговаривает. Старые люди крепче нас, молодых. Жили, видимо, не тужили.

Вечером Лидуська принесла две порции каши и одну котлету конскую. Великолепный вышел суп. Легли спать рано, в 10 часов. Радио с 3 часов не работает. Без света, как в могиле.

Начал читать на работе сборник памяти Толстого «Война и мир». Ее, кстати, готовят к постановке в театре Ленинского комсомола.

Вечером приезжали от Луизы Григорьевны за ее вещами. Вернул валенки. Написал письмо, прошу картофельных очисток, быть может, и пришлет. Ужасно хочется есть. Будет ли такое время, что можно вдоволь поесть хотя бы хлеба?! Доживу ли?! А так хочется еще пожить.

В кооперативах ничего нет. За III декаду декабря ничего не дают, а по новым карточкам и говорить не приходится.

В газетах короткие сводки и перепечатки из московских сообщений. Московских газет нет. Успехи на фронте есть, но на Ленинградском что-то замедлилось с прорывом блокады, поэтому мы опять дохнем с голода.

Интересны потери авиации держав оси и Англии в 1941 году — 4003 самолета. Англия потеряла 2180 самолетов. С начала войны эти два военных театра уничтожили около 8935 самолетов держав оси и английских 3961 самолет, не включая потери германской авиации на советско-германском фронте. Ужас подумать только. Как можно было бы улучшить материальные блага человечества, чем затрагивать такие колоссальные средства на разрушительные материалы. Люди и придумывают средства, чтобы больше уничтожить людей.

Наши профсоюзники выступали в Англии на профсоюзной конференции. Завидую я таким энергичным способным людям, как т. Шверник, и жизнь их полна боевой работы и разнообразий масса, а тут обывателем прозябаешь и не заметишь, как попадешь в ящик.

8 января [1942 год]

Встал, как всегда, в 5 часов 30 минут. Радио не работает. На работу пришел в 7 часов. Купил 200 г хлеба. Сильная усталость, особенно хочется есть. Карточки отдал Лидуське, принесет есть только вечером. Не знаю, как я проживу. Народ голодает и мрет. Наш главбух Высоков совсем высох. Днем носил воду из дома 12 и чистил уборную. Дома одна бабка. Вечером ночевал Сергей Иванович Виноградов, он хоронит свою бабку. Вечером читал «Швейцарский поход Суворова». Очень тяжело, т. к. написана книга тщательно стратегически. Был в библиотеке, взял вторую часть «Войны и мира» Толстого.

Дома темно и холодно, вода не идет. Лидуська приготовила суп из каши и котлеты. Жидко, но ничего не поделаешь. Ах, этот голод! Неужели не переживу. Днем заходил бывший работник Ганичев, принес три пряника домашних, великолепная вещь. Видимо, он неплохо питается. Черт их знает, есть же люди, имеют продовольствие. Легли спать в 10 часов.

Газету получил только за 7 января. С прорывом блокады ничего не слышно. Видимо, не так просто. Второй день полный вокзал — бойцов отправляют на фронт. В газете за сегодня помещена нота НКВД т. Молотова о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей. Жуть берет, когда читаешь. Нет слов и возмущения, кровь стынет от ужаса переживаний. Такой войны еще история не знала.

Как будет счастлив тот, кто переживет это время. Никогда не было такой войны. Что в сравнении гунны, готы, иезуиты, инквизито-

ры и пр. — немцы-фашисты их превзошли и затмили, но должен же настать час расплаты!

9 января [1942 год]

Встал в 5 часов, ждал радио, но оно не работает. Пролежал до 7 часов. Напилился кипятку, обмыл банку из-под патоки, и еле-еле добрался до работы. Свет с 3 часов ночи не горит — темно. Хожу небритый, прямо ужас. Мыться негде, заводятся вши. Соломон еле ползает, смотреть жутко. Хлеба на завтра получил 200 г, никакой прибавки нет. На работе курьерша Цветкова принесла немного студня из каких-то ремешков — угостила. Съел, конечно, чувствуется, набил чем-то желудок. Ходил на Кузнечный рынок, хотел променять два куса столярного клея, но ничего не вышло. Говорят, из него варят студень. Сегодня опять полный вокзал бойцов. Радио не работает. Газет нет. <...> Дома темно, холодно, воды нет. Все ходят голодные. Парторг Ефимов чуть не вырвал кусок хлеба — пристал дай и дай. Я сам голодный. Вот жизнь! Говорят, ежедневно умирает по 5 тысяч человек. Кто мог думать! Кошмарная война! На работе темно, света нет. Ушел домой в 6 часов. Лидуська принесла на обед три каши и одну котлетку — вышел жидкий суп, но все же лучше, чем в столовой. Принесла опять патоки — пока живем. Папирос и табаку нет.

В «Ленинградской правде» помещено послание Рузвельта конгрессу, где он отмечает, что планы:

1) Японии имеют полувековую давность, порабощение народов Дальнего Востока и островов Тихого океана, военно-морской контроль над западным побережьем Северной, Центральной и Южной Америки.

2) Италии — с 1935 года, аналогичны и грандиозные устремления планов Гитлера. Интересно начал, а закончил Рузвельт божественным, т. е.: «Нас вдохновляет та вера, которая своими корнями уходит далеко назад к первой главе книги Бытия, в которой говорится: “Бог создал человека по своему образу и подобию”. Мы стремимся сохранить свою верность этому божественному наследству». (Статья заслуживает прочтения). Не безынтересно выступление по радио Идена о поездке в СССР.

10 января [1942 год]

Встал в 7 часов, хотя плохо спал с 2 часов ночи. Все мешают мыслить о сухарях и хлебе. Радио не работает. Света нет. Холодно в квартире, на улице мороз 25°. На работе опять без света. Красноармейцы ночевали на 3-м этаже, сильно напакостили. Поломали замки от кладовой. Семья не без урода. В грузовом цехе и коридоре наклали хуже лошади. Свины. В 2 часа начался обстрел. Радио не работает, газет нет. Утром еле-еле до-

шел до работы. Еще такого упадка сил не было. Хорошо, что рабочая Цветкова опять дала студня из каких-то ремешков, я ожил, а то совсем гроб. Не протяну дальше. В кооперативах ничего нет. Хотел променять немного одеколона и денатурата, но красноармеец давал только один сухарь. Я отказался: это не спасет. На работе все голодные, валяются с ног.

В «Ленинградской правде» помещены сообщения о росте недовольства в Финляндии на почве голода. Народ требует прекращения войны. Я представляю, что значит голод, но одного желания народа мало, нужно организовать это желание руководителем, «авангардом передовых людей народа», и повести народ к этой цели.

Вечером остался ночевать на работе. т. к. Лидуська должна мыться у себя на работе, завтра получить обед там же, а ходить страшно холодно. Уговорил ее также остаться у себя на работе.

В «Сталинце» помещена интересная статья «В освобожденной Феодосии», где отмечают разрушения в городе и бывшего «городского голову» из воров Бахчисарая. Не успел бежать — получит по заслугам.

11 января [1942 год]

Встал в 7 часов. Ночевал на работе. Темно. Радио не работает. Газет нет. Жду, когда позвонит Лидуська с работы. Днем читал, делал записи. Мороз на 35°. Боюсь выходить, к тому же сильная слабость. В столовой колоссальные очереди и, кроме колбасы, ничего нет. Табака и папирос нет. Ходил у каждого стрелял. Прождал звонка Лидуськи, и только в 4 часа она сообщила, что вся замерзла, стояла в очереди за обедом с 8 часов утра. Я голодный — не обедал вчера и сегодня. Конечно, поссорились по телефону. В седьмом часу встретились дома, опять ругались, и все на почве голода. Неужели не будет улучшения. Неужели медленная голодная смерть. Жутко. Воды и света дома нет...

Шпионы Гитлера наблюдают за Герингом. Видимо, положение сильно обострилось между Гитлером и командованием после отставки Браухича. По сведениям иностранных газет, гестапо известно якобы о попытке покушения на Гитлера. Хотя бы что-нибудь предприняли с этими бандитским извергом, весь мир бы мог свободнее дышать.

12 января [1942 год]

Мороз градусов на 35°. Встал в 7 часов. На работе темно. Воды нигде нет. В столовой ничего, кроме кофе, не дали. Счастье, что рабочая Цветкова снабжает домашним студнем из каких-то ремешков. Стасиневич прислал письмо, просит купить крупы и хлеба. Умирает от голода и истощения. Я сам в таком же положении, сходить к нему на Петроградскую сторону не могу, т. к. ноги не идут. Достал пачку «Звез-

дочки»: ночью буду обеспечен куревом, а то днем стреляешь как зачумленный.

Ленинградский городской комитет ВКП(б) выпустил обращение к железнодорожникам Ленинградского узла Октябрьской железной дороги, плохо работаем. Надо проработать, хотя народу и мало. Жаль, радио не работает.

В 4 часа звонила Лидуська, со столовой тоже беда. Народу много — скандал и драки. Второй обед не дают, отобрали льготный пропуск, совсем беда. А есть хочется, как никогда. Насчет прибавки ничего не слышно. Зарплату не дают. Банк не работает. В «Ленинградской правде» передовица за 11-е число «Навести порядок в жилищном хозяйстве», где привлекают не только управхозов, но и жильцов к сохранению жилого фонда. Трудно, но на самом деле бытовые условия невероятные.

13 января [1942 год]

Встал в 6 часов, затопил буржуйку. Темно. Радио не работает. Сегодня чувствую крепче, даже сам удивился. На работе Соломон отвратительно себя чувствует. Весь день возились с ним. Носили в медпункт ставить клизму, ничего из этого дела не вышло. С большим трудом отправили на саночках домой. Видимо, не выживет.

Света нет. В столовой со скандалами дают суп (вода) и мороженный плавленый сыр. Стоят в очереди три часа. Мороз ужасный. Воды нигде нет. Пришлось идти на товарную станцию. Говорят, что председатель городского совета выступил в беседе с корреспондентом по вопросу продовольственного положения в Ленинграде.

Эту статью зачитывали на производствах. Народ настолько изверился, что просто отчаивается и молчит. Говорят, от истощения гибнет ежедневно по 15 000 человек. В кооперативах ничего нет. В столовых ничего нет. Жутко. Сегодня объявлены нормы в счет января.

В городе начались пожары. Сегодня горит Гостиный двор, [дома] на ул. Пестеля, Халтурина и др. На продуктовые магазины нападения с целью грабежа, конечно, на почве голода. В трибунале судят к расстрелу. Масса таких случаев нападения и на граждан. В частности, у Лидуськи сегодня хотели вырвать сумочку, счастье, что она была крепко завязана на руке. Бандиты пользуются темнотой, расстреливать надо беспощадно. В связи с воровством, массой умерших, эвакуированных и т. д., карточки которых не возвращаются, в городе опять будет производится перерегистрация <...> с 12 по 20 января. Народ предполагает, что после этого будет прибавка. Однако все не дождутся и готовятся к смерти.

В газетах помещено выступление Эттли в палате общин. Новый германский нажим на Венгрию (к поездке Риббентропа в Будапешт) и пр.

14 января [1942 год]

Едва-едва встал в 6 часов. Сильная слабость. Ноги еще двигаются. Видимо, скоро попаду в ящик, а жаль. Во сне снится картошка, селедка, масло и т. д., но это только сон. Неужели наступит такой день, что можно досыта поесть?! Просто не верится — это сказка.

Радио не работает. Света нет. Газеты получил с 1 по 6 января, «Известия», «Правда». Воды нет — бегают по всему городу. Пожары продолжают гореть. Зарплаты не выдают. Скоро уже должны платить третью получку, [но] денег в банке нет.

15 января [1942 год]

Упадок сил, ноги еле двигаются. Встал в 6 часов. Холод и темнота. Радио не работает. Воды нет. Есть нечего. В кооперативах огромные очереди за хлебом, а хлеба нигде нет. Работницы случайно достали мне 200 г — бегали на ул. Чайковского. Большинство не получило. Просто ужас. Днем поднял домой две доски и дровишек, ну и совсем потерял силы. С Лидуськой по телефону ссорился из-за обеда. Просто ужас. Разговоры об улучшении питания и прибавке хлеба всем опротивели. Вместо улучшения ухудшение. Лидуська принесла два супа-воды, две каши и оладьи. Из всего смешанного получился неплохой суп.

Сегодня заработало радио, правда, слабо, но кое-что слышно. Температура воздуха немного потеплела.

Главбуху совсем плохо, видимо, подошел конец. На работе была его жена, угостила несколькими папиросами. Хоть душу отвел. Табаку и папирос нет. Просто ужас. Город стал мертвый. Только и слышишь — тот умер, там умер и т. д. Жутко. Жутко.

Передовица «Ленинградской правды» «За четкую работу железнодорожного транспорта», кроют Октябрьскую железную дорогу за плохую работу. Неужели такие вредители на Финляндском узле — надо скорее с такими разделаться. Но работники в свою очередь говорят, что онидохнут от голода.

16 января [1942 год]

Все же встал в 5 часов 30 минут, хотя ноги подкашиваются. На работу пришел в 7 часов 30 минут. Радио передает последние известия. Взято Селижарово, а на Ленинградском фронте все по-прежнему — никак блокаду не прорвать. За хлебом тысячные очереди. Мои сослужив-

цы хлеба не достали. Не знаю, что будет к вечеру. В столовой обещают суп и лучшую кашу, но когда она откроется, неизвестно, т. к. объявили, что мука застывшая, надо отогревать. Сегодня совсем голод без хлеба. Видимо, подходит конец. Вот добились до ручки, тяжело, невыносимо тяжело. На работе сотрудники сидят голодные около печки. В банке зарплаты не дают — закрыт сегодня и завтра.

Хлеб и обед работники получили в 3–4 часа. Дали ржаной каши. Великолепная вещь, но очень мало, и то народ ожил. Я сижу на одном хлебе и даже студня из ремешков рабочая мне не принесла. Звонил Лидуське, она не в настроении, ответила: «Чего ко мне пристаешь?» Я повесил трубку, какой может быть дружеский разговор при таких эгоистических взглядах. Жизненного опыта нет. Забота только о себе, «так мама научила». Разница в возрасте и во взгляде на одни и те же предметы говорят за то, что надо расходиться. Толку не будет, а ругаться бесполезно. Боже мой! Только бы выжить и поправиться. Все говорят, улучшение будет дней через пять-шесть. Дотянуть бы?!

17 января [1942 год]

Встал, как всегда, в 6 часов. Холодно, дует и в окна, и в двери. На керосинке подогрел и сделал себе из вчерашнего супа-воды тюрю — посыпал хлебца, перцу и соли. Стакан выпил горячего и пошел на работу. Ах, как хочется съесть густого. Думается, что это сказка, фантазия, сон. Боже мой! Что значит голод! Как хочется жить.

Радио работает плохо. Воды нет. Света нет. Хлеб сегодня выдали быстрее и хорошего качества. Рады очень. В столовой также быстрее и дают суп-воду и котлету из кишок величиной с мизинец, но все же с гарниром и маслом, народ радуется. Ждут прибавки хлеба с 21 января, и вместе с тем все боятся верить. Неужели правда — будет увеличение нормы... Ведь это вернет к жизни, к существованию. На работе регистрируют продовольственные карточки. Я свои не принес. Сегодня с утра было лучше, днем опять падают силы, хотя рабочая опять угостила студнем из ремешков.

Какой нелепый случай. Не успели увезти Соломона домой, как он умер голодной смертью. Сегодня послали к нему на квартиру — оказывается, его уже похоронили дня 3–4 тому назад. Стерва-жена приходила за карточками и ничего не сообщила. Очевидно, хороша была, что он боялся ехать домой. Жаль, мужик был неплохой.

Сегодня в московской «Правде» за 15 января напечатана переписка и приказ гитлеровского генерала фон Рейхенау об уничтожении всех исторических и художественных ценностей и об истреблении мужского населения в захваченных немцами советских районах. При-

каз действительно чудовищный. В газетах масса интересных статей, но читать темно. Так жаль, что читать приходится урывками и с запозданием. Интересная поездка наших профсоюзников в Англию.

18 января [1942 год]

Сегодня воскресенье. Хотя и холодно, проспал до 9 часов. В 10 часов пришел на работу, читал ЦО «Правда» за 16 и 17. Ждал Лидуську с обедом. Пришел домой в 4 часа. У нас была гостья — теща Полина Сергеевна. Рада до предела. Жива, хотя еле двигается. Целовались и плакали от всех переживаний. Какой кошмар — голод! Сегодня выпросил кусочек хлеба в отделе охраны и на 2–3 закрутки табаку. Вечером обедали все трое. У Лидуськи, оказывается, была запрятана патока для Полины Сергеевны. Ну и хитрющая женщина. Я не ошибался, что у нее забота прежде всего о себе и своих. Надо будет это учесть в будущем.

19 января [1942 год]

Темно и холодно, до 30°. Теща ночевала, отдыхает, т. к. прошла из Мельничного Ручья километров 25–30. Дома напилела дров, приготовила киселя, выстирала часть белья. Молодец женщина, только чересчур балует дочку.

На работе темно. Обещают прибавить хлеба, но только разговоры. Эти разговоры доводят до тошноты, а толку нет. Регистировал продуктовые карточки. У меня пухнут ноги — печально, но факт.

Мороз жуткий до 32°. Встал и пошел в булочную в 6 часов. Хлебом поделился с тещей. Она пошла обратно в Мельничий Ручей. Как дойдет, не знаю. Благодаря ей более или менее лучше питаемся. Привезла немного калины и овсяной мучки. Получил по 100 г сахарного песка, так приятно, что и сегодня же съели. Заморили червячка. Жалко, что дают так мизерно. Заходил к Анне Иосифовне, она лежит дома, жива. Просит куда-либо эвакуироваться.

21 января [1942 год]

Встал в 6 часов. Утром съел немного каши и супа. Подкрепился, хотя силы падают с каждым днем. Радио не работает, темно и холодно. У Лидуськи с обедами дело не клеится — отказали в льготной карточке. Плачет. С питанием действительно дело из рук вон плохо. Сегодня успешно распространился слух, что с завтрашнего дня увеличивают норму хлеба. Кажется, не дожидаться, и не верится. А ноги у меня пухнут. Воды нет. Света нет. Радио не работает. Вечером обтирался одеколоном. Упадок сил, что не могу ходить. Был в Дорпрофсоже, просил льготную карточку на обед, ничего не выходит. Администрация обещает схлопотать с 1 февраля.

23 января [1942 год]

Не спал почти всю ночь. Снимая слабость мочевого пузыря. Заснешь — видишь кооператив, хлеб, картошку, вино, водку. Кошмар. В 6 часов 30 минут побежал в очередь за хлебом. Промерз, но увеличили только цену на хлеб с 1 руб. 25 [коп.] до 1 руб. 70 коп. — норма прежняя. Прямо ужас как обидно — пустые разговоры. Силы совсем падают. Табаку нет. Набрал в столе Соломона крошек, кое-как дышу. Договорился с зав. столовой коллективно получать обеды для работников. Первый опыт приличный. Опять болтают, что норму хлеба увеличат с завтра.

Сегодня день памяти Ленина и 9 января 1905 г. На работе вспоминал 9 января 1905 г. Я был еще мальчишкой и плохо разбирался в демонстрации Гапона. У нас на работе не с кем проводить собрания, да и некому. Все думают только о еде.

25 января [1942 год]

Воскресенье. Встал в 7 часов 30 минут, побежал за хлебом. Жуткий мороз — 32°. Отморозил нос, и заоченели руки. Пришлось от боли плакать. Сегодня похороны Михаила Самарина, не могу идти — дышать нечем. За обедом на товарную станцию не пошел, т. к. не могу двигаться. Воды нет, собирали снег и оттаивали. Питаешься кое-чем. Лидуська достала две порции колбасы в столовой вокзала, мало, но ничего не делаешь. Пилили дрова, истопили печку. В квартире холод, т. к. лежит только одна бабка.

26 января [1942 год]

Встал в 6 часов. Темно. Холодно. Мороз градусов 30. Сегодня не выпекли хлеба из-за отсутствия воды. В городе жуткие картины: везут на саночках, в ведрах, в чайниках, кувшинах и т. д. воду. Берут в Неве, Фонтанке и где только придется. Если тележка везет хлеб, за ней тысячная очередь. Я остался без хлеба так же, как и все сослуживцы. Воды случайно достал в отделе охраны. Бегал на товарную станцию — достал, но окоченел. Опоздал получить сахар по 150 г на человека — жаль. Городской телефон не работает второй или третий день. Зарплату за декабрь до сего времени не дают. Жизнь жуткая. Радио не работает. Газет нет. В городе пожары от буржук. Вот это переживания. Кто останется жив, неизвестно.

27 января [1942 год]

Встали дома в 7 часов. Холод адов. На улице 32–35°. За хлебом колоссальные очереди, и он не везде есть. Наши встали в 7 часов утра и получили только в 5 часов вечера. Я хлопотал через столовую, но дали только на один день за 27-е число, просил, молил, выругали и выгнали, а хле-

ба не дали. Без брата — ничего. Ходил за обедом на товарную станцию, получил только хряпу — капуста серая. Обед жуткий. Хлеб съел весь. Вечером пришла Лидуська, ей дали только чуть-чуть каши. Смешали капусту и кашу, съели пополам. Кто вперед умрет, не знаю. Ночевали у меня на работе, так как дома невероятный холод. Ну и жизнь. Народ мрет тысячами. Воды нет. По радио объявили, что вместо хлеба можно получить муку. Но где и как?!

28 января [1942 год]

Встал в 6 часов. Слушал радио. Ночевали на работе у меня. Опять жуткий мороз и колоссальные очереди за хлебом. В буфете дают только за старые числа, а сегодня на завтра нет. Лидуське дал свою карточку, но она также хлеба не получала. Как дальше дышать, не знаю. Когда умрем?! Вот жуткий вопрос. Сегодня или завтра? И так глупо, нелепо умирать. По радио передают, что вся Московская область очищена от немцев, но нам от этого не легче. Мы по-прежнему в блокаде идохнем как мухи.

Дома возился с бабкой. Сажал на горшок, прямо извела. Старые люди здоровее нас. Хозяйка по-прежнему в больнице — везет ей, да и только.

Хлеба не получил так же, как и Лидуська. Ночевать остались у себя на работе. Лидуська у себя.

У сослуживицы Зигмунд умерла мать. Плачет, и разговоры только о покойниках. У девятой платформы целую неделю стоит машина с грудой замерзших тел — что-то жуткое. Водой залиты все улицы. Дворы превращены в уборные, в общем, Ленинград — жуткая картина.

По радио опять передавали, что вместо хлеба дают муку.

31 января [1942 год]

Последний день января. Время летит [с] быстротой молнии, есть нечего, ноги не двигаются. Голод, голод и впереди «царь-голод»... О как это ужасно! Неужели не дождусь, чтобы поесть сравнительно сытно?! Люди так и мрут.

Сегодня оттепель. Спал дома на стульях не раздеваясь, в пальто и шапке. Хотя топили печку, но квартира остужена — холодно. На работу еле добрал в 9 часов.

Весь день ждали карточки, чтобы получить хлеба. Получил в 9 часов вечера и достали немного каши, поел.

1 февраля [1942 года]

Сегодня хорошо спал. Воскресенье. Утром немного закусил супа-воды из овсяных отходов. Ночевали в одной комнате трое. Сегодня

теплее. Ноги слабые, но лучше. Лидуська пошла к себе на работу, я к себе, доставать обеды. Ходил на товарную станцию в столовую, получил две порции тухлой каши, порции мизерные. Александра Степановна получила карточки и хлеб, угостила. С Лидуськой ругаемся в дым. Стреляю у всех табак — курить нечего. Радио не работает. Люди по-прежнему мрут. Звонила Муза Григорьевна, обещает куда-то устроить Лидуську. Прошу устроиться в стационар, но пока не выходит. Газет нет. Никаких новостей нет, как в лесу. Пилили дома дрова, устал, выдохся. Вечером угостила чаем с сахаром Александра Степановна.

2 февраля [1942 года]

У всех разговоры о питании. Жуткое дело — голод. Народ мрет, как мухи. Сегодня достал немного сахара и песку — сосу, как ребенок, и этим поддерживаюсь. С утра разругался с Лидуськой из-за обедов и карточек, она объяснила Александре Степановне, что у меня рабочая группа. Вот язык женщины, что помело. Та, конечно, отказывается угощать хлебом или сухарями из бабкиной нормы. Ну не дура ли после этого баба. Разные мы с ней люди, к тому же она упрямая и с гонором, который никому не нужен. Прохлопала мне все дело. Бабка по-прежнему лежит покойницей. Вечером читал письмо от Люси из Павлодара и написали с Александрой Степановной ей ответ, в котором я запросил о возможности к ним приезда на житье. Из Ленинграда все бегут, кто имеет возможность, а остальные мрут. Вечером варили студень из столярного клея и лепешки из овсянки — ничего, но только колючки небезопасны. А есть хочется. Начальник фабрики подал ходатайство о помещении в стационар меня и себя. Обещали, но не знаю, что будет. Все же получишь продукты без очереди. С нетерпением буду ждать. Лидуська весь день бегала за обедами, водой. Света нет. Радио и телефон не работают. Газет нет.

3 февраля [1942 года]

Весьма печальные новости передало сегодня радио. Феодосию опять оставили немцам. В чем дело? Неужели такая же перспектива в отношении нашего Ленинграда. Блокада не прерывается, народ болтает, что их будут окружать, перережут сообщения, и тогда уже прорвать блокаду. Народ по-прежнему умирает от голода. Газет нет. Зарплаты нет. Света нет. Дворы, лестницы и улицы запущены. В столовых и кооперативах ничего нет.

Моя Лидуська переругалась и с утра ушла за обедами. Хлеб опять не во всех кооперативах, брал на вокзале. Утром приходила старуха, она вместе с сыном эвакуируется в Бологое, где он будет работать, а вместо него пришлют другого, из более здоровых. Еле брожу. Папирос достал за

15 рублей за пачку. Отвел душу. Вечером Лидуська принесла какой-то массы дурандовой, очень вкусная вещь. Опять сварили студень из плитки столярного клея, получилась вкусная вещь, но питательности мало. На работе брезгливо к этому относятся, но есть что-то надо. Послали с Александрой Степановной письмо Людмиле, интересно, что она ответит и когда?! Наши на работе собираются в эвакуацию, но неизвестно, что получится из этого. Герман обещает устроить в стационар. Пока ничего нет.

4 февраля [1942 года]

Встал в 7 часов и пошел в булочную за хлебом. Пока укладывал покойницу-бабку с оттоманки на стол, Лидуська вытащила из портфеля хлеб и по-воровски отрезала себе большую часть хлеба. Попалась, было мучительно больно и до невозможности неприятно. Я промолчал, сказав только: «Ну и номер». Догадалась. После этого просила прощения. До чего доводит голод, с одной стороны, с другой — просто подтверждает мои предположения, что она меня все время обманывает. Такая нечестность в корне убила к ней всякие отношения. Какой же это человек, с которым ты живешь и который тебя так обманывает. Боже мой! Не укладывается.

5 февраля [1942 года]

Встал, как всегда, в 6 часов. Ночи без сна. Лидуська ничего не заботится и только ругает, делая наперекор. Александра Степановна приготовила чай и угостила сухариками и сахарином в долг. Утром Герман направил в политотдел, где получил путевку в стационар, но врач забраковал по «вшивости и слабости сердца». Вот безобразие до чего дожил. Вечером провозился с дровами, подвозили охране. Радио молчит. Водопровод не действует. Народ мрет. Газет нет. Как в лесу, народ собирается в эвакуацию, и разговоры только об отъезде. В столовой кормят отвратительно. Погода солнечная. Как бы снова не стали летать «гости». На улицах масса покойников.

Без даты

Ночевал на работе. Всю ночь не спал. Встал в 4 часа и в 4 часа 30 минут пошел в очередь за хлебом. Дали 147 номерок, но хлеба нет, говорят, будет мука, потом хлеб, если получат. Дежурили по очереди. Все проклинают — голод ужасная вещь. Собираются как-нибудь эвакуироваться из Ленинграда, но это не так просто. Я сам с удовольствием бы уехал в деревню и занялся бы сельским хозяйством. Опять у меня тяга к деревне, как когда-то была. Как бы было хорошо жить в совхозе и работать. Пора мне уже и к тихой пристани. Только бы уцелеть, остаться в живых.

Сегодня немного теплей. Изнемогаю от голода, на этой почве упадок сил и нервозность до исступления. Хлеб получил в 2 часа. Съел 600 г. Звонил Лидуське, она тоже получает хлеб, но не получила. На работе уговаривают взять отпуск и полежать дома. Это бесполезное дело, т. к. сейчас самое главное питание — масло и сахар, а их нет. Лидуська пришла в 10 часов, принесла хлеба и обед. Я разругался. Пришла Александра Степановна из больницы, выглядит прилично, недовольна только, что ее не навещали. Я с ней разругался. Ночевать остался вместе со всеми на службе. Лег поздно, в 12 часов. Радио не работает. Газет нет. Бабка совсем на ладан дышит — ходит под себя.

Зарплаты за декабрь так и не дают. У машинистки умерла сестра. Плачет: надо хоронить, не знает как.

Без даты

Не спалось всю ночь. Без курева нервничал. Встал в 6 часов, начал готовить чай. Ругался с Лидуськой, с Александрой Степановной. Разбудил ночевавших в конторе Шумилкину и Корнееву. Шумилкина страшно недовольна. Встал до безобразия нервный. Сегодня сильное потепление — хорошо. Бабка лежит и бредит, видимо, дела ее плохи. В квартире холод. Распилили доски, будут топить, сегодня постараюсь ночевать дома. Бабка умерла. Получил хлеб на завтра и почти весь съел.обеда не получил, так как нет крупяных талонов, есть мясные талоны, но нет мяса. Голодный, сил совсем нет. Умирать не хочется. Лидуха получила вместо сахара 300 г повидла, разделили — это кот наплакал. Боже мой! Неужели никак не выбраться к жизни. Так обидно нелепо гибнуть.

Сегодня похоже на оттепель. Домой ушел в 5 часов. Все рекомендуют подтянуться, подождать, вот скоро будет лучше. Вот скоро прорвем блокаду... Но <...> все это... но!.. В чем дело не понять?!

Сегодня, говорят, великолепная сводка — взяты большие трофеи и освобождены многие города и на юге, и на западе. Как это отрадно. Когда же у нас под Ленинградом будут победы и когда мы не будем так дожидаться...

З. П. Сеницина¹

«Провели собрание: текущий ремонт и международный обзор»

Дневник политорганизатора домохозяйства

«Желающих на работу в огородах находится много <...> Ура, ура! Трех человек протолкнула на усиленное питание. <...> Беда с М-вой: и так-то еле жива, а тут еще все карточки свои потеряла. <...> С 15 августа город должен стать военным. <...> Составили новые списки подлежащих эвакуации и повезла их в райсовет. Там сообщили: эвакуация прекращена, временно или постоянно, пока неясно».

19 мая [1942 года]

Ездил в райзо, выяснял о выделении земли под огороды. Выделена огородная комиссия в составе четырех человек. <...> Желающих на работу в огородах находится много, только все теперь за землей и семенами. <...>

20 мая [1942 года]

Составлены списки на желающих иметь огороды. Записались 22 человека. Некоторые имеют свои огороды, некоторые получили огороды на предприятиях. 126-е домохозяйство не дало ни одного человека. Управхоз говорит, что нет желающих. Сегодня пойду делать квартирный осмотр, увижу, так ли это. <...>

22 мая [1942 года]

Утром ездил в райзо. Такой тон у людей, что просто сразу появляется уверенность в невозможности осуществления задуманных планов. Разговаривая с техником-исполнителем, выяснила, если найдем землю сами, то можем заниматься. На этом основании поехала искать. <...> На Боль-

¹ Зинаида Павловна Сеницина (род. 1906) — член ВКП(б) с 1943 года. С мая 1942 по июнь 1943 года — политорганизатор 124-го домохозяйства. В марте 1944 года работала директором Красногвардейского райпищеторга. Дневник политорганизатора домохозяйства № 124 Красногвардейского района Зинаиды Павловны Сенициной. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 107. Л. 1–26.

шой Охте нашла место, и довольно приличное, придется только стговориться и показать домохозяйкам, чтобы сегодня же сделали раздел. <...>

23 мая [1942 года]

В райзо утром выяснилось, что облюбованная нами земля отда-на НКВД. Придется еще искать. Теперь и по 126-му домохозяйству нахо-дится больше желающих. <...>

24 мая [1942 года]

В утра с М-вой ходили искали землю под огороды. Сквер на Чер-навском наметили. <...>

25 мая [1942 года]

Утром в райзо выяснила, что земля на Чернавинском свободна. <...> Землю получила. Оформлю документально 27 мая. Из дома 32 хо-зяйки спохватились, собрались обрабатывать землю возле дома, когда ее уже обработали. Просмотрела еще раз землю у 32-го дома, указала, где можно еще сделать грядки. <...>

30 мая [1942 года]

Ездила за семенами. Их нигде нет. Сняты с продажи, по догово-рам не могут обеспечить. Договора на рассаду тоже не принимают. Очень уж опоздали мы с этим делом.

30 мая [1942 года]

Выявила в райштабе явку на приписку. Явилось 12 человек по одному и другому хозяйству. А люди говорят, что явились. <...> Видимо, в штабе тоже с учетом неважно дело обстоит. Дали вторичные повестки.

20 мая [1942 года]

Дом №... кв. ... живет М-ва с дочерью, вагоновожатая парка С-ва, работает 20 лет. Сейчас больна 4-й месяц. На производстве дали ижди-венческую карточку. Муж в армии. Ослабела сильно и растерялась, не зная, что дальше делать. Посоветовала ей написать заявление в завком о ходатайстве об усиленном питании.

21 мая [1942 года]

Возилась часа три с беспризорной девчушкой. Пришла в жакт. Оказалось, что она временно проживала там, хотя и без прописки. До-стала ей обед и оставила на попечение управхоза хозяйства № 133. Жен-щина опытная, устроит куда следует. <...>

4 июня [1942 года]

Днем ездила в трампарк. Разговаривала с директором <...> о М-вой. Директор ее не помнит, поэтому попросил ее 5 мая к нему. Вообще же заверил, что в столовую ее устроить можно. Ну, это было бы очень неплохо. Может быть, лишнего человека от смерти спасем.

5 июня [1942 года]

Монахова ездила к директору. 6 июня назначена на мед. комиссию и, кажется, с 15 июня пойдет на усиленное питание. Это было бы очень хорошо.

6 июня [1942 года]

Ура, ура! Трех человек протолкнула на усиленное питание, <...> пусть подкормятся. Работники честные. <...>

М-ва договорилась с директором, что до 15 она ходит на общее питание, а с 15-го на усиленное.

10 мая [1942 года]

<...> Прибежала Пашина, дворник, говорит, что Филимонов сошел с ума, скандалит и дерется. Пришла к нему, а он никак в память не придет, не узнает, и пришлось удрать, так как он прицепился к моей сумке, покажи, что в ней. Пошла в милицию, там говорят, что в милиции нет телефона, не могут помочь. Пошла в амбулаторию, прислали врача. Врач направление в больницу не дал, но направил к психиатру. Филимонов буйствует. <...>

11 июня [1942 года]

<...> Безобразия получается с отправкой Филимонова. Машину не прислали. Мало того, что не заботятся о своих рабочих, так машину прислать и то не могут. <...>

13 июня [1942 года]

Проверила и оказалось, что Ф-ва еще не отправили. Дозвониться не могла, поехала на завод, пообещали опять прислать. <...>

Сходила в милицию к начальнику относительно Ш-кой. Надо в больницу ее устраивать, а ребенка в интернат. Довела себя до третьей стадии дистрофии. Вытянет или нет, аллах ее знает. Обещал начальник к 6 часам выяснить с врачом.

Врач дал направление в больницу, теперь дело за отправкой. В понедельник, 15-го будем отправлять. Филимонова отправили.

17 июня [1942 года]

Беда с М-вой: и так-то еле жива, а тут еще все карточки свои потеряла. Ну что ты с нею делать будешь? Написала ей заявление в райисполком, только не знаю, будет ли толк из этого. Саму ее к председателю не допустили. Сказали, что ответ дадут через три дня. Придется завтра съездить туда. <...>

Купила плакаты для красного уголка. Развесили их по стенам, вид стал другой. Цветы принесли, стулья, надо еще красную скатерть достать и второй стол, а то одного мало. Портреты еще нужны, тумбочка и другие вещи. <...>

18 мая [1942 года]

Провели собрание. Собрались все же плохо. 20 чел. На повестке: текущий ремонт домов и международный обзор. <...>

20 июня [1942 года]

Договорилась в райисполкоме о выдаче хлебных карточек М-вой взамен утерянных. <...>

Техник ни черта не интересуется проводимым ремонтом. Даже не показывается в хозяйстве. <...>

23 июня [1942 года]

В РЖУ прошло совещание о новом порядке выдачи продкарточек. Все детские, иждивенческие и пенсионерские карточки выдаются в счетных конторах. Управхозы освобождаются от этой работы. Меньше злоупотреблений будет.

29 июня [1942 года]

Зашла в ОНО относительно детсада. Никак не найти зава, а тут матери ребят беспризорными оставляют. Там тоже ясность. Устраивайте без всяких направлений, а детсад без направлений не принимает. Скандал сплошной.

Вечером просматривала списки на карточки по 126-му хозяйству. Составлены грязно и небрежно. Одна гражданка записана дважды.

Ходила [в] райамбулаторию узнать об усиленном питании. Еще никакой ясности и точных данных о количестве мест. Предлагают только прикрепление на рацион.

У И-вой из д. 16 ребенок остается дома безнадзорным. Оказывается, в саду карантин по ветрянке, и парень целыми днями сидит взаперти.

30 июня [1942 года]

<...> Выдача карточек в основном прошла благополучно. Только семья К-вых хотела смошенничать: записали шесть детей, а получать карточки пришли, все же, видимо, побоялись и принесли только пять метрик, несмотря на то что до этого их несколько раз расспрашивали и они упорно повторяли, что детей у них шесть человек.

Подтянулась квартплата, конечно, не обошлось без крокодиловых слез, в частности, у Н-ой, Д-вой и С-вой, но это не помешало их при всем народе хорошо проработать и заставить погасить задолженность.

3-4 июля [1942 года]

Помогала управхозам составить списки на эвакуирующихся. Тут проверка паспортов должна быть, обмер огородов надо делать — в общем, дел хватает.

4 июля собрали народ, подлежащий эвакуации. Разъяснили, что к чему. До разъяснения читала «Ленправду» о сдаче Севастополя, о боях на курском и белгородском направлениях. Потом прочла статью Панферова «Цена ненависти». Слушали сначала 8, потом 15 человек. Мамаши ехать не желают, а те, кто не подлежат эвакуации, просят уезжать. Ну, видимо, таких тоже не очень будут задерживать. <...>

6 июля [1942 года]

К-ва — мать пяти детей. Муж отправлен куда-то с производства. У двух девочек понос, а отправлять, конечно, надо. Дала совет, как сообщить мужу, и, видимо, придется похлопотать насчет риса и картофельной муки, чтобы подлечить девчат. Но откуда начать, не знаю.

Обмерили огороды. 235 кв. м. по культурам разбили. Это только у домов.

У М-з была большая задолженность по квартплате. Ей дали только хлебную карточку. Пришла просить ходатайство о получении карточки с обещанием срочно погасить задолженность. За пять месяцев уже погасила. Достала ей карточку. <...>

7 июля [1942 года]

В-ва жила в совершенно темной комнате. Грязнула ужасная, договорилась с Б-вой, дали комнату с окном, еще не перебралась, но хоть очень довольна, и то хоть что-то. Придется за чистотой понаблюдать. <...>

8 июля [1942 года]

Ездил в больницу к Ш-ой. В справочной состояние здоровья описали как слабое, но ходит она довольно хорошо, тогда как увозили ее

из дома совсем ползком. Ребенок на даче. Договорилась с другими яслями о его временном содержании, чтобы не увезли его одного, а то дом малытки эвакуируется. Взяла доверенность на получение денег от мужа, надо дать ему телеграмму. <...>

Эвакуация идет неудовлетворительно. Не выполняется норма отправки, а потом опять старая история. В городе должны оставаться только здоровые, могущие работать и носить оружие.

9 июля [1942 года]

Ходила к К-вой. Хотела расспросить о здоровье детей. Она раскричалась, расплакалась, что уезжать никуда не будет без мужа, что детей надо не лечить, а кормить лучше, тогда они поправятся. В общем, типичные рассуждения «культурных» людей. Дело кончилось тем, что она докричалась до обморока. Уложили ее, и она вроде заснула. Говорят, накануне дворника расспросила, и он сказал ей, что ее будут насильно отправлять. Беда с этими грамотеями. Что-нибудь да придумают. <...>

11 июля [1942 года]

Начинается перерегистрация паспортов. <...>

12 июля [1942 года]

Отправка эвакуированных пока обходилась без участия наших, но сегодня проводили Григорьеву с сыном. Удалова болеет. Достала ей белого хлеба.

Не могут ехать М-на — лежит в больнице. Щ-на не может ехать одна, но ее отправляют, а дочерей не отпускают. Не могут выехать Н-ва и Л-ва.

Приехал муж Ш-кой. Дала ему адрес больницы, где лежит его жена. Он поехал туда и узнал, что она накануне умерла. Даже не верится, что это так. Видела я ее совсем недавно. Она так бодро выглядела, хотя видны были жуткие следы дистрофии.

Беседовала с Лукиной. Не знает, что делать. Убедила ее в необходимости отъезда.

14 июля [1942 года]

Провели работу по переселению жильцов в свободные квартиры. Показали вместе с управхозом освободившиеся комнаты. Возникло много споров. Все, к сожалению, желают иметь «дворцы», а грязные комнаты, оставленные предыдущими жильцами, людям занимать не хочется. Остались без жилплощади М-з, М-ва, П-ва. Предложенные комнаты им не нравятся, а заменить их нечем.

15 июля [1942 года]

Пришел пожарный Кузьмин и сделал выговор за непредоставление сведений по группе МПВО 14 июля к 20 часам. А сам принес извещение об этом в 19 час. 30 мин. <...>

Составила опись имущества эвакуированных. <...>

Техник ЖЭКа обещала быть в половине шестого вечера, чтобы оформить акт выполнения плана ремонта водопровода. Но то, что она обещает, то заранее можно сказать, что не будет выполнено. Никогда не сделает то, что говорит. <...>

Сходила в милицию с У-вой, перерегистрировала паспорт. Она больна, но пошла, чтобы не было недоразумений. Всего время 10 минут заняла. <...>

Эвакуировалась семья М-вой. Доедет ли только мать, уж очень она стала опять плоха. <...>

Дала задание санбыткомиссии сделать списки жильцов, нуждающихся в дровах. <...>

17 июля [1942 года]

Была на семинаре управхозов и политорганизаторов. Вопросы были о бюджете, как и из чего он складывается и как расходуется. <...>

18 июля [1942 года]

Подали сведения о невыехавших, подлежащих эвакуации. Сделали опись имущества Воронина. Он в армии, а здесь проживал с 1933 года. Ему не хотели оставлять комнату, мотивируя тем, что де она была дана ему временно. Ну все же сделали опись имущества и заколотили дверь. <...>

20 июля [1942 года]

С утра в райкоме. С 15 августа город должен стать военным. Все лишние люди, неспособные его защищать, не должны оставаться здесь. Сейчас эвакуацию временно приостановили, пробка где-то получилась, да шторм, говорят, был на Ладого. <...>

Вечером явились М-з и И-ва. И-вы сами просили дать квартиру Б-ным. Дали. Теперь она оказалась плохой, а вот ту, которую дали Дмитриевым, та оказалась очень хорошей. М-з предложили комнату у Ч-вой. Вернулась со слезами. Говорит, что это погреб. С-вой дали хорошую комнату. В ней всего метров 9, а она претендует на 16–18. Спрашиваю, куда же ты вещи то денешь, ведь комната маленькая?

— Выкину их вообще.

Логика, ну просто беги. Да еще все недовольные грозят походом в райком партии. Напугал, что называется. Интересно, чтобы они там стали говорить?

Сегодня еще одну комбинацию с квартирами попробую устроить для М-3, а не выйдет, пусть в РЖУ катится.

22 июля [1942 года]

Полный состав группы, конечно, не собрать. Пришли несколько человек. <...> Договорились о работе. Обещали. <...> Сбор обещали на следующее утро. <...>

Еще новая история. Р-ва приехала из жилотдела буквально со слезами. Там категорически потребовали всех расселенных из аварийного дома № 26 вернуть обратно, мотивируя это тем, что по положению о переселении в квартиры оно идет только с ведома жилотдела. Пошла звонить, говорила, говорила, ну вроде договорилась. Удержали людей по новым квартирам. Оформлять ордера поедем завтра.

23 июля [1942 года]

Зашла к Ф-вой. Она сильно больна. Врача вызвала. Встретилась с К-вой и А-вой. И та и другая жалуются на тяжелое материальное положение. К-ва говорит, что нечем платить за обеды в школе, а у нее четверо школьников. Муж тоже почти ничего не приносит, т. к. постоянно занят на оборонных работах и мало зарабатывает. Придется сходить в школу выяснить, что можно сделать для них.

У Алексеевой муж и два сына в армии. Один мальчуган восьми лет целыми днями сидит дома, т. к. в школу мать его не пускает. Надо поточнее выяснить, в чем там дело. <...>

28 июля [1942 года]

Провела подписку на билеты денежно-вещевой лотереи. Собрала 600 руб. Подписала пока не всех, еще несколько человек предстоит обойти. Днем их дома не бывает.

Проведала Кислову. У нее раны цинготные на ноге, жутко глядеть какие. Ходить с трудом может. Достала ей травы и салата. Уксус у нее есть, пусть травой себя поддержит.

29-30 июля [1942 года]

Ездил с К-вой на завод. Надеюсь устроить ей усиленное питание. Оказалось, у них нет такой столовой.

Мальчугана А-ва надо обязательно устроить в школу. Педагог говорит, что он очень способный ученик, а мать его дома держит неизвестно зачем. В РОНО узнала, что он может получить скидку, но надо будет похлопотать.

1 августа [1942 года]

Проверяла выдачу продкарточек. Опять отсеялись несколько человек. Они числились умершими, но точных сведений не было, а теперь они не пришли за карточками. Явилась С-ва, ей не выдали карточки на производстве и в список по месту жительства не включили, как работающую. Пришлось тут же внести ее в список и выдать карточки.

2 августа [1942 года]

Составили новые списки подлежащих эвакуации и повезла их в райсовет. Там сообщили: эвакуация прекращена, временно или постоянно пока неясно. <...>

У Ч-вой ночью умерла мать. Утром она пришла ко мне. Плачет, жалуется, что за изготовление гроба с нее требуют один килограмм хлеба, за могилу нужны хлеб и деньги.

Стала ее уговаривать, чтобы она не тратила деньги на покойную, а лучше оставила бы средства для себя и ребенка. Она беспокоилась, что будет не права, если похоронит мать не так, как это принято раньше.

Вечером она вновь пришла. Пожаловалась, что не хочет делать гроб, но не решается похоронить умершую так, как это ныне делают другие люди. Пришлось ее успокаивать, уверять в том, что она вправе сохранить для живых, а не тратить их на мертвую.

Она наконец-то успокоилась и говорит:

— Вот спасибо, что Вы хоть посоветуете, что делать, а то не знаешь, как поступить, все думаю, что люди осудят за то, что похороню мать не так, как надо.

4 августа [1942 года]

На объявленное заранее занятие группы МПВО явились всего четыре человека. Прочла им статейку из «Ленправды» «Маски сброшены», побеседовали о бдительности и задачах МПВО.

Е. А. Соколова¹

«Снесем любую голодовку, даже голодную смерть, ради спасения советской власти»

«В Ленинграде неспокойно. Ходят тревожные слухи <...> Много хлопот было с эвакуацией рукописного отдела <...> Разрешили принимать в отряды Народного ополчения женщин <...> Позвонили из райкома и дали директиву срочно уничтожить архив нашей организации <...> В воздухе шла смертельная борьба <...> В Ленинграде среди интеллигенции стала распространяться идея об объявлении Ленинграда “вольным” городом <...> Паялин совершил партийный проступок — хоронил тещу с попом <...> Сегодня меня вызвали в Смольный к Лазутину <...> Все наши научные сотрудники <...> обедали в столовой горкома ВЛКСМ <...> На Октябрьском заводе рабочие устроили волынку на почве продовольственных затруднений и <...> устроили погром в столовой <...> Посетила баню. <...> Среди голых женщин не видно ни одной толстой <...> Одна гражданка, <...> не переставая, ныла и жаловалась на плохую тяжелую жизнь <...> Вызвали к председателю районной комиссии по эвакуации <...> Была в Смольном и вновь просила дать научным сотрудникам института первую категорию <...> Демобилизовался мой муж И. И. <...> Новый год встречала с мужем у его сестры <...> Есть знакомый, через которого можно купить конину...».

16 августа 1941 года

Сегодня, пользуясь дневным дежурством и свободным временем во время дежурства, вернулась к своему дневнику, начатому мною еще до войны, с благим намерением вести его регулярно. Но это оказалось не так просто. Столько было хлопотливых дел каждый день.

Уже подходит к концу второй месяц войны с фашистской Германией. Обстановка очень серьезная: враг оказался сильнее и коварнее, чем многие предполагали. Сообщение о сдаче Смоленска, Первوماйска

¹ Елизавета Александровна Соколова — исполняющая обязанности директора Института истории партии Ленинградского обкома ВКП(б). Дневник. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 110. Л. 1–38.

и Кировограда привело всех в большое уныние. Так тяжело слышать и узнавать, что наши советские города и села захватывают фашисты. Враг стремится к жизненно важным центрам Советского Союза и хочет, видимо, захватить Донбасс и Кривой Рог — пролетарский центр, — это не то, что Эстония и Литва. Здесь гитлеровцы должны встретить самоотверженную борьбу рабочих.

Что с Киевом? Никто не знает. Почему фашисты продолжают захватывать наши советские земли? Вот вопрос, который волнует всех. Однажды мне даже инструктор нашего райкома ВКП(б) Пономарева сказала, что она ночи не спит и все думает: «Почему немецкие рабочие сражаются против Советского Союза?»

Все ждем перелома на фронте. Должна же, наконец, Красная армия остановить наступление фашистов! Так хочется чем-нибудь помочь фронту, чтобы скорее добиться победы или хотя бы улучшения положения на фронте.

Вчера закончила статью «Крепкий тыл — залог победы фронта» и сдала ее в «Радиогазету». Печатная и устная пропаганда и агитация — вот та работа, которую несут сейчас научные сотрудники Института истории ВКП(б), которая может принести морально-политическую помощь фронту.

Четверо наших сотрудников работают на строительстве оборонных укреплений. <...>

С 14 августа началась принудительная эвакуация детей и матерей из Ленинграда. Нашему институту дали срок на эвакуацию на 19-е число. Сегодня мы просили районную эвакуационную комиссию, чтобы дали отсрочку, так как две женщины, подлежащие эвакуации, еще не вернулись с оборонных работ. Комиссия перенесла срок на 20-е и успокоила, что женщины вернуться к сроку, так как их уже вызвали через комиссию по трудовой повинности.

Эвакуация проводится по производственному принципу, то есть через производства, предприятия и учреждения. Эвакуируются матери работающие и семьи работающих мужчин. В нашем институте <...> к эвакуации готовятся семь семейств. Все идет гладко. Никто не возражает и даже <...> некоторые готовы уехать вместе с семьями.

[Попросил разрешения покинуть город вместе с семьей сотрудник института Ш. (Г. С. Шидловский)]. Институт не возражал, ибо он пенсионер и больной.

Сегодня научный сотрудник Паялин заявил, что он хотел бы выехать вместе с семьей, но у него теща лежит больная параличом и ее взять с собой нельзя. Просит помочь ее устроить в Дом ветеранов. Написали в Дом ветеранов бумажку с просьбой помочь. Но П. поступает далеко не

героически. Ехать ему из Ленинграда отнюдь не обязательно. Его сын 13 лет уже эвакуирован со школой и находится в Котельничихах в безопасности. В семье осталась жена, он и теща. Но он на старости лет, как видно, боится за свою жизнь, спешит спастись. Мог бы отправить свою жену. Ну что же, может ехать, его задерживать не будем. Не очень-то он и нужен: ничего не может сделать самостоятельно. Написанные им статьи и брошюры нельзя издавать. Они очень слабые. Он ни к чему не приспособлен и, уехав из Ленинграда, может не найти работы, потому что для физической работы он уже стар — ему около 60 лет или больше, а к другой работе он непригоден. Ну и пусть, раз хочет спастись, то пусть спасается!

Сегодня наш уважаемый культпроп тов. К. Г. Шариков заявил мне, что на него произвела очень плохое впечатление научный сотрудник Д. С. Бердникова, которая ему высказывала свое колебание, выразившееся в пожелании уехать из Ленинграда. Я ему напомнила, что я уже обращала внимание на то, что Бердникова все время занята своими личными делами: перетаскивает <...> вещи в разные квартиры, мотивируя тем, что живет в верхнем этаже и боится возможного пожара от бомбардировок. Все это допустимо, но не в ущерб порученной партийной работе, а она все время срывает агитработу на участке, куда она прикреплена в качестве агитатора. Я уже с ней имела серьезный разговор по этому поводу, и она обещала исправиться. Она, видимо, все еще не может прийти в себя после приезда из Кальварии, где ее застала война и откуда она приехала с первыми эшелонами беженцев, а муж ее — комиссар дивизии — пропал без вести. Но, казалось бы, тем более она должна бы была питать неукротимую ненависть к фашистам и проявлять готовность бороться с ними до конца, не жалея жизни. Да, видимо, верно говорят, наш комсостав оказался не на высоте и на фронте в первые дни многие командиры бежали от фашистов в большой панике. Конечно, не все, но были такие случаи.

В воскресенье, 10 августа, приезжал мой брат Семен на несколько часов с фронта в Ленинград. Настроение у него высоко патриотическое. Он возмущался (так же как я слышала от других до его приезда) паническим бегством с фронта частей нашей Красной армии в первые дни войны. Причем он обвинял в этом наших командиров, которые за годы мирного строительства обросли жирком и при первом же натиске врага побросали оружие и стали спасать свое личное имущество. Красноармейцы же, наоборот, показывали образцы мужества и отступали последними, не имея руководителей. <...>

Как все это печально слышать! <...> Семен утверждает, что там, где командование <...> на высоте, там фронт держится твердо, и что все дело в командирах, а красноармейцы выказывают готовность драться. <...>

В Ленинграде неспокойно. Ходят тревожные слухи. Вчера услышала <...> будто бы немцы взяли Кингисепп. Спросила об этом в райкоме. Инструктор на это уклончиво ответил, что никто ничего не знает. Такой ответ похож на подтверждение, а я ждала категорического опровержения. <...>

18 августа [1941 года]

Сегодня было убийственное сообщение с фронта: наши войска оставили Николаев и Кривой Рог. Все ходят как убитые. Такие тяжелые потери на фронте, что никто не ожидал! Нет, так дальше нельзя! Что-то тут неладно. В чем дело? В чем дело? Почему такие поражения терпит наша армия? Газеты пишут все о тяжелом положении немецкой армии, а они все прут вперед. <...>

Лурье сообщил сегодня, что его вчера вызывали в Смольный и интересовались планами внутренней обороны Петрограда в 1918. Говорят, фашистам удалось уже взять Волосово, это всего несколько часов езды от Ленинграда.

Сегодня Бердникова пришла просить, чтобы я отпустила ее к детям. Я сначала ей резко сказала, что она не хочет спасать Ленинград, а в первую очередь себя.

— Но у меня же дети! — воскликнула она.

— Так у нас всех есть дети.

Потом позвонила секретарю райкома Л-ну и спросила его, какой порядок намечается эвакуации женщин-коммунисток, у которых дети эвакуированы. Он ответил, что их будем эвакуировать в последнюю очередь, дней через 10–15.

Лурье сказал, что в горкоме никого из матерей задерживать не собираются.

Тогда я сказала Бер-вой, что если она сможет достать талон на посадку и эвакуироваться через ЛВО, то мы ее отпустим. Она стала хлопотать.

Нам предложили эвакуировать рукописный отдел. Но у нас нет транспорта, и никак не можем его раздобыть. Просила машину у председателя Райисполкома Горбунова, обещал похлопотать, а потом позвонил, что ничего не может сделать. Обращалась к ряду знакомых организаций, но везде отказ — или нет автомобиля, или есть, но самим позарез нужен. Нам необходимо срочно привезти из Смольного пустые ящики и паковать в них рукописи. Лурье побежал к гастроному, чтобы найти пару ручных тележек.

Пришла Е. Ф. Пашкевич и рассказала, что в институте им. Крупской военрук сообщил, что сегодня эвакуация отменяется, потому что

диверсанты в Череповце и все эшелоны, которые выехали вчера, стоят там. Наши женщины взволнованы.

Говорят, что к Толмачеву прорвались фашистские части, а там наши работают. <...> Мать Андриановой, говорят, сильно плачет. Она ждала дочь, чтобы вместе с внуком эвакуироваться. <...>

На совещании в Выборгском райкоме <...> секретарь тов. Кедров говорил о военной обстановке <...> в унылом тоне, но ничего конкретно и только привел всех в недоумение и навел тоску, так что одна коммунистка — директор школы выступила и заявила протест против его речи. Она сказала, что «я считаю, что так проводить совещания нельзя, надо сказать, как обстоят дело и что нужно делать коммунистам». Кедров говорил, что на фабриках и заводах надо создавать рабочие отряды, но оружие не обещают. «Может быть, раздадим охотничьи ружья».

19 августа [1941 года]

Сегодня утром вернулись все четверо наших работающих на оборонной стройке на подступах к Ленинграду. Их отпустили в связи с приближением фронта, потому что там стало опасно и был дан приказ всем отступить.

Много хлопот было с эвакуацией рукописного отдела. Вчера мы его упаковали в ящики и спустили с 3-го этажа на первый, а сегодня нужно было отправить по назначению. Однако возникло большое затруднение с транспортом. Звонила я к секретарю РК ВКП(б) Левину и просила дать машину. Он сначала отказался и рекомендовал обратиться в Смольный, но я ему ответила, что там нам рекомендовали обратиться в райком или в райсовет, в который, кстати, мы обратились еще вчера. В конце концов, машину обещали дать, и я поехала по указанному адресу, чтобы ее получить. Но только вышла на улицу, дали сигнал воздушной тревоги, и пришлось уйти на Марсово поле в траншею и там просидеть около получаса. Когда добралась туда, нашла начальника и получила согласие на машину. Позвонила в институт, но оказалось, что машину уже дал музей Ленина. Тогда я пошла и сообщила начальнику, что от машины отказываемся, так как нашли в другом месте. Тот был очень доволен. В конце концов, все одиннадцать ящиков увезли, и стало легче.

Эвакуация женщин и детей на завтра не состоялась. Не хватило билетов. Народ начинает нервничать. Сегодня всем эвакуируемым выдали деньги — расчет с двухнедельным пособием.

Тов. Лурье откуда-то слышал тяжелые новости: будто бы наши войска оставили Одессу, Севастополь и Баку. Он уверен, что это так, и очень расстроен. Он считает, что следует народу говорить правду. Поражение наших войск возможно, но доверия народа терять нельзя, а будем скрывать, то от этого Советская власть проиграет. Он напомнил, как Ленин в годы Гражданской войны часто обращался к массе за помощью в тяжелые минуты.

Теперь враг стоит у ворот Ленинграда, а коммунисты не знают, что им делать. Никто не имеет оружия, и даже охотничьи ружья изъяты. В народе начинают распространяться слухи о предательстве. <...>

20 августа [1941 года]

Сегодня была в райкоме. <...> Разговор с инструктором рассеял некоторые сомнения. Так стало хорошо и спокойно на душе, когда узнала, что есть партийная установка о том, чтобы Ленинград не сдавать фашистам ни в коем случае. Но надо, чтобы народ знал об этом и не падал духом. Дана установка на формирование рабочих батальонов.

Провели сегодня в институте митинг по вопросам подготовки населения к обороне Ленинграда — о строительстве военных укреплений и формировании рабочих батальонов. После митинга открылась запись в рабочие батальоны. Записались все наши мужчины: Лурье, Шариков, Шульман и Логинов, за исключением Паялина, которому отказали в записи по состоянию здоровья — глух и страдает астмой. Логинов записался под нажимом, ссылаясь на возраст, что мне, мол, за молодежью не угнаться, да не быть бы в тягость, но если велят, то запишусь.

Паялин сегодня в кабинете директора устроил скандал, требовал, чтобы ему заплатили деньги за отпуск, которые ему не полагались, так как он отпуск использовал. Он собирался эвакуироваться с женой, и его отпускали, хотя не подлежал обязательной эвакуации. А он кричал: — Вы меня выталкиваете на улицу, на голод! Старика гонят неизвестно куда!

Я ему напомнила, что его никто не гонит и он может не ехать, если не хочет, но он ничего не слушал и продолжал кричать. Директор пришел в большой гнев и стукнул чернильницей по столу.

В конце концов Паялин ушел.

После его ухода Л. еще долго не мог успокоиться, потом по большому секрету рассказал ужасную вещь и плакал о Кировской дивизии,

будто бы она разбита. «Мительман, Мительман¹ такой способный, такой умный!» — повторял он. Я не могла выдержать и тоже заплакала. <...>

21 августа [1941 года]

В райкоме прошло совещание, посвященное <...> обращению к ленинградцам за подписью Ворошилова и Жданова. Разрешили принимать в отряды Народного ополчения женщин. Я тоже записалась и очень рада, что если надо будет погибнуть за Советскую власть, то с оружием в руках и не зря, а может быть, удастся какого-то фашистского гада уничтожить. Записалась также Н. Б. Крушкол^{II}.

В 6 часов вечера все должны были явиться в сад МОПРа, но своевременный сбор не произошел, так как в 5 часов началась воздушная тревога, которая продолжалась час сорок минут, поэтому пришли с опозданием.

Исторический момент пережили все присутствующие при выборах командира и комиссара отряда. Все уселись на ступеньки Михайловского дворца в саду и слушали выступления ораторов. Выступали от военного командования, от райкома и др. Настроение у всех было торжественное и серьезное, но в то же время спокойное. Все понимали серьезность обстановки и опасность, которая грозит Ленинграду, однако твердо верили в неизбежность нашего дела и в победу над врагом.

На завтра назначен сбор там же на 18 часов. <...>

Получила письмо от своей младшей дочурки. Она описала, как они ходили за грибами и ягодами и как ловили рыбу. Бедные девочки, они еще не понимают всей грозности обстановки. Пишут, что им хочется учиться и приехать в Ленинград. Будем надеяться, что мы скоро увидимся и проживем еще вместе. Надо выбрать время и послать им деньги, пока еще с Ленинградом не прервалась связь.

22 августа [1941 года]

Сегодня утром провели собрание, посвященное обращению Жданова и Ворошилова к ленинградцам. <...> Открывала собрание я. А читать воззвание поручила Бердниковой, которая затем выступила с горячей речью об обязанности ленинградцев защищать Ленинград. Во время ее речи Лурье передергивал лицом и как-то нервно реагировал.

^I Мордух Израилевич Мительман (1904–1941) — советский историк, журналист, кандидат исторических наук.

^{II} Крушкол Наталья Борисовна (1898–1983), журналист, историк партии, библиограф.

Потом он рассказал, что она утром в 7 часов звонила ему, просила разрешить ей опоздать на работу, потому что она собирает вещи к отъезду из Ленинграда. Днем мы собрали партбюро и вызвали Б. для объяснения. Я спросила ее:

— Вот ты сегодня на собрании горячо призывала защищать Ленинград, а сама что собираешься в это время делать?

Она некоторое время не могла ответить и затем сказала, что она собирается уехать.

— Но как же у тебя слова не сходятся с делами?

Тогда она сказала в свое оправдание, что у нее погиб муж на фронте и она думала, что необязательно погибать обоим, так у нас дети и они ничем не обеспечены.

На что Лурье ей возразил:

— Ты выступала на митинге так горячо, а завтра уедешь, что же скажут беспартийные! Ведь они о тебе судят, как о членах партии и по тебе будут судить о коммунистах.

Она растерялась и, по-видимому, совсем не ожидала такой постановки вопроса и сказала, что она подумает и завтра скажет.

Лурье спросил по телефону секретаря горкома Шумилова о том, как быть с Б. и можно ли ее отпустить. Шумилов был очень недоволен:

— Как вы можете мне звонить по такому поводу? Там у вас тоже начинается <...> это в институте истории партии. <...>

А Пашкевич уехала еще вчера. Да, действительно, все коммунисты показали свое лицо, в это грозное время проявляется мужество и преданность партии.

Лурье просил меня пока не говорить ни в райкоме, ни в горкоме, что Пашкевич он отпустил, так как он теперь видит, что допустил ошибку и может получить за это нагоняй. Вопрос об отъезде Б. отпал в связи с указанием секретаря горкома ВКП(б) Шумилова.

25 августа [1941 года]

Вчера было объявлено, что все ополченцы с 26 августа переходят на казарменное положение. Мы с Н. Б. собрали все, что полагается — белье, одеяло, предметы гигиены, ложку, и явились по указанию командования на сборный пункт в Институт им. Крупской. Там нам отвели комнаты и койки. Когда мы пришли в Летний сад, мне и Крушкол, записанным в пулеметную роту, было приказано отправиться обратно на работу в свое учреждение. В этом деле, по-видимому, повлиял Лурье, который говорил с комиссаром отряда о том, чтобы меня отправили обратно, так я должна его замещать по службе. Мы были освобождены от казарменного положения и были переведены во Всевобуч.

26 августа [1941 года]

Сию в кабинете директора и исполняю его обязанности. Позвонила секретарю Кировского райкома и спросила о Мительмане, не знает ли он о его судьбе, так как ходят упорные слухи о его гибели. Секретарь ответил, что Мительман жив и здоров и два дня назад получили от него письмо. Все наши сотрудники, узнав об этом, очень обрадовались. Пришел Лурье, и он был очень рад известию о Мительмане.

У нас в квартире поселились беженцы из Александровки, что по Варшавской дороге — учительница с престарелой матерью. Их пустил И. И. — учительница работала в его школе. Старушка напугана. В Александровке им довелось пережить бомбардировку и артиллерийские обстрелы.

Распространяется масса слухов, плохих и хороших. Говорят, будто бы наш Балтфлот провел крупную десантную операцию в Прибалтике и четвертый день идут бои в Риге и Либаве. Говорят, что наше положение под Ленинградом улучшается и у нас появились американские танки и самолеты.

Так хочется всем иметь хорошие вести с фронта. Однако сводки очень скупы и ничего по существу не дают. <...> Все понимают, что наше положение тяжелое.

28 августа [1941 года]

Сегодня пришел ко мне из Народного ополчения начальник артсклада, который помещается в подвале нашего Мраморного дворца, и попросил дать ему еще помещение и затем провел меня в подвал, <...> где помещался склад. Он оказался битком набит боеприпасами. Мне очень не понравилась такая неконспиративность начальника. Мне вовсе не требовалось знать, что у них хранится. Если так плохо будут охранять, то могут нарваться на диверсию. Не так давно возле нашего дома милиционеры задержали диверсанта на грузовой машине.

Сегодня после 5 часов вечера позвонили из райкома и дали директиву срочно уничтожить архив нашей организации, для чего составить комиссию, которая по акту уничтожает и акт сдает в райком не позднее 9 часов утра следующего утра.

Собрала членов партбюро и занялась уничтожением архива. Работали до 8 час. 15 мин. вечера. Хорошая печка все сожгла очень быстро. Мы все понимали, что на фронте создано серьезное положение, и ни о чем не разговаривали, а делали дело. Оставила несожженными только несколько дел, касающихся исключения из партии коммунистов Воробьевой, Шарикова и Ни-ва.

15 сентября [1941 года]

Райком мобилизовал Лурье и Шульмана в армию по партийной мобилизации. С уходом Лурье мне пришлось приступить к исполнению обязанностей директора института. Очень не хотелось мне занимать эту должность, но придется: время военное — ничего не поделаешь, отказаться теперь нельзя, так как это может быть расценено как проявление нестойкости.

16 сентября [1941 года]

Ночь прошла спокойно. Шел дождь, погода была нелетная, воздушных налетов не было. Утром небо очистилось, светило солнце, и тотчас же над городом появились вражеские самолеты. Тревога застала меня по дороге в институт. Не доехав одной остановки, пришлось сойти. Сидела в саду в щели. Затем попыталась пройти в институт по Кировскому мосту, не дожидаясь отбоя. Однако на мост меня не пропустили. На посту стояли милиционер и краснофлотец, которые очень дружелюбно посоветовали вернуться в укрытие, так как если бы они меня пропустили, то стоящие впереди посты непременно задержат и даже отправят в отделение милиции. Пришлось возвращаться в сад. Но только я успела пройти несколько шагов, прозвучал сигнал отбой. Я с радостью развернулась и пошла через мост в направлении Мраморного дворца. Проходя мимо постовых, я улыбнулась и пояснила: «Уже дали отбой». Они не остановили меня и приветливо улыбнулись в ответ, как будто они приветствовали в моем лице всех ленинградских женщин, спешащих в эти грозные дни на свои посты в учреждения и на предприятия. В институт я пришла в 8 часов 10 мин., за 20 мин. до начала занятий.

Всю ночь сегодня была слышна артиллерийская стрельба и взрывы. С вечера многие уехали ночевать в Озерки, Шувалово и Парголово, которые оказались самыми спокойными районами.

Десятый день фашистские гады разрушают наш прекрасный город. В Дзержинском районе разрушено больше десяти больших жилых домов. В первый же налет в ночь на 8 сентября был разрушен огромный жилой дом на ул. Чайковского, через дом от райкома и райсовета. На второй день после бомбардировки в райкоме состоялось совещание, и мы проходили мимо этого разрушенного дома. Напротив, через переулок был виден разрушенный дом на ул. Петра Лаврова.

Секретарь райкома Левин на совещании актива, на другой день после первой бомбардировки, сообщил, что в Дзержинском районе разрушено 9 жилых домов и в четырех местах пострадал городской водо-

провод. В районе и вообще в городе прекрасно работают группы МПВО. Все зажигательные бомбы ликвидированы, и возникшие пожары потушены.

Первая бомбардировка застала меня дома на квартире. Пришлось выйти на улицу, а затем во время больших взрывов и укрыться в щели. Из двери щели я видела, как рвались фугасные и зажигательные бомбы, падавшие на наш родной город.

В воздухе шла смертельная борьба. Наша зенитная артиллерия была по вражеским самолетам. Поражало огромное количество сигнальных ракет, освещавших город. После в райкоме говорили, что это вражеские сигналы. Но не слишком их много в городе? Лазутчики пролезают всюду, и даже возле Мраморного дворца задержали в первую ночь бомбардировки одного такого сигналиста с ракетами, а потом в одну из следующих ночей видели, как кто-то пускал ракеты с третьего этажа. Однако, несмотря на тщательные поиски, никого задержать не удалось. На третьем этаже размещались военные.

Вторая бомбардировка застала меня по дороге от Института домой в Озерки, куда я возвращалась после 10 часов вечера. Трамваи остановились по сигналу воздушной тревоги, и все пассажиры укрылись кто куда. Я вошла вместе с другими в подъезд одного каменного дома и там на лестнице просидела до отбоя. Вокруг стоял грохот зениток и разрыв фугасных бомб. Несколько бомб с воем пролетели очень близко и разорвались, а вслед за этим послышался грохот падающих зданий. Было немало жутко. Казалось, что вот-вот бомбы упадут на нас. Люди волновались, дети и матери плакали, но паники не было. Все терпеливо ждали окончания налета. После я узнала, что невдалеке от того места, где меня застала тревога (пр. Карла Маркса), была разрушена поликлиника и на Сердобольской ул. — детский дом. Домой добралась около полуночи.

Третью бомбардировку слушала в институте, где осталась на дежурстве по указанию райкома. Было уже совсем нестрашно. Оказалось, можно привыкнуть.

Днем происходят непрерывные тревоги, так что лучше не выходить из учреждения, иначе придется просидеть где-нибудь в бомбоубежище несколько часов, как со мной случилось однажды. Я вышла на полчаса и попала под три тревоги, длившиеся по одному-двум часам.

В МЮД 7 сентября, в воскресенье, все учреждения выезжали на воскресник по рытью окопов. Работали очень хорошо, но дело это очень

трудоемкое, и убыло земли из начатого окопа все же мало. Мне кажется, что тут копать придется многие месяцы и эти военные укрепления едва ли успеют закончить, если немцы будут дальше продвигаться, а если их удастся остановить, то они и не потребуются.

Копали тысячи людей, рассыпавшись по всей трассе. Работа шла организованно. Через каждые 50 минут работы устраивали 10-минутную передышку. В обед бесплатно раздавали мясное рагу и по 600 г черного хлеба. Обрато возвращались веселые и довольные тем, что хорошо поработали. Работали около станции Дачное, откуда был виден Ленинград и замечательный Дворец советов. Над нами летали самолеты, и несколько раз были слышны очереди из пулеметов. Трудно было понять, кто стреляет, свои или враги.

На следующее воскресенье, 14 сентября, райком назначил новый воскресник. Я объявила всем под расписку о месте сбора и подготовила все к выезду на окопные работы в прежнее место, т. е. на Среднюю Рогатку или станцию Дачное. Однако в субботу днем около 12 часов вернулись наши служащие (литературный сотрудник Шульман и уборщица Медведева), которые утром выезжали на уборку овощей в совхоз им. Тельмана, расположенный у Средней Рогатки, и рассказали, что там артиллерийский обстрел и трамваи туда не идут. Я позвонила в райком инструктору, и она подтвердила, что всех оттуда вернули обратно.

— Что делать с воскресником, — спросила я, — раз туда нельзя проехать?

Инструктор подтвердила, что ехать надо, но куда именно, сообщат ночью или рано утром. Нужно собраться всем учреждением в 7 часов утра. Я хотела ночевать в институте, но позвонил муж и сообщил, что сегодня ночью уезжает в действующую армию и хочет со мной попрощаться. Я оставила вместо себя в институте Д. С. Бердникову и поехала домой. Рано утром вернулась на работу, звоню в райком. Там нам предложили поехать в совхоз им. Тельмана на уборку овощей. Нас было 12 человек, ехали мы на трамвае номер 39. Трамвай довез только до кольца у завода «Электросила». Мы вышли и направились пешком на юг, в сторону Средней Рогатки. Нам навстречу началась частая артиллерийская стрельба. Снаряды рвались где-то совсем близко. Многие испугались.

Уборщица Медведева схватила меня за руку и со слезами стала жаловаться, что у нее болит сердце. Я отпустила ее обратно. Бердникова начала стонать и просить не идти дальше. Однако мы все же шли вперед, но выстрелы становились все чаще и ближе, и прохожие вокруг нас ста-

ли возвращаться назад. Стало ясно, что в такой обстановке уборка овощей производиться не может, тогда мы решили вернуться обратно. Наш второй воскресник так и не состоялся.

В Ленинграде сегодня тревожно. Немцы близко. Зашла в Музей Ленина к зам. директора Виноградову переговорить относительно организации военной учебы. <...> Застала его растерянным. <...> На мой вопрос он ответил, что, мол, за один день все равно не научишься.

— Что, — уточнила я, — разве нам остался в жизни один день?

Он посмотрел на меня мутными глазами и произнес:

— Немцы в Лигово и Обухово, и вопрос решается не только днями, но, может быть, часами.

— Ну, этого не может быть, — ответила я.

18 сентября [1941 года]

Сегодня около полудня снаряды <...> вражеской артиллерии стали рваться в центре города. Несколько снарядов разорвались у Мраморного дворца. Есть убитые и раненые. Бомбоубежище дворца заполнилось народом с улицы. В МПВО немного растерялись, так как никто не научил их защищаться от снарядов. При мне в штаб МПВО музея Ленина звонили из Музея революции и спрашивали, нет ли инструкций на случай артиллерийского обстрела, ибо они не знают, нужно ли при обстрелах дежурить на чердаках или лучше укрыться. Инструкций не оказалась, и мы посоветовали им укрыться и не подвергать людей ненужному риску без особой необходимости.

Вечером поехала домой. Дома мне передали телеграмму от мужа о том, что его взяли в Политуправление и он не вернется. Однако поздно вечером около 11 часов он приехал и до утра пробыл дома. Муж рассказал, что они собирались поехать переночевать в казарме, но затем его группа договорилась провести последнюю ночь дома с родными и завтра в 9 часов быть на Балтийском вокзале. Ему выдали новое обмундирование: сапоги, брюки, гимнастерку, белье. Не дали только шинель, но зато выдали теплый ватник. Пошел он по партийной мобилизации в качестве политбойца, хотя мог бы идти политруком, но дело теперь не в чинах.

Посмотрела я на него в военном обмундировании и сказала:

— Если тебе будет когда-нибудь страшно в бою, то помни, что ты был уже на двух войнах — империалистической и гражданской и остался жив, то и на третьей войне не погибнешь! Я надеюсь на твою смекалку и опытность.

— Не бойся, — ответил он мне, — я не стану трусом и раз пошел воевать, то дойду до самого Берлина, и подлым фашистам не будет пощады!

Мне было жаль мужа, жаль наших детей, которые, может быть, никогда не увидят отца, но обоим нам было ясно, что долг коммуниста не только идти на защиту Родины, но быть впереди и служить примером для других. Сознывая это, я не плакала, и он не жаловался на судьбу, и по-деловому готовилась к отъезду. Натопила ванну, он вымылся и затем собрал вещи. Написал мне доверенность на получение зарплаты. Спать легли поздно. Всю ночь была слышна артиллерийская стрельба.

19 сентября [1941 года]

Утром проводила мужа на фронт. <...> Мы вместе дошли до остановки трамвая, я поехала на работу, а он на фронт.

20 сентября [1941 года]

<...> В институте нет своей столовой и даже буфета, и нельзя организовать вследствие нашей малочисленности. Поэтому приходится примазываться к различным организациям на положении «бедных родственников». <...>

На днях ходила в райком. <...> Зашла к инструктору Дубровскому. <...> Я ему сказала, что меня спрашивают коммунисты, что они должны делать, если в город ворвутся немцы, в нашей организации есть старые большевики-пенсионеры, которые работали вместе с Лениным еще при зарождении партии и теперь они не могут себя защитить. <...> Нам стыдно, что мы не можем им помочь в такое время.

Инструктор пояснил, что надо коммунистов подбадривать. «Надо иметь адреса всех коммунистов, и если его квартира находится в опасном районе, то устроить их в другом месте или даже учреждении и успокоить престарелых коммунистов, сказав им, что, если мы их не эвакуировали, это не значит, что мы их не защитим. А в нужный момент будет сказано, что делать».

22 сентября [1941 года]

Сегодня радио сообщило тяжелую весть — наши войска оставили Киев. Все в большом унынии. <...>

В Ленинграде среди интеллигенции стала распространяться идея об объявлении Ленинграда «вольным» городом. Об этом мне сказал Ш., который слышал об этом в Доме ученых. Я ему сказала, что это есть замаскированное требование сдачи города <...> и с такого рода разговорами нужно вести борьбу. <...>

28 сентября [1941 года]

Сегодня работали на воскреснике в Кировском районе, строили баррикады. Кругом стреляли из орудий. <...> Говорили, что это бьют по врагу наши орудия. Работало огромное количество людей. Тут же присутствовали представители райкома и райсовета. Председатель Дзержинского райсовета тов. Горбунов остановился и поговорил со мной и Павловской. Мы рассказали ему, что на соседней улице разобрали мостовую и камни таскали и укладывали в нашу баррикаду. Когда почти всю улицу разобрали, нам объяснили, что это делать не следовало, но разобранную мостовую, конечно, не восстановили. <...>

5 октября [1941 года]

Сегодня уехала со своей квартиры на Выборгском шоссе, д. 30, которую пришлось срочно оставить, так как весь дом, т. е. школа, в которой была наша квартира, отдали под военный госпиталь. Тяжело было уезжать из своего угла, я счастливо прожила со своими детьми и мужем свыше трех лет.хлопоты о том, чтобы мне дали комнату, заняли у меня почти целую неделю. <...> Оказалась, что комната, на которую мне выписали ордер <...> заполнена мебелью, и места свободного очень мало. Мои вещи никак не вмещались, и пришлось их набивать битком до самого потолка. Жить в этой комнате было нельзя. Ночевала я у соседки.

Ходила хлопотать, чтобы чужие вещи из комнаты убрали, но это оказалось невозможно. <...> Буду жить в институте. Мою собаку Дика военные обещали пристроить на кормежку в госпитале <...> взять с собой собаку я не могу, негде держать, а главное, нечем кормить.

11 октября [1941 года]

Днем приходил Лурье, мы его вызвали из части. <...> Рассказала все новости института. <...> Паялин совершил партийный проступок — хоронил тещу с попом. Мы разбирали его дело на партбюро и дали строгий выговор. Лурье обругал его «старым дураком». <...>

22 октября [1941 года]

Вчера было партийное собрание, на котором стоял вопрос о сборе теплых вещей для Красной армии и дело о проступке Паялина. По первому вопросу я в своем выступлении отметила, что наряду с удовлетворительным ходом сбора теплых вещей для армии надо указать, что некоторые не осуществили в этом деле авангардной роли, например Шидловский, который дал только 10 рублей, и Паялин — 15 руб., тогда как беспартийные сотрудники А. Б. Беркевич и Дмитриева дали по 30 руб.

Паялин взял слово и завопил, что он не мог дать больше, что [даст] в следующий раз, и нельзя его шельмовать за это и записывать в протоколе. Его поддержала Бердникова, которая внесла предложение не упоминать фамилию Паялина в постановлении, как это предлагала я. В результате голоса разделились, и все же постановили о нем не записывать. Я не настаивала, так как о нем еще стоял отдельный вопрос — об его участии в религиозных похоронах тещи. В «разном» поставили вопрос о причинах увольнения из института Логинова. Но так как до окончания собрания я должна была уйти в Смольный, то этот вопрос поставили вторым.

Я сообщила партийному собранию, [что] Логинов уволился по собственному желанию ввиду несогласия со снижением заработной платы, которую он получал выше ставки. В Смольном потребовали, чтобы прекратили ему платить дополнительно 250 рублей, которые он получал сверх своей зарплаты — 600 руб., за якобы заведование «особым фондом», и что Логинов в связи с этим настойчиво требовал, чтобы его освободили от работы, поэтому мне пришлось поставить о нем вопрос в Смольном, и там мне предложили его освободить и рекомендовали на это место Бреневу, которая освобождалась от работы в Музее Ленина. Причем ей мы будем платить только 450 рублей, так как бюджет очень напряжен. Логинов заявил, что погорячился, и с ним не поговорили, и т. п. Собрание решило принять мое сообщение к сведению. <...>

С питанием все хуже и хуже. Народ заметно худеет и слабеет. Хорошо, если не будет хуже, то пока еще все же держаться можно, но пугает перспектива долго быть в окружении.

27 октября [1941 года]

Меня соединили по телефону с Н. Д. Шумиловым, который очень просто и сердечно сообщил, что в ответ на мое письмо он договорился с Лазутиным и с горкомом ВЛКСМ, что нам будут отпускать для снабжения научных сотрудников продукты из особого фонда, и мы будем питаться по-прежнему в столовой горкома ВЛКСМ. Я очень обрадовалась этому сообщению и горячо и сердечно благодарила за чуткость и заботу. Это была радость для наших научных сотрудников. <...>

30 октября [1941 года]

Сегодня меня вызвали в Смольный к Лазутину. Я никак не могла догадаться, по какому вопросу он меня вызывает. <...> Он долго меня расспрашивал о моей биографии и о том, много ли у меня родственников и т. д. Многие ли меня знают в Ленинграде вообще. Не боязлива ли

я. Какого состояние моего здоровья и т. д. Судя по вопросам, можно понять, что идет подготовка к переводу на подпольную работу в Ленинграде на случай захвата города немцами.

Лазутин ограничился вопросами и ничего не сказал мне определенного. Я ушла от него, расстроенная за судьбу города, так как поняла, что партия допускает возможность захвата города врагом. <...>

Все говорят, что немцы бьют нас техникой и организованностью. Российская расхлябанность и отсталость, конечно, не могли быть полностью уничтожены за годы революции, но все же за это время выросло новое поколение, которое никогда не видело и не знало рабства ни в какой форме и никогда не подчинится заклятому врагу, лучше смерть, чем позор подчинения ненавистному завоевателю!

31 октября [1941 года]

Пошла по магазинам искать растительное масло по карточкам, но, увы, оказалось, что сегодня последний день выдачи продуктов за октябрь, и масла нигде, ни в одном магазине нет. Хотя я обошла большой район ул. Чайковского, пр. Володарского, ул. Пестеля, Желябова, Халтурина и др. Так и пропало мое масло за целый месяц, хоть его полагалось всего-то только 300 граммов на месяц. <...>

Сегодня все наши научные сотрудники после долгого перерыва обедали в столовой горкома ВЛКСМ и пообедали как следует. Все были очень довольны. Но опять вышло большое осложнение с прикреплением к столовой. Управделами горкома ВЛКСМ т. Буровой через дежурного милиционера пригласил меня к себе и предупредил, что сегодня нам разрешили пообедать, но только по карточкам, а на следующий период они не могут нам отпустить, пока на нас не спустят фонды. <...>

Мне снова пришлось возобновить борьбу за прикрепление к столовой. Звонила всем военным чинам, ведающим питанием: секретарю горкома Лазутину, директору Главресторана Фельдману, директору Ленгортреста ресторанов и кафе Николаеву.

Лазутин сказал, что, мол, «хорошо, приму меры». Фельдман объяснил, что никаких специальных фондов они на нас и не должны выделять, так как они даже трестам не определяют норм, дают, сколько требуется, а тут дело в том, что комсомольцы никого не хотят к себе прикрепить. Об этом говорили Шумилов и Лазутин. Последний посоветовал позвонить Шумилову и объяснить, в чем дело: «Из-за двенадцати человек поднимать такой шум и в такой столовой просто нелепо». Николаев сообщил, что горкому ВЛКСМ нет дела до снабжения, что снабжает трест, и он обеспечит. Тогда я позвонила главному виновнику секрета-

рю горкома ВЛКСМ Иванову. Я ему напомнила, что Шумилов мне передал, что они договорились прикрепить наших сотрудников к столовой, но вот теперь дело затормозилось, так как их управделами предъявляет невыполнимые требования о спускании особого фонда для сотрудников нашего института. В конце концов Иванов заявил, что раз уж он обещал Шумилову, то позвоните Бурову, и дал мне номер смольнинской вертушки. Позвонила Бурову и пересказала строгим голосом все переговоры и достигнутые результаты. Он же мне любезно ответил, что он очень рад, что мы прикрепляемся к их столовой, и раз обещают так отпускать продукты, то вопрос исчерпан.

«Вот дипломаты! Чтобы не сказать хуже», — подумала я. Ну и волнение с прикреплением к столовой! До девяти вечера я вынуждена была звонить по телефонам, чтобы добиться реализации решения вышестоящих партийных органов. Много требуется нервов, чтобы преодолеть различные бюрократические лазейки.

3 ноября [1941 года]

<...> Сегодня обедали в столовой горкома ВЛКСМ. Ели все по три блюда: суп, мясо с макаронами или кашей. Я взяла рассольник, на второе — свинину с макаронами и омлет. Какао нам уже не досталось. К. Г. Шариков предпринял атаку на меня, чтобы я договорилась так же об ужинах, но эти разговоры, конечно, бесцельны, и ужина нам не дадут. Хорошо бы хоть каждый день так обедать, но мясо удастся получать только через день, так как не хватает талонов.

12 ноября [1941 года]

Сегодня проводим собрания сотрудников по поводу снижения норм хлеба с 300 до 150 г и вообще о военном и продовольственном положении Ленинграда. Собрание прошло очень хорошо. Беспартийные сотрудники в своих выступлениях заявляли, что готовы на любые лишения и жертвы, лишь бы не допустить врага в Ленинград. <...>

15 ноября [1941 года]

Сегодня в столовой обеды резко ухудшились. Не было ничего из крупяных и мучных блюд. На второе были биточки с вырезом 100 г мяса, но, так как у нас не хватало талонов, решили взять одно блюдо на двоих. Я взяла вместе с зав. библиотекой Бреневой. Отдала последние 50 г и теперь до 20 буду без второго.

В столовой предупредили, чтобы на следующий день приносили с собой карточку на крупу, так как на суп будут вырезать талоны. Начинается голодовка.

Мы-то снесем любую голодовку, даже голодную смерть, ради спасения советской власти, а вот как весь народ. Хватит ли у него сил для этого. <...>

На днях приходил Розанов. Он приехал из Кронштадта, куда получил назначение работать в качестве начальника гарнизонной газеты. И вот Розанов заявил мне, что у него создалось впечатление, что в армии и на флоте политическое настроение гораздо лучше, чем в Ленинграде. Я спросила, на каком основании у него сложилось такое впечатление. Тогда он мне рассказал, что ему сообщили, что за Невской заставой на Октябрьском заводе рабочие устроили волынку на почве продовольственных затруднений, и когда в столовой стали вырезать талоны из продовольственных карточек за суп и за второе, устроили погром в столовой. Возглавили волынку бывшие эсеры и т. п. люди прошлого.

Сегодня вечером в начале очередной бомбардировки я посоветовала своим товарищам, дежурящим в институте, идти в бомбоубежище и не оставаться в помещениях института, так как наше пребывание там бесполезно и жертвы не нужны, и сама ушла вместе с ними. Это был первый случай, когда ушли организованно в бомбоубежище, и неожиданно для нас произошел большой скандал. Оказалось, что в одной из комнат, в которой не были спущены шторы, от сотрясения здания произошло самовключение настольной лампы, которая была лишь немного вывернута, но не выключена.

В результате получилось, что в то время, как вражеские самолеты кружились над головой, из Мраморного дворца на Марсово поле ярко светила лампа. В окно бросали камни и разбили стекла. Зенитчики звонили и угрожали стрелять по зданию, если немедленно не будет выключен свет. Нас искали минут 20, и, когда я вбежала в институт, с другого входа ввалились милиция и военные. Скандал был большой. Участковый записал мою фамилию. Мы очень раскаивались, что ушли и так получилось. Пожалуй, больше ходить в бомбоубежище не будем. <...>

16 ноября [1941 года]

Сегодня ходила на ул. Герцена 69 смотреть на дом, где находился И. И. По дороге попала под две воздушные тревоги и полтора часа сидела в подвале одного дома. <...>

Попыталась вызвать И. И., но часовой отказал. Вокруг дома толпились женщины, которых часовой отгонял на противоположную сторону улицы. <...> Так ничего узнать не удалось, где он, и что с ним, и почему не пишет. Наверное, его уже нет здесь. Может быть, получил назначение и срочно отбыл, не успев написать письмо. Придется терпеливо ждать известий, если таковые будут. <...>

Посетила баню Октябрьского района. В бане холодно, вода чуть теплая, но посетителей много. Среди голых женщин выделяются несколько исхудавших до состояния скелета, но не видно ни одной толстой. Все вылечились от ожирения. Не надо ехать в Кисловодск. <...>

После бани зашла к Силиным, знакомым по родной деревне. Хотелось узнать новости из Ярославской области. Александра Николаевна сообщила, что ее племянница Валя прислала мужу письмо, в котором писала, что им придется еще раз эвакуироваться, так как к их местности приближается фронтовая полоса. Она пишет, что в нашу деревню доносятся звуки артиллерийских орудий со станции, куда прилетают вражеские бомбардировщики. Письмо было послано в октябре. <...>

Я в свою очередь рассказала о том, что получила телеграмму от дочери, датированную 1 ноября, из Мышкина, и там все благополучно. Она успокоилась, я, наоборот, обеспокоена ее сообщением. Там мои дети. Неужели им грозит опасность или мыканье на положении беженцев? Такая тоска. Нет известий ни от мужа, ни от детей. <...>

28 ноября [1941 года]

Несколько дней происходили длительные воздушные тревоги. Сегодня бомбардировка длилась 5 часов подряд. Меня тревога застала в ДЛТ, куда я зашла, рассчитывая вернуться в институт через 20–30 минут. Но вместо этого пришлось спуститься в бомбоубежище в подвале одного из пятиэтажных домов. Там я просидела три часа. Народу набилось много. Была слышна сильная стрельба и звуки разрывов падающих бомб. <...>

Свет в убежище внезапно потух, некоторые вскрикнули от испуга, но в целом присутствующие держались стойко. Рядом со мной сидела одна гражданка, которая не переставая ныла и жаловалась на плохую тяжелую жизнь. У меня с ней произошел следующий диалог.

Гражданка обращалась ко всем, вернее как бы для себя:

— Опять тревога! Скоро ли это кончится! Умрем скоро все от голода. Вот, я уже опухла, и ноги опухли, а вышла купить продукты, и вот ничего нет, и снова тревога. Хоть скорей бы кончили — или другое — один конец.

— Как это понять, что вы говорите — что это за конец?

— Ну или немцев отгонят, или нас убьют.

— Может быть, вы хотите, чтобы немцы пришли?

— Ну кто же их хочет! Но вот не кормят нас, тяжело терпеть. Дров нет, холодно. Вот сами бы так поголодали, так и узнали бы.

— Кто это сами?

— А кто законы издает, тот, небось, не так питается, как мы.

— Вы глупости говорите, гражданка. Вы одинокая или с детьми?

— Я одна, но тем хуже, у семейных то по одной, то по другой карточке, что-нибудь достанут и поделятся друг с другом.

— Одинокому человеку прожить можно, и надо терпеть, не впадать в отчаянье, не ныть и не кричать, что все плохо.

— Вот и плохо, что не кричат. Надо, чтобы все кричали, а все молчат, вот и издают такие законы, что дают по 100 г хлеба. У всех, наверное, есть запасы, вот и молчат. А я не могу, я умираю от голода!

— Почему же вы жалуетесь? Вы могли бы на свою карточку обедать в столовой.

— Да я обедаю, но в столовой дают только суп, похожий на чистую воду. Ой-ой, и зачем так близко подпустили немцев? Отогнали бы их, вот и было бы хорошо!

— Как же вы думаете, немцев так добровольно пустили? Ведь всем известно, что наша Красная армия дает героический отпор немцам, но пока на их стороне техническое превосходство, они занимают нашу территорию. Вчера было опубликовано, что наши потери достигают уже 2 миллионов, а у немцев свыше 6. Так из этого видно, что немцев не просто подпустили к Ленинграду, а с боями отстаивают Ленинград, и нам надо сохранять бодрость и мужество, а не ныть!

— Неужели наши уже потеряли свыше 2 миллионов человек, а я и не знала! Ах-ах! Вот так наговоришь, не зная, чего плохого. Все это оттого, что есть хочется!

После этого я отвернулась от нее, надоело мне с ней разговаривать, и я задремала. Но ее нытье все продолжалось, и она никак не могла остановиться — все ныла и ныла. Но никто ее не поддерживал.

Вдруг сквозь навалившуюся дремоту слышу:

— Вот, все кормили их, а сами недоедали, а теперь и самим нечего стало есть!

Тут уж я не выдержала:

— Что вы говорите, гражданка? Если из нашего государства вывозились продукты в Германию до войны, то они вывозились не бесплатно, а ими торговали, чтобы укрепить нашу оборону и готовиться на случай войны. А вы вот в течение двух часов подряд все ноете. Никто из сидящих не ноет и не жалуется на горькую судьбу, а вы только всем портите нервы, пытаетесь найти себе сторонников, сеете панику и недовольство. И чего вы ноете? Что, другим лучше, что ли? Все одинаково снабжаются. Перестаньте лучше и помолчите. Надоели всем!

Мои резкие слова послужили сигналом к протестам окружающих. Прозвучали негодующие голоса:

— Она дождется неприятностей за свою агитацию, не здесь, так в другом месте! Надоела всем!

Гражданка пробормотала извинения, сослалась на плохое самочувствие и оправдывалась тем, что не помнит, что говорит, но немедленно замолчала.

«Хороший народ, — подумала я, — готовы без жалоб терпеть любые лишения, лишь бы не допустить врага в город». <...>

Мне вспомнился инцидент, происшедший накануне. Стою я на остановке и жду трамвая. Мимо меня по тротуару проходит некий гражданин с авоськой и бидончиком в руках. Гражданин пошатывается, разыгрывая подвыпившего, и как будто себе под нос песенку с незатейливым текстом поет: «Жить стало весело, жрать стало нечего» и с вызовом посмотрел на меня. Я отвернулась, желая выждать, что будет дальше.

Гражданин занял свободное место на скамейке, где ожидали трамвай мужчины и женщины, и громко прокомментировал передачу по радио, доносившуюся с противоположной стороны улицы, какую-то политическую статью или сообщение о борьбе с немцами.

— Все одно и то же — всем это уже надоело.

Никто его не поддержал. Тогда он повернулся к соседу по скамейке и принялся рассуждать о том, как плохо у нас кормят армию. Сейчас ему один командир сказал, что солдаты получают хлеба 200 г в день. Тогда вмешалась сидящая поблизости работница, которая заявила, что этого не может быть, потому что бойцы не могут получать меньше нас, а мы получаем 250 г. Но разве этого хватает?

Тогда я не выдержала и накинулась на него:

— Так чего же вы болтаете? Вы что, от себя работаете или за деньги?

— За деньги, — с вызовом ответил он. Но затем как-то сжался, когда услышал негодующие реплики в свой адрес.

— Нечего болтать, — зло воскликнул сидящий рядом мужчина. Женщины так же кричали что-то резкое в адрес провокатора. В это время подошел мой трамвай, и я поспешила занять место в вагоне. Но и оттуда было видно, что публика не на шутку взяла профашистского агитатора в оборот. <...>

Не дожидаясь окончания тревоги, решили все пойти в столовую, которая располагалась за Невой, и нужно было преодолеть Кировский мост. Мы так же ходили и вчера во время бомбардировки. Не остаться же из-за этого без обеда. К нашему удовольствию, только мы ото-

шли несколько шагов от дома, как дали отбой и заиграла фанфара, чей звук стал сейчас для ленинградцев самой желанной музыкой.

В столовой ели пшеничный суп по цене 17 коп. и пшенную кашу 22 коп. Были очень довольны, что по талонам удалось получить по две порции, хотя все равно не наелись, так как порция состояла из всего нескольких ложек. А это ведь столовая особого типа! Да, плохо с продовольствием. Нам отказали в просьбе о выдаче научным сотрудникам карточек первой категории (т. е. рабочих). Ну что же, придется терпеть! Что же делать!

30 ноября [1941 года]

Вчера меня вызвали к председателю районной комиссии по эвакуации тов. Никитину. Собрали директоров вузов и научных учреждений. Никитин опоздал на полчаса. На высказанные в его адрес претензии он дал классический ответ:

— Что же, товарищи, время военное, вот и приходится ходить и гадать.

— Но, — возразила я, — потому что время военное, мы не хотим его терять.

Тогда Никитин, который не ожидал подобной реакции, сурово взглянул на собравшихся и произнес:

— В таком случае все можете идти, я вас более не задерживаю.

Такой стиль работы районного руководства возмутителен и вредит делу. Оказалось, что ставится вопрос об эвакуации институтов и научных учреждений, в том числе и нашего института, из осажденного города. Мне предложили составить списки сотрудников и членов их семей. Эвакуация производится через Ладожское озеро тремя способами: на самолетах, автотранспортом и пешком. Багажа можно взять с собой на самолет до 20 кг, на автомашину — до 30 кг. Питание с собой выдается на один день. Пешком придется идти около 300 км.

Сегодня я разговаривала об эвакуации с Бединым (зам. секретаря горкома). Тот посоветовал подготовиться и при мне позвонил зав. фин. отделом т. Михееву о возможности перевода бюджета и получил положительный ответ. Он обещал завтра же переговорить с секретарем горкома Шумиловым и сообщить мне.

24 декабря [1941 года]

Вчера была в Смольном и вновь просила дать научным сотрудникам института первую категорию. <...> Пришла сначала к Бедину, и тот мне вежливо объяснил, что сейчас этого никак нельзя сделать. В ответ я вкратце описала сложившееся положение и то, что я вынужде-

на бить тревогу, так как наши сотрудники слабы здоровьем и, если их не поддержать, то они долго не протянут и вымрут. Тогда Бедин посоветовал мне обратиться к Шумилову, но просил на него не ссылаться. <...>

В приемной Шумилова пришлось подождать минут 15–20, так как у него были редактор «Ленинградской правды» Золотухин и его заместитель Авакумов.

Шумилов встретил меня приветливо и стал расспрашивать о делах в институте. Я кратко обрисовала ему ситуацию и попросила устроить научным сотрудникам получение рабочих карточек. <...> Он принялся уверять меня, что положение в городе тяжелое, что хлеба осталось всего на два дня и что каждый день в Ленинграде умирает не менее полутора тысяч человек.

Я как могла, попыталась ему возразить, что в Ленинграде не первый раз мало хлеба, но всякий раз удавалось что-то подвезти и теперь подвезут, что научным сотрудникам необходимо помочь, в противном случае я ответственно заявляю, что большинство не выживут и умрут с голода, так как многие уже начали пухнуть.

— Если бы никому не давали, — говорила я, — мы бы и не просили, а то ведь работникам райкомов даете, и нас бы могли поддержать.

— Ну вот, она опять за свое, — недовольно воскликнул Шумилов. — Работники райкомов — это наши основные кадры и если им не дать, то кто будет вести партийную работу? Нам не на кого будет опереться.

— Но, — возразила я, — наши сотрудники также ведут большую партийно-массовую работу по линии райкома, у нас подшефный госпиталь, большой избирательный участок, и райком ценит нашу работу и удивляется и возмущается, что вы не можете помочь нам устроить первую категорию.

Эти ли слова или моя общая настойчивость в этом вопросе настолько подействовали, что он взял телефонную трубку и стал говорить по телефону с начальником городского управления по выдаче заборных книжек.

— Тов. Стожилов, у нас есть такая организация, как Институт истории партии. Это наша партийная организация, но мы позабыли о ней. Необходимо помочь идеологическим кадрам и десятку человек дать I категорию. Я пришлю к вам со списком тов. Соколову.

И этим телефонным звонком был решен весь вопрос. Он написал на нашем листке резолюцию: «Тов. Стожилову на рассмотрение» и вручил мне. <...>

От Шумилова я побежала к Стожилову. Ш. спросил меня, дойду ли, так как далеко и трамваи не ходят. Ну, по нашему делу я, конечно, дойду, когда вопрос стоит о жизни и здоровье сотрудников. Пешком при-

шлось идти от Смольного до наб. Рошаля. Все устроила благополучно. Свидание с начальником состоялось. Список он утвердил, но вычеркнул двух человек — секретаря и бухгалтера, а остальных утвердил. Но так как была суббота и позднее время, то на руки бумаги не удалось получить и пришлось отложить получение карточек до понедельника. В понедельник выправили все документы и оформили, а во вторник обменяли карточки 2-категории на 1-ю, то есть рабочую. Этот день 23 декабря стал для нас праздником. Я собрала всех научных сотрудников и сообщила им о переводе на 1-ю категорию, затем об их поведении в столовой горкома ВЛКСМ, где мы обедали, и предложила вести себя достойно своего положения научного работника. Так как некоторые клянчат у официанток лишнее блюдо и т. д., в особенности Шидловский, Берикевич и Паялин. Выступившие меня поддержали и благодарили за хлопоты. Все были очень довольны. По 1-й категории давали 250 г хлеба в день и других продуктов больше почти вдвое. В столовой в этот день мы пообедали как следует.

25 декабря [1941 года]

Демобилизовался мой муж И. И. <...> Похвастала друзьям, что приступила к реставрации семейной жизни. <...>

Неожиданно прибавили хлебный паек. <...> Сообщил мне об этом Шидловский, который с очень огорченным видом стал рассказывать о том, что потерял 100 г хлеба. Я, было, поняла его буквально и выразила сочувствие, но оказалось, он вчера выкупил свой хлеб на сегодня и поэтому не может воспользоваться надбавкой. Забавный человек. Всегда во всем хорошем умудряется находить что-нибудь плохое. Так и теперь, когда получили 1-ю категорию, увидел в этом ущемление своих интересов. <...>

Сегодня на совещании в райкоме секретарь Левин сообщил, что хлебная прибавка явилась результатом успехов Красной армии на Ленфронте, и что будто бы т. Жданов обещал, что к 1 января ни одного оккупанта около Ленинграда не останется, и что т. Сталин распорядился о помощи Ленинграду продовольствием.

Сама я не смогла побывать на совещании и знаю о сказанном только со слов Крушкол. Она заверила, что все именно так. Насчет сроков я не поверила:

— Этого не может быть, ведь до 1 января осталось всего четыре дня, наверное, тов. Жданов выразился не столь определенно, более растяжимо, может быть, к Новому году?

Но Крушкол радовалась, как дитя, и буквально все принимала за реальность. Да, это было бы очень желательно, но победа не приходит сама по себе, а завоевывается, и надо готовиться к трудностям, а не успокаиваться.

1 января 1942 года

<...> Новый год встречала с мужем у его сестры М. Соколовой. В гости пошли со своим пайком хлеба, но Маня нас угостила тушеной капустой с хлебом, а А. И. Соколов принес вина, и мы пили кагор. Сначала сидели с коптилкой, а к 12 часам дали электричество.

У Мани живет жена ее брата Василия с двумя детьми. Они беженцы из Гатчины. Сам Василий на фронте, и от него нет вестей уже пятый месяц. Жена не спрашивает о нем, т. к. боится, что если он погиб, то ее лишат пособия, но, по-моему, напрасно, так как в этом случае она могла бы оформить пенсию на детей.

Ребята голодают и выглядят плохо. У них нет почти никакого имущества: ни кастрюли, ни ложки, ни чашки, нет ни у кого галош. <...>

Мы остались ночевать у Мани. Утром, когда все встали, пришлось немало потрудиться, чтобы попить чего-нибудь. Во-первых, в доме не оказалось воды. Побежали в нижние этажи, там тоже нет, в дворницкой нет. Наконец Маня достала где-то на другой улице. Затем пришлось долго стоять в очереди за хлебом в булочной. Зато к чаю Маня сварила нам по яичку, и это было большой радостью, так как яичек мы не едали почти полгода. А какое вкусное яичко. Такого я не ела еще ни разу в жизни. Буду теперь долго помнить новогоднее яичко! Мы были так голодны, что просто порадовались, что у людей есть возможность питаться иначе. Секрет был в том, что Маня служила бухгалтером в одном из детских очагов, и, видимо, ей кое-что перепадает. Она нам сообщила, что у нее есть знакомый, через которого можно купить конину, и по нашей просьбе пригласила его к себе. Он оказался учителем средней школы и по секрету сообщил, что конину будет продавать его директор. Мы дали ему денег на три кило по семидесяти рублей за килограмм и радовались такой удаче. Но конина будет не раньше 5 января. Ну, поживем и дождемся.

3 января [1942 года]

Муж поступил на работу в Выборгский райком партии на должность зав. фин.-хоз. отделом райкома. Я очень довольна. Условия у него хорошие, и в особенности продовольственные. Он будет получать 1-ю категорию и котловое довольствие в райкомовской столовой, в малом зале.

Была вчера в Смольном у В. В. Бедина. Ходила со сметой. Он мне показывал по карте, как и где проводятся военные операции под Ленинградом. Осталось только 30 км, чтобы завершить окружение Мгинской группировки немцев, но борьба идет с переменным успехом, и с ликвидацией блокады в новом году вопрос еще не разрешился. Но близок час победы — это ясно, и все спокойно и мужественно переносят лишения и тяжести осады.

4 января [1942 года]

Ходила к Мане Соколовой. Снесла ей на хранение вещи. Мане подарила новый фланелевый халат, шарфик и два полотенца. Она была очень рада этим подаркам, и в особенности халату, так приятно видеть, что люди все же могут радоваться в такое тяжелое время.

— Носи на здоровье, хороший халат, — ответила я.

Маня дала мне с собой немного риса и одну конфету для И. И., а меня напоила чаем с сахаром и хлебом с хлопковым маслом. Ее личка Лиза принесла ребятам из дет. очага баночку каши, и Маня сделала ей резкое замечание по этому поводу, что, мол, тащат от ребят и т. д. Мне даже сделалось неловко. Но ребяташки ели кашу с большой жадностью. Лиза жаловалась, что у нее последние ботинки разорвались и нечего надеть, чтобы отдать их в ремонт. Она тут же повалилась на диван и прикрылась пальто. Да, сурова их жизнь. Надо в следующий раз не забыть принести им что-нибудь.

Б. Храмов

Дневник школьника¹

«Учились пять человек. Больше ребят не было. Был 1-й урок арифметика, 2-й — сидели, так как учитель по русскому языку не пришел. <...> Аля встала за папиросами. Ребятам до 16 лет папирос не дают, а девочкам дают. Достала две пачки “Норда”. <...> Хлеба сбавили, теперь будут давать 125 г, а рабочим в два раза больше. Аля и я учиться не пошли. <...> У нас был один урок — ботаника. По русскому учительница не пришла, были четыре человека ребят. Была тревога, продолжалась два часа. <...> Поехали в баню. Там был такой холод, как на улице. Вода еле теплая. Мы с папой продрожали целый час. Все-таки вымылись. Но так озябли, прямо ледяшки. <...>

Стали встречать Новый год. Зажгли лампу. Встретили по-настоящему. Выпили по две рюмочки винца, съели по три штуки лепешек, хлеба по кусочку и по конфетке. Поздравили друг друга с Новым годом. Т[етья] Маня маленьчко поплакала. <...> Умерла бабушка, д[ядя] Жан, Вова, Витька, д[ядя] Ваня. Наверное, умерла и т[етья] Варя. <...> Не знаю, как мы выжили. Наверное, уже пол-Ленинграда умерли. Но еще все впереди, может, и мы будем на том свете. От такого питания умереть не ахти».

1/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 час. Съел кусочек хлеба с колбаской и [выпил] чайку. Все-таки жрать очень хочется. Аля с Натой поехали искать коммерческий магазин. Но, конечно, ничего не нашли. Привезли шоколаду. Три плитки дают на четыре купона мясного талона. Теперь мы господа. Согласились беречь шоколад к празднику, но не утерпели. Вечером пол- плитки не стало. Сходили с М. П. в библиотеку.

Приехала тетя Настя и увезла Натку. Стали обедать. Был суп с клецками. На второе мама выловила клецки из супа и дала по пять штук каждому и по кусочку колбасы. В супе было каждому по три клецки. На третье чай. Едим пока, что надо. В 18:30 была тревога.

¹ Рукописно-документальный фонд ГММОБЛ.

Вечером все, кроме меня, играли в лото. Мама выиграла 10 руб., а Аля 5 руб. Я читал книгу «Салават Юлаев». Ничего, читать можно. Ужинали.

Мама дала по кусочку хлеба. В двенадцатом часу легли спать. Больше писать так много не буду. <...>

[2/XI-1941 года]

Встал в 12 ч. [На завтрак] был кусок и выпил чашку чая. Разделили шоколад. Остались две плитки. Але завтра надо идти в школу, а мне в 7-й корпус в бомбоубежище, учиться. Пообедали, сели играть в девятый вал. Выиграл 80 коп. В 9 ч. вечера заснул.

3/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 ч., позавтракал и пошел к 12 ч. 30 м. учиться. Можно сказать, не учиться, а сидеть за партою без книг. Первый урок ботаника, второй — русский, третий — арифметика. Всего три урока. В классе поставлен длинный стол, и за столом сидят 14 человек ребят и слушают учителя. Еще не успел познакомиться.

Пришел из школы и сказал, что больше не буду учиться. За это мама запустила в меня клубком ниток, а после заставила меня же искать этот клубок. Мама предложила съесть по кусочку шоколада. Конечно, я не отказался. К празднику, наверное, останется от шоколада ножки да рожки. Обедал: на первое суп с клецками, на второе — клецки с мясом, на третье — кисель. Хорошо, что у нас есть мука, а то мы бы пропали. В 18 ч. 45 м. была тревога. Сбросили штук 20 фугасных бомб. Здорово дрожал наш корпус. В 20 ч. был отбой. 20 ч. 30 м. ужинал — маленький кусок хлеба с чаем. После мама дала маленький кусочек шоколада. Ужасно хочется картофеля, не помню уже его вкус. Конечно, хочется и хлеба. Что это 200 граммов? На один раз. Папа обещал привезти картофель. Интересно, привезет или нет?

Ну ладно? Много уж у меня дум. Завтра опять идти в школу-бомбоубежище. Очень хочу увидеть папу. Он обещал приехать 5-го. Но доживем ли мы до 5-го. Это вопрос.

4/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 ч. Позавтракал. Пошел учиться к 12 ч. 30 м. После учения пришел домой и поехал на Финляндский вокзал. Только вышел из трамвая. Тревога! Загнали в бомбоубежище. Просидел 30 мин. Отбой! Купил две книги: «Ботанику» и «Арифметику». [Вернулся домой], пообедал и стал делать домашнюю работу. Как заведено, в 18 ч. 45 мин. была тревога. Поужинал. Полдвенадцатого был отбой. Лег спать.

5/XI-1941 г[ода]

Встал в 10 ч. Повторил ботанику. Позавтракал. Аля пришла со школы. Так как был арт. обстрел. 12 ч. 15 мин. пошел учиться.

Пришел со школы и стал делать домашние уроки. Ждем папу. Около 19 ч. приехал папа, привез 800 г хлеба, банку шпрот, гусяного сала и маленько сахара. Сели играть в лото. Я выиграл 4 руб. Поужинали и легли спать.

6/XI-1941 г[ода]

Встали 8 ч. 15 мин. Сходил с папой в баню. После поехали в Дом Красной армии обедать. У папы было два разовых талона. В школу не пошел, так как приехал папа. Пообедали с Алей на один талон, а папа на свой первое, суп с горохом и бобами, очень густой, съели по тарелке. На второе две свиные котлеты с бобами. Это разделили пополам. На третье чай.

Мы с Алей поехали домой, а папа на поезде в 16 ч. 30 мин. к себе в часть. Приехали домой, здесь тоже пообедали. В 22 ч. ужинали. Затем легли спать. Сегодня, когда полный живот, приятно спать.

7/XI-1941 г[ода]

Встал в 10 ч. Позавтракали. Две чашки какао и полтора кусочка хлеба. Мама дала по конфетке «Аида». В 11 ч. был арт. обстрел. Приехала Галя, но через десять минут уехала.

9/XI-1941 г[ода]

Проснулся в 11 часов. Валялся в кровати. Встал в 14 час. Поел. Кусочек хлебца с подсолнечным маслом.

Приехала Аля из города. Купила себе [учебник] истории для 7-го класса. А мне — ничего. Пообедали: [на первое] суп-рассольник, [на второе] ложку черных макарон.

Пришел с завода дядя Коля, его кладут в больницу. Что-то признали с сердцем.

Сделал домашнее задание по ботанике. 21 ч. 30 мин. Легли спать.

10/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 час. Позавтракал. 50 г хлеба, обжаренного на сковороде. Это два маленьких кусочка. 12 ч. 15 мин. пошел учиться. Но не учился, так как была тревога, продолжалась до 3 час. В тревогу мы не учимся. Пришел домой, в 4 ч. мама дала по кусочку хлебца. В 5 час. был обед. 1-е суп рассольник, но очень жидкий. На 2-е мама пожарила по

одному кусочку хлеба. Думаем, что Дуся ворует. В суп т[етя] Маня положила много крупы, и вообще супу было много, а стало мало, наверно, утром съела Дуся, да и кто же еще может. Не Пушок же полезет.

Мне Дуся очень не нравится. Все суется, куда не нужно. И ноет все время, что ей дают мало есть. А сама ест, как В. В. и М. П. вместе взятые. В 8 час. написал бабушке письмо. Зовем ее погостить. В 9 час. стали играть в лото. Я выиграл 4 руб. 30 коп. После лото выпил чашку пустого чая. Затем легли спать.

11/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 ч. Мама дала два маленьких кусочка хлеба и кипятку без сахара, так как сахар весь кончился. Сегодня новая декада, получим поесть. Пока еще никто не ходил. Хотел идти учиться, но была тревога, продолжалась 30 мин. После пошел. Учились пять человек. Больше ребят не было. Был 1-й урок арифметика, 2-й — сидели, так как учитель по русскому языку не пришел.

Пришел с учебы. Ждал обеда. У Али в школе давали молочный рисовый суп. Стоит 1 рубль.

3 ч. 30 м. обедали. Был очень хороший обед. Первое: суп с клецками, по три клецки. На второе клецки с котлеткой по четыре клецки и кусочек хлеба. В общем, хорошо. Сытно. После обеда сделал уроки по арифметике. По ботанике сделаю завтра. Играли в лото. Выиграл 4 руб. 9 ч. 30 мин., лег спать.

12/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 часов. Ничего не ел, потому что на 13 ноября не давали. У нас взято на один день вперед. Говорят, хлеба будут давать меньше. Мама дала одну конфетку, и я пошел в школу. Сегодня приедет папа. Часов в 7 вечера. В школе было три урока: две арифметики и ботаника.

Пришел со школы. Приехал папа в два часа вместо¹ семи. Приехал рано, как раз кстати. Привез 800 г хлеба и банку шпрот. Я не ел со вчерашнего вечера. Мама дала кусочек хлеба и сухарик и помазала жиром.

Правда, не могу сказать, чему я больше рад, папе или хлебу. Кажется, папе. Я его стал очень любить. Раньше любил, но не так. С папой случился [неприятный] случай. Чуть не попал под трамвай. Хотел прыгнуть на ходу, но не успел и упал. Здорово расшибся. Привез мне русские сапоги. Только мне они все-таки большие. Я ношу 35-й [номер], а сапоги — 39-й. Папа поехал в банк. Я сделал домашнее задание. В 5 ч. обедали

¹ Так в тексте.

суп: [на первое] суп с клецками, [на второе] по ложечке макарон, которые привез папа.

Были тревоги. Папа [вернулся] в 9 ч. Мы уже успели поужинать.

Слушал передовую статью «Ленправды». Статья Хозина — главнокомандующий¹ Лен. фронта. Он пишет, что Ленинград окружен и продовольствия не могут доставить. Говорил еще, что нужно подтянуть ремни. Вспомнил, что давали в голодное время. По-моему, сейчас хуже. Там было можно достать хлеба у спекулянтов, а сейчас хуже. Ничего, кроме что дают по карточкам — 600 г крупы на месяц да 200 г хлеба, да вот говорят еще сбавить хлеба. Сейчас даже жмых, и то не достать. Ну, ладно, разговорился. 10 ч. 30 мин. легли спать.

13/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 ч. Так и есть, хлеб сбавили. Иждивенцам и служащим по 150 г, а рабочим 300 г. Дядя Коля лег в больницу. Папа с мамой поехали в город. Мама в ломбард, а папа в банк. Теперь папа придет числа 20.

Я съел кусочек хлебца с жиром и две конфетки с чаем. Не пошел в школу. Аля пришла из школы. Им тоже ничего не стали давать. На обед был суп с макаронами, но не такой вкусный. Я только полтарелки съел. Остальное вылил. Наверно, мне он показался невкусным, потому что я ел перед супом кокосовый и маргариновый жир с солью. Вчера легли спать в 11 ч., была здоровая тревога. Погас свет. Наверно, сбросили на электрическую подстанцию бомбу.

14/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 часов. Пришел в школу, там были ребята. Сговорились и все убежали. Не учились. В 5 ч. обедали. Эти же макароны, но гораздо стали вкусней, и жидкая перловая каша. Были тревоги. <...> В 9 ч. 30 мин. ужинали оставшимся: кашей по три ложки и чайком с маленьким кусочком хлеба. В обед было по пять ложек каши — на две ложки больше, чем в ужин.

Как там дядя Коля? Сегодня было много тревог. Он, наверное, все время бегает в бомбоубежище в больнице. 10 ч. Легли спать.

15/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 ч. Сходил в школу, было два урока. У нас будет немецкий язык, а я учил английский. Аля купила мне русский язык.

Обедали. Был суп с клецками. Очень густой, на второе — кисель. Вечером поужинали и легли спать.

¹ Правильно — командующего.

16/XI-1941 г[ода]

Проснулся в 10 ч. Съел кусочек с половиной хлеба с жиром и [выпил] чайку. Провалился в кровати до 3 часов. В 3 часа был обед. Суп с клецками и на второе кисель из хлебного кваса. В 4 ч. пошел в баню. Пришел из бани, съел полкусочка [хлеба] с жиром и [выпил] чайку. Иг-рали в лото. Проиграл 2 руб. Сделал домашнее задание по арифметике. По ботанике [сделаю] завтра. Сегодня было пять тревог. Пятая была с 9 по 11 час. Очень близко сбросили бомбу. Маленько посыпалась штука-турка с потолка. Стены <...> задрожали. Стол зашатался. В общем, подхо-дяще. В 12 часов легли спать.

18/XI-1941 г[ода]

Сегодня встал ровно в 8 час. 30 мин., позавтракали. Какао чаш-ку и кусочек хлеба. На закуску мама дала полконфетки. Мама пошла в прачечную, я за тетрадками, Аля на Финляндский. Тетрадей не было. Купил кнопки и клей. Аля встала за папиросами. Ребятам до 16 лет папи-рос не дают, а девочкам дают. Достала две пачки «Норда». Может, еще на Финляндском достанет. Эти папиросы достала на Кондратьевском. Очень большая очередь. Человек 800. Но ничего, дают быстро. В 12 ч. 20 м. пошли учиться.

Сегодня была история и две арифметики. Когда пришел с уче-нья, Аля уже приехала. Привезла вермишель и мне книгу Стендаля «Красное и черное». Она сегодня в школу не пошла. Сделал дом[ашнее] зад[ание]. В 5 ч. обедали. Был густой суп с вермишелью. Жижуха выхлеба-ли, а вермишель оставили, как вчера, и вышло первое и второе. Теперь так будем делать всегда. Папа сегодня не приехал. А мы-то ждали его и конину, которую он обещался привезти. Ну ладно, привезет завтра или послезавтра, в общем, на днях. В 8 час. ужинали. Чай и 30 г поджаренно-го хлеба с подсолнечным маслом. В 9 ч. лег спать.

19/XI-1941 г[ода]

Встал в 10 ч. Читал книжку «Красное и черное». Книга понра-вилась. Съел кусочек хлебца и пошел в школу. Теперь начало занятий в 12 ч. Пришел из школы, стал дочитывать книгу. В 2 ч. мама дала кусо-чек хлебца с подсолнечным маслом. В 6 час. был обед, такой же, как вче-ра, только был еще кисель из хлебного кваса. Сделал задание по арифме-тике. В 10 ч. лег спать.

20/XI-1941 г[ода]

Проснулся в 11 часов. Мама сходила в лавку. Хлеба сбавили, те-перь будут давать 125 г, а рабочим в два раза больше. Аля и я учиться не

пошли. Съели по 25 г хлеба и чайку пустого. Я сегодня не вставал с дивана, а так и лежал. Обед был суп с вермишелью, но очень жидкий, и маленький кусочек хлеба. В 9 ч. выпили чайку пустого, так как сахар кончился 18-го, и кусочек хлебца. Завтра новая декада, что-нибудь наши достанут. В 10 ч. легли спать. Мне-то и ложиться не надо. Я и так лежу. Только закрыть глаза — и все в порядке.

21/XI-1941 г[ода]

В школу сегодня не пошли и завтра не пойдем. Встал в 10 ч. Есть нечего. Аля с тетей Маней поехали выкупать продукты. Не утерпели, во втором часу мама заняла у М. П. кусочек хлебца, разделили на двоих, и все. В 4 часа приехали наши — ничего не достали, кроме конфет и папирос, да еще шоколаду, дают по восьмому номеру. Сто грамм на человека. Сегодня сделали супа с клецками на два дня. Наше богатство, мука, кончилась. Обедали в 5 часов. После играли в лото, выиграл 3 р. 50 к.

Вспомнили Сестрорецк. В Разливе тихо. Аля видала Нину Морозову и тетю Варю. Чего-то тянет туда.

После лото поужинали. [Выпили] чайку с целой плиткой шоколада и [по кусочку] хлебца.

Наплевать, что немец нас бомбит и обстреливает, лишь бы давали пожарать. Да, к несчастью, не дают. Поесть дают, но мало. Но шоколаду мы дома не ели, а сейчас едим, да притом по цельной палочке. Конечно, это только сегодня. Как мама говорит, что для начала побольше. В 11 часов легли спать. Завтра Аня поедет к «Норду» или к Елисееву за какао, купить 300 г.

22/XI-1941 г[ода]

Встал в 9 час. 30 мин. Был арт. обстрел, и Аля не поехала. Когда он кончился, было поздно, 11 часов. Позавтракали кусочком хлебца с подсолнечным маслом и [выпили] чайку с полконфеткой. До обеда мама дала по половинке палочки шоколада. [На] обед был суп с клецками. Он был в сто раз вкуснее, чем с вермишелью. После попили чайку с полконфетки. Был здоровый арт. обстрел, в 8 час. попили чайку с кусочком хлебца и целой конфеткой. В 11 час. легли спать. Папа не приехал. Обещал приехать 18–22 [ноября].

23/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 ч. Съели остатки хлеба. Получили от Бориса телеграмму, пишет, что ни одного нашего письма он не получал. От Левы ничего нет, наверное, его убили. Аля ходила по лавкам, достала 300 г какао и 150 г сахара. Выпили какао по две чашки.

Сегодня у нас густой суп. М. П. дала маленькую ложечку геркулеса, и мама сварила суп. Вышел очень вкусный. Но, конечно, мало. Если бы не этот геркулес, мы бы сегодня сидели на сухом пайке. Вечером играли в девятый вал. Я остался при своих. В 10 час. выпили по чашке какао и легли спать. Папа не приехал.

24/XI-1941 г[ода]

Проснулся в 10 часов. Слышу стук, словно предчувствовал, что что-то от папы. Приехал папин писарь, тоже Петр Михайлович. Папа прислал письмо. Он болел и не мог приехать. Прислал еще мыла, жиру какого-то, очень жирного, после еще пакетики, которые кладут в бульон, 200 г гречневой каши и 75 г гороха-пюре, еще свою фотокарточку. С кониной ничего не вышло. Пишет, что на днях приедет. Очень беспокоится о нас.

Узнал, что Финляндский вокзал обстреливали, думал, что и нас. У них пока тихо. В общем, все хорошо.

Мама была так рада, что даже забыла поблагодарить его в письме. Написала только, что мы живы и все. У них хлеб теперь дают 225 г. Наверно, вообще продовольствия больше нет. Уже когда стали давать вместо крупы что-то вроде картофельной муки, кажется, кокосовой. Да вместо мяса шпроты, а красноармейцам эти кубики. В общем, остатки. Ну ладно уж, поголодали бы. Только прорвали бы кольцо. Тогда бы было хорошо. Наверное, люди стали бы на шею друг другу кидаться. Ну, ладно, все бы, да бы. Пока уже что-то есть. Ничего не поделаешь. Вот своими думами две страницы занял, а еще день впереди. Надо писать еще, что ели? Как спали?

В 11 час. позавтракали по две чашки какао и по кусочку хлеба. Аля с тетей Маней поехали на Финляндский вокзал, я пошел учиться. Алька в школу не ходит, ждет, пока приедет папа да что он скажет.

У нас был один урок — ботаника. По русскому учительница не пришла, были четыре человека ребят. Была тревога, продолжалась два часа.

Приехала Аля с т[етей] Маней. Видели сестрорецких. Там тихо. Ребята там тоже учатся. Узнали, что П. П. умер. Не знаю, как там его богатства. Наверное, все украдут.

В 5 час. варили суп. Варили с тем, что принес папа. Вышел очень вкусный и густой. Если бы не папа, мы бы сегодня остались без обеда. Нас все спасают — то М. П., то папа. Завтра мы, может быть, достанем что-нибудь. Так жить и будем. После обеда лежал и слушал радио. Понравилась передача для красноармейцев. Слушаешь и все забываешь. Даже есть не хочешь. Как-то воодушевляют эти песни, особенно весе-

лые. Боишься только, чтобы не перебила передачу тревога, а то сразу настроение испортится.

Ну ладно, я сегодня, кажется, здорово расписался. Четыре страницы — это не шутки, а не то всю свою силу потеряю. Хотя у меня ее и не было, а сейчас и подавно: откуда она может быть? Слабость — это сейчас есть у каждого, а сила вряд ли.

В 10 час. выпили по две чашки и [съели] по кусочку хлеба. В общем, пока живем. Если так, то еще ничего. После ужина легли спать.

25/XI-1941 г[ода]

Встали в 11 часов. Выпили по две чашки какао и [съели] по куску хлеба. Сходил до школы, но была тревога, и я убежал. Тревога продолжалась четыре часа. Сегодня мы, как говорится, на сухом пайке. Обед нет. В 5 час. выпили по две чашки какао, по одной чашке кофе и [съели] по кусочку хлеба. На загладку¹ мама дала по одной трети палочки шоколада. Раскупили последнюю плитку. В общем, вышел не сухой паек, а мокрый с сухим. Вечером выпили по три чашки какао и легли спать.

26/XI-1941 г[ода]

Проснулся в 11 ч. Съели по кусочку хлеба и выпили по две чашки какао. Провалился в кровати до 4 ч. М. П. дала нам чашку риса, и мама сварила суп. Приехала Нина, ночевала. Вечером т. Маня купила на три карточки вместо крупы яичного порошка. Нина говорит, что бабушка ссорится с т[егей] Таней. [пропуск в тексте] Хотя и раньше так было. В 9 ч. легли спать.

27/XI-1941 г[ода]

Встал в 12 ч. Аля с Ниной уехали за какой-нибудь крупой. Съели с мамой по кусочку хлеба и [выпили] по чашке какао. В 12 ч. 30 м. была тревога. Продолжалась она 5 ч. 30 м. В 7 часов приехала Аля, но ничего не привезла. Сделали с яичным порошком омлет. Вышел очень вкусный, но, конечно, мало, на второе выпили по чашке какао. Вот и весь обед. В 8 часов сели играть в лото. Я проиграл 1 руб. 50 коп. Совсем неожиданно приехал папа. Привез маленький кусочек хлеба и один сухарь. Выпили чайку. Больше ничего не привез, так как у них у самих ничего нет. Красноармейцы едят хлопковую дуранду. В 1 ч. легли спать.

28/XI-1941 г[ода]

Встал в 11 ч. Папа уехал по делам. Обещал вернуться часа в 3. Но с 12 ч. и до 5 была тревога. Так что папа не приехал. В 11 ч. выпили чайку

¹ На загладку — напоследок.

и [съели] по кусочку хлеба. Только пили без сахара, так как его нет. Папа у нас оставил свои варежки, портфель и чемоданчик. В 6 ч. обедали. Сварили горох, тот, что привез папа. Вышел очень вкусно, но, конечно, мало. В 10 ч. выпили пустого чая и легли спать.

29/XI-1941 г[ода]

Проснулся в 12 часов. Провалился до 5. Выпил чашку чая без сахара и [съел] кусочек хлеба. Была тревога в 12 часов, закончилась в 3 часа. В 6 ч. сделали омлет и пожарили по кусочку хлеба. Вот и весь обед. В 9 час. легли спать. Сегодня не ужинали.

30/XI-1941 г[ода]

Провалился до 6 ч. До пол 7 ч. ничего не ели. Мама получила карточки и выкупила на завтра хлеб. Т. Маня купила макароны. Сварили суп, это было в 7 час. Жижу выхлебал, а макароны оставил на завтра. Играли в лото. Проиграл 60 коп. После лото выпили чайку и [съели] по кусочку. Не утерпел, макароны тоже съел. В 11 часов легли спать.

1/XII-1941 г[ода]

Встал в 13 ч. 30 минут. Съел кусочек пустого хлебца. Аля съездила на Финляндский вокзал, но ничего не достала. Так как теперь будут прикреплять. Тетя Маня стояла за мясом на прошлую декаду, но тоже ничего не достала, 285 г масла на дяди Колину карточку. Варили суп с макаронами на два дня. Так же сделал, как и вчера. Как и вчера, не утерпел. Через час их съел. После обеда пришли письма от папы и В. В. Панина. Панин пишет, что их и нас здорово обокрали. Там была тетя Люба. Первый раз мы вора поймали. Это был Шурка Кинг. Он ничего не успел утащить. А во второй раз кто был, не знаем, и не знаем, много ли он стащил. Панин пишет, что много. Велосипед не стащили. А вот у них было много добра. Он пишет, что ценное у них все стащили. Завтра собираемся ехать в Сестрорецк. <...> Папа написал, что доехал благополучно. Вечером выпили чайку и легли спать.

2/XII-1941 г[ода]

Встал в 12 час. Мама с тетей Маней пошли хлопотать пропуск в Сестрорецк. Приехали, но без пропуска. Были и на Невском, и на Мойке, вообще, где они только не были? Везде были, и нигде пропусков в Сестрорецк не дают. Но все-таки т. Маня и Аля решили ехать без пропусков. В 2 часа был обед. Опять тот же суп с макаронами. На [поезд, отправляющийся в] 4 ч. 47 минут наши опоздали. Потому что была тревога. Решили ехать на 6 час. Но приехали обратно, так как Сестрорецк обстреливается

и туда не пускают. В Разлив же ехать не было никакого смысла. Вечером М. П. дала по конфетке, и мы все выпили чайку. В 11 час. легли спать.

3/ХІІ-1941 г[ода]

Встал в 12 час. Приехала т. Вера и сказал, что бабушка очень хочет видеть маму. Они там тоже все время ругаются с т[етей] Тоней, и бабушка сидит все время голодная. Мама решила ехать в Разлив на 4 ч. 47 мин. Взяла с собой кусок хлеба и свою долю колбасы и уехала, сказала, что завтра или послезавтра приедет. В 5 ч. мы сварили суп с колбасой, и т[етя] Маня достала маленько каши от д[яди] Коли. Положила это в суп, и он вышел очень вкусный. Правда, только жидкий. Сегодня нет света. После обеда, как полагается, «мертвый» час. Только он у меня не вышел, а вышел как будто живой. Это потому что очень здорово кусались блохи. В 7 ч. приехал неожиданно папа. Привез хлеба грамм 500, свиного очень вкусного жира, гречневой крупы 150 г, десять штук помидор и кусочек сахара. Пока это все разворачивали, я одну штуку «нечаянно» стащил. В общем, помидор насчитали девять штук. Очень нас спас, а то мы были бы завтра без обеда. Сразу же поставили самовар и выпили чайку с сахаром и хлебцем с жиром. Хлебца, неверное, грамм по 50. В общем, так еще не ужинали. Папу переводят в артпульбат. Теперь он нам будет хоть маленько что-нибудь привозить. Папа был очень огорчен, что не увидел маму. Хотел идти в баню, но баня до 9 ч. Поедем завтра на Финляндский вокзал. Поедем часов в 7 утра. Здесь завтра баня закрыта. В 11 ч. легли спать.

4/ХІІ-1941 г[ода]

Встали в 6 часов. Поздравили Алю с днем рождения. Ей стукнуло 15 лет. Поехали в баню. Там был такой холод, как на улице. Вода еле теплая. Мы с папой продрожали целый час. Все-таки вымылись. Но так озябли, прямо ледяшки. После бани папа поехал в банк, а я домой. Папа теперь приедет дня через два-три. Приехал домой, выпил чайку и маленько согрелся. Приезжала т[етя] Лена. В 5 час. обедали. Был рассольник с папиной крупы и помидор, очень густой и вкусный. На второе был кисель. В общем, по-барски. После обеда читал книгу Ч. Диккенса «Большие надежды». Книгу купила мне мама. Книга хорошая. Очень мне понравилась. Вечером играли в лото. Выиграл 2 руб. 50 коп. После лото съели мамин кисель, который ей оставили, и съели по кусочку хлеба с чайком, вместо сахара был сироп. В 10 ч. легли спать.

5/ХІІ-1941 г[ода]

Проснулся в 9 часов. В 9 ч. 30 мин. приехала мама, привезла Але пуховую шапочку и Але и мне по чашке, блюдцу и ложке. Это подарок

от бабушки. Маме пришлось идти пешком с Лисьего Носа. Поезд до Разлива не шел. Выпили чайку с сиропом и [съели] по кусочку хлебца. В 5 час. обедали. Был такой же обед. Только киселя не было. После обеда читал книгу «Овод». Очень понравилось. В 9 часов выпили чайку и легли спать.

6/ХІІ-1941 г[ода]

Встал в 11 час. Выпили чайку и съели по кусочку хлеба. В 6 час. обедали. Сделали из оставшейся крупы суп. Конечно, жидкий, но ничего, все-таки суп. В 7 час. приехала Нина Морозова. Осталась ночевать. В 10 час. выпили чайку и легли спать.

7/ХІІ-1941 г[ода]

Проснулся в 10 часов. Мама побежала за хлебом. Выпили чайку и съели по кусочку хлеба.

Ужасно холодно. Температура 5°. Теперь не топят. Валялся до 5 час. Сегодня т[етя] Маня достала конфет и мяса. Сварили суп из мяса, т[етя] Маня сбегала к д[яде] Коле и взяла у него каши. Ее положили в суп. Вышел очень вкусный, только жидкий. После обеда забрались все на плиту и стали играть в лото. Проиграл 1 руб. 10 коп. После лото выпили чайку с конфеткой и [съели] по кусочку хлеба. В 11 час. легли спать. Папа сегодня не приехал. Наверное, приедет завтра. Завтра собираемся переселяться. [Часть страницы оторвана.]

8/ХІІ-1941 г[ода]

Проснулся в 12 часов. Мама сбегала за хлебом. Выпили чайку. Провалился до 3 час. Стали переселяться. Теперь я буду спать на сундуке. В 6 час. обедали. Был суп, бульон с мяса. Высушили хлебца, положили туда, и вышел очень вкусный. После выпили по чашке чайку. Мама боится много пить, стала маленько опухать. Завтра приедет, наверное, из больницы д[ядя] Коля. [Часть страницы оторвана.]

9/ХІІ-1941 г[ода]

Встал в 9 часов. Очень было худо спать. В 10 час. мама затопила печку. Сварила папе кашку и нам по восемь столовых ложек супцу. Это только с 50 г каши. Папе нужно ехать до станции Грузино, а там пешком 28 км. Мама дала папе на дорогу два куса хлеба и две конфетки. [Часть страницы оторвана.] Сварила на два дня. Жидкий, правда, но вкусный. После обеда на плите играли в лото. Выиграл 4 руб. Сегодня достали столового масла. Дают вместо жира. Достали еще студня. Дают в три раза больше мяса. Студень ничего. Конечно, с конины. В 9 час. выпили чайку

с хлебцем и по маленькому кусочку студня. Очень хорошо. Как в мирное время. Д[ядя] Коля сегодня не выписался.

10/ХП-1941 г[ода]

Встал в 12 часов. Выпили чайку с конфеткой и по кусочку хлебца с маслом. После чая, как обычно, сели на печку греться. В 6 часов обедали. Был вчерашний суп. Сегодня у нас несчастье. Украли Пушкина. Так мы и не поели собачины. Вместо нас щас¹ кто-то ест пушичьи котлеты. В 9 час. выпили чайку и легли спать. Было очень холодно.

11/ХП-1941 г[ода]

Встали в 11 часов. Выпили чайку [съели] по кусочку хлеба с маслом. После завтрака читал газету. В 6 час обедали. Д[ядя] Коля выписался из больницы, выглядит ничего. Обед был очень жидкий из остатков гороха. Т[етья] Маня достала консервированного мяса и масло. В 9 час. ужинали. Съели по куску хлеба с маслом и [выпили] чайку с конфеткой. В 10 час. легли спать. Может, завтра придет папа, что-нибудь привезет.

12/ХП-1941 г[ода]

Встали в 12 час. Попили чайку, съели по кусочку хлеба с маслом. Сегодня сходил прогуляться на улицу. Погода хорошая, тишина. Сегодня у нас было очень много гостей. Но в настоящее время лучше бы их не было. Легли спать. Мама с папой на кровать, я с тетей Маней и д[ядей] Колей на диван, Аля с М. П., т[етья] Лена на сундук, д[ядя] Юра на плиту, В. В. на свое место на кровати в кухне. Ему лучше всех.

14/ХП-1941 г[ода]

Проснулся в 6 час. Папа уехал. Мама дала ему в дорогу десять конфеток, ему там пить их не с чем. Еще дала ему два кусочка хлеба со шпиком и все. С ним уехал д[ядя] Юра и т[етья] Лена. Как-то стало легче, когда все ушли. В 12 час. встал. Выпили чайку и съели по кусочку хлеба со шпиком. Что-то беспокоюсь о папе. Ему револьвер еще не выдали, а он несет 150 [тысяч] рублей. Могут все-таки напасть. Там народу-то нет. В 5 час. обедали. Был суп, остатки вермишели с горохом. Сварили на два дня. Ничего, хорошо. В 9 час. ужинали. Съели по кусочку хлеба с маслом и выпили чайку. В 10 час. легли спать. Завтра, наверно, прибавят хлеба, хотя это говорит народ. Но все-таки это много значит.

¹ Так в тексте.

15/ХП-1941 г[ода]

Проснулся в 10 час. Мама побежала за хлебом. Пришла, хлеба не прибавили. Только болтовня. Мама расстроилась, с горя раскупорила банку шпрот. Там было шесть штук. Дала по штучке нам и по штучке д[яде] Коле и т[етя] Мане, М. П. и В. В. Дала по кусочку хлеба к чайку. Вышел хороший завтрак. В комнате очень холодно, 3° тепла. Сегодня с постели не вставал. В 6 час. обедали, был вчерашний суп. Приехали т[етя] Лена со своими братьями согреться. Достала пива. Угостила чашечкой. В 7 час. уехала. В 9 час. выпили с хлебцем и маслицем и легли спать.

16/ХП-1941 г[ода]

Проснулся в 11 часов. Выпил чашку чая с хлебом и шпиком. Провалился до 4 час. Приехала Зоя. Т[етя] Маня с Зоей пошли к д[яде] Юре. В 5 час. обедали. Сделали бульон. В воду положили консервированное мясо. Я высушил свою долю хлеба и положил в суп. Вышло вкусно. Конечно, мало и жидко, но ничего не поделаешь. Завтра тоже такой же обед будет. Д[яде] Юре там не нравится, говорит, плохо кормят. Не знаю прямо, дома говорил, что два дня ничего не ел, а здесь три раза в день. В обед там дают два блюда. Правда, помаленьку. По-моему, в десять раз лучше, чем дома. Да это всегда так. Хорошо, да плохо. В 9 час. выпили чайку с сиропом и съели по кусочку хлеба с маслом. В 10 час легли спать.

17/ХП-1941 г[ода]

Встал в 12 час. Т[етя] Маня пошла за хлебом, такой принесла хлеб, даже прямо жутко. Одна вода, да такой тяжелый. Выпили чайку с сиропом и [съели] по кусочку хлеба с маслом. В 5 час. обедали. Был такой же суп, как и вчера. Только туда еще покрошили колбаски. На второе выпили по чашке пустого чайку с сиропом. И весь обед. В шесть час. приехала т[етя] Лена, привезла нам обратно кувшин. Будет у нас ночевать. В 9 час. попили чайку. Т[етя] дала нам попробовать варенья. Очень вкусное. Она купила [его] вместо сахара. Дала в долг по кусочку хлеба. Обещала привезти елочку на Новый год. Теперь будем запасать маленько игрушек. Будем справлять Новый год. В 10 час. легли спать.

18/ХП-1941 г[ода]

Проснулся в 11 часов. Выпили чайку пустого и съели хлебца по кусочку. Провалился [в постели] до 2 час. В 2 час. оделся и сел на печку решать кроссворд. В 5 час. приехала Нина Морозова. Бабушка теперь живет с ними. Переехала вместе с самоваром. Ну и лучше. А то дома только нервы себе портила да ругалась с т[етей] Тоней. В 6 час. обедали. К. А. прислала М. П. жмыхи, Дуся один кусок украла. Совсем вся завра-

лась и закрылась. Не знаю, как терпит М. П. Был суп из жмыха. Густой и ничего, вкусный. Нина уехала на поезде в 8 часов. В 9 час. съели по кусочку хлеба и легли спать. Завтра у нас, наверное, обеда не будет. Теперь мы с Алей копим деньги на велосипед. Уже у нас денег 120 руб. К маю будет целых 600.

19/ХІІ-1941 г[ода]

Встал в 12 часов. Затопили печку. Сварили чайку и выпили по чашке с солью. Съели по кусочку хлебца с маслицем. Аля поехала на Финляндский за игрушками. Т[етя] Маня пошла в очередь. Может, достанет макароны и конфет. Макароны у нас не взяты за все декады, а конфеты не взяты 500 г. В 2 часа приехала Аля. Привезла маленько игрушек. Отжилила от мамы 2 руб. 50 коп. Это на велосипед. Мама стала делать Але бурки. Передаю ей свои старые бумажные брюки на верх за 5 рублей. Так денег не только на велосипед можно накопить, а на целый дом. Пришла т[етя] Маня, макарон, конечно, не достала, их не было. Конфет достала вроде кофейных. Называются «Кокосовые», стоят 8 руб. кило. Здорово пахнут, очень рыхлые, а также вкусные. В 5 час. сварили чайку. Мама раскупила вторую банку шпрот. Дала т[ете] и д[яде] Коле по штучке, М. П. и В. В. штучку, нам с Алей по штучке и себе штучку, и новогодние шпроты улыгнулись не 31, а 19. Дядя Коля и мама сделали себе суп. Налили кипятку, накрошили туда хлебца, положили шпротинку, наперчили и насолчили, положили туда горчицы. Д[ядя] положил масла, а мама кокосового жира. У д[яди] Коли получился очень вкусный суп, а у мамы не очень. Здорово пахнул жиром. У них вышло первое и второе. Эта бурда и чай. Мы с Алей выпили чайку с целой конфеткой и хлебца с шпротинкой. Вышел вообще хороший обед. В 9 час. ужинали. Выпили чайку с полконфеткой и крошечным кусочком хлебца с горчицей. На д[ядю] Колю сегодня было смешно глядеть. Когда обедали, говорит маме:

— Нина, дай мне прованского масла от шпрот.

А откуда мама его возьмет. Его совсем почти не было. Да если бы и было, мама дала бы нам, а не ему. Когда ужинали, т[етя] Маня заняла у М. П. два кусочка хлеба, намазала их маслом и дала ему целую конфетку. Дак¹ он за секунду съел кусок, а конфетки не хватило на чашку чая, и просит у т[ети] Мани еще хлеба и конфетку, а хлеба у нее нет. Она и так заняла у М. П., а конфет осталось четыре штучки. Мы ей долг отдали 10 штук и все. Дак он как маленький ребенок, дай и все тут. Просил у М. П. в долг, говорил, что завтра отдаст. Он собирается в больницу завтра, дак больше хлеба будет. Но т[етя] Маня ему говорит ему:

¹ Так в тексте.

— А если ты и завтра не попадешь? Тогда что мы будем делать? И так заняли два куска. Съел один, и довольно, вот ребята тоже хотят есть, да молчат, а ты хуже их.

Их — это значит нас. И правда, молчим, нет дак нет — ничего не попишешь. И т[етя] Маня не разрешила дать ему хлеба. Мама все-таки дала полконфетки. Только тогда он успокоился. Д[ядя] Коля — это вторая Дуся. Ладно, больно всех критикую, и сам-то маленько получше. Завтра, может, приедет папа. Наверное, что-нибудь привезет. Если привезет печенье, оставим на Новый год. И конфеток тоже если выкупим, тоже маленько оставим, хочется ирисок. Их хорошо сосать. Мама обещает купить на 100 рублей. Тогда мы хорошо справили новый, 1942 год.

20/ХІІ-1941 г[ода]

Встал в 12 час. Выпил чаю и съел кусок хлебца с горчицей и полконфетки. Д[ядя] Коля пошел в госпиталь, но пришел обратно. Мест свободных нет. Хорошо, что вчера ему не позволила т[етя] Маня взять в долг хлеба, а то сегодня прямо пропал бы. Завтра, может, место свободное будет. Завтра сходит опять. Да ему и надо ложиться, а то дома вчера и, может быть, сегодня обеда не будет, а там все время, да в определенные часы. [Часть страницы оторвана.]

21/ХІІ-1941 г[ода]

Встал в 1 час. Сегодня переезжаем на другую квартиру, в столовую. Там теплее, чем в спальне. Хозяйничала мама и т[етя] Маня. М. П. не было. Она пошла узнать у бабушки, узнать насчет Дуси про жмых и все остальное. Дуся ушла в 10 час. Т. Маня пошла в очередь. Так что народу стало мало. Мы уселись пить чай. Съели по кусочку хлеба. Была тревога. Неожиданно. Давно ее не было. Пришла М. П. от бабушки, принесла жмых. <...> [Часть страницы оторвана.]

22/ХІІ-1941 г[ода]

Встал в 10 часов. Очень хорошо спать на новом месте. В комнате тепло, градусов 10 плюс. В 12 час. выпили чайку с хлебцем. Аля сходила в новый магазин, купила эстонскую гребенку за 14 рублей. Мама стала убираться. Т[етя] Маня пошла в очередь, но ничего не достала. В 5 час. сварили остатки супа, и все. Т[етя] Маня ходила к д[яде] Коле. Он очень доволен. Сегодня давали мясной суп и на второе макароны. Сегодня приезжали <...> [Часть страницы оторвана.]

В 9 часов выпили чайку с сахаром, и В. В. дал по маленькому кусочку булочки. Дуся и сегодня не приехала. Не знаю, как она оставила здесь масло, которое купила у спекулянтки. Да, наверно, врала, сама где-

нибудь украла. Но все равно, как это она нам доверила. Папа сегодня не приехал. Не знаю, что с ним случилось, хоть бы оставил адрес, а то и написать не знаешь куда. Хотя, может быть, завтра придет.

23 /XII-1941 г[ода]

Встал в 12 час. Выпили чайку со вчерашним сахаром и съели хлебца по кусочку. Сегодня очень плохо себя чувствую. Большая слабость. Да и есть с чего. Так есть, дак скоро сдохнешь. Мама сегодня ездила в райсовет узнать насчет столовой. Заявления принимают с 25. Сказали, что устроят. Хотел пойти погулять, но ноги еле тащатся. Вместо гуляния сел на печку. Т[етя] Маня сегодня в 5 часов занимала очередь. У ней номер 90. Пошла стоять в очередь. В 5 час. обедали. Высушили хлеба по кусочку, налили кипятку, посолили, поперчили, погорчили, и вышел суп. Правда, очень жидкий, но ничего. В 9 часов выпили чайку и [съели] по маленькому кусочку хлеба с горчицей. В 10 часов легли спать. Папа и сегодня не приехал. Дуся тоже не приехала. Не знаю, что это с папой, хоть бы написал. Т[етя] Маня сегодня ничего не достала.

24/XII-1941 г[ода]

Встал в 12 часов. Выпили чайку с хлебцем и повидлом. Сегодня маме посчастливилось достать вина, дают по пол-литра на 5 купон[ов]. Выпьем по рюмочке, сразу станет легче. Теперь папу напоим вином. Вот еще бы достать пива. Но приехал бы папа. Получили письма от Левы и папы. Лева пишет, что он в разведке. Печет там блины. Папа пишет, что доехал благополучно. Пишет, что приедет на машине. Пишет 16-го числа, что приедет 20–23, а сегодня 24. Ну, ладно теперь мы не беспокоимся хоть. Зато мы очень рады: и Лева, и папа сразу написали. Да, Лева целых два письма. В 5 часов обедали. У М. П. было 250 сухого хлебного кваса. Это сварили на всех, и вышел густой и вкусный суп. Правда, кислый и мало, но ничего не поделаешь, что уже есть. В 10 часов попили чайку с повидлом и легли спать. Все ждут папу.

25/XII-1941 г[ода]

Проснулся в 9 часов. Мама поехала подавать заявление насчет столовой. Приходит и говорит: «Хлеба прибавили». Мы, конечно, не поверили. Оказывается, правда. Иждивенцам 200 грамм, а рабочим 350 г. Да с 1-го еще прибавят. Затопили плиту. Мама дала сразу по два с половиной куска. У Али даже от этого живот заболел. Сразу в уборную пошла. У меня ничего, съел бы еще грамм 500. Но в общем хорошо. Выпили чайку с оставшимся повидлом и хлебцем. Сразу настроение лучше стало. Мама, когда купила хлеба, дак бежала без задних ног, чтобы нам ска-

зять, что прибавили хлеба. И даже одышки не было. Вот как с радости. Заняли очередь за пивом. В 5 часов обедали, высушили хлебца, опустили в кипяток, погорчили, посолили, поперчили, и вышел нормальный суп. Достали пива. Дают по полтора литра. Очень вкусное. Выпили по чашечке. Теперь очередь за папой. Только бы приехал. Т[етя] Маня в 5 часов пошла занимать очередь. Номер у нее 180. Может, как-нибудь без очереди и достанет, а по номеркам не достанешь. Больно далеко. Обещали муку вместо крупы. Наделали бы лепешек. А то уж который день без настоящего супа. Наверное, что-нибудь достанет. Пришла т[етя] Маня, достала муки. Стали печь лепешки. Вышло по четыре штуки. Очень вкусные. Выпили чайку с лепешками и легли спать. Завтра у нас будет обед. Т[етя] Маня достала мяса. Завтра будет бульон.

26/ХІІ-1941 г[ода]

Встали в 11 часов. Выпили, по обыкновению, чайку и съели по две лепешки и <...> по куску хлеба с повидлом. Стало сразу легче. Так давно не ели. В 6 часов обедали. Был на первое бульон. На второе хотели сделать кашу из муки. Заместо каши вышел суп, каша не вышла. Вечером съели хлебца и легли спать. Сегодня чувствую себя куда лучше. Папа и Дуся так и не были. Папу теперь будем ждать на Новый год, а вот Дусю не знаю. Куда она делась?

27/ХІІ-1941 г[ода]

Встали в 10 часов. Сегодня хлеб решили сэкономить на одну карточку. Мама пошла за хлебом, а мы стали топить плиту. Сделали лепешки по три штуки, и д[яде] Коле в госпиталь т[етя] Маня три штуки снесла. Выпили еще чайку с хлебцем, хорошо. В 6 часов обедали, обед был такой же, как и вчера. Т[етя] Маня сегодня достала конфеты за 16 руб. 40 к., но такие невкусные, дак прямо ужас, один жмых. Вечером выпили чайку с этими конфетами и легли спать.

28/ХІІ-1941 г[ода]

Встали в 10 часов. Выпили чайку с хлебцем и конфеткой. М. П. и В. В. ушли к своим узнать насчет Дуси. Пришли в 5 часов. Она, оказывается, устроилась на работу. Принесли мне две книги, которые у нас остались: «Гисса горит»¹ и еще какую-то. У Кирилла было много книг, но они все сожгли. Начали уже жечь стулья. У нас уже тоже дров нет. Тоже придется взяться за мебель. В 6 час. обедали. Был бульон, а на вто-

¹ Роман венгерского писателя Белы Иллеша (1895–1974) о борьбе за установление советской власти в Венгрии в 1919 году.

рое две ложечки каши из муки со шкварками. Теперь научились делать кашу. Надо сначала заварить кипятком, а потом чтобы она стала булькать. В 9 час. выпили чайку и пошли спать. <...>

30/ХП-1941 г[ода]

Утром приехала т[етя] Лена с елкой. Елочка ничего. Игрушек обещалась достать соседка. В 11 часов выпили чайку с хлебцем и оставшимися конфетами. Папе оставили вина и пива и две конфетки. <...> Пришла Дуся за карточками и своим маслом. Масло у ней много съели крысы. Она говорит, что это съели не крысы, а мы. Мерит на свой аршин, и хватает же нахальства у человека сказать. Думала, что мы все ей купим. Купила себе заместо конфет кофе и ушла. Теперь когда придет, не знаю. Сегодня не было света, сидели при лампе. Говорят, со 2-го совсем света не будет. В. П. принесла игрушки, но мы елку не убрали. В 6 час. пообедали. Был такой же обед, как вчера. В 9 час. поужинали и легли спать. Папы все нет. Завтра канун Нового года.

31/ХП-1941 г[ода]

Встали в 11 час. Мама ходила в райсовет за пропусками в столовую. Достала. Прикрепили в детско-диетическую столовую. Это столовая в школе, где училась Аля. Завтра пойдет поглядеть, что дают. Может, возьмет. К Новому году испортила себе настроение. Пропал д[ядя] Жан. Уже его нет дома пять дней. Везде ищут, но нигде не нашли. Наверно, упал где-нибудь и умер. Это бывает теперь часто. Сколько везут покойников, дак прямо ужас. Везут в простынях. Наверно, в день умирают человек 400. Ну ладно говорить о покойниках. Мама достала хлеба. Выпили чайку с хлебцем. Стали украшать елку. Вышло хорошо. В 6 часов обедали. Были бульон и каша. Вечером не было света. Стали встречать Новый год. Зажгли лампу. Встретили по-настоящему. Выпили по две рюмочки винца, съели по три штуки лепешек, хлебца по кусочку и по конфетке. Поздравили друг друга с Новым годом. Т[етя] Маня маленечко поплакала. В 10 часов легли спать. Так рано, потому что не было света. Папа и сегодня не приехал. Ему нужно сдавать отчет за 1941 год. Может, он задержался в дороге или заболел. Прямо не знаю. Завтра Новый год. Может, прибавят хлеба. Карточки-то такие же, как и в декабре. Может, и еще не прибавят. С завтрашнего дня начну писать в новом блокноте. Может, он будет счастливее, а то тут пишу только про еду.

1/І-1942 г[ода]

Утром постучались. Мама открыла. Оказывается, пришел д[ядя] Миша. Он ослаб. Был в госпитале. Был обморожен. Теперь его

переводят в другую воинскую часть. Но, наверное, опять положат в госпиталь. Еще потерял дух. <...> Выпил у нас целый чайник. После пошел на пересылочный пункт. Мама расстроилась с Нового года. Значит, и этот год будет плохой. [Мама] купила на два дня хлеба. Съели по два хороших куска с чайком. В 6 час. обедали. Такой же обед, только еще выпили чай с лепешками. В 9 час. вечера приехал папа, будет жить [у нас] два дня. Задержался в дороге. Привез нам мяса 2 кило, масла 400 г, грудинки 200 г, сахара и 26 сухарей. Сменял на папиросы. Выпили чайку с сухарями. Мама дала папе вина целую чашку и две конфетки. В 10 час. легли спать. Очень рад, что приехал папа.

2/1-1942 г[ода]

Папа поехал по делам. Приедет в 7 час. Т[о] е[сть] не поехал, а пошел, так как трамваи не ходят. Мы затопили плиту из В. В. письменного стола. Его раскололи. Выпили чайку. Съели хлебца с маслом и по полсухаря. Очень хорошо. Стали варить обед. Сегодня он у нас на славу. Первое — бульон, второе — по котлетке с кашей из этой муки. Так и есть, света сегодня нет. Как мы будем без света, не знаю. Осталась одна свеча. Сварили обед и ждали папу до 7 часов, но он не пришел. Перед обедом выпили шампанского. Оставили папе маленько шампанского. Шампанское было у В. В. давно, поели. Но все равно, конечно, не сыт. Пришел папа в 8 час. Очень уставший. Мама дала ему поесть, и он, конечно, не наелся. Легли спать рано, потому что не было света.

3/1-1942 г[ода]

Встали в 11 час. Выпили чайку. Съели по куску хлеба с грудинкой и по кусочку сухарика. Папа пошел по делам. В 3 часа привезли дрова. Теперь мы ожили, мебель [оставим] в покое. Пришел папа. Мама сходила в столовую, взяла суп. Был молочный, но очень жидкий, крупы грамм 10, а вырезали 50. В 5 час. обедали. Был бульон и на второе каша с мяском. Папа не наелся. Он привык у себя есть сытно. Нам бы так, как вчера и сегодня, дак мы бы поправились. В 8 часов поужинали и легли спать.

4/1-1942 г[ода]

Проснулся в 7 час. Папа уехал на 8 ч. 45 мин. Встали в 12 час. Съели хлебца по кусочку с маслом и выпили чайку. В 5 часов обедали. Теперь мы отдельно от т[ети] Мани. Был бульон, сварили на два дня, и кашка. В 7 часов попили чайку с хлебцем и легли спать.

5/I-1942 г[ода]

Встали в 12 часов. Т[етя] Маня ходила за хлебом на Бабурин¹ [пер.] Хлеб не сырой, но не сытный. Съели хлебца с маслицем и выпили чайку. Пришла М. П. от бабушки. У нее украли крупяные и мясные карточки. М. П. была на рынке, купила хлеба 400 г. Заплатила 200 руб. Купила еще папирос. Пачка стоит 20 руб. Остальное не продают, а меняют. В 5 час. обедали. Были вчерашний бульон и оставшаяся каша. На третье выпили натурального кофе. Очень вкусный. В 8 часов выпили чайку и легли спать. Завтра Аля с т. Маней поедут в Сестрорецк. Наверное, в доме ничего не осталось.

6/I-1942 г[ода]

Аля с т[етей] Маней уехали на 9 ч. 44 м. Мама пошла за хлебом. Выпили чайку с хлебцем и повидлом. После чая я вымыл голову и шею на кухне. Не был в бане с 4 декабря. Сразу стало легче. Мама сварила бульон и маленечко кашки. В 7 часов попили чайку и легли спать. Что-то худо насчет еды в 1942 году. Еще ничего не выдавали, и даже нормы нет. А за третью декаду еще и мяса не выдавали. Вот папа, хорошо, привез мяса, да мы получили муки 25 декабря. А то сидели бы на воде и хлебе.

7/I-1942 г[ода]

Встал в 10 часов. Выпили чайку с хлебцем и повидлом. Повидло оставили папе, а то еще завтра приедет, и не с чем чайку попить. В 4 часа обедали, был такой же обед, как и вчера. Оставили Алене. Но они не приехали. В 7 часов попили чайку и легли спать. Наши, наверно, приедут завтра. Хорошо бы привезти керосину, а то в темноте сидеть не очень хорошо.

8/I-1942 г[ода]

В 8 часов приехали наши. Очень много привезли новостей. У нас почти все украли. Велосипеда нет, еще нет наших и т[ети] Маниных стульев и разного барахла, стекла выбиты. Полный беспорядок. Это все дело красноармейцев. И еще новости. Шурик Морозов умер. Д[ядя] Жан был в госпитале. Д[ядя] Федя тоже в госпитале. Там куда хуже, чем здесь. Вовка здорово опухает, а бабушка пока ничего. Там, в общем, все кандидаты в покойники. Привезли они керосину и оставшиеся тряпки. В 11 часов пили чай с хлебцем. В 5 часов обедали. Был суп из пшенной крупы. В. П. дала маме 50 г пшена, и мама даст ей карточки, и она купит

¹ Бабурин переулочек — часть улицы Смольячкова, от Сампсоньевского проспекта до полотна Финляндской железной дороги, Выборгский район.

молочный суп в столовой. Сварили суп на два дня очень вкусный, в сто раз вкуснее, чем бульон, и сытнее. В 6 часов попили чайку и легли спать. Сегодня я ходил прогуляться. Стало очень хорошо. Только сил [осталось] еле-еле. Завтра тоже схожу.

9/I-1942 г[ода]

Папа приехал в час ночи. Ехал три дня. Привез нам 600 г гороха и маленько грудинки. Привез также витамины. Хлеба не привез. Им хлеб сбавили. Теперь дают 300 г. Лег спать. Встал в 8 часов, мама его накормила, дала супа и от нашей доли два куска хлеба, еще мяска, и он уехал. Теперь приедет 13-14. Тогда что-нибудь привезет. В 10 часов попили чайку и мы. Мама дала по кусочку грудинки и хлебца с повидлом. В 6 часов обедали. Был вчерашний суп. После супа попили чайку с хлебцем и оставшимся повидлом и легли спать.

С 10/I по 18/I [1942 года] было много новостей, и притом все в худшую сторону.

Первая новость. Умер В. В. Он умер 17-го. Перед смертью он здорово кричал. Мы думали, что он представляется. Оказывается, правда.

Вторая новость. Приходили т[етя] Тоня и т[етя] Варя. У т[ети] Тони стащили карточки. Все, кроме хлебных, и еще одну лечебную. Во-вторых, они сидят в городе с понедельника 12/I, а пришли к нам 15/I, в четверг. Это потому, что не ходят поезда. В Сестрорецке хлеб не дают, ходят за хлебом в Ленинград. Хлеба нет, потому что нет подвоза.

[Третья новость]. Папа еще не приезжал. Туда тоже поезда не ходят.

[Четвертая новость]. По радио Попков говорил, что в январе будет лучше, но что-то не видно. Норма на 1-ю декаду с 14-го 200 г муки, и 200 г крупы, и 100 г мяса, и больше ничего. Ни кондитерских изделий, ни масла. Масло за 3-ю декаду декабря пропало.

[Пятая новость] Народ так и мрет. <...> Кушаем хуже скотов. [Умерших] даже не зарывают. В общем, дела очень худые. Не лучше и [даже] хуже, чем в декабре. Вот теперь будет перерегистрация. Может, будет лучше. Будем ждать 21 числа.

19/I-1942 г[ода]

Встали в 10 часов. Аля сходила за хлебом. Вывешены нормы на 2-ю декаду: 100 г крупы, 100 г мяса и 100 г кон[дитерских] изделий. Попили чайку с хлебцем и горчицей. Я кусочек подсушил. Сухарик куда лучше. М. П. и т[етя] Маня пошли к В. В. на работу узнать начет гроба и вообще по делам. В 4 часа мы пообедали. Был суп из пшеничной кру-

пы. В 6 часов пришли М. П. и т[етя] Маня. Гроб будет в четверг, но рыть могилу они не будут. Ну ладно, хоть гроб, и то хорошо. В 6 часов попили чайку с хлебом и солью и легли спать. Теперь у нас на плите спят мать, В. П. и Борька, ее сын. Завтра у [моей] мамы день рождения. Будет 35 лет. 18/1 было папе. Ему уже стукнуло 41 год. Только теперь подарить нечего.

20/1-1942 г[ода]

Встали в 11 часов. Достали повидло. Разделили его. Нам досталось 200 г, 100 г отдали нашей соседке Кате. Поздравили маму с днем рождения. Затопили плиту. Я подсушил сухарик. Подарил три сухарика маме. <...> Вот дак подарок. Выпили чайку с повидлом, и как будто сыт. Как вкусно, уже дней десять без сладкого. Как-то и на душе лучше стало. Т[етя] Маня пошла к д[яде] Коле, понесла ему соли. Там соль не дают. И суп несоленый. Также д[яде] Мише не дают. Д. Миша лежит в госпитале где-то около цирка. Приходил от него человек. Д[ядя] тоже просил соли. Мама дала ему соли и перца. Соль очень вредна. Она жидит кровь. Поэтому ее и не дают. У д[яди] Миши в госпитале дают 300 г хлеба, а у д[яди] Коли 275 г. Нам, наверное, тоже прибавят завтра. В 5 час. обедали. Был суп из пшена. Подсушили хлебца, но все-таки есть очень хочется. В 7 часов попили чайку с хлебцем и повидлом и легли спать.

21/1-1942 г[ода]

Встали в 10 часов. Мама сходила за хлебом. Хлеба не прибавили. Не знаю, что-то не видно, чтоб в январе было лучше, чем в декабре, как говорил Попков. Если так будет и феврале, то мы не выдержим и подохнем. В 11 часов попили чайку с хлебцем и повидлом. После чая мама, наконец, написала папе письмо, а то оно уже пишется с 18-го числа, да и папа что-то не приезжает. Не заболел ли хоть? Все-таки обещал 13-14, а сегодня 21-е. Машина с его службы приезжала в Ленинград. Да и он должен получать деньги. Если не мог приехать, то написал, хоть письма ходят очень долго. Вот с Кронштадта В. П. шло письмо 15 дней, а от него, наверное, дольше. В 5 часов обедали. Обедали все одной семьей. В. П. с ребятами и мы, и М. П., и т[етя] Маня. Все ели суп В. П. Был он мясной с пшеном. Очень густой и вкусный. Вышло по полторы тарелки. После обеда В. П. с ребятами вымылись и сели на плиту. В 7 часов попили чайку с апельсиновым настоем. Очень вкусно. Так и отрыжка какая-то вкусная. В общем, хорошо, но, конечно, очень хочется есть. Да теперь всегда будет хотеться есть. В 6 час. 50 мин [вечера] было траурное заседание в Москве. Очень заглушали немецкие радиостанции. Радио говорило всего 30 мин., а потом замолкло. Перед сном мама стала мыть ноги. Они у нее здорово распухли. Мама очень разнервничалась. И не знаю отчего.

И чаю теперь мало пьет. Наверное, это от сердца. Сердце у нее очень и очень худое. И опухает еще лицо, особенно правая сторона. Мы пока с Алей не опухаем, а только худеем. Одни кости остались. Ну ладно, были бы кости, а мясо наживем. Вот только бы дожить. Да что-то не видно, чтобы дожили. Теперь у нас будет спать В. П. со своей семьей. В 10 часов легли спать.

С 22/І по 17/ІІІ-1942 г[ода]

Очень много перемен произошло за этот месяц с половиной. Сначала печальные.

Первая. Умерла бабушка, д[ядя] Жан, Вова, Витька, д[ядя] Ваня. Наверное, умерла и т[етя] Варя. Не знаем, потому что уже давно никого из Разлива не было. Очень всех жаль. Особенно бабушку и Вову. Такой он был здоровый, да вот скапутился. Теперь у меня из двоюродных братьев Морозовых остались два Жени, но один очень больной. Есть еще новости. Был у нас Лева. Очень хорошо выглядит, поправился. Говорит, многое пережил. Мы ему, конечно, очень обрадовались. Он был у нас 18/ІІ. Борис большой остается в Омске до мая. Нирса и Зоя эвакуировались. Д[ядя] Коля и д[ядя] Юра так и лежат в больнице. Мама поступила на работу с 1/ІІІ. Теперь у нас одна рабочая и две иждивенческие карточки. Т[етя] Маня стала донором и получает рабочую карточку и еще дополнительную. Папа у нас бывал несколько раз. Очень нам помог насчет продовольствия. Может, мы бы умерли, если бы не он. Теперь он приедет завтра, 18-го, и, может, возьмет меня с собой. Я бы хоть там был бы сыт. Может быть, поправился, а то как скелет, такой худой. И Але с мамой было бы лучше. Вот завтра будет известно. Хорошо, если бы удалось. Не знаю, как мы выжили. Наверное, уже пол-Ленинграда умерли. Но еще все впереди, может, и мы будем на том свете. От такого питания умереть не ахти. Что дают на месяц: 1000 г крупы, 400 г сахара, 400 г мяса, 200 г масла да по 300 г хлеба. Может быть, и ничего, да у нас уже весь организм истощился. Сейчас нам дай хоть кг хлеба, и то будет мало. В общем, все новости не переговоришь. Вот с завтрашнего дня начну писать каждый день, тогда уж запишу все новости, а то лень было писать на голодный желудок, да еще в холоде. Теперь дрова пока есть, а поесть, завтра папа приедет, тогда и поедим.

18/ІІІ-1942 г[ода]

Встали в 9 час., попили чайку с хлебцем, стали ждать папу. Папа не приехал. Аля сходила в лавку и достала сосисок 200 г. Сварили их и съели. Было три штуки. Вот и весь обед. В 7 час. попили чайку с хлеб-

цем и легли спать. Завтра получим масло. Дают 200 г на рабочую, иждивенцам не дают. Теперь мы берем 550 г хлеба на утро и 600 г на обед и на ужин.

19/III-1942 г[ода]

Встали в 9 часов. Т[етя] Маня сходила за маслом. Съели хлеба с маслом и чайку выпили. Мама сходила за мясом и получила 300 г баранины. Заняла у В. П. немного крупы и сварила суп. Вышел очень вкусный суп. Но очень мало. В 6 часов мама пошла дежурить до 9 утра. В 8 часов попили чайку с маленьким кусочком и легли спать. Папа не приехал.

20/III-1942 г[ода]

Встали, как обычно, в 9 час. Выпили чайку и поели хлебца с маслом. Мама пришла и ушла обратно на работу колоть лед. Пришла в 3 часа. Стали варить [на] суп бульон из оставшегося мяса. Аля пошла за 600 г хлеба — не дают. Разделили 300 г и выпили чайку с песочком. Вот и весь обед. Очень хочется жрать, но что поделаешь, раз нечего. Мама купила мне книги. Шесть книг стоят 5 рублей. Завтра буду читать книги вместо еды. В 7 часов т[етя] Маня все-таки достала 300 г на 24-е. Сразу съели и не почувствовали. На этом легли спать.

23/III-1942 г[ода]

Весь день был такой же. Ночевал знакомый из Сестрорецка. Сказал, что 8-я школа взорвалась. Наверно, и от нашего дома ничего не осталось.

24/III-1942 г[ода]

Встал в 8 часов. Попили чайку, как всегда. Только сегодня рано, потому что т[етя] Маня идет в баню на Охту. Скорее бы открылись поблизости бани, а то я уже с 4 декабря. Такой стал грязный, дак прямо ужас. И вши уже появились. Да притом в Ленинграде уже начался сыпняк. Вот бани бы открыли, и сразу бы стало лучше. Мама пошла на работу, придет часов в 5. Сегодня от нас уходят В. П. с семьей. Теперь нас будет меньше на целых четыре человека. Пришла М. П. от своих и говорит, что в первых числах апреля пойдут трамваи.

Вернулась т[етя] Маня. Баня закрыта. Вымоется дома, а то ей завтра надо идти на исследование крови. Пришла мама, достала пропуск в столовую. Получила в столовой две порции гороха и одну порцию вермишели. Горох очень жидкий, прямо просто вода и неразваренный. Вышло по чашечке гороха и по ложке вермишели. Куда лучше, чем тюря. Вырезали 80 купонов. Завтра мама опять попросит пропуск. А то Андре-

енко, когда еще скажет. В 8 часов попили чайку и легли спать, но уже без В. П. Скоро будем и мы перебираться.

25/III-1942 г[ода]

В 6 часов [по радио] говорил Андрееenko. Говорил про крупу и масло. Крупы иждивенцам — 200 г, рабочим — 300 г., масло растительного рабочим — 200 г, иждивенцам — 100 г и мясо с 26-го рабочим — 300 г, иждивенцам — 100 г. Слава аллаху, теперь мы спасены. Аля сходила за маслом. Достала подсолнечного масла. Очень вкусно. Мама взяла у В. П. чашечку гречи. Мы ее уже растолкали, и как раз к кузнецу привезли крупу. Достали овсянку. Пришлось варить гречу, а В. П. отдать овсянку. Сварили суп, как хорошо. Давно уже мы не ели такого супа. После обеда легли спать. Сегодня на 800 г. Завтра получим 1 кг 100 г и уже за два дня вперед лезть не будем. Завтра сварим овсяный суп, и, может, мама сделает котлетки. Мама пошла с 8 часов до 9 утра дежурить. Завтра будет свободная целый день. Завтра маленечко начнут убираться.

26/III-1942 г[ода]

Встал в 9 часов. Выпили чайку и хлеба с подсолнечным маслом и сахарным песком. Этот песок нам дала в долг В. П. Выпили чайку, и как будто ничего. После чая стали убираться, и время прошло быстро. Только в 4-ом часу затопили печку. Мама ходила к кузнецу за мясом. Не достала. Там одни только кости. Стали варить суп. Съели по две тарелки супа. И как будто немного сыт.

Документы^I

Из выступления секретаря горкома партии А. А. Кузнецова на заседании, посвященном награждению работников ленинградской промышленности^{II}

23 февраля 1942 года

Несмотря на то что у нас в Ленинграде большая смертность, вы знаете об этом, мы этого от вас не скрываем, несмотря на то что город подвергался неоднократным бомбардировкам <...> (разрушено свыше 500 жилых домов), несмотря на голод и лишения, муки и страдания, дух трудящихся нашего города высок, мы его сохранили, и это главное. Мы сохранили народ, мы сохранили его революционный дух и мы сохранили город! Мы не раскисли, мы знали, что будут лишения, мы знали, что 125 г хлеба не являются необходимым прожиточным минимумом — мы знали, что будут большие лишения и будет большой урон. Но ради города — города в целом, ради всего народа, ради Отечества, нашего Отечества, мы на это дело пошли и дух наших трудящихся сохранили — мы тем самым сохранили наш город.

Таким образом, наша русская национальная гордость, гордость ленинградцев не поправа, и мы с вами не опозорили земли Русской.

Французы, вернее французское правительство (нельзя говорить французы, виновато бездарное французское правительство), еще за много километров, за сотню с лишним километров немцев от Парижа объявили уже Париж открытым городом, уже сдали Париж немцам, мотивируя тем, что они сохраняют тем самым город. Город, как здания, как улицы, парки, сады — да, они сохранили, но они не сохранили самостоятельность французского народа, его революционной

^I Документы и письма публикуются в авторской редакции. — Примеч. ред.

^{II} ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Ч. III. Ед. хр. 4641. Л. 5-7.

независимости, его национальной гордости. Пусть не хватает несколько сот домов в Ленинграде, пусть разрушено много водопроводных и канализационных магистралей, пусть много погибло от бомбежек, от воздушных нападений на Ленинград, пусть погибло много голодной смертью трудящихся Ленинграда, но мы все же сохранили большинство ленинградцев, сохранили национальную русскую гордость, мы сохранили ленинградцев для нашей страны, для нашей партии. <...>

В дальнейшем мы не гарантированы от воздушных бомбардировок, от артиллерийских обстрелов и т. д. Это мы должны иметь в виду. Но в то же время я должен сказать, что мы имеем сейчас уже вполне приличные запасы продовольствия и отдаем установленные нормы потребления для Ленинграда, выдаем регулярно. Вы это замечаете. В этом большая заслуга товарища Жданова, который приложил все силы к тому, чтобы на Ладожском озере создать автомобильную дорогу. Мы сейчас завозим до 3,5 тысяч тонн в сутки, а расходует 1 тысячу тонн в день. Таким образом, мы складываем запасы ежедневно на три дня вперед.

Мы должны, товарищи, сейчас готовиться к восстановлению нашей промышленности. Все, как вы знаете, соскучились по работе. И много пороков рождается благодаря тому, что люди не работают на предприятиях. Многие неурядки в нашем хозяйстве не нужно скрывать от вас, а именно через вас нужно влиять на население. Не нужно скрывать, что известная часть распустилась. Люди не стали ходить на предприятия даже для отметки и не хотят работать на общественно полезных работах. А ведь для нас правительство, товарищ Сталин, только для нас, ленинградцев, вынесли решение о выплате всем зарплаты, несмотря на отсутствие работы на предприятиях, но при условии, что все используются на общественно-трудовых работах. Люди же на предприятиях не работают и от общественно трудовых работ отлынивают. На предприятиях можно работать на дворе, можно вести слесарные работы, привести в порядок цеха, привести в порядок инструмент и т. д., в столовую люди ходят, и некоторые даже на рынках спекулируют. Порядок нужно навести, обязательно нужно навести порядок в оперативности людей, трудящихся. Работа есть, и всем работы хватит, кто не будет работать, не будем в дальнейшем выплачивать зарплату.

Вот, к примеру, хороший человек, а если ему платят даром деньги, он быстро портится. Кто не будет работать — зарплату не будем платить, тем более что мы должны учитывать впереди большие трудности. Мы, товарищи, должны очистить город Ленинград, его крепко загади-

ли. Правда, загадили потому, что водопровод не работает, но сейчас уже вода в первые-вторые этажи поднимается, а люди все-таки продолжают гадить. Не идет в общественную уборную, а льет во дворе и испражняется здесь же. Потакать мы этому не должны. Пережили мы с вами тяжелое, трудное время. Перспектива близка — победа видна. И мы обязаны подтянуться во всех звеньях, начиная с руководителей и кончая рядовыми тружениками нашего города.

Мы должны ударить по настроениям и разговорам, которые идут сейчас в Ленинграде. С кем бы ты ни встретился, он обязательно начинает рассказывать о голоде народа, об истощении, о том, что делать ничего не может. И свою бездеятельность, нежелание организовать людей он покрывает этими разговорами. Что это за руководители? Таких людей мы называем моральными дистрофиками, то есть это люди, у которых надломлен моральный дух, и мы в первую очередь должны повести борьбу вот с этими моральными дистрофиками, как мы их называем. По-моему, силы у нас хватит, чтобы подтянуть народ, привести город в порядок. Не за горами день, когда нужно будет восстанавливать промышленность. К этому мы сейчас должны готовиться. Мы должны сейчас знать, сколько имеется всего рабочих, какой квалификации, хватит ли рабочих на ту или иную снарядную нитку, а снаряды разные бывают. Надо подтягивать людей. Если не будем работать с людьми, а будем только говорить: тот слаб, тот болен, то можно прямо лечь на стол и ждать кончины. <...> Не можем мы в наше время этого допустить. Нельзя, чтобы люди ничего не делали. Встряхнуть людей надо.

Товарищ Жданов учит так. Вот пример. Читаешь книгу, в которой описывается корабль, выброшенный на мель в крушение. Продукты у людей на исходе. И какая-то часть команды начинает нервничать, впадает в уныние, а другая, наоборот, выдумывает работу, поднимает дух людей и таким образом спасает положение.

Ленинграду сейчас нужны хорошие организаторы, руководители, которые бы подняли народ на работу, встряхнули народ — вот что требуется.

Мы сейчас открыли стационары. Разве можно поправить людей, когда они с утра и до ночи лежат в кроватях, покрытые с головой одеялами, и только и думают об обеде, завтраке и ужине и т. д. Никогда человека в таких условиях не поправить. Надо человеку дать физзарядку и прочее, надо заставить человека думать о доме, о занятиях, надо прогулки организовать. Встряхнуть людей надо!

Из выступления секретаря горкома партии А. А. Кузнецова на заседании, посвященном награждению работников ленинградской промышленности¹

25 февраля 1942 года

Все мы вместе с вами взятые пережили очень тяжелые дни для нашего города. Пока еще история не знала, чтобы такой крупнейший город с таким огромным населением мог бы такое большое количество времени продержаться в осаде. Таких примеров из истории мы не знаем. <...>

Мы с вами пережили трудные дни, тяжелые дни. Впереди еще немало трудностей. Но могу здесь с уверенностью заявить о том, что самое трудное время для Ленинграда, оно осталось позади. <...> Сейчас речь идет не о том, чтобы снять кольцо блокады с Ленинграда, а речь идет уже о том, как окружать немецкие дивизии под Ленинградом, как принять меры к тому, чтобы не выпустить ни одного фашистского солдата из-под Ленинграда.

Инициатива сейчас в наших руках. Со стороны всех армий идет успешное наступление и успешное продвижение. Я могу вам сказать по секрету, что сейчас, по существу, борьба идет уже за освобождение Любани.

Позади остались и тяжелые времена, которые мы с вами переживали, и с продовольствием. Мы, конечно, знали отлично, я говорю о Военном совете Ленинградского фронта и горкоме партии, о том, что то, что мы давали населению, количество хлеба, — а был период, когда к хлебу больше ничего не выдавали, не потому что не хотели давать, а потому что у нас больше ничего не было, — было очень мало. Выход мог бы быть найден, и нам подсказывали этот выход, но подсказывали этот выход не наши люди, враги подсказывали. Они говорили о том, что, мол, сдайте Ленинград, и будет все. Это, во-первых, не выход, и в Ленинграде ничего бы не было. Мы пошли на жертвы. Мы знали, что какое-то количество людей будет умирать. Мы знали это. Но ради спасения всего народа, ради спасения самого Ленинграда, ради престижа нашего ленинградского, ради чести нашей страны мы пришли к выводу, что лучше сожмемся, установим такие нормы, которых никогда не существовало, но спасем город, спасем народ.

Сейчас мы имеем уже значительные запасы продовольствия. Примерно в ближайшие две недели мы получим продовольствия на два с половиной месяца вперед, будет у нас лежать неприкосновенный запас. Для того чтобы было понятно, могу сказать, что сейчас мы получаем

¹ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Ч. III. Ед. хр. 4644. Л. 2-3.

столько продовольствия, что ежедневно откладываем на три дня вперед. И будем выдавать аккуратно все то, что установлено для ленинградцев решением Государственного Комитета Обороны.

Из протокола заседания бюро горкома ВКП(б)

16 ноября 1942 года

1. Отчет о работе Петроградского РК ВКП(б)¹

Тов. Кузнецов:

Вопрос, который следует поставить на первый план, — это вопрос быта. Тут надо будет им записать. Хотя они и работали, но не поняли до конца, что этот вопрос является злободневным, что этот вопрос должен стоять на первом месте. Взять вопрос подготовки жилищ к зиме. <...> Подготовка к зиме — отстает, заготовка сельхозпродукции — отстает, заготовка дров — отстает. <...> Вопрос надо ставить так, если положение не исправите, значит, с задачами, которые стоят перед вами, вы не справились, значит, не понимаете важнейших задач, которые стоят перед гражданами нашего города. Ведь мы лучше кушаем, спим в тепле, и белье нам выстирают и выгладят, и при свете мы — надо войти в положение граждан нашего города. Если настоящее положение для нас, большевиков, являет большие трудности, да мы, большевики, не смущаемся теперь вопросов блокады, то должны прямо сказать, для населения города эти вопросы имеют большое значение.

Не случайно мы вскрыли запасы наши. Мы условились на торжественном заседании в докладе сказать, что запасов имеется на несколько месяцев, с тем, чтобы успокоить население. В условиях отсутствия света, недостаточного количества топлива и т. д. мы не можем не ставить эти вопросы, не имеем права, мы должны поддерживать дух населения, для него нужно создавать базу. Надо, чтобы комнаты были подготовлены к зиме, чтобы была вода, канализация, водопровод работали, чтобы было тепло в столовых, чтобы они работали удовлетворительно, чтобы в магазинах не обворовывали потребителей, чтобы предприятия заготовили к зиме достаточно продуктов и т. д. <...>

¹ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Ч. III. Д. 4589. Л. 10 об.

5. Об улучшении дела общественного питания в городе¹

Тов. Кузнецов:

<...> По нормам выдачи мы идем выше, чем другие города. Выше идем по жирам, крупе и сахару. По хлебу идем ниже. Я уже не говорю о том, что мы отовариваем карточки регулярно, нормально. Мы имеем очень богатый, если можно так выразиться, ассортимент продовольственных товаров в Ленинграде. Нельзя сказать о том, что мы имеем одну только крупу, пшеничную или гречневую, и все время ее варим, или имеем один горох. У нас имеется большое разнообразие продовольственных товаров. Третье — мы имеем высокое качество этих продуктов. Нужно сказать, что все организации, которые заняты завозом или поставкой продовольственных товаров в Ленинград, добросовестно относятся к качеству отгружаемой продукции. <...>

Завозить продукты в Ленинград очень трудно. Трудно не потому, что их нет (все наши заявки своевременно удовлетворяются), а трудность связана с транспортом, потому что на одной железнодорожной нитке висит снабжение трех фронтов боеприпасами, вооружением, составами с пополнением и плюс полное снабжение такого города, каким является Ленинград; к тому же трудность усугубляется перевозом через Ладогу, когда противник все время эту важнейшую коммуникацию держит под непрерывным воздушным воздействием. <...>

Основной недостаток в деле общественного — это низкое качество приготовления пищи. В целом ряде столовых прямо издеваются над людьми, нарушают всякую установленную технологию в пищевом деле, лишь бы только произвести закладку в котел, сварить бурду и дело закончить. Нет разнообразия в меню, несмотря на то что у нас имеется достаточный ассортимент продуктов. <...>

Большое количество столовых находится в антисанитарном состоянии, я бы сказал, прямо недопустимо небрежно обслуживают потребителей. Вот вам и грубость и пример по 77-му заводу, когда рабочие стоя кушают, в одной и той же руке держат котелок с супом и кусок хлеба, а шапка положена между ног. Руки негде помыть. В столовых ложек нет, вилок нет, тарелок нет.

До сих пор имеет место недопустимое зло — воровство и обешивание. <...> Когда целую группу работников общественного питания Военный трибунал приговорил к высшей мере наказания и приговор привел в исполнение, мы предложили Фельдману издать приказ о том, что Военный трибунал таких-то и таких-то лиц приговорил к расстрелу, а я не получил такого вашего приказа.

¹ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Ч. III. Д. 4589. Л. 16-17.

«Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) постановило...»
[Извлечения]¹

№ 1

О введении в домохозяйствах института политорганизаторов

22 июля 1941 года

<...>

3. Вменить в обязанность политорганизаторов мобилизовать коммунистов, комсомольцев и беспартийный актив на проведение массово-политической работы среди населения, а также обеспечить проведение всех массовых мероприятий партии и правительства и распоряжений местных властей (содействие мобилизации военнообязанных, выполнение трудповинности, выполнение революционной законности и порядка и т. п.).

Установить, что политорганизатор несет полную ответственность за состояние обороны и защиты дома. Для этой цели он организует группы самозащиты, следит за их боевой подготовкой и своевременным пополнением, правильным использованием и оснащением необходимым инвентарем. Особое внимание политорганизатор должен уделять выполнению противопожарных мероприятий г. Ленинграда и области.

Путем проведения массово-политической и воспитательной работы среди жильцов политорганизатор должен добиться повышения революционной бдительности, неустанно заботиться, чтобы каждый гражданин овладел методами самообороны и оказания первой помощи пострадавшим от воздушного нападения.

Политорганизатор ведет борьбу с болтунами, паникерами и другими дезорганизаторами тыла, поддерживает постоянную связь с райкомом ВКП(б), последовательно информирует его о морально-политическом состоянии населения домохозяйства.

№ 2

О запрете вывоза из Ленинграда черных металлов

22 июля 1941 года

1. Обязать всех директоров ленинградских предприятий в пятидневный срок представить Ленконторе Главметаллосбыта сведения о наличии на предприятии черных металлов.

¹ См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Ч. 3. 1941–1944. Д. 3777–4473. Протоколы заседаний бюро горкома ВКП(б).

2. Обязать директоров всех эвакуируемых заводов предоставить Ленконторе Главметаллосбыта данные о наличии на заводе черных металлов (чугун, сталь сортовая, сталь листовая, железо и пр.) и передать эти материалы на баланс Главметаллосбыта.

3. Управляющему Ленконторы Главметаллосбыта <...> взять на баланс все черные металлы, имеющиеся на эвакуируемых заводах.

4. Эвакуационной комиссии запретить выделять, а железной дороге предоставлять вагоны для вывоза черных металлов из Ленинграда без особого разрешения Главметаллосбыта.

№ 3

О завозе дров в августе 1941 года

6 августа 1941 года

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

1. Утвердить план завоза дров в Ленинград на август 1941 года в количестве 375,4 тыс. кубометров, по постановлению согласно приложению № 1, и план распределения дров по предприятиям Ленинграда согласно приложению № 2. <...>

№ 4

Об обеспечении эвакуированных детей из Ленинграда бельем, обувью, зимней одеждой, школьными принадлежностями и учебными пособиями

10 августа 1941 года

1. Обязать исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся обеспечить эвакуированных детей из Ленинграда (ясли, очаги, детские сады, интернаты) бельевым материалом для пошива белья, организовать отправку посылок от родителей с обувью и зимними вещами и обеспечить учебными пособиями, школьными принадлежностями.

2. Обязать секретарей РК ВКП(б) разъяснить родителям эвакуированных детей, что дети находятся в безопасности, обеспечены питанием, и ликвидировать всякие провокационные слухи.

3. Запретить директорам предприятий и учреждений давать отпуска и справки матерям-работницам для поездки за эвакуированными детьми.

№ 5**О продаже хлеба из пшеничной муки**

9 сентября 1941 года

Установить с 10 сентября продажу хлеб из пшеничной муки только по детским карточкам.

№ 6**[Об объявлении выговора председателю Кировского райисполкома Исакову С. И.]**

9 сентября 1941 года

За неэтичное поведение, выразившееся в появлении на работе в нетрезвом виде, т. Исакову С. И. (председателю Кировского райисполкома) объявить выговор.

№ 7**Об организации бесперебойной торговли продовольственными товарами во время воздушной тревоги**

9 сентября 1941 года

В целях организации бесперебойной торговли основными продовольственными товарами в городе Ленинграде в условиях воздушной тревоги обязать в суточный срок.

1. Начальника Ленглавресторана т. <...> организовать продажу печеного хлеба по продовольственным карточкам через заводские и фабричные столовые и буфеты с соблюдением установленных правил продажи печеного хлеба по продовольственным карточкам.

2. Начальника Управления продторгами Ленинграда т. <...>

а) организовать продажу печеного хлеба по продовольственным карточкам в крупнейших жилмассивах;

б) организовать дополнительную продажу печеного хлеба в продовольственных магазинах (не менее 102 отделах) и увеличить количество работников прилавка в булочных и магазинах;

в) для развозки печеного хлеба использовать тележки.

3. Разрешить во время воздушной тревоги продажу печеного хлеба и основных продовольственных товаров в булочных и магазинах, расположенных в капитальных помещениях четырех, пяти и выше этажей;

4. Обязать начальника МПВО города Ленинграда полковника Лагутина немедленно обеспечить пропусками автогужевой транспорт

на право беспрепятственной перевозки продовольственных товаров с баз промышленности и торговых баз в магазины во время воздушной тревоги.

№ 8**О выпуске шоколада и кондитерских изделий ленинградскими предприятиями в ноябре 1941 года**

31 октября 1941 года

В соответствии с установленными нормами снабжения кондитерскими изделиями населения города, армии, флота и сети спецучреждений в ноябре месяце горком ВКП(б) постановляет:

1. Установить план выпуска на ноябрь месяц ленинградскими фабриками: шоколада 295 тонн и кондитерских изделий 2045 тонн. <...>

№ 9**О судебном-следственном работниках товарищах Максименко, Котельниковой, Романовском, Степановой, Петровой**

17 ноября 1941 года

1. За либерализм при расследовании дела бывш[их] работников магазина № 50 Садовникова и Иванова и непонимание политической значимости преступления в обворовывании покупателей и продаже продуктов без карточек народного судью 2-го участка Куйбышевского района т. Максименко и члена городского суда т. Котельникову с работы снять.

2. Предложить Куйбышевскому РК ВКП(б) рассмотреть вопрос о партийной ответственности районного прокурора т. Романовского.

3. Предложить партийной организации горсуда обсудить вопрос о либеральном отношении членов горсуда Степановой и Петровой при рассмотрении дела быв[ших] работников магазина № 50.

№ 10**О прикрепление населения к магазинам по обслуживанию продовольственными товарами**

27 ноября 1941 года

Обязать отдел торговли исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (т. Андреевко) и городского управления по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек при исполкоме Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (т. Стожилов)

провести на декабрь месяц 1941 года прикрепление населения к магазинам по обслуживанию нормируемыми продовольственными товарами, за исключением хлеба.

№ 11

О заготовке скота в черте г. Ленинграда

27 ноября 1941 года

1. Обязать ветеринарный отдел исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (т. Пименова) в течение трех дней провести поголовную выбраковку лошадей, принадлежащих предприятиям и организациям Ленинграда.

2. Обязать директоров предприятий и организаций выбранных ветинспекцией лошадей сдать в течении суток мясокомбинату.

3. Обязать трест пригородных совхозов исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (т. Ларионова) в течение двух суток провести выбраковку рогатого скота в совхозах, после чего выбранный скот немедленно сдать мясокомбинату.

4. Обязать директоров предприятий и организаций в течение трех дней сдать мясокомбинату имеющийся в наличии рогатый скот и свиней.

5. Обязать ветеринарный отдел исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся весь скот, пострадавший от артиллерийского обстрела или бомбардировки, доставлять на мясокомбинат.

Запретить исполкомам районных советов депутатов трудящихся использовать этот скот без разрешения отдела торговли и ветеринарного отдела исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся.

6. Обязать мясокомбинат (т. Воронцова) организовать учет поголовья, принятого от предприятий и организаций города Ленинграда.

№ 12

О введении штатной должности секретаря партбюро в первичных парторганизациях районных трестов общественного питания

4 декабря 1941 года

Учитывая возросшие задачи в деле обслуживания трудящихся общественным питанием, предложить райкомам ВКП(б) ввести в первичных парторганизациях районных трестов общественного питания штатную должность секретаря партбюро.

№ 13**О размещении билетов денежно-вещевой лотереи**

6 декабря 1941 года

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

1. Во исполнение решения Совета народных комиссаров СССР от 27 ноября 1941 года «О проведении денежно-вещевой лотереи» исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Обязать исполкомы районных советов и районные комитеты ВКП(б) размещение билетов денежно-вещевой лотереи закончить не позднее 15 декабря с. г. <...>

№ 14**О проведении зимних экзаменов в вузах и втузах**

6 декабря 1941 г.

1. Обязать директоров вузов и втузов обеспечить организованное проведение зимних экзаменов, создать необходимые условия студентам для подготовки к экзаменам и не допускать во время экзаменов либерализма в оценке знаний студентов.

2. Запретить исполкомам районных советов депутатов трудящихся привлекать к трудовой повинности студентов в период подготовки и проведения экзаменов с 8 декабря 1941 года по 8 февраля 1942 г.

3. Обязать райкомы ВКП(б) проверить состояние работы в вузах и втузах по подготовке к зимним экзаменам.

№ 15**О мобилизации рабочих на лесозаготовки**

10 декабря 1941 года

Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Обязать исполкомы районных советов депутатов трудящихся и районные комитеты ВКП(б) в трехдневный срок мобилизовать и направить в порядке трудовой повинности на работу по лесозаготовке 2350 человек, отобрав с предприятий годных для этой цели рабочих <...>
<...>

5. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на т.т. Лазутина и Мотылева.

№ 16**О некоторых недостатках в Кировском райкоме ВКП(б) и Петроградском райсовете депутатов трудящихся***12 декабря 1941 года*

1. Отметить, что в аппаратах Кировского райкома ВКП(б) и исполкома Петроградского райсовета депутатов трудящихся имеет место среди некоторых работников расхлябанность, панибратство, ослабление дисциплины.

Вместо наведения железного порядка секретарь Кировского райкома ВКП(б) своим панибратским отношением к ряду работников РК ВКП(б) дал повод для различных обывательских кривотолков. Председатель же исполкома Петроградского райсовета депутатов трудящихся т. Иванов совместно со своим заместителем Ильиным санкционировали разбазаривание продовольственных продуктов для отдельных работников исполкома, включая и самих себя. Кроме того, т. Иванов превратил свой кабинет в спальную комнату для себя и своей сотрудницы т. Волковой, тем самым способствовал обвинению его в сожительстве с подчиненной сотрудницей.

2. Указать секретарю Кировского ВК ВКП(б) т. Ефремову на недопустимость панибратского отношения к работникам аппарата РК ВКП(б).

3. Снять с работы председателя исполкома Петроградского райсовета депутатов трудящихся т. Иванова и его заместителя т. Ильина как не оправдавших доверия.

4. Предложить секретарям РК ВКП(б) и председателям райсоветов депутатов трудящихся прекратить оставление на ночь без всякой на то необходимости сотрудников в помещениях райкома партии и райсовета.

5. Обязать руководителей райкомов ВКП(б) и исполкомов райсоветов депутатов трудящихся навести строгий порядок в аппаратах райкомов ВКП(б) и райисполкомах, не допускать на основе высокой требовательности лично к себе и своим подчиненным проявлений разболтанности, панибратства, семейственности.

№ 17**Об упорядочении работы бань и прачечных в Ленинграде***27 декабря 1941 года*

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

1. Обязать председателей исполкомов районных советов депутатов трудящихся в соответствии с лимитами на уголь и электроэнергию в двухдневный срок разработать график, установить строгий режим работы бань и прачечных, переведя их на сокращенную неделю. График работы бань и прачечных согласовать с УПКО Ленгорисполкома.

2. Установить твердый лимит на январь месяц по углю для бань 6772 тонны, на прачечные — 1727 тонны; по электроэнергии: для бань — 3120 кв. час. в сутки и на прачечные — 5831 кв. час.

3. Обязать Ленэнерго (т. Карась) обеспечить ежедневно подачу горячей воды с ГЭС не ниже 80–90 градусов для 10 теплофицированных бань города и не снижать установленный лимит на электроэнергию.

4. Обязать начальника управления предприятий коммунального обслуживания исполкома Ленгорсовета (т. Карпушенко) взять под неослабный контроль работу бань, прачечных города Ленинграда, привлекая к строжайшей ответственности лиц, нарушающих бесперебойную работу этих предприятий.

5. Предупредить председателей исполкомов районных советов депутатов трудящихся, что они несут персональную ответственность за своевременный подвоз угля к баням и прачечным, за санитарное содержание этих предприятий. Необходимо установить такой порядок, чтобы бани и прачечные работали в четко установленные дни и часы, обеспечить не менее как пятидневным запасом топлива.

№ 18**О ходе всеобщего обязательного военного обучения в г. Ленинграде***30 декабря 1941 года*

Бюро горкома ВКП(б) отмечает, что в постановке работы на военно-учебных пунктах всеобща имеется некоторое улучшение (особенно в Василеостровском районе), однако в целом состояние этого дела признать отвечающим требованиям настоящего момента нельзя. Посещаемость занятий последнее время снизилась до 60–70%, бойцы всеобща направляются на лесозаготовки (Ленинский район), на многих пунктах требовательность командиров недостаточная, занятия по тактике организуются пло-

хо (много времени тратится на построения, вооружение и снаряжение бойцов перед занятием), командно-политическим составом всеобуча слабо изучается опыт фронтовиков. К работе на пунктах выздоравливающие командиры-фронтовики, за исключением пунктов Василеостровского, Ленинского, Московского и Куйбышевского районов, не привлечены.

В большинстве районов до сих пор не проведены стрельбы из боевых винтовок и во всех районах не проводились практические стрельбы из пулеметов. Большинству бойцов не показаны действия гранат. На пунктах отсутствуют автоматы ППД и ППШ, и автоматчики не готовятся. <...>

№ 19

О наведении элементарного порядка в жилых домах г. Ленинграда

9 января 1942 года

Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) отмечает, что благодаря неудовлетворительному руководству Ленжилуправления, за последнее время среди работников районных жилищных управлений, управдомов, дворников и уборщиц резко упала трудовая дисциплина, что привело к неудовлетворительной эксплуатации большинства жилых домов в г. Ленинграде. В результате большое количество домов с системой центрального отопления заморожены, вышли из строя водопровод и канализация. Территория дворов находится в антисанитарном состоянии, учет прибывающих и убывающих жильцов в домах запущен, уборка уличной территории, прилегающей к домохозяйствам, дворниками не проводится. Сбор квартирной платы проходит явно неудовлетворительно.

Дело дошло до того, что во многих домах нет управдомов и дворников. Наряду с этим многие управдомы и дворники на работу не являются. Приемные часы управдомами не соблюдаются. <...>

№ 20

О работе почтовой связи

22 января 1942 года

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) устанавливают, что обслуживание почтовой связью населения, учреждений, предприятий и организаций города находится в совершенно неудовлетворительном состоянии.

В экспедициях почтамта, в районных узлах почтовой связи и в почтовых отделениях скопилось большое количество нерассортированной и нерасосланной адресатам почтовой корреспонденции, почтовые ящики систематически не очищаются, доставка газет в районных узлах почтовой связи организована неудовлетворительно, вследствие чего газеты доставляются подписчикам с двухдневным и трехдневным опозданием, а письма и телеграммы вручаются адресатам с опозданием на неделю и на более длительные сроки.

Такое положение является результатом того, что директор почтамта т. Чернышев спасовал перед трудностями, опустил руки и не только не принял всех необходимых мер к тому, чтобы в военной обстановке и в условиях блокады Ленинграда почтовая связь работала четко и бесперебойно, но стал на путь ликвидации без ведома исполкома Ленгорсовета ряда почтовых отделений, еще более ухудшив этим обслуживание трудящихся города почтовой связью.

Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Предупредить директора Ленинградского почтамта т. Чернышева, что, если он не наладит в ближайшее время бесперебойное обслуживание населения почтовой связью, он будет снят с работы и привлечен к строгой партийной ответственности.

2. Обязать т. Чернышева:

а) возобновить работу всех почтовых отделений;

б) обеспечить очистку почтовых ящиков не реже одного раза в день и рассылку входящей почтовой корреспонденции адресатам не позднее чем на следующий день после поступления в экспедицию почтамта;

в) доставлять газеты подписчикам в день ее поступления в районные узлы;

г) навести элементарный порядок в помещениях почтамта, районных узлах связи, почтовых отделениях и в находящихся в ведении почтамта работников связи;

д) дополнить недостающий штат районных контор связи и почтовых отделений письмоносцами и сортировщицами корреспонденции.

3. Уполномоченному Госплана при СНК СССР по г. Ленинграду и области т. Володарскому выделить почтамту: бензин для обеспечения почтовых перевозок, исходя из ежедневной потребности в 225 литров и 500 литров керосина на февраль месяц для освещения почтовых помещений, а также заменить наряд на машинное масло на февраль месяц соляровым маслом в количестве 15 тонн.

4. Обязать Топливо-энергетическое управление исполкома Ленгорсовета (т. Шелкова) закрепить за почтамтом имеющиеся у него 389 куб. метров дров и 61 тонну каменного угля, разрешив последнему израсходовать указанное топливо для своих нужд.

5. Освободить почтовых работников от привлечения к выполнению работ в порядке трудовой повинности.

6. Предложить начальнику городского управления по учету и выдаче продовольственных карточек т. Стожилову выдать с 1 февраля с. г. продовольственные карточки первой категории 320 работникам почты.

7. Предложить исполкомам районных советов депутатов трудящихся и райкомам ВКП(б) оказать всемерную помощь почтамту и районным конторам почтовой связи в быстрейшей доставке корреспонденции получателям силами рабочих и служащих временно бездействующих предприятий и учреждений.

8. Обязать начальника Управления НКВД по г. Ленинграду и Ленобласти т. Кубаткина обеспечить просмотр военной цензурой исходящей почтовой корреспонденции в установленный срок.

9. Для усиления партийного руководства в системе почтовой связи установить при почтамте должность парторга горкома ВКП(б).

№ 21

О проведении противодифтерийных прививок

30 января 1942 года

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

В целях максимального и своевременного охвата населения профилактическими мероприятиями по предупреждению дизентерии исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Провести с февраля по май месяц 1942 года массовую иммунизацию населения г. Ленинграда против дизентерии с охватом не менее 1 500 000 человек. <...>

3. Обязать Горздравотдел (т. Никитинского) разработать календарный план проведения иммунизации и бесперебойно его осуществлять. <...>

5. Обязать институт вакцин и сывороток (т. Синицкого) изготовить до 1 мая для проведения иммунизации 13,5 миллионов противодифтерийных таблеток и 10 000 литров противодифтерийного бактериофага по специальному рецепту, разработанному Ленгорздравотделом.

№ 22**О санитарно-бытовых комиссиях при домоуправлениях г. Ленинграда***2 февраля 1942 года*

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

1. В целях широкого развития инициативы и самодеятельности населения и поддержания элементарной чистоты и порядка в домах создать при домоуправлениях г. Ленинграда в помощь управляющим домами санитарно-бытовые комиссии.

2. Санитарно-бытовые комиссии при домоуправлениях создаются исполкомами районных советов депутатов трудящихся из местного актива дома в количестве 3–5 человек в зависимости от величины домохозяйства.

Обязать РК ВКП(б) и исполкомы районных советов депутатов трудящихся создать санитарно-бытовые комиссии при домоуправлениях в срок до 10 февраля с. г. <...>

3. Предложить районным комитетам ВКП(б) обеспечить подбор в санитарно-бытовые комиссии лучших активистов, проявивших себя на общественно-хозяйственной работе в домах, а также привлечь к работе комиссий коммунистов и комсомольцев.

№ 23**О работе домов-стационаров и бытовом обслуживании трудящихся***9 февраля 1942 года*

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

Отметить, что развернутая сеть домов-стационаров оказалась эффективной в восстановлении здоровья трудящихся. Однако ряд руководителей партийных, советских и хозяйственных организаций, считая их единственной средством поддержания и восстановления здоровья трудящихся, не используют другие виды улучшения бытового обслуживания и встают на неправильный путь увеличения сети домов-стационаров.

Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Запретить исполкомам районных советов депутатов трудящихся и райкомам ВКП(б) и хозяйственным организациям дополни-

тельную организацию и расширение домов-стационаров, обратив серьезное внимание на улучшение работы существующей сети.

2. Предложить исполкомам районных советов депутатов трудящихся и райкомам ВКП(б) через управляющих домами, политорганизаторов, актив домохозяйств и общественные организации предприятий и учреждений выявлять больных граждан, нуждающихся в оказании помощи, и организовать силами актива уход за ними и бытовое обслуживание их путем создания обогревательных пунктов, покупки и доставки продуктов из магазинов, горячей пищи из столовых и кипятка, дров, медикаментов, а также получение зарплаты, пособий и пенсий.

3. Обязать Горздравотдел (т. Никитинского) реорганизовать в интернаты всю сеть детских яслей и обеспечить через детские консультации питанием детей больных матерей.

№ 24

Об обеспечении электроэнергией бань и прачечных

10 февраля 1942 года

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

1. Обязать управляющего Ленэнерго (т. Карась):

а) с 15 февраля 1942 года обеспечить электроэнергией бани и прачечные согласно прилагаемому списку¹;

б) расчислить все фидера, по которым будет подаваться электроэнергия для бань и прачечных;

в) 15 февраля с. г. представить в горком ВКП(б) письменный отчет о выполнении настоящего постановления.

2. Обязать уполномоченного Госплана СССР по г. Ленинграду т. Володарского выделить к 11 февраля 300 литров бензина за счет фондов Ленгорсовета Ленинградской кабельной сети для расчистки фидеров, питающих бани и прачечные.

3. Предложить председателям исполкомов районных советов депутатов трудящихся подготовить и обеспечить пуск бань и прачечных к 15 февраля 1942 г.

¹ Так в тексте.

№ 25**О ликвидации аварийности в водопроводной и канализационной сетях города Ленинграда***15 февраля 1942 года*

Постановление бюро горкома ВКП(б):

1. Одобрить решение исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 7 февраля 1942 года «О первоочередных мероприятиях по содержанию и приведению в порядок водопроводных и канализационных сетей г. Ленинграда».

2. Обязать секретарей районных комитетов ВКП(б) лично проследить за выполнением настоящего решения, оказав практическую помощь по формированию районных контор и ликвидации аварийности в водопроводной сети, обеспечив восстановление первоочередных аварийных адресов не позднее 1 марта 1942 г.

№ 26**О разгрузке продовольствия на складах и хлебозаводах***15 февраля 1942 года*

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

Вследствие неподготовленности баз «Заготзерно» и Бадаевских складов к приемке продовольственных грузов и слабой организации диспетчерской службы — имеют место длительные простои железнодорожных вагонов с грузом, что в свою очередь снижает вагонооборот и задерживает выпуск продовольственных товаров для реализации в торговой сети.

Считая такое положение явно нетерпимым, исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Указать врио управляющего «Лензаготзерно» т. Красникову и начальнику Управления продторгами т. Коновалову, что, если в ближайшие дни на продовольственных складах и базах не будет организована четкая работа по разгрузке продгрузов и ликвидации простоев железнодорожных вагонов, они будут привлечены к ответственности по законам военного времени.

2. Обязать «Лензаготзерно» т. Красникова и «Ленпогрузсоюз» (т. Журавлев) организовать погрузо-разгрузочные бригады, обеспечив выход не менее 50 человек в смену по базам «Лензаготзерно».

Председателям райсоветов депутатов трудящихся оказать содействие путем выделения по заявкам «Лензаготзерно» 50 человек

мужчин на работу в качестве грузчиков, в том числе: Смольнинский — 150 чел., Красногвардейский — 200 чел. и Ленинский — 150 чел.

3. Начальнику Управления продторгами т. Коновалову за счет дальнейшей мобилизации работников торговой сети довести количество грузчиков на Бадаевских складах до 125 человек.

4. Разрешить грузчиков в количестве 800 чел., занятых на погрузо-разгрузочных работах продовольственных грузов, снабжать по нормам котлового довольствия МПВО.

5. Для рабочих, занятых на погрузо-разгрузочных работах, ввести премиально-поощрительную систему. Разработку норм премиально-поощрительной системы поручить зав. отделом торговли Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (т. Андреенко) совместно с Ленпогрузсоюзом (т. Журавлевым).

6. Обязать директоров продовольственных баз полностью использовать механизмы (транспортеры) при разгрузке продгрузов.

Управляющему «Ленэнерго» (т. Карась) обеспечить необходимым количеством электроэнергии.

7. Обязать управление Октябрьской железной дороги (начальник т. Колпаков) упорядочить работу диспетчеров, вменив им в обязанность:

а) информацию грузополучателей о подходе продовольственных грузов с указанием их точного количества вагонов и рода груза;

б) регулирование и правильное распределение прибывающих продовольственных грузов по точкам разгрузки, по согласованию с грузополучателями.

8. Установить норму подачи муки для каждого хлебозавода, имеющего подъездные пути, 15 вагонов в сутки; вагоны, прибывшие сверх этого количества, должны направляться на базы «Заготзерно».

9. Обязать УНКВД (т. Кубаткина) установить военизированную охрану на основных продбазах города.

10. Предложить горпрокурору все дела о простоях транспорта и хищениях рассматривать ускоренным порядком.

11. Для укрепления партийно-политической работы и усиления партийного контроля установить на основных продовольственных базах освобожденных партторгов ГК ВКП(б).

Отделу кадров ГК ВКП(б) в двухдневный срок представить на утверждение бюро горкома.

12. Обязать секретарей РК ВКП(б) взять под контроль выполнение данного постановления.

№ 27**О работе хлебозаводов треста хлебопечения***15 февраля 1942 года*

1. Обязать исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся передать в соответствии с решением Военного совета Ленинградского фронта от 16 февраля 1942 года № 633:

а) тресту хлебопечения — 80 автомашин, в том числе 30 хлебных фургонов;

б) Управлению продторгами исполкома Ленгорсовета — 20 автомашин.

2. Обязать ЛАРЗ № 2 (директор т. Шпаков) немедленно передать тресту хлебопечения из имеющихся 40 шт. двигателей ЗИС-5, замену двигателей произвести силами ЛАРЗ.

№ 28**О невыполнении решения исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города в Октябрьском и Петроградском районах»***16 февраля 1942 года*

1. Отметить, что в Октябрьском и особенно Петроградском районах, по существу, еще не приступали к выполнению решения исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города».

Исполкомы райсоветов депутатов трудящихся и райкомы ВКП(б) не проявляют должной оперативности, настойчивости и распорядительности в деле приведения районов в нормальное санитарное состояние, не мобилизовали актив и население на практическое выполнение этого решения, в результате чего подавляющее большинство домохозяйств и уличные магистрали районов по-прежнему находятся в запущенном и антисанитарном состоянии.

Некоторые руководители партийных и хозяйственных организаций, предприятий и учреждений (заводы им. Марти, № 212, № 218 и др.), прикрепленных к домохозяйствам, формально отнеслись к выполнению важнейшей задачи по наведению порядка в домах и на уличных магистралях, передоверили это дело второстепенным работникам.

Штат работников домохозяйств и районных жилищных управлений до сих пор еще не укомплектован. <...>

Массово-политическая работа среди населения за последнее время ослабла, дом не стал центром хозяйственно-политической работы, политорганизаторы прекратили свою деятельность. Райкомы ВКП(б) не собирают коммунистов и комсомольцев по месту жительства, не организуют их на выполнение задач по наведению чистоты и порядка в домах.

2. Предупредить председателей Октябрьского и Петроградского исполкомов райсоветов депутатов трудящихся т.т. Бубнева и Скотникова, что, если в ближайшее время они не добьются улучшения бытового обслуживания населения и не наведут элементарной чистоты и порядка в районах, они будут сняты с работы.

3. Обязать райкомы ВКП(б) и исполкомы райсоветов депутатов трудящихся разъяснить населению решение исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города».

4. Разъяснить секретарям РК ВКП(б) и председателям исполкомов райсоветов депутатов трудящихся, что в основном вся их деятельность в настоящее время должна быть направлена на вопросы санитарно-бытового обслуживания населения.

№ 29

Об извращениях в оплате рабочих, инженерно-технических работников и служащих на предприятиях Ленинграда временно переведенных на консервацию

16 февраля 1942 года

На ряде предприятий г. Ленинграда, временно перешедших на консервацию из-за отсутствия электроэнергии, допускаются извращения постановления СНК СССР от 17/XII 1941 г. «Об оплате рабочих и инженерно-технических работников и служащих».

Директора предприятий, вопреки постановлению Совнаркома, выплачивают зарплату рабочим, ИТР и служащим, не работающим на предприятиях и на общественных работах. В ряде случаев работники, привлеченные на общественные работы, работают бесконтрольно, не выполняют установленных норм-заданий и непроизводительно отбывают установленное время. Учет явки на работу и контроль за выполнением заданий отсутствует.

Заводские медпункты, поликлиники, больницы часто выдают больничные листы здоровым людям, тем самым освобождают их от выполнения заводских или общественных работ. Горздравотдел ослабил контроль за правильной выдачей больничных листов.

Все это приводит к расхлябанности и ослаблению трудовой дисциплины, несовместимой с условиями напряженной борьбы в период блокады Ленинграда.

В целях немедленного устранения допущенных извращений в оплате рабочих, инженерно-технических работников и служащих на предприятиях, временно переведенных на консервацию, бюро горкома постановляет:

1. Разъяснить директорам предприятий и секретарям партийных организаций, что:

а) постановлением СНК СССР от 17/XII г. № 336 разрешено выплачивать заработную плату из расчета среднего заработка восьмичасового рабочего дня тем рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим, которые ежедневно являются на работу, выполняют свои ежесуточные задания, при проведении заводских, оборонных, санитарно-технических мероприятий и общественных работ по поручениям местных советских органов;

б) оплате по среднему заработку, установленному постановлением СНК СССР от 17/XII г., не подлежат:

1) лица, не являющиеся на предприятия или отпущенные по причине простоев;

2) лица, имеющие увольнительные разрешения администрации по домашним обстоятельствам;

3) работники, выполняющие свои основные работы по установленным нормам и расценкам.

Оплата этих категорий работников производится в соответствии с кодексом законов о труде.

2. Обязать директоров предприятий полностью использовать имеющуюся рабочую силу на различных заводских и общественных работах, применяя урочную и сдельную форму выдачи заданий и осуществляя необходимый контроль за их выполнением.

3. Разрешить директорам предприятий использовать работников, далеко живущих от места работы, на общественных работах по направлению местных районных советов, производя оплату по справкам о работе, выданным местными исполкомами райсоветов или по их полномочию.

4. Отмечая запущенное состояние учета явки рабочих на предприятия, мешающее наладить правильную оплату работников, обязать директоров предприятий в пятидневный срок упорядочить табельное хозяйство, сверить списочный состав рабочих, ИТР и служащих и строго следить за соблюдением трудовой дисциплины всеми работниками заводов.

5. Обязать заведующего горздравотделом тов. Никитинского систематически контролировать правильность выдачи больничных листов в заводских медпунктах, поликлиниках и больницах и строго запретить выдачу бюллетеней здоровым людям.

6. Поручить районным комитетам ВКП(б) г. Ленинграда разъяснить директорам и секретарям парткомов заводов данное постановление и проконтролировать его выполнение с обсуждением на бюро райкома ВКП(б).

№ 30

О работе Аптекоуправления

16 февраля 1942 года

<...> 1. Предупредить т. Черняк (Аптекоуправление), что, если в течение недели им не будет наведен элементарный порядок в работе аптек города и не улучшено обслуживание населения, он будет [уволен] с работы и привлечен к ответственности.

2. Обязать т. Никитинского (горздравотдел) оказать практическую помощь в обеспечении медикаментами аптек, проследив за выполнением настоящего постановления.

3. Обязать исполкомы райсоветов депутатов трудящихся оказать помощь аптекам в доставке им медикаментов и завозе необходимого количества дров. <...>

№ 31

Об организации общественного питания для детей-школьников

16 февраля 1942 года

<...> Принять предложение Главного управления ленинградских ресторанов и кафе об организации в г. Ленинграде 30 столовых с принятием на рацион 30 000 детей-школьников в возрасте 8–12 лет.

№ 32

О сохранении ценных научных библиотек, эвакуирующихся из Ленинграда

18 февраля 1942 года

Обязать исполком Ленинградского совета депутатов трудящихся обеспечить охрану личных библиотек ученых Ленинграда, эвакуируемых из города.

№ 33**О фактах спекуляции и мародерства,
проявленных членами ВКП(б)**

25 февраля 1942 года

1. Горком ВКП(б) устанавливает, что отдельные члены и кандидаты партии, в трудных условиях снабжения продовольствием трудящихся города, не только не ведут решительной борьбы с вражескими элементами-спекулянтами, мародерами, но и сами используют эти трудности в целях личной наживы.

Так, 15 февраля 1942 года в числе задержанных органами рабоче-крестьянской милиции на рынках спекулянтов оказались: инструктор отдела пропаганды и агитации горкома ВКП(б) В-т Б. С., помощник прокурора Ленинского района Б-н И. М. и народный судья второго участка Свердловского района К-в Ф. Е., производившие обмен и продажу дефицитных продуктов (сахара, хлеба и папирос) по спекулятивно-мародерским ценам.

2. За проявленное мародерство, вызвавшееся в обмене и продаже на рынках дефицитных продуктов по спекулятивно-мародерским ценам:

В-т Бориса Самуиловича, члена ВКП(б) с октября 1930 г., п. б. № <...>

Б-а Израиля Моисеевича, члена ВКП(б) с января 1931 п. б. № <...>

К-а Филиппа Егоровича члена ВКП(б) с января 1931 п. б. № <...> —

из членов ВКП(б) исключить.

№ 34**О работе грузового трамвая**

26 февраля 1942 года

В целях очистки основных магистралей города от снега, мусора и нечистот, а также перевозки грузов исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Обязать управляющего Трамвайно-троллейбусного управления т. Сорока к 10 марта с. г. открыть круглосуточное движение грузовых поездов по магистральям согласно приложению № 1.

Для чего к этому времени привести подвижной состав, электрические подстанции, а также контактную и кабельную сети (см. приложение 2) в пригодное для эксплуатации состояние. <...>

4. Обязать управляющего Ленэнерго (т. Карась) повысить суточную выработку электроэнергии. <...>

5. Обязать председателей райсоветов <...> и секретарей РК ВКП(б) к 8 марта произвести очистку от снега и льда полотна трамвайных путей согласно приложению № 1 и в дальнейшем поддерживать их в нормальном для эксплуатации состоянии. <...>

7. Предложить начальникам АПУ и УПКО Ленгорисполкома т.т. Морозову и Карпущенко к 1 марта с. г. определить места свалки снега и нечистот с учетом пуска трамвайного грузового движения. <...>

№ 35

О профилактических мероприятиях в связи с острыми кишечными заболеваниями в Колпино

27 февраля 1942 года

В связи с имеющимися случаями острых кишечных заболеваний (брюшной тиф, дизентерия) в г. Колпино горком ВКП(б) постановляет:

1. Исполкому районного совета депутатов трудящихся и райкому ВКП(б) принять немедленные меры по оздоровлению санитарного состояния города в соответствии с решением исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся и горкома ВКП(б) «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города».

2. Обязать исполком районного Совета депутатов трудящихся и райком ВКП(б) обеспечить с 28 февраля с. г. бесперебойную работу бани и санпропускника, оборудовать не менее пяти жаровен вошебоек-дезинсекторов, а также производить хлорирование воды в водопроводной сети города.

3. Обязать директора Ижорского завода т. Кузнецова обеспечить не позднее 1 марта с. г. электроэнергией водопровод и хлебозавод города, введя в действие передвижную электростанцию (энергопоезд завода им. Энгельса), а недостающую потребность в электроэнергии покрыть за счет гидростанции.

4. Предложить горздравотдел т. Никитинскому:

а) до 15 марта провести поголовные прививки против брюшного тифа и дизентерии;

б) обеспечить 100% госпитализацию всех заболевших брюшным тифом и дизентерией.

5. Поручить райкому ВКП(б) совместно с Военным советом 55-й армии разработать мероприятия по привлечению воинских частей для наведения элементарной чистоты и порядка в городе.

№ 36**О несвоевременной выплате зарплаты рабочим и служащим на заводе «Северный пресс»**

27 февраля 1942 года

1. Указать директору завода «Северный пресс» т. Литвинову на неприятие им мер к своевременной выплате заработной платы рабочим и служащим завода.

2. Обязать т. Литвинова (завод «Северный пресс») немедленно произвести выдачу причитающейся заработной платы рабочим и служащим за январь-февраль месяцы и впредь производить расчет в установленные для завода сроки.

№ 37**О работе почты и телеграфа Ленинграда**

9 марта 1942 года

Бюро Ленинградского горкома отмечает, что со стороны начальника Главпочтамта т. Чернышева не было принято необходимых мер по выполнению постановления исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) от 28 января 1942 года (пр. 52, п. 20 г) по наведению порядка работы в почтовых отделениях и по доставке корреспонденции трудящимся г. Ленинграда.

До настоящего времени в почтовых отделениях и в самом Главном почтамте еще не наведен элементарный порядок и имеет место распушенность среди работников связи, отсутствие учета работы и бесконтрольность доставки корреспонденции.

Исполкомы райсоветов депутатов трудящихся недостаточно уделяют внимания работе почтовых отделений и районных узлов связи. Считая такое положение недопустимым, бюро Ленинградского горкома ВКП(б) постановляет:

1. Предупредить начальника Главпочтамта т. Чернышева, что если не будут приняты необходимые меры по улучшению работы связи, то он будет снят с работы и отдан под суд.

2. Обязать начальника Главпочтамта в десятидневный срок:

а) навести элементарный порядок и чистоту во всех почтовых отделениях, районных узлах и Главпочтамте;

б) укомплектовать кадрами все почтовые отделения, районные конторы, узлы и управления Главного почтамта;

в) немедленно возобновить работу закрытых главпочтамтов почтовых отделений;

г) установить работу всех почтовых отделений и районных узлов связи с 10 утра до 6 вечера;

д) выделить в распоряжение каждого райузла по одной машине «Пикап» для развоза и сборки корреспонденции по районам;

е) ликвидировать разболтанность среди работников почтовых отделений и райузлов, ввести строжайший контроль и учет работы, обеспечить своевременную доставку корреспонденции непосредственно до адресата.

3. Предложить начальнику МПВО т. Лагуткину к 14. III-1942 вернуть из команд МПВО — 10 человек шоферов Главпочтамта.

4. Предложить управляющему Ленэнерго т. Карась обеспечить бесперебойное снабжение электроэнергией 4 радиопередатчиков Главного телеграфа.

5. Обязать уполномоченного Госплана СССР по Ленинграду т. Володарского выделять:

а) Главному почтамту 350 литров бензина ежедневно и на март месяц 500 литров керосина;

б) Главному телеграфу 50 литров бензина ежедневно и на март месяц 100 керосина и 20 тонн солярового масла.

6. Обратить внимание секретарей РК ВКП(б), что они упустили из поля зрения работу связи района, и предложить им немедленно организовать помощь почтовым отделениям и райконтторам в частичном укомплектовании кадров и налаживании работы.

№ 38

О борьбе с детской безнадзорностью

9 марта 1942 года

Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) отмечает, что выявление и предупреждение детской безнадзорности по городу, вследствие недооценки этой работы со стороны партийных, комсомольских и советских организаций, поставлено неудовлетворительно.

Решения исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 7 января и 13 февраля 1942 г. по вопросам борьбы с детской безнадзорностью не выполнены.

Отдельные райисполкомы (Фрунзенский, Петроградский, Ленинский) проявили формально-бюрократическое отношение к предупреждению детской безнадзорности. Сроки определения сирот в детские учреждения не выдерживаются.

Гороно не использует наличные кадры педагогов для организации выявления безнадзорных детей.

Многие детские дома находятся в антисанитарном состоянии, вшивость среди детей достигает больших размеров. Есть случаи расхищения сиротского имущества администрацией детских домов, установленные для детей нормы питания не соблюдаются.

Областное управление НКВД (т. Поляков) не развернуло в установленные сроки сети районных приемников-распределителей для безнадзорных детей.

Вокруг вопросов борьбы с детской безнадзорностью не создано общественное мнение; управляющие, коменданты домов и общежитий, главные врачи больниц, работники милиции и должностные лица, несущие прямую ответственность за устройство сирот и безнадзорных детей в детские учреждения, часто проявляют преступное равнодушие и халатность.

Районные партийные, комсомольские и советские организации не разъяснили активу и всему населению, что мероприятия по борьбе с детской безнадзорностью одна из неотложных задач военного времени.

Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) постановляет:

1. Предупредить заведующего горно т. Левина о прямой его ответственности за организацию выявления и устройства детей, лишившихся родителей.

2. Обязать секретарей РК ВКП(б) заслушать на очередных заседаниях бюро РК ВКП(б) вопрос о ходе выявления и ликвидации детской безнадзорности в районе, о необходимости привлечения партийного комсомольского советского и профессионального актива.

3. Считать одной из главных задач ленинградской комсомольской организации в настоящих условиях борьбу с детской безнадзорностью. Повысить ответственность Ленинградского горкома ВЛКСМ за выявление безнадзорных детей.

4. Обязать председателя городской комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, т. Федорову немедленно организовать силами партийного, комсомольского, профессионального и советского актива сплошной обход домов и квартир с целью выявления безнадзорных детей и подростков, выработать систему организации их выявления.

5. Указать заместителю начальника областного управления НКВД т. Полякову на принятие мер по своевременному развертыванию сети приемников-распределителей и обязать т. Полякова немедленно развернуть их в потребном количестве.

6. Предложить исполкому Ленинградского совета депутатов трудящихся:

а) производить прием безнадзорных детей в детские дома исключительно через районные приемники-распределители;

б) организовать дополнительную сеть детских домов в течении марта месяца на 6000 человек, обеспечив их необходимой материальной базой;

в) обеспечить контроль за охраной имущества сирот и организовать передачу этого имущества: одежды, обуви, постельных принадлежностей и посуды детдомам.

7. Обязать начальника управления трудовых резервов т. Лаврентьева:

а) передать во временное пользование гороно освобождающиеся общежития ремесленных училищ с имеющимся инвентарем;

б) подготовиться к 1 апреля 1942 года для приема в ремесленные училища и школы ФЗО выявленных безнадзорных подростков в возрасте 14–17 лет.

Представить городскому комитету ВКП(б) 20 марта 1942 года свои предложения о профессиях и сроках обучения учащихся.

8. Предложить секретарям РК ВКП(б):

а) поставить перед партийным и советским активом районов вопрос о расширении практики патронирования детей семьями трудящихся и необходимости установления контроля за бытовыми условиями детей, принятых гражданами на воспитание;

б) организовать сбор обуви, одежды и бытового инвентаря среди населения для детдомов.

9. Предложить т. Смирнову эвакуировать в глубинные районы СССР в течение марта с. г. не менее 5000 детей — воспитанников детдомов, преимущественно школьного возраста.

10. Заслушать на бюро ГК ВКП(б) 20 марта 1942 года сообщение т.т. Иванова (ГК ВЛКСМ), Левина (гороно), Полякова (Управление НКВД) о ходе выполнения настоящего постановления.

№ 39

О мероприятиях по борьбе с эпидемией сыпного тифа

26 марта 1942 года

Учитывая исключительно неблагоприятное санитарное состояние города и возникновение очагов сыпного тифа в наиболее угрожаемых объектах (детские дома, эвакупункты, стационары и т. п.), бюро Ленинградского городского комитета ВКП(б) постановляет:

1. Обязать директора завода им. Егорова изготовить 400 штук простейших дезинсекторов не позднее 10 апреля 1942 г.

2. Обязать зав. Ленгорздравотделом (т. Никитинского) выделить в каждой поликлинике и здравпункте теплое помещение для обязательного просмотра все лихорадящих больных.

3. Поставить вопрос перед Наркомздравом СССР об отпуске для работников инфекционных больниц и противоэпидемического персонала г. Ленинграда специально приспособленной одежды, сапог и шелкового трикотажного белья в количестве 2000 комплектов.

4. Обязать УГКО т. Карпушенко обеспечить систематической дезинфекцией подведомственные учреждения — бани, прачечные, парикмахерские.

5. Обязать зав. гороно (т. Левина) проводить систематическую санитарную обработку с дезинфекцией в детских домах.

6. Обязать зав. гороно (т. Левина) обеспечить детские дома изоляторами и усилить медицинское обслуживание.

7. В целях изоляции соприкасавшихся с сыпнотифозными больными граждан и воинских контингентов поручить исполкому Ленинградского совета депутатов трудящихся открыть изоляционный пункт на 2000 мест.

8. Обязать т. Карась обеспечить пароснабжение больницы им. Боткина [силами] 4 ГЭС в количестве 4 тонны пара в час.

9. Обязать исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся обеспечить больницу им. Боткина топливом 12 кубометров или 4 тонны мазута в сутки.

№ 40

О мобилизации населения в порядке трудовой повинности на работу по очистке дворов, улиц, площадей и набережных г. Ленинграда

26 марта 1942 года

<...> 1. Объявить мобилизованным все трудоспособное население Ленинграда в порядке трудовой повинности для проведения работ по очистке дворов, улиц, площадей и набережных г. Ленинграда на период с 27 марта по 8 апреля 1942 г. <...>

№ 41

О выполнении решений бюро ГК ВКП(б) от 6 января 1942 и 18 февраля 1942 года

26 марта 1942 года

Бюро горкома ВКП(б) отмечает, что в результате невыполнения Управлением Октябрьской железной дороги решения ГК ВКП(б) от 18 февраля

1942 года (пр. 53, п. 5 г.) «О завозе хвои на предприятия, вырабатывающие хвойные настои с содержанием витамина С» (завезено 18 вагонов вместо 54), план производства хвойного настоя с содержанием витамина С значительно невыполнен, и тем самым не удовлетворена потребность трудящихся в хвойном настое.

В целях более полного удовлетворения потребностей населения в хвойном настое с содержанием витамина С бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Обязать Управление Октябрьской железной дороги (начальник т. Силамбеков) полностью удовлетворять заявки Лензаготплодоовощторга по перевозке хвои с мест заготовок на перерабатывающие заводы.
2. Директору Лензаготплодоовощторга т. Пржевальскому обеспечить ежесуточную заготовку и завоз хвойных лапок в Ленинград не менее 15 тонн.

№ 42

О подготовке кадров, квалифицированных рабочих массовых профессий для восстановительных и ремонтных работ

26 марта 1942 года

В целях обеспечения городского хозяйства квалифицированными кадрами рабочих массовых профессий для выполнения работ по восстановлению жилищного и коммунального хозяйства города бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Обязать Ленинградское управление трудовых резервов (т. Лаврентьева) организовать с 15 апреля с. г. в школах ФЗО города обучение 6000 человек строительных рабочих по следующим специальностям:

плотники	600	чел.
столяры	200	—"
штукатуры-маляры по клеевой окраске	700	—"
печники-каменщики	400	—"
кровельщики (железом и рубероидом)	800	—"
слесари-сантехники	1500	—"
арматурщики-слесари	150	—"
маляры-стекольщики	250	—"
газо- и электросварщики	200	—"
электромонтеры	300	—"

Установить срок обучения 3–4 месяца.

1. Предложить городскому управлению трудовых резервов, РК ВКП(б), горкому ВЛКСМ и председателям райисполкомов в срок до 12 апреля с. г. провести организованный набор в школы ФЗО подростков мальчиков и девочек в возрасте 15, 16, 17 лет и выше. <...>

2. Обязать управление местной промышленности и промкооперации и <...> изготовить для учащихся школ ФЗО 6000 комплектов обмундирования за счет внутренних резервов пошивочных материалов, имеющихся в наличии на предприятиях города. <...>

№ 43

Об обеспечении топливом флота СЗУРП в начальный период навигации 1942 года

3 апреля 1942 года

В целях обеспечения топливом флота СЗУРП на начальный период 1942 года исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Обязать и. о. управляющего ЛОК «Главлесосбыт» т. Агапова отпустить в апреле месяце с. г. СЗУРП 38,0 тысяч кубометров дров. <...>

2. Обязать управляющего трестом «Ленлес» т. Горышина отпустить в апреле месяце с. г. 13,5 тысяч кубометров дров. <...>

№ 44

О перевозке торфа для электростанций

3 апреля 1942 года

1. Предложить управляющему Ленгосторфа т. Страупе, начальнику Октябрьской железной дороги т. Саламбекову и управляющему Лезнерго т. Карась в однодневный срок утвердить график подачи порожняка с 5 ГЭС, подачи вертушек под погрузку торфа и движение груженых составов с торфом на электростанцию.

2. Установить персональную ответственность за выполнение графика на управляющего Ленгосторфа т. Страупе, начальника Октябрьской железной дороги т. Саламбекову и управляющего Лезнерго т. Карась и предложить им за их личной подписью отчитываться перед горкомом о выполнении графика. <...>

№ 45**Об организации лова рыбы трестом «Главресторан» в Мгинском и Всеволожском районах Ленинградской области***3 апреля 1942 года*

Постановление обкома и горкома ВКП(б):

1. Обязать трест «Главресторан» (т. Фельдман) организовать лов рыбы в колхозах «Возрождение», «Красный рыбац», «Лава», «Назия», «13-я годовщина Октября», «Восход» Мгинского района и в колхозах «Красное утро» и «Морье» Всеволожского района на договорных началах, с обеспечением колхозов необходимой материально-технической базой.

2. План вылова рыбы по указанным колхозам устанавливается трестом «Главресторан» в соответствии с наличием рабочей силы и материально-технической базой.

3. Обязать председателей исполкомов Мгинского и Всеволожского районных советов депутатов трудящихся, при планировании сельского хозяйства рыболовецких колхозов учитывать необходимость использования всей основной рабочей силы на рыбном промысле как ведущей отрасли хозяйства этих колхозов.

4. Обязать трест «Ленрыба» (т. Черкасова) передать тресту «Главресторан» материально-техническую базу, обслуживающую рыболовецкие колхозы Мгинского и Всеволожского районов и принадлежащую тресту «Ленрыба», с оплатой ее фактической стоимости и запретить переброску материально-технической базы, принадлежащей самим колхозам в другие районы.

№ 46**О мероприятиях по подготовке счетных кадров для предприятий и учреждений г. Ленинграда***3 апреля 1942 года*

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

В целях обеспечения предприятий и учреждений г. Ленинграда кадрами счетных работников исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Возложить подготовку кадров счетных работников для предприятий и учреждений г. Ленинграда на Межобластную комбинат ЦСУ Госплана СССР.

2. Предложить директору Учебного комбината (т. Дольникову) с 10 апреля 1942 года начать занятия со старшими группами и провести набор новых групп учащихся.

3. Для ускорения подготовки кадров счетных работников предложить Учебному комбинату (т. Дольникову) организовать краткосрочные курсы по подготовке и повышению квалификации счетных кадров и обеспечить выпуск к 1 июля 1942 года не менее 150 человек счетных работников.

4. Обязать начальника Ленжилуправления т. Ханутина предоставить Учебному комбинату соответствующее помещение для обеспечения нормального хода учебных занятий.

5. Предложить начальнику Управления по учету и выдаче продовольственных карточек т. Стожилову выдать для 15 штатных преподавателей комбината продовольственные карточки 1-й категории.

№ 47

О проведении Всесоюзной переписи социалистической промышленности на 1 января 1942 года по Ленинграду, Колпино и Кронштадту

3 апреля 1942 года

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Обязать начальника Статистического управления г. Ленинграда т. Пузакова провести перепись социалистической промышленности по состоянию на 01.01.1942 г. по г. Ленинграду, Колпино и Кронштадту в сроки и по плану, установленные ЦСУ Госплана СССР.

2. Обязать директоров предприятий, строек, руководителей учреждений и ведомств представить районным инспекторам ЦСУ Госплана СССР до 10 апреля с. г. списки подчиненных им промышленных предприятий, находящихся на территории г. Ленинграда, а также эвакуированных в восточные районы Союза.

3. Обязать директоров промышленных предприятий, руководителей учреждений и ведомств, имеющих промышленные предприятия (включая подсобные ремонтные мастерские), под их личную ответственность обеспечить с 7 по 17 апреля 1942 года проведение переписи в подчиненных им предприятиях и своевременное представление бланков переписи районным инспекторам ЦСУ Госплана СССР.

4. Обязать председателей исполкомов районных советов депутатов трудящихся и секретарей районных комитетов ВКП(б) установить контроль и наблюдение над своевременным проведением переписи и оказать районным инспекторам ЦСУ Госплана СССР организационную помощь по ее проведению.

5. Предложить исполкомам районных советов депутатов трудящихся и райкомам ВКП(б) в период с 10 апреля 1942 года, а также по итогам переписи социалистической промышленности не позднее 30 апреля.

6. Разрешить начальнику Статистического управления г. Ленинграда т. Пузакову привлечь экономистов и статистиков промышленных предприятий для проведения разработки материалов переписи.

7. Обязать начальника Статистического управления г. Ленинграда т. Пузакова представить материалы по итогам переписи промышленности в исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и горком ВКП(б) не позднее 1 августа с. г.

№ 48

Об обеспечении торфом электростанций

3 апреля 1942 года

1. Обязать выходную базу Главрезинсбыта выделить из наличия и выдать Ленгосторфу 11 апреля 1942 г. 2500 пар резиновой обуви.

2. Обязать заведующего отделом кадров горкома ВКП(б) подобрать для работы на торфопредприятиях системы Ленгорторфа в качестве: жен. организаторов — 7 человек, партторгов участков — 4 человека.

Секретарь горкома ВКП(б) А. Кузнецов

№ 49

О работе предприятий общественного питания

3 апреля 1942 года

Постановление Ленинградского горкома ВКП(б):

Несмотря на значительную работу, проделанную в условиях военного времени Главным управлением ленинградских столовых, ресторанов и кафе по расширению сети столовых и увеличению контингента питающихся, в работе Ленглавресторана, а также районных трестов столовых и предприятий общественного питания имеют место крупные недостатки.

Руководители предприятий общественного питания в значительной мере не выполнили решений ГК ВКП(б) от 1 ноября 1941 года «О торговом обслуживании потребителей города Ленинграда», прошли

мимо вопросов наиболее эффективного использования имеющихся пищевых ресурсов, организации врачебного наблюдения над столующимися к дифференциации пищи по калорийности для различных категорий столующихся, в зависимости от условий их труда.

Нередко имеет место формально-бюрократическое отношение к кровным интересам потребителя — многочисленны факты обвеса, повышение против стандартной влажности вторых блюд, однообразный ассортимент, низкая культура обслуживания (например, в столовой № 23 Ленинского района, в столовой № 1 Приморского района, столовой № 6 Фрунзенского района и др.).

Многие столовые, особенно столовые открытого типа, находятся в антисанитарном состоянии. В них отсутствует предварительная мойка посуды столующихся при отпуске обедов на дом, отпуск пищи производится над общими раздаточными котлами (например, в столовой завода № 7, столовой № 30 Дзержинского района, столовой № 38 Куйбышевского района и ряда других).

Химические лаборатории, определяющие калорийность пищи, как правило, не работают.

Городской отдел здравоохранения, Госсанинспекция и Институт общественного питания устранились от вопросов по организации общественного питания трудящихся, не принимают участия в работе треста столовых, не оказывают ему помощи по наиболее эффективному использованию пищевых ресурсов.

Со стороны отдела торговли Ленгорсовета, несмотря на наличие возможностей выдачи фондов в нужном ассортименте, имеет место канцелярско-бюрократический подход к отовариванию нарядов в системе общественного питания.

Крупные недостатки в работе системы общественного питания являются также следствием того, что райкомы ВКП(б) и исполкомы райсоветов депутатов трудящихся слабо, не систематически контролируют работу столовых и фабрик-кухонь, не приняли надлежащих мер к укреплению аппарата районных трестов столовых. РК ВКП(б) не повернули внимание директоров, партийных и профсоюзных организаций предприятий и учреждений к вопросам организации общественного питания. Руководители предприятий и парторганизаций до сих пор проходят мимо фактов бескультурья, низкого качества обедов, наличия очередей, нерационального и неэкономного расходования пищевых продуктов и т. д.

Большинство ЦК и ОК профсоюзов, находящихся в Ленинграде, не справились с возложенной на них задачей по организации общественного рабочего контроля.

Рабочий контроль поставлен неудовлетворительно, а в ряде столовых и вообще отсутствует.

Слабо работает и ведомственный контрольный аппарат, что приводит к бесконтрольности работников столовых, способствует обвесам, хищениям (за последние 5 месяцев было выявлено хищений продуктов на 260 тысяч. рублей).

В целях ликвидации отмеченных недостатков бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Обязать Главное управление ленинградских столовых, ресторанов и кафе (т. Фельдман) и директоров районных трестов столовых и предприятий общественного питания немедленно принять меры к коренному улучшению обслуживания трудящихся:

а) наиболее эффективно использовать продовольственные товары, привлекая дополнительные ресурсы за счет пищевых заменителей, посадки ранних овощей, а также сбора дикорастущих культур, ведя при этом решительную борьбу с лицами, допускающими разбазаривание и порчу продуктов;

б) организовать обслуживание столующихся, исключаящее задержку в выдаче обедов, обеспечить столовые посудой и прочим инвентарем;

в) в течение трех дней восстановить работу химических лабораторий по проверке калорийности выпускаемых обедов;

г) в течение двухдекадного срока произвести осмотр, восстановительный ремонт и лужение оборудования и инвентаря;

д) восстановить регулярный медицинский осмотр всех работников общественного питания.

2. Обязать начальника Главресторана т. Фельдмана в области улучшения питания:

а) разработать обязательный для всех предприятий минимум выпускаемых ежедневно блюд и подекадно пересматривать этот минимум с тем, чтобы разнообразить ассортимент;

б) представить на утверждение исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся проект норм раскладок и выходов готовой продукции; исполкому Ленгорсовета утвердить эти и использовать их в работе рабочего контроля;

в) организовать весенний сбор пищевых трав и дикорастущих культур, как-то: крапива, щавель, лебеда, сныть, съедобная кислица зубчатая, чермуха. Установить план заготовок указанных культур в 200 т;

г) организовать посадку ранних овощей на базе имеющегося парникового хозяйства и, использовав ряд теплиц и оранжерей Ботани-

ческого сада и треста зеленых насаждений, установить план товарного выхода ранних овощей в 1500 центнеров;

д) широко развернуть производство пищевых заменителей на базе использования казеина, соевого шрота, пищевого жмыха, лишайника и прочих видов сырья; установить план месячного выпуска пищевых заменителей;

г) организовать весенний лов рыбы в местных водоемах (река Нева, озера Карельского перешейка), установить план улова в 700 центнеров;

ж) восстановить продажу газированных вод на предприятиях общественного питания, обеспечив к 20 апреля пуск углекислотного завода, с выработкой жидкой углекислоты 90 т в месяц.

В области культуры обслуживания:

а) произвести восстановительный и текущий ремонт фабрикухонь и открытых предприятий общественного питания;

б) запретить отпуск обедов на дом в общих залах, приспособив для этой цели отдельные помещения, с обязательной предварительной мойкой посуды; в общих залах восстановить отпуск обедов в посуде общественного питания.

3. Обязать директоров предприятий и учреждений:

а) произвести восстановительный и текущий ремонт закрытых столовых;

б) обеспечить ремонт и лужение оборудования, приобретение недостающей посуды, кухонного и столового инвентаря.

4. Обязать Главное управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе и райкомы ВКП(б) принять меры к укреплению руководящих кадров системы общественного питания за счет лучших, проверенных на практической работе людей из партийно-советского, хозяйственного, комсомольского и профсоюзного актива.

5. Обязать начальника Ленглавресторан т. Фельдмана, руководителей районных трестов столовых и предприятий укрепить трудовую дисциплину и вести самую решительную борьбу с расхитителями социалистической собственности и всеми теми, кто в какой бы то ни было степени обворовывает потребителя и подрывает основы общественного питания.

6. Для материального оснащения сети общественного питания обязать руководителей УГР, завода «Вулкан», завода «Красная Бавария», отдела торговли Ленгорсовета, отдела местной промышленности Ленгорсовета, Водно-спортивного комбината ВЦСПС, Главного управления хлопчатобумажной промышленности Ленинградской области и Аптекоуправления изготовить и передать Ленглавресторану материалы, оборудование и инвентарь в сроки и количестве согласно приложению.

7. Обязать управляющего Ленэнерго т. Карась выделить с 15 апреля для фабрик-кухонь 1700 квтч электроэнергии.

8. Обязать райкомы ВКП(б), ЦК и ОК профсоюзов восстановить на всех предприятиях общественного питания рабочий контроль, активировав его работу путем созыва периодических инструктивных совещаний и организации краткосрочных семинаров.

Считать обязательным ежедневно, для определения выходов готовой продукции, производить контрольные варки в присутствии представителей рабочего контроля.

9. Обязать Торгинспекцию (начальник т. Данильченко) и Санинспекцию горздравотдела (начальник т. Никитин) усилить надзор за работой предприятий общественного питания, передавая все выявленные случаи антисанитарного состояния и обвеса следственным органам, для привлечения к ответственности.

Горпрокурору т. Памфиленко все дела о хищениях и антисанитарном состоянии столовых рассматривать без задержки.

10. Обязать райкомы ВКП(б), исполкомы районных советов депутатов трудящихся, ЦК и ОК профсоюзов систематически контролировать работу предприятий общественного питания, заслушивая отчеты директоров районных трестов столовых.

11. Считать одной из главных задач в работе партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, предприятий и учреждений оказание действенной помощи хозяйственным руководителям системы общественного питания в реализации настоящего постановления ГК ВКП(б).

12. Обязать редактора «Ленинградской правды» т. Золотухина систематически освещать работу предприятий общественного питания на страницах печати.

№ 50

О расширении выпуска товаров широкого потребления местной промышленностью и улучшении бытового обслуживания населения

10 апреля 1942 года

Предприятия местной промышленности, промысловой кооперации, кооперации инвалидов значительно увеличили выпуск оборонной продукции, боеприпасов, предметов вооружения, вещевого довольствия и инженерного имущества; освоили 150 новых производств <...> Во втором полугодии 1941 года выпустили различной продукции на 857,6 мил. рублей.

В период с декабря по февраль предприятия местной промышленности и промысловой кооперации, переведя работу на кустарный

метод производства с применением немеханизированного труда — организовали выпуск товаров широкого потребления для населения.

На 1 марта 1942 года из общего числа 1236 производственных точек — приступили к работе лишь 473. Сокращена также и ремонтно-бытовая сеть. Большинство прачечных, парикмахерские, мастерские по ремонту обуви и одежды все еще не приступили к работе.

На 1 марта 1942 года открыто 67 парикмахерских, 94 пункта по ремонту обуви, 91 пункт по ремонту и пошиву одежды, но обслуживают население неудовлетворительно. Мастерские недоукомплектованы достаточным количеством квалифицированных рабочих, а некоторые существуют формально и не удовлетворяют минимальные потребности населения.

Слаба производственная и трудовая дисциплина. Не наведен элементарный порядок в приеме и выдаче заказов, не приспособлены производственные помещения для более нормальной работы.

Отдел местной промышленности исполкома Ленгорсовета, горпромсовет, горкооперсоюз и промысловые союзы ослабили руководство предприятиями и не приняли должных мер к обслуживанию трудящихся города.

Бюро ленинградского горкома ВКП(б) отмечает, что в условиях военного времени, и особенно в города Ленинграда, предприятия местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов, наряду с выполнением фронтowych заказов, обязаны всемерно развивать производство товаров широкого потребления из местного сырья.

Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) постановило:

1. Установить план выпуска товаров на предприятиях местной промышленности и промысловой кооперации во II квартале 1942 года в объеме 159, 1 мил. рублей.

2. Для обеспечения производства товаров широкого потребления во II квартале передать из промышленных предприятий <...> отделу местной промышленности исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся сырьевые ресурсы.

3. План развертывания ремонтно-пошивочной сети и пунктов бытового обслуживания в системе местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов — утвердить.

4. Обязать уполномоченного Госплана СССР т. Володарского выделить отделу местной промышленности на II квартал 1942 года для пуска блок-станции и нужд производства горючие и смазочные материалы.

5. Для обеспечения производства изделий в системе местной промышленности и ремонтных нужд жилищного хозяйства обязать товарища т. Бояр обеспечить прокат 1500 тонн кровельного железа

и 500 парсового железа. <...> Для проката использовать сырье на заводах Ленинграда. <...>

6. Обязать Ленгорпромсовет (т. Никитина) возобновить работу цеха эмалированной посуды в артели «Металлист-кооператор» с выпуском во втором квартале 150 000 мисок.

7. Обязать управление Ленэнерго (т. Карась) отпускать во втором квартале с 10 апреля 1942 года на завод Металлокомбинат — 3000 и Листопрокатный завод — 1500 квтч и артели «Металлист-кооператор» — 500 квтч ежедневно.

8. Обязать отдел местной промышленности (т. Бояр), горместпром (т. Пинцер), Ленгорпромсовет, Ленгоркоопинсоюз (т. Трубин) организовать набор рабочей силы, широко используя труд на дому, немедленно приступив к подготовке и переподготовке кадров недостающих профессий для системы местной промышленности и промысловой кооперации в количестве, обеспечивающем программу 2-го квартала, с учетом перспективы дальнейшего развития.

Райкомам ВКП(б) оказать практическую помощь предприятиям местной промышленности и промысловой кооперации по подготовке этих кадров.

9. Обязать райкомы ВКП(б) и исполкомы райсоветов депутатов трудящихся восстановить работу районных промкомбинатов и мастерских по бытовому обслуживанию населения города. Направить деятельность промкомбинатов на выпуск товаров широкого потребления и улучшение бытового обслуживания трудящихся.

10. Для оздоровления финансовой деятельности райпромкомбинатов и предприятий горместпрома предложить отделу местной промышленности (т. Бояр) и горфо (т. Гужков) наделить эти предприятия необходимыми оборотными средствами.

11. Обязать Ленгорисполком (т. Попков) выделить в распоряжение отдела местной промышленности (т. Бояр) для перевозки сырья автомашины в количестве 15 штук.

12. Предложить Ленплану при рассмотрении ежемесячных планов производства по системе местной промышленности устанавливать количество товаров, направляемых непосредственно в торговую сеть для продажи населению. Запретить отпуск товаров широкого потребления с промышленных предприятий различным организациям и ведомствам.

13. Обязать отдел местной промышленности (т. Бояр) и горкоопинсоюз (т. Трубин) и председателей промысловых союзов обеспечить бесперебойную работу ремонтно-бытовой сети и укомплектовать мастерские квалифицированными кадрами.

14. Бюро Ленинградского городского комитета ВКП(б) обязывает всех руководителей предприятий местной промышленности и промысловой кооперации устранить отмеченные недостатки, навести порядок на предприятиях, укрепить производственную и трудовую дисциплину, улучшить обслуживание трудящихся города.

№ 51

О пуске пассажирского трамвая

10 апреля 1942 года

Постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Обязать начальника Трамвайно-троллейбусного управления т. Сорока 15 апреля с. г. открыть пассажирское трамвайное движение маршрутов №№ 3, 7, 9, 10 и 12 по магистралям согласно приложению № 1 в количестве 116 поездов.

К этому времени привести подвижной состав, электрические подстанции, а также контактную и кабельную сети в пригодное для эксплуатации состояние.

2. Установить суточную потребность в электроэнергии с 15 апреля с. г. для пассажирского трамвая в 40 000 киловатт-часов, мощностью в час максимума не превышающей 2,45 мегаватта.

3. Для приведения в пригодное для эксплуатации состояние электрических подстанций и подвижного состава установить с 11 апреля с. г. суточную потребность в электроэнергии:

а) для подстанций 825 квтч при максимуме потребления не выше 45 киловатт;

б) для ремонта подвижного состава в парках (см. приложение № 2) с максимумом потребления не выше 140 киловатт.

4. Обязать управляющего Ленэнерго (т. Карась) отпускать электроэнергию трамвайно-троллейбусному управлению в следующих количествах:

а) с 11 апреля с. г. 2825 квтч в сутки;

б) с 15 апреля с. г. 40 000 квтч в сутки.

5. Обязать председателей исполкомов райсоветов депутатов трудящихся и секретарей РК ВКП(б) к 14 апреля с. г. произвести очистку от снега и льда полотна трамвайных путей, согласно приложению № 1 (включая очистку мостов от нечистот) и в дальнейшем поддерживать их в нормальном для эксплуатации состоянии.

6. Обязать директора завода «Севкабель» т. Козловского отпустить трамвайно-троллейбусному управлению 20 тонн оцинкованной проволоки диаметром 6 мм.

7. Начальнику управления Водоканал т. Зиновьеву к 13 апреля провести работу по засыпке и заделке проезжей части по ул. Льва Толстого (против больницы Эрисмана).

8. Обязать начальника телефонной дирекции т. Шаркова восстановить телефонную связь на объектах трамвая для обеспечения нормальной работы, согласно приложения № 3.

9. Начальнику управления милиции т. Грушко обеспечить поддержание порядка среди населения при пользовании пассажирским трамваем, а также установить посты регулирования движения на магистралях согласно приложению № 1.

№ 52

О работе партийных комитетов заводов имени Сталина и имени С. Орджоникидзе

10 апреля 1942 года

Бюро горкома ВКП(б) отмечает, что партийные комитеты заводов им. Сталина и им. С. Орджоникидзе <...> проделали значительную работу по выполнению фронтowych заказов, по созданию оборонительных сооружений вокруг Ленинграда, а также по отбору лучших людей в отряды Народного ополчения, в Красную армию и Военно-морской флот.

В предельно сжатые сроки коллектив завода им. Сталина перестроил всю технологию производства, освоил свыше 20 новых видов вооружений и боеприпасов, выполнив программу 1941 года на 106% по валовой и 103% по товарной продукции.

Досрочно провел ремонт кораблей коллектив завода им. С. Орджоникидзе, выполнил программу по ремонту в 1941 году на 140,8%. Заводом также проделана большая работа по перевооружению судов, по освоению выпуска вооружения и боеприпасов, по установке ДОТ в укрепленных районах.

Вместе с тем бюро горкома ВКП(б) отмечает, что в январе-феврале 1942 года, когда особенно возросли трудности, вызванные вражеской блокадой, партком завода им. Сталина, и особенно завода им. Орджоникидзе, не только не усилили партийно-политическую работу, а, наоборот, ослабили ее, снизили требовательность к членам и кандидатам партии, своевременно не пополнили руководящие парторганы взамен выбывших и не оправдавших себя на работе по наведению порядка в партийном хозяйстве.

Это привело к тому, что некоторые коммунисты забыли о своей авангардной роли в борьбе против трудностей, стали проявлять хвостистские отсталые настроения, нарушать партийную дисциплину, перестали посещать партийные собрания, уплачивать членские взносы и оторвались от партийной организации.

Больше того, некоторые партийные и хозяйственные руководители сами превратились в безвольных людей. Ссылаясь на трудности, на физическое ослабление людей, они ничего не делали, чтобы поднять дух и боеспособность коллектива, развивать в нем инициативу, смекалку на использование внутренних резервов цеха, завода. Вместо строгой требовательности к подчиненным стали заниматься уговариванием, упрашиванием, заискиванием перед ними, чем порождали расхлябанность и ослабление государственной и трудовой дисциплины, несовместимые с условиями напряженной обстановки осажденного г. Ленинграда.

Руководители завода им. Сталина и им. Орджоникидзе, получив в этот период задание Военного совета фронта, поставили условием выполнения этого задания — выделение дополнительного питания сверх и без того увеличенных продовольственных норм. Парткомы заводов, особенно завода им. Орджоникидзе, вовремя не ударили по этим гнилым настроениям хозяйственных руководителей, ослабили контроль хозяйственной деятельности администрации предприятий.

Проводимая политическая агитация на заводах слабо увязывается с местными конкретными материалами: газета, боевые листки выпускаются редко. Слабо организована работа по политическому воспитанию кадров.

Партийные комитеты неудовлетворительно руководили делом приема в партию. Всего за время войны принято в ряды ВКП(б) на заводе им. Сталина — 55 человек, на заводе им. Орджоникидзе — 31 человек, на заводах имеются также цеховые парторганизации, где за все время в ряды ВКП(б) приняты один-два человека, а в некоторых прием отсутствовал. Вместе с этим количество кандидатов с просроченным стажем достигает по заводу им. Сталина 104 человека из 124, по заводу им. Орджоникидзе — 183 из 191 кандидата.

Все это является результатом отсутствия повседневной работы по воспитанию лучших, проявивших себя во время войны людей, достойных быть принятыми в ряды ВКП(б), а также ослабления воспитательной работы с кандидатами.

За последнее время, выполняя указания товарища Сталина, данные им в приказе к XXIV годовщине Красной армии, партийные организации начали развертывать партийно-политическую работу, про-

являть инициативу в разрешении важнейших вопросов партийной и хозяйственной жизни. Парткомы оказали большую помощь районным советам в деле наведения элементарной чистоты и порядка в районе, провели значительную работу по улучшению бытового обслуживания трудящихся.

Однако партком завода им. Орджоникидзе все еще слабо исправляет недостатки в партийно-политической работе, слабо мобилизует коммунистов и весь коллектив завода на успешное выполнение постановления Военного совета Ленинградского фронта от 9.01.1942 и решение горкома ВКП(б) от 9 марта 1942 г.

Бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Обязать парткомы заводов им. Сталина и им. Орджоникидзе повысить уровень партийно-политической работы и мобилизовать каждого коммуниста и всех трудящихся на выполнение указаний товарища Сталина, данные им в приказе ко дню XXIV годовщины Красной армии.

2. Считать основной задачей партийных организаций и хозяйственного руководства заводов им. Сталина и им. Орджоникидзе безусловное выполнение решения Военного совета Ленинградского фронта о выпуске оборонных заказов, обратив при этом особое внимание на строжайшую экономию горючего, топлива, материалов.

Потребовать от партийных комитетов усилить контроль хозяйственной деятельности администрации предприятий, повседневно влезать в работу производства, своевременно помогать отдельным цехам и участкам устранять недостатки, широко популяризируя опыт передовых цехов, участков и отдельных производственников, подкрепляя выполнение фронтовых заказов развертыванием партийно-политической работы.

3. Обязать парткомы повысить требовательность к каждому члену и кандидату партии, вести самую решительную борьбу с проявлением отсталых, хвостистских настроений и аморальных поступков, воспитывать в каждом коммунисте лучшие большевистские качества — самоотверженность, инициативу, деловитость и готовность на самопожертвование на благо родины.

4. Обязать парткомы и директоров заводов установить на предприятиях железную военную дисциплину, поднять единоначалие, повысить требовательность хозяйственных руководителей к подчиненным, решительно покончить с распущенностью и расхлябанностью. Руководителей, потерявших перспективы, не желающих или не умеющих преодолеть трудности войны и блокады, снимать с занимаемых постов, привлекая к строгой партийной и государственной ответственности.

сти и заменяя их выросшими, закаленными за время войны партийными и непартийными большевиками.

5. Обратить внимание партийных комитетов на дело подготовки квалифицированных рабочих, бригадиров, мастеров, особенно из числа женщин.

6. Предложить парткомам заводов:

а) вести повседневную работу по активному отбору в ряды ВКП(б) лучших производственников, активистов-общественников, организовать работу по политическому воспитанию всех коммунистов и в первую очередь руководящих кадров, потребовав от них повседневной работы над повышением идейно-политического уровня и овладением основами марксизма-ленинизма;

б) организовать работу с заместителями секретарей и членами партбюро цеховых парторганизаций, оказывая повседневную помощь коммунистам, впервые пришедшим на руководящую партийную работу;

в) навести надлежащий порядок в партийном хозяйстве, а также привести организационную структуру парторганизаций в соответствие с уставом ВКП(б).

Систематически проводить партийные собрания, собрания партийного и хозяйственного актива с постановкой на ней важнейших вопросов партийной и хозяйственной работы.

7. Отметить, что Свердловский райком ВКП(б) и его первый секретарь т. Комиссаров слабо оказывают необходимую помощь крупнейшей парторганизации района и обязать бюро райкома ВКП(б) улучшить руководство работой парткома завода им. Орджоникидзе.

№ 53

О ходе подготовки и реализации Государственного военного займа 1942 года в Красногвардейском и Октябрьском районах

10 апреля 1942 года

1. Отметить, что Красногвардейский и Октябрьский райкомы ВКП(б) недостаточно развернули работу по выполнению решения горкома ВКП(б) о размещении «Государственного военного займа 1942 года», в районах не укомплектованы полностью комиссии содействия госкредиту (Красногвардейский район). На многих предприятиях и домохозяйствах не подобраны уполномоченные по подписке на заем, советский и партийный актив в подготовке подписки на заем используется слабо, а коммунисты и комсомольцы еще не во всех организациях ознакомлены с решением горкома ВКП(б) о задачах размещения предстоящего займа.

2. Принять к сведению заявление т. т. Турко и Мартынова о том, что они в ближайшие день-два устранят отмеченные недостатки по размещению «Государственного военного займа 1942 года».

3. Обязать райкомы ВКП(б) переключить весь партийный, советский, профсоюзный, комсомольский актив на подготовку среди трудящихся успешного размещения «Государственного военного займа 1942 года» с таким расчетом, чтобы охватить подпиской все слои населения Ленинграда. <...>

№ 54

Об итогах работы в I квартале и плане развития городского хозяйства во II квартале 1942 года

19 апреля 1942 года

Утвердить следующий проект решения исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. <...>

Городское хозяйство Ленинграда находилось в I квартале в неудовлетворительном состоянии, а уровень обслуживания населения резко понизился. Такое положение усугубилось тем, что некоторые руководители отдельных участков городского хозяйства спасовали перед трудностями <...> и превратились в безвольных людей. <...> Эти люди вместо того чтобы, пользуясь улучшением продовольственного снабжения, повышать требовательность к подчиненным, поднимать боеспособность коллектива работников, не взирая на имеющиеся трудности, улучшать работу, самочинно закрывали учреждения, ремонтные мастерские, аптеки, сберегательные кассы или держат их по настоящее время в консервации, не заботясь об обеспечении действующих предприятий рабочей силой и потворствуя расхлябанности и ослаблению дисциплины.

Так директор Почтамта т. Чернышев допустил закрытие многих почтовых отделений и задержку в пересылке корреспонденции на длительные сроки.

Аптекоуправление (т. Черняк) почти полностью прекратило отпуск лекарств, а также допустило закрытие аптек, оставляя население города без медикаментов.

Горздравотдел, возглавляемый т. Никитинский, не организовал активной борьбы с заболеваемостью на почве истощения и научной разработки методов предупреждения этих заболеваний, а ограничился бесконтрольной раздачей бюллетеней.

При огромном количественном размахе общественного питания Главрестораном была забыта задача рациональной организации

питания, улучшения качества пищи и качества обслуживания населения в столовых.

Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся особо отмечает крайне неудовлетворительное руководство жилищным хозяйством и водоснабжением города. Начальник Ленжилуправления т. Ханутин и начальник Управления водопроводно-канализационного хозяйства т. Зиновьев не сумели встать на путь преодоления трудностей военного периода и блокады, не обеспечили руководства на доверенных им участках городского хозяйства и мирились с тем, что большое количество жилых домов остаются без управхозов и дворников, а многочисленные аварии магистральных и домовых сетей ликвидируются недопустимо медленно, в результате чего большое количество домов остаются без воды.

В течение I квартала, несмотря на хозяйственные трудности, вызванные блокадой, обеспечен пуск грузового трамвая, проведена подготовка к открытию пассажирского трамвайного движения, возобновлена работа бань и прачечных и широко развернулась очистка города от снега и нечистот. Это достигнуто в борьбе за преодоление трудностей со стороны руководителей хозяйств и работников городского хозяйства, при активной помощи фабрик и заводов и самого населения Ленинграда.

В целях улучшения обслуживания неотложных нужд населения и нормальной эксплуатации отраслей городского хозяйства исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся решает:

1. Основными задачами городского хозяйства во II квартале считать:

а) восстановление и приведение в годное для эксплуатации состояние городского водопровода и канализации, важнейших предприятий коммунального хозяйства и производство ремонтно-восстановительных работ по жилью, школам, лечебным учреждениям и другим отраслям городского хозяйства для предотвращения дальнейшего разрушения и повреждения объектов;

б) строительство и оборудование газубежищ и приведение в порядок имеющихся бомбоубежищ и щелей для укрытия населения во время бомбардировок и приведение в порядок оборонительных рубежей и их усиления;

в) дальнейшее решительное улучшение санитарных условий путем расширения пропускной способности бань, прачечных и парикмахерских, восстановление работы домовых водопроводных сетей и канализационных устройств, восстановление регулярной очистки города от мусора и нечистот и поддержания чистоты в жилище, во дворах и на улицах;

г) удовлетворение насущных нужд населения путем организации бесперебойной работы пассажирского трамвая, расширение ремонтно-бытовой сети, увеличение выпуска товаров первой необходимости, решительного улучшения качества пищи и качества обслуживания населения столовыми, развитие индивидуального огородничества и подсобных хозяйств предприятий, а также широкое развитие летних дровозаготовок.

2. Представленный плановой комиссией исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся план развития городского хозяйства Ленинграда во II квартале 1942 года утвердить.

3. Потребовать от исполкомов райсоветов депутатов трудящихся, начальников управлений, заведующих отделами, управляющих трестами и директоров предприятий решительного усиления внимания вопросам набора и подготовки квалифицированных кадров, повышения требовательности к подчиненным и поднятия трудовой дисциплины, поощрения инициативы как важнейших условий выполнения задач, поставленных перед городским хозяйством.

4. Поручить комиссии в состав т.т. Капустина, Манакова и Володарского в пятидневный срок представить в исполком Ленгорсовета предложения по вопросу о мероприятиях по обеспечению хозяйств Ленинграда рабочей силой.

5. В целях выполнения плана восстановительных работ обязать исполкомы райсоветов депутатов трудящихся и начальников управлений и отделов исполкома:

а) восстановить нормальную работу строительных организаций, произвести набор и подготовку рабочей силы, отремонтировать строительные механизмы и инвентарь и привести в порядок общежития строительных рабочих;

б) мобилизовать для восстановительных работ все материалы и оборудование разрушенных домов и зданий, а также различных сооружений, разобранных на дрова, используя материалы, оставленные без присмотра на складских площадках.

Разрешить исполкомам райсоветов депутатов трудящихся привлекать для работ по восстановлению хозяйства и строительству газубежищ население города в порядке трудовой повинности.

6. В связи с ростом потребности в грузовых перевозках предложить заместителю председателя исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся т. Решкину к 25 апреля разработать и ввести в исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся предложения по развитию внутригородских грузовых перевозок водного транспорта, работающего на дровах, и увеличению гужевого транспорта в районах города по вывозу нечистот.

7. Поручить заместителю председателя исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся т. Мотылеву разработать и внести в исполком Ленгорсовет к 3 мая с. г. предложения об обеспечении г. Ленинграда дровами на зимний период 1942–1943 г.г. путем развития летних дровозаготовок как на Карельском перешейке, так и в городе путем разборки деревянных сооружений.

8. Для приведения торговой сети в соответствии с населением города и сокращения издержек обращения поручить Плановой комиссии исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся совместно с отделом торговли, Управлением продторгами и Управлением промторгами разработать и представить к 5 мая с. г. предложения о сокращении и дислокации торговой сети по районам города.

9. В целях сокращения накладных расходов объединить в одном управлении Управление по делам искусств, Управление культурно-просветительскими организациями и Управление кинофикации.

10. Снять с занимаемого поста, как обанкротившегося и не сумевшего преодолеть хозяйственных трудностей, вызванных войной и блокадой, т. Ханутина М. А. — начальника городского жилищного управления и освободить от работы как несправившегося Зиновьева М. И. — начальника Управления водопроводно-канализационного хозяйства.

11. Для обсуждения итогов работы в I квартале и плана развития городского хозяйства во II квартале 1942 года созвать 24 апреля совещание актива работников городского хозяйства. <...>

№ 55

О бюджете Ленинграда на II квартал 1942 года

19 апреля 1942 года

Утвердить следующий проект решения исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся:

[Постановляющая часть. Извлечения]

Исполком Ленинградского совета депутатов трудящихся решает:

1. Представленный проект бюджета городским финансовым отделом исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся на II квартал 1942 года по доходам в сумме 83 876,0 тысяч рублей и расходам в сумме 236.724 тысяч рублей утвердить. <...>

3. Утвердить фонд зарплаты на II квартал 1942 года по городу Ленинграду за счет бюджетных средств в сумме — 61 646,0 тысяч рублей. <...>

5. Поставить в качестве важнейшей задачи перед заведующими отделами и начальниками Управлений исполкомов городского и районных Советов депутатов трудящихся, а также руководителей предприя-

тий и хозяйств поднятие рентабельности своей хозяйственной деятельности, проведение строжайшей бережливости в расходовании средств, резкое усиление поступлений налоговых платежей и обеспечение тем самым такого положения, чтобы бюджет г. Ленинграда не только не отвлекал средств из союзного бюджета, но и передавал средства союзному бюджету на финансирование ведения отечественной войны.

6. Предложить председателям исполкомов районных советов депутатов трудящихся обсудить вопрос на заседаниях исполкомов о состоянии работы по исполнению районных бюджетов и выполнению обязательств руководителями предприятий и хозяйств по платежам в союзный и местные бюджеты, наметив конкретные мероприятия и систематически контролируя этот участок работы в дальнейшем.

7. Обратить внимание председателей районных исполнительных комитетов на необходимость принятия немедленных мер к полному учету плательщиков военного налога, налога на одиноких и бездетных граждан, не работающих по найму, обеспечив крутой перелом в поступлении этих налогов.

В десятидневный срок произвести полный учет выморочного имущества, обеспечив его охрану и реализацию.

8. Обязать начальника жилищного управления и начальника управления «Водоканал» к 1 июня полностью ликвидировать имеющуюся задолженность по квартирной и арендной плате и по платежам за потребление воды.

9. Просить Совет Народных Комиссаров РСФСР:

а) ассигновать из республиканского бюджета на покрытие превышения расходов над доходами по бюджету Ленинграда на II квартал 1942 года 152 848,0 тысяч рублей;

б) разрешить повысить тариф за проезд в пассажирском трамвае в Ленинграде с 15 коп до 25 коп. <...>

№ 56

О возобновлении работы школ

19 апреля 1942 года

Утвердить следующий проект решения исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся:

О возобновлении работы школ.

<...>

1. Обязать городской отдел народного образования (т. Левина) возобновить с 3 мая 1942 года работу начальных, неполных средних и средних школ, охватив учебой всех детей школьного возраста. <...>

4. Обязать Ленглавресторан (т. Фельдман) организовать во всех школах для детей горячее питание.

5. Утвердить для школьных столовых следующий суточный рацион при двухразовом питании в школе:

Мясо	50 г	Овощи свежие	100 г
жиры	30 г	Мука пшеничная	20 г
крупы	100 г	Мука картофельная	10 г
сахар	30 г	Молоко соевое	50 г
чай	10 г в месяц		
кофе	50 г в месяц		
хлеб	300 г в день	для учащихся 1–4 классов	
хлеб	400 г в день	для учащихся 5–10 классов	

Установить, что все талоны продуктовых карточек учащихся школ (детских и иждивенцев) за исключением хлеба 100 г в день, масла 200 г в месяц и сахара 300 г в месяц, погашаются в школьных столовых.

6. Просить Военный совет Ленинградского фронта для обеспечения школьных столовых продуктами выделить из общих продовольственных фондов на месяц:

хлеба	105 тонн
мяса	75 тонн
сахара	48,5 т
жиров	59,5 т
крупы	142 т
муки пшеничной	45 т

7. Предложить горкому ВЛКСМ — т. Иванову:

а) обеспечить активную помощь комсомольских организаций органам народного образования в организации работы школ;

б) не позднее 5 мая 1942 года оформить школьные комсомольские и пионерские организации.

8. Разрешить городскому отделу народного образования возобновить работу Ленинградского дворца пионеров.

№ 57**Спецсообщение товарища Грушко о случаях хищения продуктов в торговой сети города**

19 апреля 1942 года

Тов. Кузнецов:

Отметить, что начальник управления продторгами исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся т. Коновалов не ведет должной борьбы с хищническими элементами в торговой сети города и до сих пор не уволил сомнительных людей.

Предупредить т. Коновалова, что если в ближайшее время им не будет наведен порядок в торговой сети, он будет привлечен к строгой ответственности.

№ 58**О проведении регистрации продовольственных карточек в апреле 1942 года**

19 апреля 1942 года

Постановление Ленинградского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б).

В целях пресечения имеющего место незаконного получения продовольственных карточек, исполком Ленинградского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Провести с 13 по 18-е апреля регистрацию продовольственных карточек. Регистрацию провести по месту получения карточек — по предприятиям для лиц, получающих их на предприятиях, по домоуправлениям для лиц, получающих их в домоуправлениях.

2. Обязать начальника Городского управления по учету и выдаче продовольственных карточек т. Стожилова и председателей исполкомов районных советов депутатов трудящихся:

а) при регистрации карточек потребовать от всех граждан документальных доказательств права на получение карточек; <...>

б) проверять по домоуправлениям правильность выдачи гражданам стандартных справок о количестве иждивенцев, <...> сверив количество иждивенцев по стандартным справкам с фактическим наличием их в домах;

в) проверять по предприятиям и учреждениям правильность выдачи карточек по категориям снабжения, а также сличить количество выданных карточек с фактическим наличием рабочих и служащих;

г) при выявлении неправильного получения карточек — излишне полученные карточки немедленно отбирать, а при неправильном определении категории снабжения заменять карточками другой категории, привлекая одновременно виновных к ответственности.

3. Обязать начальника Управления продторгами т. Коновалова, начальника Ленглавресторана т. Фельдмана и всех руководителей торг-организаций установить строгий контроль за тем, чтобы в магазинах и столовых продажа товаров производилась только по карточкам, прошедшим регистрацию.

4. Райкомам ВКП(б) взять под контроль выполнение настоящего постановления, мобилизовав для проведения регистрации продовольственных карточек и связанной с ней проверкой правильности выдачи карточек необходимое количество работников из состава партийного, советского и хозяйственного актива.

№ 59

Об обеспечении населения города Ленинграда витамином С

19 апреля 1942 года

Постановление Ленинградского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б):

В целях ликвидации случаев цинготных заболеваний среди населения г. Ленинграда, а также предупреждения дальнейшего распространения этих заболеваний исполком Ленинградского совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) постановляют:

1. Обязать заведующего Ленгорздравотделом т. Никитского ввести для лечения цинготных больных в больницах города и стационарах для ослабленных выдачу витамина С из хвои на каждого больного на срок 15 дней до 8 человекодоз в сутки. Больным нецинготным проводить профилактическую выдачу витамина С из расчета одной человекодозы на больного в день.

2. Начальнику Главного управления ресторанов столовых и кафе т. Фельдману организовать во всех столовых изготовление витамина С из хвои для обеспечения всех граждан, прикрепленным к столовым, из расчета годной человекодозы на одного человека в день с 15 апреля по 1 мая 1942 года.

3. Обязать директора Лензаготплодоовощ т. Пржевальского обеспечить заготовку и завоз в г. Ленинград хвойных лапок для производства хвойного настоя в количестве 32 тонн ежедневно, в том числе для перерабатывающих заводов и Левглавресторана — 25 т, Ленгорздравотделу — 2 т, Аптекауправлению — 5.

№ 60**О работе и подготовке холодильников к эксплуатации
в весенне-летний период**

19 апреля 1942 года

1. Обязать директоров холодильников <...>

а) принять меры к полной сохранности в количественном и качественном отношении скоропортящихся грузов, поступающих на хранение в холодильники;

б) подготовить холодильники к нормальной эксплуатации в весенне-летний период;

в) обеспечить холодильники необходимыми вполне пригодными к эксплуатации противопожарными средствами и инвентарем;

г) укомплектовать и укрепить состав кладовщиков и пожарно-сторожевые команды.

2. Обязать т. Карася (Ленэнерго) обеспечить круглосуточную бесперебойную подачу электроэнергии. <...>

3. Обязать уполномоченного Госплана СССР <...> выделить на апрель 1942 года <...> угля.

4. Обязать управление «Водоканал» исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся привести в эксплуатационное состояние водопроводную сеть, питающую холодильники <...>

5. Обязать директоров холодильников № 4 и № 5 установить на холодильники электроблокстанции.

6. Обязать Ленинградское территориальное управление Госматериалрезервов в течение трех дней передать холодильникам № 5 и № 6 электрогенераторы и дизеля из числа выявленных неэксплуатируемых на предприятиях.

7. Обязать управление НКВД по ЛО (т. Кубаткин) ввести на холодильниках № 4, № 6 и хладокомбинате охрану в порядке ведомственной милиции.

8. Подачу электроэнергии холодильникам Гастронома, Тамбовскому и Черниговскому произвести за счет лимитов кирпичного завода № 1 и завода им. Ворошилова НКЦМ, утвержденных постановлением ГК ВКП(б) от 9 апреля 1942 года.

№ 61**Об обеспечении трудящихся Ленинграда в весенне-летний период безалкогольными напитками***19 апреля 1942 года*

1. Обязать директоров предприятий «Красная Бавария», Степана Разина, «Вена», завод фруктовых вод, Управление продторгами и Ленглавресторан обеспечить выпуск безалкогольных напитков в количестве и сроки согласно приложению № 1.

2. Обязать Ленгорздравотдел в течение пятидневного срока передать Полюстровский завод минерального источника в систему Ленглавресторана.

3. Обязать начальника Ленглавресторана т. Фельдмана:

а) Обеспечить с 17 апреля 1942 года пуск в эксплуатацию завода с ежесуточной выработкой 45 тыс. бутылок;

б) Представить в течение декадного срока в Ленгорплан свои соображения в части увеличения выпуска вод с использованием всего дебета скважины.

4. Установить заводу жидкой углекислоты (директор т. Малашенков) план выпуска жидкой углекислоты 90 тонн в месяц.

5. Обязать руководителей торгорганизаций и директоров пивоваренных заводов организовать продажу безалкогольных напитков населению в магазинах, столовых, буфетах, ларьках и стационарных сатураторных установках согласно приложению № 2.

6. Обязать Ленглавресторан (начальник т. Фельдман) и завод фруктовых вод (директор Лукашин) обеспечить горячие цеха стационарными сатураторными установками.

7. Обязать руководителей торгорганизаций открыть дополнительно 100 чайных в районах города в сроки согласно приложению № 3.

8. Управляющему Ленэнерго (т. Карась) обеспечить снабжение электроэнергией:

а) завод «Красная Бавария» — 500 квт в сутки;

б) завод «Вена» — 300 квт в сутки.

Докладная записка о состоянии трудовой дисциплины и революционной бдительности на предприятиях Ленинграда

15 февраля 1942 года

Секретарям Ленинградского горкома ВКП(б)
тов. Кузнецову А. А. тов. Капустину Я. Ф.

<...>

Произведенной отделом кадров горкома ВКП(б) проверкой состояния трудовой дисциплины и революционной бдительности на заводах № 4 НКБ; 189 НКСП; «Русский дизель» им. Энгельса; прядильно-ниточного комбината им. Кирова и 5-й ГЭС установлено, что хозяйственные и партийные руководители указанных предприятий уделяют этим важным вопросам совершенно недостаточное внимание. Особенно резко это проявилось в декабре месяце 1941 года, когда большинство предприятий были ограничены или вовсе лишены снабжения электроэнергией и работа на основных заказах была резко сокращена и совершенно прекращена.

Создалось такое положение, что на работу перестали являться более половины состава работающих, существовавший порядок табельного учета нарушился, выяснение причин неявки почти не проводилось.

На этих предприятиях до настоящего времени не могут точно установить наличие работающих, так как учет явки и выяснение причин неявки оказались запущенными до такого состояния, что количество неявившихся по «неизвестным причинам» стало выражаться в сотнях и даже тысячах человек и проведение этой работы оказалось связано с огромными трудностями.

На всех обследованных заводах и рабочие и служащие, руководящий состав являются на работу с большими опозданиями и большинство из них уходит с предприятий после посещения столовых, так как порядок освобождения рабочих по личным причинам не соблюдается. В связи с невозможностью выполнения основных производственных заданий, использование способных к труду рабочих на общественно-полезной работе проводится очень ограниченно, с большими трудностями и в большинстве случаев не по инициативе работников предприятий, а по требованию вышестоящих организаций.

Не только рабочие, но и часть руководящих работников цехов и отделов предприятий до крайности опустились, ходят грязные, небритые и своим поведением наводят уныние на окружающих.

Места общего пользования и на предприятиях и в общежитиях, в связи с подачей воды, оказались в крайне запущенном состоянии.

При таком положении резко упала и революционная бдительность. Пройти на предприятие не составляет большого труда, так как часть личного состава охраны предприятий халатно относится к выполнению своих обязанностей. На территории завода № 189 имели место случаи, когда рабочие проходили на территорию завода не через проходные кабинки, а просто через забор, а в дежурных проходных кабинках на пригодность пропусков не обращают внимание. По образцам пропусков, которые оказались оставленными на бывшем посту при входе на спецобъекты, можно было свободно проходить на территорию завода. А для прохода на территорию и в здание 5-й ГЭС оказалось достаточным предъявить к разовому пропуску старую трамвайную карточку. Охрана цехов внутри предприятий совершенно отсутствует, в самих цехах темно, холодно, противопожарные средства, кроме индивидуальных, не работают, и в связи с этим проникновение в цеха и проведение там диверсионной работы почти неограниченно.

В связи с ослаблением революционной бдительности имеют место случаи расхищения социалистической собственности. На заводе № 189 у заподозренного в краже кожи конюха Степанова при обыске дома обнаружено большое количество овса, отрубей, сахара и других продуктов и свыше 6000 руб. На этом же заводе задержан рабочий, пытавшийся вынести украденное им хозяйственное мыло, весом около 20 кг.

На заводе № 4 в течение декабря месяца 1941 года зафиксировано 10 краж.

На заводе «Русский дизель» был пойман с поличным рабочий, взломавший продовольственный склад столовой и т. д.

Особое внимание заслуживает вопрос сохранения кадров предприятий.

Руководители предприятий понимают, что в нынешних условиях выполнение этой задачи является их первой обязанностью. И несмотря на это до настоящего времени ими в этом направлении существенного что-либо сделано очень мало, даже с кадрами ведущих профессий.

Все это получается потому, что большинство из этих руководителей видят выход из создавшихся трудностей только в улучшении питания, материального и энергоснабжения, игнорируя при этом использование внутренних возможностей улучшения работы столовых, обеспечения работы душевых, прачечных, парикмахерских, снабжения кипятком и организации санитарной обработки; приведения в надле-

жащий вид мест общего пользования и выполнения других общественно-полезных работ.

На комбинате им. Кирова, например, даже прекращено проведение мероприятий по борьбе со вшивостью по мотивам недостатка и загруженности врачей, в то время, когда эту работу вполне можно проводить с помощью сандружины. А для организации санобработки рабочих директор комбината не нашел ничего лучшего, как просить райсовет разрешить ему сломать на дрова дом или колхозный рынок и таким образом запустить в эксплуатацию Смольнинские бани.

Явно недостаточно привлекается к этой работе профсоюзный и комсомольский актив.

Указанные недостатки в работе хозяйственных руководителей и партийных организаций имеют место не только на обследованных предприятиях.

Зам. зав. отделом кадров горкома ВКП(б) (Чирятев)¹

Протоколы заседаний Продовольственной комиссии ВС Ленинградского фронта

Протокол № 1 заседания продовольственной комиссии от 15 января 1942 года

Присутствовали: Кузнецов А. А., Попков П. С., Павлов Д. В.

Слушали: Разбор заявлений об увеличении продовольственного пайка.

Постановили:

1. Работников Ленинградской телефонной сети ведущих квалификаций: кабельщиков, канализаторщиков, установщиков и участковых монтеров в количестве 250 человек приравнять к оборонным предприятиям, то есть с вырезкой 50% по крупе и мясу, с 17 января.

2. Разрешить городскому управлению по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек выдать продуктовые и рабочие карточки:

а) руководящим работникам Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в количестве 22 человек; <...>

б) разрешить выдать продуктовую рабочую карточку главному инженеру конторы Главнефтьсбыта;

¹ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Ч. II. Ед. хр. 5765. Л. 2-5.

в) разрешить выдать рабочую продуктовую карточку директорам головных институтов ленинградской части Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина:

Кириялову Д. Н. — директору института микробиологии, Сазонову — директору Всесоюзного института защиты растений, Вирс — директору базы Всесоюзного института растениеводства, Норкиной С. П. — директору агропочвенного института и уполномоченному президиума Академии наук проф. Презент;

г) разрешить выдать рабочие продовольственные карточки руководящим работникам горфинотдела в количестве 12 человек; <...>

д) выдать рабочие продовольственные карточки в количестве 50 штук работникам конструкторского бюро судостроительной промышленности завода им. С. Орджоникидзе (персональный список, кому подлежит к выдаче рабочая карточка взамен служащей, прилагается);

е) выдать продуктовые рабочие карточки артистам балета театра «Музкомедия» в количестве 17 чел., артистам хора в количестве 25 человек и концертмейстерам оркестра в количестве 5 человек.

3. Предложить тов. Фельдману (Ленглавресторан) улучшить качество питания на городских водопроводных станциях.

Ввиду особой важности сохранения рабочей технической силы водопроводного хозяйства города, приравнять 530 человек рабочих водопроводного хозяйства города к оборонным предприятиям, с вырезкой талонов 50% по мясу и крупе.

Заявление студентов Ленинградского сельскохозяйственного института направить начальнику Ленглавресторана т. Фельдману при желании студентов взять их на котловое довольствие.

4. Предложить городскому отделу торговли — т. Андреенку — организовать питание работников автоколонны Ленсовета по фактическому контингенту, но не более 200 человек по нормам питания, установленным для военной дороги.

5. Тов. Андреенку не позднее 17 января 1942 года открыть один специальный магазин, из которого отпускать продукты для членов Академии наук СССР и других лиц, могущих быть приравненными по своей значимости к академикам.

Лица, получающие продукты из этого магазина, устанавливаются продовольственной комиссией.

Тов. Андреенку подобрать проверенный аппарат по обслуживанию указанного контингента и наладить строжайший контроль за отпуском продовольствия из этого магазина.

6. Установить месячную норму выдачи на прикрепленное лицо к специальному магазину: муки — 2 кг, крупы — 3 кг, жиров — 0,5 кг,

мяса — 2 кг, сахара — 1 кг, кроме продовольственных карточек, получаемых по месту работы в общем порядке.

Разрешить отделу торговли Ленгорисполкома прикрепить к специальному магазину следующих ученых Ленинградского государственного университета:

Дейнека	Немилов А. В.
Жуков И. И.	Ковалев С. И.
Евгеньев-Максимов В. Е.	Кровец Т. П.
Кузнецов С. С.	Молок А. И.
Фриш С. Ф.	Козин С. А.
Колесников С. В.	Чувановский Ю. М.
Броун А. С.	Эйхенбаум Б. М.
Мавродин С. С.	Розенфельд В. С.
Розе Н. В.	Янишевский М. Е.
Азодовский М. К.	Вознесенский А. А.

Заслуженного деятеля науки, члена-корреспондента Академии наук проф. П. П. Петрова.

Членов Всесоюзного географического общества:

Семенова-Тяньшанского А. П.	Колесник С. В.
Семенова-Тяньшанского В. П.	Римского-Корсакова М. Н.
Ильинского А. П.	Андреева А. И.
Шокальскую З. Ю.	Штейн В. М.

7. В просьбе зам. наркома судостроительной промышленности тов. Самарина о выдаче конструкторам завода № 231 рабочих продуктовых карточек — отказать.

8. В просьбе зам. председателя Ленинградского областного совета депутатов трудящихся тов. Семина об увеличении дневного лимита расхода и увеличении норм выдачи хлеба населению Сестрорецка и Ораниенбаума — отказать.

9. В просьбе уполномоченного Наркомпути Ленфронта Колпакова об отпуске льготных талонов для сотрудников проектно-исследовательской конторы НКПС — отказать.

10. В просьбе государственного проектно-монтажного треста № 5 о предоставлении льготного питания сотрудникам треста — отказать.

11. В просьбе начальника управления Наркомюста о выдаче судебным исполнителям и работникам спецучастков продкарточек 1-й категории — отказать.

12. В просьбе зам. председателя Военного трибунала Ленинградских железных дорог о выдаче дополнительных продуктов — отказать.

13. В просьбе уполномоченного Наркомпути Ленфронта т. Колпакова о переводе всех спецформирований на продовольственное снабжение по норме № 1 приказа по войскам Ленфронта от 2 октября 1941 года — отказать.

14. В просьбе Главного военно-строительного управления о предоставлении льготного питания рабочим-строителям — отказать.

15. Просьбу учителей и директоров школ о выдаче им продовольственных рабочих карточек рассмотреть 25 января.

16. В просьбе управляющего Ленкомбинатом о выдаче карточек первой категории работникам банка — отказать.

Члены продовольственной комиссии:

Кузнецов А. А.

Попков П. С.¹

Протокол № 2 заседания продовольственной комиссии 27 января 1942 года

Присутствовали: т.т. Попков, Лазутин

Слушали: Разбор заявлений об увеличении продовольственного пайка.

Постановили:

1. Разрешить Главному управлению ленинградских столовых, ресторанов и кафе отпуск обедов без вырезки талонов из продовольственных карточек, за исключением хлеба:

а) 20 кочегарам и 24 зольщикам завода «Севкабель» с 1 февраля 1942 года;

б) рабочим и ИТР завода им. Свердлова в количестве 100 человек с 1 февраля 1942 года;

в) рабочим типографии издательства «Правда» — 10 человек, им. Володарского — 93 человека, № 2 Лениздата — 36 человек, с 1 февраля 1942 года;

г) работникам кабельной сети Ленэнерго т.т. Любушкину (зам. главного инженера), Полюшкову (зам. директора), Безлатному (нач. Южного района), Шлякову (нач. Северного района), Самсонову (нач. Володарского района), Румянцеву (нач. Западного района), Журавлеву В. Т. (нач. 35 кв. района), Сорину (нач. Островного района), Бадыгину (нач. Восточного района).

¹ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 1-3.

2. Разрешить Ленглавресторану приравнять строителей, находящихся на котловом довольствии, к нормам питания, установленным Постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 11 января 1942 фронта для команд МПВО: УКБС — 1800 человек, УЖС — 2000 чел., управлению «Водоканал» — 284 человек, тресту Лендорстрой — 240 человек, конторе Ленмостострой — 250 человек.

3. Разрешить Городскому управлению по учету и выдаче продовольственных карточек при исполкоме Ленгорсовета выдавать продовольственные карточки по группе рабочих:

а) работникам отдела торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся в количестве 30 человек;

б) доцентам и кандидатам наук Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта;

в) студентам — персональным стипендиатам имени Сталина;

г) пенсионеру-врачу Пасек Т. П. (ул. Рубинштейна 23, кв. <...>);

д) литератору Комаровичу В. Л. (Жировский пр. 9, кв. <...>) и врачу Комаровичу Л. Л. (ул. Желябова 2, кв. <...>);

е) инженерно-техническим работникам конструкторского и технологического бюро завода № 103 т.т. Копелиович М. С. (зам. главного технолога), Смирнову П. И. (зам. директора завода № 103), Хрулеву (нач. инструментального бюро), т. Люкс (нач. бюро приспособлений), Курленкову, Говорову, Петровой, Мухину, Петрову (инженерам-конструкторам).

4. Предложить Горздравотделу поместить в городской стационар литератора Комаровича В. Л. и врача Комаровича Л. Л.

5. Предложить тов. Смирнову (Ленинградская городская эвакомиссия) эвакуировать литератора Комаровича В. Л. и врача Комаровича Л. Л.

6. Разрешить отделу торговли исполкома Ленгорсовета прикрепить к специальному магазину т. Залуцкого Л. В. — доктора технических наук, профессора ВНИИМА.

7. В просьбе директора Ленинградской городской розничной конторы «Союзпечать» о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих начальникам районных отделений, вокзальных агентств, инструкторам и экспедиторам — отказать.

8. Вторичную просьбу уполномоченного НКПС тов. Колпакова о переводе всех спецформирований железнодорожного транспорта на продовольственное снабжение по нормам приказа № 1 от 2 октября 1941 г. Ленфронта — отклонить.

9. Отказать в просьбе зам. наркома цветной металлургии СССР т. Орловскому Б. о выдаче продовольственных карточек по группе рабо-

чих заместителю директора завода «Красный Выборжец» Кац, пом. директора завода т. Малеву и нач. военного отдела Попову.

10. Отказать в просьбе начальнику политотдела Октябрьской ж. д. тов. Лабут о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих инструкторам-организаторам дорожной газеты «Сталинец».

11. Отказать в просьбе редактору газеты «Смена» т. Блатину о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих литературным работникам газеты «Смена».

12. Отказать в просьбе секретарю ОК ВКП(б) по целлюлозно-бумажной промышленности т. Егорову о выдаче работникам Центрального научно-исследовательского института бумажной промышленности СССР продовольственных карточек по группе рабочих.

13. Отказать в просьбе председателю исполкома Октябрьского райсовета депутатов трудящихся т. Бубнову о приравнивании по питанию рабочих аварийно-восстановительных отрядов формированиям МПВО.

14. Отказать в просьбе управляющего Монетным двором о выдаче разовых продпайков рабочим Монетного Двора и их семьям, а также в установлении льготного питания.

15. Просьбу директора Ленинградской радиодирекции тов. Тарасова рассмотреть по представлении им персонального списка работников.

16. Разрешить отделу торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся выделить полтонны овощей Государственному онкологическому институту для питания раковых больных.

Попков
Лазутин¹

**Протокол № <...> заседания продовольственной комиссии
Военного совета Ленинградского фронта от <...> декабря 1942 года**

Секретно

Присутствовали: т.т. Кузнецов А. А., Соловьев Н. В., Попков П. С., Лазутин П. Г.
Слушали: разбор заявлений.

Постановили:

1. Вторично в просьбе командующего войсками внутренней обороны г. Ленинграда генерал-майора Попова о выдаче продоволь-

¹ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 57-60.

ственных карточек по группе рабочих и ИТР вольнонаемным зав. дело-производством и машинисткам — отказать.

2. В просьбе директора совхоза № 5 свинтреста Ленглавресторана т. Кормышина о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР работникам охраны совхоза — отказать.

3. В просьбе начальника Управления домами Ленинградского гарнизона т. Куропаткина о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР управляющим домами Лен. гарнизона — отказать.

4. В просьбе коменданта Смольного т. Захарова о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР т.т. Федоровой, Темкиной, Сизовой, Белоусовой — отказать.

5. В просьбе начальника Управления издательств и полиграфии т. Грушко о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР издательским корректорам и техническим редакторам — отказать.

6. В просьбе начальника Интендантского управления Ленинградского фронта полковника Евтеева о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР вольнонаемному инженерно-техническому составу КЭО ИУ Ленфронта — отказать.

7. В просьбе начальника театрально-музыкального отдела Управления по делам искусств т. Лев: о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР т. Томашевич А. С. — отказать.

8. В просьбе начальника политотдела совхоза «Верный путь» т. Степанова о выдаче столовых карточек на дополнительное питание для руководящего состава совхоза в количестве 26 человек — отказать.

9. В просьбе директора электротехникума связи т. Винокуровой о выдаче столовых карточек на дополнительном питании для преподавательского состава техникума — отказать.

10. В просьбе врид зав. Горздравотделом т. Никифорова о выдаче столовых карточек на дополнительное питание для медицинских работников в количестве 2023 человек — отказать.

11. В просьбе зав. Военным отделом Ленинградского горкома ВКП(б) т. Павлова о приравнивании личного состава санитарно-эпидемиологических отрядов РОКК к нормам питания личного состава команд МПВО — отказать.

12. В просьбе директора совхоза «Красный Октябрь» т. Саркисяна о распространении норм питания торфяников и лесорубов на рабочих совхоза — отказать.

13. В просьбе пом. нач. УОС 29 интенданта 1-го ранга т. Ильвес о переводе личного состава вольнонаемных рабочих и служащих 29 УОС ЛФ, 107, 108 и 134 УВСП ЛФ на снабжение продовольствием по нормам военизированной пожарной охраны — отказать.

14. В просьбе директора завода «Красногвардеец» т. Будагова о выдаче дополнительных карточек по нормам горячих цехов — рабочим термического цеха — отказать.

15. В просьбе директора завода им. Серго Орджоникидзе т. Боженко о распространении на 50 человек рабочих норм питания красноармейского краснофлотского тылового пайка — отказать.

16. В просьбе директора завода им. А. А. Жданова т. Волкова об отпуске некоторых продовольственных товаров без погашения талонов из продовольственных карточек на 40 человек, получивших правительственные награды, — отказать.

17. В просьбе преподавателей физкультуры (коллективное заявление, 40 подписей) о приравнивании норм питания физруков к нормам команд МПВО — отказать.

18. В просьбе уполномоченного Всесоюзной торговой палаты по Ленинградскому отделению тов. Мальцевой о прикреплении на питание к столовой (бывший ресторан «Северный») 6 человек специалистов — отказать.

19. В просьбе председателя заводского комитета трижды орденоносного Кировского завода т. Потюкова о выдаче столовых карточек на дополнительное питание профработникам завкома — отказать.

20. В просьбе председателя Выборгского райисполкома депутатов трудящихся т. Тихонова о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР инструкторам исполкома и референту председателя райисполкома — разрешить.

21. В просьбе директора Гос. музея этнографии т. Быковской о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР коллективу работников музея — отказать.

22. В просьбе инструкторов Володарского райисполкома т.т. Егоровой и Романовой о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР — отказать.

23. В просьбе зам. управляющего «Ленэнерго» т. Добрушина об отпуске 200 литров водки для выдачи рабочим 1-й электростанции — отказать.

24. Разрешить Управлению по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек по г. Ленинграду выдать продовольственные карточки по группе рабочих и ИТР:

а) управляющему конторой снабжения ГорОНО;

б) руководящим работникам ленинградского треста Леспромтрест т.т. Ершову, Гольдберг, Михайлову, Пучковой, Смирнову, Кособрюхову;

в) т. Ивановой А. В. — начальнику материального учета и отчетности товарных остатков цветных металлов Ленинградской конторы Главцветмета;

г) конструкторам-кораблестроителям — 8 человек — вольнонаемному составу НТК ВМФ;

д) т. Ивенскому М. В. — управляющему ленинградской конторой Главснаба НКТ СССР;

е) т. Владимировой О. П. — старшему референту Лен. обл. прокуратуры (в виде исключения);

ж) инспекторам ЛОК Заготзерно — 9 человек;

з) редакторам фабрично-заводских и политотдельских многотиражных газет;

и) инспекторам по качеству Лен. управления государственной инспекции при Наркомзаге СССР;

к) заводу № 209 им. Кулакова — 13 человек, специалистам конструкторского бюро;

л) Управлению по делам искусств исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся на 20 человек директоров действующих кинотеатров;

25. Разрешить Управлению по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек по г. Ленинграду выдать дополнительные карточки по нормам горячих цехов:

а) заводу № 181 на 14 человек;

б) заводу «Металлист-кооператор» для травильщиков, обжигальщиков, лудильщиков и штамповщиков;

в) фабрике «Граммфон» — 10 отжигальщикам, 2 калильщикам и 1 кузнецу.

26. Разрешить отделу торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся произвести разовый отпуск:

а) начальнику Октябрьской железной дороги т. Саламбекову 500 литров водки 40 гр. для рабочих, занятых на разгрузке и погрузке дров и разделки их на складах;

б) фармацевтическому заводу № 1 картофельного крахмала 150 кг для производства лечебных таблеток;

в) заводу № 349 им. ОГПУ технической соли 200 кг.

27. Разрешить отделу торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся с декабря месяца 1942 года произвести выдачу академического пайка:

а) г-ну Анвельт Н. Я., изобретателю-конструктору «Северного комбайна»;

б) г-ну Владимирову И. А., художнику-баталисту.

28. Разрешить отделу торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся произвести выдачу из подарочного фонда работникам театра Музыкальной комедии: драматургу т. Крону, художнику т. Вишневецкой, композиторам т.т. Минху и Круцу в размере 50% нормы продовольственной карточки по группе рабочих и ИТР.

29. Разрешить Ленинградскому мясокомбинату им. С. М. Кирова расходование имеющихся в наличии на комбинате полуфабрикатов (говяжьих, бараньих и свиные черепа) для колбасного производства — на фарш.

30. Разрешить отделу торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся произвести выдачу в январе месяце 1943 г. заводу им. Казицкого сахара три килограмма для производственных нужд.

31. В просьбе зам. зав. Ленгорздравотделом т. Захарьева о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих и ИТР пом. главных врачей по адм. хоз. части лечучреждений — отказать.

32. В просьбе гр-ки Марасаевой — главного бухгалтера Института советской торговли о выдаче столовой карточки на дополнительное питание — отказать.

33. В просьбе начальника ЛО ЦНИИ-45 инженер-подполковника т. Шапиро о выдаче 20 продовольственных карточек — отказать.

34. В просьбе директора ЛФТИ профессора доктора т. Кобеко о выдаче столовых карточек для 7 человек специалистов на дополнительное питание — отказать.

35. В просьбе и. о. директора Института инженеров водного транспорта — о выдаче столовых карточек на дополнительное питание — отказать.

36. В просьбе управляющего ЛО Ювелирторга т. Аверьяновой о выдаче столовых карточек на дополнительное питание для директоров и их заместителей в количестве 7 человек — отказать.

37. В просьбе зам. начальника Балтехфлота т. Полушина о приравнивании 125 человек работников судов к нормам питания личного состава пожарных команд — отказать.

38. В просьбе директора типографии им. Володарского тов. Фридлянда о выдаче специальных обеденных карточек для рабочих вновь организуемого цеха — отказать.

39. В просьбе начальника инспекции пробирного надзора т. Королева о выдаче столовых карточек на дополнительное питание — отказать.

[Подписи]¹

¹ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 38. Л. 1-3.

О СНАБЖЕНИИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Фрагменты служебной переписки

г. Череповец

Уважаемый Иван Андреевич!

Зная всю Вашу занятость, я все же вынужден обратиться к Вам с этим письмом и убедительно прошу Вас мне на него ответить.

15 октября я вместе с Белявским выехал из Ярославля, с тем, чтобы попасть в Ленинград.

Белявский меня заверил, что можно легко проехать самолетом, он тоже хотел вместе со мной лететь на самолете, но получилось на деле совсем не так.

Я хочу, чтобы Вы ответили мне на один вопрос — что мне делать дальше?

Остаться в Ярославле нет никакого смысла по следующим причинам.

Как Вы увидите из прилагаемой докладной записки на имя т. Шорина, фондов для эвакуированных на IV кв. не выделено, и, кроме хлеба, они в централизованном порядке ничего получать не будут, поэтому контролировать нечего. На мой протест Наркомторг дополнительно выделил мяса, колбасных изделий и макарон, но этого недостаточно даже для интернатов.

В Ярославле есть уполномоченный Ленгорисполкома Григорьев, с 1-го октября с. г. ему утвердили постоянную должность помощника уполномоченного по снабжению эвакуированных. На эту должность назначен Вавилов — бывший зав. Октябрьским райторготделом, с этой работой он вполне справится, а быть в Ярославле и мне совершенно не нужно. Уезжая из Ярославля, я все свои дела передал Вавилову.

3. Приехавший в Галич Аболимов заявил мне, что по распоряжению тов. Андрееенко я должен на постоянной работе находиться в Галиче, я на это не согласился, т. к. Галичем я занимался и раньше больше других районов, а остаться там на постоянную работу, не имея от Вас указания, я не мог.

4. Для того чтобы использовать местные ресурсы, нужно выезжать в районы, а я этой возможности был лишен, т. к. Стожилов в сентябре месяце мне выслал только зарплату, а командировочных, как Вы писали мне в телеграмме, он не прислал, в результате <...> вынудил меня продать последний костюм.

Я выехал из Ленинграда в летней одежде, и теперь буквально замерзаю, простудился, а на приобретение теплой одежды нет денег.

В силу изложенных обстоятельств я решил, что дальнейшее мое пребывание в Ярославле будет бесцельным, а отсиживаться без дела я не могу и поэтому я выехал в Ленинград. Приехав в Вологду вместе с Белявским, я встретил зав. Облторготделом т. Осипова и зам. председателя Ленгорисполкома т. Федотову. Я надеялся, что они мне помогут попасть на самолет, а оказывается обратное.

Как Осипов, так и т. Федорова в один голос заявляют, что в Ленинграде как мне, так и Беляевскому делать нечего, что мы в Ленинграде будем лишь нахлебниками и что на самолеты есть для Ленинграда более ценный груз, чем мы с Беляевским.

Тов. Федорова предложила мне выехать в гор. Череповец по вопросу отгрузки муки. Я, конечно, это предложение принял и выполняю, т. к. рад хоть чем-нибудь быть полезным Ленинграду.

Сейчас я нахожусь в Череповце, числу к 25 я здесь все закончу и поэтому убедительно прошу Вас срочно телеграфом дать мне ответ. Что делать дальше?

В сентябре месяце с 13 по 19 я был в Москве в Наркомторге, разговаривал с зам. наркома т.т. Стоколовым, Шориным и Скворцовым, они мне предложили устроиться на работу в одной из областей, но устроиться на работу без Вашего разрешения, хотя и по указанию Наркомата торговли, я не смею.

Иван Андреевич! Я прошу Вас о следующем:

1) Обязать Стожилова выслать по телеграфу мне зарплату с 15 сентября, т. к. я сижу без денег и уже 350 руб. занял, в том числе 100 руб. у Федоровой, кроме того, за это время мне причитается около 800 руб. командировочных, которые он упорно не высылает, прошу его заставить выслать их, а отчитаться, я отчитаюсь полностью, пусть он не беспокоится. А то из-за скупости Стожилова у меня семья в Галиче тоже без копейки дома сидит, а продавать мне нечего.

2) Прошу сообщить телеграфом мне Ваше указание, что делать дальше, так как в Ярославле мне делать нечего.

Я прошу или помочь самолетом из Вологды проехать в Ленинград, если там я нужен, или дать разрешение устроиться на работу по указанию наркомторга.

Я здесь встал (в г. Ярославле) на военный учет, просился, чтобы меня взяли в армию, но меня не берут.

11 октября я заезжал в Галич. 12 октября вместе с Аболиным заходил к Вашей семье. Они все были здоровы и собирались 15 октября выехать в Томск. Аболимов хотел ехать с ними до Молотова.

Иван Андреевич! Ответ и деньги прошу выслать по адресу г. Вологда, до востребования. Я из Череповца проследую опять в Вологду и буду там 25 октября 1941 г.

Искренне уважающий Вас Макаров¹
19/Х-41 г.

Прилагаю для сведения копию моих докладных записок.

**Заместителю народного комиссара торговли Союза ССР
товарищу Шорину Г. Ф.**

Копия

В сентябре месяце мною был поставлен вопрос о необходимости при планировании фондов для Ярославской области выделить отдельно фонд как промышленных, так и продовольственных товаров для эвакуированного населения. На что было получено Ваше согласие. Зам. начальника отдела продовольственных товаров Наркомторга СССР заверил меня, что Облторготделу будет сообщен общий фонд на квартал с указанием «в том числе для эвакуированных». Несмотря на это в полученном Облторготделом сообщении Наркомторгом указан общий фонд без выделения фонда для эвакуированных.

В результате этого Облторготдел, ссылаясь на снижение фондов в сравнении с III кв., выделить продукты для снабжения эвакуированного взрослого населения и проживающих с ним детей совершенно отказался, а фонды для детей, находящихся в интернатах, сократил по сравнению с III кв. на 65%; так, например:

	Норма для детей в III кв. в месяц в граммах	Норма для детей в IV кв. в месяц в граммах
1. Мясо	1200	336
2. Рыба	820	300
3. Жиры	650	160
4. Сахар	800	250
5. Крупы и макароны	1200	400
6. Сыр	225	80

Кроме того, совершенно не отпускаются даже для детей ясельного возраста яйцо и молоко, и сделано предупреждение, что сахар отоварен не будет.

¹ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 7-10об.

В Ярославской области по состоянию на 27 сентября с. г. проживает 156 тыс. чел. эвакуированных, в том числе 102,5 тысяч из Ленинграда и 22 тысячи из Москвы.

Из указанного количества 90 тыс. чел. составляют дети, из которых 48 тысяч проживает в интернатах и 42 тыс. с матерями. Отказывать в снабжении эвакуированных женщин и детей, отцы которых в своем большинстве являются участниками героической защиты Ленинграда, мог, видимо, только Ярославский облторготдел, т. к. в телеграмме Наркомторга ясно говорится, что эвакуированное население подлежит первоочередному снабжению.

Считая действия Ярославского облторготдела в корне неправильными, прошу Вас о следующем:

1. Пересмотреть выделенные для Ярославской области фонды как недостаточные.

2. Исходя из указанного выше контингента, выделить из общего фонда как на октябрь месяц, так и на весь IV кв., фонд для снабжения эвакуированных.

3. Учитывая имеющийся острый недостаток овощей — обязать Облторготдел сохранить нормы снабжения продтоварами детей интернатов, существовавшие в III кв., как минимальные.

4. Сообщите, по каким нормам должно снабжаться взрослое эвакуированное население, а также дети, проживающие с матерями.

6/X-41 г.

Уполномоченный Ленгорисполкома
по снабжению эвакуированных
Макаров¹

**Заместителю народного комиссара торговли Союза ССР
товарищу Шорину Г. Ф.**

Копия

В III квартале с. г. сверху фондов, выделенных НКТ СССР для снабжения женщин и детей, эвакуированных из г. Ленинграда и проживающих в Ярославской области, был выделен особый фонд для снабжения Ленинградского спецконтингента, проживающего в гор. Галиче Ярославской области.

Считая крайне необходимым сохранить существовавшее в ___ квартале снабжение спецконтингента, проживающего в гор. Галиче,

¹ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 7-10об.

прошу Вашего указания о выделении особого фонда продуктов для Галичской конторы Облторга в следующих размерах:

1. Рыба	15 т
2. Сельдь	6 т
3. Масло животное	8 т
4. Масло растительное	5 т
5. Мясо	5 т
6. Сыр	5 т
7. Крупы	15 т
8. Макароны	5 т
9. Сахар и конд. изделия	8 т
10. Яйцо	0,5 вагона
11. Чай	200 кг
12. Молоко	7 кг

Учитывая, что значительная часть указанного контингента нуждается в обуви, белье и зимней одежде, прошу также о выделении специального фонда по промтоварам.

Копию извещения о выделенных фондах прошу выслать мне по адресу: г. Ярославль, Облисполком, уполномоченному Ленгорисполкома Макарову.¹

¹ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 13об.

«ПРОШУ РАЗРЕШИТЬ...»**Обращения организаций и учреждений
о снабжении продовольствием****№ 1****О предоставлении дополнительной продуктовой карточки
нижеследующим группам медицинских работников**

1 декабря 1941 года

Ленинградский городской совет депутатов трудящихся
Исполнительный комитет
Отдел здравоохранения

Секретарю Ленинградского горкома ВКП(б)
тов. Кузнецову А. А.

В целях сохранения полной работоспособности в условиях зимнего времени, руководящего медсостава и наиболее ответственных участков, ходатайствую о предоставлении дополнительной продуктовой карточки нижеследующим группам медицинских работников:

1) Главврачам больниц и поликлиник, начальникам госпиталей и директорам институтов	260
2) Заместителям их по медицинской и хозяйственной части	267
3) Заведующим отделениями больниц, поликлиник и институтов	793
4) Врачам квартирной помощи	449
Врачам скорой помощи	75
5) Начальникам госсанинспекции районов и районным эпидемиологам	33
6) Участковым госсанинспекторам и участковым эпидемиологам	146
Всего:	2023

Врид зав. Горздравотделом¹ (Никифоров)

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 38. Л. 17.

№ 2**О получении карточек по норме рабочих
медицинскими работниками***13 декабря 1941 года*

Выборгский районный совет депутатов трудящихся
Исполнительный комитет
Государственная санитарная инспекция Выборгского района
г. Ленинграда

Председателю Исполкома Ленинградского городского
Совета депутатов трудящихся тов. Попкову

Секретарю горкома ВКП(б) тов. Кузнецову

Начальнику Горуправления по учету
и выдаче продуктовых карточек тов. Стожилову

Зав. Горздравотдела доктору Никитинскому

Согласно инструкции и разъяснению Горуправления по учету и выдаче продуктовых карточек на декабрь месяц 1941 года в отношении получения карточек по норме рабочих медицинским работникам совершенно выпала из поля зрения группа санитарных медицинских работников, а именно вся госсанинспекция.

По условию же своей работы за последнее время функции и состав инспекции значительно обновился [за счет сотрудников] из научно-исследовательских институтов, считающих более правильным использование их на практической работе. С ноября месяца на всю инспекцию возложена значительная часть эпидемиологической работы, в особенности в разрезе борьбы с педикулезом. Санитарные инспектора и их помощники сами осматривают на педикулез казармы, общежития, домохозяйства, эвакуационные пункты, ведут контроль за санитарным состоянием бомбо- и газозубежищ.

К этому следует отметить, что по условиям работы — работа госсанинспектора в основном ходячая и сопряжена с рядом неблагоприятных моментов, в особенности для промышленной группы, обследующей вредные цеха заводов.

Тем не менее эта группа совершенно не нашла отражение в списках лиц, получающих карточки по нормам рабочих, в то время как ряд медицинских профессий и квалификаций, находящихся в лучшем положении по условиям работы, приравнены к рабочим, научно-

исследовательские институты, теоретические лаборатории и кафедры или диагностические лаборатории, врачи здравпунктов, которые согласно приказу № 164 НКЗ СССР должны в основном выполнять профилактическую работу, выполняемую инспекцией.

На основании вышеизложенного просим пересмотреть данный вопрос в сторону включения госсанинспекторов (врачей) и пом. госсанинспекторов (лиц со средним медицинским образованием) в список лиц, получающих карточки по норме рабочих, приравняв к эпидемиологам и врачам здравпунктов. <...> В госсанинспекции Выборгского района всего имеется 8 госсанинспекторов — врачей и 13 помощников, медрботников со средним образованием.

Старшие госсанинспекторы (врачи)

Госсанинспекторы (врачи)

Помощники госсанинспекторов¹ [Всего 14 подписей]

№ 3

Об организации котлового довольствия для контингентов восстановительных поездов

18 декабря 1941 года

НКПС

Трест по торговле и столовым на Ленинградской
железной дороге «Трансторгпит»

Председателю исполкома т. Попкову

Секретарю Ленинградского горкома ВКП(б)
по железнодорожному транспорту тов. Лысенко

При Ленинградской железной дороге имеется контингент железнодорожников, который пользуется правом льготного питания и одновременно не имеет возможность быть постоянно прикрепленным к определенной столовой по характеру своей производственной деятельности, в частности восстановительные поезда-летучки, службы военно-восстановительной, пути, паровозной и связи¹¹.

Указанные поезда выезжают за пределы города для производства восстановительных работ, вследствие чего в течение дня горячего питания получить не могут.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 31–31об.

¹¹ Так в тексте. Вероятно имеется в виду: «...поезда военно-восстановительной службы, путевые машины и поезда связи».

Раньше эти контингенты обеспечивались через котловое довольствие и имеют у себя кухни и штат специальных работников.

С введением карточной системы указанные контингенты с котлового довольствия сняты и получают обеды в прикрепленной столовой на весь штат восстановительного поезда с раздачей непосредственно рабочим в поезде.

Вследствие частых непрерывных выездов на 5–10 км от прикрепленной столовой на несколько дней прикрепленные контингенты остаются без питания, а поэтому вызывается необходимость котлового питания в восстановительных поездах с выдачей продуктов и сохранением льготных условий, т. к. в столовой они пользуются правом льготного питания.

Учитывая, что указанный вопрос Ленторготделом не разрешен, просим Вас рассмотреть этот вопрос и разрешить организацию котлового довольствия для контингентов восстановительных поездов на нашей дороге с выдачей продуктов для котлового довольствия с сохранением льготных условий.

Зам. начальника Ленинградской железной дороги

Начальник треста Трансторгпит
Ленинградской железной дороги¹

№ 4

О прикреплении к магазину членов Военного трибунала и секретарей судебных заседаний и членов их семей

20 декабря 1941 года

Военный трибунал г. Ленинграда

№ 60

Зав. Торговым отделом Ленгорисполкома тов. Андреевко

Военный трибунал г. Ленинграда просит Вас дать распоряжение директору Спецторга, помещающегося на углу ул. Чайковского и пр. Володарского, о прикреплении к магазину членов Военного трибунала и секретарей судебных заседаний и членов их семей, т. к. означенная категория лиц в силу большой загруженности по работе не имеют возможности стоять в очередях и использовать карточки на продовольствие¹¹.

И. о. председателя Военного трибунала г. Ленинград
(Булдаков)

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 33.

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Ед. хр. 12. Л. 34.

№ 5**Об отнесении филиала завода № 357
к разряду заводов оборонного значения**

22 дек[абря] 1941 года

Народный комиссар вооружений
Завод № 357
№ 22012
Начальнику торговой сети¹
Смольный, комн. № <...>

Филиал зав[ода] № 357, производящий работу по заданию Ленфронта на сухопутных и морских спецобъектах, ходатайствую об отнесении филиала к разряду заводов оборонного значения и прошу для 60 рабочих завода права получения обедов в столовых фабрики «Граммфон» с вырезом 50 процентов продуктовых талонов.

Уполномоченный завода № 357^{II} (Морозов)

№ 6**Об открытии на территории завода «Русский дизель»
магазина**

23 декабря 1941 года

Исполком Выборгский районный совет депутатов трудящихся
Исполнительный комитет

Зав. отделом торговли исполкома Ленгорсовета депутатов
трудящихся тов. Андреев И. А.

Копия: Начальнику управления продторгами г. Ленинграда
тов. Коновалову Н. А.

Общественные и партийные организации и дирекция завода «Русский дизель» возбудил перед исполкомом Выборгского райсовета депутатов трудящихся ходатайство об открытии на принадлежащей им территории закрытого магазина в целях улучшения обслуживания рабочих и служащих данной фабрики и сокращения очередей.

¹ Так в тексте.

^{II} ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 36.

На основе указаний гор. организаций по этому вопросу исполком Выборгского райсовета депутатов трудящихся, поддерживая ходатайство фабрики, просит Вашего распоряжение Выборгскому райпищеторгу по данному вопросу.

Всю работу по оборудованию магазина и связанные с этим затраты, а также освещение, отопление и транспорт берет на себя завод.

Председатель исполкома^I (Тихонов)

№ 7

**Об открытии на территории фабрики «Красный маяк»
магазина**

23 декабря 1941 года

Выборгский районный совет депутатов трудящихся
Исполнительный комитет

Зав. отделом торговли исполкома Ленгорсовета депутатов
трудящихся тов. Андреев И. А.

Копия: Начальнику управления продторгами г. Ленинграда
тов. Коновалову Н. А.

Общественные и партийные организации и дирекция фабрики «Красный маяк» возбудили перед исполкомом Выборгского райсовета депутатов трудящихся ходатайство об открытии на принадлежащей им территории закрытого магазина в целях улучшения обслуживания рабочих и служащих данной фабрики и сокращения очередей.

На основе указаний гор. организаций по этому вопросу исполком Выборгского райсовета депутатов трудящихся, поддерживая ходатайство фабрики, просит Вашего распоряжения Выборгскому райпищеторгу по данному вопросу.

Всю работу по оборудованию магазина и связанные с этим затраты, а также освещение, отопление и транспорт берет на себя фабрика.

Председатель исполкома^{II} (Тихонов)

^I ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 40.

^{II} ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 37.

№ 8

**Об открытии на территории фабрики «Октябрьская»
магазина**

23 декабря 1941 года

Выборгский районный совет депутатов трудящихся
Исполнительный комитет

Зав. отделом торговли исполкома Ленгорсовета депутатов
трудящихся тов. Андреев И. А.

Копия: Начальнику управления продторгами г. Ленинграда
тов. Коновалову Н. А.

Общественные и партийные организации и дирекция фабрики «Октябрьская» возбудили перед исполкомом Выборгского райсовета депутатов трудящихся ходатайство об открытии на принадлежащей им территории закрытого магазина в целях улучшения обслуживания рабочих и служащих данной фабрики и сокращения очередей.

На основе указаний городских организаций по этому вопросу исполком Выборгского райсовета депутатов трудящихся постановил:

Всю работу по оборудованию магазина и связанные с этим затраты, а также освещение, отопление и транспорт берет на себя фабрика.

Председатель исполкома¹ (Тихонов)

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 38.

№ 9

О предоставлении руководству Ленинградской железной дороги права для наиболее больных и слабо чувствующих себя руководящих работников в числе 25–30 человек организовать дополнительные обеды

24 декабря 1941 года

Политический отдел
Ленинградской железной дороги

тов. Кузнецову

Несмотря на то что дорога наша почти не действует, основной состав руководящих партийных и хозяйственных работников продолжает много и напряженно работать. Объем работы многих товарищей не только не уменьшился, а наоборот, значительно увеличился. Особенно работа политработников весьма усложнилась, требуя особого напряжения. Тем более что вся работа производится при условии резкого сокращения общих штатов работников.

Все мы уверены в том, что в самом недалеком будущем нам придется восстанавливать дорогу и организовать работу с учетом всех требований фронта. Коллективу дороги предстоят значительные трудности в этой работе, и в первую очередь руководящие работники дороги должны будут преодолевать их, напрягая все силы.

Вместе с этим многие руководящие работники дороги уже сейчас плохо себя чувствуют в силу общих продовольственных затруднений в городе.

Нач. службы пути т. Демидов, нач. пассажирской службы т. Филимонов, нач. политотдела Ленинград-Балтийского отделения т. Новиченко, зам. нач. службы связи т. Кишенко и другие уже, по существу, вышли из строя на почве истощения.

Мы обращались к секретарям горкома ВКП(б) т. т. Лысенко и Лазутину, пред. Ленсовета т. Попкову, зав. отделом торговли Ленсовета т. Андреевко по вопросу некоторого улучшения снабжения определенного контингента руководящих работников дороги, но получили ответ о невозможности выделения каких-либо дополнительных фондов для этой цели.

Прошу Вас рассмотреть этот вопрос и дать указания Госторготделу о предоставлении руководству дороги права для наиболее больных и слабо чувствующих себя руководящих работников в числе 25–30 человек в дополнение к получаемым ими продуктами на общих

основаниях организовать обеды, на что в самом большом случае нужно 5 кг хлеба, 4–5 кг мяса, 1–2 кг жиров, 3–4 кг крупы или макарон, 2 кг сахара в день.

Если этого сделать невозможно, то прошу Ваших указаний о единовременной выдаче некоторой группе слабо чувствующих себя руководящих работников минимального количества продуктов из фондов дороги.

Все эти продукты, кроме мяса, имеются у нас на дороге в восстановительных поездах и пассажирской службе, которые мы по своей инициативе, учитывая острое положение с снабжением в городе, поставили на строжайший учет, воспретили расходовать и сообщили об этом секретарям горкома ВКП(б) т.т. Лазутину, Лысенко на предмет возможного обращения их в общий фонд снабжения трудящихся Ленинграда.

Начальник политотдела
Ленинградской железной дороги¹ (А. Стукалов)

№ 10

О поддержке актива Ленинградского отделения Союза советских писателей

24 декабря 1941 года

Зам. председателю Ленгорисполкома т. Андреевко

Ввиду большой напряженной работы по созданию оборонной литературы г. Ленинграда и Ленинградского фронта часть писателей, занятых на этой работе, требует максимальной физической поддержки. Мы в данный момент лишены возможности оказать эту помощь.

Просим Вас дать нашему активу, состоящему из 30 человек, для поддержки сил какие-либо ненормированные продукты.

Ответственный секретарь Лен. отд.
Союза советских писателей^{II} Кетлинская

^I ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 43.

^{II} ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 41.

№ 11**Об открытии на территории завода имени Карла Маркса
магазина**

23 декабря 1941 года

Исполком Выборгский районный совет депутатов трудящихся
Исполнительный комитет

Зав. отделом торговли исполкома Ленгорсовета депутатов
трудящихся тов. Андреев И. А.

Копия: Начальнику управления продторгами г. Ленинграда
тов. Коновалову Н. А.

Общественные и партийные организации и дирекция завода имени Карла Маркса ходатайствуют об открытии райпищеторгом на территории завода закрытого магазина для прикрепления рабочих и служащих завода в целях уменьшения очередей и улучшения обслуживания трудящихся.

Оборудование магазина и все связанные с этим расходы, а также освещение, отопление и транспорт принимает на себя завод.

Поддерживая просьбу завода, исполкомом Выборгского райсовета депутатов трудящихся просит Вашего распоряжения Выборгскому райпищеторгу об открытии магазина на территории указанного завода и заключении с заводоуправлением соответствующего соглашения.

Председатель исполкома¹ (Тихонов)

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 44.

№ 12**О предоставлении рабочим, ИТР и служащим Судобетоноверфи № 1 льгот по питанию в столовой, предоставляемых предприятиям, выполняющим оборонные работы***28 декабря 1941 года*

Зам. председателя Ленгорисполкома тов. Андреев И. А.

Копия: Секретарю Кировского РК ВКП(б) тов. Ефремову

Начальнику политотдела БГМП тов. Рассинскому

Судобетоноверфь № 1 Наркомморфлота в начале ноября с. г. обращалась к Вам с просьбой о предоставлении рабочим, ИТР и служащим верфи льгот по питанию в столовой, предоставляемых по существующему положению в г. Ленинграде для предприятий, выполняющих оборонные работы и включаемых в особый список, поскольку наша верфь с началом военных действий перешла исключительно на выполнение оборонных работ.

На нашем письме от 3 ноября 1941 года за № 37 на обороте были сделаны надписи НТК КБФ и 2-го Управления оборонных работ НКВД, подтверждающие выполнение верфью работ оборонного значения, но, несмотря на все это, в предоставлении льгот по питанию в столовой на ноябрь было отказано, с тем, чтобы этот вопрос был рассмотрен вновь при пересмотре особого списка на декабрь.

Учитывая характер производимых работ, о чем изложено, ее территориальное расположение (Кировский завод, Торговая гавань, Угольная гавань, переселение рабочих, ИТР и служащих, ранее проживавших на территории верфи, в Петроградский район), ежедневно только в один конец рабочим, ИТР и служащим приходится совершать маршрут пешком в 18–20 км, работа на открытом воздухе или в неотапливаемых помещениях и ряд других подобных условий (в частности, работы в полторы смены, две смены, а иногда и круглосуточно) создают тяжелые условия для рабочих ИТР и служащих верфи, и, естественно, [они] нуждаются в восстановлении потерянной энергии хотя бы за счет частичного усиления питания в столовой.

Численный состав верфи по состоянию на 27 декабря 1941 г. составляет: рабочих — 207 чел., ИТР — 12 чел., служащих — 11 чел. Всего контингент верфи 230 чел. Из этого количества до 30 чел. рабочих, ИТР и служащих с началом военных действий, в том числе руководящий командно-политический состав, находятся на казарменном положении, находясь на верфи безотлучно, круглосуточно <...>

Дирекция и партийная организация Судобетонверфи № 1 Наркомморфлота просит на основании вышеизложенного о включении нашей верфи в особый список предприятий, которым предоставляются льготные условия по питанию в столовой по январь 1942 года.

Столовая верфи обслуживается и снабжается продуктами питания военмортогом.

Директор Судобетонверфи НКВМФ СССР (Зимин)
Секретарь парткома ВКП(б)¹ (Шморгунов)

№ 13

О резком ухудшении положения с рабочей и технической силой в системе водопроводно-канализационного хозяйства города

12 января 1942 года

Члену Военного совета Ленинградского фронта
Кузнецову А. А.

От начальника Управления «Водоканал» Зиновьев М. Н.

Докладная записка

Особенно за последнее время по системе водопроводно-канализационного хозяйства города резко ухудшилось положение с рабочей и технической силой.

Общий процент освобожденных врачами от работы по бюллетеням составляет 37.

10–15% общего состава имеют заключения врачей о переводе на легкую работу.

По отдельным хозяйствам управления «Водоканал» положение таково:

По Главной водопроводной станции больных	33%
Заречной	32%
Южной	21,5
Водопроводным районам	42%
Канализационным	46,8%
Строительной конторе	43,7%

Особенно тяжелое положение с группой квалифицированных рабочих.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 12. Л. 51.

Например: на Главной водопроводной станции кочегаров из 42 по штату имеется 26, из коих 20 больных, из 5 машинистов турбин больных 3, из 8 дизелистов больны 4, из 12 хлористов больны 10.

Ничем не отличается от станций, и даже хуже, положение в водопроводных и канализационных районах и в строительной конторе, в задачу которых входит эксплуатация сетей, локализация и восстановление разрушений и новое строительство.

Из наличного состава слесарей по всем районам больных 85%, мастеров и бригадиров, работающих десятки лет, больных 68%.

По тресту «Водоканалстрой» из 425 человек к 1 августа на _____ осталось 359, причем больных, имеющих бюллетени, 157; освобожденных от тяжелой работы врачами 108, неполноценных здоровых осталось 94, причем мужчин из них 14 человек.

Из 40 шоферов и мотористов на базах больных 29.

Создавшееся исключительно тяжелое положение с кадрами вызывает угрозу остановки некоторых агрегатов и главным образом теплового резерва, невозможность подвоза топлива станциям при наличии автомашин, реальная опасность затяжки канализации и восстановления разрушений на водопроводных и канализационных сетях и станциях заставляют меня:

- 1) довести об этом до Вашего сведения;
- 2) просить оказать возможную в данной обстановке помощь.

Прошу:

1. Для поддержания и сохранения оставшейся части квалифицированного состава — кочегаров, машинистов турбин и дизелей, хлорщиков и подкадчиков угля, слесарей, котельщиков, механиков приравнять по нормам снабжения к рабочим горячих цехов металлургических предприятий. Общий контингент 120 чел.

2. Разрешить питание в столовых категории рабочих, указанных в п. 1, и дополнительно к ним: слесарей-водопроводчиков, водопроводчиков-колодезников, канализаторов, шоферов, слесарей и механиков парков строительных механизмов и транспорта, технический состав водопроводно-канализационных районов — без вырезки талонов за первые и вторые блюда, в том числе мясные. Общий контингент 650 человек.

3. Рабочие и ИТР, занятым на линейной работе в любую погоду и холод, установить спецпаек (водка) по 75 грамм в день из расчета на 560 человек.

4. В целях сохранения рабочих и ИТР кадров хозяйств, работа которых жизненно необходима в военное и мирное время, предоставить 450 койкомест в общегородском и районных стационарах.

5. Срочно помочь квалифицированными рабочими таких специальностей, как кочегары, слесаря, машинисты турбин и дизелей, совершенно необходимым водопроводным станциям, за счет неработающих предприятий или других источников, какой Вы найдете возможным.

6. Пополнить мужским составом рабочих эксплуатационные районы по водопроводу и канализации. Необходимое количество 300 человек.

[Подпись]¹

№ 14

О просьбе завода Свердлова об оказании содействия в снабжении питанием 100 человек

Январь 1942 года

В Ленинградский городской комитет ВКП(б)

Согласно решению горкома ВКП(б) от 13 января 1942 г. нашему заводу передан срочный заказ на обработку 12 шт. громоздких форсунок для 5-й ГЭС.

Коллектив завода ведет работу круглосуточно, без выходных дней, с переводом на казарменное положение при условиях необходимости приспособления к частым перерывам в подаче тока и в неотопляемом помещении. Помимо заказа, переданного горкомом, ремонтный завод Ленэнерго обратился с просьбой принять от него сборку этих форсунок, часть деталей для которых изготавливает кооперированный завод. Учитывая важность этого заказа, завод принял на себя сборку.

В целях поддержания надлежащей производительности заводууправление просит дать распоряжение Красногвардейскому тресту ресторанов и столовых отпустить питание 100 чел. рабочих и ИТР, связанных с выполнением этого заказа, без вырезки талонов из продуктовых карточек и с выдачей дополнительного хлеба. Завод находится согласно постановлению ГКО в наркомате танкостроения.

Директор завода (Чуйков)

Секретарь парткома [неразборчиво]

Резолюция т. Попков, я поддерживаю просьбу завода Свердлова и прошу оказать содействие в снабжении питанием в количестве (100 чел.).

[Подпись] Капустин¹¹

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 17-19.

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 65.

№ 15

О помощи остро нуждающимся работникам судебных органов

14 января 1942 года

Управление народного комиссариата юстиции
при Ленинградском городском совете депутатов трудящихся

Председателю Исполнительного комитета
Ленинградского городского совета депутатов трудящихся
тов. Попкову

Копия: Народному комиссару юстиции СССР
тов. Рычкову Н. М.

Народному комиссару юстиции РСФСР
Горшенину К. П.

Положение с работниками в управлении НКЮ и народных судов города — принимает катастрофический характер; так по состоянию на 12/1-42 г. по болезни отсутствовало:

1) по управлению НКЮ среди ответственных работников	92%
2) по нарсудам	
а) среди нарсудей	31%
б) судебных исполнителей	89%
в) других технических работников	53%
г) курьерского состава	97%

Если не будут приняты немедленные меры, то в ближайшее дни органы юстиции не в состоянии будут выполнять возложенной на них работы.

На основании изложенного прошу Ваших срочных и категорических распоряжений:

1) о единовременной выдаче через райпищеторг из остатков, имеющихся на 1/1-1942 г., дуранды и отрубей для оказания минимума помощи остро нуждающимся работникам судебных органов — 150 кг,

2) о даче указания Горздравотделу:

а) о немедленном внеочередном определении нуждающихся (по спискам управления) в больницы — 11 чел.,

б) райсоветам — об определении нуждающихся в стационары — 33 чел.,

в) о прикреплении нарсудий и номенклатурных работников управления НКЮ в столовые райсоветов — 67 чел.,

г) выдать судебным исполнителям в числе 87 чел. и работникам спецучастков — 49 чел. продкарточки первой категории,

д) филиал столовой, имеющийся в помещении горсуда (Фонтанка, 16), питающий работников спецучастков, горсуда и облсуда — приравнять с 15/1-42 г. к столовым по особому списку.

Решение этих вопросов даст возможность судебным органам выполнять возложенную на них работу.

Начальник управления НКЮ (Рыхлов)

Резолюция на полях слева от выделенных красным карандашом подпунктов г) и д): «отказать», без подписи¹.

№ 16

О ничем неоправданной массовой гибели основных кадров Академии наук

Январь 1942 года

Уполномоченному НКВД по г. Ленинграду и области

Докладная записка

В Ленинграде находится свыше 20 научных учреждений Академии наук СССР — институтов, лабораторий и т. д. с ценнейшим капиталом — научными кадрами Академии, созданными и возвращенными Советской властью из недр рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции.

В жестоких условиях блокады находится наш город великого Ленина. Население, в том числе и наши академики, доктора и кандидаты наук, научные сотрудники Академии, стойко и беззаветно переносят все лишения, связанные с изоляцией города от всей страны. Одновременно правительство и партия напрягает все силы к прорыву этой блокады, к эвакуации ценного оборудования оборонного значения и полезных людей, кадров, наиболее нужных сейчас Родине, которые должны усилить в тылу работу по укреплению обороноспособности нашего государства.

Между тем отношение работников Ленсовета к нуждам Академии наук до сего дня такое, что мы стоим перед фактом ничем не оправдываемой массовой гибели, потери основных кадров Академии, созданных советской властью.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 46.

Тем более непонятно отношение отдельных, ведавших и ведающих делом эвакуации и снабжения сотрудников Ленсовета к нуждам Академии и страны в целом, что еще в начале сентября с. г. ею, в лице академика-орденоносца и корврача^I Леона А. Орбели, исполнявшего тогда обязанности председателя президиума, было получено категорическое заверение — т.т. К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова и П. С. Попкова о том, что научные кадры Академии будут эвакуированы немедленно при первой возможности и что их надо беречь. Помимо этого, в Ленинграде есть решение правительства за подписью тов. Сталина о том же самом.

С первых дней войны и до 20 декабря с. г., т. е. почти за шесть месяцев ленинградские учреждения Академии получили возможность эвакуировать только 100 (сто) с небольшим человек. Это число составляют главным образом академики, члены-корреспонденты и незначительная часть других основных ученых категорий. Ценнейшие основные кадры Академии в лице возвращенных Советской властью и коммунистической партией молодых ученых — докторов и кандидатов наук и научных сотрудников оказались вне внимания, вне забот Ленсовета и других правительственных и партийных организаций.

Около 500–600 человек <...> с членами семей ученых указанных категорий и научно-технического персонала остаются в городе, условно состоя на работе, т. к. работа фактически почти прекращена по общим причинам, добиваясь с 16 августа эвакуации в районы, отведенные решением правительства для учреждений Академии наук.

Наши кадры Академии поставлены в данное время в одинаковые условия со служащими и в снабжении, и только доктора наук в последнее время стали получать 1-ю категорию. Условий же эвакуации нам совершенно не были предоставлено, если не считать вышеотмеченных сто человек, получивших возможность в течение 3–4 месяцев воспользоваться самолетом, т. е. 20–25 человек (с семьями) в месяц.

Отмеченные выше обстоятельства создали сейчас угрожающее положение растраты, безвозвратной утери ценных научных сил по всем категориям ученых степеней.

Так, 19 декабря с. г. из академической столовой был в бессознательном состоянии от истощения отправлен скорой помощью от истощения председатель Президиума АН СССР академик С. А. Жебелев, умерли за последние дни ученые: В. Ю. Фридолин, Б. Е. Деген-Ковалевский^{II}, Е. А. Рыдзевская^{III}, Колин, тяжело больны профессора Рожевиц, В. А. Траншель^{IV}, Римский-Корсаков и др.

^I Корпусной врач — воинское звание.

^{II} Деген-Ковалевский Борис Евгеньевич (1894–1941) — кавказовед, археолог, этнограф.

^{III} Рыдзевская Елена Александровна (1890–1941) — скандинавист, переводчик.

^{IV} Траншель Владимир Андреевич (1868–1942) — ботаник, миколог.

Большинство еще ходящих крайне истощены, и принятие срочных мер в отношении них приведет в ближайшие дни к еще большим потерям.

Обращая Ваше внимание на создавшееся крайне тяжелое положение, прошу Вас оказать срочную возможную помощь в направлениях:

- 1) немедленной эвакуации вглубь страны (большинства) и
- 2) немедленной же организации дела улучшения снабжения остающихся (меньшинство).

Что оказание помощи возможно в этих двух направлениях, в этом нас убеждают многочисленные случаи эвакуации, например, самолетами таких малозначительных организаций, как бухгалтерские курсы, педагогов II ступени, состава сотрудников Ленинградского отделения треста Буммонтаж и т. д., тем более что количество наиболее нужных и ценных научных кадров, связанных по работе непосредственно с выполнением оборонных и военных заданий, не превысит (вместе с членами семейств) 250 человек (в первую очередь).

И улучшение снабжения, как нам думается, также вполне возможно, так как старшие научные кадры (кандидаты наук, и. о. старших научных сотрудников) могут быть приравнены к 1-й категории, и количество их невелико.

Все это дало бы возможность сохранить с пользой для родины с таким трудом созданные за годы Советской власти и преданные ей высшие научно-исследовательские силы, необходимые по окончании войны, в период ликвидации ее последствий.

Неоднократные обращения Президиума Академии наук в Ленсовет до сего дня дали лишь крайне слабый эффект, забвение и пренебрежение нашими ходатайствами, невыполнение решений правительства, указаний тов. Жданова и Ворошилова, что, по-видимому, объясняется полной недооценкой значения науки и ее кадров в военное время.

Прошу Вас о принятии срочных мер по затронутому вопросу.

Кандидат наук, старший научный сотрудник
Н. И. Шарапов¹

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 22-25.

№ 17

**О принятии срочных мер к спасению ученых,
находящихся в плачевном состоянии**

14 января 1942 года

Копия
Подлежит возврату
Индекс 207
Ленинградский ОК и ГК ВКП(б)
Особый сектор

Т[оварищам] членам продкомиссии
Прошу решить в благоприятном направлении
[Подпись (факсимиле) Жданов]

Глубокоуважаемый Андрей Александрович.

В Институте истории материальной культуры им. М. Я. Марра, как и в других институтах Академии наук СССР, случаи смерти научных работников от истощения катастрофически учащаются. Только за последние дни умерли: заслуженный деятель науки академик С. А. Жебелев, единственный в СССР специалист по скандинавистике, старший научный сотрудник Е. А. Рыдзевская, видный специалист по истории и археологии Кавказа старший научный сотрудник Б. Е. Деген-Ковалевский, крупный знаток археологии Придонья и Украины, только что защитивший кандидатскую диссертацию молодой ученый (рожд. 1910 г.) Б. Подгаевский, художник Л. Н. Лебедев. Ряд крупных специалистов находятся в настолько плачевном состоянии, что необходимы самые срочные меры, чтобы предотвратить их гибель.

Положение в других институтах Академии наук не менее катастрофично.

Такое положение дальше совершенно нетерпимо и может привести и приведет к полному вымиранию ценнейших научных кадров, на воссоздание которых понадобится не менее 15–20 лет. Проводившаяся эвакуация научных работников Академии летным путем, по существу, не решила вопроса о сохранении научных кадров Академии, так как в Ленинграде осталось большое число высококвалифицированных научных работников, представляющих основной костяк институтов. Таким образом, постановление правительства об эвакуации академических кадров, по существу, оказалось невыполненным.

Такое простое, казалось бы, обстоятельство, как обеспечение старших научных работников Академии наук, формально не имеющих

ученой степени доктора, а лишь степень кандидата, хотя их квалификация и научная значимость по существу приравнивается к докторской, карточками рабочих, также не осуществлено.

Между тем ряд из них ведет ответственную оборонную работу, уже зарекомендовавшую себя в кругах главного командования.

Горячо просим Вас обратить самое пристальное внимание на создавшееся положение, так как только совершенно неотложные меры могут дать результаты — завтра может быть уже поздно.

Обращаемся непосредственно к Вам, так как речь идет о деле государственной важности. Нами движет не чувство страха или паники, а долг и сознание лежащей на нас ответственности перед советской наукой и страной в целом.

директор ИИМК С. Н. Бибиков
зав. сектором Древней Руси М. А. Тиханова
зав. сектором палеолита и неолита Е. Ю. Кричевский
председатель Археологического комитета С. Н. Замятнин
доктор исторических наук Б. Л. Богаевский¹

№ 18

О выделении дополнительных карточек работникам аппарата отдела торговли

[Без даты]

тов. Попкову П. С.

Работа аппарата отдела торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся резко осложнилась вследствие недоедания, холода в здании и отсутствия электроосвещения.

Между тем вопросы регулирования торговли продовольственными товарами в существующих условиях чрезвычайно остры и требуют большого напряжения. В связи с этим прошу:

а) выдать 30 карточек группы рабочих для экономистов-плановиков, экономистов-товароведов, инспекторов-контролеров;

б) выдать наряд на 50 тонн угля или 350 кубометров дров.

Андреевко^{II}

^I ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 28–29.

^{II} ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 70.

№ 19

**О необходимых мерах по поддержанию
эксплуатационно-технического персонала
Ленинградской радиодирекции**

15 января 1942 года

Народный комиссариат связи
Ленинградская радиодирекция

Секретарю Ленинградского городского комитета ВКП(б)
Шумилову Н. Д.

От директора Ленинградской радиодирекции
тов. Тарасова Н. И.

Хозяйство радиофикации города является одним из наиболее разветвленных хозяйств Ленинграда. Оно составляет в настоящее время 460 000 трансляционных точек, 1600 км наружных линий и свыше 15 000 км внутренней сети. Радиофикацией охвачен весь жилой и нежилой фонд города, большинство окраин его.

Это большое хозяйство обслуживается значительно сокращенным количеством эксплуатационно-технического персонала, составляющим всего лишь $\frac{1}{9}$ от штата мирного времени. Работа этого персонала по поддержанию хозяйства в порядке, ликвидация последствий вражеских налетов и артобстрелов, вызвавших многочисленные разрушения сети, протекает непрерывно в любое время суток, исключительно на открытом воздухе, на крышах, чердаках и лестницах, и в настоящее время чрезвычайно затруднена.

Отсутствие трамвайного движения, неработа собственного автотранспорта, вследствие отсутствия горючего, работа на открытом воздухе и в неотапливаемых помещениях, ограниченное питание вызвали массовое заболевание среди работников: так, из штата 427 человек в настоящее время 134 чел. больны, причем количество их непрерывно возрастает, имеет место ряд смертельных случаев.

Учитывая огромное значение радио в Ленинграде как мощного средства агитации и пропаганды, а также оповещения населения, необходимость сохранения хозяйства и обеспечение бесперебойной его работы, прошу Вас, товарищ Шумилов, оказать единовременную поддержку, чем-либо из средств питания так, чтобы я мог некоторый эксплуатационно-технический персонал, чрезвычайно ценный для хо-

зьяйства и окончательно теряющий силы, сохранить, не допустив окончательный выход его из строя.

Директор Ленинградской радиодирекции¹
(Тарасов Н. И.)

№ 20

О выдаче рабочих карточек ведущим работникам районных отделений «Союзпечати»

16 января 1942 года

СССР НКСвязи

«Союзпечать»

Ленинградская городская розничная контора

тов. Шумилову

Начальники районных отделений «Союзпечати», экспедиторы и инспектора получают продовольственные карточки 2-й категории. В результате этого с основными производственными кадрами в аппарате розницы создано чрезвычайно тяжелое положение.

Достаточно указать, что лишь в трех отделениях: Дзержинском, Фрунзенском, Петроградском — имеются начальники, в остальных же отделениях начальники в данное время отсутствуют из-за болезни на почве истощения.

Такое же положение мы имеем и в отношении экспедиторов и инструкторов.

Положение обостряется тем, что по некоторым районным отделениям числится больных киоскеров до 50–60% личного состава.

Если замена больных киоскеров, поскольку они получают продовольственные карточки 1-й категории, еще возможна, то подбор новых работников в качестве начальников, экспедиторов не удастся, так как они получают продовольственные карточки 2-й категории.

Абсолютно ясно, что отсутствие основных ведущих работников ставит под угрозу нормальную работу по распространению печати в розницу. Это вынуждает меня просить Вашего содействия в получении для указанного контингента работников нашего аппарата (начальников отделений, вокзальных агентств, экспедиторов и инструкторов) карточек I категории.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 93.

Нужно подчеркнуть, что работа начальников отделений, экспедиторов в основном выражается в получении изданий, сортировке и распределении их, что требует затраты в значительной степени физического труда. Это дает возможность получать им карточки 1-й категории.

Если сортировщики почты, согласно § 12 инструкции по выдаче продовольственных карточек, пользуются продовольственными карточками 1-й категории, то начальники отделений, экспедиторы и инструктора, выполняющие более ответственную и более тяжелую физическую работу, подавно должны иметь право получать карточки 1-й категории.

Упомянутая группа работников, включая и начальника строительства, числится в «Созпечати» в количестве всего 17 человек, и получение продовольственных карточек для такого небольшого контингента работников не должно встретить никаких препятствий.

Еще раз прошу Вашего содействия в разрешении этого злополучного вопроса.

врио директора ЛГРК «Созпечать»¹

[Выписка из протокола № 2 продовольственной комиссии Ленфронта]

<...>

7. В просьбе директора Ленинградской городской розничной конторы «Союзпечать» о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих начальникам районных отделений, вокзальных агентств, инструкторам и экспедиторам отказать.

№ 21

О немедленной выдаче рабочих продовольственных карточек I категории инженерам завода № 103

16 января 1942 года

Народный комиссариат судостроительной промышленности
Завод № 103

Секретарю Ленинградского городского комитета ВКП(б)
тов. Кузнецову А. А.

Председателю Комиссии по продовольственным вопросам
Ленинградского фронта

Выборгская районная комиссия по выдаче продовольственных карточек на январь 1942 г. выдала карточки II категории как для служащих

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 83.

ряду ценнейших работников конструкторского и технологического бюро завода, а именно:

- 1) зам. главного технолога — т. Копелиович М. С.
- 2) нач. бюро приспособлений — т. Люкс
- 3) нач. инструментального бюро — т. Хрулеву
- 4) Ст. инженеру-конструктору — т. Курленкову
- 5) Ст. конструктору КБ — т. Говорову
- 6) Ст. инженеру КБ — т. Петровой
- 7) Ст. технологу — т. Мухину
- 8) Ст. инженеру — т. Петрову.

Перечисленные инженеры являются сейчас единственными специалистами по торпедным аппаратам и компрессорам для кораблей РККФ в г. Ленинграде, на них держались работа отдела главного технолога и конструкторского бюро завода, они работали на самых ответственных заданиях.

Сейчас шесть человек из них тяжело больны от недостатка питания.

Решением Военного совета Ленинградского фронта от 10 января о ремонте кораблей КБФ по линии торпедного оружия и компрессоров требует немедленной упорной работы перечисленных специалистов, без них завод № 103 не выполнит в срок стоящих задач по ремонтам.

Поэтому убедительно просим Вашего распоряжения о немедленной выдаче рабочих продовольственных карточек I категории перечисленным выше инженерам завода № 103.

И. о. директора завода (Тарасов)
Парторг ЦК ВКП(б)¹ (Дмитриевский)

№ 22

О выдаче карточек I категории заместителю директора завода № 103 товарищу Смирнову П. И.

16 января 1942 года

Народный комиссариат судостроительной промышленности
Завод № 103

Секретарю Ленинградского городского комитета ВКП(б)
тов. Кузнецову А. А.

Председателю Комиссии по продовольственным
вопросам Ленинградского фронта

Заместитель директора завода № 103 т. Смирнов П. И., член ВКП(б) с 1929 г., получает продовольственные карточки II категории.

¹ ЦГАИПД СПб, ф. 4000, оп. 20, д. 16. Л. 78.

Между тем т. Смирнов П. И. окончил Пром. академию и имеет диплом инженера-технолога; на заводе находится на казарменном положении и, являясь единственным заместителем директора, практически решает ряд технических вопросов по транспорту, снабжению и т. д.

Тов. Смирнов болен туберкулезом в III стадии.

Учитывая изложенное, убедительно просим Вас разрешить выдачу карточек I [категории] тов. Смирнову П. И. как вполне заслуженное и отвечающее выполненной работе.

И. о. директора завода (Тарасов)
Парторг ЦК ВКП(б)¹ (Дмитриевский)

№ 23

О приравнивании строителей, находящихся на котловом питании, к нормам питания, установленным для команд МПВО

18 января 1942 года

Продовольственной комиссии

тов. Кузнецову А. А.

тов. Павлову Д. В.

тов. Попкову П. С.

тов. Соловьеву Н. В.

В настоящее время строительные организации в Ленинграде находятся в очень тяжелом положении, около 40–50% рабочих крайне истощены, на работу не выходят и лежат.

Так, по Управлению жилищного строительства из общего числа рабочих 2055 человек выходит на работу только 735 человек, а 1320 человек на работу не выходят и лежат. По Управлению культурно-бытового строительства из 1797 человек на работу выходит лишь 1018 человек.

В декабре 1941 года и январе 1942 года резко увеличилась смертность среди рабочих, преимущественно мужчин. Только по Управлению культурно-бытового строительства за это время умерло более 450 и по Управлению жилищного строительства около 160 человек. Такое же положение и по другим строительным организациям в городе.

Все это привело уже к тому, что в настоящее время на работах отсутствует ряд профессий, таких как водопроводчики, отопленцы, экскаваторщики, и даже плотники и каменщики.

Учитывая, что в недалеком будущем нужно будет широким фронтом приступить к восстановлению разрушенного жилого фонда

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 78.

и предприятий Ленинграда, поврежденных бомбардировкой с воздуха и артиллерийским обстрелом, и в целях сохранения основных кадров строителей, главным образом квалифицированных рабочих, прошу рассмотреть на комиссии и приравнять строителей, находящихся на котловом питании, к нормам питания, установленным хотя бы для команд МПВО, что дало бы возможность основные кадры строителей сохранить.

Нормы на месяц:

Наименование продуктов	Испрашиваемые нормы	Получаемые в настоящее время
Мясо и мясопродукты	2,25 кг	1,5 кг
Жиры	1,2 -"-	0,95 -"-
Сахар	0,80 -"-	1,50 -"-
Крупа	4,0 -"-	1,50 -"-
Хлеб	10,5 -"-	10,5 -"-
Чай	25 г	12,5 г

Прошу эти нормативы распространить на следующие организации:

	Всего рабочих	В том числе больных
1. Управление культурно-бытового строительства	1800	780
2. Управление жилищного строительства	2000	1320
3. Ремжилстройтрест	890	363
4. Ленпромстройсоюз	700	234
5. Строительная контора «Водоканал»	284	160
6. Трест «Лендорстрой»	240	170
7. Контора Ленмостострой	250	200
8. Ремстройконторы райсоветов	3533	1837
	9627	5064

Зам. председателя исполкома Ленгорсовета¹
(Шеховцов) [подпись]

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 68-69.

№ 24**Об оказании помощи Ленинградскому институту инженеров железнодорожного транспорта***18 января 1942 года*

Секретарю Ленинградского горкома ВКП(б)
тов. Кузнецову

Алексей Александрович!

Выполняя данное Вами через секретаря Октябрьского райкома ВКП(б) — т. Мартынова 12 сентября 1941 года распоряжение о создании нормальных занятий в институте, коллектив профессоров, преподавателей и студентов Ленинградского института инженеров жел. дор. транспорта отдавал все свои силы и знания для быстрой подготовки инженеров-железнодорожников и для помощи обороны нашего города. За время войны институт выпустил 385 инженеров, частью отправленных на дороги Союза, частью на дороги Ленинградского узла. Часть ожидает направления. Первый семестр закончен полностью, и большая часть студентов, а их сейчас 876 человек, уже в основном сдали экзаменационную сессию, несмотря на то что условия работы, особенно в декабре и январе, были крайне тяжелыми (выключена теплоцентраль, свет, попадание в институт 12 снарядов, перебои в столовой), все же очень многие студенты, при высоких требованиях преподавателей, сдали экзамены. Всего сейчас по экзаменационной сессии сдано 1450 экзаменов, из них 88% на отлично и хорошо. Многие студенты работают на производстве, в частности 75 человек в мастерских института, где выполнялись оборонные заказы по Вашему указанию на 130–150% процентов, и совмещали свою работу с учебой.

Коллектив преподавателей, отдавая свои знания студенчеству, в то же время в своем большинстве активно стремился и помогал обороне города Ленина и нашей Красной армии, проводя многие сотни консультаций, экспертиз, предложений ЛВО, Ленсовету, предприятиям жел. дор. транспорта Ленинградского узла и т. д. Более 40 предложений рассмотрено и одобрено специальной комиссией, созданной из крупнейших ученых института, и передано для реализации в ЛВО.

Только за последние три месяца 4 преподавателя института защитили кандидатские диссертации и 3 докторские. Особенно следует отметить две докторские диссертации, защищенные в январе 1942 года доц. Пироговским и доц. Протасовым. Оба члены ВКП(б), активно участвовавшие в обороне г. Ленинграда.

Твердо и героически держат себя старейшие профессора института: профессор Манос, профессор Ливеровский, профессор Петров, про-

фессор Визюкин, профессор Гаккель, академик Фролов и другие, приходя регулярно в институт за несколько километров, занимаясь часто в холодных полутемных аудиториях — давая рецензии и отзывы по диссертациям и оборонным предложениям. Все они, когда в конце ноября им предложили вывезти их из Ленинграда, отказались эвакуироваться без института.

Опираясь на партийную организацию, которая за время войны выросла на 42 чел. вновь принятых, руководство института принимало и принимает меры, чтобы продолжать учебную и научную работу в институте. Через свою котельную утеплили 16-й корпус института, куда переселили всех студентов, живших в общежитии, переданном под госпиталь. В ряде жилых комнат, аудиториях и служебных помещениях поставили времянки, организовали в институте небольшой изолятор для особо слабых студентов, оборудовали свою прачечную, организовали обязательное мытье студентов в обмывочном пункте института, на должность директора столовой дали декана факультета — члена ВКП(б), 10 января организовали для студентов при столовой рацион, что уже сейчас дает хорошие результаты; установив двигатель внутреннего сгорания и достав полтонны нефти, организовали электрическое освещение ряда наиболее необходимых служебных и жилых помещений, в ближайшее время откроем при содействии Октябрьского райкома партии при институте лечебный стационар на 40 коек для студентов и преподавателей института.

Всемерно стараемся помочь старейшим профессорам института установкой печей-времянок, поселением в самом институте, парафином и т. д.

Но все же, Алексей Александрович, положение в институте, особенно за последние 3–4 недели, крайне тяжелое, и нормальной работы почти нет. За последние полтора месяца умерло 20 преподавателей и 48 студентов, большинство из них студенты старших курсов или дипломники. Почти все лаборатории и кабинеты законсервированы (хотя все ценное оборудование еще в июле 1941 года по распоряжению наркомата отправлено в Новосибирск). Абсолютное большинство аудиторий не отапливается. Студенчество и преподаватели, получая продкарточки 2-й категории и питаясь в столовый институт, до последнего времени крайне плохо снабжаемой, ослабели. Профессора, преподаватели и часть студентов сейчас настойчиво ставят перед нами вопрос о невозможности в таких условиях нормальной работы института, обвиняя нас в том, что мы не доводим до сведения горкома и наркомата о тяжелом положении института.

Будучи уверены, что Вы знаете состояние вузов Ленинграда, и в частности ЛИИЖТа, убедительно все же просим помочь организовать снова нормальный ход учебных занятий, чтобы особенно сейчас,

когда требуется огромное количество специалистов-железнодорожников, хотя бы для Ленинградского узла, который так плохо пока справляется с работой, — быстро готовить инженерные кадры. В частности, мы просим Вас о следующем:

- 1) приравнять нашу столовую к категорийным;
- 2) разрешить доцентам и кандидатам наук выдавать продкарточки;
- 3) выдать персональным стипендиатам (имени тов. Сталина, тов. Кирова, тов. Калинина) карточки I категории;
- 4) помочь институту хотя бы немного достать угля и нефти, а также бензина для газогенераторной автомашины;
- 5) дать указание о выдаче добавочных продуктов хотя бы 12-15 старейшим профессорам института;
- 6) предложить Главэнерго дать институту электроэнергию, установив самый минимальный лимит.

О состоянии института и данные вопросы поставлены нами перед нашим наркомом Л. М. Кагановичем. Мы заверяем Вас, Алексей Александрович, что будем отдавать все силы, чтобы наладить нормальную работу в институте.

начальник института (Панфилов)
секретарь партбюро¹ (Гришуков)

№ 25

О выдаче продовольственных карточек по группе рабочих литературным работникам газеты «Смена»

19 января 1942 года

Секретарю Ленинградского городского комитета ВКП(б)
тов. Кузнецову А. А.

Докладная записка

С самого начала войны и до настоящего времени литературные работники газеты «Смена» отдавали и отдают все свои силы делу печатной пропаганды среди молодежи Ленинграда. Работа многих из них заслуживает самой высокой оценки.

За последнее время в связи с трудностями и лишениями в условиях блокады города общее состояние здоровья ведущих работников газеты резко ухудшилось. На прошлой неделе два работника умерли от истощения.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 71-75.

В связи с необходимостью поддержать здоровье ведущих литературных работников прошу Вашего указания тов. Стожилову приравнять их по примеру литературных работников «Ленинградской правды» к снабжению по рабочей группе, в количестве 9 человек, не считая уже получивших первую категорию на общих основаниях.

Ответственный редактор газеты¹ «Смена»

(А. Я. Блатин)

[Выписка из протокола № 2 Продовольственной комиссии Ленфронта]: <...> 11. Отказать в просьбе редактору газеты «Смена» т. Блатину о выдаче продовольственных карточек по группе рабочих литературным работникам газеты «Смена».

№ 26

Об оказании продовольственной помощи работникам завода «Монетный двор»

23 января 1942 года

Монетный двор
Наркомфина Союза ССР

Секретарю Ленинградского городского комитета ВКП(б)
по пищевой промышленности
тов. Лазутину

Согласно решению СНК СССР Монетный двор НКФ СССР в порядке эвакуации 22 августа 1941 года демонтировал и вывез в Краснокаменск (Урал) все свое основное оборудование. Контингенту рабочих завода была назначена посадка в вагоны 25-27 августа, но до сего дня люди еще не отправлены. По решению горкома ВКП(б) Монетный двор включен в первую очередь заводских коллективов, подлежащих вывозу из Ленинграда на новое место работы завода.

Особая важность сохранения коллектива рабочих Монетного двора и доставки его полностью в Краснокаменск усугубляется тем, что смонтированное в Краснокаменске оборудование простаивает из-за отсутствия рабочих-монетчиков, чем срываются оборонные правительственные задания, а заменить кадры монетчиков новыми кадрами не представляется практически возможным, ибо Монетный двор в Союзе один, профессия монетчиков совершенно

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 88.

уникальна и свежие кадры монетчиков готовятся только на Монетном дворе.

Исходя из особой ценности кадров Монетного двора (Монетный двор числится заводом оборонного значения со всеми правами и льготами последних), по решению горкома ВКП(б) в октябре и ноябре состоял в списках на спецпитание. Ввиду намечавшегося на 4 декабря выезда наших рабочих из Ленинграда, Монетный двор со спецпитания был снят и, несмотря на то что отъезд не состоялся, коллектив по сей день спецпитанием не пользуется, хотя мы настойчиво хлопотали в торговом отделе Горсовета.

В настоящее время коллектив монетчиков находится в исключительно тяжелом и угрожающем состоянии. Все остальные кадры — старые производственники, люди пожилые и многосемейные. Подготовившись к эвакуации, все остались без минимальных продуктовых ресурсов, обычных в другое время. Вот почему недостатки снабжения города особенно болезненно сказались и сказываются на нашем коллективе. Только за последние несколько недель умерло 14 человек, или 14% крупных специалистов из ведущих профессий завода.

На сегодняшний день 60% коллектива находятся в постели по бюллетеням врачебных комиссий с диагнозом истощение из-за недостатка питания.

Чтобы как-нибудь спасти положение, рабочие использовали свои рабочие карточки в заводской столовой, и вот два дня уже столовая наша не посещается из-за полного использования продкарточек.

Рабочим и их семьям предстоит, таким образом, до конца месяца особо тяжелые продовольственные затруднения. Единственная надежда для спасения и сохранения коллектива монетчиков — это отдельные единовременные выдачи различных продуктов: крупы, муки, отрубей, растительного масла, из общих фондов, коими вы располагаете.

Настойчиво просим в целях сохранения уникального коллектива монетчиков и возможности доставки его на место работы завода — оказать нам помощь продовольствием.

И. о. управляющего
Монетным двором (Васильев),
парторг завода¹ (Кангуш)

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20 Д. 16. Л. 91.

№ 27**Об отпуске обедов без вырезки талонов работникам
Ленинградской кабельной сети**

29 января 1942 года

Председателю исполнительного комитета Ленинградского
городского совета депутатов трудящихся тов. Попкову

Для поддержания здоровья руководящих работников Ленинградская
кабельная сеть Ленэнерго просит дать указание начальнику Главресторанов
и столовых тов. Фельдману об отпуске обедов без вырезки талонов
(по особому списку) следующим работникам:

[В списке 10 фамилий]

Директор Ленинградской кабельной сети Ленэнерго Грознов

Резолюция Попкова: «т. Лазутин, я за» и подпись 29/1 42 г.¹

№ 28**О предоставлении работникам охраны свиновхоза № 5
свиностреста продовольственных карточек I категории**

1942 год

В областное бюро заборных книжек

Свиновхоз № 5 свиностреста Ленглавресторана имеет свинопоголовье
на откорме и репродуктор, крупный рогатый скот, лошадей, а также ра-
стениеводство с парниковым хозяйством в зимнее время. Для охраны
имущества совхоза, имеющего 34 деревянных постройки, скота и расте-
ниеводства, при совхозе имеется пожарно-сторожевая вооруженная
охрана в количестве 13 человек с круглосуточным дежурством, причем
все посты открыты по всей территории совхоза. Совхоз территориально
находится в 4 км от трамвайной остановки, и работникам охраны при-
ходится ежедневно тратить на ходьбу дополнительное время.

Учитывая вышеуказанные условия охраны нашего совхоза, яв-
ляющейся также производственной охраной, просим предоставить ра-
ботникам охраны первую категорию.

Директор совхоза [подпись неразборчива]

Председатель месткома [подпись неразборчива]

Начальник охраны [подпись неразборчива]

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л.16.

[Приписка от руки]: т. Лазутин, охрана совхозов получает карточки II категории.

Совхозы являются производственным предприятием сельск. хоз., поэтому охране совхозов также, по-моему, следует выдать карточки первой категории, как охране заводов. фабрик¹.

[Подпись неразборчива]

№ 29

О работе санитарно-эпидемиологического отряда Ленинградской городской организации общества Красного Креста

1942 год

Члену Военного совета Ленинградского фронта
секретарю Ленинградского горкома ВКП(б)
генерал-майору Кузнецову

Копия: Председателю Ленинградского городского совета
депутатов трудящихся тов. Попкову

О работе санитарно-эпидемиологических отрядов Ленинградской городской организации общества Красного Креста.

В соответствии с Постановлением бюро Ленинградского городского комитета ВКП(б) от 30 августа 1942 года горком общества Красного Креста сформировал два санитарно-эпидемиологических отряда с отрывом от производства и казарменным размещением.

Отряды сформировались из личного состава санитарных дружин, по возрастному составу преимущественно из молодежи. Комсомольская прослойка среди них составляет около 60%.

В течение октября месяца личный состав санитарно-эпидемиологических отрядов прошел специальную подготовку по программе, разработанной Сануправлением фронта и Ленгорздравотделом (инфекционные болезни, военная гигиена, дезинфекция, дератизация, санхимзащита, политическая и строевая подготовка, а также по вопросам практической работы в очагах поражения). В ноябре месяце отряды приступили к плановой противоэпидемиологической работе в городе по заданию противоэпидемиологического управления Ленгорздравотдела и в войсковых частях Ленинградского гарнизона по указанию гарнизонного врача г. Ленинграда.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 38. Л. 5.

Отрядами за короткий промежуток времени (ноябрь месяц) проведена большая противозидемическая работа, как среди гражданского населения, так и в воинских частях. Обследовано в противозидемическом и санитарно-гигиеническом отношении 2465 домов, 8444 квартиры, 1033 дворов, 955 мусороприемников, 762 прачечных. Все обнаруженные недочеты, выявляемые при обследовании, устранялись немедленно при помощи отрядов.

В городе Ленинграде в связи с появлением случаев инфекционной желтухи, источниками распространения которой служат, по-видимому, грызуны, — санитарные отряды были привлечены к проведению дератизационных работ. Проверены на заселенность грызунами 443 дома, 89 лечебно-санитарных учреждений, 106 столовых, 34 магазина. Обработано всего: 1 999 536 квадратных метров площади, из них путем закладки затравок — 1 378 695 кв. метров и механическим путем 120 00 кв. метров (забивке нор, установка вершей, капканов и др.). В отрядах подготовлено 30 инструкторов-дератизаторов в войсковых частях.

Значение отрядов в противозидемическом обеспечении города, а также войск Ленинградского гарнизона чрезвычайно велико. Работа их связана с большими переходами, хождением по лестницам, проведением дезинфекционных работ и требует большой затраты энергии. Получаемое же ими питание по первой категории гражданского населения является недостаточным для восстановления затраченных сил, в результате чего за последнее время начал отмечаться среди дружинниц отрядов случаи истощения.

Исходя из выше изложенного, с целью сохранения работоспособности отрядов РОКК, прошу Ваших указаний Продовольственной комиссии Военного совета фронта о разрешении вопроса с питанием личного состава санитарно-эпидемиологических отрядов РОКК путем приравнивания их к нормам питания личного состава частей МПВО.

Зав. военным отделом
Ленинградского горкома ВКП(б) Павлов

Уполномоченный Военного совета ЛФ
по борьбе с эпидемиями бригаврач Верховский¹

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 38. Л. 18.

№ 30

Об улучшении питания рабочих совхоза, занятых на заготовке дров и торфа

[Без даты]

тов. Штыкову Т. Ф.

тов. Никитину Л. Н.

Председателю Исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся

тов. Сажину

Сильно истощенные почвы нашего совхоза требуют внесения значительного количества органических удобрений.

Учитывая ограниченные возможности текущего года, Облсельхозтрест установил для нашего совхоза план заготовки и вывозки на зимний период торфа 1500 т, фекалия 360 т и золы 16 т.

С тем чтобы обеспечить запланированный урожай на 1943 г., минимально-фактическая потребность в перечисленных удобрениях значительно выше и выражается по торфу в 2500, фекалиям 600 т и золе 400 т. Столь высокая потребность в золе вызывается тем, что значительная часть полей нашего совхоза заражена капустной килой.

Все это говорит за то, что без внесения значительного количества органических удобрений и золы невозможно рассчитывать на получение высокого военного урожая.

Учитывая это обстоятельство, коллектив нашего совхоза изыскал возможность и в весьма тяжелой обстановке уже заготовил свыше 1000 т торфа и имеет возможность дополнительно заготовить до 1500 т торфа и необходимое количество золы.

После окончания уборочной компании питание рабочих нашего совхоза значительно ухудшилось и недостаточно, а тяжелый физический труд по заготовке торфа привел к тому, что среди рабочих резко стало увеличиваться количество дистрофиков и заметно стала падать производительность труда. В результате этого перед нами стала определенная угроза того, что с поставленной перед собой задачей по заготовке и вывозке в достаточном количестве органических удобрений совхоз не справится.

Считая совершенно справедливым, что рабочие совхоза, занятые на заготовках и вывозке торфа и дров, в смысле питания должны быть приравнены к торфяникам и лесорубам. Мы по этому вопросу вошли с ходатайством к зав. Облторготделом тов. Преснову и директору Облсельхозтреста тов. Борисову, вопрос этот до сего времени остается неразрешенным.

Придавая чрезвычайно важное значение заготовке и вывозке достаточного количества удобрений для обеспечения будущего высокого урожая и поддержания трудоспособности рабочих, просим Вашего распоряжения распространить на рабочих совхоза, занятых на заготовке и вывозке торфа и дров, нормы питания торфяников и лесорубов или же разрешить вопрос о дополнительном питании по нормам действующих предприятий.

Директор совхоза	Саркисян А. Г.
Ст. агроном	Ефимов Ф. Е.
Нач. политотдела ¹	Осипов М. Г.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 38.

**По страницам Бюллетеня отдела торговли
исполнительного комитета Ленинградского городского
совета депутатов трудящихся**

№ 1

**Розничные цены на прессованные «Какао без молока»
и «Кофе без молока» в плитках**

8 декабря 1941 года

Распоряжение Отдела торговли исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 8 октября 1941 г. № 187-ц

1. Установить с 14 октября 1941 года для гор. Ленинграда на прессованные «Какао без молока» и «Кофе без молока» в плитках выработки Ленинградской кондитерской фабрики им. Микояна следующие розничные цены: в руб. и коп.

Наименование	Розничные цены	
	За килограмм	За пачку в 100 грамм
«Какао без молока» в пачке весом 100 граммов (4 плитки по 25 граммов)	30. —	3. —
«Кофе без молока» в пачке весом 100 граммов (4 плитки по 25 граммов)	27. —	2. 70

2. На указанные в пункте 1-м изделия распространить условия отпуска, франкировки и торговые скидки на кондитерские товары, установленные Экономсоветом при СНК СССР 22 января 1940 г.

Зам. зав. отделом торговли Кордовский

Цены на шоколад-лом весовой:

Распоряжение Отдела торговли Исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 3 октября 1941 г. № 184-Ц

1. Установить с 8 октября 1941 г. для города Ленинграда на шоколад-лом весовой, вырабатываемый Ленинградской кондитерской фабрикой им. К. Самойловой, с добавлением какао-велла, розничную цену 40 рублей килограмм.

2. Выработка в параграфе 1 шоколада-лома должна производиться кондитерской фабрикой им. К. Самойловой, по следующей рецептуре: (на 1 тонну готовой продукции).

Сахарная пудра	480,7	килограммов
Тертое какао	267,4	—"
Какао-масло	85,9	—"
Ванилин	0,05	—"
Винный спирт	0,16	—"
Какао-велла	191,0	—"
Итого:	1025,21	кг
Выход:	1000	кг

Зам. зав. отделом торговли Кордовский

№ 2

Приказ отдела торговли исполнительного комитета Ленинградского городского советов депутатов трудящихся¹

2 декабря 1941 года

Произведенной активом профорганизаций, контрольно-инспекторским сектором отдела торговли исполкома Ленгорсовета, с участием районных отделов торговли, проверкой установлено в ряде торговых предприятий и предприятий общественного питания гор. Ленинграда преступное отношение к делу организации снабжения потребителей.

В магазине № 9 Василеостровского РПТ (директор Кашинцев А. С.) запрятаны товары с целью самоснабжения: кофе фасованный — 37 пачек, печенья «Крекер» — 50 пачек, папиросы — 125 пачек, яйца 35 штук и 1750 помидоров.

В магазине № 36 Василеостровского РПТ (директор Бахрах) по актам снятия натуральных остатков за время с 18 июля 1941 по 25 октября 1941 года была обнаружена недостача: хлеба — 964 кг, яиц — 3251 штука, мяса — 135,7 кг, масла — 16 кг, кондитерских изделий — 97,8 кг, мыла — 171,5 кг. Виновные до настоящего времени не привлечены к ответственности.

В магазине № 82 Октябрьского РПТ (директор Соколов) продавщица Широкова систематически допускала обвес потребителей: на 1 кг конфет соевых — недовес 13 г, на 200 г сахарного песка — недовес 8 граммов, на 600 граммов соевых конфет — недовес 12 граммов. На масло животное не предъявила талонов продовольственных карточек 3 кг 133 грамма.

¹ Бюллетень отдела торговли Ленгорисполкома, № 106–107 (814–815) от 8 декабря 1941 года.

В магазине № 2 (директор Климочкин) того же РТП наклейка товаров продовольственных карточек производилась на дому.

В магазине № 49 Выборгского РПТ (директор Сикачев) 7 ноября 1941 года по накладной № 8387 с базы поступило 25 кг конфет «Мишка на севере», из которых 15 кг было продано своим знакомым и работникам магазина.

В магазине № 1 того же РПТ (директор Федорова) был обнаружен в шкафу с грязной спецодеждой один ящик шоколадного драже весом 7 кг неоприходованного. Кроме того, при наличии шоколада «Золотой якорь», «Спорт» весом 94 кг, шоколад в продажу не был выпущен. Продавщица этого же магазина Быстрова отпустила дворнику магазина Иванову 475 граммов масла без вырезки талонов из продовольственной карточки.

Из-за неправильного хранения в магазине № 4 Смольнинского райпищеторга (бывший директор Иванов) было испорчено 190 кг масла кокосового.

В магазине № 27 Ленинградской конторы «Гастроном» директор Герчиков в продаже отсутствуют при их наличии в кладовой: дробь шоколадная — 5 ящиков, фруктовая помадка — 24 ящика, карамель «Ананас» — 12 ящиков, пряники «Ассорти» — 3 ящика, печенье «Смесь» — 1 ящик, развесное какао — 3 какао, вино емкостью 0,5 литра и 0,75 — 51 бутылка. Кроме того, из-за несвоевременной продажи покрылись плесенью гуси и куры общим весом 70 кг. При проверке веса 30 пачек расфасованного чая не хватило 40 граммов (вместо 375 граммов оказалось 335 граммов).

В магазине № 9 Дзержинского РПТ (директор Тимофеева) 8 ноября 1941 года отпускали печеный хлеб за 4, 5, 6, 10, 11, 13, 14 и 15 ноября.

В столовой № 29 (директор Тигунова) имеется перерасход сахара — 7,6 кг, сельди — 0,5, хлеба — 60,5 кг.

В столовой № 16 того же треста (директор Афанасьева) при контрольной проверке веса 9 порций каши рисовой вес порции вместо 200 граммов оказался 181,6 грамма, шницеля вместо 70 граммов вес оказался 65,3 грамма. Учет закладки продуктов в котел для котлового довольствия не ведется.

Требования на получение продовольственных товаров детскими домами и больницами и др. закрытыми учреждениями, как правило, делается не на фактическое наличие детей или больных.

Так, Дзержинскому РПТ дирекция больницы им. С. Перовской дала заявку в октябре месяце 1941 г. на продовольственные товары на 162 человека, а фактически имелось 74 человека, на ноябрь месяц — на 162 при фактическом наличии 102 человек. Ясли № 8 на октябрь месяц предъявили заявку на продовольственные товары на 100 человек,

а фактическое наличие детей не превышало 38 человек; на ноябрь месяц заявка дана на 65 человек, но фактически находилось с 1 ноября по 10 всего лишь 36 человек.

На базе закрытых учреждений Петроградского РПТ (директор Литвиненко) преступно хранятся продовольственные товары: русское масло в бочках находится на полу без настила, на два сантиметра в воде; в кладовой на полу без стеллажей лежали шпиг, копчености, масло сливочное, сметана.

Снятием натуральных остатков на 9 ноября 1941 г. обнаружена недостача: свинины 13 килограммов, шпика — 4,5 килограммов, сахарного песка — 2,9 килограммов.

1. Обязать начальника Управления продторгами гор. Ленинграда тов. Ковалева Н. А. снять с работы и привлечь к уголовной ответственности:

а) директора магазина № 9 Василеостровского райпищеторга Кашинцева за припрятывания продовольственных товаров в целях самоснабжения;

б) директора магазина № 36 Василеостровского райпищеторга Бахрах за недостачу продовольственных товаров;

в) продавщицу магазина № 82 Широкову за обвес потребителей;

г) директор магазина № 49 Выборгского райпищеторга Сикачева за разбазаривание конфет;

д) продавщицу магазина № 1 Выборгского райпищеторга Быстрову за незаконный отпуск 475 граммов масла;

е) бывшего директора магазина № 4 Смольнинского райпищеторга Иванову за порчу 190 кг кокосового масла;

ж) директора базы закрытых учреждений Петроградского райпищеторга Литвиненко за недостачу продовольственных товаров и преступное их хранение;

з) директора магазина № 9 Дзержинского райпищеторга Тимофееву за допущение незаконной выдачи хлеба.

2. Обязать начальника Управления продторгами тов. Коновалова Н. А. рассмотреть вопрос о возможности работы в дальнейшем:

а) в должности директора магазина № 1 Выборгского райпищеторга Федоровой А. Е., допустившей бесконтрольность за соблюдением работниками магазина правил торговли;

б) в должности директора магазина № 82 Октябрьского райпищеторга Соколова, допустившего бесконтрольность за соблюдением работниками магазина правил отпуска продовольственных товаров по карточкам;

в) в должности директора магазина № 2 Октябрьского райпищеторга Климочкина, допустившего нарушение установленного порядка наклейки талонов продовольственных карточек.

3. Обязать директора Ленинградской конторы «Гастроном» тов. Васильева снять с работы с привлечением к уголовной ответственности директора магазина № 27 Герчиного за невыпуск в продажу кондитерских изделий и порчу птицы.

4. Директору Октябрьского треста столовых тов. Барабанову — с работы снять и привлечь к уголовной ответственности:

а) директора столовой Тигунову — за перерасход продовольственных товаров;

б) директора столовой № 16 Афанасьеву — за обвешивание потребителей;

5. Предупреждаю директора Василеостровского райпищеторга тов. Кляве, что за допущение и в дальнейшем бесконтрольности в работе магазинов он будет привлечен к суровой ответственности.

6. Начальнику контрольно-инспекторского сектора отдела торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся тов. Лихачеву направить в судебно-следственные органы имеющиеся материалы о представлении БЗУ Дзержинского райпищеторга завышенных заявок на получение продовольственных товаров больницей им. С. Перовской и детскими яслями № 8.

7. Обязываю руководителей торгующих организаций и предприятий общественного питания гор. Ленинграда установить строжайший контроль:

а) за соблюдением работниками прилавка установленных правил продажи продовольственных товаров по карточкам;

б) за своевременным завозом всех продовольственных товаров в магазины и постоянным наличием их в торговых залах;

в) за соблюдением правил хранения продовольственных товаров и недопущения их порчи;

г) за недопущение обвесов и обсчетов;

д) за правильностью отпуска продовольственных товаров закрытым учреждениям, имея при этом в виду, что отпуск продовольственных товаров закрытым учреждениям (больницы, детские ясли и др.) должен производиться лишь при наличии наряда за подписью директора торгового предприятия и притом на фактический контингент с учетом остатков продовольствия в этих закрытых учреждениях.

Работников торговли, нарушивших установленные правила торговли, немедленно привлекать к суровой ответственности.

8. Настоящий приказ опубликовать в Бюллетене отдела торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся.

Зав. отделом торговли Андреевко

«ЖДУ ПОМОЩИ! ... СРОЧНО!»**Письма ленинградцев к руководителям города**

№ 1

[Письмо Е. Гениной А. А. Жданову от 1 января 1942 года]

Многоуважаемый тов. Жданов!

Пишу Вам относительно профессора ВНИИМа Леонида Васильевича Залуцкого и его семьи (жены и дочери). Сам проф. Залуцкий болен воспалением мочевого пузыря и вследствие этого, а также и общей слабости организма не может посещать Дом ученых — единственное место, где он может пообедать. Запасов дома у них нет никаких — позавчера была съедена последняя доля маисовой муки, полученной за II декаду декабря. Чтобы получить обед, состоящий из так называемой «хряпы», в столовой ВНИИМа нужно простоять три часа в очереди, да и то не наверняка. Его старая жена опухает и сбивается с ног, чтобы что-нибудь получить и поддержать мужа, но это ей не удается. Дочь, научный сотрудник Политехнического института, взяла отпуск и днями простаивает на рынке, чтобы купить что-нибудь на деньги или сменить на домашние вещи, но это почти совершенно невозможно, тем более ей, которая к этому не приспособлена. Муж ее — научный сотрудник Политехнического института — инженер Каменев Евгений Михайлович, орденосец (имеет «Знак почета» за конструкцию аппарата для лечения обморожения и бесстрашное использование его во время войны с белофиннами) с начала войны ушел добровольцем на фронт.

В Ленинграде профессоров ВНИИМа (Международный пр. д. 19) остались очень немного, а тем более тех, кто по состоянию здоровья не могут посещать Дом ученых. Они попросили директора ВНИИМа т. Гаркушу позаботиться, чтобы полагающуюся им норму выдавали бы из Дома ученых сухим пайком, но тов. Гаркуша проявляет в этом вопросе очень мало инициативы и оперативности, так же, как и секретарь парт-организации ВНИИМа Хенин, который обещал поговорить с завед[ующим] магазином, к которому прикреплены эти профессора, чтобы он им без очереди по индивидуальному списку отпускал полагающуюся норму мяса. Тов. Хенин в течение трех дней не выбрался дойти до магазина, а звонил туда по телефону и теперь ждет, что заведующий сам ему позвонит и «даст ответ» (!), а профессора пока обивают пороги его кабинета и уходят ежедневно ни с чем.

Мне известно, что, например, 8 января, когда я к ним заходила, семья Залуцких совершенно ничего не ела. Профессор Залуцкий, как многолетний работник Ленсовета и как крупный ученый страны,

заслужил от нашего правительства, чтобы оно не дало ему умереть с голоду, даже в такие тяжелые дни, как те, которые переживает сейчас наш город.

Лаборант ЛПИ Е. Генина
г. Ленинград
10.01-1942

[Выписка из протокола № 2 Продовольственной комиссии Ленфронта:] 6. Разрешить отделу торговли исполкома Ленгорсовета прикрепить к специальному магазину т. Залуцкого Л. В. — доктора технических наук профессора ВНИИМА¹.

№ 2

**[Письмо бывшего шофера гаража Петрогубисполкома
А. А. Жданову от 6 января 1942 года]**

Тов. А. А. Жданову, уважаемому и любимому вождю нашего города Ленина! Обращаюсь к Вам с большой просьбой, помогите <...>

Я получал продовольственную карточку рабочую, но теперь дали продовольственную карточку служащего. Работаю в сыром холодном помещении за кладовщика и чернорабочего.

Уроженец города Пушкина с 1882 года. С Октябрьской революции работал шофером в гараже Петрогубисполкома, обслуживал членов советского правительства до самого отъезда в Москву, имел благодарности и денежные вознаграждения от тов. Елизарова, первого наркома путей сообщения. Имею двух детей, сына и дочь, которая находится сейчас на фронте, и даже зятя военврача, которые борются с бандитами Гитлера <...>

Неужели я, работая в городе Ленина, не заслужил себе кусок хлеба, который от меня отняли. Прошу вашего содействия.

Беспартийный большевик и бывший шофер
гаража Петрогубисполкома
6/1
[подпись неразборчива]^{II}

^I ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 16. Л. 80.

^{II} Там же, л. 10-10об.

№ 3

[Письмо М. Стельмах А. А. Кузнецову
от 10 января 1942 года]

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Тысячу раз прошу извинений за мое беспокойство к Вам. Я знаю, что Вам не до меня сейчас, что Вы очень заняты, сознаю, что я даже делаю чуть ли не преступление, беспокоя Вас, но умоляю Вас, прочтите мое письмо. Это меня заставляет беспокоить Вас опухший и голодный ребенок, которого еще, может быть, можно спасти от смерти.

Везде и всюду я предлагала свои руки, но все оказалось напрасно. Помочь хоть чем-нибудь своему ребенку я бессильна.

Не так давно я Вас беспокоила по поводу эвакуации и приношу Вам великую благодарность, что Вы оказали содействие, но получить эвакуационное удостоверение мне стоило больших трудов, его я не получила. Мне дали такие телефоны, по которым я звонила четыре дня, но без успеха, но все-таки я попала к Бажанову, который записал меня, но ничего положительного не сказал, может быть, будем ехать, а может быть и нет — придете справиться, но справиться оказалось очень трудно. Я не могла добиться ничего. Я присоединилась к заводской организации. 5 декабря я уехала из города, довезли 50 км, просидели до 15 декабря, а 15 декабря нас вернули обратно в город, и вот опять я вынуждена беспокоить Вас, Алексей Александрович, не примите это ни за нахальство, ни за привязчивость, что я Вас беспокою, а вот рядом лежит больной голодный ребенок. Я хотела обратиться к Вам с двумя просьбами.

Первая — накормить его и вторая — помогите мне с ним уехать из Ленинграда. Я очень люблю работать и знаю, что мои руки нужны в любом колхозе, а моя только цель спасти ребенка, я обращаюсь к Вам как мать.

Алексей Александрович, помогите мне в чем-нибудь, пусть это будет письмо лично к Вам, я буду ждать от Вас ответа, и эта надежда, что Вы окажете мне помощь, даст поддержку мне и моему сыну, а потом я буду много работать и благодарить судьбу за Вас.

Еще раз извините и простите меня, что я Вас беспокою, но это заставляет болезнь и голод ребенка. У меня было большое желание добиться и видеть Вас лично, но это все напрасно.

Многоуважаемый Алексей Александрович, спасите мне Толю, ведь Вы тоже отец и поймете меня, как тяжело потерять ребенка такой нелепой смертью, а его только накормить, и мы с ним можем уехать, а там работать и работать.

Извините меня, я изложила на этом клочке бумаги все, что было у меня тяжелого.

Остаюсь с большим приветом и уважением к Вам

Маруся Стельмах

[В левом верхнем углу резолюция:] т. Андреенко, окажите единовременную помощь. [Подпись.] 10/1-42 г.¹

№ 4

[Письма Е. С. Павловой И. А. Андреенко от 14 января 1942 года]

Заведующему отделом торговли И. А. Андреенко
По поручению Серафимы Васильевны Павловой,
вдовы академика И. П. Павлова. <...>

Заявление

Прилагая при сем справку профессора Кузнецова о желудочном заболевании свекрови, убедительно прошу и на этот раз не отказать нам в получении необходимого Серафиме Васильевне животного масла. Причиной нашей просьбой беспокойство мы вполне сознаем, но так хочется помочь любимой Серафиме Васильевне дожить до лучших времен, наступление которых уже недалеко.

Невестка Павлова: Ев. Павлова

Резолюция: Дано указание Коновалову
14/ I

Масла животного 0,5, крупы 0,3, сыра 0,5^{II}.

[Подпись неразборчива]

Заведующему отделом торговли Ленсовета И. А. Андреенко
Евг. Серафим. Павлова, невестка академика И. П. Павлова,
прожив. наб. 9 января, д. 3. Гос. Эрмитаж.

[Прилагается:]

Заявление

Прошу Вашего содействия и разрешения в прикреплении моей карточки и карточки моей старой матери к какому-нибудь распределителю в нашем районе. В силу необходимости я проживаю в стационаре бомбо-

^I Там же, л. 17-18.

^{II} Там же, л. 8.

убежища Эрмитажа, мать моя стара и слаба, я занята на службе, поэтому мы лишены возможности выкупать полагающиеся нам по карточке продукты.

Моя просьба заключается в следующем:

1) Прикрепить, если возможно, 1 карт. 2 кат., 1 карт 3 кат. на февраль к закрытому распределителю в районе Эрмитажа.

2) Если возможно, оказать содействие в дополучении январской нормы вина по 6 талону, а также хлеба, который нами не получен 28 января.

29 января 1942 г.¹

№ 5

[Письмо Е. Д. Назаровой А. А. Кузнецову от 7 февраля 1942 года]

Секретарю Ленинградского городского комитета

ВКП(б) тов. Кузнецову.

Назаровой Евгении Давыдовны, проживающей по Фонтанке,

66 кв. <...>

Заявление

Я, жена покойного Назарова М. А., члена ВКП(б) с 1905 года и персонального пенсионера, приношу Вам большую благодарность за выполненную в кратчайший срок просьбу в виде исключения о выдаче продуктовых карточек 1-й категории, которыми он не успел воспользоваться, так как умер 21-го февраля, а получил разрешение на получение их 18-го февраля.

Ввиду того, что я являюсь инвалидом, на основании чего Горсо-бес послал ходатайство в Наркомат о назначения мне персональной пенсии, и последнее время пришлось затратить слишком много сил на уход за больным мужем, очень прошу помочь мне походатайствовать перед соответствующим городским органом по Вашему усмотрению о предоставлении мне стационарного питания или же выдаче продуктовых карточек 1-й категории для восстановления сил, которые я бы могла отдать на полезную работу страны.

Краткую биографию и часть документов при сем прилагаю.

7 февраля 1942 г. [Подпись]

Краткая автобиография

Родилась января 1896 г. в г. Днепропетровске в семье рабочего-печатника. Отец мой был членом РСДРП (б) с 1903 г. до смерти (умер в г. Брянске от

¹ Там же, л. 37-37об.

тифа в 1919 г. при эвакуации из Украины). Мать моя умерла в 1912 г., была дочерью служащего. Брат мой старший по профессии печатник вступил в ком[мунистическую] партию и в 1919 г. погиб на фронте, участвуя в коммунистическом батальоне при ликвидации банды Григорьева около г. Черкассы. Другой младший брат вступил в ряды комсомола в 1919 г., работал с 11 лет в частной типографии г. Лубны Полтавской губ., при наступлении Деникина на Украину поступил добровольцем в Красную Армию в артдивизион 14-й армии. До настоящего дня состоит членом компартии и последние несколько лет был директором Ленконторы Главснаба. <...> И с августа 1941 г. в г. Челябинске состоит на такой же работе.

Образование

В детстве я окончила начальное училище, а в 1930 г. в г. Ленинграде я поступила на рабфак Автодорожного института, но слабое здоровье не дало мне возможность закончить образование.

Работа и участие в общественной жизни

Начала я работать по найму с 14 лет в качестве фальцовщицы, а в дальнейшем переплетчицы в г. Александрии Херсонской губ. в частной мастерской Смелянского, а в г. Лубны с 1914 года в частной типографии Золотницкого до 1918 года, где я вступила в Компартию и работала в отделе печати, агитации и пропаганды в качестве заведующей экспедицией при отделе печати. В начале 1919 г. при наступлении Деникина я эвакуировалась в г. Брянск и работала в Брянском отделе печати и пропаганды Наркомпропа и вела культмассовую работу для проезжающих эшелонов. В конце 1919 г. я окончила курсы сестер (красных) милосердия и поехала на Восточный фронт с передвижным госпиталем (№ 64 или 66, точно не помню), где в скором времени вышла замуж за Назарова М. А., который бы комиссаром Восточного фронта и комиссаром Правления военных сообщений. Будучи на фронте, я заболела сыпным тифом, а потом возвратным тифом, что вывело меня надолго из строя, и в 1921 г. при перерегистрации партбилетов я механически выбыла из партии и с 1922 г. находилась на иждивении мужа. Общественную работу я вела все годы, к сожалению, часть документов, подтверждающих мою работу, у меня пропала. Только два года, 1932–34 гг., не вела никакой общественной работы в г. Смоленске, т. к. я сломала ногу. В г. Курске в 1929 году я вела большую антирелигиозную работу, ездила по деревням проводить беседы и читала лекции и не раз подвергалась нападению со стороны верующих. Там же была при Управлении жел[езных] дорог избрана председателем лавочной комиссии Транспортного потребительного общества. В 1936 году я включилась в работу Совета жен ИТР при Ленингр[адском] упр[авлении] шоссейных дорог при НКВД, где я была прикреплена к нескольким [неразборчиво] Л. С. О. для бытового обслу-

живания рабочих. В 1937 году я была послана на пленум ЦК Союза для ознакомления с работой Совета жен строительства канала Волга — Москва. Кроме того, я принимала участие в Ленинграде в шахматных соревнованиях и имею за хорошую игру несколько призов (среди женщин). В конце 1937 г. на Лен[инградской] шахматно-шашечной конференции я была избрана членом Ленинградской городской шахматно-шашечной секции, работая в качестве председателя дет[ской] комиссии. В 1939 г. на Ленинградской шахматно-шашечной конференции была премирована ценным подарком за хорошую работу в период между конференциями и днями.

По домохозяйству, где я проживаю <...> я непрерывно веду общественную работу по культмассовому сектору и по санзвену. <...>

7 февраля 1942 г. [Подпись]¹

№ 6

[Письмо Е. Софроницкой И. В. Сталину от 7 февраля 1942 года]

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мой муж Владимир Софроницкий находится в Ленинграде. Я уже три месяца о нем ничего не знаю. Сегодня пришла телеграмма от его сестры с призывом о помощи. Я наводила справки о муже через Комитет искусств — мне ничего не сделали.

Я Вас умоляю спасти их от неминуемой смерти. Каждая минута дорога. Я верю, что вы мне поможете.

Е. Софроницкая^{II}.

7-II-42 г.

№ 7

[Письмо И. А. Алексеева И. А. Андреевскому от 25 февраля 1942 года]

Зам. председателя исполкома
Ленинградского совета депутатов трудящихся
тов. Андреевский И. А.
от Алексеева И. А.

Заявление

Ввиду серьезного состояния здоровья моей жены, перенесшей крупозное воспаление легких, прошу Вас оказать Ваше содействие в получении

^I Там же, л. 57-58.

^{II} Там же, л. 60.

крайне необходимых для восстановления ее здоровья продуктов: масла сливочного, сыру, сахару, вина и белого хлеба, которые по заключению начальника санчасти Смольного док. Эйбищев Г. А., спасшего больную из угрожающего положения, весьма необходимы.

И. Алексеев
25/II-1942 г.¹

№ 8

[Письмо Е. А. Чаусской И. А. Андреевко от 8 марта 1942 года]

Уважаемый т. Андреевко!

Почему у Ваших работников торговой сети рожки красные и сытые, как клеймо Каина. И справки не надо, без нее видно, где служат — либо в столовой, либо в булочной, либо в магазине или очаге!

Почему мне нет такого спасения! Эти бабы-воровки без стыда и чести спасутся, а мы, интеллигентки, ученые, погибнем.

А ведь мы-то честные. Вот хоть бы я. Крошки не украду.

Устройте меня на хлебозавод на Лиговке или в булочную на Загородном. Я — актриса, меня с восторгом слушали и любили. <...> Мне хлопали в Кронштадте, а теперь я гибну на разборке дома. Где мне с моими силами и навыками. Дайте мне возможность поправиться. Покушать хлеба!

Меня Ваши торговки всю обворовали за кило хлеба и бидон супа. Смотрите, как они бросают хлеб на весы. Лошади легче шагают. Издайте закон и повесьте в булочной, чтобы хлеб на весы не кидали, а клали тихо — иначе тюрьма.

Вешайте, бейте этих воровок. Они уже озолотели.

Пришлите ко мне человека с направлением на работу.

Дорогой товарищ! Чем же я виновата, что потеряла вид, а голос звучит, как никогда. Муж мой в армии.

Помогите мне! Помогите и мне жить. Ведь у меня еще много знаний, которые пригодятся после войны. А ваши продавцы могут только мыть полы. Дайте же спастись мне во имя будущего. Я языками владею.

Артистка эстрады Е. А. Чаусская.¹¹

Т[оварищ] Андреевко!

История осудит и опозорит Вас за то, что Вы живете и работаете нынешним днем! Посмотрите, что Вы сделали с городом. Вы разделили

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 80.

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 92-92об.

его на две части: снабженцы-нарпитовцы, жирные, красные, наглые, бесстыдные и мы — голодные, умершие и умирающие.

Не думайте, что писатели через два-три года пощадят Вас. Это сейчас молчат. Гоните, гоните в шею Вашу разжиревшую касту и дайте эту работу нам, голодным. Мы справимся лучше! Хитрость небольшая! А жирных пошлите-ка воевать или погибать на иждивенческих, как мы, пайках.

Я человек с талантом, знанием языков, воюю от голода. А рядом бабы. Им только мыть полы, работают в яслях, молоком захлебываются!

Эх, Вы! Откройте глаза. Ведь у Ваших снабженцев-нарпитовцев целая система грабежа!

Гоните их всех. Отцарствовали, будет! Время наше, голодные должны встать у власти. Позовите меня, и я покажу Вам десятки этих пособников Гитлера.

Почаще встречайтесь со страшными худыми. А то на обед и то жирные жены снабженцев к Вам попали, как у нас со двора активистка, муж — снабженец, дочь — в столовой, а ей от Вас благодарность. Подумайте: нечасто Вам правду говорят. А мне все равно смерть от голода! Я не боюсь правды.

[На обороте листа надпись:] Разберитесь с выездом на место.
Андреенко¹

№ 9

[Письмо Г. Д. Зимина И. А. Андреенко, февраль 1942 года]

В Ленинградский совет тов. И. А. Андреенко
От художника Зимина Григория Дмитриевича

Я, как художник редкой специальности, живописи по фарфору, как более прочного рода, чем другие работы, получил в прошлом году заказ от Государственного Русского музея на выполнение портрета великого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина на фарфоре, живопись которого не подвергается никаким изменениям независимо от времени.

Война помешала закончить эту работу, находящуюся уже в конце выполнения, лишив дневного, да и вечернего света из-за попавшего в мое помещение артиллерийского снаряда. Кроме того, из-за недостатка питания я чувствую, что силы мои падают <...> я обратился к председателю Октябрьского районного совета тов. Бубнову с просьбой помочь

¹ Там же, л. 93-94об.

мне закончить работу выдачей дополнительного питания для укрепления здоровья.

Тов. Бубнов посоветовал обратиться к Вам и при мне обращался по телефону, желая поговорить обо мне. Не знаю, удалось ли это сделать.

На поданное мною заявление я до сих пор ответа не получил. Поэтому я обращаюсь еще раз к Вам, уважаемый Иван Андреевич, с просьбой о помощи в этом отношении, хотя бы в выдаче мне продовольственной карточки 1-й категории или в каком-либо другом роде. Надеюсь, что члены правительства найдут возможность поддержать мое здоровье, тем самым дадут возможность выполнить изображение великого вождя. Работу свою отчасти показывал и могу дать более подробное описание ее положения в настоящее время.

Я более 25 лет работал на Государственном фарфоровом заводе и теперь работаю с молодежью. Имею свои произведения в Государственном Русском музее¹.

№ 10

[Письмо Г. Д. Зимина И. А. Андреенко от 9 марта 1942 года]

Заведующему отделом торговли Исполкома
Ленгорсовета депутатов трудящихся тов. Андреенко

От художника, работающего над портретом тов. Сталина,
Г. Д. Зимина.

Дорогой Иван Андреевич!

Так как мне не удастся повидать Вас лично, то обращаюсь к Вам с письмом, за что прошу извинение.

Приношу глубокую благодарность и в Вашем лице правительству, заботящемуся о трудящихся, за помощь, оказанную мне выдачей усиленного питания, которое получил на днях, к моей 2-й категории, для укрепления здоровья. Благодаря Вашей помощи подкрепив здоровье, смогу приняться за окончание взятой на себя столь почетной задачи по изображению на прочном материале — фарфоре портрета нашего великого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина, заказанного в середине прошлого года Государственным Русским музеем.

¹ Там же, л. 95–96об.

Прошу извинения, что, не дождавшись ответа на первую просьбу, послал вторую, где просил о выдаче мне хотя бы карточки по 1-й категории.

Еще раз благодарю Вас за внимание, оказанное мне, в виде присылки мне продовольствия и постараюсь оправдать своей работой выраженное доверие.

Хотелось бы показать Вам лично хотя бы часть работы.

Если понадобится, то всегда можно вызвать меня по адресу <...>
9 / III 1941 г.

[В левом верхнем углу резолюция:] Отложить¹

№ 11

**[Письмо группы инженеров и техников А. А. Жданову
от 19 марта 1942 года]**

Члену Военного совета Ленинградского фронта
и руководителю трудящихся масс Ленинграда
тов. Жданову А. А.
19/III-42 г.

Дорогой Андрей Александрович!

Разрешите нам, инженерам и техникам ленинградских заводов, просить Вас обратить свое компетентное внимание на следующую противоположительственную ненормальность. Из прилагаемого при сем извещения отдела торговли Вы усматриваете, что рабочие и ИТР получают продукты по I группе, а служащие по второй и т. д., т. е. строго с правительственным распоряжением, которым ИТР были приравнены к рабочим.

Между тем на некоторых заводах часть ИТР, и не только инженеров-плановиков, финансистов, экономистов и т. д., а даже в ОГМ (отделе главного механика) зам. и пом. гл. механика, старшие инженеры по оборудованию, по кооперированию механических заказов, по наблюдению за изготовлением изделий во вредных кузнечных и литейных цехах, по расследованию сложных аварий с машинами и станками и т. д. получают карточки служащих, то есть II категории. Другими словами, этих ИТР причислили к конторщикам, регистраторам и рассыльным, не имеющим не только технического образования, а даже и общего среднего, и довольствуются низшим трехклассным.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 97-97об.

Руководители заводов признают эту неправильность, но ссылаются на инструкцию, которая нарушает правительственное распоряжение о приравнивании ИТР к рабочему классу.

Кроме того, ОГМ является механико-строительным управлением, а по инструкции его причислили к бюрократическим отделам заводоуправлений, тогда как ОГМ никогда не находился в здании заводоуправлений (вне заводов), а всегда располагается в самой гуще заводов, то есть среди вредных цехов, т. к. он сам является производственным отделом по ремонтно-строительным работам, энергетическим, компрессорным, насосным, вентиляционным и другим установкам. Ст. инженеры ОГМ дают соответствующие проекты, материалы, следят за выполнением работ и т. д., а также принимают участие в разборке и обследовании вышедших из строя машин и станков, обильно залитых машинным маслом, то есть идут рука об руку с рабочими.

На основании изложенного мы просим Вас, дорогой Андрей Александрович, обратить свое компетентное внимание на это искажение правительственного распоряжения, то есть считать ИТР приравненным к рабочим и дать указание райсоветам выдавать ИТР, работающим на заводах, продовольственные карточки I категории в соответствии с извещениями тов. И. Андреевко, что даст большой толчок нашей технической работе и усилит выпуск изделий, изготовляемых нашими заводами для нашей славной Красной армии.

С товарищеским приветом инженеры
и техники ленинградских заводов¹ <...>

№ 12

[Письмо Н. В. Пигулевской И. А. Андреевко
от 3 апреля 1942 года]

Заведующему отд[елом] торговли исполкома Ленгорсовета
тов. Андреевко

Обращаюсь к Вам с просьбой предоставить мне академический паек. Я имею степень доктора исторических наук, за время моей двадцатитрехлетней научной деятельности востоковеда мною написано свыше сорока печатных работ, в том числе несколько книг («Месопотамия на рубеже V–IV вв. Сирийские источники по истории народов СССР»). Одновременно я вела большую политическую работу в качестве профессора ЛГУ, института им. Герцена, Института усовершенствования учителей. В настоящее помимо личной научной работы я несю сложные адми-

¹ Там же, л. 108–109об.

нистративные обязанности заместителя директора Института востоковедения Академии наук, члена объединенного ученого совета и ряда комиссий. В середине февраля месяца тек[ущего] г[ода] по представлению Президиума ленинградских учреждений Академии наук я была выделена на получение академического пайка, но до настоящего времени решения по этому вопросу не имеется. Между тем состояние моего здоровья и горячее желание продолжать научную работу заставляет меня просить предоставление мне академического пайка, тем более что Президиум считал возможным представить меня на один из пайков по Институту востоковедения, получавшихся академиком В. М. Алексеевым или членом-корреспондентом Е. Э. Бертельсом и ставших вакантными после их эвакуации.

Доктор исторических наук,
Зам. директора Института востоковедения
Н. В. Пигулевская¹
3 апреля 1942 года
Ленинград¹¹.

№ 13

**[Письмо Анны Ивановой А. А. Жданову
от 5 апреля 1942 года]**

Добрый день, Андрей Александрович.

Я обращаюсь к Вам как нашему руководителю и вождю.

Ленинградский народ очень много переживает и будет переживать еще, лишь бы прогнать проклятого врага немца Гитлера.

Но дело в том, что голод становится невыносим. Вы посмотрите, какая смертность, а все от истощения или от поноса, который тоже от истощения. По радио передают, что там-то и там-то дают хлеба по 200 г в день и люди умирают от голода. Но ведь у нас то же самое, хлеба дают по 300 г в день, а рабочему 500 г, а мясо и крупы настолько мало, что приходится есть не каждый день. Вот сегодня, т. е. 24 марта, конец месяца, а мы еще не получили полностью крупы, что нам полагается. Теперь, зачем было в магазины завозить сыр и травить народ и взять его и не выдать, хотя бы дали детям, о которых мало заботятся, в особенности дошкольного возраста, им ничего не дают, все то же, что и взрослым, а ведь они будущее наше поколение. Почему бы не дать детям булки, ведь они у нас есть. А на рынке они стоят 700 руб. кг,

¹ Нина Васильевна Пигулевская — 1894–1970.

¹¹ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 132–133.

хлеб — 350–400 руб. По радио передают, что в Ленинград идут эшелоны с продовольствием, мы улучшения не видим, хотя бы прибавили хлеба. Люди идут и мрут, и трупы валяются прямо на улице. Мы слишком истощены. Было время, когда мы получали хлеба по 125 г в день, и все утратили свои силы, а теперь очень тяжело восстановить. Еще надо помочь рабочим, невозможно так, чтобы в заводской столовой за одну котлетку вырезали 100 г мяса, а его всего выдают 1500 г, и то не полностью. И надо обратить внимание на большие заводы, как например «Большевик», Кировский и т. п.

Я написала письмо и тов. Андреенку, но мне кажется, что мои письма до Вас не дойдут. Еще раз прошу, дайте нам питание. Ведь смертность у нас велика, в декабре и январе умирали 20–25 тыс. в день, а потом немного снизилась, а теперь смертность опять увеличилась. Если нет возможности прибавить самого основного хлеба, то не нужно передавать по радио, что ленинградцам идет продовольствие, и не нервировать голодный народ. И уделите внимание детям.

Зерно моего прошения, т. е. это: не только я говорю так, а весь народ. К Вам это не относится, а больше к тов. Андреенку, но я решила написать к Вам как к нашему любимому ленинградскому вождю. Думаю, что Вы нас без внимания не оставите.

Анна Иванова.
Орловская д. 3.
[Подпись]
5/IV-42.¹

№ 14

**[Письмо А. И. Лебединского в Ленггорсовет
от 10 апреля 1942 года]**

В Ленинградский городской совет депутатов трудящихся доктора физико-математических наук профессора и заведующего кафедрой Ленинградского государственного университета Лебединского Александра Игнатьевича, проживающего ул. Слуцкой <...>

Заявление

Прошу включить меня в список лиц, получающих академический паек. Я заведую в Ленинградском университете кафедрой астрофизики и астрофизической лабораторией Астрономической лаборатории ЛГУ, в течение многих лет читаю в университете основные курсы астрономии

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 142–143.

и астрофизики, веду научно-исследовательскую работу и являюсь автором более чем пятнадцати печатных научных трудов.

На получение академического пайка я не был заявлен университетом ввиду его эвакуации в Саратов, пока не могу эвакуироваться из-за болезни.

Кроме университета, я в настоящее время работаю профессором в техникуме точной механики и оптики, который не эвакуируется из Ленинграда.

10/IV-42 г.¹

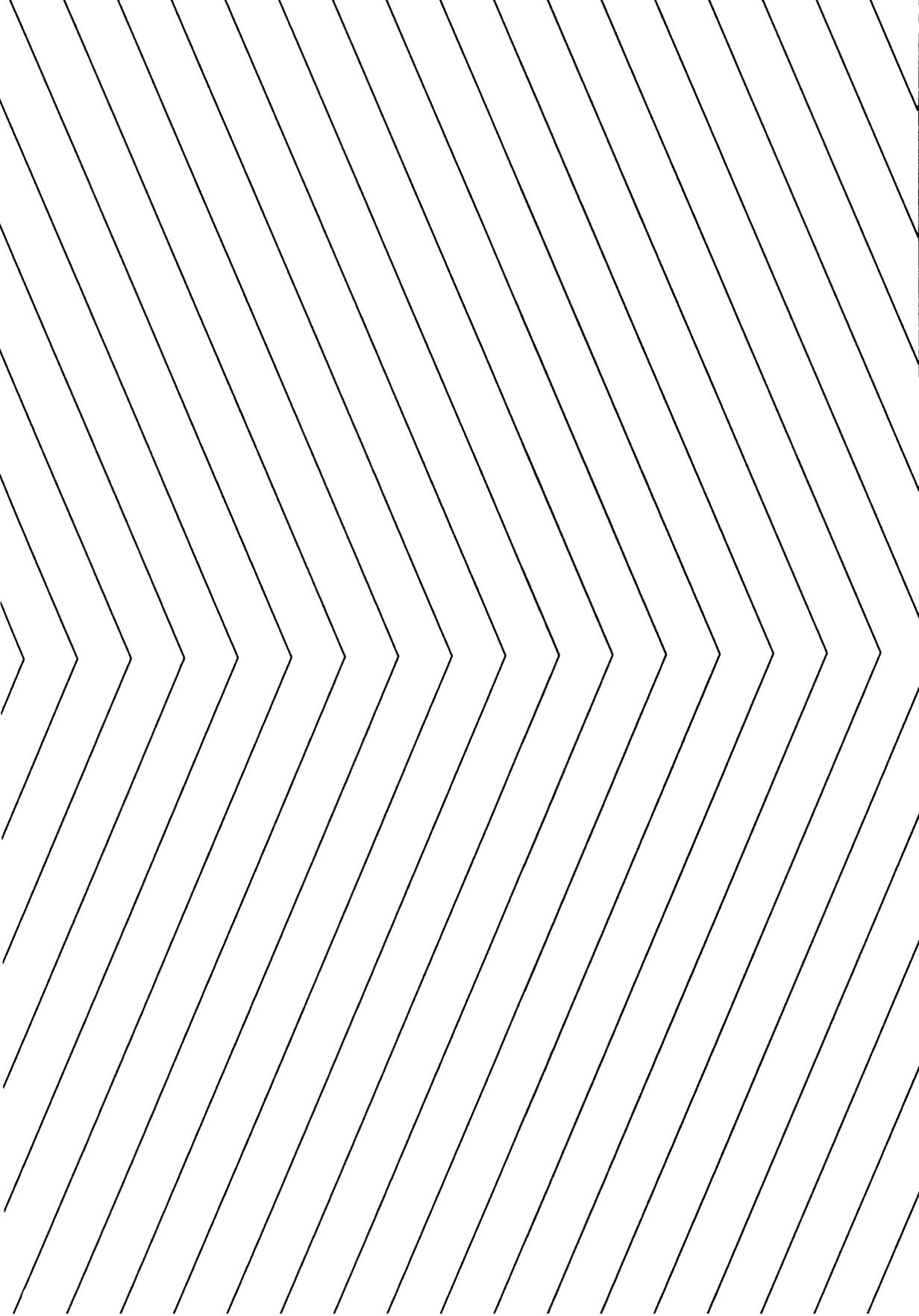
[Подпись]

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 162.

Сокращения

ВНИИМ — Всесоюзный научно-исследовательский институт метрологии
врид — временно исполняющий должность
г. — год, город
г-н — гражданин
доц. — доцент
зав. — заведующий
зам. — заместитель
и. д. — исполняющий должность
и. о. — исполняющий обязанности
ИИМК — институт истории материальной культуры
ИТР — здесь: инженерно-технический работник
КБ — конструкторское бюро
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
кв. — квадратный, квартал
коп. — копеек
ЛГК — Ленинградский городской комитет
ЛГРК — Ленинградская городская розничная контора
ЛО ЦНИИ — Ленинградское отделение Центрального научно-исследовательского института
ЛОК — Ленинградский областной комитет
ЛФ — ленинградский фронт
ЛФТИ — Ленинградский физико-технический институт
м — метров
млн., млн — миллионов
мин., м. — минут
МПВО — местная противовоздушная оборона

нач. — начальник
НКЗ — Народный комиссариат земледелия
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
НКТ — научно-технический комитет
НКЦМ — Народный комиссариат цветной металлургии
НКЮ — Народный комиссариат юстиции
отд. — отдел, отделение
РОКК — Российское общество Красного Креста
РПТ — районная организация по торговле пищевыми продуктами (райпищеторг)
руб. — рублей
с. г. — сего года
СЗУРП — Северо-Западное управление речного пароходства
т. д. — так далее
т. е. — то есть
т. к. — так как
т. п. — тому подобное
т. т. т., тов. — товарищ
тыс. — тысяч
УЖС — Управление жилищного строительства
УОС — Управление оборонного строительства
УПКО — Управление предприятиями коммунального обслуживания
ФЗО — фабрично-заводское обучение
хоз. — хозяйство
ЦСУ — Центральное статистическое управление СССР
час., ч. — часов
чел. — человек

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОСАЖДЕННОГО ЛЕНИНГРАДА
В ДНЕВНИКАХ ОЧЕВИДЦЕВ И ДОКУМЕНТАХ**

Редактор *Е. Р. Секачева*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной, В. В. Забковой*
Корректоры *Л. А. Куртова, Н. Н. Корнилова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 27.12.2019.
Формат 165×235 мм. Печ. л. 42.
Тираж 1000 экз. Заказ 8178.

ISBN 978-5-907171-12-1

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (499) 270 73 59
E-mail: sales@chpd.ru
www.chpd.ru

9 785907 171121

